

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА
и традиции благочестия
у русских
в XVIII–XX веках

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА
и традиции благочестия
у русских
в XVIII-XIX веках

Этнографические исследования
и материалы

МОСКВА «НАУКА» 2002

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16126д

Ответственные редакторы:

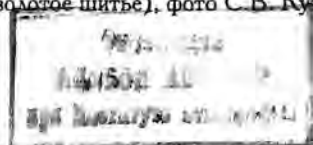
О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская

Рецензенты:

кандидат исторических наук *К.В. Цеханская*,
кандидат исторических наук *Г.А. Романов*

В оформлении использованы:

репродукция картины В.М. Васнецова "Крещение Руси" (1885–1891 гг.),
Покровец (золотое шитье). фото С.В. Кузнецова, 2001 г.

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках:
Этнографические исследования и материалы / [О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская;
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая]. — М.: Наука, 2002. —
469 с., ил.

ISBN 5-02-008736-X

В монографии рассмотрены особенности бытования православия в различной социальной и социальной среде на протяжении XVIII–XX веков. Затронуты темы: почитание святынь русскими дворянами, православные обычаи и обряды в крестьянском доме, традиции духовных завещаний у купечества, особенности приходской жизни сельского священника, практика поста, монастырский быт в годы закрытия монастырей, благочестие в солдатской и городской среде. Публикуются редкие документальные материалы: церковная летопись, религиозные письма мирян, документы о хозяйственной жизни монастырей в советский период, неизданные письма оптинского старца к духовным де-тям, документы по русскому сектантству.

Для историков, этнографов, а также читателей, интересующихся религией и ее проявлениями в культуре, хозяйстве, быту.

ВВЕДЕНИЕ*

При создании настоящего коллективного труда не ставилась задача всестороннего освещения религиозности сословий и сословных групп в дореволюционной России. Авторы не искали также наиболее ярких форм и черт сословной религиозности, но старались через некоторые виды проявления благочестия и религиозной практики показать, насколько глубоко понимались эти акты веры отдельными представителями сословий и в массовом сознании. Представлялось важным зафиксировать факты осознания веры и как следствие этого — перенесение догматического ее содержания в разряд духовно-нравственных и культурно-созидательных реалий. Если мерить духовность народа только его малограмотностью — умением или неумением читать и писать, объяснять глубокую любовь к земле языческим рецидивом, то, конечно, уже априорно можно говорить, что “народная” и “церковная” вера — это не одно и то же. Однако верующий народ, в массе своей и не зная грамоты, но часто присутствуя на богослужениях, слыша церковное чтение и пение, внимая проповеди, участвуя в таинствах, был “на слух” хорошо образован богословски. И применял свои богословские знания не только в церковной жизни, но и в повседневной — трудовой, правовой, художественной, — словом, переносил их на весь оком, в котором жил и работал.

Глубокая ошибка рассматривать религиозность как явление пассивное, аморфное, представляющее собой лишь “строительный материал” для выработки заданной формы, которым можно пользоваться произвольно или корыстно. Опираясь на несколько внешних признаков (для крестьян — грамотность, для дворян — посещение балов) ученые, разделяющие указанный взгляд на религиозность, предпочитают говорить о разных вариантах сослов-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Экспедиционный проект 01-01-18056а, научный проект 00-01-00422а.

ной религиозности: дворянской вере, народной, церковной и т. д. На этой почве возникли в свое время и бытуют поныне такие ложные понятия, как двоеверие, народная вера.

Религиозность, т.е. практика веры и благочестия, как об этом свидетельствуют материалы предлагаемого научного сборника, не формировалась исподволь, как социальный “заказ” дворян, крестьян или купцов, не вырастала она по личному или общественному почину, или идеологическому заказу власти. Православная религиозность возникала как ответ на Божий “зов”, призыв, отвечающий внутренней потребности людей разных социальных групп.

Но в чем тогда заключалось равенство в вере, если между сословиями существовали глубокие различия и даже внешних отличий религиозного поведения, норм благочестия имелось немало? Например, у простого народа была широко распространена тайная милостыня, у дворян же она была распространена меньше. Так же дворяне отличались от других тем, что нередко хранили в своих домах, как и духовенство, кресты с мощами и ларцы-мошевики. Но все же существовала одна общая вера и у дворян, и у крестьян, и у купцов, и у священников. Благочестивые люди разных сословий были равны в своем благоговейном отношении к святыне, в своем понимании духовной цели жизни, и самое важное — в своем стремлении приблизиться к идеалу: святым и святости.

Сословные и социальные перегородки, конечно, в реальной жизни разобщали людей, и оттого братство во Христе носило нередко опосредованный характер. Однако не нужно преувеличивать уровня этой разобщенности, как это следует из многочисленных книг о помещиках-эксплуататорах или крестьянах-бунтарях, и недооценивать близости сословий между собой. А близость, несомненно, существовала и была в большой степени обусловлена глубиной проникновения православной веры в конкретную сословную среду.

Как нас убеждает собранный материал, вера и сохранение православной традиции создавали внутри сословия насыщенную атмосферу общего духовного целеполагания — в профессиональной, общественной и личной жизни. Через веру то или иное сословие выходило на уровень общего сознательно-го служения высоким религиозным истинам на государственном, общественном поприще и т.д. и в рамках своего служения начинало проявлять усвоенное, соборно выраженное благочестие.

В этой области духовного творчества мы и имеем возможность наблюдать образцы “сословного” благочестия, учитывая всю условность употребляемого понятия. Например, в период XVIII — начала XIX в. для дворян и купцов характерно было активное храмоводительство, для крестьян — массовое паломничество к святыням. Домашний религиозный быт крестьян и дворян также различались.

Словом, социальное положение, характер хозяйственных занятий вносили свои особенности в практику религиозной жизни, формы благочестия, но не настолько жестко, чтобы можно было говорить об отдельных типах дворянской, крестьянской, церковной религиозности.

Исповедание одной и той же веры и признание одной Церкви большинством представителей всех сословий, несомненно, способствовало их единству. Участие представителей одного сословия в жизни другого было невозможно без общецерковной жизни. Это хорошо иллюстрируют материалы статей всех авторов, но прежде всего С.В. Кузнецова по православному приходу XIX в., Г.Н. Мелеховой о роли духовенства в жизни Каргополя.

Само *воцерковление* зависело от многообразных форм приобщения к церкви: храмового богослужения, таинств, внецерковных служб, тесной связи с монастырем, приглашений священников для молебна домой и др. Как показывает материал о судьбах верующих в городах в 1930-е годы — время гонений на церковь (публикация Г.П. Дурасова), — значение церкви в жизни православного христианина было велико и в это время.

В некоторых статьях звучит важная мысль — о не агрессивном, не авторитарном воздействии православной веры на личность. И это при том, что государство и церковь, различные общественно-сословные организации (например, община у крестьян) в дореволюционное время обладали большими возможностями влиять на религиозное сознание верующих. Власть и общество имели законное право пользоваться “плодами” веры представителей всех сословий. Долг, честь, святость служения у дворян, купеческое нерушимое слово, святость труда и взаимопомощи у крестьян были тесно связаны с религиозной мотивацией. Но тем не менее все указанные структуры, и прежде всего государство, очень осторожно обращались с чувствами верующих. По этой причине государственная идеология и сама личность царя не воспринимались как чужеродные явления, навязанные силой, но были близки и понятны. От того религиозное чувство русских солдат (статья А.В. Буганова) питалось искренней любовью к царю, к Родине, ее истории. Все строилось на взаимном чувстве царя и его подданных. Причем со стороны царя искреннее нравственное внимание ко всем подданным, ко всем, кто служит благу России, рождало ответные чувства и у людей иных конфессий. Вне этого трудно было бы понять, почему, например, солдаты-мусульмане, попавшие в германский плен в 1914 г., исповедуют здесь, перед лицом немцев, свою любовь к русскому царю. П.Н. Краснов — участник войны 1914 г., в те годы известный писатель, а впоследствии — знаменитый белогвардейский генерал — в записках о войне 1914 г. приводит такой эпизод из жизни пленных российской армии, томившихся в немецком плену: «Император Вильгельм собрал всех пленных мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную

мечеть. Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому “игу” и их довольство германским пленом. Но дело закончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети, на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат и мусульман. “А теперь вы споете нам свою молитву”, — сказала осматривающее лицо. Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись, и тысячеголовый хор, под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул: “Боже, Царя храни...” Показывавший лагерь в отчаянии замахал на них руками. Солдаты по-своему поняли его знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудных русских солдат» (Краснов П. Тихие подвижники. Венок на могилу Неизвестного солдата Императорской Российской армии. М., 1992. С. 47–48).

В пользу мысли о неавторитарности веры для личности говорит и тот факт (статья С.А. Иниковой), что и светские, и духовные власти в дореволюционной России старались локализовать “агрессивную” среду (сектантскую), так как она уничтожала живую, свободную веру, властно навязывая ограниченные образцы норм во всем — в поведении, одежде, общении. Сектантство было связано с маргинальной средой. Оно распространялось там, где было много переселенцев, всякого рода изгоев, и потому всегда стремилось к независимости от всех форм общепринятой власти: государственной, церковной, общественной.

Увидеть, как вера сливается с образом жизни, становится мотивацией повседневного поведения, организует бытовую и праздничную культуру личности, сословия, народа в целом, — задача сложная. Несколько авторов сборника, взяв за основу отдельные узкие сферы жизнедеятельности (дом, святые, милостыня), специально прослеживают сугубо позитивный вектор воздействия веры, т.е. веру как стимулирующее духовное начало для человека и в человеке (М.М. Громыко, Л.А. Тульцева, О.В. Кириченко, также публикации Л.А. Верховской, Г.П. Дурасова). Когда семья рассматривается как “малая церковь”, а сам дом в целом сравнивается с храмом, то многое в поведении крестьян у себя дома, в обычаях и нормах становится объяснимым. Православные обряды и обычаи в крестьянском доме значительны не формальной своей стороной, а сознательной, когда крестьянин через них раскрывает для себя правду о мире, его устоях, глубинных основах (например, стол—престол Божий), о непрерывной связи с миром Божиим. Л.А. Тульцева в свою очередь на примере тайной милостыни раскрывает глубину христианского понимания народом добра, милосердия, сострадания, когда по евангельскому слову старались так помогать, чтобы не искать награды земной — от людей.

Понимая, насколько неисчерпаема и многообразна была религиозная жизнь в сословном ее преломлении в указанные три века, авторы настоящей книги тем не менее ставили перед собой задачу “увидеть в капле море”. С этой целью теоретический, исследовательский материал дополняют многочисленные публикации. Наша надежда — на внимательного, вдумчивого читателя, интересующегося прежде всего тем, как жила православная вера в конкретной социальной и сословной среде.

О.В. Кириченко

О.В. Кириченко

ПОЧИТАНИЕ СЯТЫНЬ РУССКИМИ ДВОРЯНАМИ (XVIII столетие)

В личных архивах: мемуарах, дневниках, записках, документах, сохранившихся в фондах дворян и частично опубликованных в XIX — начале XX в., осталось немало свидетельств того, что во многих дворянских домах имелись христианские святыни. И не только иконы, но и частицы святых мощей, положенные в ковчежцы, кресты, а с ними и другие христианские святыни, разными путями попавшие к их владельцам.

В настоящей статье ставится задача рассказать о некоторых из них, а также поставить вопрос о том, что стояло за благочестивым обычаем дворян иметь в своих домах великие христианские святыни.

Служба русского дворянина в XVIII столетии особенным образом сближалась с царским служением¹. Православный русский царь в XVIII в. нес бремя своей политической власти, опираясь не только на покорные ему войска, аппарат управления, но и на особые духовные дары Божьей благодати*.

Религиозный характер царского служения не сошел на нет и после вынужденного широкого обращения русского правительства в XVIII столетии к светским формам жизни. Более того, характер этого служения приобрел еще большую остроту и четкость, чем в предыдущие времена. Подобная же миссия ложилась и на первых слуг царя — дворянство. После чиновных реформ Петра I дворянство получило в качестве залога своего цельного сословного устройства право на равенство в чести внутри сословия². Это равенство не могла зачеркивать даже жесткая и чрезвычайно регламентированная система чи-

* Семь даров Духа Святого: дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, дух страха Божия (Ис. 11, 2, 3), которыми царь или император умудрялся через таинство Помазания. Семь дней царю положено было строго поститься перед миропомазанием. Тогда же он после литургии приобщался в алтаре по священническому чину Святых Даров — отделию Крови и Тела Христовых.

новой и военной лестницы, но напротив — механизм личной чести призван был оживлять вынужденно сложный бюрократический аппарат управления. Таким образом аристократия впервые в масштабе целого государства была объединена в цельное сословие нравственно-религиозным принципом чести. Религиозным, потому что получила этот дар из рук царя — Помазанника Божия. Свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский, писал, что православный царь при помазании наделялся благодатью Божиею, которая являет единство милости и истины Божией. Царь призван в высшей степени жить этим единством³.

Сейчас привычно говорить о нравственности дворян XVIII в. в отрицательном тоне. Тем не менее те, о которых будет сказано ниже, хотя и составляли явное меньшинство внутри сословия, в действительности были духовным стержнем в нем, они поддерживали в остальных высокий патриотический и религиозный дух православного воина, чиновника, помещика. Они делали всё, чтобы остальные внесли хоть самую малую лепту личной бескорыстной жертвы во благо России.

Отношение к святыням в среде благочестивых дворян как ничто другое помогает увидеть глубину осознания ими своего христианского, гражданского и человеческого долга.

Русская аристократия в лучших ее представителях видела свое служение на поприще государственном и социальном (в управлении крестьянами) как служение религиозное, Богом данное. И надеялись в этом случае благочестивые дворяне не столько на себя: на власть, на свой ум, сноровку и знание, — сколько на благословение Божие своему дому, своим делам. В святынях, которые собирались в таковых домах, видели залог благодатного покровительства святых Божиих и скорого слышания своих молитв, Небесной помощи в многотрудном деле властедержания.

При этом близость к святыням требовала от них самих и соблюдения страха Божия — благоговения и почитания, а также и особого глубокого осознания своего христианского долга. На этой мировоззренческой глубине социальное и политическое служение царю, отечеству, народу осознавалось в сущностном смысле — как мера предстояния Кресту Христову. Именно после Воздвижения Креста святыми императором Константином и его матерью Еленой для христианской государственной власти предстояние Кресту Христову сделалось особо важным евангелическим моментом, которым и стали определяться путь и будущее властей всех христианских государств. В России великий князь или царь всегда принимали самое деятельное участие в прославлении мощей великих святых, а “после каждого перенесения мощей в Кремле великий князь раздавал щедрую милостыню”⁴. Царских детей крестили у мощей митрополита Алексия в Чудовом монастыре⁵. Вновь привозимые в Москву святые мощи ставились на Лобном месте⁶, ко-

торое символично обозначало Голгофу. На Страстной неделе царь участвовал в обряде “омовения мощей”. Чин омовения святых мощей проводился в Кремле в Страстную Пятницу (день крестных страданий и погребения Христа), в центре Успенского собора. Сюда же вместе со святыми мощами выносился крест “Животворящее древо”. Вода в серебряных чашах освящалась сначала крестом, а потом опусканием мощей святых⁷. Голгофу в христианской традиции называют *срединой земли*⁸. Христианские государи в своем служении как цари земные предстояли Христу — уничиженному землею властью “Царю Иудейскому”, стараясь в какой-то степени повторить “крестный царский путь”. И русские дворяне также были призваны разделять вместе с верховной властью это высокое служение. Они “строили” кресты-мощевики, ковчежцы с мощами и другими святынями для того, чтобы так же, как святой император Константин в силе Креста обрести Божие предначертание “Сим победиши”.

Святыни при этом не просто укладывались в покоех и лежали для немой защиты вверенных дворянам христиан от разных нестроений, духовных и материальных, но жили в деятельной любви хозяев дома к Богу и ближним. Во внимании к службе Божией, в знании ее и личном активном участии в песнопениях церкви, в помощи церкви и священникам, в любви к монастырю, странникам, монахам, нищим, в нелицемерной ежедневной заботе о своих крестьянах, в устроении своей семьи на христианских началах, в заветном тяготении к Богу, Его Промыслу и в строгом внимании к своей душе находили боголюбивые дворяне силу предстоять чистыми, или, как говорили в период раннего христианства, святыми, перед святым и Его угодниками.

Святыни разными путями приходили в дома дворян. Но всегда обретение святой иконы или частиц мощей происходило через высокое благословение* — архиерейское или царское. Иконами, мощами благословляли дворян за службу, за церковные благодеяния. Другое дело — путь святыни внутри рода — через благословение родительское или кого-то из родственников. Наследовал иконы при этом по преимуществу старший сын или тот, кто имел на это право. Многие святыни обретали свое почетное место в домах дворян после некоторых чудесных обстоятельств, поэтому, в узком смысле, этот путь обретения святынь можно обозначить как Божие благословение.

* Догматически «благословением Божиим называется промыслительное действие силы или благодати Божьей, которым восполняются, обновляются и направляются ко благу и счастью жизнь, силы и действия созданий Божьих... По Псалмопевцу — это “послание духа” или “жиздательной силы Божьей” (Пс. 103; 90)». О благословении пастырей церкви. Из слова протоиерея А. Ключарева, произнесенного в Николоявленской церкви на Арбате 16 октября 1870 г. // Душеполезное чтение. 1870. Декабрь. С. 503.

ЦАРСКИЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Царский дар сопровождался грамотой, в которой расписывался мотив дарения. В роде дворян Саратовской губ. Измайловых с XVII по XIX в. пребывал царский дар — Животворящий Крест. В 1838 г. бывшие владельцы имения А.В. Абаз и П.И. Абаз (потомки А.В. Измайлова) передали родовую святыню своей приходской церкви туда, где молился их славный предок. Святыня, как гласит грамота, была пожалована государем Михаилом Федоровичем окольничему Артемию Васильевичу Измайлову за то, что тот был послом на мирных переговорах с Польшей и способствовал возвращению из плена Филарета Никитича Романова, а также “за прямую службу и за прежние его многие службы, и за раны, и за кровь, и за Московское осадное сиденье”, чтобы это “наше царское жалованье и благословение и по нем детям его, и внучатам, и правнучатам, и роду их было недвижно, что сие победоносное оружие и некрадмое сокровище... и последним родам было на память”, чтобы они так же твердо “стояли против врагов Креста Христова”, как стоял Артемий Измайлов⁹. Таким образом, царский высокий дар подразумевал и награду за службу — “жалованье” и “некрадмое сокровище”, — и благословение “роду... недвижно”, т.е. незыблемое, несокрушимое, “победоносное оружие”. И весь этот великий дар давался ради того, чтоб не забывался смысл службы царю — стоять твердо “против врагов Креста Христова”.

Известно, что в царской семье существовала традиция с самого рождения наделять царских младенцев частицами Ризы Господней* «...при крещении каждого Императорского младенца полагают ему в Крест малую частицу от Ризы Господней. По слову св. Филарета Московского, так “простирается благословение Патриаршее на все его потомство”, что есть укрепление корня и ветвей рода в век и век»¹⁰.

Ризу Господню православная Россия обрела после Смутного времени как свидетельство того, что волею и милостью Божией России были дарованы опять долгожданные мир и покой. Так расценивали это событие современники торжества**. А также, несомненно, считали ее залогом спасительного ог-

* В 1625 г. Москва встречала великую христианскую святыню — Ризу Господню. День 10 июля (ст.ст.) — положение Ризы в Успенском храме — стал отмечаться как особый праздник Ризоположения Господня. Персидский шах Аббас прислал Ризу в дар русскому царю Михаилу Федоровичу (*Макарий, митр. Московский. История русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 306–307.*).

** На что указывает текст службы данному празднику, составленный тогда же митрополитом Крутицким Киприаном. В службе на день положения Ризы Господней поется: “...Богочеловеческий образ уверяя, Божественной плоти Своея ризы нам, яко стену и покров, даровал есть. Божественные ризы Твоя приближением нас освятил еси”.

раждения в будущем. Важно отметить и то, что в богослужении в день праздника подчеркивалась сокровенная близость Ризы и Креста Христова: «...священнослужащий выносил ее, по подобию креста, на голове на средину храма для поклонения. Посему в песнопениях церковных мы слышим призывание: “Кресту Твоему честному и Ризе святых поклоняемся, Преплагий, и любовию облобызаем»¹¹. Поэтому духовный смысл Ризы как христианской святыни — ее особо благодатная сила — так же осознавался русскими царями и народом.

В отдельных случаях частицами Ризы в благословение награждались знатные и благочестивые вельможи за ратные и государственные труды.

В древнем роду Головиных, славном верным служением и благочестием, в XVIII столетии среди прочих святынь так же пребывала частица Ризы Господней, помещенная в драгоценный ковчег¹².

У Матюшкиных подобный драгоценный дар был помещен в особую рамку наподобие серебряной вызолоченной Ризы и сохранялся как главная родовая святыня. В 1839 г. образец с частицей Ризы был подарен одним из потомков рода — князем Павлом Лопухиным — Санкт-Петербургскому храму свв. и правв. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы¹³.

Имел подобное благословение и род Александра Сергеевича Пушкина. Частица Ризы была помещена в наглухо запаянную ладанку. Предполагается, что ладанка появилась у предков поэта как царский дар одному из Пушкиных в XVII в., когда в Москве было “Ризоположение” (1625 г.). А.С. Пушкину она передана была в дар от дяди Василия Львовича. А вообще по традиции она передавалась старшему сыну в семье, и он каждый год в праздник Положения Ризы должен был служить перед домашней святыней молебен: “А.С. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое”¹⁴.

Для XVIII в. уже не характерно награждение царем своих ревностных подданных святынями подобного рода, хотя при Петре I традиция еще сохранялась и дворяне получали в благословение от царя за свои труды частицы святых мощей, святые иконы. Но более распространяются светские формы наград: ордена, оружие, ценные подарки.

Царь Петр I ценил стольника Василия Петровича Головина как верного и исполнительного слугу, как благочестивого человека. Называл его “монахом”, “святошею” и не раз привлекал для выполнения поручений по духовным делам. Василий Петрович был в числе тех, кого царь отправил за святыми мощами благоверного князя Александра Невского. После перенесения мощей стольнику Головину была дана в благословение от царя частица мощей святого князя. В доме родовитых дворян Головиных, в с. Новоспасском в Подмосковье, находилось немало великих христианских святынь: чудотворная икона Влахернской Божией Матери, “Животворящий Крест царя Константина”, другой Животворящий Крест с мощами, который “строил” сам Василий Пет-

рович в 1700 г.; чудотворный образ Смоленской Божией Матери; святые мощи в шкатулке, "мощи в досочке, обложенной серебром"; почитаемые образа Владимирской Божией Матери, Спасителя, Николая Чудотворца¹⁵.

Чаще же встречаются дарения царем Петром I святых икон. Святынями награждались именно те, кто кроме прочего имел нелицемерное усердие к церкви, к Богу. Царь Петр наградил Петра Михайловича Еропкина золотым образом Спаса Нерукотворного, когда отправлял его обучаться за границу. И этот дар до конца жизни находился при Еропкине, а потом сохранялся у родственников¹⁶.

Об особом усердии Петра I к Боголюбскому образу Божией Матери сохранилось несколько свидетельств. Петр помнил страшные события убийства стрельцами его дядьев, родных братьев матери. Иван Кириллович Нарышкин перед смертью причастился и помолился перед Боголюбской иконой Божией Матери, которой его благословила перед выходом из дворца сестра. Передают, что он просил Богородицу о том, чтобы его невинная кровь прекратила этот бунт, что на самом деле и произошло¹⁷. Через восемь лет после этого события, в 1690 г. Петр I посетил Боголюбский монастырь под Владимиром и заказал список с чудотворного образа Боголюбской иконы Божией Матери, а по возвращении устроил в Высокопетровском монастыре в Москве, в храме Боголюбской иконы Божией Матери усыпальницу Нарышкиных (освящение нового храма произошло 19 июля 1691 г.), куда и поместили список¹⁸. В ту же поездку, очевидно, пришло решение поднять из-под спуда святые мощи благоверного князя Андрея Боголюбского. Святые мощи князя-страстотерпца и с ними вместе мощи его сына Глеба, умершего незадолго до убийства князя Андрея, были подняты 15 октября. Мощи сына также были нетленны¹⁹.

Одним из чтимых списков Боголюбской иконы Богоматери Петр наградил стольника Бориса Мироновича Батурина за особые заслуги перед государством. Петр I предлагал стольнику самому избрать себе награду, но Б.М. Батурин отказался от всякой награды и просил только государя благословить его иконою Богородицы Боголюбской, которая находилась в придворном храме. Император исполнил его просьбу. Со временем икона перешла к дочери Б.М. Батурина, как венчальное благословение, затем — к помещикам Загряжским и прославилась своими чудесами в с. Юрьеве Боровского уезда Калужской губернии. Помещик Семен Ильич Загряжский "...рассказывал лицам, бывшим у него, о благодатных знамениях от нее... и многие приходили к нему в дом для поклонения святой иконе". После его смерти братья Семена Ильича передали святой образ в храм "...во избежание тесноты в доме от усердствующих"²⁰. В 1771 г. жители Юрьевского прихода были спасены от моровой язвы, обратившись с молитвою к Богородице через Боголюбскую икону. Жители Малоярославца также обошли город с этой чудотворной иконой, благодаря чему и здесь распространение чумы было остановлено²¹.

Трагична судьба одного из братьев Загрязских — Николая, который забрал из церкви назад святую икону и не хотел отдавать ее, несмотря на просьбы прихожан. Сгорел от молнии его дом, его самого пытались убить крепостные, но прибегнув к заступничеству Божией Матери, молясь ее Боголюбскому образу, он чудом остался жив. В честь святой иконы, в знак благодарности за избавление от смерти, он выстроил деревянный храм иконы Боголюбской Божией Матери, куда и поместил образ. “Поднимал” же он Боголюбскую в свой дом “по усердию своему” только под двенадцатые праздники. В один из дней, когда святая икона находилась в его доме, в 1802 г. он был убит своими крепостными. В 1838 г. один из Загрязских — Семен Петрович выстроил каменный храм²².

Нельзя сказать, чтобы при императрицах XVIII в. награждений святынями не было. Но иконами одаривались в основном по случаю участия императриц в венчальных или крестильных церемониях придворных лиц или известных сановников. При Екатерине II встречались и царские благословения полководцев святыми иконами или мощами²³.

Ф.Ф. Ушаков был знаменит многими славными победами на море. Екатерина II, зная, что флотоводец отличается и делами благочестия, любит церковь и церковную службу, в качестве знака своей милости поднесла в дар ему в 1793 г. “Необыкновенной красоты складень-крест с мощами святых угодников”. Крест хранился в роду Ушаковых до 1878 г. и был поднесен потомками Ф.Ф. Ушакову* и императору Александру II. Святыня возвратилась в царский чертог.

Но чаще дворяне получали святые мощи и чтимые иконы в благословение от архиереев.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Епархиальные архиереи, по должности своей облеченные церковью назидать паству вверенных им приходов, опирались, с одной стороны, на белое духовенство, с другой — на помещиков.

Возвращение дворянства в деревню, особенно после Манифестов о вольности, повлекло за собой в какой-то степени возвращение к старым патриархальным нормам жизни²⁴. Хотя на землю приходили уже искушенные городской, столичной жизнью дворяне, с образованием и часто с новыми культурными запросами, но все же это были люди, в массе своей по-настоящему стремившиеся вести деятельную жизнь, имевшие вкус к хозяйствованию. С ними-то и начинается устанавливаться особо тесная духовная и административная связь архиерея.

* В 2001 г. Русская Православная Церковь прославила Федора Федоровича Ушакова в лике местночтимых святых.

Возвращение к родительским корням заставляло многих из помещиков начинать восстановление или же строительство новых приходских храмов. Шла интенсивная переписка с владыками епархии. Подавались прошения о строительстве каменных храмов вместо деревянных прежних, о восстановлении, о новых приделах, и все это с заметным численным нарастанием к концу века²⁵.

Владыкам епархии часто приходилось бывать на церемониях, связанных с освящением приходских церквей у помещиков. Кроме того, существовали долговременные объезды пределов епархии. В этих поездках, как правило, епископ и сопровождающий его небольшой штат останавливались в доме помещика по его приглашению²⁶.

На торжества по поводу освящения епископом места для нового храма приглашалось много гостей, так же, как и потом на освящение уже выстроенной церкви. Вот как описывает подобное событие Василий Александрович Нащокин.

23 февраля 1747 г. к нему в усадьбу Шишкино приезжали епископ Костромской и Галицкий Сильвестр (Кулябко), а с ним архимандрит Костромского Богоявленского монастыря Феодосий и чиновные дворяне и купцы из Костромы. Дело касалось только благословения построить каменную церковь. 17 марта состоялось освящение места, где стоять храму. После всенощного бдения к назначенному месту шли со святыми иконами. Епископ совершил водосвятный молебен и сам начал копать ров. За ним продолжали помещик с домочадцами, а затем рабочие. Выводился фундамент. 28 марта, уже без архиерея, архимандрит Феодосий выполнил чин наречения престолов: “заложил кирпичом во всех углах, а где быть престолом, поставил кресты”. Перед тем в кладбищенской церкви, в соседнем селе была отслужена литургия наречения имени престолов, и оттуда крестным ходом, взяв иконы, все пришли к месту будущей церкви. Этот день считался днем ее основания. Помещик угощал гостей праздничным обедом. Ко дню Воздвижения (14 сентября) постарались приурочить установление креста над трапезной. 13 октября 1749 г. последовало большое освящение построенного храма Преображения, которое проводил епископ Сильвестр. Тогда же село Шишкино было переименовано в Преображенское²⁷.

С некоторыми помещиками у епархиального архиерея устанавливалась тесная связь. Переписка, встречи, посещение его дома были нередки. Важные семейные торжества — венчания, крещение детей, отпевание умерших — у богатых помещиков не обходились без участия епископа. Вотчинник одаривал церковь и епископа деньгами, одеждой, книгами. Архиерей же в свою очередь благословлял и наставлял помещика и его домашних, одаривал в благословение фамилии святынями новорожденных крещеных детей. Так, епископ Сильвестр на крещение сына В.А. Нащокина, будучи восприемником младенца, “положил крест золотой с мощами, преизрядной работы”²⁸.

В домах крупных сановников, почитавших имя Божие, находилось особенно много христианских святынь. Имея возможность больше, чем другие, помогать церкви, больше общаться с архиереями, они и наделялись сугубым благословением для исполнения своих гражданских и христианских обязанностей. Действительный тайный советник В.П. Салтыков был близок с киевским митрополитом Самуилом и получил от него в благословение многие святыни, а именно: 1) икону Успения Пресвятой Богородицы, копию с Киево-Печерской чудотворной иконы, в нижней части которой находился ящичек с мощами святого великомученика Феодора Тирона и святых мучеников Севастийских; 2) серебряную овальную доску с частицами мощей подвижников Киево-Печерских; 3) серебряный ковчег с частицею мощей прп. Иоанна Многострадального, там же еще два маленьких ковчега: один с частью Ризы Господней, другой — с частью пояса Пречистой Богородицы. Позже В.П. Салтыков передал эти святыни в церковь своей любимой родовой вотчины — с. Выездной Слободы возле г. Арзамаса²⁹.

Как необычно порой завязывалась тесная связь помещика и епископа, передает в своем "Истинном повествовании" Г. Добрынин. Один помещик Брянского края поссорился с приехавшим к нему епархиальным архиереем. Архиерей в обидной для помещика форме потребовал убрать иконочку из винного погреба. Отставной секунд-майор Е. И. Сафонов первый подавил свою горячность и, делая решительный шаг к примирению, снял с себя золотой крест, который носил с юных лет, и надел на архиерея "в залог христианской любви". Архиерей также обязался благословить помещика новым крестом "с приличной надписью и во утверждение приязни и братства"³⁰. Архиерей не успел выполнить обещанного, так как через полтора месяца помещик умер. Но епископ поехал на похороны, сказал надгробное слово, которое "фамилия пожелала иметь"³¹.

О судьбе некоторых святынь можно только косвенно догадываться, что они были получены с архиерейского благословения. Например, ландрат И.В. Полонский — помещик с. Парского Костромской губернии имел в своем доме серебряный вызолоченный ковчег с изображением Иоанна Крестителя, куда были вложены 33 частицы мощей святых угодников. Под ковчегом была надпись: "принесены святые мощи из Москвы Соборная и Апостольская церкви, которых изображены на сем образе 33 части, на память св.мученика Ермолая июля 27 дня, 1717 года..."³²

К числу святынь в домах дворян относятся и подарки, полученные в качестве благословения от почитаемых подвижников — архиереев или священников, монахов.

Те из дворян, которые общались с великими архиереями XVIII столетия — святителями Митрофаном Воронежским, Димитрием Ростовским, Иосафом Белгородским, Тихоном Задонским, непременно сохраняли их пись-

ма, книги, иконочки, портреты, данные просителям в благословение. Например, в семье новгородских дворян Никитиных чтится память свт. Димитрия Ростовского. Один из Никитиных особенно почитал святителя, был знаком с ним и получил от него в подарок портрет. Уже в конце века секретарь Новгородской губернской канцелярии Ф.И. Никитин устроил на свои средства придел свт. Димитрия в церкви свт. Пантелеимона, куда и перенес семейную святыню³³. Некоторые из дворян после смерти святителя получали от него благословение по молитвам к нему. Как свидетельствует записная книга чудотворений возле гробницы свт. Димитрия в Ростове, которую во второй половине XVIII в. вели в монастыре, таких случаев было множество³⁴. Приведем некоторые из них.

В ноябре 1757 г. полковник Смоленского гарнизонного полка Георгий Юрьевич Лесли неожиданно сильно заболел: "во всем корпусе его была великая ломота, а в голове жар и опухоль. Затем приключилась ему огневичная болезнь". В это время жена его Фекла Даниловна сняла с больного мужа мерку во весь рост, помолилась пред образом святителя Димитрия, привезенным ею прежде из Ростова, призвала живописца и заказала ему написать образ того же чудотворца на холсте в сказанную мерку. Сделав заказ, она возвратилась к болящему и, к удивлению своему, нашла его "пришедшим в память". Вскоре он совершенно выздоровел, а 1 марта 1759 г., прибыв в Ростов вместе с женою, объявил о своем исцелении³⁵.

Е.П. Янькова приводит характерное для тех лет свидетельство обращения к свт. Димитрию, как к помощнику при родах и как наставнику детей в учении. Яньковы в пятьдесят третьем году XVIII в., слыша о многих чудесах, от гроба святителя творимых, не раз туда ездили. Они мучились тем, что мальчики умирали в младенчестве, и дали обет, ежели Господь по молитве свт. Димитрия дарует им еще сына, то непременно назвать его Димитрием. Родился мальчик, и архиерей благословил младенца рукописною книгой "Летопись свт. Димитрия" с собственноручными заметками святителя³⁶.

Александр Глюске, немец по отцу, также передает случай, когда при тяжелых родах его матери к свт. Димитрию обратился с горячей молитвой его отец, "ревностный католик" (начало XIX в.), и потом, после благополучного исхода, всю жизнь горячо почитал святого Ростовского пастыря. А родившийся тогда сын дал потом обет креститься в православие. Всю жизнь каждый год он ездил на поклон к мощам свт. Димитрия, а в конце жизни принял святое крещение³⁷.

Встречаются в мемуарах и благословения дворянам другого великого святителя XVIII столетия — Тихона Задонского. Чаще всего речь идет о письмах. К некоторым из богомольцев святой подвижник был особенно расположен. Так, свт. Тихон не раз бывал в гостях у помещика Воронежского уезда Никифора Михайловича Марина в с. Подгорном. Тот был помощником

воронежского наместника, отличался милосердием и благочестием. Например, он взял на поруки осужденных на казнь крестьян, принимавших участие в пугачевском бунте. С их помощью в селе был вместо деревянного построен каменный храм памяти тезоименитого святителя святого — Тихона, епископа Амафунтского. В благодарность за милосердный поступок по отношению к осужденным святитель подарил боголюбивому помещику свой поясной портрет. Уже после кончины святителя в саду Мариных, на месте, где особенно любил сидеть святой пастырь, была построена часовня. Здесь же рядом находились родник и колодезь. И место это сделалось почитаемым богомольцами. В храмовые праздники сюда, к часовне от храма направлялся крестный ход, освящали воду в колодезе, прикладывались к иконам³⁸.

Если в домах известных и знатных благочестивых вельмож имелось особенно много христианских святынь, в том числе и ковчежцы-мощевики, то у рядовых дворян чаще находились кресты-мощевики. В обычном, среднего достатка помещичьем доме у родителей А.Т. Болотова, “там, где в углу висели образа... внизу сделан был маленький угольничек, и тут перед киотом, со крестом с мощами горела неугасимая лампада...”³⁹ Сибирский помещик Иван Андреев получил семейную реликвию — крест серебряный с мощами в дар от своей тетки для малолетнего сына Петра Ивановича. Крест был “тонок и ветх”, и потому его пришлось поновить. “В Тобольске был сделан крест оный гладко под чернью (с ризою) по имевшимся в том кресте мощам...” Делал же крест-мощевик для помещика знакомый священник Василий Макаров⁴⁰. В семье других дворян — Бородиных — благоговейно хранился серебряный крест с 72 частицами мощей святых⁴¹.

Ковчежцы и кресты-мощевики держали в “образной”, или в домово́й церкви, если таковая имела́сь в доме. Исполнение заповедей, стремление к духовной чистоте позволяли некоторым из дворян иметь дерзновение носить святыни постоянно с собою: в глухо запаянных ладанках, рядом с нательным крестом. Иконочку Спаса Нерукотворного образа, оправленную в золото и украшенную драгоценными камнями, с частицами мощей носил исповедник веры, погибший от рук пугачевцев Нефед Никитич Кудрявцев⁴².

Великие христианские святыни нередко из домов передавались в монастыри и храмы. Мотивов было несколько: помочь обители встать на ноги; для жертвенного поминовения и благословения представителям рода, которые уже покоились здесь или должны были быть захоронены в пределах данного монастыря в будущем; и конечно — дать возможность многим христианам поклоняться святыне.

У дворян Савеловых хранился дома драгоценный ковчег* с мощами тридцати пяти угодников Божиих и с частицами Живоносного Креста и осколка

* Ковчежцы иначе назывались “скриницы”.

от Гроба Господня. В 1732 г. они пожертвовали этот ковчег во вновь устроенную Белобережскую пустынь (Орловской губернии), желая помочь ей⁴³. В доме графа П.И. Шувалова, известного государственного деятеля елизаветинской эпохи, до поры хранилась святыня всего Шуваловского рода — серебряный позлащенный ковчег со ста частицами святых мощей, в том числе — святителя Николая. Святыня была передана в Малицкий Николаевский монастырь в знак благодарности графини Мавры Егоровны, которой случилось рожать в селении недалеко от обители. Положение роженицы и ребенка было смертельно опасным, и она горячо молилась перед чудотворным образом святителя Николая, который был принесен из Малицкого монастыря. И тогда же дала обет — в случае выздоровления восстановить благолепие монастыря. Графиня и ребенок остались живы — и обет был выполнен⁴⁴. Первоначально был отстроен храм во имя Спаса Милостивого с приделами святых и праведных Захарии и Елисаветы и Николая Чудотворца⁴⁵. Затем в Канцелярию Синода пришло прошение от ее мужа генерал-адъютанта графа П.И. Шувалова, в котором он выразил желание целиком восстановить монастырь на свои средства и перевезти туда прах родителей, захороненных в другом месте. Из г. Новопавловска (Алекسانдро-Невский монастырь) Воронежской епархии граф перевез останки отца Ивана Максимовича, матери Татьяны Ермолаевны и своего брата Василия Ивановича⁴⁶. Позже из Выборга был перевезен прах его бабушки⁴⁷.

Ковчег с мощами, принесенный в дар обители, должен был, по всей видимости, и дальше оставаться с родом Шуваловых, но в ином значении — для молитвенного заступничества святых за умерших представителей рода, похороненных в монастыре.

Эти примеры далеко не единичные в XVIII в., скорее — характерные. Восстановитель Свято-Никольского Рыхловского монастыря бригадир Петр Лазаревич Чижевский пожертвовал туда среди прочих святынь и богослужебных книг Евангелие в серебряном окладе и крест серебряный с мощами⁴⁸. И другой пример. Для поминовения своих родителей коллежский советник А.А. Гончаров подарил Калужскому Лаврентьеву монастырю (где они, очевидно, и были захоронены) семейную святыню — среброзлащенный ковчег с мощами. Также устроил иконостас в главном монастырском храме. А позже (1783 г.) внес в Московскую сохранную казну на имя монастыря некоторую сумму денег, чтобы обитель могла постоянно получать 50% от капитала⁴⁹.

Нередко подразумевалось, что передача святыни монастырю увеличит число богомольцев, что в свою очередь позволит поправить его материальное положение. Так именно рассуждал граф Вязьмитинов, передавая в дар Севскому Троицкому девичьему монастырю семейную святыню — Дубовицкую икону Божией Матери. Вместе с этим даром им была выделена необходимая

сумма денег, с которых бы постоянно шли проценты на покупку масла для неугасимой лампы и неугасимой свечи на службах⁵⁰.

Чтобы в какой-то степени представить размеры дохода отдельному храму или монастырю от присутствия святыни в нем, обратимся к росписи, каковая велась, например, в с. Каплуновке, где находился чудотворный образ Каплуновской иконы Божией Матери. Владелец села, помещик полковник Петр Коновницын по личной инициативе и по разрешению Синода взялся на доходные деньги выстроить в селе каменную церковь вместо обветшавшей деревянной. Доход, который прежде шел Ахтырскому Рождества Богородицы монастырю, в год составлял немалую сумму. Например, за 1776 г. он равнялся 928 руб. 90,2 коп. Из них молебные и кропильные (молебны с водоосвящением) составляли 336 руб. 50,2 коп.; за свечи, ладан, масло — 351 руб. 30 коп.; кошельковые и сборные на новый храм — 241 руб. 10 коп.⁵¹

По надписям на подаренных священных предметах можно судить, что многие вклады в монастыри и пустыни — драгоценные напрестольные Евангелия, кресты-мошевики, ковчеги — делались ради поминовения близких родственников, и прежде всего родителей. Вкладчик мог упомянуть и свое имя для поминовения его после смерти. В этих надписях на церковнославянском языке присутствовала и молитва жертвователя, и духовное понимание приносимой «вдовицыной лепты»: «Сие Святое Евангелие города Арзамаса церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии, — писал лейб-гвардии Преображенского полка секретарь Иван Михайлович Булгаков, — в проповедь и душевное спасение слушающих слово Божие, а по неложному благовествованию сего Святого Евангелия, во отпущение грехов в Бозе усопших рабов Божиих, родителей его и положенных при этой церкви, которых при приношении Бескровной жертвы, как ныне обретающихся при той церкви, так и впредь будущих священников и прочаго причта прошу, дабы упования, установленного ко избавлению от всех мук сего таинственного и святого средства от нерадения лишены не были, а паче взятой талант своим деланием старались приумножить, опасаясь за неисполнение осуждения ленивого раба во тьму кромешную... Сие же убогое приношение да вменит Господь Бог со вдовицыными двумя лептами, мытаря и блудницы со слезами, и сподоблюся от всеблагого Бога услышати вожделенный глас: вера твоя спасет и: отпущаются грехи твои мнози, яко возлюби много. И сие подписал я, Иван Булгаков, своею рукою, в лето от сотворения мира 7251, от Рождества Христова 1763 года, февраля в 20 день от рождения своего на 58 год. Аминь»⁵².

Если место родового захоронения находилось в городе, то святынею мог одариваться в молитвенное поминовение усопшего или усопших приходский храм, монастырь, кладбищенский храм. Среди вкладов в Свято-Троицкий

храм Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге, как можно прочесть из его описи, есть пожертвование серебряного, в виде гробницы ковчега с мощами, полученного в 1797 г. от полковника Крестина⁵³.

Обыкновенно делали вклады подобного рода и в свои приходские храмы в поместьях. Старались, чтобы благословение роду — почитаемые иконы, ковчеги со святыми мощами или кресты-мощевники — сохранялись в храме родового гнезда.

Храм Воскресения Христова с. Суйда, что под Санкт-Петербургом, известен тем, что его попечителями были предки Пушкина, здесь жившие, — генерал-аншеф А.П. Ганнибал и последующие поколения. В храме венчались родители Пушкина, его няня. Сюда приезжало много известных русских людей. В этой церкви, кроме прочих святынь, был ковчежец с частицею мощей прп. Исаакия Печерского, пожертвованный поручиком Иосифом Карабиновичем, который в свою очередь получил его в наследство от дяди, киевского генерал-губернатора при Екатерине II. Некогда эта святыня была привезена из Ново-Спасской Влахернской пустыни и вновь возвратилась туда спустя некоторое время⁵⁴.

Особо следует сказать о поминальных вкладах не только в свои приходские храмы, но и в те, которые даритель чем-либо отличал. Подобные вклады тоже входили иногда в круг личных или семейных святынь.

Поминальная традиция была очень разнообразна. Кроме денег, церкви передавали в поминовение иконы, богослужебную утварь, облачения. Обычно в том месте, где хоронили умершего, в храме (а иногда в часовне над могилой) устраивали поминальную икону с неугасимой лампадой. И перед этой семейной святыней нередко молились об упокоении души усопшего. Иконы, если их было несколько, вставлялись в особые застекленные бронзовые (посеребренные или вызолоченные) рамы, перед которыми находилась лампадка со всегда «тепящимся маслом». В другом случае заказывались мраморные киоты для нескольких икон. На киоте делалась памятная надпись имени усопшего и лет его жизни. Нередко присутствовало несколько ключевых фраз. Например: «Ангел вопияше Благодатней», а ниже «Христос Воскресе из мертвых...»⁵⁵ Иногда неугасимые лампы устраивали возле распятий.

В Большой придворный собор Зимнего дворца, как свидетельствует его описание, попало немало святынь от частных лиц. Как и во времена Московской Руси, царский придворный храм продолжал оставаться местом, где собиралось наибольшее число христианских святынь⁵⁶. Дарение святыни царю, как и во времена допетровской Руси, имело цель благословить государя христианским благословением подданного, духовно укрепить «трон» царя. Сюда же передавали святыни, имеющие отношение к славе русского оружия. Например, на одном из таких дарений — на престольном кресте с золотой дощеч-

кой, украшенной вензелем императрицы Елизаветы Петровны, есть следующие надписи: “Благодарение Богу, давшему нам победу”. И ниже: “Баталия при Франкфурте, что при Одере август 1 день 1759 года”. А на оборотной стороне также надпись, указывающая, что крест по обету украсил полковой священник “в память победы над Прусской армией силою Креста под предводительством генерал-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова и храбростью беспримерной российского войска”⁵⁷. В полковые храмы также нередко от имени полка или офицеров приносились обетные пожертвования: иконы, кресты, богослужебная утварь. Например, в январе 1721 г. в храм Святой Троицы (ведомство Армии и Флота) офицеры Морского Галерного батальона внесли нужную сумму денег на устройство камчатого иконостаса. Или в другом случае в Свято-Введенский храм при Семеновском полку наличный состав полка пожертвовал в 1705 г. “по обещанию” образ Спаса Нерукотворного⁵⁸.

Военные трофеи (ключи от городов, флаги неприятелей) также хранились в полковых храмах. Этим подчеркивался не только политический, но и веро-защитный (через защиту границ православной империи) характер войн, которые вела Россия. Здесь же обязательно были золоченые доски с именами воинов (в основном офицеров), отличившихся в боях. Воинские награды рассматривались не только как свидетельства подвигов, но и как монаршие знаки признательности защитникам веры, Церкви. А.В. Суворов прежде награждения отличившихся генералов и офицеров просил полкового священника освятить ордена. Фельдмаршал сам вносил их в алтарь для освящения, а потом в храме вручал коленопреклоненным участникам награждения и благословлял их по-отечески⁵⁹.

И домашняя церковь в связи с этим также становится местом, где наряду с чисто церковными святынями появляются в этот век военные реликвии как религиозные святыни.

Немало в полковых храмах было и индивидуальных вкладов офицеров и военачальников. Князь А.В. Суворов-Рымникский не раз воздавал Богу хвалу такими приношениями. Так, в одном случае он пожертвовал в Свято-Троицкий Санкт-Петербургский храм образ Спасителя, и в последующее время эта святыня пользовалась почитанием у прихожан⁶⁰. Вдовы мужей-воинов, матери убитых сыновей часто жертвовали в такие храмы святыне иконы и утварь⁶¹.

Безусловно, что святыни были прежде всего важнейшим средством Богообщения. Стремление жить благочестиво рождало желание устроить домашнюю церковь на “камне” истинном, святом. Как церковный престол устраивался на мощах святых, так и келейное место молитвы в своем доме дворяне старались освятить частицами святых мощей или другими духовными сокровищами.

ИКОНЫ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Традиция родительского благословения иконами сохранялась повсеместно. Рождался ребенок, и некоторые из дворян заказывали в меру его роста икону с образом того святого, в честь которого решили назвать дитя. Но чаще всего иконами одаривали в благословение на брак, на учебу, в благословение близким перед уходом в мир иной.

Брачных икон было, как правило, несколько: обязательно одна или несколько Богородичных, очень часто — образ Спасителя, несколько почитаемых в семье или роде святых Божиих. Главными среди родительских благословений считались два образа — один со стороны жениха, другой со стороны невесты. При помолвке, после молебна происходил обмен образами — родительское благословение невесты отдавалось до венчания жениху, а жениха — оставалось у невесты. Икону жениха шафер вез потом впереди свадебного поезда в церковь и из церкви. С нею же шафер входил в брачные покои впереди венчанных мужа и жены и оставлял ее здесь. С иконою невесты родители жениха встречали молодых на крыльце дома вместе с хлебом и солью. Но, кроме этих двух образов, как следует из источников, дети получали в благословение от родителей еще несколько икон. По всей вероятности, в числе прочих дарились те образа, к которым семья имела особое расположение. В 1746 г. капитан Д.Я. Чертов благословил дочь, выходящую замуж за В.Ф. Ермолова, образом: “Владимирской Богоматери, образом Рождества Христова, образом Знамения Пресвятой Богородицы, образом Пресвятой Богородицы Троеручицы, образом Живоначальной Троицы, образом Николая Чудотворца, образом прп. Тихона, образом Иоанна Воинственника, образом прп. Сергия Радонежского Чудотворца”⁶². М. Кольчева на замужество была благословлена иконами: “Образом Всемиловитого Спаса, образом Пресвятой Богородицы Казанской, образом Пресвятой Богородицы Страстной, образом Пресвятой Богородицы Корсунской, образом Николая Чудотворца, образом Филиппа, митрополита Московского, образом блгв. царевича Димитрия и золотым крестом”⁶³. Сибирский помещик Иван Андреев благословил дочь на замужество образом Абабцкой Богородицы в ризе, кованной из серебра с венцом. Как известно, в Тобольском крае особо почиталась эта чудотворная икона Божией Матерью⁶⁴.

Иконою благословляли на жизненный путь, как, например, в следующем случае: “Три образа получил из дому дяди Василия Алексеевича, — писал в “Памятной книжке” в середине века поручик А.А. Благово, — которыми он меня благословил сам: Богородицы Казанской в окладе, Спаса Нерукотворенного, Святой Параскевы Пятницы в окладах”⁶⁵.

К особо почитаемым святыням относились и обетные образа, иными словами — иконы, написанные на заказ после чудесного заступничества по слез-

ным молитвам о помощи страждущего богомольца. И порой эта молитва выявляла действительную глубину веры. Тридцать пять лет (!) молился и взывал о помощи помещик Тульской губ. майор Андрей Яковлевич Михнеев, покуда его земли несправедливо занимал соседний помещик, получив их “по неправым купчим”. Обетный образ Спасителя был написан после вынесения справедливого приговора в 1732 г. На нем в клеймах изображены те святые, в день памяти которых дело майора Михнеева проходило очередной этап, вплоть до высшего слушания в Сенате. Таких “молитвенных этапов” было шесть, а всего святых изображено тридцать девять. Икона эта — большого размера, в серебряной ризе. Внизу, на серебряной дощечке — надпись, которая гласит, что образ написан по обещанию, и далее подробно излагаются история тяжбы и ее итог. Таковой “отчет” перед Лицом Бога, конечно, — красноречивое свидетельство глубины веры у этих людей⁶⁶.

Благословляя сыновей на учебу в Петербург, А.А. Благово дал им в дорогу образ Николая Угодника — святого покровителя путников⁶⁷. Родители Александра Михайловича Тургенева благословили сына, уезжающего из Москвы в Санкт-Петербург на учебу, иконою Спасителя, а с собою передали семейную святыню — Крест Животворящий⁶⁸.

Идя на войну, молились, давали обеты перед иконой, брали с собой иконы-складни, и многие из этих образов потом становились родовыми реликвиями. Остановимся на нескольких случаях, которые сохранились в родовых анналах.

С.Ф. Волконский участвовал в Семилетней войне (1756—1763 гг.). Его жена Мария Дмитриевна после откровения во сне заказала написать небольшую икону, с одной стороны которой — образ Божией Матери “Живоносный Источник”, с другой — Николая Чудотворца, и послала ее мужу. Вскоре после получения иконы был тяжелый бой, и неприятельская пуля, попав в грудь Волконскому, ударила в икону и не причинила ему вреда. Этот образ потом почитался в семье Волконских⁶⁹.

С благословением своего отца — складнем прошел благополучно все боевые опасности генерал-майор С.И. Мосолов. На складне были лики Казанской Богоматери, Иоанна Крестителя и Николая Чудотворца⁷⁰.

Родовой реликвией дворян Колычевых была чудотворная икона “Знамения” Божией Матери, называемая в семье “Заморская”. Она появилась в семье так: в 1696 г. С.А. Колычев был послан для обучения военным наукам за границу. Возвращаясь в Россию через г. Вильну, увидел там на улице толпу евреев, “ругающихся над иконой Божией Матери и бьющих ее хлыстами... Когда разогнал толпу и поднял на руки икону, то стал свидетелем слезы, текущей из глаз Пресвятой Богородицы”. Эта икона переходила потом по наследству к старшему в роду. Степан Степанович Колычев (1756—1810) брал чудотворный образ во все свои дальние поездки. И там, где останавливался,

зажигал перед иконой лампаду⁷¹. Другой наследственной реликвией Кольчевых был нательный образ, который носил святитель Филипп (Кольчев). Иконка была написана на железе и оправлена в серебро. Изображение со временем изгладилось и даже железо насквозь протерлось, но образок все так же переходил от одного представителя рода к другому⁷².

И.К. Кирьяков в 15 лет сражался рядом с отцом в Полтавской битве. В семье сохранился позлащенный образ, который он носил тогда на груди. На одной стороне его был лик Пресвятой Богородицы, на другой — св. Иоанна Крестителя⁷³.

В семье дворян Жемчужниковых (Тверской губ.) чтился образ Тихвинской Божией Матери. Предание связывало с ним чудесное спасение из турецкого плена думного дьяка П. Жемчужникова (конец XVII в.). Он был послан по государственным делам в Турцию, где был задержан и заключен в крепость. Там ему было явление Божией Матери, повелевшей взять Ее икону Тихвинскую и с ней идти к выходу. Незамеченным вышел П. Жемчужников из тюрьмы, скрылся, а потом и добрался до дома⁷⁴.

Родовой святыней дворянской семьи Петровых Симбирского уезда была икона Божией Матери "Нечаянная Радость". Последний ее владелец капитан Ф.В. Петров уже в середине XIX в. завещал ее местной сельской церкви во имя Архангела Михаила. Он прошел с этой иконой через все жизненные перипетии, никогда не расставался, брал ее во все походы. Икона прославилась чудотворениями, когда еще была у Петровых⁷⁵.

В другом случае генерал-адъютант К.И. Бистром в своем завещании оговаривал, чтобы ту икону Николая Угодника, которая была с ним во всех походах и однажды при чудесных обстоятельствах сохранилась у него, отдать после его смерти в Санкт-Петербургский Преображенский собор, где находилось немало свидетельств славы и благочестия русского воинства⁷⁶.

Известно, что некоторые дворянские роды считали того или иного святого небесным покровителем всего своего рода. Так, в роду дворян Мотовиловых был особо почитаем Николай Угодник. Одному из далеких предков рода Мотовиловых князю Монтвиду-Монтвилу, участвовавшему в Куликовской битве, чудом удалось остаться в живых. Нательный образ Николая Угодника принял на себя удар татарского воина, и князь был спасен. В XVIII в. Александру Ивановичу Мотовилову, отцу известного Николая Александровича (духовного сына и описателя чудес преподобного Серафима Саровского), было во сне видение святителя Николая. Святитель говорил о своем покровительстве роду Мотовиловых с давних пор⁷⁷.

Возможно, что иконы с тезоименитыми святыми также заказывались до или после чрезвычайных событий (война, несчастный случай, болезнь), и особенно такие, где изображался и сам заказчик. Так, князь Симеон Волконский имел икону с образом прав. Симеона Богоприимца, где внизу была изо-

бражена фигура самого князя с молитвенно воздетыми руками. И при этом лик прав. Симеона обращен к сияющему в свете образу Спасителя⁷⁸. Нефеду Никитичу Кудрявцеву в подарок была поднесена икона, на которой были святые, тезоименитые ему самому, его отцу и деду⁷⁹.

Чудесное спасение от опасности небесным заступничеством через святыню в повседневной жизни или при чрезвычайных обстоятельствах также помнилось многими поколениями, и реликвия благоговейно почиталась. В семье помещиков Саратовской губ. Быковых хранился небольшой старинный металлический образочек Казанской Божией Матери. Глава семьи — Федор Абрамович не расставался с ним во все время военной службы. Когда пугачевщина докатилась до этих мест, Быковы не успели уехать. Крестьяне укрывали помещика, но Пугачев казнил двух его сыновей и хотел было за обличительные слова, брошенные ему в лицо помещицей, убить и ее. Не сдержал его и младенец, сидевший у нее на руках. Удар его ножа пришелся прямо в образок, который Н.И. Быкова надела незадолго до того. И конец ножа сломался, что вызвало ужас у Пугачева. Он «...оторопел и закрестился на висевшие в углу комнаты иконы, затем бросился в обоз, достал серебряный чайник, детский рожок и отдал эти вещи в ручонки грудной девочки. “Прости, Христа ради”, — сказал он и поспешно... ушел из деревни»⁸⁰. С того времени икона особо благоговейно почиталась, перед ней отправлялись молебны, горела неугасимая лампада. А выросшая дочь помещицы выстроила в своем имении, в д. Студенке “прекраснейшую часовню с небольшим иконостасом и бассейном (очевидно крещальней. — О.К.) внутри, в которой ежегодно, с особой торжественностью, служилась панихида по убиенным Пугачевым ее братьям”⁸¹. Перед смертью она отпустила на волю с землею крестьян родительской деревни.

Перед смертью хозяин дома благословлял домашних — жену и детей, а также иногда ближайших родственников иконами и другими святынями. Вместе с главными заветами, которые произносились в этот час, судьбы близких вручались заступничеству Бога, Божией Матери и святых. Иконы передавались родственникам и в знак поминания покойного в последующих молитвах его семьею.

В Духовном завещании знатный вельможа Василий Петрович Головин подробно расписал подобное благословение святынями: первым благословлялся духовный отец — “образом Одигитрии Пресвятой Богородицы в окладе серебряном”; затем старший сын Василий Васильевич — “образом Влахернской, да крестом Царя Константина”. Сыну были переданы самые главные святыни дома. Третьей в завещании упоминалась жена: “Жену мою Марью Васильевну благословляю образом Смоленской Пресвятой Богородицы Одигитрии, что в спальне за слюдою... да ее ж благословляю крестом большим, что с мощами, который строил я грешный в 1700 г., да другим кре-

стом, что в серебряном ковчеге за слюдой... И прошу, чтоб пред образом Богородициным Одигитрии, которым благословил жену, была неугасимая лампада неотменно по разлучении души моей грешной от тела. Также, что и в крестовой образ Владимирской Богородицы, что после меня покамест жена моя жива будет, чтоб лампада была". Тетка Анна Ивановна была благословлена "мощами в шкатулке", невестка Анна Венедиктовна — "мощами в досочке, обложенной серебром". В.П. Головин делает распоряжение часть мощей из этого мощевика, а именно — Сергия Чудотворца, отослать в имение, в с. Новоспасское (очевидно, в приходский храм). Последними в числе близких стоят в Духовной младшие сыновья — Петр и Иван. Василий Петрович благословил одного из них образом Владимирской Богородицы, другого — образами Спаса, Николая Чудотворца и другим образом Пресвятой Богородицы "окладные"⁸².

К числу особых случаев появления святынь в домах дворян следует отнести обретение чудотворных икон, к которым принадлежали и покаяльные образа — те иконы, через которые у отступивших от веры произошло преобразование души и раскаяние.

Некоторые из чудотворных образов становились известными всей России, другие же оставались семейными святынями.

Чудотворные иконы были или древней родовой святыней в доме или были обретенны чудесным образом, по откровению. Как правило, эти святыне иконы недолго пребывали в дворянских домах. Почитание иконы росло, число людей, желающих прийти в дом помолиться, прибывало, на что очень неодобрительно смотрели церковноначалие и церковная администрация. Это происходило главным образом по причине боязни ложных чудес и необходимости церковного контроля над подобного рода частными соборными молениями. Хозяину иконы предлагалось перенести образ в приходский храм. Но во всех известных нам случаях дворяне увозили чтимый образ в свое имение и там помещали в приходский храм. Отдельные из чудотворных икон (например, образ Калужской Божией Матери) становились почитаемыми во всей губернии или в крае.

Калужская (Калуженская) икона Богоматери была обретена в 1748 г. На чердаке помещичьего дома Василия Кондратьевича Хитрово дворовые девушки обнаружили старый свиток с неизвестным образом. И когда одна из них повела себя по отношению к нему дерзко и нечестиво, то внезапно "была поражена невидимою силою", упала без чувств и заболела (лишилась зрения и языка). Ее родителям во сне явилась Богородица и сказала, за что наказана их дочь и как можно ее исцелить. После родительской молитвы перед новоявленной иконой Богоматери и окропления девицы водой, собранной при обмывании лика на иконе, больная исцелилась. Имение Хитрово находилось в 7 верстах от Калуги. Село очень скоро сделалось местом паломничества

богомольцев. В числе получивших исцеление после молитв перед этим образом была и тяжело больная дочь Василия Кондратьевича: “Во сне больной явилась икона Богоматери, от которой исходил голос, повелевавший ей молиться перед этою иконою для получения исцеления”. Было сказано также, что эта икона будет благодатным покровом Калуге и краю.

Так как к иконе стало приходиться все больше и больше народу, благочестивый помещик решил перенести образ в приходский храм Рождества Богородицы в с. Калужку. В XVIII в. эта икона прославилась еще в 1771 г.: “Богоматерь через Свою Калужскую святую икону явила благодатную силу, спасшую целый город Калугу от моровой язвы”⁸³.

В XIX в. почитание святого образа Калужской Божией Матери стало на Калужской земле еще более массовым. Икону постоянно по просьбе народа возили по епархии и на местах непрерывно служили молебны. Как свидетельствовал один из тех, кто длительное время был со священником в этих поездках (середина и вторая половина XIX в.), ему приходилось отдыхать только два часа в сутки. Все остальное время шли заказные службы⁸⁴.

К особенно значительным событиям, связанным с этим святым образом, относится защита Калуги во время войны 1812 г. Тогда многие французы наяву видели высоко в воздухе образ Богородицы Калужской. Видела его и одна русская благочестивая крестьянка Параскева Алексеева. Святая икона была в окружении Небесных Сил. Александр I повелел праздновать память иконы 12 октября и совершать крестный ход⁸⁵.

Вообще род Хитрово дал многих представителей, известных своими высокими нравственными достоинствами и христианским служением Церкви и Отечеству. Хитрово, кроме того, были тесно связаны с Калужской землей. В Свято-Троицком Перемышльском Лютиковом монастыре (Калужский край) находился их родовой склеп. Члены этой фамилии постоянно помогали монастырю, в том числе и в XVIII в. Здесь же был “вечный” синодик рода, где среди остальных имен перечислялись 59 схимников, 62 схимницы, 16 монахов и 5 монахинь⁸⁶.

Другая явленная икона Богоматери — Шестоковская (Шестковская) — стала известна с середины XVIII столетия. В Москве, в доме секунд-майора Н.Д. Скрипицина произошло чудесное ее обретение. Потом она была перенесена в имение этого дворянина, в с. Шелтомеж Кашинского уезда, где была помещена в церкви Воскресения Христова, в приделе ее имени, в женской Шестоковской общине⁸⁷.

Почитаемая с начала XIX в. в Санкт-Петербурге икона Божией Матери Корсунская была передана в Исаакиевский кафедральный собор только в конце XIX в. Образ был написан в начале века по просьбе обер-егермейстера Императорского Двора Дмитрия Львовича Нарышкина (из рода царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной) и по благословению митрополита

Санкт-Петербургского Серафима. Д.Л. Нарышкин видел во сне образ Богоматери, который его так поразил, что он неотступно стал искать его в городских храмах. И в домовый церкви митрополита Серафима, в Александро-Невской лавре он после долгих поисков увидел икону Корсунской Божией Матери (образ, написанный в 1784 г.) и сразу узнал в ней виденную во сне. Лучшим иконописцем в лавре была снята копия, и икона стала святыней в доме Нарышкиных. На хозяина и на всех, кто перед ней молился, она производила сильное впечатление благодатной одухотворенностью лика Богородицы. Перед святыней много молились, сначала Д.Л. Нарышкин, потом те, к кому она перешла: графиня Е.Д. Эртцель, затем А.А. Алексеева. У последней в доме около получаса на коленях с умилением молился перед Корсунской Богородицей св. Иоанн Кронштадтский. А когда святой образ передали в Исаакиевский собор, то перед нею соборно молились в дни смертельной болезни Александра III⁸⁸.

Чудотворный образ, особенно если на поклон к нему шли многие богомольцы, владелец его, как уже отмечалось, через некоторое время передавал в храм или монастырь. Консистория настороженно относилась к массовым поклонениям святыням в частных домах. Даже если выяснялось, что почитаемую святую икону передать в приходской храм было невозможно, церковные власти все же вносили свои ограничительные меры почитания ее, как было, например, в случае с чудотворным образом Спаса Нерукотворного на Остоженке (в Барыковской богадельне). Икона была написана на нештукатуренной стене дома. По преданию, это произошло в первой четверти XVIII в. “по особому видению новокрещенному малолетнему турку”, который углем написал образ Спаса. Хозяин дома дворянин Лукин несколько раз закрашивал образ, но тот появлялся вновь. Так убедились в его чудодейственности. Известность и почитание его росли. В 1764 г. хозяева продали дом надворному советнику полковнику В.П. Дурново. Его жена Екатерина Александровна выказала особую привязанность к чтимому образу и вскоре после приобретения дома подала прошение об устройении домовый церкви на месте существования иконы. Дом посещали богомольцы и до устройства храма. А после того, как появилась возможность с появлением ружного* священника постоянно служить литургию, молебны (с водоосвящением), панихиды, людей стало приходить еще больше. Но при жизни семьи Дурново запретов на посещение их храма еще не налагалось⁸⁹. После 1782 г., когда дом перешел к новой хозяйке — Малиновской, порядок приема богомольцев несколько изменился. Она стала практиковать свечную продажу и “денежный сбор в кошелек”. Консистория несколько раз запрещала проведение “кошелькового сбора”, а также собраний “сторонних”, т.е. богомольцев, приходивших на поклон к чудотворному образу.

* Ружный — имеющий за служение ругу, т.е. плату от хозяев дома.

Судьба иконы Спаса и домово́й церкви в XIX в. была такова. В 1812 г. дом горел, но образ на стене уцелел и храм был восстановлен. В середине века дом купил надворный советник Ш.Ш. Барыков. К этому времени церкви в покоех не существовало, но образ на стене оставался цел. Новый хозяин отдал дом под богадельню (Попечительство о бедных в Москве), и уже при богадельне вновь восстановили храм, освящать который приехал митрополит Московский Филарет⁹⁰.

Образ Богоматери “Утоли моя печали” до 1784 г. был заветною домашнею святынею в московском доме сенатора графа Н.Б. Самойлова. Пребывание святыни здесь ознаменовалось многими чудотворениями: помощью страждущим, чудесными исцелениями. Графу Самойлову от Консистории было предложено отдать святую икону в приходский храм. Но он поступил по-другому. Его имение находилось на Брянщине, возле Свято-Никольского Одринского монастыря. Обитель “изнемогала под тяжестью печали”. Начав было в первой четверти века возрождаться стараниями назначенного именным указом Петра I старца Варнавы, она в 1720 г. была разорена разбойниками. Граф Н.Б. Самойлов повез туда святую икону с желанием помочь Одрину монастырю. Он пригласил также приехать туда своего родственника — монаха строгой жизни Анастасия (Потемкина)*, до поры тайно подвизавшегося в Тисманском монастыре в Молдавии, настоятелем которого был ученик прп. Паисия Величковского Феодосий (Маслов)⁹¹. На свои средства граф устроил при монастырском Николаевском соборе теплый придел в честь иконы “Утоли моя печали” и пожертвовал туда святую икону Богоматери. Под покровом Пречистой Богородицы жизнь обители начала опять оживать.

В XIX в. здесь пребывали уже опытные старцы и монастырь пользовался доброй славой⁹². Празднование этому чудотворному образу совершалось два раза в год: 25 января и 9 октября (по ст.ст.). В оба эти дня в Одринском монастыре Орловской губ. бывало много народу⁹³. Любопытно отметить, что в середине XIX в. монастырь с благодарностью вернул Москве тот долг, который имел, когда святыня “Утоли моя печали” была передана ему графом Самойловым. Архимандрит Серапион в 1843 г. отправил в Москву список с чудотворного образа “Споручница грешных”, и икона прославилась многими дивными чудотворениями в храме святителя Николая Чудотворца в Хамовниках⁹⁴.

Боголюбская икона Богородицы из с. Зимарова Рязанской губ. также поначалу находилась в московском доме помещика Василия Абрамовича Лопухина. Здесь в 1771 г. больные получали исцеление от моровой язвы. После смерти Лопухина по его завещанию икона была отправлена на родину поме-

* Граф Н.Б. Самойлов был женат на сестре светлейшего князя Г.А. Потемкина — Марии Александровне.

щика, в с. Зимарово⁹⁵. В настоящее время эта святая икона продолжает находиться в том же самом приходском храме с. Зимарово. И, как свидетельствует теперешний настоятель, до сих пор от нее происходят чудотворения*.

К числу святынь Рязанского края относилась также чудотворная икона образа "Знамение" Пресвятой Богородицы, находившаяся до поры в семье помещика майора И.В. Чернышова. Со временем она была отдана помещиком в храм, который он построил в селе на свои средства (1793 г.)⁹⁶.

В Иверский храм с. Архангельского Рязанской губ. князем Долгоруким были принесены икона свт. Николая Чудотворца, резная, в рост человека, и икона Божией Матери Иверская, почитаемая в округе⁹⁷.

По горячим и усердным молитвам обрела свою чудотворную икону одна знатная богомолица — дворянка из Москвы. В короткий срок она внезапно потеряла мужа, сына и имение. Муж по клеветническому доносу (середина XVIII в.) был сослан, имение отобрано, а сын в тот же период на войне попал в плен. Она много молилась о своих близких и однажды во сне услышала голос, который повелевал ей идти к храму Святой Троицы на Грязях и там помолиться пред иконой над папертью. Эту икону — образ Богородицы "Святое семейство" привез в Россию в начале века один русский иконописец, сделав копию с итальянской картины или иконы (?). Икону тогда и поместили над входом в храм. Вскоре после усердных молитв перед надвратным образом несчастная женщина получила три радостных известия: о прощении мужа, возвращении имения и освобождении сына из плена. С тех пор этот образ Богородицы получил в народе название "Трех радостей" и усердно чтился многими богомольцами⁹⁸.

Многим дворянам Москвы и Санкт-Петербурга было известно откровение, которое имела после молитв возле образа Ахтырской Богородицы (обретена в 1739 г.) одна из петербургских паломниц — баронесса Е. Вейдель в 1748 г. Во сне ей суждено было увидеть Пречистую Богородицу, которая сказала: "Напрасно просишь ты об исцелении. Тебя ждет смерть. Поспешి раздавать по церквям и нуждающимся все твое имение. Это полезно будет для твоей души... Не заботься о детях. Я буду всегдашнею их Покровительницею. А ты готовься к смерти; так как умрешь через три дня, и раздавай свое имущество по церквям и нищим, чтобы они молились о тебе". В указанный срок баронесса действительно скончалась, а сирот определила ко Двору сама императрица Екатерина II. Когда они выросли, их выдали замуж: одну за графа Панина, другую за графа Чернышева. Обе они не оставляли вниманием и заботой Ахтырскую обитель⁹⁹.

Помещик Калитинский, владелец местечка Тыврова Винницкого уезда Подольской епархии, в 1739 г. приобрел себе в дом список с чудотворного об-

* Полевые материалы О.В. Кириченко, 1996 г.

раза Ченстоховской Божией Матери и через год стал свидетелем великого чуда — икона засияла необычным светом. Этот свет потом видели и другие. Портной еврей, побывавший в доме помещика, чрезвычайно поразился этим явлением и в скором времени крестился. Помещик перенес икону из своего дома в местную церковь Воскресения Христова, где ее поставили в алтаре на горнее место. Об этой иконе народом составлялись духовные песни, которые пели богомольцы¹⁰⁰.

Чудесные знамения возле другого чудотворного образа — Балыкинской иконы Божией Матери произошли во время русско-шведской войны в первой четверти XVIII в. В доме подполковника Т. Дульского, в Стародубском уезде “заплакала” икона Божией Матери. Пораженный хозяин дал обет отнести ее в храм. Потом ему было явление Божией Матери и был наказ, чтобы он не забывал своего обещания. 4 августа 1711 г. подполковник отдал чудотворную икону в церковь с. Балыкино, в храм Святителя Николая. Ныне чтимый список сохранился в г. Орле, в Свято-Введенском женском монастыре. Икона была написана на холсте, наклеенном на доску. В 1770 г. одним из почитателей (Василием Юркевичем) была сделана на нее среброзлащенная риза, а в 1811 г. риза переделана на средства графа А.И. Безбородко¹⁰¹.

Небесные знамения через чудотворные иконы, как следует из контекста всех перечисленных повествований, давались для укрепления веры по молитвам живущих или уже усопших благочестивых предков. Святыни, наделенные особой благодатной силой, пробуждали в человеке и стремление к высокой молитве и открывали в нем дар покаяния. Этому также немало свидетельств.

Общезвестно, что многие русские дворяне в XVIII в. увлеклись философскими учениями, отвергающими бытие Бога, или же теософскими мистическими школами, масонскими орденами, да и просто большими страстями своего бурного времени. Какая-то часть дворян потом вернулась к заветам предков — к православной вере. По молитвам ли близких, по неисповедимому Промыслу Божию некоторые из них обретали покаяние перед святынями, которые они раньше попирали своим кощунственным пренебрежением и высмеиванием.

Графиня А.Д. Блудова привела в своих “Воспоминаниях” рассказ о прадеде Николае Петровиче Щербатове. Он служил при Петре I и “вполне увлекался духом времени или, лучше сказать, духом своего полу-военного, полу-придворного кружка..., уносясь в открытую пучину вольнодумства, почти до отрицания Всемогущего Бога”. После смерти Петра ушел в отставку, но по клеветническому доносу был взят под стражу и попал в тюрьму. Ждал приговора. В это время вся семья графа, и особенно жена Анна Васильевна, горячо молились дома о спасении его. В одну из ночей, как потом рассказал князь, ему было чудесным образом указано молиться перед иконой Казанской Божией Матери. Князь после долгих раздумий попросил принести ему

в камеру из коридора тюрьмы указанную в явлении икону. Знаменательно описание постепенной перемены духовного состояния князя Щербатого после молитв перед образом Божией Матери. Ему стали вспоминаться детские годы, праздники, молитвы с родителями. Покаяние глубокое и искреннее начало проникать в сердце. А вскоре пали и внешние преграды — он был освобожден из-под стражи. Икона же, перед которой молился князь в своем заточении, стала заветной семейной реликвией. На нее был сделан золотой оклад. Сам же князь до конца жизни уже не оставлял усердной молитвы и веры¹⁰².

Другой дворянин — С.И. Тимирязев, также будучи уже в преклонных летах, “неожиданно” из вольнодумца-вольтерьянца сделался глубоко набожным православным христианином. Обращение к вере произошло во время тяжелой болезни, когда во сне ему был указан образ Иверской Богоматери, через который он может получить исцеление. Тогда же С.И. Тимирязев дал обет приобрести виденную во сне икону, если исцелится от болезни. С выздоровлением и приобретением иконы изменилась вся жизнь недавнего вольнодумца. Он стал много молиться, выдерживал строгий пост и умер в покаянных чувствах. Образ же Иверской Божией Матери — копию с чудотворной иконы из Иверской часовни у Воскресенских ворот семья хранила как великую святыню¹⁰³.

Дворяне нередко вразумлялись чудесами, после которых наступало просветление духовных чувств. Те, кого касалась Божия благодать, потом клятвенно запечатлевали свои рассказы в тех обителях, где это с ними произошло, оставляя тому письменные свидетельства. Например, подобную запись оставил в стенах Почаевской лавры в 1711 г. Владислав Кременецкий. Он был вразумлен за хульные мысли о мощах. Также в Киево-Печерской лавре полковник, пожелавший пошутить над мощами прп. Онуфрия, был остановлен чудесным образом¹⁰⁴. После чего он месяц пролежал в постели, потом говел и причастился, “...и вот с тех пор, — как сам он писал, — благодарение Богу! боюсь и думать о безверии и кощунстве”¹⁰⁵.

Иногда одного толчка в сердце человека было достаточно, чтобы он духовно проснулся и усовестился. Так, например, ктитор приходского храма с. Устья дворянин Никифор Поплонский решил вместе с протоиереем храма забрать в свой храм из рядом находящейся бедной Ордынской пустыни (Смоленская епархия) чтимый образ Владимирской Божией Матери. Из благочестивых как будто побуждений. Но внезапно и тот и другой серьезно заболели. И сразу восприняли с ними случившееся как проявление воли Божией. Как только приняли решение возратить образ и помочь устройению обители, так сразу почувствовали, что покаяние их принято. Помещик Поплонский сделался щедрым благотворителем обители. Подарил в 1720 г. в вечное владение лесные дачи и пахотную и сенокосную землю. Пожертвовал средства и на строительство каменного храма и келий. И в обитель потяну-

лись богомольцы, услышавшие об этом случае. Сюда же, как передает летопись Ордынской пустыни, была принесена по обету господином Симеоном Степановичем Жуковым чтимая икона свт. Димитрия Ростовского, написанная по заказу этого дворянина торопецким живописцем Гаврилом Дерябиным в 1762 г.¹⁰⁶

Похожая история произошла в с. Парском Костромской губ., принадлежавшем голицынскому роду. Там, в местном храме Усекновения главы св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна находилась местночтимая чудотворная икона св. Иоанна Предтечи. Икона чтилась и владельцами села и всей округой. Один из князей Голицыных сделал попытку забрать образ в Москву, в свой домовый храм, но так случилось, что крыша его жилого дома в отсутствие людей обрушилась, икона же не пострадала. Князь воспринял случившееся как гнев Божий и потому поспешил вернуть икону обратно “с великою славою”¹⁰⁷.

ИКОНА В ДОМЕ

Почитаемые и чудотворные образа безусловно выделяли из числа прочих икон, но при этом и к остальным относились так же, как к святыням. За новыми иконами обращались в иконную лавку и там, не торгуясь, но отдавая столько, сколько просит продавец, как бы “выменивали” икону. Могли заказать писать икону и отдельному мастеру-иконописцу, что стоило совсем недорого по тем временам. Иконописец А.В. Ступин (из дворян) передает, что ему от таких индивидуальных заказов на жизнь не хватало и потому он был рад, когда мать присылала “медную гривну (20 коп.) в помощь”¹⁰⁸. А.А. Благово в записной книжке отметил, что за три образа Спасителей “промену дано 60 алтын”¹⁰⁹.

При домах столичной знати нередко жили мастера иконописцы, иногда устраивались целые мастерские¹¹⁰. Живописец мог жить или при господском доме, или своим двором¹¹¹.

Правительство и церковь в течение всего XVIII в. пытались контролировать качество написания икон. При Петре I было издано по этому поводу несколько строгих законов — 13 февраля и 12 апреля 1707 г., 1722 г. (ПСЗ. Т. VI, № 4079). Для надзора за иконописцами была учреждена специальная “Палата изографов” во главе с Иваном Петровичем Зарудным. Ему была дана инструкция из 20 пунктов, на которую в течение долгого времени и ориентировались те, кто контролировал качество написания икон¹¹². По причине некачественного изображения было запрещено литье медных и оловянных икон¹¹³.

Но, кроме этого, царь заботился о создании новых иконописных мастерских, где бы подготавливались опытные изографы и шло написание икон.

В д. Борисовке Б.П. Шереметева царь основал школу живописи, в которой занимались сначала монахини, а затем и жители этого села. В конце XVIII в. более 200 монахинь занимались здесь иконописью, и работы их знали и покупали на Юге России¹¹⁴. И это был не единовременный шаг. Подобная забота, вероятно, распространялась не на один монастырь в Борисовке. Так, Петр I велел прислать в Хотьковский монастырь мастериц для обучения инокинь прядильному делу, ткачеству и шитью золотыми нитями. Здесь, как и в Борисовке, возрожденная традиция не прерывалась вплоть до советского времени¹¹⁵.

И после Петра I правительство следило, чтобы в продаже были только качественно написанные иконы. Выходили указы подобно тому, который вышел 7 сентября 1744 г. Запрещалось печатать и продавать неискусно выполненные образы Спасителя, Богородицы, святых¹¹⁶. Такие указы были еще от 17 октября 1744 г. (ПСЗ.Т. XII, № 9052) и от 12 февраля 1759 г. — о надзоре над иконописцами¹¹⁷. В начале 1760-х годов вышло несколько запретительных указов, в том числе об отобрании неискусно выполненных бумажных икон святителя Димитрия Ростовского с чудесами¹¹⁸.

В 1762 г. по предложению синодального обер-прокурора князя Козловского для надзора за иконописцами определен некто живописный мастер Алексей Антропов, состоящий в чине подпоручика. Жалованье ему положено 600 руб. в год. Он должен был готовить учеников¹¹⁹.

Иконы могли помещаться в специальной комнате, которая являлась одновременно и подвижным антиминсом домово́й церкви¹²⁰. Здесь могли быть и портреты близких, умерших родственников, царские портреты и вместе с ними изображения подвижников благочестия.

Количество икон в домах столичной знати значительно уменьшилось в XVIII в. по сравнению с веком предыдущим. Сам царь Петр I подавал тому пример¹²¹. Конечно, подобное отношение к иконе не было со стороны царя иконоборчеством или протестантским пуританством. Это скорее была реакция на то, что в некоторых случаях за внешним благочестием не стояло внутреннее. К тому же, занимаясь устройством светских форм общежития для высшего сословия, необходимых для успешной реализации реформ, Петр I понимал, что старый порядок вещей механически не сольется с новым.

Однако в доме князя А.Д. Меншикова (к моменту его ссылки) иконы находились в каждой комнате. В доме на Чистопрудной, в верхней палате: «В “передней” образ чудотворца Сергия. В “крестовой” иконостас резной, столбы и дорожки и ширендели* золочены, в нем десять образов. Наверху Распятие, по обе стороны четыре образа, под иконостасом налож книжной

* Витые стойки иконостаса.

(очевидно, здесь была домовая церковь. — О.К.)... В “комнате” образ Воскресения Христова, оклад и венцы золотые чеканного дела, на шесть запон алмазных, на полях низан жемчугом. Образ Сергия чудотворца, оклад серебряный, чеканного дела, золочен. Персоны Царского Величества за стеклом рамы. В спальне — образ Саввы Сторожевского чудотворца оклад серебряный золочен. В задних палатах образ Распятия Христова на полотне, в рамах образ Спасителей писан на полотне и в рамах»¹²².

Судя по описям вещей у А.П. Вольтцова или обер-гофмаршала и кавалера Д.А. Шепелева, к середине XVIII в. для домов столичной знати еще было характерно большое количество икон. У последнего в покоях находились двенадцать образов, в основном Спасителя и Богородицы, часть их — без окладов¹²³; кроме того, два портрета — Петра I и Елизаветы Петровны. У А.П. Вольтцова среди дорогих писанных, в золотых и серебряных окладах образов есть и бумажные иконочки: Девяти мучеников за 3 копейки, Успения святой Анны за 50 копеек. Имелась и такая святыня, как “Крест благословляющий” серебряный, вызолоченный, в деревянном киоте¹²⁴.

Во второй половине XVIII в. в домах петербургской знати икон было уже гораздо меньше. В доме А.Г. Разумовского (80-е годы XVIII в.) была “Молельня с семейными образами, мраморным бюстом Спасителя работы знаменитого итальянского скульптора с неугасающими лампадами и портретом покойного графа”¹²⁵. У княгини Е.Р. Дашковой в столовой комнате “Бог” был блистательно освещен в своем углу; серебряный образ св. Екатерины — также с лампадами¹²⁶. Перед сном в этом доме иконы специально окуривались ладаном.

В сельских помещичьих домах, конечно, больше сохранялись прежние, традиционные порядки. В каждой жилой комнате непременно висело несколько иконок, перед чтимым образом зажигалась лампадка. В простом деревенском помещичьем доме Аксаковых перед образами во всякое время горела лампадка¹²⁷. В деревенском доме образованного помещика из-под Тобольска (конец XVIII в.) Ивана Андреева, судя по его описанию, образов было немного: Богоматерь Иверская в серебряной ризе, в резном киоте, Распятие, Николай Чудотворец — бумажная литография. В доме также имелись две картины, написанные маслом на “Божественные темы”. В городском доме в Тобольске И. Андреев имел большее число икон: образ Богородицы Абалацкой в окладе, шесть не названных мемуаристом образов в серебряных ризах, частью в резных киотах, два образа Спасителя: один образ алебастровый, в резном киоте, другой на холсте, в передней; из Богородичных — образа Знамения и Благовещения¹²⁸.

Иконы нередко помещались в киоты с дверцами, которые после моления запирались. Но в деревенском доме помещика была и особая “передняя” — комната специально для молебнов. Как описал А.Т. Болотов, “это была хо-

лодная комната, и все украшение ее состояло в образах простых и в киотах, которыми были наполнены весь передний угол и целая стена. Здесь “царствовала темнота” и никто никогда не жил, а наполнялась она народом один раз в год в святую неделю, когда с образами приходили к ней и служили молебн¹²⁹. Однако самому Андрею Тимофеевичу, юному тогда, но познакомившемуся уже со столичными порядками, такое разделение кажется странным, и он прерывает традицию: убирает иконы из передней и размещает их в “жилой” комнате. «Повесил образ Сосца Богородицы (“Млекопитательницы”. — О.К.) и другие образа из матушкиных хоромцев, прежние же полки и угольники сломал»¹³⁰.

Перед иконой молились в бедах и болезнях, а также в трудных жизненных ситуациях. “Я молился на монастырских вратах образу Спасителю со слезами много раз, — писал о себе А.В. Ступин, — дабы открыл мне надежный путь к моему счастью”¹³¹. Молились и на домашних молебнах, когда почитаемую икону “поднимали” из храма или монастыря и привозили в дом страждущего.

Какое-то время в первой четверти XVIII в. существовал запрет на проведение крестных ходов из церкви или монастыря в дома прихожан. Петр I в 1722 г. запретил их проведение, мотивируя свои действия тем, что у него нет иной возможности предотвратить неблагочиния, часто сопровождающие подобные крестные шествия. Закон о запрете крестных ходов в дома прихожан был отменен в 1744 г. Елизаветой Петровной. Была попытка при Екатерине II опять вернуться к запрету на крестные ходы. Инициаторами выступили епархиальные архиереи в наказах Законодательному собранию в 1767 г. В одном наказе отмечалось: “Чтоб в Москве и в городах из монастырей и из приходских церквей ни с какими образами к жителям в дома ходить и для сбора денег и прочаго с образами и местными свечами бродить допускано не было”¹³². Но правительство не поддержало эти предложения.

Жизнь брала свое. Жившие по вере даже из среды высшей столичной аристократии продолжали совершать домашние молебны, “поднимали” к себе домой прославленные образа, молились и прикладывались к ним. По благочестивому обычаю, под иконой, которую “поднимали”, следовало пройти после прикладывания к ней. А.М. Тургенев отметил этот факт в своих воспоминаниях: “К супруге сенатора П.В. Лопухина возили со всех сторон чудотворные иконы, Иверскую, Всех скорбящих, Утоление печали, Взыскание погибших... служили напутственные молебны, святили воду, окропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на пол и через нее переносили святые иконы...”¹³³ Почитание этой иконы входило в церемониал прибытия в Кремль русских императоров. “Со времен Павла I... все императоры считали своим долгом совершать вход в Кремль через Воскресенские ворота”¹³⁴.

Просвещенные верой дворяне, помещики и горожане, безусловно, осознавали свою ответственность как людей, имеющих власть, и перед Богом, и перед народом. Крестные ходы с местнотимыми образами из церквей в дома дворян и были одною из возможностей благодатного укрепления места своего дома. В храмовый праздник, как описал граф Д.Н. Толстой, из приходской церкви крестным ходом несли в дом его отца местнотимый образ и затем там служили всенощную. На другой день крестным ходом икону возвращали обратно¹³⁵.

Запретами на крестные ходы народ и некоторые дворяне не были довольны. Не случайно, например, гвардейский офицер А.А. Благово в своей дневниковой "Памятной книжке...", когда перечисляет известные события русской истории (он пишет ее в 1750 г.), несколько раз останавливается и на запрете Петра I на проведение крестных ходов. Тут же он добавляет, что в 1732 г. (в 1744 г. по законам. — О.К.) крестные ходы были возобновлены¹³⁶, хотя и оставляет свои слова без комментария.

Крестные ходы любили за соборную молитву, за высокие и незабываемые минуты молитвенного единения всех: богатых и бедных, помещика и крестьян. А.Т. Болотов приводит в своих записках один из подобных примеров. В 1770-е годы в округе свирепствовала чума и его деревня Дворяниново решила "поднять образа" и сугубо помолиться Богу об избавлении. "Прояснение было трогательное и чувствительное. Возле пруда был отслужен молебен, освящена вода... по водосвятии приносили с коленопреклонением наитеплейшие моления наши ко Всевышнему, и я не думаю, чтоб когда-нибудь маливались мы с таким искренним усердием, как в тогдашнее время"¹³⁷. После молебна помещик угощал всех у себя обедом, а потом все провожали святые образа из деревни.

Подобные чувства испытал и петербургский сановник граф Е.Ф. Комаровский во время крестного хода из Курска в Курский Коренной монастырь с чудотворным образом Божией Матери Курской. Крестный ход двигался тридцать верст. Впереди верхом ехал курский гражданский губернатор. "Мне никогда не случалось, — писал Е.Ф. Комаровский, — видеть такого множества народа, вместе соединившегося из разных стран России, как при перенесении сей чудотворной иконы. Вокруг нее несут несколько превеликих фонарей на длинных палках; всякому хочется хотя дотронуться, если не удастся быть в числе несущих, до сих палок. Сия приверженность народа к священной сей процессии и теплая вера его к чудотворной иконе может почтена быть совершенным торжеством нашей религии"¹³⁸.

Как писал в своих записках другой автор — казанский дворянин Ф.П. Печерин (ум. в 1816 г.), многие дворяне г. Казани также принимали участие в крестном ходе с Смоленской Седмиозерской иконой Божией

Матери. Святой образ на месяц ходом приносили в Казань из Седмиезерной мужской пустыни (в 18 верстах от города), а потом также крестным ходом несли в пустынь. Автор записок подчеркивает, что основная масса богомольцев из дворян доходит пешком до Кизического монастыря, что в 3 верстах от Казани, и отсюда, сев в экипажи, разъезжается по домам. Крестный ход же следует через некоторое время дальше¹³⁹. Слава Смоленской Семиозерской иконы Божией Матери была велика в Казанском крае, поэтому образ почитался не только православными. 24 января 1804 г., как свидетельствует летопись монастыря, в обитель за помощью прибыл комендант Казани генерал-майор Стефан Николаевич Каstellий (протестант по вероисповеданию). Он с трудом передвигался с помощью нескольких помощников, так как уже длительное время болел ногами. Болящий молился за вечернею, потом приложился к чудотворному образу. На ночь ему помазали ноги елеем из лампады, денно и ночью горящей перед иконой, а утром он выслушал утрению, Божественную литургию, акафист и домой возвратился уже отчасти выздоровевшим. А через несколько дней его долгая болезнь совершенно прошла¹⁴⁰.

Памятными для многих дворян, как следует из воспоминаний, остались “хожения” с образами в дом к ним народа “превеликой толпой” и священника с причтом в дни Светлой седмицы. И тогда крестьяне “в господских домах долго и по целому дню пробывали...” Хозяева называли их “годовые гости”¹⁴¹. В эти дни “достопочтенная семья Ивана Петровича Архарова” угощала за своими домашними столами дворовых. Таков был обычай: в день разговения за стол сажали сначала прислугу и господа сами разносили крестьянам угощения¹⁴². И этот шаг не был исключительным, напоминающим римский праздник для рабов. Подобное желание вытекало из христианского смирения хозяев дома и их милосердного отношения к своим крепостным.

За глубокой молитвой русский человек традиционно ехал в монастырь, на богомолье. Там в глубоком молитвенном покое, среди монастырской братии, перед мощами великих русских святых особенно высвечивался подлинный смысл жизни православного христианина — “стяжание Духа Святого”, по слову преподобного Серафима Саровского¹⁴³.

После личного посещения святых мест или подарка от кого-либо из знакомых, ездивших на богомолье, в благочестивом дворянском доме появлялись и новые святыни — паломнические. Они, как правило, не были дорогими по цене, но драгоценными по принадлежности к почитаемому святому и его обители. Крестики, образки, кольца, ладанки, камешки, маслице — вот те реликвии, которые сохраняли в спальней комнате или же носили в ладанке на шее. У Серафимы Никифоровны Селивановой (первая четверть XIX в.) такие паломнические святыни были собраны в две коробочки и мешочек. Одна коро-

бочка была с воронежскими реликвиями, от святителя Митрофания Воронежского¹⁴⁴.

Обычным и самым распространенным местом богомолий (в особенности москвичей) была Троице-Сергиева лавра. На поклон к преподобному Сергию ехали, непременно заезжая в Хотьков монастырь для поклонения могилам его родителей — схимников Кирилла и Марии. К концу XIX в. в Троицкое богомолье стали включать и Вифанию — обитель, выстроенную митрополитом Платоном (Левшиным), место его постоянного пребывания. Ехали на благолепную службу и на проповеди прославленного искусным словом пастыря.

Добирались до Троице-Сергиевой лавры (в 1744 г. монастырь стал лаврой) или экипажем, или, что тоже нередко, пешком. Пешие богомольные “хождения” предпринимали к мощам преподобного и русские императрицы — Анна Иоанновна¹⁴⁵, Елизавета Петровна¹⁴⁶. О Екатерине II в отношении лавры таких сведений нет, но она иногда предпринимала пешие обетные богомолья. Так, в дни болезни цесаревича Павла императрица дала обещание сходить пешком в Санкт-Петербургскую церковь во имя образа Божией Матери “Всех Скорбящих Радость” на поклон чудотворной иконе¹⁴⁷. А кроме того, были поездки в монастыри Ростова, Киева и других мест. В том городе, куда императрица приезжала, она в первую очередь шла в храм и молилась¹⁴⁸.

При Елизавете Петровне произошли два важных события, имеющие отношение к обители преподобного Сергия: монастырю был дан статус лавры, мощи преподобного были переложены в новую раку. На церемонии перенесения мощей присутствовало много богомольцев, в том числе, как писал в отчете архимандрит Амвросий, “многие господа”. Из официальных лиц были отмечены помощник Ее Императорского Величества граф С.А. Салтыков, генерал-кавалер М.Я. Волков, тайный советник, губернатор Инзы Б.Г. Юсупов, генерал-майор Н.П. Салтыков, действительный статский советник И.В. Одоевский¹⁴⁹.

После причисления святителя Димитрия Ростовского к лику святых (1757 г.) и торжественного перенесения мощей (1763 г.) в серебряную раку при участии императрицы Екатерины II Ростов стал особенно активно посещаться богомольцами всех сословий. Ярославль и Ростов и до того были любимы паломниками*. Но с обретением мощей святителя Димитрия Рос-

* Ростов был единственным из уездных городов, где находились для поклонения мощи столь большого числа угодников Божиих: в Ростовском кафедральном соборе — свв. Леонтия и Игнатия Ростовских; в Петровском монастыре — прп. Петра, царевича Ордынского; в Яковлевском монастыре — мощи свтг. Димитрия и Иакова Ростовских; в Богоявленском монастыре — мощи прп. Авраамия, ростовского чудотворца.

товского слава о многочисленных исцелениях, которые совершались здесь, распространилась по всей России. В числе приезжающих было немало дворян. Из 150 богомольцев, получивших исцеление у гроба свт. Димитрия (журнал велся с 1759 по 1763 г.), 51 человек были дворянами. И они клятвенно и при свидетелях исцеления огласили факты чудесной помощи по молитвам к святителю¹⁵⁰.

Маршрут московских богомольцев во второй половине XVIII в. был чаще всего таков: Хотьковский женский монастырь—Троице-Сергиева лавра—Ростов¹⁵¹.

По-разному совершали свои паломнические путешествия дворяне-богомольцы. Если поездка предпринималась для сугубой молитвы и сопровождалась подготовкой, постом и желанием причаститься, то "трудники на Божьей стезе" ехали не на поклон к мощам, а к своему духовному отцу, в один из монастырей строгой жизни. В этом случае старались не отвлекаться на что-либо другое — зрелищное. К поездкам по святым местам и к святым мощам угодников Божиих серьезно готовились, исповедовались, причащались. Так, отставной генерал-майор Сергей Иванович Мосолов во время тяжкой болезни, готовясь к смерти, исповедовался и на исповеди дал обет: если выздоровеет, то пешком сходит к мощам св. Сергия поклониться ему. Причастившись он в скором времени пошел на поправку. После выздоровления поспешил исполнить обет, добрался до лавры, а утром четвертого дня отстоял литургию, заказал преподобному благодарственный молебен, приложился к мощам, на два часа заехал к митрополиту Платону в Вифанию, после чего вернулся домой¹⁵².

В паломнической поездке, которую описала Е.П. Янькова (начало XIX в.), ею были отмечены следующие детали: прежде всего желание осмотреть Вифанию, видеть полное архиерейское богослужение, послушать проповедь митрополита Платона, помолиться преподобному Сергию, отслужить ему молебен, приложиться к мощам. Для поездки выбрали время Успенского поста, канун Преображения Господня. В Хотьков монастырь не заезжали¹⁵³. Часто ездили на богомолье к святым мощам и родители мужа Е.П. Яньковой¹⁵⁴.

В своей богомольной поездке княгиня Е.Р. Дашкова (она выехала из подмосковного имения) посетила лавру и Ростов. Свт. Димитрия княгиня называла покровителем рода Воронцовых, опираясь, очевидно, на тот факт, что Воронцов Семен и Воронцов Илларион были воеводами в Ростове во времена свт. Димитрия и поддерживали теплые отношения с прославленным архиереем¹⁵⁵. Княгиня молилась возле святынь, но не забывала в своем паломничестве осматривать и светские достопримечательности окружающих мест¹⁵⁶.

Московский житель, студент С.П. Жихарев — сын помещика Воронежской губ., вырвался на три дня, как он с жаром писал в записной книжке, из

театральной, салонной, чиновничьей Москвы, чтобы “опорожнить полноту сердца” молитвой, воскресить то время, что проводил здесь прежде на богомолье со своей родительницей. “У Троицы насмотрелся, наслушался и намолился вдоволь... на сердце легко”, — писал он. Приехал С.П. Жихарев в лавру в пятницу (наняв московского извозчика на три дня), “начал с молебна, прикладывался к раке угодника, удостоился прикоснуться губами к деревянному гробу его”*. Потом — Вифания, и по возвращении оттуда — лаврские службы¹⁵⁷.

Паломники-москвичи не обходили вниманием и тверское направление. Путь из Москвы в Петербург проходил через Тверь и Новгород, и дворяне, отправляясь в северную столицу в гости или по делам, не могли по дороге миновать тверских святынь**.

О тверском богомолье упоминает в записках сенатор Д.Б. Мертваго. Из д. Демьяновки Клинского уезда он отбыл в один из тверских монастырей, чтобы заложить церковь, которую его теща строила, выполняя обет. Из Твери богомолье продолжилось к Ростову с заездом во все встречающиеся монастыри и святые места¹⁵⁸.

Москвич, гвардейский офицер А.А. Благово отметил в своей “Памятной книжке”, что вместе с семьей отправился на богомолье в Калязин и Кашин, заехав прежде в Троицкий монастырь. Автор не упоминает ни об исповеди, ни о причастии. Только “слушали обедню, на расход 40 коп.” Лишь на 9-й день поездки, в Кашине “сестру Авдотью Александровну причастили Св. Таин, очень больна сделалась”¹⁵⁹.

Другая богомолица из Москвы в Петербург — Е.П. Янькова — упоминает г. Торжок, где она посетила мужской Новоторжский монастырь и приложилась к мощам прп. Ефрема (ум. в XI в.). Также поклонилась там мощам прп. Авраамия, лежащим под спудом. В Новгороде в одном только Софийском соборе пребывали мощами шесть угодников Божиих в открытых раках и десять под спудом, были шесть чудотворных икон и частицы многих святых мощей, положенные в специальную деревянную раку, и другие святыни¹⁶⁰. И в нем остановка была “дольше... побывали в соборе и монастырях, где много мощей и святынь”¹⁶¹. Е.П. Янькова проявила внимание и к могилам известных лиц недавнего прошлого. Она посетила могилку казненного при императрице Анне “несчастливого князя Долгорукова... мужа известной

* Кн. Е.Р. Дашковой как почетной гостье дали возможность приложиться к самим мощам (Записки Дашковой. С. 487).

** Преображенский собор в Твери, где покоились мощи св. блгв. князя Михаила Тверского, Тверской Отрочь монастырь — место заточения свт. Филиппа (Колычева), митрополита Московского, Желтиков монастырь (также недалеко от Твери) с почивающими там мощами свт. Арсения (ум. в 1409 г.).

Наталии Борисовны, дочери фельдмаршала Шереметева”, и служила по нем панихиду¹⁶².

Частыми были богомольные поездки дворян в Нило-Столбенскую пустынь, где в 1667 г. были открыты мощи прп. Нила Столбенского (27 мая ст.ст.). Как следует из доношения Синоду преосвященного Афанасия, епископа Тверского, в 1761 г. число богомольцев, особенно ко дню обретения мощей прп. Нила, было значительным. Тверской владыка просит повторить тираж недавно напечатанной службы преподобному с частью канона ему, так как первый “завод” — 1200 экземпляров разошелся среди приезжающих, среди которых было немало дворян. Книжечки раздавались “за подаванием образа чудотворца и хлеба, за что богомольцы усерднее к той пустыне обращаются”¹⁶³.

Многие богомольцы старались попасть в эту чтимую обитель ко дню празднеств. До трех тысяч паломников собиралось в такие дни, как писал один из богомольцев — Платон Степанович Лавров, приехавший сюда с братом. Вместе со всем народом молились они в храме, потом шли за мощами крестным ходом вокруг монастыря и после обхождения “подходили под гроб” — с молитвою к прп. Нилу для благословения от святого подвижника¹⁶⁴.

Один из таких паломников пожелал потом построить церковь на месте, где молился святой угодник Нил. Место, где прп. Нил “пристал”, было до того отмечено каменной часовней по благословению преосвященного Гавриила. Секунд-майору Ивану Сергеевичу Челищеву было разрешено выстроить храм во имя св. Иоанна Предтечи, как он и просил¹⁶⁵.

Помещики нередко присылали в пустынь различные припасы¹⁶⁶.

Воскресенский Новоиерусалимский монастырь с его многими святынями, яркой символической топографией и могилой основателя монастыря — патриарха Никона привлекал в XVIII в. множество паломников из дворян. В монастырь ехали помолиться и посмотреть его достопримечательности. Здесь в течение века многие дворянские фамилии хоронили своих умерших. Имя патриарха Никона в XVIII в. помнили, чтили и простые люди, и многие дворяне, и даже государи. При Петре I в обители Новый Иерусалим продолжались строительство и ремонт обветшавших строений, а монастырь продолжал оставаться ставропигиальным. После пожара 1726 г. его деятельно восстановила императрица Елизавета. О монастыре заботились Екатерина II и император Павел I. Когда император Павел со всею Фамилией посетил это место, то «уважил память патриарха Никона и близ монастыря его пустынь, рассматривал в оной все находящееся с великим любопытством и вниманием, возлег на каменный одр, на коем уединявшийся Никон покоился, и, поцеловав каменное возглавие, сказал: “Так-то Великий Никон смирял себя! Труды его достойны нашего уважения”»¹⁶⁷.

В обитель в течение XVIII и XIX в. поступало много дарений от дворян и высокородных вельмож*.

Здесь молились и хоронили своих близких представители родов Долгоруковых, Волконских, Урусовых, Шаховских, Щербатовых, Челобаевых, Горчаковых, Мецкерских, Голицыных, Ухтомских, а также дворян Приклонских, Аленыных, Текутьевых, Хитровых, Сухова-Кобылиных, Вульфовых, Софоновых, Муратовых, Бестужевых-Рюминых, Карповых, Татищевых, Спечинских, Наумовых, Полуниных, Самариных, Юшковых, Малиновских, Ламакиных, Хлебниковых, Поповых, Балк¹⁶⁸.

Санкт-Петербург хотя и не мог сравниться с Москвой числом святынь, но тем не менее также имел их у себя. Город с момента своего основания находится под покровительством святого благоверного князя Александра Невского и апостола Андрея Первозванного. Петр I начал закладку города в день Святой Троицы 16(27) мая 1703 г. со специальной церемонии положения ковчега с частицами мощей святого апостола Андрея в ров, частично вырытый руками самого царя¹⁶⁹.

Мощи св. блгв. кн. Александра Невского были перенесены из Владимирского Рождественского монастыря в 1724 г. Сенат назначил сопровождать святыне мощи окольничего Михаила Собакина, с ним — обер-офицера, унтер-офицера и 20 человек драгун¹⁷⁰. От Петра I личное поручение смотреть за всем было дано Василию Петровичу Головину¹⁷¹. Сначала специальный ковчег со святыми мощами несли на руках крестьяне (ямщики и посадские), 150 человек попеременно. Потом святыню встретил царь и сам сопровождал

* Церковь Всех святых возобновлена гр. Головкиной, а по смерти ее снабжена утварью кн. Долгоруковым-Крымским; храм свв. Константина и Елены возобновлен и украшен медным иконостасом иждивением гр. К.Г. Разумовского; церковь св. апостола Иакова возобновлена иждивением обер-камергера И.И. Шувалова; храм образа Божией матери "Утоли моя печали" — иждивением кн. А.А. Суворова-Рымникского в память матери Варвары Ивановны, здесь погребенной (Краткое историческое описание ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. М., 1802. С. 20); церкви Лонгина помогал тайный советник Ф.В. Наумов; в храме Рождества Христова придел Избиения младенцев возобновлен в 1789 г. княжной Е.Ф. Мецкерской; здесь же придел Поклонения волхвов устроен от гр. Остермана в 1787 г.; придел Бегство в Египет устроен в 1784 г. от кн. А.Я. Грузинской; придел Обрезания Господня устроен в 1782 г. титулярным советником И. Савиновым, а потом возобновлен Г. Ушаковой; в храме Павла Исповедника придел во имя Преображения Господня устроен в 1808 г. и снабжен ризницей от статс-дамы Е.Р. Дашковой (Там же. С. 33); там же придел Семидесяти апостолов устроен от генерала Б.А. Загряжского в память супруги, погребенной здесь; в Воскресенском храме устроен придел свт. Николая гр. М.Е. Шуваловой в память ее сына; там же придел Тихвинской иконы Божией Матери устроен коллежским ассессором А.З. Воронцовым, снабжен ризницей и утварью; там же придел устроен полковником А.В. Сухова-Кобылиным в память супруги Е.И., в монастыре погребенной; в храме св. Андрея Критского придел свв. Иулия и Екатерины устроен гр. Ю.П. Литом; придел во имя Разделения Риз воинами обновлен иждивением гр. М.И. Воронцова. В обитель также делали вклады купцы и мещане (Там же. С. 19—33).

ковчег на корабле до Санкт-Петербурга¹⁷². Мощи были помещены в Свято-Троицкий собор Александро-Невского монастыря (с 1797 г. — лавры).

Петербургские дворяне, сохранявшие благочестивые традиции, выезжая из столицы в другой город или на дачу, в имение, прежде того шли на поклон и благословение к мощам благоверного кн. Александра Невского, к Казанской иконе Божией Матери, к Спасу Нерукотворному в Домике Петра I.

Петр I чтит келейную свою икону Спаса Нерукотворного — благословение родителей, предположительно письма Симона Ушакова. Она находилась с ним и во всех дальних походах, в изголовье, и на смертном одре. Пред нею он горячо молился при основании Санкт-Петербурга. И эта святая икона была одною из любимых у петербуржцев. Когда многочисленные богомольцы шли в Домик Петра, то говорили: “Идти к Спасителю”, “ехать к Спасителю”¹⁷³.

При Павле I в северную столицу было перенесено еще несколько чтимых христианских святынь: Филермская икона Божией Матери, написанная, по преданию, евангелистом Лукой, десница Иоанна Предтечи и частица Креста, на котором был распят Христос¹⁷⁴. Для России и для православной Церкви это было событие огромной важности. Император тщательно готовился к встрече. 12 октября 1799 г. Павел I вместе со свитой прибыл из Гатчины в г. Ингебург. Возле Спасских ворот произошла торжественная передача святынь, после чего многочисленный крестный ход отправился в Гатчину. Император пешком шел рядом с каретой, перевозившей дары мальтийцев. Возле дворца Павел I взял в руки ковчег с десницей св. Иоанна Предтечи и с пенным тропаря внес его в придворную церковь. Туда же были определены и другие прибывшие святыни¹⁷⁵. И хотя эти святыни были личными реликвиями императорской семьи и находились в придворной соборной церкви Спаса Нерукотворного образа, но ежегодно крестным ходом их переносили в Гатчину на один месяц для всеобщего поклонения¹⁷⁶.

Благочестивые дворяне Санкт-Петербурга, Новгорода и помещики окрестных мест любили посещать Тихвинский монастырь, где пребывал чудотворный образ Тихвинской Божией Матери. День торжеств, посвященный Тихвинской Божией Матери (26 июня ст.ст.)¹⁷⁷, почти совпадал с памятным днем Полтавского сражения. Сражение в свое время и было на день отложено по просьбе Б.П. Шереметева, чтобы почтить праздник святой иконы и помолиться о победе¹⁷⁸. Известно, что у другого представителя этого рода — графа Н.П. Шереметева — Тихвинское богомолье было любимым¹⁷⁹.

Из святых мест Вологодского края в XVIII в. особенно на слуху были известия, приходившие из Тотемского Спасо-Суморина монастыря. Основатель монастыря прп. Феодосий (ум. в 1568 г.) почитался и в XVI, и в XVII в. Чудотворения у его могилки не прекращались. Приходили сюда помолиться все — и бояре, и простые люди. В 1693 г. 17 июля (ст.ст.) монастырь посетил

проездом в Архангельск царь Петр I. Он “возложил на изображение преподобного, находившееся на гробнице, янтарный образ распятия Христова с серебряной, позолоченною цепочкою”¹⁸⁰. Преподобный к этому времени почитался как местночтимый святой, ему была составлена служба. Святые мощи обрели в 1796 г., но лишь в 1798 г. состоялось торжество перенесения мощей в раку для открытого поклонения.

Павел I на донесении Синода написал: “...приедем Мы явление сих св. мощей знаком отличного благословения Господня на царство Наше и возсылая за то Наше теплое моление и благодарение Благодетелю в вышних, поручаем Св. Синоду учинить о сем знаменитом явлении оглашение повсеместное в государстве Нашем по обрядам и преданиям церкви и св. отец”¹⁸¹. Столица не сразу приняла такое решение. Из Тотьмы шло много запросов от тотемских властей и общественности с просьбой ускорить дело освидетельствования явленных мощей. В Тотьме губернатор Иван Андреевич Кузнецов писал Святейшему Синоду, что “народ из самых дальних губерний стекается в монастырь многими тысячами и просит от лица всего градского общества утвердить обретение мощей прп. Феодосия”. Епископ Арсений указывал в свою очередь также на размах почитания и на социальный состав богомольцев: “...тамошние граждане и окрестные обыватели... и жительствующие в отдаленных губерниях не точию простого народа, но и благородного дворянства и именитого купечества частократно в тот Суморин монастырь приезжающих и приходящих для моления...”¹⁸²

Богомольцы, отправляющиеся из Москвы или Санкт-Петербурга, конечно, не могли миновать и самой Вологды, и Заонежской Владимирской Богородицкой пустыни (в 14 верстах от Вологды), где пребывали мощи основателя монастыря прп. Иосифа (ум. в 1612 г.) и мощи иноков Антония и Иоанникия. И монастырь в XVIII в. действительно посещали “мнози от воинского чина и царского дому и от градов честнии и простии христианского рода...”¹⁸³

В источниках личного характера почти не встречается свидетельств о дворянских богомольях из центральных областей России — Москвы, Санкт-Петербурга, губернских центров в Киево-Печерскую лавру.

Судя по мемуарам, выбирались к печерским святыням немногие из дворян, в основном те, кто жил дома по строгому (монастырскому) уставу¹⁸⁴ или готовился всецело отдать себя Богу на служение в монастыре. Последние шли за благословением.

В жизни многих подвижников благочестия — выходцев из дворянского сословия Киево-Печерская лавра обязательно присутствовала; сюда, в колыбель русского монашества они приходили, чтобы благословиться на уход из мира, чтобы всецело предать себя на служение Богу и ближним.

Приблизительно около 1760 г. в Киево-Флоровский монастырь прибыла помещица Ярославской, Владимирской и Рязанской (Переславской) губер-

ний, вдова, полковница Агафья Семеновна Мельгунова. Ей было благословлено устроить женскую обитель в Нижегородской губернии. В пострижении мать Александра, она стала основательницей крупнейшего в России женского монастыря — Дивеевского¹⁸⁵.

Из Рязани в 30-е годы XVIII в. в лавру пришла дочь богатых рязанских дворян Тяпкиных — Дарья. Скрыв свое происхождение и пол, она до конца жизни пребывала в монастыре под именем затворника Досифея, явив высокий образец монашеского служения. Она благословила юного Прохора Мошнина — будущего прп. Серафима Саровского — идти в Саров¹⁸⁶.

Для Ольги Васильевны Стригалевой (из дворян Костромы; в монашестве — Олимпиада, ум. в 1828 г.) киевское богомолье также было важнейшим этапом ее жизни. В 1813 г. она приняла настоятельство Арзамасской Алексеевской общины. Община являлась детищем старца Феодора Санаксарского и была известна (даже в Москве¹⁸⁷) строгостью жизни и перепискою книг для монастырей и простых людей¹⁸⁸. Богомолье стало для монахини Олимпиады подведением итогов жизни. В Киев помещица М.М. Алфимова дала ей карету с кучером. Дорогою монахиня читала Псалтирь и книги свт. Димитрия Ростовского. По пути заезжали в Елец, также останавливались помолиться и приложиться к иконе Божией Матери Курской Коренной пустыни. Вскоре после приезда в лавру и причащения монахиня Олимпиада тихо умерла и была погребена (в виде исключения) в дальних пещерах лавры¹⁸⁹.

В лавру за благословением на монашескую жизнь пришли еще подростками старец Василий (Кишкин) и игумен Курской Коренной пустыни Макарий (Каменецкий). Отправились они из Саровской пустыни пешком¹⁹⁰.

Известный подвижник иеросхимонах Задонского монастыря Нафанаил (из дворян Остаповых), живя еще в миру, каждый год пешком ходил в Киев на богомолье¹⁹¹.

Киев посещали и те из дворян, кто взял на себя подвиг странничества. Так, Илья Васильевич Верховский, сын знатного воеводы из Смоленского края, 10 лет странствовал по России, прошел около 12 тысяч верст, но "далее всего прожил в Киеве. Здесь он научился резной работе, вырезывал в малом виде иконы из дерева..."¹⁹²

Надо сказать, что, странствуя, обходя обители и пустыни, И.В. Верховский время от времени спрашивал себя: готов ли он к монашеской жизни. Пройдя столь нелегкий искуc, он отказался от пострижения, женился, но дома при этом жил вполне по монастырскому уставу¹⁹³.

Другой дворянин Платон Степанович Лавров (в монашестве — Палладий), сходяв по обету из Санкт-Петербурга в Киев на поклонение мощам, дал там обет странствия. Странствовал он, пока не принял монашеский постриг. До пострига он посетил Соловецкий монастырь, Яринский остров, за-

тем все монастыри Вологодского края, а также монастыри Новгородской земли. Пострижен был в Сарове¹⁹⁴.

В Киево-Печерскую лавру приходили, чтобы решить главнейшие духовные вопросы своей жизни. Зная, что в обители есть прозорливые старцы, обращались к ним, чтобы узнать о себе волю Божию, найти себе духовника¹⁹⁵, выяснить, какую жизнь избрать после отставки со службы¹⁹⁶, и другие важные вопросы.

В документах личного характера можно встретить примеры обетных богомолий в Киев дворян из Центральной России. Например, супруги Грязновы через некоторое время после рождения дочери во исполнение обета поехали в июле 1752 г. в лавру для поклонения мощам¹⁹⁷. Месяц и более уходило на подобное богомолье. Помещица Харьковской губ. Мария Дмитриевна Дунина по старой благочестивой традиции вместе со взрослыми детьми пешком совершала свои богомолья к мощам в Киев¹⁹⁸.

Подобных свидетельств по многим причинам встречается в этот век не так много. Но крестьянина, пожелавшего поклониться Киево-Печерским чудотворцам и “порадеть Богу”, боголюбивый помещик не удерживал. Как передает в своих записках Д.Н. Свербеев, богомолец, которого отпустил тверской помещик, был глава зажиточной семьи (из 40 человек), пожилой крестьянин Архип Ефимович. С богомолья он принес барину в благословение из Киева “образок, просфорку, да еще колечко от мученицы Варвары”¹⁹⁹. Помещик обстоятельно расспросил Божьего трудника, ходившего “Христовым именем”, и подробно записал рассказ крестьянина.

Из числа местночтимых святых подвижников, кроме указанных выше, особенно почитались в XVIII в. святители Иоасаф Белгородский, Феодосий Черниговский, Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский и блаженный Симеон Верхотурский.

Святитель Иоасаф (Горленко) прославил город Белгород своим великим архиерейским служением (ум. в 1754 г.). Уже при жизни он сделался народным епископом. Его слово одинаково весомо звучало и для простолюдина, и для губернатора Белгорода. Знатный вельможа граф П.С. Салтыков не соблюдал постов, искушая тем самым и подчиненных. После бесед со святителем он в конце концов со слезами раскаялся²⁰⁰. Почитание памяти и чудеса по молитвам к святителю Иоасафу начались вскоре после его кончины. К гробнице со слезными молитвами приходило немало дворян из Белгорода, а также помещиков из окрестностей²⁰¹.

Место упокоения свт. Феодосия (ум. в 1696 г.) в Чернигове весьма почиталось сначала местными жителями, но со временем, когда слава о многих его чудесах стала распространяться, сюда начали приезжать со всей России. В 1772 г. были открыты нетленными его мощи. Тогда же они были положены в деревянную раку.

Свт. Феодосия почитал М.И. Кутузов и “усердно прибегал к его благодатной помощи в особенно важных обстоятельствах своей жизни”, приезжал сюда на богомолье, молился, служил панихиды²⁰².

Поскольку книгу записей возле гробницы свт. Феодосия начали вести только в XIX в., все имеющиеся свидетельства приходится на этот век. Среди приходящих, как отмечает летопись, были и дворяне²⁰³.

Для второй половины XVIII в. особое значение имел святитель Тихон Задонский. В XVIII в. в Задонский монастырь, где подвизался до 1783 г. святитель Тихон, епископ Воронежский, ехали в основном те из дворян, которые при жизни святителя были знакомы с ним: приезжали за духовными советами и благословением, писали письма. Граф Степан Федорович Толстой в заведении выразил желание и после смерти пребывать в монастыре, куда он часто приезжал и посылал письма. В Задонский монастырь на богомолье и на могилку брата стал приезжать другой Толстой — Николай Федорович вместе со своею семьей. По словам его сына графа Д.Н. Толстого, к этим поездкам серьезно готовились. Ехать нужно было более 100 верст: “Шли две четверо-местные кареты, две коляски, бричка, повозка и наконец дрожки. Эти последние служили для переезда через опасные мосты, спуски с гор и т.п., когда грязь препятствовала делать это пешком”. Ехали, не торопясь, шагом. В походной палатке на привале ели. В экипажах спали, а лошадей отводили на постоялый двор. Ехали не менее недели. “Приблизясь к городу, мы обыкновенно отдыхали у больницы, выстроенной при колодце, ископанном руками преосвященного Тихона...” В монастыре “помещались мы в гостинице... внутри монастыря... В течение этого времени мы вели совершенно монастырскую жизнь, присутствуя при всех богослужениях и сверх того нередко заказывая особые молебны и всенощные. Непременным долгом отец считал отслужить панихиды по преосвященному Тихону, схимонаху Митрофану и на могиле своего брата... За два дня до нашего отъезда отец давал обыкновенно обед, на который приглашал архимандрита, казначея и других соборных старцев, а на другой день делалось такое же угощение всей братии манатейной* и рясофорной** ...Напоследок, оделив их по древнему русскому обычаю милостынею, мы выезжали из Задонска и через неделю были дома”²⁰⁴. О Задонском богомолье писали в основном те московские помещики, которые владели именьями в Воронежском крае²⁰⁵.

Другой центр в Воронежском крае, куда шли богомольцы, — это могила свт. Митрофана, епископа Воронежского. Как при жизни, так и по кончине

* Постриженные “в мантию”, т.е. в монашество; давали монашеский обет и получали право носить мантию и клобук.

** Посвященные в иноки — чин перед пострижением в монашество; ныне — чин рясофорных послушников.

святителя (ум. в 1703 г.) многие из дворян по вере своей обращались к нему за помощью, молились, служили по нему панихиды, приезжали к могиле. Уже после 1717 г., когда обнаружилось нетление мощей, началось их массовое почитание. Но только с первой трети XIX в. взялись вести записи чудотворений. Судя по ним, за помощью шли люди всех сословий. Так, в житии свт. Митрофана приводится замечательный случай исцеления в 1829 г. липецкого помещика И.Н. Ладыгина, полностью вылечившегося от паралича²⁰⁶.

Опишем одну из таких паломнических поездок ко гробу Воронежского святителя, которую предприняли симбирские дворянки сестры Андреевы. Они решили отправиться помолиться Богу и угоднику Его в сопровождении своего духовного отца — священника Симбирского Спасского монастыря о. Василия. Июльским ранним утром, прочитав утрению и часы, отправились в путь. “В экипажах же сидя, молились каждая особо, по данной им заповеди. Случалось и то, что во время остановок, оправившись от дороги, в какой-либо светелке или порожнем амбаре, затеплив свечку пред дорожной иконой Спасителя или Богоматери, молились все вместе при чтении им акафиста; когда же спутницы его садились за работу, он читал вслух Евангелие или из Четьи-Минеи, с приличным нравственным приложением”²⁰⁷.

Святыни, приходившие в дома к дворянам столь разными путями, в том числе и после богомольных поездок, были благодатной защитой их домам и всей округе. Богообщение через святые мощи и иконы позволяло быть ревностными в вере, просвещало умы духовным светом, необходимым для честного и мудрого гражданского, социального и политического служения.

В этой связи необходимо отметить и то, как относились благочестивые дворяне к святыням в своих домах. Хранение великих христианских святынь заставляло этих людей особенно благоговейно относиться к исполнению заповедей Божиих, быть внимательными к своей духовной жизни, молитве, знать церковную службу.

В таких семьях основательно изучали церковный устав и, начиная с юных лет, дворянский отпрыск постигал вместе с научением грамоте по Азбуковнику, Часослову, Псалтири догматическое и практическое содержание службы в церкви. “К 14 годам, — писал о себе гр. Д.Н. Толстой, — воспитание наше народное завершилось”. Он прочел “круг церковных книг: коротко был знаком с прологами, синаксарями, четьи-минейми, знал славянские переводы Златоустого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Макария Египетского, Лествичника и других светил нашей церкви” (конец XVIII в.)²⁰⁸. Отец учил графа Д.Н. Толстого и понимать Новый Завет, читал его вместе с сыном и толковал.

Прославленный русский писатель Д.И. Фонвизин с глубокой благодарностью вспоминал библейские уроки отца, его наставления, когда мальчику приходилось быть в церкви псаломщиком. Отец учил вникать в смысл текста, чтобы сын читал внятно, неторопливо, чтобы чтение “было приятно Богу”²⁰⁹.

У помещика Воронежской губ. П. Жихарева в приходской церкви службы проходили часто. Сын его С.П. Жихарев писал об этом: "...ежедневные утрени, молебны и всенощные, в которых я исправлял роль дьячка, читал словословие"²¹⁰.

Нередко помещики в своем приходском или домовом храме сами пели на клиросе²¹¹. К тем из них, кто хорошо знал церковную службу и устав, бывало, даже обращались за помощью из соседних монастырей. Можайский дворянин, чиновник Иван Строгов был известен в своей округе строгой христианской жизнью, а также как знаток церковной литературы (начало XIX в.). "К нему, — как вспоминал об этом сын Эразм Иванович, — приезжал игумен Колоцкого монастыря упрашивать помочь отправить всенощную по уставу Феодора Тирона... Помню, отец с книгою переходил с клироса на клирос и звонким тенором что-то читал и клиросы подхватывали..."²¹² В другом случае И.М. Долгоруков был специально приглашен своей знакомой баронессой А.Б. Строгановой в домовую церковь как знаток церковного устава с тем, чтобы проверить, верно ли проводится служба. По ходу служения заутрени князь заметил сокращения, и тут же баронесса священнику сделала замечания, с которыми тому пришлось согласиться²¹³.

Как следует из воспоминаний гостыи княгини Е.Р. Дашковой М. Уильмот, та в своей приходской церкви также внимательно следила за службой и "поправляла попа, если он ошибался"²¹⁴.

Обычно, если у дворянина имелась домовая церковь, то, как указывают современники, службы проходили каждый день. Особенно это было характерно для помещиков. Вставали рано, вместе с дьячком или священником вычитывали полунощницу, а затем утрению. Сановник в отставке В.В. Головин после утрени выслушивал отчет своих приказчиков, пил чай и только потом шел на литургию. Вечером самостоятельно вычитывал вечернее правило²¹⁵.

Боголюбивые помещики также любили приглашать из рядом находящейся обители уважаемых ими иеромонахов для проведения праздничной службы. Хозяин не только слушал и молился, но и оказывался помощником во время такой службы, читал и подпевал. Курский губернатор Александр Матвеевич Веревкин, уйдя в отставку, много времени стал проводить в церкви. Ежедневно принимал монахов из Курской Коренной пустыни, которые проводили в домовой церкви службу, и имел даже намерение на месте своего имения соорудить монастырь²¹⁶.

Нет свидетельств о чтении акафистов перед почитаемыми образами, но не раз упоминается в источниках личного характера другой жанр — более строгого молитвенного песнопения, т.е. каноны. Их приобретали в основном в монастырях, переписывали, когда приезжали на богомолье, или получали уже переписанные монахами. Академик живописи А.В. Ступин в детские годы,

живя в Арзамасе, переписывал каноны и молитвы, которые мать его брала также в рукописном виде из Алексеевской женской общины г. Арзамаса²¹⁷.

Перед чтимым образом служили заказной молебн. Монастырские молебны были дорогие: например в 1750-е годы в Троице-Сергиевой лавре священникам за молебн платили 2 рубля, в то время как в московской церкви этот богомолец платил за здравный молебн 2 деньги или в другой раз — 3 алтына 2 деньги^{*218}. А по личному усердию самостоятельно мог вычитываться и канон. Богомолец П.С. Лавров прибыл в Житнов прп. Нила Столбенского монастырь, что возле Осташкова, в дни чествования памяти преподобного. Вместе с братом он отправился после молитвенного участия во всех торжествах в монастыре к святыне, находившийся неподалеку от монастыря: “В бору подле часовни (в которой чудотворный образ Пресвятой Богородицы Трое-ручицы) бьет ключ и бывает целение от веры глазам. Прочитал перед образом канон...”²¹⁹

Отдельную книжечку “Каноник” также можно было приобрести недорого (за 40 коп. в 1744 г.) в Москве, или Петербурге, или в любом из губернских городов²²⁰.

Упоминания о молитвословах как отдельных сборниках встречаются редко. В основном пользовались Последованной (Следованной) Псалтирью, в которой, кроме Псалтири и отдельных молитв, были утреннее и вечернее правила, а также правило к причащению. Сборники были в основном рукописные и передавались от поколения к поколению, переходя из рук в руки. Образец такой Псалтири, по свидетельству В.К. Арсеньева, сохранялся почти 200 лет в семье дворян Апайшиковых. В конце книги было записано родовое поминание, включающее имена известных государственных лиц: царицы Екатерины, царя Павла, великих княгинь Александры, Елены, митрополита Гавриила и др.²²¹

Интересный экземпляр молитвослова сохранился в личном архиве семьи Бутурлиных. Это — книжица небольшого формата, около 60 листов, в кожаном переплете с надписью тиснением золотом “Исповедь по Псалтири 1598 года”. Текст переписан от руки в третьей четверти XVIII в. полууставом, с травной заставкой. В Псалтири особый интерес вызывает необычный вариант ежедневного молитвенного правила — “чин исповедание (Апостола Павла правило) грехи своя пред образом Божиим на всяк день”²²². Судя по “рабочей”, затертой нижней части листов, молитвослов не лежал без употребления.

Молитвословы или покупали, или переписывали, или получали в подарок от церковноначалия²²³. Переписные молитвословы включали в себя молитвы, выписки из святоотеческих книг²²⁴. К середине XVIII в. государственные и церковные типографии стали выпускать достаточное количество печатных Псалтирей и Последованных Псалтирей, так что в обычном губернском го-

* Алтын — старинная монета в 3 коп., деньги — мелкая монета в полкопейки.

родке можно было приобрести необходимый экземпляр за сумму от 2 руб. 40 коп. до 35 коп. (Калуга, 1744 г.)²²⁵.

Знание Библии зависело не только от желания читать ее текст, но и от возможности иметь доступные издания. Подготовка нового церковнославянского перевода началась еще при Петре I. Но к печати текст удалось подготовить только к середине XVIII в. Свод “елизаветинской” Библии появился в 1751 г. (последнее перед этим издание было в 1663 г.)²²⁶.

После издания главной христианской книги чтение ее стало более доступным широкому кругу православных читателей. Книгу активно раскупали и внимательно читали и перечитывали, о чем пишут мемуаристы. Интерес к “виду обширнейшему” был обусловлен и мировоззренческой потребностью знать детально и цельно библейскую картину мира. “Я прочитал всю Библию, — писал Иван Иванович Мешков, — и некоторые места много раз,... Нашедши в Библии описание сотворения мира и историю известных в древности народов и их правления, а также все, относящееся до Заветов Ветхого и Нового, я получил впечатления, меня переродившие; ибо хотя я из катехизиса и имел сообразное моим летам понятие о Боге и о мире, но Библия раскрыла мне то и другое в виде обширнейшем”²²⁷.

Этот тон удивления и трепетного восхищения, открытия подлинного сокровища, о котором до поры не ведалось, есть у всех мемуаристов, затрагивавших эту тему. У графа В.С. Толстого с обращения к страницам Библии начался путь покаяния, целиком изменившего его жизнь. В разговоре о поэзии он услышал от умного и начитанного собеседника Ф.А. Голубинского (20-е годы XIX в.) “о прекрасном и высоком в священных книгах Ветхого и Нового Завета, что побудило отца, — как пишет его сын граф М.В. Толстой, — в первый раз в жизни приняться за чтение Библии. Чем более он читал, тем более св. книга оказывала сильное действие на его сердце. Особенно рассказ евангелистов о страдании и смерти Спасителя трогал его до слез”²²⁸. Признание графа В.С. Толстого важно тем, что он указывает на сокровенную точку отсчета, жизненно важную для себя. Текст Священного Писания возвратил душу дворянина-вольтерьянца не просто к переживанию крестной смерти Спасителя, но силой слов Евангелия потряс его всеми великими подробностями тех событий. Граф В.С. Толстой покался не только как христианин, но и как дворянин, которому уяснились его социальная роль, его высокое общественное служение. Ведь после этого он “примирился... с родственниками, с которыми был в ссоре,... заботился о бедных, о сиротах. Ко всем сделался ласков и снисходителен”²²⁹.

Московский чиновник С.П. Жихарев, воспитанный благочестивыми родителями — помещиками Воронежской губ. (в последней четверти XVIII в.), кроме прекрасного знания церковного Устава хорошо был ознакомлен ими и с текстом Библии. Встретившись в Москве уже взрослым человеком с другим

знатоком Священного Писания Алексеем Семеновичем Яковлевым, Сергей Петрович удивил своего собеседника чтением наизусть «песни Моисея, лучших мест из “Пророков”, из “Притчей”, из “Премудрости Соломона” и “Сираха”, нескольких глав из Евангелия Иоанна Богослова... высоких мест в посланиях апостольских». При этом и его собеседник с восторгом говорил о знании и чувствовании “всех высоких красот Священного Писания”²³⁰. Об интересе к Священному Писанию и знании его текста свидетельствуют и многочисленные цитирования книг Ветхого и Нового Заветов в мемуарах, дневниках, письмах²³¹.

В домах с устойчивыми благочестивыми традициями находилась святоотеческая и житийная литература. В ее составе были книги Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Макария Египетского, Иоанна Лествичника²³². Продолжали переписываться сборники святоотеческих поучений, прологи. “Златоструй” — традиционный для прошлых веков сборник нравоучений на всякий день, читаемых во время службы, встречается и в XVIII в. Экземпляр, который находился в московской семье Бутурлиных, назывался “Золотая струя — сборник правил и рассуждений о разных видах поведения”²³³. Книга посвящена ответственности за слово православного христианина. В каждой из двадцати пяти глав подробно освещается то или иное качество “языка”: языка хвалящего, молчаливого, красноречивого, насмешливого, спорщика, упрямого и т.д. В рассуждении “О языке шутивого” речь идет о величии веры: “Наш ум не может постигнуть величие святой веры..., а святость и чистота ее должны нас в страх и трепет приводить, а не... шутить над ней, а особенно бесценные правила и предания ее посмеятельно переговаривать...”²³⁴

Событием чрезвычайной важности в церковной жизни было составление святителем Дмитрием Ростовским новой редакции Четьих-Миней. По признанию современников, Четьи-Минеи были одной из самых читаемых духовных книг XVIII в.* Этот труд имел огромное духовно-просветительское значение, он приобщал читателей к монашескому идеалу в новых условиях жизни. Жития читали и простолюдины, и дворяне. И сердца многих читающих разгорались вновь чистым пламенем веры, а у некоторых — и желанием подобных подвигов. “Особенно полюбилось мальчику (Алексею) чтение Четьих-Миней свт. Дмитрия Ростовского, — говорится в

* Свт. Дмитрий начал работать над “Житиями” в 1684 г., а в 1689 г. стали печататься первые четыре книги. Вторые четыре книги вышли в свет в 1695 г., третьи четыре в 1700 г., а в 1705 г. — последние четыре. С 1711 по 1716 г. выходило 2-е издание, частью пострадавшее от пожара. А в 1759 г. появилось 3-е издание — первое полное синодальное. Всего в течение XVIII в. было 10 изданий Четьих-Миней (Житие святителя Дмитрия Ростовского. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991. Сентябрь; Сумцов Н.Ф. Дмитрий Ростовский // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 478).

Жизнеописании известного старца иеросхимонаха Алексия (из дворян Блинских). — Запечатлевая в душе своей светлые образы жизни святых Божьих, невольно и сам он проникался искренним желанием угождать Богу по их примеру»²³⁵. Архимандрит Феофан (из дворян Соколовых) в детстве читал исключительно духовные книги: «Священное Писание, отеческие поучения, назидательные сказания о жизни святых подвижников»²³⁶. У старцев Зосимы (из дворян Верховских) и Георгия Затворника (из дворян Машуриных) матери сумели познакомить отроков с душеполезным содержанием Четых-Миней²³⁷. Евдокия Николаевна Тютчева (в монашестве — Евгения) после смерти мужа «нашла силу в молитве и чтении книг свт. Димитрия»²³⁸.

Радостью от прочтения Четых-Миней поделился с читателем в своих мемуарах А.Т. Болотов: «Отец Илларион принес мне „Жития святых“ в Четых-Минях... Какая была для меня радость... Чтение сие было мне сколько увеселительно (духовно радостное. — О.К.), столько и полезно: оно посеяло в сердце моем первые семена любви и почтения к Богу и уважения к Христианскому закону»²³⁹. Попасть же Четых-Миней в подобную Болотовской сельскую церковь могли, например, дарением дворянина-доброхота, как это было, скажем, в следующем случае: Абрам Петрович Ганнибал в 1775 г. подарил своему сельскому храму Воскресения Христова 12-томник Четых-Миней издания 1768 г. как «вкладную книгу»²⁴⁰.

Большой любовью и вниманием пользовалась в православной дворянской среде книга митр. Стефана Яворского «Камень веры». Начиная с 1730-х годов она стала попадать в библиотеки провинциальных помещиков. Ее охотно читали и ценили за глубокое и вместе с тем простое изложение основных позиций православного вероучения и, конечно, за всесторонний критичный разбор еретических заблуждений протестантизма.

Можно было встретить эту книгу в 1750 г. в библиотеке петербуржца А.А. Благово, который ее купил в лавке за 3 рубля 16 алтын 4 деньги²⁴¹, в деревенской библиотеке дяди Болотова. Восторженный отзыв А.Т. Болотова о «Камне веры» указывает на острую потребность дворян в такого рода литературе: «„Камень веры“...из всех... была важнее прочих...»²⁴². Она имелась также в библиотеке помещиков Грушецких с. Старожилово на Рязанщине²⁴³. Мы находим ее и в числе любимых книг сельского протоиерея в начале XIX в.²⁴⁴

Книга свт. Стефана имела в течение века, безусловно, высокий спрос и авторитет. Первым тиражом в количестве 1200 экз. она вышла в 1728 г. и была раскуплена в течение трех месяцев. Следом были осуществлены два переиздания — в 1729 г. в Москве и в 1730 г. в Киеве. После десяти лет запрета, с 1730 по 1740 г., она опять вернулась на прилавки²⁴⁵.

Первостепенное значение среди богословских творений для Церкви и читателей во второй половине XVIII в. имели труды свт. Тихона Задонского.

Книги его были близки широкому кругу читателей, потому что самое высокое богословие было изложено им в простой и доходчивой форме. В 1788 г. десятилетний иконописец А.В. Ступин (из дворян, но воспитанный в мещанской семье) купил книгу свт. Тихона Воронежского “О должности христианина” по той причине, что “она удобна, понятна тогда казалась слабому десятилетнему моему понятию”²⁴⁶. Пензенский губернатор Федор Петрович Лубяновский знал о творениях свт. Тихона Задонского от своего отца, который, живя в Воронеже, был знаком со святителем и даже “полюбился владыке и разделял его труды в устройстве и образовании семинарии, усердием и знанием приобрел его доверие”²⁴⁷. Сам Федор Петрович писал, что «из сочинений преосвященного Тихона 1-го* “Сокровище, от мира собираемое” для меня драгоценно»²⁴⁸.

Святитель Тихон вел обширную переписку с духовными лицами и с дворянами. В письмах наряду с конкретными советами содержались также глубокие богословские рассуждения и обобщения²⁴⁹.

Все сочинения свт. Тихона Задонского при жизни распространялись в рукописях. Их переписывали и рассылали по епархиям. Через полгода после кончины святителя стараниями келейника И. Ефимова с разрешения Синода было напечатано большинство его творений. До 1799 г. выходили отдельными изданиями все главные работы свт. Тихона Задонского, и в этот год впервые было выпущено собрание его сочинений²⁵⁰.

В XVIII в. — веке распространения рационалистического подхода к познанию — от православной Церкви потребовалось обратить особое внимание на создание богословских трудов, отвечающих на вопросы современного читателя. Встала также задача через устную проповедь донести до “книжной” и “некнижной” паствы вероучительные знания Православной Церкви. И дворянство горячо откликнулось на эти инициативы Церкви. Проповеди слушали, переписывали, ходили специально в храмы к наиболее ярким проповедникам. М.Н. Сперанский отмечал, что в рукописных сборниках XVIII в. в военной дворянской среде списывались и читались среди прочих книг слова и проповеди, а также статьи духовного содержания²⁵¹.

В XVIII в. начался настоящий расцвет проповеднического искусства. Все монархи обращали особое внимание на произнесение проповедей священниками в церквях, ходили специально слушать красноречивых проповедников. А к концу века проповедь вошла в разряд обыкновенных явлений, ее стали произносить не только в монастырях, но и в соборных и приходских церквях²⁵².

Важно отметить интерес образованных читателей и к церковной истории. Среди творений свт. Димитрия Ростовского остался незаконченным компи-

* В отличие от других архиереев с тем же именем на Воронежской кафедре.

лятивный хронограф “Келейный летописец”, где освещались события от творения мира до ветхозаветного патриарха Иакова. Книга разошлась среди читателей в рукописях и пользовалась большой популярностью в дворянской среде²⁵³.

Так же был особо популярен у читателя “Синописис” архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля. “Синописис” был “первой печатной книгой по русской истории, доступной широкому читателю”²⁵⁴. Не случайно она так много переиздавалась в XVII и в XVIII в. Впервые она появилась в печати в 1674 г.²⁵⁵ Всего же “Синописис” переиздавался в XVII–XIX вв. 25 раз²⁵⁶.

Православных читателей и власти в этом произведении привлекала идея славянского единства, ярко раскрытая на основе обширного исторического материала. В нем были показаны также библейские истоки этого единства. Центром русской истории автор выбрал события, связанные с Куликовской битвой. Из мемуаров дворян XVIII в. мы можем увидеть, что Поле Куликово паломнически посещалось дворянами²⁵⁷, и может быть, даже под впечатлением прочтенных страниц киевского “Синописиса”.

За хранением дворянами большого числа святынь в своих домах, за потребностью ездить на богомолья, чтобы поклониться великим православным святыням, безусловно, в первую очередь стояла цель Богообщения — через молитву, через стяжание благодати в дарах Духа Святаго. Но были и другие высокие цели: испрашивалось благословение Божие и святых на служение ближнему (крестьянину; подчиненному по службе; своей семье; нищим). Созданное в XVIII в. отдельное сословие дворян, как показывает рассмотренный материал, в лучших своих представителях было благословлено разного рода христианскими святынями на истинное служение своему Отечеству, народу и Церкви.

¹ Агеева О.Г. Некоторые вопросы содержания понятия “патриотизм” в общественной мысли России первой четверти XVIII века // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX в.). Научная конференция. Москва, 12–14 мая 1992 г. Тез. докл. М., 1992.

² Кириченко О.В. Традиции православной религиозности у русских дворян XVIII ст. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 38–41.

³ Филарет (Дроздов), митр. Слово в день торжественного венчания и священного помазания Благодетельнейшаго Императора Николая Павловича // Творения Святителя Филарета митрополита Московского и Коломенского. М., 1877. Т. 3. С. 403–405.

⁴ Забелин И. А. История города Москвы. М., 1990. С. 126–128.

⁵ Там же.

⁶ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1996. С. 70.

- ⁷ Романов Г.А. Московские крестные ходы XIV—XVII вв. М., 1996. С. 28.
- ⁸ Хождение Даниила игумена Русской земли // Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV веков. М., 1984. С. 211.
- ⁹ Замечательная святыня // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. С. 20—22.
- ¹⁰ Монахова Е. Святыня дома Пушкиных // Православная Москва. 1996, № 4(64).
- ¹¹ Сказание о перенесении честной Ризы Иисуса Христа // Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1992. Июль. С. 263.
- ¹² Родословная Головиных, владельцев с. Новоспасское. М., 1847. С. 39.
- ¹³ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1873. Вып. 3. С. 398.
- ¹⁴ Монахова Е. Святыня...
- ¹⁵ Родословная Головиных... С. 39, 114.
- ¹⁶ Еропкины (заметки и родословные) // РС, 1886, Т. 52, № 11, С. 561—564.
- ¹⁷ Токмаков И.Ф. Сказание о Боголюбской иконе Божией Матери. М., 1902. С. 14.
- ¹⁸ Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1994. В 4 т. Т. 2. С. 68.
- ¹⁹ Доброхотов. Памятники древности во Владимире. М., 1849. С. 19; Душеполезное чтение. 1879. Январь. С. 89—103.
- ²⁰ Токмаков И.Ф. Сказание... 1902. С. 40.
- ²¹ Поселянин Е. Чудотворные иконы Божией Матери. Коломна, 1993. В 2 т. Т. 1. С. 351—352. (репринтное издание).
- ²² Токмаков И.Ф. Сказание... С. 42.
- ²³ Овчинников В.Д. Федор Ушаков. М., 1998. С. 200.
- ²⁴ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889.
- ²⁵ Кириченко О.В. Традиции... С. 204—208.
- ²⁶ [Добрынин Г.] Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная в Могилеве и Витебске // РС. СПб., 1871. Т. 43, № 2—6. С. 573—576.
- ²⁷ [Нащокин В.А.] Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 78—99.
- ²⁸ Там же. С. 81.
- ²⁹ Щегольков Н. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1992. С. 132.
- ³⁰ [Добрынин Г.] Истинное повествование... С. 576.
- ³¹ Там же. С. 577.
- ³² Историко-статистическое и археологическое описание села Парского Юрьевецкого уезда Костромской губернии и его храмов с приходами / Сост. священник Н.Ф. Веселовский. Кострома, 1899. С. 29.
- ³³ Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 103.
- ³⁴ Толстой М. Чудеса святителя Димитрия митрополита Ростовского. М., 1889.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 45.
- ³⁷ Люске А. Рассказ о чудесном покровительстве святителя Димитрия // Душеполезное чтение. 1872. Октябрь. С. 198—201.
- ³⁸ Аполосов М. Село Подгорное Воронежского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1893. № 19. С. 620—623.
- ³⁹ [Болотов А.Т.] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. СПб., 1871—1873. В 4 т. Т. 1. С. 157.
- ⁴⁰ Домовая летопись села Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Начата в Семипалатинске // ЧОИДР. 1870. № 4. С. 126.

- 41 *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца архиепископа Мир-
ликийского и слава его в России. СПб., 1899. С. 384.
- 42 *Корсаков Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 30.
- 43 *Пясецкий Г.М.* История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей.
М., 1899. С. 194.
- 44 *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие... С. 381–384.
- 45 РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 139/433.
- 46 Там же. Оп. 36. Д. 333. Л. 9–10.
- 47 Там же. Д. 454.
- 48 Там же. Оп. 35. Д. 488/83.
- 49 Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря / Сост. иеромонах Леонид
Кавелин. Калуга, 1891. С. 31.
- 50 Игумения Севского Троицкого девичьего монастыря Паисия // Отечественные подвиж-
ники благочестия. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1994. Июль. С. 568.
- 51 РГИА. Ф. 796. Оп. 53. Д. 112. Л. 19.
- 52 *Щегольков Н.* Исторические сведения... С. 91–93.
- 53 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1873.
Вып. 4. С. 121.
- 54 *Забавских Э.* Воскресение Воскресенской церкви // Православная Москва. 1996. Ян-
варь. № 1–2 (61–62).
- 55 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 897. Л. 11.
- 56 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 3.
С. 364–373.
- 57 Там же. С. 373.
- 58 *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской гу-
бернии. СПб., 1836. Т. 1. С. 277–281.
- 59 *Жукова М.Г.* “Твой есмь аз” Суворов. М., 1998. С. 56.
- 60 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1876.
Вып. 5. С. 336.
- 61 Там же. С. 251.
- 62 *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1913. С. 196.
- 63 *Бобе-Колычев М.А.* Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 300.
- 64 Домовая летопись Андреева... С. 168.
- 65 [Благово А.А.] Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Алексан-
дра Алексеевича Благово 1739, 1740 и 1750 годов // Щукинский сборник. М., 1903–1904.
Вып. 2–3. С. 442.
- 66 Замечательная надпись на иконе XVIII века // Церковные ведомости. 1895. № 34.
С. 1182–1183.
- 67 [Благово А.А.] Памятная книжка... Вып. 3. С. 91.
- 68 [Тургенев А.М.] Записки Александра Михайловича Тургенева. С. 375 // РС. 1885.
Т. 17, № 9. С. 379.
- 69 *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 697.
- 70 [Мосолов С.И.] Записки отставного генерал-майора С.И. Мосолова // Щукинский
сборник. М., 1904. Вып. 3. С. 109.
- 71 *Бобе-Колычев М.А.* Боярский род Колычевых. С. 370.
- 72 Там же. С. 281, 395.
- 73 [Кирияков М.М.] О роде Кирияковых. Записи М.М. Кириякова. Чернигов, 1915.
- 74 *Жемчужников П.П.* Родословная дворян Жемчужниковых. Новгород, 1907. С. 27.

⁷⁵ Киселев А. Чтимые иконы Симбирской епархии // Симбирские епархиальные ведомости. 1994. № 2. С. 30.

⁷⁶ Пушкирев И. Описание... Т. 1. С. 194.

⁷⁷ Нилус С.А. Великое в малом. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 106.

⁷⁸ Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901–1904. В 2 ч. Ч. 1. С. 168.

⁷⁹ Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С. 40.

⁸⁰ Из прошлого Саратовской губернии (Записки старого помещика) // РС. 1897. № 3. С. 535–536.

⁸¹ Там же.

⁸² Родословная Головиных... С. 114.

⁸³ Поселянин Е. Чудотворные иконы... Т. 2. С. 558–560.

⁸⁴ Схимонах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1995. Июнь. С. 16 (репринтное издание. М., 1908).

⁸⁵ Калужская икона Божией Матери // Кормчий. 1896. № 35. С. 462.

⁸⁶ Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862. С. 23–122.

⁸⁷ Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904. С. 323. (репринтное издание).

⁸⁸ Знаменский Ф., протоиерей. Новая икона Божией Матери в Санкт-Петербургском Исаакиевском кафедральном соборе, именуемая Корсунскою // Церковные ведомости. 1895. № 35. С. 1193–1198.

⁸⁹ Розанов Н. О церкви Спаса Нерукотворного образа в Барыковской богадельне // Душеполезное чтение. 1869. Август. С. 105–110; Церковь Спаса Нерукотворного образа в Барыковской богадельне на Остоженке. М., 1901; Церковь Нерукотворного Спаса в Барыковской богадельне. М., 1906.

⁹⁰ Григорий, архим. О домовых церквях Московской епархии // ЧОИДР. 1876. Т. 3. С. 1–29.

⁹¹ Подвижнические записки архимандрита Феофана Новоезерского // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв. М., 1913. С. 209–211.

⁹² Одрино-Николаевский монастырь // Церковные ведомости. 1895. № 9. С. 338–343.

⁹³ Поселянин Е. Чудотворные иконы... Т. 2. С. 137.

⁹⁴ Одрино-Николаевский монастырь. С. 341.

⁹⁵ Поселянин Е. Чудотворные иконы... Т. 2. С. 352–353; Добролюбов Иоанн, священник. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань; Зарайск, 1884–1888. Т. 1–3; Т. 3. С. 172, 200; Сказание о чудотворной Боголюбской иконе Божией Матери. СПб., 1860.

⁹⁶ Добролюбов Иоанн, священник. Историко-статистическое описание... Т. 3. С. 172.

⁹⁷ Там же. С. 237.

⁹⁸ Образ Пречистой Богородицы “Три радости” // Кормчий. 1896. № 51–52. С. 683.

⁹⁹ Поселянин Е. Чудотворные иконы... С. 410–414.

¹⁰⁰ Там же. Т. 1. С. 179–180.

¹⁰¹ Сказание о явлении Балькинского чудотворного образа Божией Матери в Черниговской губернии // Орловские епархиальные ведомости. 1895. № 37. С. 1127.

¹⁰² Дьяченко Григорий, священник. Духовный мир. М., 1900. С. 91–93 (репринтное издание).

¹⁰³ Тимирязев Ф. Страницы прошлого // РА. 1884. № 1–2. С. 160.

¹⁰⁴ Переписка сына духовного с духовным отцом своим о нетлении святых мощей // Странник. 1861. Т. 3–4, № 7–12. С. 79–80.

- 105 Там же.
- 106 Ордынская пустынь Смоленской епархии. СПб., 1873.
- 107 Историко-статистическое и археологическое описание... С. 23.
- 108 [Ступин А.В.] Собственноручные записки А.В. Ступина // Шукинский сборник. 1903. Вып. 3. С. 374.
- 109 [Благово А.А.] Памятная книжка... 1903. Вып. 3. С. 45.
- 110 Перехожее духовенство при московских церквях за 1712–1723 гг. / Сост. Иннокентий Николаев. М., 1881. С. 23.
- 111 Скворцов Н.А., священник. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. М., 1911. В 2 т. Т. 2. С. 665–666.
- 112 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1549. Л. 10.
- 113 ПСЗ. Т. VII, № 4154. Л. 5а.
- 114 Павловский И.Ф. Битва под Полтавой. Полтава, 1909. С. 172.
- 115 Спирина Л.М. Покровский монастырь в Хотькове. Сергиев Посад, 1996. С. 17–18.
- 116 [Шаховской Я.П.] Записки князя Якова Петровича Шаховского. СПб., 1872. С. 247.
- 117 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 39. С. 78.
- 118 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1549.
- 119 Странник. 1866. Январь. С. 36.
- 120 [Ступин А.В.] Собственноручные записки... С. 383.
- 121 Трегубов С. Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII в. по мемуарам иностранцев. Киев, 1884. С. 47–48.
- 122 Из бумаг Меншикова // Шукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 366–367.
- 123 РНБ (РО). Ф. 854. Поступление. 1920 г. № 155. Л. 13.
- 124 РГИА. Ф. 796. Оп. 39. Д. 161.
- 125 Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. С. 165.
- 126 [Дашкова Е.Р.] Записки княгини Дашковой. М., 1990. С. 464.
- 127 Аксаков С.Т. Детство Багрова-внука // Семейная хроника. М., 1958. С. 48.
- 128 Домовая летопись Андреева... С. 149.
- 129 [Болотов А.Т.] Жизнь... СПб., 1870. Т. 1. С. 156.
- 130 Там же. С. 239.
- 131 [Ступин А.В.] Собственноручные записки... С. 375.
- 132 Сб. РИО. 1888. Т. 43. С. 46.
- 133 Русов Н.Н. Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 48.
- 134 Обретение новой чудотворной мироточной иконы Божией Матери Иверской. СПб., 1993. С. 11.
- 135 Черты старинной помещичьей жизни (Автобиографические записки бывшего Воронежского губернатора графа Д.Н. Толстого) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. С. 35.
- 136 [Благово А.А.] Памятная книжка... М., 1904. Вып. 3. С. 57; 1903. Вып. 2. С. 397.
- 137 [Болотов А.Т.] Жизнь... 1971. Т. 3. С. 36.
- 138 Записки графа Комаровского. М., 1990. С. 131.
- 139 Записки Федора Пантелеймоновича Печерина (1737–1816) // РС. 1891. Т. 72, № 12. С. 609.
- 140 Сказание о чудотворной Смоленской Седмиозерской иконе Божией Матери. Казань, 1868. С. 23–24.
- 141 [Болотов А.Т.] Жизнь... 1970. Т. 2. С. 850.
- 142 "Архаровы" (Из памятных записок А.А. Васильчикова // РА. 1909. № 1. С. 101.

- 143 Нилус С.А. Великое в малом. С. 179.
- 144 Хранилище вещей Селивановых, собр. А.В. Селивановым. Рязань, 1913. С. 85.
- 145 Письма о России в Испанию Дука Де Лирия // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 3. С. 120.
- 146 Васильчиков А.А. Семейство Разумовских // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 461–463.
- 147 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 5. С. 273.
- 148 Трегубов С. Религиозный быт Русских и состояние духовенства в XVIII в. Киев, 1884. С. 127.
- 149 РГАДА. Ф. 1183. Оп. 4. Д. 16.
- 150 Указатель для ревнителей благочестия // Русский паломник. 1886. № 1. С. 48.
- 151 Толстой М. Чудеса... С. 371–377.
- 152 [Мосолов С.И.] Записки... Вып. 3. С. 137.
- 153 Рассказы бабушки. С. 98–99.
- 154 Там же. С. 45.
- 155 Письма свт. Димитрия митр. Ростовского Л.Г. Воронцову // Архив Воронцова. М., 1870. Т. 1; Шляпкин И.А. Святитель Димитрий Ростовский... С. 369.
- 156 [Дашкова Е.Р.] Записки... С. 486–487.
- 157 Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 94–97.
- 158 [Мертваго Д.Б.] Записки Дмитрия Борисовича Мертваго (1760–1824). М., 1867. С. 299.
- 159 [Благово А.А.] Памятная книжка... Вып. 3. С. 76.
- 160 Месяцеслов Новгородских святых угодников Божиих, открыто и под спудом почивающих в соборах, церквах, часовнях и монастырях... и указатель святых икон / Сост. Краснянский Гавриил, священник. Новгород, 1876. С. 17.
- 161 Рассказы бабушки. С. 250.
- 162 Там же.
- 163 РГИА. Ф. 796. Оп. 42. Д. 335.
- 164 Похождения монаха Палладия Лаврова (с приложением дневника) // РА. 1878. № 8. С. 452.
- 165 РГИА. Ф. 796. Оп. 57. Д. 379.
- 166 Озерецкий Н. Путешествие на озеро Селигер. СПб., 1817. С. 120.
- 167 Краткое историческое описание ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. М., 1862. С. 21–65.
- 168 Там же. С. 87.
- 169 Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Т. 1. С. 7.
- 170 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. III (1723 год). С. 223.
- 171 Родословная Головиных... С. 39–40.
- 172 Описание документов... С. 319–329.
- 173 Михайловский В., протоиерей. Нерукотворный образ Спасителя в домике Петра Великого в Санкт-Петербурге. СПб., 1894. С. 15.
- 174 Церковный праздник в Гатчине // Русский паломник. 1889. № 10. С. 548.
- 175 Августин (Никитин), архим. Филермская икона Божией Матери // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1995. Вып. VII. С. 124–125.
- 176 Поселянин Е. Чудотворные иконы... Т. 1. С. 375.
- 177 Отголоски XVIII века. М., 1897. Вып. 4. С. 17.
- 178 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв. Введенская Оптина пустынь, 1996. Сентябрь. С. 363–365.

- 179 Император Павел в Тихвинском монастыре // Русский паломник. 1892. № 26. С. 407.
- 180 Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местночтимых. Вологда, 1880. С. 519.
- 181 Там же. С. 531—532.
- 182 Там же. С. 531.
- 183 Там же. С. 599; Православные русские обители. СПб., 1994 (репринтное издание. СПб., 1910).
- 184 [Строгов Э.И.] Записки Эразма Ивановича Строгова // РС. 1886. Т. 52, № 10—12. С. 97 (из-под Можайска); Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // РА. 1872. № 1—6. С. 528.
- 185 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. арх. Серафим Чичагов. СПб., 1903. В 2 т. Т. 1. С. 3—5 (репринтное издание).
- 186 Жизнеописания отечественных подвижников... 1996. Сентябрь. С. 255—270.
- 187 [Ступин А.В.] Собственноручные записки... С. 383.; Щегольков. Исторические сведения... С. 162—164.
- 188 Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847. С. 261.
- 189 Жизнеописания отечественных подвижников... 1994. Август. С. 71—95.
- 190 Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской пустыни. Одесса, 1904. С. 8—11.
- 191 Иеросхимонах Задонского монастыря Нафанаил // Душеполезное чтение. 1869. Август. С. 10.
- 192 Старец Зосима Верховский. Житие и подвижнические изречения и извлечения из его сочинений. М., 1994. С. 22—23 (репринтное издание. М., 1989).
- 193 Там же. С. 26—27.
- 194 Похождения монаха Палладия Лаврова. С. 462.
- 195 Жизнь старца Василия... С. 56.
- 196 Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная. 1752—1823 // РС. 1871. Т. IV. С. 600.
- 197 [Грязнов И.М.] Записная книга И.М. Грязнова. 1730—1753 // Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 37.
- 198 Воспоминания Елены Юрьевны Хвошинской // РС. 1897. № 3, кн. 2. С. 519.
- 199 Записки Д.Н. Свербеева // Помещичья Россия по запискам современников / Сост. Н.Н. Русов. М., 1911. В 2 т. Т. 2. С. 168.
- 200 Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII в. СПб., 1905. С. 88.
- 201 Жевахов Н., князь. Иоасаф Горленко епископ Белгородский и Обоянский. Материалы для биографии. Киев, 1908. Т. 2, ч. 1—2. С. 5—24.
- 202 Новоявленный чудотворец, святитель Феодосий Углицкий, архиепископ Черниговский // Кормчий. 1896. № 36—38. С. 501.
- 203 Святитель Феодосий Черниговский. М., 1898. С. 34, 40, 44.
- 204 [Толстой Д.Н.] Черты старинной помещичьей жизни. Автобиографические записки гр. Д.Н. Толстого // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. С. 35—38.
- 205 Рассказы бабушки. С. 77; Жихарев С.П. Записки... С. 83.
- 206 Житие Святого отца нашего Митрофана епископа Воронежского. М., 1907. С. 377.
- 207 Жизнеописания отечественных подвижников... 1996. Сентябрь. С. 288.
- 208 [Толстой Д.Н.] Черты... С. 39.
- 209 Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М., 1959. Т. 2. С. 86.
- 210 Жихарев С.П. Записки... С. 137.

- 211 Домовая летопись Андреева... С. 93; Григорий (Щавельский), протоиерей. Как Суворов строил церковь // Вера и мужество. 1993. № 1. С. 16, 17; Воспоминания Я.П. Полонского "Мой дядя и кое-что из его рассказов" // Русский Архив. 1876. Кн. 1. С. 72.
- 212 [Строгов Э.И.] Записки Эразма Ивановича Строгова. С. 88.
- 213 Долгоруков И.М. Капище моего сердца. Ковров, 1997. С. 204–205.
- 214 [Дашкова Е.Р.] Записки... С. 460.
- 215 Родословная Головиных... С. 60–69.
- 216 Жизнь старца Василия... С. 16.
- 217 [Ступин А.В.] Собственноручные записки... С. 372.
- 218 [Благово А.А.] Памятная книжка... Вып. 3. С. 70; Вып. 2. С. 450.
- 219 Похождения монаха Палладия Лаврова. С. 452.
- 220 КОА. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 2.
- 221 Арсеньев В. К родословию Алайщиковых. Витебск, 1909. С. 6–7.
- 222 РГБ (РО). Ф. 89. Карт. 11. Д. 15.
- 223 Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина. С. 603.
- 224 [Мосолов С.И.] Записки... С. 131.
- 225 КОА. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 115.
- 226 Тальберг Н. История русской церкви. Джорданвиль, 1959. В 2 т. Т. 2. С. 680–691.
- 227 [Мешков И.И.] Записки Ивана Ивановича Мешкова (1767–1832) // РА. 1905. № 6.
- 228 Воспоминания о моем отце графе Владимире (Владимире Степановиче Толстом) // Странник. 1863. № 6–12.
- 229 Там же.
- 230 Жихарев С.П. Записки... С. 34.
- 231 Русов Н.Н. Помещичья Россия... С. 10; [Благово А.А.] Памятная книжка... Вып. 2. С. 385–455; Вып. 3. С. 45–76.
- 232 [Толстой Д.Н.] Черты... С. 34.
- 233 РГБ(РО). Ф. 89. Карт. 9. Д. 9.
- 234 Там же. Л. 17.
- 235 Жизнеописания отечественных подвижников... 1997. Май. С. 288, 293.
- 236 Субботин Н. Архимандрит Феофан Новоезерский // Странник. 1862. Февраль. С. 3.
- 237 Старец Зосима Верховский. С. 4.
- 238 Жизнеописания отечественных подвижников... 1996. Февраль. С. 17.
- 239 [Болотов А.Т.]. Жизнь... Т. 1. С. 239.
- 240 Забавских Э. Воскресение... С. 11.
- 241 [Благово А.А.] Памятная книжка... Вып. 3. С. 76.
- 242 [Болотов А.Т.] Жизнь... Т. 2. С. 59.
- 243 Добролюбов Иоанн, священник. Историко-статистическое описание... С. 95.
- 244 Жизнеописания отечественных подвижников... 1996. Апрель. С. 202.
- 245 Морев Иоанн, протоиерей. "Камень веры" митрополита Стефана Яворского, его место среди отечественных противопротестанских сочинений и характеристические особенности его догматических воззрений. СПб., 1904. С. 88.
- 246 [Ступин А.В.] Собственноручные записки... С. 272.
- 247 Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // РА. 1872. № 1–6. С. 99.
- 248 Там же.
- 249 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. М., 1994. Т. 5. С. 330–331. Письмо 32.
- 250 Иоанн (Маслов), схииерхм. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1993. С. 152–154.

- ²⁵¹ Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 91.
- ²⁵² Заведеев П. История русского проповедничества от XVIII в. до настоящего времени. Тула, 1879. С. 89.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ Пештич С.Л. "Синописис" как историческое произведение // ТОДРЛ. М.: Л., 1958. Вып. XV. С. 285.
- ²⁵⁵ Болховитинов Евгений, митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской Церкви. М., 1995. С. 116.
- ²⁵⁶ Сумцов Н.Ф. Иннокентий Гизель // Христианство. В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 612.
- ²⁵⁷ Рассказы бабушки. С. 82.

М.М. Громыко

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ В РУССКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ДОМЕ

К изучению названной темы этнографы практически не обращались ни в XIX в., ни в советское время, так как в основном тщательно искали лишь отклонения от православия в народной среде. На причины этого явления нам уже приходилось неоднократно указывать в печати¹. Но основа для исследования православной жизни в русском крестьянском доме была заложена более ста лет назад — при сборе материала по программе Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. Осмыслить эти материалы исследователи до революции не успели. В постсоветское время, в самые последние годы делаются определенные шаги в этом направлении, в частности в изучении места икон в православном доме², а также особого отношения крестьян к столу³.

Обыденное поведение и многие черты домашней обстановки позволяют судить о состоянии веры, о ряде существенных показателей религиозного сознания.

ИКОНЫ В ДОМЕ

Желание сделать свой дом защищенным, насколько позволяли реальные жизненные условия, от воздействия злых сил, создать как бы малую церковь реализовывалось прежде всего в освящении дома и наличии в нем икон и других святынь.

“Новую избу всегда освящают”, — утверждала в 1899 г. без всяких оговорок жительница Дулёвской вол. Жиздринского уезда Калужской губернии⁴. Из Дорогобужского уезда Смоленской губ. корреспондент писал в бюро В.Н. Тенишева о том, что иконы у них есть во всех домах⁵. И это не было ни преувеличением, ни исключением в отношении других территорий. Весь комплекс источников — и ответы на программы обществ, и записки наблюдателей, и мемуары — все подтверждает эту информацию: иконы были буквально у всех.

О Боровичском уезде Новгородской губ. сообщалось, что в каждой избе (курсив наш. — М.Г.) есть несколько икон, к которым относятся благоговейно. Перечислялся и наиболее характерный их состав: Спаситель, Казанская и Тихвинская иконы Божией Матери, свт. Николай Чудотворец, св. Георгий Победоносец, св. Иоанн Креститель. Чем богаче крестьянин — тем больше у него икон. Размещались образа у всех на божнице⁶ (полочке для икон, иногда с поставцом — шкафчиком).

Этому сообщению вторят из Белозерского уезда той же губернии: “Передний угол в избе любят украшать иконами и картинами священного содержания”⁷. И из Череповецкого уезда — подробнее: *каждый* крестьянин (курсив наш. — М.Г.) заботится, чтобы у него в доме было побольше икон; чем больше икон, тем лучше. Для этого устраивают в переднем углу деревянный киот. Кроме икон, в некоторых избах почти весь передний угол заклеен лубочными картинками религиозного содержания. Здесь же перечислены часто встречающиеся сюжеты лубочных картинок, помещаемых в переднем углу: Дванадесятые праздники, Сотворение мира, Распятие, Житие и страдания великомученика Пантелеимона и др. К каждому празднику почти каждый крестьянин “непрерменно купит в городе какую-нибудь святую картину”. В киоте делали ящик, где хранили календарь, важные документы и др.⁸

Основной состав икон повторяется в разных губерниях. Так, для Костромской губ. (Макарьевский уезд) названы образа Спасителя, Божией Матери, свт. Николая, св. Георгия Победоносца, входившие в более подробный перечень по Новгородчине, приведенный нами выше. Здесь так же иконы дополнялись картинами с изображениями святых⁹. В Ярославской губ. “чаще всего в крестьянских домах можно встретить изображения Спасителя, Богоматери, мучеников Георгия, Власия, Зосимы и Савватия, Иоанна Богослова и Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца, Косьмы и Дамиана, Параскевы и др.”¹⁰ В Орловской губ. (Орловский уезд) “в каждом доме есть непременно” (курсив наш. — М.Г.) иконы Спасителя, Божией Матери, Николая Угодника, Иоанна Воина. Здесь отмечен еще металлический крест — *поклонный*. В этом же сообщении подчеркивалось, что крестьяне любят покупать иконы. Купив икону, давали ее в церкви священнику, чтобы освятил в алтаре. Для благословения новобрачных покупали новую икону. В Орловской губ., как и в Новгородской и других, в каждой избе были и картины со священными изображениями. Корреспондентка-учительница М. Михеева писала, что у каждого крестьянина, даже очень бедного, в избе есть лампы. Обычно их зажигали на короткое время, а под большие праздники — на всю ночь¹¹.

Для Калужской губ. (Козельский уезд, Перемышльский окр.) учитель приходского училища, студент Александр Лебедев назвал иконы Спасителя, Божией Матери, пророка Ильи, святителя Николая, Победоносца Георгия, свв. мучеников Власия, Маманта. У *достаточных* крестьян — иконы в окра-

шенных киотах из липы, ольхи, березы, а у бедных — просто божница в святом углу¹².

В.Н. Скорняков, автор этнографического описания Приангарского края, выделил образа Спасителя, Божией Матери, свт. Николая Чудотворца, свт. Иннокентия Иркутского, Георгия Храброго (так назван Победоносец), апостолов Петра и Павла и Параскевы Пятницы. Вступавших в брак благословляли здесь иконами Спасителя, Пресвятой Богородицы или свт. Николая Чудотворца¹³. О “святых иконах в переднем углу” в доме каждого сибиряка, даже “в самой ветхой избенке”, писала М.Д. Францева в своих воспоминаниях о декабристах¹⁴.

Итак, иконы — неперемнная святыня в доме каждого русского крестьянина. Основной состав их схож на разных территориях, но добавляется обычно образами святых, особо чтимых в данной местности: в Калужской губ. это образ прп. Тихона Калужского¹⁵, в Воронежской — прп. Митрофана Воронежского, в Сибири — свт. Иннокентия Иркутского и др. Добавлялись также иконы святых покровителей хозяина дома или членов семьи (хозяева побогаче заказывали иногда образ, где изображались несколько святых, чьи имена носили члены семьи). Могла быть приобретена или передана по наследству икона святого, считавшегося покровителем основного занятия хозяина: свв. Зосима и Савватий — у пасечника, св. Власий или св. Модест — у скотовода, свв. Косьма и Дамиан — у кузнеца. И, конечно же, св. Пантелеимона — у многих болящих¹⁶.

Отношение к характеру письма икон, к типу и уровню живописи было различным. О Калужском уезде, например, отмечено, что там особо почитаются иконы старинной живописи, которые передавались из рода в род¹⁷. О Русском Севере писатель XX в. Борис Шергин (ум. в 1973 г.), сам родом северянин и знаток народной культуры этого региона, пишет: «Северный крестьянин и мещанин ежели и не гонится за древностью иконы, то все же требует, чтобы написана она была письмом “горним и пренебесным”, считая, что все святое и покланяемое может быть передано исключительно формами, линиями и красками греческих и древнерусских живописных пошибов... Приобретая или заказывая новую икону, требовали, чтобы пошиб был “священный”, канонический. “Живописную” (некогда заимствованную у Запада) манеру иконописания северный народ считал профанацией, снижением, недомыслием»¹⁸.

В то же время известно, что в знаменитом центре русского народного иконописания — с. Палех (Владимирская губ.) в конце XVIII в. появился новый, так называемый фряжский стиль, с которым пришло влияние западноевропейской светской живописи. Но при этом палешане-иконописцы сохраняли и следование глубинной русской средневековой традиции (новгородский и строгановский стиль). Традиционные устои не нарушались за счет четкого разграничения разных стилей. И те, и другие иконы широко пользовались спросом¹⁹. Условно можно сказать, что в северных губерниях предпочитали, как на это справедливо указывает Б.В. Шергин в приведенных выше стро-

ках, строгий древнерусский стиль иконописания, а в южных губерниях шире прививался стиль живописный, с его яркими красками и ликами святых, подобными человеческим лицам светской живописи.

Но главным в восприятии иконы было, разумеется, то, что это — святыня. Перед образами в доме молились. Иконами в доме благословляли при важных жизненных обстоятельствах. Т.А. Листова, специально исследовавшая православные традиции русской народной свадьбы, пишет: "По общерусской традиции для окончательного договора о свадьбе стороны собирались в доме у невесты. Названия этой встречи ("заручины", "рукобитье", "запоины", "образование") отражали ее содержание. Обрядовая часть начиналась с того, что хозяева зажигали перед иконами свечи или лампадку. Кроме обязательного рукобитья, имевшего массу вариантов исполнения, и завершающей вечер совместной трапезы, согласие сторон всегда закреплялось общей молитвой и целованием иконы, после чего следовало обычно благословение жениха и невесты их родителями иконой. С этого момента расстройство свадьбы было почти невозможно, а родители жениха и невесты иногда начинали называть себя сватами"²⁰.

"Непременным ритуалом русской свадьбы" было также благословение жениха и невесты иконой родителями и крестными; сначала — порознь (каждого в своем доме), а потом обоих вместе — при отправлении к венцу. Невесту благословляли обычно образом Богородицы, а жениха — образом Спасителя, иногда — Николая Угодника. Благословением иконой очень дорожили²¹. Этот обряд нашел отражение в причитаниях невесты. Сначала она говорит в них о приготовлениях к обряду:

У нас в доме переменялось,
Все в доме да не по-старому.
На стене-то белокаменной
Стоит Пресвятая Богородица.
Перед Святой Богородицей
Две свечи да воску ярово.

И далее:

Штой-то мне послышалось,
Под окошком стукнуло.
У крылечка брякнуло,
У дверей молитвует.
То идет ко мне жалуется,
То кормилец мой батюшко.
В правой руке несет
Мать Божью Богородицу.
В левой-то руке несет
Подвенечное платиче.
В устах несет благословение великое²².

Перед благословением все присутствующие замолкали, садились ненадолго и молились. После благословения “жених и невеста трижды кланялись и целовали образ”. Иконы в свадебном поезде обычно везли крестные, но иногда с женихом и дружкой впереди свадебного поезда ехали два мальчика или две девочки с благословленными образами жениха и невесты; в других вариантах икону жениха с двумя свечами держал мальчик, называемый *свешник*; мог ехать вместе с невестой иконник с иконой. В некоторых местах благословленную икону невесты старались обязательно внести в дом прежде, чем в него ступит новобрачная, чтобы жизнь ее в новой семье началась под благословением Богородицы. Это тоже нашло отражение в причитаниях невесты, где она просит *сгонную** Богородицу вложить “чужому отцу-матери жаленье в ретивое сердце обо мне молодёшеньке”²³.

Умиравший, прощаясь с близкими, благословлял детей иконой. Так, в описании последнего часа крестьянина Александра (Екатеринбургская губ., 1860 г.) говорится: “подозвал жену с детьми к себе, всех крепко поцеловал, а детей благословил поданною с божницы иконой”²⁴. Образом благословляли при отправлении в дальний путь, при проводах в армию, в монастырь. Так, младший сын многодетных государственных крестьян Ливенского уезда Орловской губ. Никиты и Марфы Аверкиевых Трофим после многих препятствий получил разрешение уйти в монастырь. Мать “не стала уже насильно удерживать Трофима и благословила его небольшим складным образком великомученика Победоносца Георгия на поступление в монашество. Образок этот, как великую святыню, хранил он до конца дней своих, и особенно чтит великомученика Георгия по этому поводу”²⁵.

В некоторых местах икону в доме снимали для совершения обряда побратимства. При этом братающиеся “били поклоны”, целовали икону, целовались между собою; менялись крестами. После угощения второй названный брат просил первого (хозяина дома, где совершался обряд) вместе со всеми присутствующими к себе в гости. Перед уходом хозяин вручал побратиму одну из лучших своих икон или специально купленный к этому случаю образ, и они снова целовались. В доме второго названного брата всех снова угощали, а перед уходом побратим в свою очередь дарил икону названному брату²⁶.

Икону со стены снимали, чтобы поклясться на ней в особо важном вопросе, где требовалось надежное свидетельство. Поэтому в излишне горячем споре на сходке общины можно было услышать слова — “ну, хочешь, икону сниму?”, означавшие готовность разгорячившегося поклясться в том, что он утверждает. Но без самой крайней надобности старались к этому не прибегать.

* *Сгонной* называли в народе икону Богородицы, которой родители благославляли невесту (“сгоняли”).

ДОМАШНИЕ МОЛИТВЫ

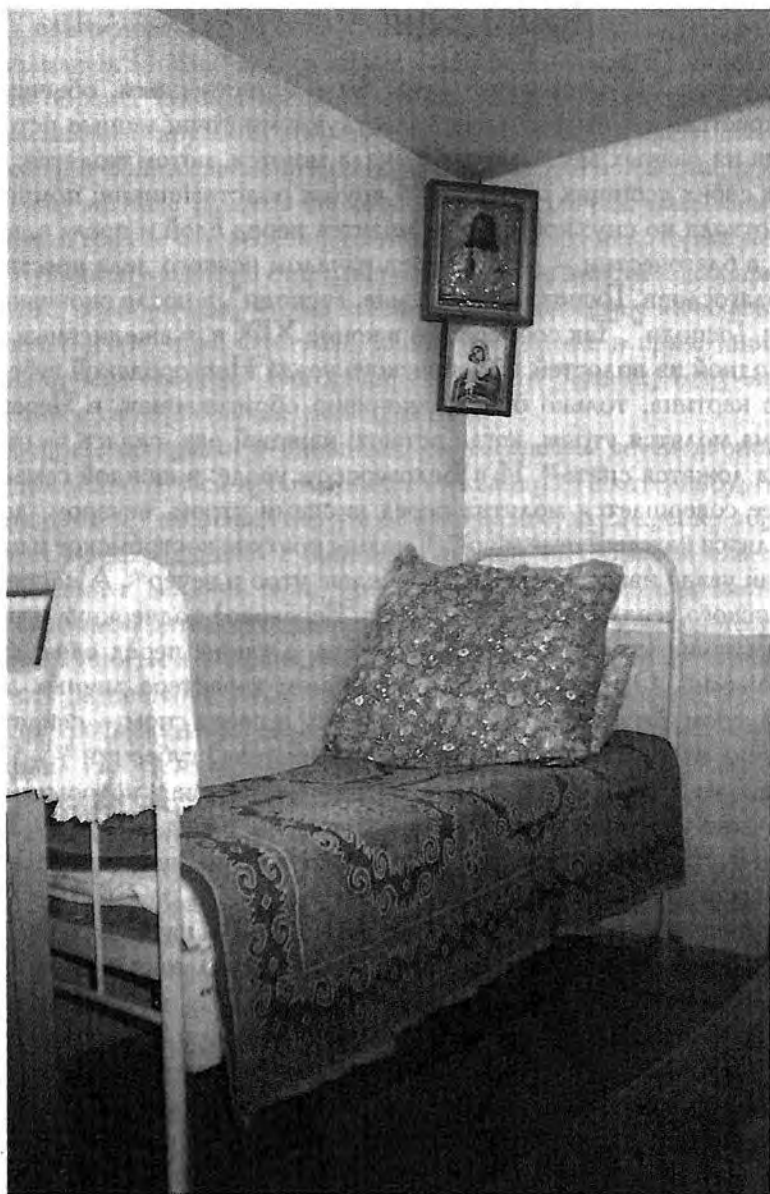
Повседневные домашние молитвы были естественным, обычным делом русских крестьян — об этом свидетельствуют многочисленные источники — сообщения из разных мест. Утром сначала моются, потом молятся; при этом поминают своих усопших родителей и других родственников; поминают их и вечером, отходя ко сну; кроме того, молятся перед едой и после еды, а более усердные в благочестии — еще и перед началом всякого дела крестятся и говорят: “Благослови, Господи, помоги мне, Господи”, а после окончания: “Благодарю тя, Господи”. Так сообщалось в конце XIX в. о ежедневных молитвах крестьян одной из волостей Боровичского уезда Новгородской губернии²⁷.

Та же картина, только более лаконично обрисованная, в Череповецком уезде: дома молятся утром, когда встают; каждый раз, садясь за стол; вечером, когда ложатся спать²⁸. И в Белозерском уезде: в каждой семье и всеми членами ее совершается молитва перед иконами утром, вечером, до и после обеда; молятся каждый отдельно²⁹. Сходны краткие костромское и калужское (Тарусский уезд) известия: молятся каждые утро и вечер³⁰. А корреспондент из Лихвинского уезда Калужской губ. (с. Берёзово) подчеркнул отношение к этому: домашние молитвы утром и вечером, а также перед едой считаются обязательными³¹. О всеобщем и обязательном характере личных домашних молитв — утром, перед обедом, перед ужином и перед сном — свидетельствует сообщение из Смоленской (Дорогобужский уезд) губернии³².

В ответе из Тульской губ. отмечены земные поклоны, которыми сопровождают обычно утренние молитвы в переднем углу перед образом³³. Наиболее религиозные старики и старухи Пошехонского уезда вели отсчет совершаемых ими поклонов по лестовкам и чёткам³⁴.

Иные корреспонденты, отвечавшие на программы научных обществ, останавливались подробнее на особенностях молитв отдельных членов семей и на сезонных отличиях домашних молений крестьян. Так, из Владимирской губ. (уезд того же названия, с. Семёновское) диакон писал в Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева: зимой первую в доме встает стряпуха, не торопясь умоется, истово помолится; в утренней тишине слышится, как она молит Господа за живых и умерших родственников. Затем она начинает хозяйничать у печки, а тем временем понемногу поднимаются хозяин и все семейные (кроме малолетних, которых никто не будит). “Не спеша, не так, как летом, умываются, молятся Богу и отправляются убирать скотину”³⁵.

* *Лестовка* — ремень с множеством повязанных на нем мелких ремешков или узелков разной величины. Одни узелки соответствовали поясным поклонам, другие — земным. *Чётки*, подвижные шарики которых заменяли ремешки и узелки лестовок, делались из дерева, кости или кожи.

Спальня в современном сельском доме.
Село Мордово Тамбовской обл. 2001 г.
Фото О.В. Кириченко

Учительница М. Михеева из д. Талызина (Тальцинская вол. Орловского уезда одноименной губернии), к содержательной рукописи которой мы обращаемся неоднократно на этих страницах, писала: "Летом крестьяне молятся только вечером по окончании всех дел, и то очень мало". Тем не менее она же сообщает, что летом некоторые выходят для молитвы из избы и обращаются в ту сторону, где стоит храм, или на восток. Старухи большей частью молятся между хозяйственными делами, потом заканчивают в избе. "Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться"; считают, что такая молитва особенно угодна Господу и имеет особую силу прогонять нечисть. Под большие праздники и летом молились почти до самой зари³⁶.

"Зимою же совсем другой порядок: бабы как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов". При этом стараются молиться так, чтобы их никто не видел. Старики зимою во дворе не молятся, а выжидают, когда дети заснут и в избе наступит тишина. По наблюдениям учительницы, все крестьяне молятся вслух. Сами объясняют это тем, что так делали святые угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером каждый день. "В самые лютые морозы старики молятся на печи, стоя на коленях; дети тоже с ними"³⁷.

Относительно чтения молитв вслух сведения расходятся. По-видимому, эта особенность не была всеобщей. Так, наблюдатель из Дорогобужского уезда замечал, что вслух читают все молитвы, какие знают, только в праздник, когда молятся все вместе, если не смогли пойти в церковь. Такие общие семейные моления были существеннейшей чертой русского православного дома как малой церкви. Молитвы читал обычно домохозяин, стоя перед иконами, а остальные члены семьи повторяли их шепотом, стоя на коленях. Никто в это время не смел встать с колен или, тем более, выйти из избы, хотя это могло продолжаться более часа³⁸.

Общее чтение молитв по большим праздникам, вынужденно заменявшее выход в церковь, происходило и летом, и зимой. Оно могло быть и накануне праздника и сочетаться с чтением вслух Евангелия. На Орловщине хозяин "под праздник, прежде вымывшись, (...) сядет за стол, прочитает Евангелие вслух, а после ужина помолится усердно Богу, предварительно зажгут лампадку и свечи перед каждой иконой. В это время и бабы становятся на колени и детям приказывают молиться усерднее"³⁹.

"Если крестьянин, по отдаленности своего места жительства, — писал Т. Успенский в 1859 г. о Шадринском уезде Пермской губ., — в праздник не может быть в церкви, то он непременно в часы богослужения молится дома, зажегши свечу пред иконами"⁴⁰. В Петропавловском уезде Тобольской губ. (1848 г.), где иные деревни находились в 25—30, а то и 40 верстах от церкви, многие в праздничный день утром молились дома с полчала или час при зажженной свече⁴¹.

Вся семья молилась вместе в своем доме также по особым случаям. К таковым относилось прощанье перед отъездом в дальнюю дорогу. Если отъезжали отец или мать, то после общей молитвы они благословляли детей — крестили каждого по три раза⁴². Общая молитва в избе предшествовала также выездам в поле для пахоты и сева. “Весною, когда намерены начать в поле пахать или сеять, крестьяне, готовясь к отъезду, собираются в избу, становятся на стол хлеб, соль и похрестники* (сбереженные с крестопоклонного дня), а зажиточные вместо последних — иногда просвиры (спеченные на Благовещенский день), и тут молятся Богу, кладя земные поклоны; потом, взявши с собою со стола хлеб, соль и кресты или просвиры, отправляются в поле”⁴³. Так описал общую молитву перед началом работ писец Александров из с. Нижне-Покровского Бирюченского уезда Воронежской губернии.

Подобные описания, с небольшими отличиями, сохранились и по другим территориям. В Орловском уезде (Орловской губ.) перед выездом в поле на сев вся семья (не только непосредственные участники сева!) становилась на молитву, но читал вслух “Отче наш”, а также молитву Илье пророку сам сеятель; перед иконой горела пасхальная свечка, и все съедали по кусочку оставленного для этого случая пасхального кулича⁴⁴.

Общими были молитвы перед торжественными — праздничными и поминальными — трапезами, а также после них. В этих молитвах участвовал, естественно, более широкий круг лиц — все присутствовавшие. В некоторых местностях на поминках было принято молиться перед каждым кушаньем и желать покойнику Царства Небесного⁴⁵.

Во время близкой грозы, града, ураганного ветра вся семья становилась перед иконами на общую домашнюю молитву. Подростков заставляли молиться, если они сами не проявляли к этому интереса. При этом зажигали те свечи, с которыми стояли в церкви в Великий Пяток, Великую Субботу или на Пасху (это считалось лучшим средством от пожара, вызываемого молнией)⁴⁶.

Трудно перечислить все случаи, которые служили поводом для общих домашних молитв. Рождение и крещение ребенка, сговор и свадьба, тяжкая болезнь, предсмертное состояние и смерть — все это давало основания для совместного обращения к Богу. Религиозное сознание подсказывало необходимость общесемейных духовных усилий, когда над всем домом или над отдельным членом семьи нависала какая-либо опасность.

Отношение к жилому дому как к малой церкви особенно четко выступает в произнесении молитвы и осенении себя крестным знамением при вступлении в дом — свой и чужой. Об этом встречаем многочисленные упоминания. “Крестьянин, входя в избу, делая крестные знамения, молится на иконы” (Боровичский уезд Новгородской губ.). Тех, которые, входя в избу, не крестятся,

* Кресты из теста, испеченные в среду Крестопоклонной недели Великого поста.

называют нехристями. Им говорят: “штошь ты нашему Богу не хочешь и молиться”. Но этот же корреспондент Тенишевского бюро пишет, что некоторые из молодых начинают этот обычай забывать. Это свидетельство относится к концу XIX в.⁴⁷ В Череповецком уезде, “когда приходят в дом друг к другу, то каждый долгом считает прежде всего обернуться к переднему углу, где ставят иконы, и перекреститься”⁴⁸. В эти годы из Медынского уезда Калужской губ. сообщали, что при входе в избу к соседям или кому-нибудь другому, переступая порог, молятся Богу; но если входят в избу за день несколько раз, то молиться каждый раз не считается обязательным⁴⁹. В другом сообщении из Медынского уезда (более раннем — 1849 г.) помещик с. Михайловского Г. Спфарьев отмечал у крестьян молитвы не только при входе, но и при выходе из своего или чужого дома⁵⁰. Молитва и поклоны на все стороны при входе в какой-либо дом отмечены и по наблюдениям в Тульской губ. в 1892 г.⁵¹ Молитва, обращенная к иконам до приветствия присутствующих, указана по Костромской губ. (Макарьевский уезд): кто бы в дом ни пришел, “должен помолиться святым иконам, а потом только раскланяться с хозяевами”⁵².

Молитвенному настроению в доме способствовало хранение и чтение Евангелия и некоторой другой духовной литературы. В Череповецком уезде, например, по мнению информатора Васильева, из книг больше всего были распространены (1899 г.) Псалтирь, Евангелие, Жития святых, Святцы (церковные календари) и молитвенники (молитвословы). В некоторых домах можно было увидеть и Библию. Все эти книги “перечитываются по несколько раз”; их берегут и редко дают кому-либо читать вне дома⁵³. Из Галичского уезда Костромской губ. также сообщали, что в избах много Житий святых, Истории Ветхого и Нового Завета⁵⁴. А в Меленковском уезде Владимирской губ., по мнению П. Каманина (село Домнино, 1898 г.), в каждом доме были Евангелие, Псалтирь и Библия⁵⁵. Из иных мест писали неопределенно: крестьяне имеют Евангелия и Псалтири (Орловский уезд Орловской губ.)⁵⁶. Встретилось нам и такое замечание учителя Егора Ивановича Иванова из с. Георгиевского (той же волости) Белозерского уезда Новгородской губ.: из священных книг в крестьянских избах — Евангелие и Псалтирь, и то редко⁵⁷. Но такое замечание, кажется, единственное.

ПОВЕДЕНИЕ ЗА СТОЛОМ

По представлениям русских православных людей, все поведение в доме должно быть благочестивым и благообразным. Разумеется, реальность вносила свои плачевные коррективы в это общее воззрение, и в разных семьях степень приближения к идеалу была различной. Но существовали некоторые твердые основания благообразного поведения в доме, которые сохранялись в подавляющем большинстве семей.

Сложный комплекс благочестивых представлений и устойчивых норм поведения был связан со столом, застольными местами, порядком потребления пищи. Одна из активных корреспонденток, отвечавших на программу Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, Зорина Варвара, дочь местного священника, собравшая в конце 90-х годов XIX в. материал о повседневной жизни ряда волостей Жиздринского уезда (Калужская губ.), сообщила существенные сведения о взглядах русских крестьян на стол, за которым совершалась семейная трапеза в их собственной избе. Стол четко связывался в крестьянском сознании с престолом Божиим в церкви. К столу относились, как к святыне. Это проявлялось, в частности, в том, что стать ногами на стол считалось святотатством. При переходе в новую избу первым из мебели вносили стол и, поставив его, молились на четыре стороны⁵⁸.

В любой крестьянской избе по всей территории расселения русских стол ставился в переднем (красном, святом) углу, где располагались иконы, и место "под святыми" считалось самым почетным: здесь усаживался хозяин или наиболее уважаемый из гостей. Далее рассаживались по старшинству. За стол садились все члены семьи, а если были работники — то и они тоже. Всех присутствующих в это время в избе по какому-либо поводу приглашали обедать. Если младшим не хватало места на скамьях, то они ели стоя, либо же в очень больших семьях собирали 2—3 обеда. Иногда при обилии людей в застолье детей отсаживали на полок (полати) и кормили там⁵⁹.

В некоторых местах сохранялось определенное устойчивое распределение мест в застолье между членами семьи. Так, П. Пешков, сын крестьянина из Усть-Вельской вол. Вельского уезда Вологодской губ. описал в 1899 г. следующий постоянный порядок размещения семьи за едой: большак садится на угол стола по мужской лавке (т.е. стоящей вдоль досок пола, женская лавка — поперек); большуха, которая подает кушанья, садится на стуле или на скамье у угла, направленного к середине избы и к печке; молодуха — на углу, "накрест" с большаком; молодой мужик или парень — на углу, "в сутках", т.е. на почетном месте под иконами. Мальчики сидели за едой между мужиками вдоль стола, а девочки — между молодухой и отцом; девка молодая, если в семье было много детей, садилась на скамейке с матерью, если же детей не было — рядом с молодухой⁶⁰. Это же описание позволяет нам представить себе, что видели сидящие за столом. "В переднем углу — большая божница, на ней — большая икона "Троеручицы", писанная на дереве в Шенкурском женском монастыре, где живут в монахинях сестра и дочь Андрея Семеновича (хозяина, — М.Г.). В простенках — картины: 1) сотворение мира и жизнь первых людей — тоже из Шенкурска; 2) два портрета — царя и царицы, литографии чьей — не упомяну. Картины царя и царицы сверху украшены большими крыльями, в виде орла"⁶¹.

Как мы уже отмечали, перед едой все молились. Молитва начиналась по почину хозяина. Во время обеда было принято молчать либо же вести серьезные разговоры. Старики не позволяли молодым смеяться за обедом⁶². Из Галичского уезда Костромской губ. корреспондент В. Решеткин даже писал, что пустословие и смех во время еды “строго преследуются” стариками. Детям говорили: “Што гогочешь? Ты гогочешь, а в ложку-то тебе бес костит!”⁶³

За столом полагалось сидеть смирно, не болтать ногами. Распространено было представление, что болтающий ногами качает на них черта. Детям в этом случае говорили: “Али беса на ногу посадил, да качаешь?” Существовало в народе убеждение: если за столом бранятся, то Ангел Господень отходит от стола и начинает горько плакать, а на его место является дьявол и радуется⁶⁴.

За едой проявляется особое отношение к хлебу. Хлеб — дар Господень, “хлеб наш насущный даждь нам днесь”. Сорить крошками хлеба считается грехом. Тщательно следили, чтобы крошки не упали на пол, не были растоптаны, поэтому кусок старались разламывать над чашкой. Упавшие на стол крошки собирали и съедали⁶⁵. Нередко неосведомленные люди оценивают такие поступки, как проявление ненужной скупости или застарелую привычку бедняка. На самом деле, основа этих норм народной этики — чисто духовная: отношение к хлебу, как к святыне. “Крестьянка никогда не скажет “делать хлебы”, а всегда — “творить хлебы”; самое действие это совершается постоянно с молитвою, как священнодействие”, — писал А. Балов⁶⁶.

Корни такого отношения несомненно в евхаристическом значении хлеба: в алтаре во время литургической службы хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Христовы. Народное понимание связи между восприятием обычного обеденного стола как престола в алтаре и святости хлеба вошло в пословицу, зафиксированную В.И. Далем: “Хлеб на стол, так стол престол; а хлеба ни куска — так и стол доска”⁶⁷.

Есть полагалось чинно, не спеша. Как бы ни проголодался человек, он не должен был поглощать пищу торопливо, с жадностью. Раньше хозяина никто не начинал есть ни одно из подаваемых блюд. Прежде чем приступить к новому кушанью, осеяли себя крестным знаменiem (особенно перед мясным блюдом). Принято было часто класть на стол ложку — есть непрерывно, не кладя ложки, считалось неуместным нарушением степенного поведения за столом. Есть в шапке и даже просто сидеть за столом в шапке считалось грехом. Грешно также макать кусок хлеба в солонку. В объяснение этой нормы поведения ссылались на Евангелие: Иуда во время Тайной Вечери “обмочил руку в солило, тогда по руке вошел в него сатана”. Другие объясняли этот запрет ближе к Евангельскому тексту: нельзя макать, потому, что это было сделано Христом с нечестивым Иудею. И в этой черте поведения за столом проступает в народном сознании связь между трапезой за своим домашним столом и Тайной Вечерей Спасителя. Заканчивался обед, как и начинался, — молитвою⁶⁸.

ПОСТ В СЕМЬЕ

Важнейшим свидетельством воцерковленности дома-семьи служили посты, придававшие особый смысл и единство духовным и телесным потребностям. Трудно преувеличить значение поста в жизни русских⁶⁹. Это явление религиозного сознания и православного образа жизни было в то же время и чертой национальной. Даже в XIX в., когда слабеют проявления веры в массе народной, даже и тогда соблюдение поста служит нередко в глазах современников показателем не только конфессиональной, но и национальной принадлежности. Вот что об этом говорят документы.

Крестьянин Ф.Е. Кутехов из д. Бармино Середниковской вол. Егорьевского уезда Рязанской губ., пожелавший ответить в 1899 г. на вопросы этнографической программы В.Н. Тенишева, написал лаконично и решительно о всей своей среде: посты соблюдаются строго⁷⁰. И не только Рязанщина так откликнулась на вопрос о постах. Директор народных училищ Тульской губ., обобщивший в 1892 г. ответы учителей разных школ своего ведомства на другую программу — Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, утверждал столь же категорично, что все посты соблюдают со строгостью. А старухи еще, сверх того, постятся и по понедельникам. Маленьких детей приобщали к посту “по прошествии трех больших постов после их рождения”⁷¹. Наши материалы позволяют сопоставить эту сводку с другим свидетельством по Тульской же губернии (с. Анастасово Стрелецкой вол. Одоевского уезда), почерпнутым из другого архива: корреспондент И.П. Григорьев ответил — посты соблюдают строго; людей непостящихся называют жидами⁷².

О строгости выполнения постов вообще, и в особенности Великого, сказано и в рукописи, поступившей из Медынского уезда Калужской губ. (с. Адуево одноименной волости) от Н.П. Авраамова. Он отметил еще и *понеделничанье* (т.е. соблюдение поста кроме среды и пятницы еще и в понедельник) всех повитух⁷³. В другом источнике о Медынском уезде — рукописи “Взгляд на исповедание русскими крестьянами христианской религии”, написанной помещиком с. Михайловского в 1849 г., тоже говорится о строгом соблюдении постов в пище, но при этом отмечаются нарушения их в другом отношении: выпивка, брань и даже драка⁷⁴.

Из Белозерского и Череповецкого уездов Новгородчины ответы краткие и безоговорочные: посты соблюдают⁷⁵. При более подробной информации вырисовывается сложная картина постов, в которой выступают и тенденции их ослабления, и различия между отдельными постами, и возрастные и другие особенности. Так, в Пошехонском уезде Ярославской губ. неисполнение поста хотя и считалось в народе грехом, и даже тяжким грехом, тем не менее строгость соблюдения постов в конце XIX в. слабела, и, по мнению А.В. Ба-

лова, многие из молодежи постились уже только в Великий и Успенский посты. В то же время он подчеркивал, что "Великий пост до сих пор весьма строго исполняется народом" (материалы 1887—1890 гг.). Многие крестьяне считали за грех употребить растительное масло во время этого поста; особенно строго соблюдали среды и пятки; некоторые в течение всего поста не пили чаю, а иные пили чай только с медом или постным сахаром. Считалось грехом продавать молоко во время Великого поста. В Пошехонском уезде, как и в других местах, отмечен пост части жителей по понедельникам: *понеделничали* старики и старухи, *келейницы*, *векоуши* — "люди, наполовину отрекшиеся от мира"⁷⁶.

Еще более развернутую картину особенностей соблюдения постов мы имеем по Тальцынской вол. Орловского уезда (одноименной губернии). Здесь также отмечается особенно усердное соблюдение всеми Великого и Успенского постов (надо заметить, что большая строгость этих двух постов по сравнению с Рождественским и Петровским вполне канонична, т.е. соответствует церковному уставу). Но были различия между постящимися и во время двух строгих постов: некоторые не ели масла (растительного, разумеется) по средам и пятницам, а другие в эти дни вообще ели лишь хлеб с водою один раз в день и не вдоволь (воду и то старались лишний раз не выпить); старики квас в эти дни совсем не употребляли. Великим и Успенским постом мужики здесь совсем не пили водку. Во время этих двух постов старались не есть рано, в особенности по средам и пятницам. Не только старики, но и молодые бабы, и девки-невесты ничего не ели до позднего обеда. "Разве только та баба позавтракает, которая кормит грудью ребенка или нездоровя". Детей кормили, когда просят, но молока не давали Великим постом с трех лет. Мяса же в эти два поста ни в коем случае не давали, даже больным детям. Беременные брали у священника благословение на нарушение поста. "Если же кто, забывшись, ел рыбу Великим постом, то считают себя недостойными в этот пост говеть и причащаться"⁷⁷.

В Петровский же и Рождественский посты здесь богатые мужики (кроме стариков) ели рыбу за исключением только среды и пятницы (женщины, судя по выделению корреспондентом мужчин, и эти посты соблюдали строго). Напомню, что по церковному уставу на Рождественском и Петровском постах рыба разрешается в субботы и воскресенья, а также в дни некоторых святых. Без каких-либо оговорок об исключениях по социальным, возрастным или половым группам отмечено соблюдение отдельных дней особо строгого поста: 29 августа* — Усекновение главы Иоанна Предтечи, 14 сентября — Воздвижение, Рождественский и Крещенский сочельники, среда на Крестопоклонной (четвертой) неделе Великого поста (средокрестье), среда и пятница на Страстной — в эти дни совсем ничего не ели (в Рождественский

* Все даты в статье приведены по старому стилю.

сочельник — до восхода звезды, в Крещенский — до приноса из церкви святой воды от вечерней службы)⁷⁸.

В иных сообщениях были отмечены различия во взглядах на пост даже в соседних волостях одного уезда. Так, в Дулёвской вол. Жиздринского уезда на несоблюдение постов смотрели снисходительно. Снисхождение относилось к той части молодежи, которая ходила работать на завод и на этом основании ела по постам скоромное: "голодными много не наработаешь". Как будто бы до этого строго постились в деревне праздные люди! Подтачивающая религиозное осознание сути постов формулировка, пришедшая от таких городских рабочих, которые в значительной мере уже отошли от православного образа жизни, начала проникать и в крестьянскую среду. В то же время автор ответов сообщает, что, например, в д. Ивашковичи Будчинской вол. даже больной не станет есть постом скоромное, если врач и прописал. Здесь же подчеркивается, что многие крестьяне считают грехом даже говорить про скоромное Великим постом⁷⁹.

Из сообщений выступает достаточно широкий диапазон различий в исполнении постов и в отклонениях от них, и все же в целом крестьянство соблюдало посты, считало пост своей важной обязанностью пред Богом. Во многих ответах на программы слово "строго" сопровождает характеристику выполнения постов. И не только в этих источниках, но и в разного рода воспоминаниях. Ф. Зобнин, вспоминая свое детство в с. Усть-Нидинском Тюменского уезда (в 73 верстах от уездного города), отмечает отношение детей к Великому посту. Вот в самом конце поста, в Великую Субботу, раздают в семье крашеные яйца — всем поровну. «После дележки всяк уносит свой пай до завтра, а завтра может расходовать, как кому вздумается. Нам, полным и бесконтрольным хозяевам своих паев, конечно, и в мысль не входило воспользоваться ими накануне: семь недель постился и несколько часов не подюжил — вот уже постыдно. Отец как-то рассказывал нам, что он в городе видел "воспод", которые и в Великий пост "кушали мяско". Мы сильно дивились и не верили, что есть такие безбожники...»⁸⁰

В "Записках русского крестьянина" И. Я. Столярова читаем о его детстве в деревне Воронежской губ.: "Рождество ждали с нетерпением еще и потому, что с наступлением этого праздника кончался сорокадневный Филиппов пост, который нас сильно изнурял. *Посты в деревне соблюдались очень строго* (курсив наш. — М.Г.): не ели ни мяса, ни яиц, не пили молока не только взрослые, но даже и дети. Только серьезно больным детям давали молоко (у кого оно было) и то только с разрешения священника. (...) Только два раза во время 40-дневного поста разрешалось есть рыбу: на Введение во храм Пресвятой Богородицы и иногда на Николин день"⁸¹. Здесь строгость выполнения Рождественского поста (он же — Филиппов) приближается к Великому.

«Но вот, наконец, наступал Рождественский сочельник. Этот день, как и канун Нового года и "Свечки" (так называли у нас Крещенский сочельник), считались в нашей семье днями строгого поста, днями очистительными (курсив наш. — М.Г.), днями подготовки к встрече больших праздников. С утра перед образами горела лампадка. Вся семья постилась: не ела "до звезды", т. е. до вечера, пока не появится на небе первая звезда. Печка в эти дни хотя и топилась с утра, но в ней ничего не варилось. Мне бывало очень трудно провести целый день без еды. Чуть не с полдня я начинал ходить за матерью по пятам и просить ее позволить мне съесть "хотя бы кусочек хлеба". Я ей так надоедал, что ее материнское сердце в конце концов не выдерживало, смягчалось, и я добивался желаемого. Под Рождество мать совсем не спала. С вечера затапливалась вновь печь и начиналось приготовление рождественского обеда (...)»⁸²

Примечательно, что даже по воспоминаниям такого отошедшего впоследствии от крестьянской жизни и всегда относившегося к ней с позиций острой социальной критики человека, как И.Я. Столяров, видно, что крестьянская семья понимала духовную очистительную силу строгого поста. Особая атмосфера создавалась в доме под Рождество еще до ухода в церковь, когда с появлением на небе первой звезды вся семья собиралась за столом. Хозяин приносил охапку сена или овсяной соломы и расстилал на столе. Хозяйка покрывала стол поверх сена скатертью, ставила сочельниковую кутью — сочиво — в чашке и выкладывала ложки. Все семейство становилось перед образами на молитву. В некоторых домах хозяин читал "Христос рождается". Затем все садились за стол и ели кутью. Сено, освященное трапезой в сочельник, давали понемногу всему скоту⁸³.

Духовная сторона поста проявлялась прежде всего в подготовке к исповеди и причастию и в совершении их. В доме в связи с каждым исповедником и причастником возникало настроение, приобщавшее в какой-то мере и других к этому событию, и тем более, если причастников было сразу несколько. Но и в другое время следили, чтобы развязные разговоры не противоречили духовной очистительной цели поста. Характерна в этом отношении критическая пословица — "постное едим, да скоромное отыгаем", которая осуждает суетность во время поста⁸⁴. Воздерживались от ссор и брани⁸⁵. Существовали особые *постовые* песни — протяжные, грустные; исключались плясовые, шуточные мотивы и тем более — частушки⁸⁶. В некоторых местах во время поста не разрешались никакие песни, даже детям запрещали петь⁸⁷. Строгость общего настроения в православном доме во время поста усиливалась тем, что на протяжении всего этого времени мужья не вступали в супружеские отношения с женами.

Некоторые крестьяне налагали на себя посты сверх церковного устава; те из них, кто постоянно был связан со священником, брали на дополнительный

пост благословение. Чаще всего это желание усилить пост сверх общепринятого было связано с пятницами. К пятнице, как к дню распятия Спасителя, в русском народе было особое отношение. Широкое распространение разных рукописных редакций апокрифического “Сказания о двенадцати пятницах” определялось стремлением выделить некоторые из них для усиления пищевого поста (например, не есть до вечера), более последовательного отказа в этот день от работ, укрепления молитвенного состояния⁸⁸.

Иные крестьяне удлинляли короткий (две недели) Успенский пост или добавляли срок к однодневному посту в день усекновения главы Иоанна Предтечи. «Успенский пост — самый обильный всеми поспевшими овощами и потому считается самым легким и приятным постом для всех, начиная с зажиточных помещиков и до беднейших крестьян», — писал В.В. Селиванов по наблюдениям в Зарайском уезде Рязанской губернии. “Многие набожные старухи” увеличивали его до дня Иоанна Предтечи (т.е. добровольное продолжение составляло тринадцать дней — с 16 по 28 августа); иные добавляли к Иоанну Постному предшествующую неделю⁸⁹.

Приняты были также дополнительные посты по обету. Иногда мирянин в связи с какими-то исключительными обстоятельствами брал обет по понедельничать всю жизнь; но мог этот пост по понедельникам по обету распространяться только на определенный срок — например, на время Великого поста. Обычно это означало, что в понедельник не ели ничего, а только пили воду. Разновидностью обетного поста был полный отказ от мясной пищи. Дополнительный обетный пост принимали на себя или по конкретному поводу (болезнь, неудачные роды и др.), или “ради подвига”. По обету прекращали пить спиртное — навсегда или на конкретный срок⁹⁰.

Иногда возлагали на себя дополнительный пост за какой-либо конкретный грех. Например, в случае потери шейного креста постились в пятницу перед Крещением⁹¹. Нательному кресту придавалось особое значение как защите от вражьих сил, и считалось, что потеря его есть грех (хотя бы и невольный) и предвещает несчастье. Поэтому брали на себя добровольный пост (совсем не ели) именно перед Крещением — 12-я пятница по “Сказанию о двенадцати пятницах”. При этом надо иметь в виду, что если она предшествовала Крещенскому сочельнику, то строгий пост оказывался двухдневным.

В благочестивых крестьянских семьях, где все дружно строго выполняли посты, отношение к нарушениям могло быть различным. В одних семьях любое отклонение вызывало суровую и нетерпимую реакцию, строгостью детей приучали к посту, как неперемennomу условию спасения. Но в народе было и другое, деликатное отношение к нарушениям, корни которого питались великим источником смирения и любви к ближнему. Приведу пример осторожного отношения к посту. Речь пойдет об отце афонского св. старца Силуана (Антонова), детство и молодость которого прошли в Шовской волости Там-

бовщины. Будучи уже опытным старцем, св. Силуан говорил: «Я в меру отца моего не пришел. Он был совсем неграмотный, и даже “Отче наш” читал с ошибкой, говорил “днесть” вместо “днесь”, заучил в церкви по слуху, но был кроткий и мудрый человек». У Антоновых была большая и дружная семья: пять сыновей и две дочери. Взрослые братья не спешили выделяться, жили и работали вместе с отцом. «Однажды, во время жатвы, Семену (будущему Силуану) пришлось готовить в поле обед; была пятница; забыв об этом, он наварил свинины, и все ели. Прошло полгода с того дня, уже зимою, в какой-то праздник, отец говорит Семену с мягкой улыбкой: “Сынок, помнишь, как ты в поле накормил меня свининой? А ведь была пятница; ты знаешь, я ел ее тогда как стерву*”. — “Что же ты мне не сказал тогда?” — “Я, сынок, не хотел тебя смутить”»⁹².

Пост, несомненно, являлся одним из показателей массового православно-го сознания русских, одним из существенных оснований высокой религиозности народа. Пост способствовал осуществлению в семье малой церкви.

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

Среди повседневных проявлений веры простого русского человека в своем доме, видимых и для постороннего глаза, была защита себя и своего жилища от нечистой силы, нечисти. Бытовавшие при этом воззрения на вражью силу (народная демонология) не противоречили соответствующим догматам православия: “Наша брань не против крови и плоти, но против ...мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных” (Еф. 6, 12).

“Крестьяне, живущие вблизи своих приходских церквей, — писал корреспондент в Тенишевское бюро о Гжатском уезде Смоленской губ., — стараются донести до дома зажженную свечу, с которой они стояли в церкви во время чтения о страданиях Христа или во время выноса плащаницы. Этим огнем они выжигают знаки на дверных и оконных притоках” для предохранения от нечистой силы и колдовства⁹³.

Указание на этот благочестивый обычай — одно из наиболее часто встречающихся во всех тенишевских материалах. Различие лишь в том, что в большинстве сообщений речь идет о свечах Великого Четверга, но встречается в этом назначении и крещенская свечка. Так, в Бирюченском уезде Воронежской губ. в Великий Четверг по окончании чтения двенадцати Евангелий (т.е. двенадцати текстов из Евангелий о Святых Страстях Господних) крестьяне шли по домам с зажженными свечами и на избяных балках выжигали кресты⁹⁴. В Тульской губ. в Великий Четверг после двенадцати Евангелий

* т.е. падаль.

(по церковному обычаю это чтение совершалось в четверг вечером на утрени) двигались по домам с горящими свечками и выжигали кресты на дверных притолах, потолках, избяных матицах⁹⁵.

По наблюдениям в Ярославской губ., “крест, согласно христианскому вероучению, считается народом самым верным, действенным оружием для борьбы с нечистой силою. В день Крещенского сочельника во многих местах выжигают на дверях дома и надворных строений богоявленскою свечою кресты, для защиты от нечистой силы”⁹⁶. О начертании крестов “по всем дверям, окнам хаты и надворных построек” накануне Крещения, когда приносили после вечерни домой святую крещенскую воду, писали и из Обоянского уезда Курской губ.; только здесь (с. Шелковка) чертили кресты мелом. Возможно, это была трансформация обычая выжигать крест свечою, ибо самый сочельник назывался здесь “Свечки”⁹⁷ (такое название Крещенского сочельника отмечено также в словаре В.И. Даля для Костромской и Пензенской губерний⁹⁸, а в наших материалах встречается еще в Воронежской губернии⁹⁹). После начертания крестов кропили всюду крещенской водою¹⁰⁰. Так очищали свой дом.

Мелом же чертили кресты на всех косяках окон и дверей и на воротах в Щигровском уезде Курской губ. в Крещенский сочельник — “для сохранения от нечистой силы”¹⁰¹. Указание на то, что “на Крещенский сочельник ставят меловые кресты” есть и у Даля¹⁰².

А. Балов был прав, когда писал, что крест считается народом самым верным и действенным оружием для борьбы с нечистой силою. Это проявлялось и в постоянном осенении себя крестным знаменем (не только во время молитв). Медынский помещик Г. Спафарьев (Калужская губ.) писавший в 1849 г. о христианских взглядах русских крестьян, подчеркивал, что они всякое дело начинают и кончают, осенив себя крестным знаменем¹⁰³. Рассказывали, как люди, попавшие под сильное воздействие вражьей силы, не могли осенить себя крестным знаменем, и в этом была главная опасность их положения¹⁰⁴. Крестьянин Ф.Е. Кутехов (д. Бармино Середниковской вол. Егорьевского уезда Рязанской губ.) сообщал в конце XIX в., что во время свадьбы ни один человек не перейдет через порог, не перекрестившись¹⁰⁵.

Прежде чем резать хлеб (это делал обычно старший мужчина, сидевший под иконами), над ним ножом чертили в воздухе крест¹⁰⁶ либо крестообразно проводили по хлебу ножом¹⁰⁷. Поднося ко рту кружку с питьем, крестились¹⁰⁸.

«При упоминании о нечистой силе, — писал Ф. Зобнин, — у нас имеют обыкновение или отплюнуться или перекреститься и сказать: “не слушай, святая хоромина, не к нам будь сказано”»¹⁰⁹. Это не воспринималось православными, как формальность. Считали, что именование вызывало присутствие именованного. Представляет интерес приводимое здесь обращение к жилому

дому — “святая хоромина”, свидетельствующее об отношении к нему, как к малой церкви. Человек, упомянувший нечисть, понимает неуместность этого в святом помещении, и сверх того — опасается накликать такими словами на себя воздействие вражьей силы — отсюда: “не к нам будь сказано” и осенение себя крестным знамением.

Бытовало и бытует ныне множество историй, рассказывающих о том, как спасает от нечистой силы шейный крест и как опасно оказаться при каких-то обстоятельствах без него. Ходить без креста считалось серьезным грехом. Нельзя спать без креста, снимать его на время купанья — человек остается без защиты¹¹⁰.

Как только начиналась гроза, не только закрывали окна и задвижки печных труб, но обязательно крестили их¹¹¹. Лопаткой делали крестное знамение в сусеке над зерном, предназначенным для сева, прежде чем насыпать его в мешки¹¹². Когда сажали в печь кулич, то в каждом углу избы, начиная со святого, лопатой трижды делали крест¹¹³.

При зажигании огня от спички непременно крестились и говорили “Господи, благослови”. Существовали понятия — благословенный и неблагословенный огонь: “благословенный огонь не спалит ничего, а от неблагословенного огня случаются пожары”. Еще страшнее был огонь, при зажигании которого ругались “срамными словами” или произносили проклятья. От такого огня, как считалось в народе, случались самые страшные пожары, когда горела скотина и даже люди¹¹⁴.

Крестились, когда подавали питье и еду проезжему (или прохожему) человеку чужой веры, которого опасались, “чтобы не напустил нечистого”; посуду после него перемывали со святой водой. Но при этом его никогда не обижали, лишней копейки с него не брали за ночлег, “а то еще и совсем не просят, а что дадут, за то и спасибо” (сведения Болховского уезда Орловской губернии)¹¹⁵.

Невозможно перечислить все случаи, когда считалось необходимым принять меры против нечистой силы: прежде всего — осенить себя крестным знамением или перекрестить какой-то предмет. Кроме постоянно повторяющихся обстоятельств, при которых поведение определялось устоявшимся обычаем, возникало и множество индивидуальных моментов, требующих от каждого своего, личного решения. В “невидимой брани”, которую вел православный человек в своем доме, многое зависело от степени его веры. “Всяк крестится, да не всяк молится”, — говорит пословица. Относительно начертания крестов тоже есть пословица такого рода: “Не спасет дегтярный крест, коли не спасет Животворящий”¹¹⁶ (дегтярные кресты чертили на воротах и на самих животных от падежа скотины). Народ в массе своей понимал, что начертание креста — не магия, что оно должно сочетаться с живою верою в Бога, в Крест Животворящий.

Мы рассмотрели обычаи и обряды в русском крестьянском доме, связанные с личными, семейными и общими со всеми присутствующими молитвами; с обращением к иконам как образам Господа, Богородицы и святых; с благообразным поведением за столом и семейным соблюдением поста; с христианскими мерами защиты от вражьей силы. Все это, несомненно, свидетельствует о православном сознании русского крестьянина и стремлении его вести себя согласно церковным канонам и в собственном жилище.

При этом православная духовная жизнь в доме далеко не исчерпывалась затронутыми в настоящей статье явлениями. В этой связи уместно вспомнить широко распространенный обычай приглашать священника в дома для служения молебна; постоянное странноприимство, сопровождавшееся рассказами странников на духовные темы и просьбами хозяев о молитвах за них в монастырях и у известных святынь; подобные разговоры велись и без странников — в кругу своей семьи, где нередко сообщали друг другу о событиях духовной жизни общины или православных людей в других местах в прошлом и настоящем; религиозно-нравственная тема звучала в семье в назиданиях, замечаниях и указаниях, адресованных детям; учащиеся дети и грамотные взрослые нередко читали вслух Евангелие, Жития святых, Псалтирь и другую духовную литературу; подавалась милостыня нищим, просящим под окнами и у дверей дома, и пр.

Разумеется, степень соблюдения тех или иных православных традиций в доме, как и внутренняя глубина отношения к ним различались в конкретных семьях и у отдельных лиц. К началу XX в. нарастало разрушительное воздействие извне на религиозность народа. Тем не менее по множеству повторов в источниках однотипных характеристик, исходивших из разных мест, можно судить о сохранении определенной цельности православной жизни крестьянина в своем доме.

¹ Громыко М.М. Этнографическое изучение православной жизни русских в XX веке (Обзор основных тенденций) // Исторический вестник. М.; Воронеж. 1999. № 1. С. 3–19.

² Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 111–160.

³ Топорков А.А. Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223–236; Он же. Структура и функции сельского застольного этикета у восточных славян // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 191–193; Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Расы и народы. М., 1998. Вып. 25.

⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 485. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 1563. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 706. Л. 14–15.

⁷ Там же. Д. 699. Л. 24.

⁸ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 27. Л. 234–235.

- ⁹ Там же. Д. 11. Л. 194.
- ¹⁰ Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1891. Вып. III, отд. V. С. 219.
- ¹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1106. Л. 7–8.
- ¹² АГО. Р. 15. Калужская губ. Д. 27. Л. 5–6.
- ¹³ Скорняков В.Н. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Томск, 1902. Кн. 1. С. 6.
- ¹⁴ Воспоминания о декабристах (Из бумаг М.Д. Францевой) // Исторический вестник. 1917. Март. Т. 38. С. 695.
- ¹⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 520. Л. 25.
- ¹⁶ Дурасов Г.П. Каргополье. Художественные сокровища. М., 1984. С. 51–107; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1080. Л. 6.
- ¹⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 520. Л. 25.
- ¹⁸ Цит. по: Дурасов Г.П. Каргополье. С. 107.
- ¹⁹ Такташова Л.Е. Неизвестные памятники русского иконописания XVII–XIX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 313–322.
- ²⁰ Листова Т.А. Православные традиции русской народной свадьбы // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2. С. 98–99.
- ²¹ Там же. С. 104.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 105–106.
- ²⁴ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Введенская Оптиная пустынь. 1994. Ноябрь. С. 495.
- ²⁵ Там же. 1996. Февраль. С. 133.
- ²⁶ Сорокин Г.И. К истории побратимства // Исторический вестник. 1889. № 3. С. 783–784.
- ²⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 706. Л. 13. По Галичскому уезду Костромской губ. (с. Троицко-Леденское) отмечали, что перед началом всякого дела говорят: “Господи, благослови!” Автор корреспонденции — житель села Кузнецов не относил эту информацию только “к более усердным в благочестии”, а упомянул, как молитву, обычную для всех.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 27. Л. 241.
- ²⁹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 699. Л. 24.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 194; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 556. Л. 3.
- ³¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 536. Л. 9.
- ³² Там же. Д. 1579. Л. 6.
- ³³ АЙЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 361. Л. 74 об.
- ³⁵ Там же. Д. 8. Л. 12.
- ³⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1106. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Л. 2–3.
- ³⁸ Там же. Д. 1579. Л. 6.
- ³⁹ Там же. Д. 1106. Л. 1–2.
- ⁴⁰ Успенский Т. Очерки Юго-Западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 14.
- ⁴¹ АГО. Р. 66 (В I). Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
- ⁴² Там же. Р. 9. Воронежская губ. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 об.
- ⁴³ Там же. Л. 18.
- ⁴⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1060. Л. 4.

⁴⁵ Скорняков В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Томск, 1902. Кн. 2 (февраль). С. 4.

⁴⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Д. 706. Л. 13.

⁴⁸ РИМ. Ф. 1022. Д. 27. Л. 234.

⁴⁹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 541. Л. 1 об.

⁵⁰ АГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁵¹ АИЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

⁵² РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 194.

⁵³ Там же. Д. 27. Л. 235.

⁵⁴ Там же. Д. 11. Л. 194.

⁵⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24. Л. 35.

⁵⁶ Там же. Д. 1106. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Д. 699. Л. 24.

⁵⁸ Там же. Д. 491. Л. 1; Д. 523. Л. 8 (Калужский уезд).

⁵⁹ Там же. Д. 957. Л. 23–24. Болховский уезд Орловской губ.; Д. 974. Л. 25. Брянский уезд Орловской губ.

⁶⁰ Там же. Д. 100. Л. 31.

⁶¹ Там же. Л. 13.

⁶² Там же. Д. 957. Л. 23. Болховский уезд Орловской губ.; Д. 974. Л. 25. Брянский уезд Орловской губ.

⁶³ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 146.

⁶⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 974. Л. 3; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 146.

⁶⁵ РЭМ. Д. 974. Л. 2–3; Д. 957. Л. 23.

⁶⁶ Балов А. Следы древних верований в народном иконопочитании // ЖС. СПб., 1891. Вып. III. С. 219.

⁶⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 328. Понимание евхаристического значения хлеба в массе такого земледельческого народа, как русские, облегчалось тем, что воскресение умершего зерна в виде колоса ("Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". Ин, 12, 24) всегда было на глазах всех крестьян. Наиболее благочестивые опытно чувствовали благодатность массы цельных зерен. Неслучайно ритуальные блюда — кутью, коливо, сочиво — варили из цельных зерен.

⁶⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 957. Л. 23; Д. 974. Л. 25; Д. 541. Л. 1 об. Медынский уезд Калужской губ.; Д. 491. Л. 1; Д. 1436. Л. 2. Егорьевский уезд Рязанской губ.; Д. 1463. Л. 26. Скопинский уезд Рязанской губ.; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 11. Л. 165. Галичский уезд Костромской губ.

⁶⁹ Воронина Т.А. Пост в жизни русских // Православие и русская народная культура. М., 1995. Кн. 5. С. 4–89.

⁷⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 30.

⁷¹ АИЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

⁷² РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1738. Л. 12.

⁷³ Там же. Д. 540. Л. 4 об.—5.

⁷⁴ АГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 об.

⁷⁵ РЭМ. Д. 699. Л. 25; РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 27. Л. 236.

⁷⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1760. Л. 15 об.; АИЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 361. Л. 74.

⁷⁷ РЭМ, Ф. 7. Д. 1166. Л. 22–23.

⁷⁸ Там же. Л. 24.

⁷⁹ Там же. Д. 485. Л. 42.

⁸⁰ Зобнин Ф. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа) // ЖС. СПб., 1894. Вып. I. С. 42.

⁸¹ Столяров И. Записки русского крестьянина. Recit d'un russe, Paris, 1886. Р. 75.

⁸² Там же. Р. 75–77.

⁸³ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 986. Л. 13. Карачевский уезд Орловской губ.

- ⁸⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь... СПб.; М., 1882. Т. III. С. 345.
- ⁸⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1166. Л. 22.
- ⁸⁶ *Руднев А.* Народные песни Курской области. М., 1957. С. 56.
- ⁸⁷ *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957. С. 167; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1166. Л. 22.
- ⁸⁸ *Буслав Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 503; *Селиванов А.И.* Этнографические очерки Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 72–74; АИЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 361. Л. 75; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 491. Л. 7–8; Д. 1166. Л. 24; Д. 1436. Л. 37.
- ⁸⁹ *Селиванов В.В.* Год русского земледельца (Зарайский уезд Рязанской губернии) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 76.
- ⁹⁰ *Кремлева И.А.* Обет в религиозной жизни русского народа // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2. С. 145–146.
- ⁹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24. Л. 37.
- ⁹² *Старец Силуан.* Жизнь и поучения. М.; Ново-Казачье; Минск, 1991. С. 15.
- ⁹³ РЭМ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1559. Л. 15.
- ⁹⁴ АГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 18 об.
- ⁹⁵ АИЭА. Ф. 22 (ОЛЕАЭ). Оп. 1. Д. 45. Л. 4 об.
- ⁹⁶ *Балов А.* Следы древних верований... С. 221.
- ⁹⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 631. Л. 56.
- ⁹⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. IV. С. 159.
- ⁹⁹ *Столяров И.Я.* Записки... С. 75.
- ¹⁰⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 631. Л. 56.
- ¹⁰¹ АГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.
- ¹⁰² *Даль В.И.* Толковый словарь... 1981. Т. II. С. 192.
- ¹⁰³ АГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
- ¹⁰⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 7–11.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 1436. Л. 4.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 26. Скопинский уезд Рязанской губ.
- ¹⁰⁷ АГО. Р. 6. Оп. 1. Д. 67. Л. 27. Меленковский уезд Владимирской губ.
- ¹⁰⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1463. Л. 26.
- ¹⁰⁹ *Зобнин Ф.* Из года в год. С. 54–55.
- ¹¹⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 706. Л. 16; *Балов А.* Следы древних верований. С. 222; Рассказы о чудесах Божиих. Приложение к газете "Благовест". Самара, 1995. С. 13–15.
- ¹¹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 120. Л. 9. Вологодский уезд Вологодской губ.
- ¹¹² АГО. Р. 57. Оп. 1. Д. 3. Л. 51 об. Минусинский уезд Енисейской губ.
- ¹¹³ Там же. Р. 19. Оп. 1. Д. 47. Л. 3 об. Цигровский уезд Курской губ.
- ¹¹⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 911. Л. 28.
- ¹¹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. II. С. 190–191.

Л.А. Тульцева

ТАЙНАЯ МИЛОСТЫНЯ

В народе эту милостыню называют *тихая, тайная, милостинка потайная, тайная милость, тихомирная милостыня, благостыня...*

Тихая или тайная милостыня — русский православный обычай тайной (“тихой”) раздачи милостыни сиротам, вдовам и другим страждущим. На окошке избранного дарителем дома он незаметно оставлял свечи, холст, продукты, деньги. Никто никогда не знал имени милостынника, т.е. того, кто творил или раздавал милостыню. В этом заключалась суть обычая, который на практике был своего рода ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству.

Круг источников, которым мы располагаем, позволяет говорить об обычае тайной милостыни как своеобразной форме помощи, имеющей религиозно-нравственную направленность. Одновременно это была форма духовного подвига во имя спасения болящей или поминаемой души человека. Сам же факт тайной милостыни является составной частью православного обычая милостынного деяния.

Тайная милостыня как форма помощи благочестивых общинников. На это обратил внимание писатель-народник Н.Н. Златовратский. По его характеристике: «“Тихая милостыня” — особый вид вдовьей помощи преимущественно. В селе Л. вдова, оставшаяся с трехлетним сыном, выкормила и возрастила его тихой милостыней, не ходя по миру. Обыкновенно, неизвестно, как, каждое утро приносят кто хлеб, кто квасу, кто молоко, яиц и проч. Теперь уж мальчик ходит на заработки. Форма помощи с преобладающим влиянием религиозно-нравственного характера»¹.

Характеристику тайной милостыни как своеобразной религиозно-нравственной формы помощи нуждающимся мы услышали от старых жителей Рязанской обл. в 1993 г.: “Тайная милость — это помогают бедным, нуждающимся, попавшим в беду. До сих пор делают. Помогают на праздники, свадьбы, в

любом случае, но чтобы никто не видел. Приносили тайно, кто что принесет — денег ли, отрез ли. Тайная милость доходнее всех других поминаний. Не хвалились, а помогали”².

На родине Сергея Есенина, в селах Константинове, Кузьминском, Аксенове и сейчас можно записать от старых людей множество рассказов о помощи людям в виде тайной милостыни. Продитируем некоторые наши записи (1993 г.):

“Раньше ведь как — у кого есть коровка, а у кого и нет. У кого нет, тому на праздник, на крыльцо приносили молоко, сметану. Сейчас — не, как раньше: сейчас мы дадим, да хвалимся. А хвалиться нельзя. Раньше часто приносили тайную милостыню”³.

Тайная милостыня — “это моя свекровь, когда была жива, делала. Тогда народ проще был, добрее. Все бедным к празднику разговляться — и яички, и молоко”⁴.

“Под праздник подносили бедным кто чего, кто мяса кусочек, кто молоко. Оставались вдовы с детьми, и им помогали. Вроде Божий подарок. И даже кто дарил, тот не рассказывал, дескать, я что-то принесла...”⁵

Каким бы большим не было село, а все друг друга знали — знали, кто в чем нуждается, и при случае помогали. У хоперских казаков этот обычай так и назывался — “тайная помощь”.

В старину к тайной помощи в качестве благочестивого подвига прибегали сельские чернички (келейницы). Например, из биографии игуменьи Серафимы (Евфимии Моргачевой), с 1855 г. возглавлявшей Иоанно-Казанский женский монастырь в Лебедянском уезде Тамбовской губ., известно, что в молодости Евфимия кормилась обычным трудом сельской чернички (чтение Псалтири по умершим, рукоделие), но помогала и тайная милостыня, которую односельчане приносили ей потихоньку на окно. В свою очередь Евфимия в страдную пору, тайно от чьих-либо глаз жала на тех полосах, где было мало рабочих рук, “придя утром в поле, обнаруживали сжатые полосы и новые копны; постепенно стало известно, что это тайная помощь Евфимии”⁶.

Тайная милостыня как форма духовного подвижничества во здравие человека или упокоение души. Таким одним из ранних этнографических примеров является сообщение 1849 г. иеромонаха Макария о религиозных обычаях жителей Балахнинского уезда Нижегородской губ.: “За душу умершего, во здравие болящего и в некоторых иных случаях подают тайную милостыню: ночью тайно кладут на окошко бедным денег, холсты или хлеба и иногда восковую свечу”⁷. По положению свечи определялся характер моления: если свеча лежала, следовало молиться за душу умершего; если стояла — во здравие болящего.

Обычай имел локальные варианты. В г. Шуе, если в семье кто-либо тяжело заболел, то его домашние, “посоветовавшись между собою”, посылали в ночное время по городу с милостынею “нарочито выбранного хорошего,

доверенного человека". Милостыня состояла из восковых свеч и "порядочного запаса хлеба". Свечи и хлеб развозили или разносили тайно и клали на окна "избранных домов". Люди богатые вместо хлеба клали деньги. Денежная сумма определялась желаемой потребностью: от 5 до 10 копеек медью на прочтение канона или от 15 до 30 копеек для прочтения Псалтири. Взявший деньги обязан был, смотря по сумме их, прочитать канон или Псалтирь. Как писал шуицкий корреспондент "Владимирских губернских ведомостей", тайная милостыня оставляется "в той надежде, что добрые люди с найденною свечкою непременно помолятся Богу о здравии болящего"⁸.

В слободе Мстёре Вязниковского уезда тайную милостыню подавали гречневой крупой, пшеном, мукой, другими припасами и деньгами, а также печеным белым хлебом в виде баранок. Эта форма милостыни бытовала среди мстёрских староверов. Своеобразие обычая состояло в том, что милостыню не оставляли снаружи дома, а вручали домочадцам. Это делали женщины или девушки, которые закутывались платком так, что едва можно было разглядеть глаза; в ночное время, тихим стуком в окно они вызывали кого-либо из живущих в доме и вручали милостыню⁹.

Вместе с тайной милостыней во здравие болящего практиковалась и тайная милостыня с целью поминовения умершего. Из материалов костромского краеведа В. Смирнова можно сделать вывод, что тайная милостыня как составная часть поминального цикла была более распространена, чем тайная милостыня во здравие болящего человека. В Костромской губ., где еще в 1920-е годы обычай имел широкое хождение, он был известен под двумя названиями: "тайная" и "тихая" милостыня. Суть обычая состояла в следующем: родственники умершего, в зависимости от достатка и "собственной щедрости", в течение одной или нескольких ночей раскладывали подаяния на крыльце или волоковом окне изб бедных соседей. Подаянием могли быть крендели, блины, яйца, овощи, восковые свечи, платки, отрезы ситца, коробки спичек, другие продукты и предметы домашнего обихода. Состоятельные люди так делали в течение сорока дней, а также в родительские субботы и дни поминовения¹⁰.

Источники, которыми мы располагаем, говорят о широком бытовании тайной милостыни как части поминальных обычаев всех дней особого поминовения усопших. Например, в с. Три Озера Спасского уезда Казанской губ. ночью на Радуницу, чтобы никто не видел, клали съестные припасы на окно и ставни домов, где жили набожные старики или нищие, — здесь это называлось "тихомирной милостыней"¹¹.

Другим вариантом тихой милостыни был псковский обычай, называемый *суленики*. Так именовалась первая суббота после осенней родительской (Димитриевской). Она отмечалась по обету, по посулу (суленью). В этот день украдкой относили на могилы суленое, т.е. "обетованное яство и питье", предназначавшееся усопшим. Специально к этому дню пеклись и хлебцы — суленики¹².

Своеобычный вариант тайной милостыни бытовал в некоторых селениях нижегородско-симбирского Поволжья. Обычай был приурочен к празднованию дня апостола Иоанна Богослова (в народе называемого Иваном Богословом). В народном представлении этот великий апостол является заступником всех “труждающихся и обремененных”, а особенно нищих и убогих. Такое народное восприятие апостола И. Ильин охарактеризовал как “Иоаннову веру”. А.А. Коринфский писал, что память об Иване Богослове “в народном представлении неразрывно связана с понятием о неизреченной милости и благодати, о надежном заступничестве перед Сыном Божиим за всех пасынков жизни, обойденных временными земными благами, — в чаянии вечного блаженства в том мире, где нет ни богатых, ни бедных, ни сытых, ни голодных”¹³. Этот взгляд отразили народные присловья, приуроченные к осеннему дню Иоанна Богослова:

“Падет лист с дуба — зиме готова шуба, придет Иван Богослов — нищему пирог готов!”; “На Ивана Богослова — сирота у стола мирского”; “Потерпи, сирота, Богослов отворит ворота, — ворота отворит, хлебом накормит!”; “Кто для ради Ивана Богослова нищего-бездомного не удовлетворит, тот себе царствия Христова не уготовит!”; “На Богослова нищий сыт богоданной пищей”; “Пришел Иван Богослов — пеки для странника пироги, свою душу береги!”; “От Ивана Богослова сыта братия Христова!”¹⁴.

В Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерниях 26 сентября, в день Иоанна Богослова “богобоязненные старушки” пекли рано поутру особые подаянные пироги и пышки с крестами и выставляли на завалянки, чтобы странники и нищие, не выпрашивая милостыню, могли брать их с собой. В некоторых селениях (с. Бор Семеновского уезда, с. Выры Симбирского уезда) эту “тайную милостыню” так и называли “богуславьем” и оставляли ее под окнами своих домов или приносили на церковную паперть нищим.

Наконец, напомним и об общерусском обычае, по которому первый блин, испеченный на Масляной неделе, кладется в качестве тайной милостыни на слуховое окно для поминовения родителей. В старину блин оставляли с приговором: “Честные родители наши, вот для вашей души блинок!” Или же первый блин отдавали нищим, чтобы они помолились за упокой души усопших.

О тайной милостыне как части поминального цикла писал в своих воспоминаниях уроженец уральской станицы Чижевской казачий писатель Л.Л. Масянов. Он вспоминал о том, что в этой станице к праздникам Рождества и Пасхи казакам из бедных посылали на разговенье баранину, чай и сахар, материю на обновки, а в день поминок — сладкий пирог со свечкой и “денежкой”, — “но это делалось тайно. Для этого меня посылала мать, когда уже совсем темнело, и должен был положить это на окно и быстро убежать”¹⁵.

Традиция жива до тех пор, пока о ней свежо воспоминание. Если к тому же традиция время от времени воспроизводится, значит, есть надежда, что она будет воспринята следующим поколением.

По воспоминаниям старожилов, обычай тайной милостыни бытовал в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. И это понятно. Всем известно, сколь велики были жертвы среди наших соотечественников во имя великой Победы. Поэтому в числе принятых поминальных традиций (заочное отпевание, заказные поминовения в храмах, поминания возжиганием свеч на канунах, возжигание лампад у домашних киотов и божниц) бытовал и обычай тайной милостыни. Как вспоминала жительница д. Чурьяково Угличского района Ярославской обл. Анна Сергеевна Чаброва (1910 г.р.): «Погибших поминали тайной милостью. Я сама делала и ложила яйца»¹⁶.

В д. Чурьяково местное название тайной милостыни — «тайная милость» (или «тайная милось»). А.С. Чаброва рассказала, что сейчас милостинное приношение стараются положить к крылечку или на окно того дома, где, как это заранее известно дарителю, живет верующая женщина, знающая православные бытовые традиции. По умершему надо положить четное число, например, яиц, конфет или других продуктов.

На вопрос: «С какого времени обычай стал забываться?» — А.С. Чаброва рассказала: «Как не стали веровать, так и не ложат теперь». Сама она воспользовалась своими знаниями обычая лет 7–8 назад: «Я решила яйца положить одной бабушке. Ей-то я ничего не сказала. Когда пришла к ней (по прошествии некоторого времени. — Л.Т.), она говорит: «Господи, открываю утром дверь, а на крыльце яйца лежат!» Я ее спрашиваю: «А что ты сделала? Да ты возьми да помолись за них». Далее А.С. Чаброва объяснила: «Надо взять и дома помолиться перед иконами и помянуть всех усопших. Это хорошо для души умерших»¹⁷.

Полина Васильевна Шлыкова (1920 г.рожд.) из д. Аргамаково Спасского района Рязанской обл. рассказала нам о своей матери, которая наставляла своих дочерей (а их было семеро и еще один брат): «Девки не копите, не копите ничего — все прах. Делайте тайные милостыньки».

И далее Полина Васильевна пояснила: «Тайная милостынька — собери бедному человеку, когда и чего хочешь. Тайная милостынька очень доходна к Богу»¹⁸. Поэтому еще в недавнем прошлом довольно часто старые люди, умирая, просили: «Не нужно мне больших обедов ни на 40-й день, ни на год, а лучше тайную милостыню»¹⁹.

Каждая из цитированных характеристик обычая тайной милостыни несет ценнейшую социально-психологическую и культурологическую информацию. Совокупность такой информации дает представление об огромной социально-нравственной силе этой традиции и глубине ее исторических корней.

Если говорить о социально-нравственном аспекте обычая тайной милостыни, то в устах простых людей ее нравственная сила в том, что нуждающимся

помогли “тихо”, не напоказ, под покровом ночи, в молчании. Не случайно обычай называли наряду с “тайной милостыней” еще и “тихой милостыней”, а также — “тихомирной святой милостынькой”. Тишина, молитва и молчаливая тайна сопровождают обычай. “Не похвались, а помоги”, — говорили нам старики. “Не похвалясь, а Богу помолясь”, — гласит старинное присловье.

По убеждению наших рассказчиков, тайная милостыня “доходнее”, т.е. быстрее и действеннее всех других благочестивых обычаев, когда речь идет о спасении болящей или поминаемой души. Этот взгляд преемственен тому восприятию обычая, как он понимался раньше многими поколениями православных людей. В 1869 г. из Вязниковского уезда сообщалось: “Такие тайные милостыни, по убеждению подающих, избавляют их от всяких бед и напастей”²⁰. По этому поводу костромской краевед В. Смирнов писал: «“Тайной” или “тихой милостынею” как бы обязывают соседей к молитве за умерших, вообще народом очень прочно усвоено, что милостыня и молитва спасают грешную душеньку»²¹. Такое понимание донесло до нас и народное красное слово: “Милостыня перед Богом оправдывает”; “Пост приводит к вратам рая, а милостыня отверзает их”²².

Представление о том, что милостыня и молитва особо богоугодны и благодатны, что они помогают на том свете “грешной душеньке”, получило высокое художественно-религиозное развитие в духовных стихах. Сложился целый цикл, объединяемый под названием “Стихи о спасении души”, или “Плач грешной души”. В стихах именно этого цикла в числе спасительных для души деяний называется милостыня, в том числе и тихая милостыня, которая, по записи П. Киреевского, названа “тиха мирная милостыня”, а по записи В. Варенцова — “тихомирная милостыня”.

Вариант по П. Киреевскому

...Не поможет душе грешной
Ни имение, ни богатство;
Не замена душе грешной
Ни злато, ни серебро;
Нет помóги душе грешной
Ни дружья, ни братии!
Разве поможет душе грешной
Слезы, покаяние,
Поклоны полуночные,
Тиха мирная милостыня!
Тем избавится душа грешная
Злой муки превечной;
Тем наследует душа грешная
Царство Небесное!
Велико имя Господне на земле!²³

Вариант по В. Варенцову

...Как поможет душе моей
Тиха плаць, покаяние,
Да поклоны всеносьные,
Да тихомирная милостыня, —
Введет в Царство Небесное,
В житье вековечное²⁴.

В стихах, посвященных спасению души, нищая братия поведовала православному люду о том, что никто и ничто не сможет помочь душе — “ни сродники”, “ни злато”, “ни серебро”, лишь молитвы да тихая милостыня. Для этой милостыни где-то в глубине столетий неведомыми нам каликами переходящими было найдено удивительное определение — “тихомирная святая милостыня”:

Да восплачется душа моя грешная,
Да воступится тело грешное
Перед Спасовым образом,
Перед Матушкой Владычицей,
Ай, увы — горе душе моей!
Еще как мне на тот свет притти,
На второе на Христовое пришествие?
Не помогут душе моей
Ни отец, ни мать и ни сродники,
Ни друзья-братья сердешные,
И ни злато, ни серебро;
Помогут душе моей
Поклоны полуношные,
Тихомирная святая милостыня;
Там наследует душа грешная
Себе Царствие Небесное!²⁵

Согласитесь, что в этом удивительно поэтическом определении “тихомирная святая милостыня” тонко сквозят и кротость, и святость, и тихая благодарность нищего за кус хлеба, полученный Христа ради.

Исследовательский аспект любой проблемы — по возможности приблизиться к истокам явления, понять его корни. Что касается обычая тайной милостыни, то в первую очередь мы должны говорить о роли милостыни в складывании определенного типа умонастроений и умозрений русского общества, о ее роли в формировании среди православных людей положительных социально-психологических и социально-нравственных установок. Колоссальную роль в этом деле сыграла религиозно-учительная и нравственная проповедь, звучавшая с амвона православных храмов на протяжении тысячелетия, в особенности же евангельские чтения, воспроизводимые при совершении литургии, когда прихожане слышат поучения евангелистов о милостыне, нищих, странниках. Например: “Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах” (Мф. 19, 21); “Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда всё будет у вас чисто” (Лк. 11, 41) и др.

У евангелиста Матфея есть и высказывание, которое является как бы религиозно-нравственным обоснованием обычая тайной милостыни: “Да не чует шуйца твоя, что творит десница твоя, да будет милостыня твоя в тайне”

(Мф. 6. 4). Этот поэтический перевод принадлежит Остромирову Евангелию (1057 г.). Строфы 1—4 этой же главы по Русской Библии 1499 г. звучат следующим образом: “Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно” (Мф. 6, 1—4)²⁶.

Когда творишь милостыню, не “труби перед собою”, “чтобы милостыня твоя была втайне”, Господь Бог, видя твою тайну, “воздаст тебе явно” — эти поучения каждой своей строфой, каждым отрывком речи евангелиста, каждым отдельным словом стали правилом обыденного смиренного мудрия, правилом, в которое православные люди вложили свою душу, свои печалования о болящих и поминаемых сродниках, сердечных бедах и заботах.

Удивительно то, что обычай тайной милостыни был известен русским людям фактически уже во времена Крещения Руси. Об этом свидетельствуют строки из “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона. Они на мгновение позволяют прикоснуться к личной вере великого князя Ярослава Мудрого:

К тому ж, кто поведает

о многих твоих ночных милостях и дневных щедротах,
что убогим творил ты, сирым, болящим, должникам, вдовам,
и всем, требующим милости?

(Ст. 690, перевод В. Дерягина).

Обычай тайной милостыни стал своего рода религиозно-нравственной формой взаимовыручки определенного коллектива людей, а на уровне обыденного сознания проявлением “бытовой демократии” (термин Н.О. Лосского).

Страницы Житий святых, поучительные повествования из Прологов, Синодиков, народные легенды и духовные стихи давали примеры благочестивой жизни — образцы, которым нередко следовали в каждодневной жизни. В славяно-русских Прологах было более чем достаточно примеров для подражания. Великими милостынниками и нищелюбцами особенно изображались преподобный Феодан (29 сентября), святитель Иоанн (12 ноября), праведный Филарет (1 декабря), — все они за свои деяния именовались “Милостивыми”. Великими милостивцами были Зотик-страннопитатель (30 декабря), святитель Вонифатий Милостивый (19 декабря), праведная Феодания (16 декабря), святая Анастасия Узорешительница (22 декабря) и др.

Великим милостивцем воспринимался самый почитаемый на Руси святой Николай Угодник. Эпизоды из жития этого любимейшего святого русских

Клеймо из житийной иконы святителя Николая — Тайная помощь.
Конец XIX—начало XX в.

людей вполне могли послужить “идеологическим” обоснованием и обычая тайной милостыни. В изложении святителя Димитрия Ростовского житие повествует: “И была рука его простерта к нуждающимся, на коих она изливала пребогатую милостыню, как многоводная река, изобилующая струями”. Далее повествуется о некоем муже, знатном и богатом, но попавшем в крайнюю нужду. Чтобы выбраться из бедственного положения, он “замыслил отдать своих дочерей на любodeяние и обратить свое жилище в дом блуда”. Святый Николай тайно, ночью, бросает в окно этого дома мешок золота. Таким образом он поступает трижды, пока все три дочери не были выданы замуж. Тайное благодеяние Николая Угодника святитель Димитрий прокомментировал следующим образом: «Так святой Николай поступил по двум причинам. С одной стороны, он хотел сам избежать суетной человеческой славы, следуя словам Евангелия: “Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми” (Мф. 6, 1), с другой стороны, он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богачом, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он

знал, как она тяжела и оскорбительна для того, кто от богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о прежнем благоденствии. Посему святой Николай счел за лучшее поступить по учению Христа: "пусть левая рука твоя не знает, что делает правая" (Мф. 6, 3), он так избегал человеческой славы, что старался утаить себя даже и от того, кому благодетельствовал»²⁷.

Благоприятный социально-нравственный фон способствовал укоренению индивидуального религиозно-нравственного представления о милостыне как богоугодном деянии, а о тайной милостыне во имя болящих и поминаемых — как личном богоподвижническом поступке. Ибо для этого человеку нужны как глубоко воспринятое учение Церкви о спасении души, так и развитые чувства смирения, кротости, сердоболия, чтобы, по слову свт. Тихона Задонского, "славилось имя Божие, а не подающего". Чуткое отношение к просящему подающие простые люди выразили в правиле: "Подавая милостыню в окно, отворачивайся и молись иконам"²⁸, т.е. не надо видеть того, кому подаешь.

Итак, милостынное деяние — это и духовная религиозная ценность, но и ритуальная социально-психологическая норма, сакрализованная Евангельскими текстами. Творя "тайную" или "тихую" милостыню, верующий по сути въяве воспроизводит соответствующие Евангельские тексты, находя к тому же "подкрепление" своим действиям в примерах жизни почитаемых святых.

Такова страница неизвестной России — России тихой кротости, милости, нестеровского печалования о душе. "Тайная" или "тихая" милостыня — это пример обычая, когда в веру вкладывают всю душу. И хотя обычай тайной милостыни еще живет, но сейчас он известен больше в тех местах, где вера не оскудевала.

¹ Златовратский Н.Н. Деревенские будни // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 344.

² Анастасия Ивановна Коврижкина, 1924 г. рожд., с. Устрань Спасского района Рязанской обл.

³ А.Н. Плехина, 1918 г. рожд., с. Кузьминское.

⁴ Н.П. Постникова, 1914 г. рожд., с. Аксеново.

⁵ Записано от А.И. Холоповой, 1911 г. рожд., и П.П. Анискиной, 1905 г. рожд., с. Кузьминское.

⁶ Цит. по: Громыко М.М. О народном благочестии у русских XIX в. // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. I. С. 174.

⁷ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО. М., 1915. Вып. 2. С. 749.

⁸ Борисов В. Этнографическая заметка // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1860. № 11; Максимов С.В. Собр. соч. СПб., 1896. Т. 5: Бродячая Русь Христа ради, ч. 1. С. 151.

⁹ Тюлин (Статья без названия) // Владимирские губернские ведомости. 1869. № 481.

¹⁰ Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского общества по изучению местного края. 1920. Вып. 15. С. 23.

¹¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 457. Л. 25.

¹² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. IV. С. 359.

¹³ Коринфский А. В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий. СПб., 1905. С. 140.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мясников А. Гибель Уральского казачьего войска // Казачий круг. 1991. Ч. 1, вып. 1. С. 8.

¹⁶ Запись автора 1993 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Листова Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Курской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. С. 74.

²⁰ Тюлин. Указ. соч.

²¹ Смирнов Вас. Народные похороны и причитания... Вып. 15. С. 23.

²² Даль В.И. Толковый словарь... М., 1994. Т. II. С. 326.

²³ Киреевский П. Русские народные песни. М., 1847. Ч. 1: Русские народные стихи. С. 209.

²⁴ Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 157–158.

²⁵ Там же. С. 156–157.

²⁶ Цит. по: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., 1992. Т. 7. С. 27, 28.

²⁷ Минин Четьи на русском языке. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1903. Кн. 4 (декабрь). С. 178.

²⁸ Даль В.И. Толковый словарь... Т. II. С. 326.

Т.А. Листова

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕТОРОЖДЕНИЕМ

*Я — ребенок, не родившийся на свет,
Я — безродная душа по кличке "Нет".*

*Из "антиабортного" плаката
в современной поликлинике.*

Вопрос о том, что есть человек, можно отнести к числу вечных вопросов. Единственное мыслящее существо всегда стремилось понять самое себя — свое соотношение с окружающим миром и свое место в нем, самостоятельность и зависимость своего бытия, тайну начала и конца жизни, природу духовности и телесности, их единства и противоборства. Рационалисты-прагматики и богословы всех существующих на свете конфессий так или иначе отвечали на эти вопросы: первые — исходя из знаний о природе, вторые — руководствуясь религиозной концепцией мира.

Исторически развитие религиозных систем шло по пути все большего отделения человека от мира природы. Христианская догматика провозгласила человека самым совершенным существом на земле, созданным по образу и подобию Божию. Более того, по христианскому учению, окружающий мир был создан для человека и вследствие этого был обречен вместе с ним нести бремя расплаты за первородный грех.

Такое отделение было не только привилегией. Оно накладывало на человека определенные обязанности: он должен был следовать религиозным идеалам и соблюдать нормы поведения, прежде всего по отношению к Богу и к себе подобным. Эти нормы были сформулированы Новым Заветом и отцами Церкви и по мере христианизации стали той основой, на которую накладывалась вся жизнь мирян. Христианское учение о сущности человека и его назначении на земле определило характер русских народных воззрений на человеческую жизнь как таковую и ее соотношение с божественным и земным окружением. Это касалось и понимания народом процесса зарождения и развития человеческого существа, отношения к нему до и после рождения, что в свою очередь определяло демографическую концепцию этноса.

Существовавшие в русском православном обществе религиозно-нравственные нормы интимной жизни запрещали предпринимать какие-либо пре-

вентивные меры, предотвращающие зачатие, и тем более меры, уничтожающие зародившегося ребенка. Это обстоятельство как-то упускается из вида в нынешних весьма распространенных сетованиях на демографический кризис русского народа и объективные причины падения рождаемости. Постоянный прирост населения в дореволюционной России (несмотря на войны, эпидемии, высокую детскую смертность) был обусловлен не материальными факторами, а религиозно-нравственными взглядами народа на деторождение, исключаящими возможность его регулирования.

Рождение нормального жизнеспособного ребенка, согласно русским представлениям, было возможно лишь при сочетании двух условий, соответствующих дуальной природе человека: плотского зачатия и наделения зародившегося ребенка душой.

Рациональный опыт русских крестьян свидетельствовал о том, что для зачатия совершенно необходимы такие материальные факторы, как половой акт и репродуктивный возраст женщины. Однако даже наличие этих факторов не объясняло ни механизма зарождения новой жизни, ни реальности зачатия каждой женщиной определенного количества детей определенного пола, ни женского бесплодия. Объяснения этому народное воображение часто искало в предопределенности и даже некоторой антропоморфизации женской детородной способности. Можно сказать, что в представлениях крестьян присутствовала вера в то, что каждая женщина наделена потенциальной способностью к рождению детей и, более того, в организме у нее как бы заложено количество возможных зачатий и даже определен пол будущих детей¹. Именно поэтому в тех случаях, когда подозревали, что бездетная женщина предприняла какие-то меры, лишаящие ее возможности забеременеть, говорили: "Она вывела детей". Одновременно с этим существовало и свойственное верующим объяснение зависимости деторождения, как и всего происходящего на земле, от Божией воли ("Бог дал — Бог не дал детей"). Из вышесказанного ясно, почему в крестьянской среде считали грехом прибегать к превентивным мерам — одноразовым и тем более лишаящим детородной способности навсегда: они нарушали ход жизни и мешали появиться на свет тем детям, которые в положенные им сроки должны были зародиться в утробе матери.

Еще более греховным считалось уничтожение уже зародившегося ребенка. Крайне негативное отношение к плодоизгнанию сложилось под влиянием религиозного учения о самоценности каждого живого существа, зачатого и рожденного Божиим благословением. С точки зрения верующих, самое главное в человеке то, что делает его созданием "по образу и подобию Божию", — это его бессмертная душа, точнее, в земной жизни — душа, заключенная в тело. В народном понимании представления о душе как необходимом условии зарождения жизни и ее продолжения после смерти — основные и определяющие смысл человеческого существования. Эти представления в том

или ином виде присутствуют практически во всех религиях мира. Они составили основу разработанной Э. Тэйлором теории анимизма, очень популярной в конце XIX — начале XX в. В последнее десятилетие эта теория обрела новую жизнь в трудах этнографов, ставящих целью всестороннее изучение существующих в разных культурах представлений о человеке².

В русском языке слово “душа” имеет различные смысловые оттенки, его употребляли даже как юридический термин для обозначения единицы крестьянского податного населения. Однако для определения духовного мира человека, точнее — его духовной ипостаси, это слово на Руси означало, по определению В. Даля, “жизненное существо человека”, несущее “бесплотное тело духа”³.

К сожалению, мы мало что можем сказать конкретного о том, каковы были дохристианские анимистические представления древних восточных славян. Мировоззрение же русского православного человека складывалось под влиянием философских постулатов Церкви, разрабатываемых лучшими умами христианского богословия и средневековыми книжниками. Основные положения народной концепции человека — это результат сохранения и, возможно, саморазвития дохристианских представлений и воздействия целенаправленной просветительской деятельности православной идеологии, а также имевшей большое хождение на Руси апокрифической литературы.

Учение христианства о человеке и его душе, как и все ключевые положения этой религии, основывались на соответствующих цитатах из Евангелия с экскурсами в Ветхий Завет. Во Втором послании к коринфянам апостол Павел весьма определенно заявляет о существовании внутри тела особой разумной жизненной субстанции: “Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое” (2 Кор. 5, 10). Таким образом, в Евангелии был создан образ внутреннего духовного существа, но не были даны какие-либо дополнительные его характеристики. Дальнейшая разработка учения о душе принадлежала отцам Церкви, однако и они не выработали полностью идентичной концепции души. Более того, образность богословского изложения предмета как будто специально обращена к чувству и воображению верующего, а не к рациональному уму. Авторы все время дают понять, что объект исследования находится на грани реальности и божественной тайны, которую не только сложно, но и не нужно конкретизировать.

Обобщая высказывания отцов Церкви относительно сущности души, И.А. Карышев перечислил следующие ее свойства: самостоятельное, независимое от тела существование, свободу в желаниях и воззрениях, бессмертие. Больше всего споров возникало по поводу природы души. С одной стороны, православная догматика признавала ее “невещественность”, с другой — ей свойственна, по мнению некоторых богословов, “вещественность или дебе-

лость", но в том смысле, в каком телесность приписывалась ангелам⁴. По-видимому, эта точка зрения преобладала и в русской богословской мысли.

Известный поборник чистоты веры протопоп Аввакум утверждал: "Все святые научают, яко душа единораслена и телесовидна, ум и слово и дух — силы в ней действенные. Не по естеству божественному душа иметь естество, но вещь телесовидна, яко ангел некий, чистейший дух — душа, но и плотна есть, единовидна и единосоставна"⁵.

И, наконец, преподобный Макарий Египетский дал еще более образное определение души; "душа имеет свое око, которым видит, ухо, которым слышит, язык, которым говорит, руки, все свое тело и все его члены и, соединившись с телом, чрез него совершает все жизненные отправления"⁶.

Антропоморфизация в определении души встречается в богословских произведениях различного характера. Так, в одном из "герондиков-старечников", среди разъяснений святых отцов относительно характера двуединой природы человека есть следующее: "Сказал некто из старцев: если внутренний наш человек трезвится, то он силен охранить и внешнего, если же нет, то сколько есть сил, беречь язык"⁷. Этот образ был близок склонному к конкретизации мистических образов народному воображению. Подразумевая под душой внутреннюю духовную субстанцию человека, народная религиозность облекала ее подчас в хотя и незримые, но явно "очеловеченные" формы. Представления о внешнем облике души складывались под сильным влиянием иконописных канонов. Так, корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Грязовецкого уезда писал: "На картинах видели и верили, что душа, когда выйдет из тела, то принимает младенческий вид и у всех одинакова — мужиков, баб, ребят"⁸.

Одни представляли душу как маленького человечка без мяса и без костей, не имеющей отличий в зависимости от пола и возраста того, кому она принадлежала⁹, другие же полагали, что она изменяется вместе с человеком. Например, по мнению жителей Арзамасского уезда, "все души в 30 лет возрастной вид принимают, и после прибавки душам не будет"¹⁰; "душа сама по себе почтенных размеров, ей 30 лет, и она копия человек"¹¹.

Христианская мысль признавала равноценность души мужчины и женщины: "Женщина обладает тем же духовным достоинством, что и мужчина", более того, некоторые отцы Церкви считали необходимым подчеркнуть положительную роль женщины: "Женщина есть образ Божий, как и мужчина. Оба пола равноценны. Равны добродетели, равны брани. Более того, разве способен мужчина соперничать с женщиной, решительно направляющей его жизнь"¹². Народная же религиозность склонна была приписывать некоторое качественное и, так сказать, количественное (но подразумевающее и качественное) превосходство души мужчины: "У бабы есть душа, хоть и маленькая"¹³. Встречались и более негативные мнения относительно

Ангел-хранитель держит душу праведного монаха. Рисунок начала XX в.

одушевленности женщин. По сообщению известного исследователя Русского Севера Н.А. Иваницкого, «женщина не пользуется уважением в народе, как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью... Души, как сказано, у женщин не признается: “Какая у бабы душа? У ней не душа, а пар”, “На семь баб одна душа”»¹⁴. Из текста явно следует, что в данном случае имеется в виду не душа как основа жизни, необходимая каждому человеку, а ее разумность, признаваемая Церковью главным свойством души (см. ниже).

Вот что говорили жители Гжатского уезда Смоленской губ.: «Душа — это особое существо, похожее на маленького человека, состоит из газообразных материалов, как дым или пар. Душа имеет такие же части, из каких состоит и человек, — руки, ноги, голову. Желудка не имеет, так как не питается ничем. Душа растет постепенно, только рост души признается не в физическом — что он больше, а в смысле развития у нее понимания об окружающей жизни на земле. ...Душа младенца не имеет никакого понятия о жизни на земле, с течением времени обогащается знанием о земной жизни и начинает руководить действиями человека. Души людей разных возрастов — разные и имеют половые отличия. Душа женщины не так понятлива, как душа мужчины»¹⁵. При этом душа «через глаза наблюдает за жизнью внешней». Почему и говорят: «прямую и кривую душу по глазам узнаешь». С этим, видимо, связана и поговорка «Среди слепых и кривых не бывает святых». Возможно, термин *слепая душа*, употреблявшийся в отношении душ детей, умерших неокрепшими, имел двойной смысл: слепая — так как не узрит Бога, ассоциировавшегося со светом, и слепая — лишенная возможности видеть мир и руководить человеком, что могло привести к его неполноценности (хотя одновременно с этим существовало и представление о внутреннем зрении слепых).

Нет каких-либо сведений о возможности увидеть душу, однако описание ее выхода из тела выглядит вполне материально: например, в «Стихе о грешной рабе и о ее праведной дочери» момент смерти последней описан следующими словами: «Из девицы душу вынимали / На пелену душеньку клали...»¹⁶. Распространенный сюжет — изъятие или похищение души из тела также подразумевал ее некоторую материальность. В широко известном на Руси апокрифе «Сон Богородицы» Христос говорит своей матери: «Сам к тебе Я, Мати, с небес сойду / Да Я Сам из Тебя, Мати, душу выну»¹⁷. Христианская литература давала мирянам весьма красочные примеры возможности и похищения души, что не могло не сказаться на народных представлениях¹⁸.

Для русского фольклора нехарактерны рассказы о временном выходе души из тела при жизни человека (не говоря о случаях летаргического сна), однако такие, не слишком четкие представления встречались, душа в них обычно предстала в виде птицы, что характерно для русской мифологии¹⁹: «Душа — курица. Когда хочешь вечером пить — напейся, а то душа куркой пойдет пить. А сноха раз била ее. Приходит домой — свекровь умерла. Во сне душа уходит. Душа уходит Богу молиться»²⁰.

В имеющихся в нашем распоряжении материалах XIX в. крайне редко сообщения о конкретном местонахождении души в теле. Например, жители Арзамасского уезда считали, что она помещается в правой стороне — против сердца²¹. Однако собранные в словаре русского языка XI—XVII вв. варианты употребления этого термина свидетельствуют о том, что, возможно, средневековые люди считали, что она находится на шее, — имеются в виду ямочка

на шее над грудной костью и нижняя часть шеи над этой ямочкой. В связи с этим описание в “Слове о полку Игореве” момента смерти “Един же изрони жемчюжну душу из храбра тѣла чрьсь злато ожереліе” можно понимать не только как поэтический образ, но и как вполне реальное видение отхода души от тела людьми того времени²². Сравнение лексики (и официальной, и разговорной) XI—XVII вв. с аналогичной лексикой XIX—XX вв. показывает, что и термин, и само представление о душе играли гораздо большую роль в понятийном аппарате средневекового человека, нежели это было в позднее время. Можно сказать, что сам человек рассматривался в то время с точки зрения обладания душой, причем последняя понималась не только как внутренняя, дающая жизнь субстанция; понятие “душа” включало религиозно-нравственные характеристики, определяющие поведение человека и отношение к нему окружающих.

Термином “душегубство” (и производными) обозначалось любое убийство. Но, кроме того, это слово часто имело особый оттенок осуждения за убийство невинного и погубление чужой души. В этом значении термин употреблялся и в XIX в. Действия, связанные с судебными клятвами под присягой, также рассматривались с точки зрения их отношения к душе: например, “взяти на душу” — присягнуть, “душевредец” — тот, кто дает ложные клятвы под присягой, т.е. губит свою душу²³. Понимание души как нравственной категории сохраняется и по сей день, что сказывается, например, в таких терминах, как “бездушный”²⁴ — в значении негативной оценки человека, “взять грех на душу” и т.д. Вопрос о соотношении души и психофизических свойств человека выходит за рамки настоящей статьи и требует дополнительных исследований. Однако можно с большой долей вероятности сказать, что выделение разумности как основного свойства души человека в христианской догматике не было характерно для народных представлений. В последних душа обычно фигурирует в двух ипостасях: как жизненная субстанция и как духовно-нравственное начало, дающее возможность постигать суть вещей не только умом, но и внутренним зрением (рассуждают умом, а душой — чувствуют) и реагировать на него в соответствии с заложенными в человеке нравственными основами.

Наибольшие споры среди богословов вызывал вопрос об исходном состоянии души, точнее сказать, душ всех людей — потомков Адама, поскольку ему “вдунал” душу сам Бог. Богословы признавали, что эта проблема относится к числу “наиболее трудных антропологических вопросов”, издавна бывших предметом обсуждения для философствующих умов и “при всей таинственности” открывавших путь к всевозможным гипотезам²⁵. Трудность теоретизирования в данном случае состояла в невозможности апелляции к Священному Писанию, поскольку никаких соображений по поводу местонахождения души до земной жизни человека, которые можно было бы принять за основу, ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет. На V Вселенском соборе было реше-

тельно осуждено учение Оригена, который вслед за Платоном утверждал предсуществование душ, которые в наказание за грехопадение были заключены в тело, как в темницу²⁶. Точно так же полностью была отвергнута связанная с этим теория метемпсихоза (переселения душ)²⁷.

Наибольшее число последователей получили две теории происхождения души каждого отдельного человека, причем ни одна из них не была признана христианской догматикой единственно верной. Сторонники первой из них (Климент Александрийский, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин и др.) полагали, что каждая душа отдельно творится Богом, причем некоторые из них приурочивали соединение души с телом к сороковому дню образования тела; согласно другой теории (ее поддерживали Тертуллиан, святители Григорий Богослов, Григорий Нисский, прп. Макарий Египетский) обе субстанции — душа и тело — одновременно получают свое начало и совершенствуются, причем некоторые считали, что душа творится от душ родителей так же, как тело от тела родителей²⁸. Бесперспективность дебатов по данному поводу в свое время высказал Григорий Богослов, признав решение проблемы “превышающим человеческие силы”²⁹.

В русских богословских трудах XIX в., обобщающих наработанные веками общехристианские и православные теории духовной сущности человека, в качестве общепризнанного свойства души названа “вечность” ее существования. Философское определение этого качества не дает каких-либо сопоставлений с постулатом о сотворенности души первого человека, позволяющим предполагать сотворенность последующих, и не касается конкретных параметров бытия души, утверждая лишь его индивидуальный характер: “Вечность есть пространство времени, не имеющее ни начала, ни конца, а следовательно, состоящее только из одного настоящего... По учению православной церкви бессмертие есть свойство души, а душа, получив однажды это свойство, пребывает всегда неизменным и цельным существом, сохраняя свою одну и ту же личность и свое сознание”³⁰.

Народная мифология, в отличие от богословской науки, не ставила прямо вопрос о начальной форме и месте доземного пребывания души. Признавая факт наследования не только телесных, но и “душевных” качеств детьми от родителей, в народе, однако, не сомневались в сотворении каждому человеку индивидуальной души. Можно уверенно говорить о том, что несмотря на, возможно, встречающиеся примеры переселения душ, народным представлениям была чужда идея метемпсихоза. Самым убедительным аргументом этого утверждения служит занимающая центральное место в похоронно-погребальной обрядности русских, детально разработанная тема “проводов” души и ее существования на том свете, требующая постоянной заботы живущих на земле³¹. Индивидуальность души сохранялась при всех переходных обрядах русских. В частности, интересно рассмотрение в этом ракурсе церковного

обряда бракосочетания. Верующий человек полностью воспринимал мистику соединения, происходящего во время таинства венчания, что отразилось в отношении к святости брака. Но это был именно сакральный союз, не нарушающий цельности духовной субстанции супругов. Недаром, желая подчеркнуть гармоничность взаимоотношений супружеской пары, говорили: “Живут душа в душу”.

Пожалуй, общим для русских представлений можно считать простую констатацию факта принесения Ангелом души от Бога, что оставляло неясным, имеет в виду эта формулировка какое-либо непосредственное участие Бога в творении каждой отдельной души или же существование некоего абстрактного собрания душ где-то в потустороннем Божием мире. Второе предположение казалось народу более вероятным, Оно не имеет соответствующей мифологической разработки, хотя и встречаются отдельные сообщения о том, что, по народным представлениям, “душа — это существо, которое живет до рождения человека и после его смерти”³². В его пользу свидетельствуют и некоторые косвенные, понятные лишь с этой точки зрения мифологические представления, о которых будет сказано ниже. Существование души в потустороннем мире как бы прерывалось земным периодом, начало и конец которого виделся как перемещение душ Ангелами, что в народных верованиях имело одно и то же видимое выражение: падение звезды трактовалось одновременно и как чье-то рождение, и как чья-то смерть. “Звезды падают — смерть или рождение нового человека. Чья упадет — тот умрет. При рождении нового звезда перемещается так быстро, что усмотреть нельзя, и потому это перемещение так же называют падением. В июле и августе падает много вследствие того, что в эти два месяца больше всего умирает и рождается народу”³³.

В народных верованиях жизнь человека ассоциировалась также с горением свечи. Эта связь могла иметь знаковый характер. Например, всем русским известна примета: чья — жениха или невесты — свеча погаснет раньше на венчании, тот раньше умрет. Мифологическая картина мира русских включала и прямое отождествление параллельно существующих — человека на земле и “его” горящей свечи в управляющем нашей жизнью Божественном мире, что иногда дано было увидеть смертному человеку. Так, в одной из легенд Богородица показывает попавшему к ней в дом крестьянину: “Эти свечи горят — это люди живут, что зажигаются — нарождаются, а догорают и гаснут — умирают”³⁴.

Обычная для народной философии формула “душа дается от Бога”, безусловно, подразумевала пребывание или хотя бы сотворение ее в раю. Однако в массе сообщений о народных верованиях мне не встречались какие-либо сюжеты, позволяющие сказать что-либо определенное о сохранности в “переместившейся” душе воспоминаний о доземной жизни. Лишь в стихотворении М.Ю. Лермонтова “Ангел” совершенно определенно говорится о звучании

прекрасных песен небесного мира в “душе молодой”, перенесенной Ангелом на землю — в мир “печали и слез”. Совершенно очевидно, что поэт не претендовал на оригинальность и не сомневался в том, что трактовка темы близка и понятна читателям. Аналогичные соображения можно услышать и в современной деревне. Приведу рассуждение на этот счет жительницы с. Дединова Луговского района Рязанской обл.: “Как зародится, душа уже есть. Господь дает. Мы где-то уже были, и Господь спускает. Мы боимся ада. Господь за грехи, может быть, грехи предков, посылает нас на землю, чтобы подготовить к вечной жизни. Рождается ребенок, очень сильно плачет, так как не хочет сюда, там ему было лучше. А как плачет, когда умирает!”³⁵ Уверенность в сохранении небесных свойств в душе младенца сказалась и в обычном для русских определении детей младенческого возраста как “ангельских душ”. Это подразумевало принесение душ небесными посланниками и их дальнейшую особую заботу о родившихся, а также качественную характеристику младенцев, в душах которых чистота и невинность, свойственные обитателям горнего мира, еще не вытеснены греховным опытом земной жизни; как говорили в народе, “у детей душа чистая, возвышенная и святая”³⁶. Восприятие народом младенчества как гаранта духовной чистоты находило постоянное подтверждение в иконографии Успения Божией Матери, на иконах душа Богородицы изображена в виде младенца, что подчеркивается и ее (души) одеянием (вообще на иконах “праведные” персонажи в отличие от “не чистых” обнаженными не изображались). Приобщенность младенческих душ к божественному миру наделяла их способностью особого видения. По мнению окружающих, маленьким детям были видимы недоступные глазам взрослых мистические лица — и ангельские, и нечистые.

Один из любимых сюжетов русских быличек — спасение взрослых младенцем, распознавшим по невидимым для первых признакам не чистого. Такие ситуации чаще всего связывались в большей или меньшей степени с греховным времяпрепровождением молодежи — святочным гуляньем или гаданием. Другой распространенный сюжет — спасение взрослых, защищенных недоступной для нечистой силы ангельской чистотой младенца. Но наиболее ярко представления об ангельском чине младенцев проявлялись в народном видении их загробного бытия. Например, в Меленковском уезде верили, что «На небе Престол Божий, там Бог и “анделы”, а младенцы — андельские душеньки будут там по саду ходить и яблоки срывать»³⁷. Еще более сказочная картина существовала в воображении жителей Моршанского уезда: “В гроб к маленьким кладут ложку: как Ангелы принесут его душеньку в рай, а там, слышь, бежат молочные речки, вот он возьмет ложку-то и станет хлебать”³⁸.

В богословской науке остался невыясненным вопрос о механизме соединения души и тела. Понимая глубокую мистичность этого акта, отцы Церкви даже не выдвигали каких-либо теорий. Пожалуй, общую точку зрения выска-

зал Григорий Богослов “простым замечанием, что душа привходит и соединяется с телом неведомым образом”³⁹. Признание факта “неведомости” слияния двух начал — материального и духовного — и возникновения новой жизни характерно и для антропологических представлений русских мирян. Обычно народные комментарии по этому поводу ограничиваются словами: “Ангел вкладывает душу”. Причем факт чудесного проникновения нематериальной субстанции в материальное тело с точки зрения верующих не требовал разъяснений. Однако в русских суевериях встречаются и примеры натурализации таинственного акта, возникшие прежде всего под влиянием представлений о специфической женской нечистоте⁴⁰. Эта нечистота, усугубленная нечистотой интимных отношений, требовала, согласно народной этике полового поведения, особого очищения, тем более при соприкосновении женщины с сакральным миром. Несоблюдение беременной соответствующих рекомендаций могло стать причиной нарушения нормального процесса проникновения души в тело и помешать рождению полноценного, прежде всего в духовно-нравственном отношении (что естественно, поскольку в данном случае подразумевалось осквернение души) ребенка. Так, жители Шенкурского уезда считали, что с половины беременности Ангелы вкладывают душу в ребенка и потому “женщина должна ходить чисто: всегда Ангелы вокруг нее, тогда в рот вкладывают душу, а в нечистую женщину — в зад, тогда ребенок будет дурной”⁴¹. А современные жительницы Рязанской обл. вспоминают услышанные от старших аналогичные предостережения: “Ангел приносит душу в середине срока, она чистая. Если женщина (беременная. — Т.Л.) чистая, с мужем была, но помылась, он сразу душу пускает, а если нет — улетает, на второй день тоже, на третий — если грязная, бросит душу в нее и улетит. И тогда этот ребенок плохо кончит, своей смертью не умрет”⁴².

Как уже было сказано, “механизм” обретения души не получил канонической разработки, однако в русских летописях мы находим пример почти документального описания зачатия, позволяющий судить о взглядах на данный предмет средневековых книжников, труды которых, безусловно, влияли на формирование народных представлений. Я имею в виду описание зачатия наследника вел. кн. Еленой Глинской. Во время обетного путешествия, естественно пешего, в Троицкий монастырь к преподобному Сергию Радонежскому княгиня не переставала молиться “о чадородии сынов” (до этого у нее рождались девочки). И вот в долине, под самым монастырем она “внезапно узрела светолепного инокa”, шедшего ей навстречу и “имуща в руке отроча младо мужеск пол, которого внезапно и вверже в недра великой княгини и затем невидим бысть”. После этого княгиня “ощупала руками... в своей пазухе вверженного отрочати и не нашла его”. Тогда она “уразумела быти посещению великого чудотворца Сергия”. И “от того чудесного времени, — как пишет летописец, — зачатся во чреве ее богодарованный наследник русскому

царствию”⁴³. Пожалуй, это единственный встретившийся в русской исторической литературе сюжет о чудесном зарождении реального лица, когда зачатие происходит не просто с абстрактной помощью небесных сил, а путем явного привнесения существа, имеющего вид человека, в лоно матери. Причем речь не может идти о непорочном зачатии: православные авторы никогда бы не высказали столь кощунственную мысль, уравнивающую земную, к тому же живущую супружеской жизнью женщину (даже при известной сакрализации великокняжеской четы) с Девой Марией. Этот сюжет становится понятным лишь при сопоставлении его с приведенной выше народной концепцией возможности начала жизни, в основе которой — наделение Ангелом зачатого младенца душой. Напомню, что в данном сюжете заложенный в лоно матери “отроч” не был материален, так как княгиня “не нашла его”.

Своеобразной обрядово-магической модификацией той же концепции можно считать действия по “вызыванию” зачатия, о которых сообщала В. Харузина. По ее данным, в Смоленском Вознесенском монастыре существовала резная деревянная, в половину аршина высотой фигура ангела, которую во время специального молебна давали подержать бездетным женщинам или же пропускали у них под сорочкой, от воротничка вниз. Кроме того, женщины, желающие иметь мальчиков, жертвовали изображению мужскую одежду, девочек — женскую, каковую затем набрасывали на фигуру ангела⁴⁴. Скорее всего в основе такого обрядового действия соединение двух представлений — об ангеле, приносящем душу, и ангельском облике души ребенка, привнесенной (что необходимо для его зарождения) в лоно матери⁴⁵.

В данном случае перед нами пример чудесного зачатия с помощью небесных сил, суть которого — обретение необходимой для зачатия души. Именно с этой точки зрения, т.е. представления о необходимости соединения духовного и материального для зарождения и развития младенца, становится понятным крайне негативное отношение к вызыванию беременности с помощью колдовства. В фольклорных сюжетах на эту тему дети обычно так же как бы вносятся в лоно матери, но эти дети заведомо неполноценные и, более того, часто враждебные миру человека, что вполне объяснимо — они вовсе не имеют души или получают таковую от нечистого. По сообщению корреспондентки Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева из Калужской губ. Е. Зориной, беременность женщины, бывшей после брака несколько лет бездетной, давала окружающим повод считать родившегося ребенка “наговоренным”. Такие дети, по мнению крестьян, “никогда не бывают утешением своим родителям, они или умирают в детстве, или бывают скверными”. Е. Зорина приводит текст состоявшейся по этому поводу беседы с одной крестьянкой, свидетельствующий о явно отрицательном отношении к подобного рода попыткам избавления от бездетности: “Митриевна-то ездила к знахарю”, — рассказывает баба про известную мельничиху. — Наговорил ей знахарь полштофа

воды и велел пить по зорям, повернувшись на запад. Едет она назад по лесу, видит, идет навстречу старичок, лицо у него такое доброе, да хорошее. “Здравствуй, Митриевна, ты ездила к колдуну детей приговаривать, так попробуй, брось эту воду и посмотри, что будет”. Она удивилась. “Послушайся, — говорит старик — ведь если ты захочешь, колдун наговорит тебе другую воду”. Послушалась Митриевна, ударила полштофа об дерево. Вода пролилась. Как вдруг, поднялся крик по всему лесу: “Маменька, маменька, зачем ты меня бросила?” Глянула Митриевна, а старичка нет. Поняла она, что старичок не простой, а святой человек, и не стала больше детей просить. Не дает Бог детей, не проси их и у дьявола”⁴⁶.

Подобные представления, в основе которых лежит страх перед появлением на свет бездушного существа, раскрывают подоплеку позиции бракоборцев-федосеевцев, категорически призывающих в духовном стихе к прекращению деторождения: их волнует не столько брак сам по себе, сколько его естественное следствие — рождение детей. Причина этому — нарушение божественного устройства мира, в результате чего Бог не посылает душу новорожденным. Причем, как следует из стиха, приходящая от Бога душа определена (хотя и не четко) как некая единая метафизическая сущность: “Тайна брака истребися, / Детохотство запретися / К зачатию человека, / Ныне в жизнь душу века / Бог творец не посылает, / А сам дьявол помешает (помогает? — Автор записи) / Чистоту мы соблюдаем, / Веру, девство защищаем, / Повивалками не быть, / Повиваньем не служить, / Веру твердо сохранять / И в родах не помогать”⁴⁷.

Некоторая материальность отличала душу от духа и, хотя богословская наука, опираясь на Священное Писание, утверждала, что и то и другое “суть только разные силы одной и той же части человека”, однако одновременно признавала их разнородность — дух бестелесен, душа, хоть и относительно, но все же телесна. Иначе говоря, дух можно понимать как качественную характеристику души, которую она приобрела после таинства крещения. Существование души как жизненной субстанции каноническое церковное учение признавало не только у всех людей, но даже и у животных, “хотя и несравненно более грубого сложения”⁴⁸. По мнению православных богословов, эта душа не обладает трансцендентностью, она может существовать лишь “до тех пор, пока материя, с которой она связана, считается живою”⁴⁹. В народе существовали разные точки зрения относительно одушевленности животных, но наиболее распространенным можно считать отрицание такового: «У животных души нет, и только по верованию местных хлыстов (“люди Божии”) душа человека по смерти переходит в животное, но только временно, до рождения нового человека»⁵⁰, «У животных отрицают душу: “У них пар, а не душа”»⁵¹.

Для православных крестьян понятие “душа” часто соответствовало понятию “крещеная душа”, и потому далеко не всегда ими признавалась одушевлен-

ленность иноверцев. Отношение русских православных людей к представителям другой веры — предмет особого рассмотрения. В данном же случае, коль скоро возник вопрос о соотношении мистических категорий “душа” и “вера” в оценке народа, хочется сказать, что люди, исповедовавшие иную веру, точнее — не принявшие христианского крещения, вызывали у русских людей чувство отчужденности и подозрительности (“не знают Бога”). Их “душевная” полноценность представлялась сомнительной: «Душа есть и у православных, так и у неправославных, и у “нехристей”. Но у нехристей душа хуже и какой-то особенности, в чем — неизвестно»⁵². Сомнительным казалось и само наличие у них души. “Душа у всех крещеных (и у католиков). У другой веры, может быть, и нет”⁵³. Однако столь же часто в этнографических источниках можно встретить и замечания, свидетельствующие о том, что главной добродетелью, гарантирующей спасение любому человеку, независимо от его вероисповедания, крестьяне считали сам факт религиозности и следования в земной жизни религиозно-нравственным принципам: “Иноверцы тоже получают по своим делам и не будут хорошие мучиться в аду”⁵⁴. Чувство веры и принадлежность к какой-либо конфессии были естественными не только для средневековья, но и для крестьян XIX в.

Согласно церковному учению безверие приводит к гибели души, т.е. жизненного начала человека: “Смерть тела есть разлучение его с душой, смерть же души — удаление от Бога. Итак, в живом теле может быть мертвая или живая душа. Безверие дает живых мертвецов”⁵⁵. Возможно, это положение оказало влияние на народную мифологию, также усматривающую прямую зависимость между верой и душой человека, но предлагавшей и свои варианты последствий неверия, свое видение мистического образа “живого мертвеца”. Атеизм казался столь чуждым человеческой природе, что лиц, отказавшихся от религии, народное воображение иногда исключало из сообщества “созданных по образу и подобию Божию” людей. В этой связи очень интересно сообщение корреспондентки Этнографического бюро из Калужской губ. Е. Зориной о людях, лишенных за безверие души и вследствие этого потерявших главное телесное свойство человека — видимый облик. По мнению крестьян Жиздринского уезда, в лесах у них живут “тайные люди”, появление которых местные жители объяснили автору корреспонденции следующим образом: «Верую-то знаете? Помните, что там сказано? Творец видимых и невидимых. Вот эти люди и невидимые. В книге Брюса⁵⁶ есть о многом, в том числе и о тайных людях. Там рассказано: В начале Господь сотворил только два человека. И вот, когда от этих двух человек люди размножились до 77 пар, Господь призвал их к себе, создал 77 вер и приказал каждой паре выбирать себе веру, которая больше нравится. Подошла 1-я пара и выбрала веру, от этой пары произошли мы, русские. Затем другие пары — немцы, англичане и т.д. Идут пары, выбирают себе веру и обещаются исполнить ее закон. Так что

подошли 70 пар, а 7 пар остановились подальше от Бога и не хотят идти к нему. — “Что же вы остановились, подходите и выбирайте”, — сказал Господь. — “Нам не надобно никакой веры, ведь ты требуешь, чтобы люди, которые примут веру, приняли бы и ее законы, мы же не хотим знать никаких законов, а желаем жить по своей воле”. — “Если вы не хотите принимать веры и закона, то не нужны вам и души”, — сказал Господь и отнял у них душу, а чтобы они не могли смешиваться с настоящими людьми, сделал их невидимыми. Являться к нам они могут только в полдень и в полночь и то не всегда. Живут так же, как и мы, рождаются, женятся, ссорятся, болеют, умирают, строят дома, водят скот, обрабатывают земли. И сады у них прекрасные. Но мы этого ничего не видим. Вот от них — лесовые, домовые и пр.»⁵⁷ Как пишет автор, эта легенда очень распространена в Жиздринском уезде.

Рассказывают, что тайные люди уводят детей, проклятых родителями, и такие дети сами становятся “тайными”.

С представлениями об изменениях физического облика и свойственных человеку материальных качеств в зависимости от “повреждения” души связаны и сюжеты о детях маргинальной зоны — приспанных, проклятых родителями и похищенных нечистой силой, подмененных до крещения. Не углубляясь в разнообразие сюжетов, скажу лишь, что общим для них является уверенность в том, что изменение физических свойств — слабость, неспособность к росту и развитию, бесконечные болезни — свидетельствовало о переходе ребенка во власть нечистой силы и замене его на неодушевленный предмет, лишь имеющий человеческий вид. В таких случаях сообразительные родители старались вернуть похищенного с помощью различных манипуляций с “переменком”. Но не меньше занимала родителей участь погибших детей, причем и цель и характер совершаемых матерью магических действий свидетельствуют о том, что речь не идет о попытках вернуть младенцу жизнь, более важным казалось спасение его души. Один из распространенных у русских вариантов спасения попавшей в руки к нечистому души приспанного младенца — это молитвы матери в церкви в течение трех ночей. В случае успешности этой крайне опасной миссии ей покажут ребенка “чистого, здорового”, “белого”, что будет свидетельствовать о его спасении.

Из ряда однотипных сообщений приведу такое. По сведениям Е. Зориной, жители Жиздринского уезда различали случаи похищения детей “тайными людьми” и дьяволом (последнее, по-видимому, касалось приспанных детей) и подменой их осиновым поленом. При этом “и в том и в другом случае душа ребенка считается погибшей, если ее не отмолит мать”. Для этого три ночи она должна простоять в церкви. После этого ребенок, похищенный “тайными людьми”, “жив и невредим является на своем месте”; если же он был похищен дьяволом — “дело иное”. Оставшаяся в церкви мать услышит позади себя «хохот, пляску, свист, угрозы и плач своего ребенка: “Не мать ты

мне, а змея подколодная”, — будет кричать ребенок. И сохрани Бог оглянуться — мать разорвут, а ребенок останется погибшим. Пропоет петух, бесы исчезнут, перед матерью на минутку черный, как уголь, появляется ее ребенок. На другую ночь — то же самое. Но дитя уже не ругает мать, а повторяет “молись, молись”, а после пения петуха появляется перед нею наполовину белый. Третья ночь самая опасная, бесы кричат, как дитя. Ребенок кричит: “Матушка, родная моя, молись, молись, скоро замолишь!” Пропоет петух, и дьявол кидает ребенка. “Теперь ты мне родная мать, спасибо, замолила”, — прокричит дитя, и мертвый, но спасенный, остается на церковном полу». Автору корреспонденции были известны конкретные случаи, когда приспавшие своих детей матери просили разрешения у священника совершить подобное “отмаливание” детских душ, на что, естественно, получали отказ⁵⁸.

Для решения проблемы мистического сопряжения души и тела в представлениях русских очень многое может дать рассмотрение сюжетов об участии “проклятых” детей⁵⁹. Рассказы на эти темы — одни из наиболее распространенных мифологических рассказов русской деревни. Народная этика осуждала проклятие, поскольку таким образом родители полученную от Бога, крещеную душу своего ребенка отдавали во власть нечистого. Внешним следствием этого, как правило, становилась невидимость проклятого, живущего в изоляции от мира обычных людей. Похищение проклятого сопровождалось часто подменой его на “головешку”, “осиновый чурбан”, “осиновое полено”, т.е. материальный предмет с ярко выраженной символикой отсутствия внутренней субстанции, имевший при этом обличье похищенного. Обычно в быличках лишь констатируется факт совершения таких мистических превращений. В этой связи очень интересно рассмотреть сюжет рассказа из рукописи, хранившейся в Оптиной пустыни и опубликованный С. Нилусом. Описанные в нем события происходили в Колоденской вол. Череповецкого уезда Новгородской губернии. Сюжет таков: проклятый матерью подросток-пастух Михаил неожиданно погибает, его тело находят в воде и хоронят. Вскоре он является матери в сонном видении и объявляет, что смерть его была мнимой, сам же он находится у демонов. Через 12 лет Михаил действительно возвращается в свою деревню и рассказывает о случившемся. После неосторожных слов матери к нему подошел “старик с седой бородой” и объявил о том, что по проклятию матери он переходит под его власть. После этого распорядился снять с него все платье (поскольку, видимо, сугубо материальный предмет в отличие от человека не может стать невидимым, кроме того, снятие платья как необходимого атрибута человека имело и символический характер), крест же заставил снять самого. Затем “он взял валявшийся поблизости около нас обрубок осинового дерева и надел на него все мое платье, а на том месте, где должно было быть моему лицу, он в одно мгновение начертил чем-то лицо, как две капли похожее на меня, и

бросил этот обрубок в озеро. И я видел, как сбегался народ смотреть на утопленника, как приезжали становые и приходила моя мать". Спасли Михаила лишь материнские молитвы: таинственный старичок с крестиком на остроконечной шапочке надел на него крест и таким образом вернул герою зримый облик.

Интересно, что невидимость сопровождалась потерей характерных для живого, "одушевленного" человека телесных свойств: необходимости в пище, ощущения холода, зато появилась не свойственная человеку способность летать и ходить по воде⁶⁰. Аналогичные изменения телесных функций в случаях, не связанных с проклятием, крестьяне рассматривали как факт отсутствия души, которое хотя и не привело к немедленной смерти, но заставляло человека чувствовать себя "живым покойником". Благочинный одного из округов Тамбовской губ. сообщал о весьма озадачившем его случае из собственной практики. Одна из живущих на его территории черничек "помешалась рассудком" и была одержима идеей "утопиться или удушиться". На вопрос о том, что толкает ее на это, несчастная дала следующее объяснение: "тошно" ей от того, что душа из нее вышла, а "сидит внутри враг", при этом она показывала на правый бок и живот. На уговоры священника о невозможности подобного женщина привела собственные убедительные аргументы: "Если бы во мне была душа, то я бы есть хотела. А так как во мне сидит враг, то он сам ничего не ест и мне не дает"⁶¹. Кроме того, тело женщины полностью потеряло чувствительность⁶². Из двух приведенных примеров очевидно, что выход души из тела и замена ее на "нечистого" так же, как и овладение душой бесовской силой, с точки зрения верующих должны были неминуемо повлечь за собой изменение телесного бытия или смерть.

Рождение уродов заставляло суеверных крестьян подозревать, что внешний облик свидетельствует и о внутреннем несоответствии "образу Божиему". Недаром в народе в отношении лиц с телесными аномалиями часто говорили: "Бог шельму метит". Этим, возможно, объясняется мотивировка указа о наказаниях за убийство новорожденных-уродов: оно расценивалось как "посягательство на жизнь существа, рожденного от человека и, следовательно, имеющего человеческую душу"⁶³.

В крестьянских воззрениях о времени появления души в человеке нет единообразия. Пожалуй, наиболее распространенным можно считать представление о том, что душу в младенца вкладывает Ангел еще во время его пребывания в утробе матери⁶⁴. Имея в виду это обстоятельство, беременные женщины говорили о себе: "О две души хожу". "Одушевленность" плода заставляла богобоязненных супругов со второй половины беременности воздерживаться от интимных отношений. Распространенным можно считать убеждение в том, что душа у ребенка появляется на третий день после зачатия и с ней связано развитие плода: "Человек в утробе матери с трех дней

начинает расти. Он живой. Душа живая — и плоть растет. Нет души — не будет расти”⁶⁵. Указание на одушевленность плода можно встретить и в фольклорных материалах. Например, в песне о князе Михаиле злая свекровь губит беременную сноху, после чего умирает и ее собственный сын. Раскаившаяся женщина признается: “Пред Богом согрешила я, / Три души погубила вдрут, / Перву душеньку — сыновнюю, / Другу душу невесткину, / А третью — младенца в утробе”⁶⁶.

Иногда считали, что душу получает ребенок в момент рождения. В любом случае рождение мертворожденных связывали с тем, что “Бог не дает души ребенку”⁶⁷. Прямая зависимость жизнь—душа в некоторых ситуациях получала знаковое выражение. Для примера приведу обычай, существовавший у украинцев Житомирской области. Здесь после крестин мать пекла пироги с начинкой — “сыром” и несла по 5 штук повивальной бабке и кумовьям, но если новоокрещенный умирал, то “пироги пекут так же, как и на помин, без начинки, как говорят, “без душек” (если умер до крещения, то несут их только бабке)”⁶⁸.

Были и такие, которые предполагали, что до крещения младенец лишен души, или же просто не задумывались о каких-либо временных рамках, не сомневаясь в том, что “раз ребенок зародился, значит, и душа в нем будет”⁶⁹. Именно поэтому смерть беременной женщины чаще считали греховной, поскольку вместе с ней гибло другое, уже “одушевленное” или же еще не получившее уготованную душу существо (например: “Если беременная умрет, до рая не дойдет”⁷⁰). Правда, встречалось поверье с положительной оценкой смерти беременной, также связанное с представлениями о наличии души у младенца в утробе матери: “С двумя душами, говорят, легче ответ держать”⁷¹. Еще более греховным считалось преднамеренное лишение жизни зачатого младенца. Независимо от точки зрения на время появления души, в народе однозначно оценивали результат содеянного: “Душу загубили, на белый свет не пустили”⁷². Среди рассказов об участии погубленных в утробе матери детей существуют и сюжеты, сближающие их с “заложными” покойниками. Уничтоженные физически, эти дети тем не менее продолжают в муках “изживать” свой век в материнском теле: “Как запаривают ребят, на том свете сквозь [его] ребра ребятишки будут смотреть”⁷³.

В собрании А.Е. Бурцева есть “Легенда о Пелагее”, героиня которой рассказывает о своем пребывании на “том свете” во время 3-хдневного сна. Ее спутницей там становится умершая 12-летняя девочка, а проводником — “муж в светлых ризах” — “вышний небесный”, объясняющий, кто и за какие грехи мучается. Там она увидела: «котел со смолой кипит, в котле женщина кипит и говорит: “Ой, согрешила я, блудница, прелюбодейка и чародейка детоубийца”, а сквозь ребра-то младенчики все торчат и все кричат, мать наша детоубийца»⁷⁴.

Иногда погибшие младенцы имеют внешние признаки старения, свидетельствующие о том, что и после телесной смерти жизнь их продолжается согласно законам земного бытия человека: "Нет греха тяжелее, чем если мать вытравит дитя. Седые, у иного борода по пояс, сидят промеж ребер матери, смотрят. Потому он до света хоть и не допущен, а в утробе-то живет, пока мать жива"⁷⁵. В книге М. Власовой "Русские суеверия" приведен весьма интересный пример продолжения жизни погубленного матерью при родах младенца: он живет положенный ему срок, но уже в качестве невидимого и по истечении срока должен быть убит грозой. Перед этим он является в зримом виде одному из односельчан и объясняет, что похоронено было только тело, а теперь его "убьет и сожжет", что и происходит на самом деле⁷⁶.

По правилам православной церкви за плодоизгнание на женщину накладывается епитимья⁷⁷. В крестьянских градациях о степени греховности оно приравнивалось к убийству и, более того, к тем грехам, которым нет прощения. От абортотворцев не только женщин, но и забеременевших девушек удерживало убеждение в загробном воздаянии за совершенный грех.

Выше приводилась картина мучений, ожидавших совершившую плодоизгнание женщину- "прелюбодейку", в этой же легенде Пелагее показан и иной вариант наказания за грех детоубийства: "Пришли в дом большущий, в котором пол чугунный, каленый, как искра огненная, на полу "танцуют" молодые парни, девицы, вдовы солдатки и женщины, которые блудодействовали, вышний небесный сказал: девицы заедали травами ребят, а парни пособляли девицам давить или душить ребят, так же и вдовы, и солдатки, и мужчины за эти грехи по каленому полу танцуют"⁷⁸.

Хотелось бы обратить внимание на два интересных обстоятельства приведенной информации. Первое: в основной массе сообщений, касавшихся плодоизгнания, вся ответственность возлагается на мать, степень вины отца, как правило, не затрагивается. В данном варианте грех, а следовательно, и воздаяние, ложатся и на отца. Второе — градация наказания: совершившую двойной грех — нарушение святости брака и плодоизгнание женщину- "прелюбодейку" ждет более суровая участь, нежели девушек или женщин вне брака, что полностью соответствовало народной морали, считавшей прелюбодеяние более страшным грехом, нежели интимные связи девушек и незамужних женщин, склонной также не простить, но понять девушек, решившихся на избавление от беременности. Надо сказать, что еще более тяжким грехом считалось полное уничтожение детородной способности женщины, что могло быть достигнуто с помощью рациональных и главным образом магических действий⁷⁹.

Эти представления, воздействие которых часто усугубляется личным чувством вины у делавших абортотворцы женщин, живут и сейчас в русской деревне. Приведу несколько суждений на этот счет, записанных в Тамбовской обл.

в 1993—1996 гг.: “Аборт — в бездну пойдешь так же, как и те, кто Бога ругает” (с. Кривополянье); “Тот, кто сделал аборт, — душегубцы, проклятые Богом люди” (там же); “На том свете подносят на тарелке и заставляют есть, надо Бога просить, в среду и пятницу поститься (с. Новотомниково). Определенное воздействие оказывали и живые картины противодействия борющихся за свою жизнь младенцев: “Ребята, которых девушки собираются убить, обхватывают ручонками материнские ноги и лишают сил задушить”⁸⁰. Жалобами на “недопущение” на белый свет и угрозами грешной матери наполнен популярный в советской деревне “кант” “Плач малютки, убиенного во чреве”, или проще “Плач абортированного младенца”, различные варианты которого переписывались женщинами друг у друга. Интересно, что развернувшаяся в наши дни наглядная агитация против абортов делает упор на полноценность человеческой сущности эмбриона со всеми присущими ей чувствами и ощущениями. Эта агитация включает и стихотворные формы, напоминающие по содержанию вышеупомянутые произведения. В них опять фигурирует неприкаянная душа неродившегося на свет младенца. Это говорит о том, что и авторы текста, и читающая аудитория, несмотря на длительные годы атеизма, воспринимают человека традиционно — как существо, обладающее посланной свыше душой.

В народном понимании преступления и наказания аборт чаще относился к тем личным грехам, ответ за которые (в отличие от наказания за преступление) придется держать лишь перед Богом⁸¹. Однако есть сообщения, свидетельствующие о строгом надзоре общины за забеременевшей девушкой с целью недопущения ею плодизгнания⁸². С точки зрения мира, поступок девушки касался не только ее лично, но и как грех, и как преступление падал на всю общину.

Убежденность окружающих в неизбежности и справедливости наказания девушки свыше могла привести к тому, что общество способствовало реализации этого наказания. Так, по материалам С. Пономарева из Белебеевского уезда (Башкирия), девушек, “родивших и задушивших” своих детей, ставили на ночь в храм, в очерченный круг, а “черти подносили ребенка. Она (т.е. мать. — Т.Л.) тянулась из очерченного круга и погибала. Мир очерчивал круг”⁸³.

Но самым страшным наказанием для материнского сердца являются не собственные грядущие мучения, а страшные, иногда просто душераздирающие картины мучений детей, не родившихся по их вине, в загробном мире. По общему убеждению, на их долю выпадают те же мучения, что и родившимся, но умершим неокрещенными детям, только в еще более трагическом варианте. Эти мучения будут продолжаться до тех пор, пока умершие матери не заменят своих невинных младенцев и не освободят их от незаслуженных мучений.

Души людей на воздушных мытарствах. Рисунок начала XX в.

Чтобы читатель яснее представил себе картины загробного существования не появившихся по вине матери детей, я приведу довольно необычный источник — “вещие сны”, о которых можно услышать в современной деревне. Эти сны условно можно разделить на два типа: сны-предупреждения, обычно они приходят буквально в последнюю минуту и спасают женщину от неоправимого шага, и сны — безжалостное напоминание о содеянном. И те и другие содержат обычно сходные описания детских мучений, которые часто показывают матери таинственные проводники — старушка или же старичок,

прямо называемый Николаем Чудотворцем, или же безымянный, но внешне очень похожий на этого святого, каким он представлен в народных легендах. Возможно также, эти персонажи осмысливались как родственные известным персонажам русской крестильной обрядности — первым встречным или нищим, избираемым в качестве Божиих посланников в восприемники к новорожденному при нежизнеспособности детей в семье. К сожалению, записанные в 1990-е годы тексты передают лишь содержание рассказов, не донося до читателя полный глубокой грусти и раскаяния эмоциональный фон повествования.

1. «После войны ведь трудно было, и задумала я аборт сделать. Стала разговаривать в поле с женщинами об этом, и хотя я самая старшая среди них была, а ничего не понимала. И спрашиваю, как бы это без врача выгнать, вот ведь грешная какая. И снится мне сон. Бегу я по полю, а навстречу мне старичок. Николай Угодник. Спрашивает: “Куда следуешь?”. И повел меня в избушку ветхую. Открыл ее, а там внутри полочки, а на них лежат крошечные дети, завернутые в тряпочки. Он позвал меня, а они как все сразу заплачут. А старичок мне и говорит: “Это специально вынутые дети, они до второго пришествия будут лежать, до тех пор, пока матери не придут. Тогда дети к ним подойдут и начнут сосать и будут спрашивать: “Почему нас на белый свет не пустили?” Я смотрю, у меня в фартуке что-то шевелится, пригляделась, а там девочка. Старичок дает мне нож: “На, режь”. А девочка такая толстенная (и действительно, родилась 5 кг 200 г, хотя я и ела плохо и много работала). Я говорю: “Зачем? Не буду”. А он мне опять: “Режь”. А я опять: “Не буду”. Тогда он мне и объяснил, что вот так мне ее и вырежут. И еще сказал: “Сколько будет, всех на свет белый пускай, всем жить давай. И будут они жить и не будут людей смешить, а будут жить хорошо”. И так оно и получилось. Наверное, это знак был, а об абортах я больше и не думала» (с. Инаковка Кирсановского района Тамбовской обл. 1994 г.).

2. «Было у меня 7 человек детей, и надумала я сделать аборт. И снится мне — большая яма, а в ней много детей, а один побольше, все старается выпрыгнуть. Я спрашиваю — “Это кто?” А мне говорят: “Это соседкин сын”. А та, действительно, только что сделала аборт, большой уже мальчик был. Я проснулась, пошла к маме: “Не буду делать аборт: семерых родила и восьмому место найдется» (с. Инаковка Кирсановского района Тамбовской обл. 1994 г.).

3. «Хотела аборт сделать. Вижу сон. На бугре в середине яма глубокая, и по жердочке ребятишки бегут и не могут удержаться, и падают туда, маленькие такие, и никто не поможет. Я свекрови рассказала, она говорит, не делай аборт, я не стала» (с. Старо-Чернеево Шацкого района Рязанской обл. 1996 г.).

4. «Аборт — страшный грех. Только подумаешь, а уже грех. Вот и я как-то надумала, и снится мне, детей я кормлю и никак не накормлю, и все они

черные какие-то. Я проснулась. Думаю: "Нет, не могу делать». Да раньше ведь Бога боялись и людей стыдились, потому и не делали" (с. Инаковка Кирсановского района Тамбовской обл.).

Иногда во сне дают матери понять, что только что зародившийся ребенок — уже человек со своей определенной судьбой. В этом отношении интересен сон жительницы с. Липовка Тамбовской обл.: "Я как-то хотела сделать аборт и вижу во сне: вошла я к монашке, а у нее коробочка и в ней что-то маленькое. Я говорю: "Дай". А она не дала: "Это, — говорит, — Анюткина Нинка". Я думаю, как же это, Анютка — это моя соседка, и нет у нее никакой Нинки. А Анютка и сама не знала еще, что зачала. Я ее встретила, но ничего не сказала о своем сне. А через положенное время они родила девочку и, действительно, назвала ее Ниной. Я после этого сна все думала, что это мне знамение — не успел ребенок зародиться, а ему уже все предуготовано. И уж больше об аборте не думала".

Настоящая статья никоим образом не претендует на всестороннее рассмотрение русских представлений о душе и начале жизни, она затрагивает лишь некоторые сюжеты, касающиеся народной концепции человека и охраны будущего потомства. Возможно, существующие в этой области представления не лишены противоречивости, но трудно искать жесткую логику в мышлении и поведении человека, видение мира которого базировалось на сочетании рационального и мистического. Философско-антропологические взгляды народа не соответствовали полностью христианским канонам, на основе которых они формировались. Постулаты Церкви могли корректироваться и дополняться народом в соответствии с логикой его мышления и кругозором, не нарушая при этом основные религиозные догматические принципы.

¹ Листова Т.А. "Нечистота" женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

² Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939; Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989; Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — начала XX в.). Л., 1983; Симакин С.А. Анимистические верования качинов (к вопросу о диалектике анимизма) // СЭ. 1988. № 2; Смоляк А.В. Мать и дитя. Обряды, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка (ульчи и нанайцы) // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1996; Шинкарев В.Н. Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. М., 1997.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 504.

⁴ Карышев И.А. Духовно-нравственный мир в человеке по учению святой православной веры. СПб., 1904. С. 74.

⁵ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 195.

⁶ Карышев И.А. Духовно-нравственный мир... С. 76; Барсов Н. Очерки из истории христианской проповеди // Вера и разум. Харьков, 1889. Т. 11. С. 737.

⁷ Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 2. С. 53.

⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 127. Вологодская губ.

⁹ Там же. Д. 15. Л. 20. Вязниковский уезд Владимирской губ.

¹⁰ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 46.

¹¹ Пономарев С. Очерки народного быта. Обычное право // Северный вестник. 1887. № 2. С. 59.

¹² Св. Григорий Нисский // О Боге, человеке и мире. М., 1995. С. 29.

¹³ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 8. Архангельская губ.

¹⁴ Иваницкий Н.А. Материалы для этнографии Вологодской губ. // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1980. Т. LXIX. Тр. Этногр. отд. Т. II, вып. I.

¹⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1561. Л. 25–26.

¹⁶ Голубиная книга. М., 1991. С. 205.

¹⁷ Там же. С. 174.

¹⁸ В качестве примера можно привести одно из деяний апостола Иоанна в Эфесе. Во время его пребывания в городе на одного юношу во время мытья в бане, напал бес и "похитил душу его, так что он рухнул на пол и лежал как мертвый". Пораженные внезапной смертью горожане обвинили апостола в убийстве, на что последний разъяснил им, что юноша не умер, просто это демоны похитили его душу. После молитв Иоанна "почувствовал демон страшное жжение и тесноту, выпустил душу несчастного и бежал прочь из бани". Юноша же очнулся "словно ото сна и встал на ноги". Четьи-Миней, 8 мая. Сказания православных христиан. 1991. С. 223.

¹⁹ См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. III. С. 215.

²⁰ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 8. Архангельская губ.

²¹ Там же. Л. 46.

²² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. IV. С. 385. Вопрос о месте и характере нахождения души в теле неоднозначно характеризовался в христианской литературе. В одном из вариантов известного на Руси апокрифа "О теле" сказано, что "как ртуть находится в сосуде, так и душа в теле". С точки зрения известного исследователя философии древнерусского человека В.В. Милькова, данное определение не соответствует христианским постулатам. (Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 449). Однако в сочинении одного из основоположников христианской антропологии Немезия Эмесского можно встретить образ заполняющей все тело нематериальной души: "Будучи бестелесной и неограниченная местом, (душа) проходит вся через все и проникает своим светом все тело, нет такой части, которая не была бы освещена ею и в которой она не присутствовала бы целиком" (Немезий Эмесский. О природе человека. М., 1998. С. 42). Однако, согласно распространенной в раннехристианской антропологии точке зрения, душа делится на разумную и неразумную, различающиеся не только качеством и функциями, но и местонахождением в теле. Подробнее см.: Владимирский Ф.С. Антропология и космология Немезия, епископа Эмесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. Житомир, 1912.

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. IV. С. 384–389.

²⁴ Понятие о наличии души как необходимым условием полноценности человека в числе других христианских постулатов входило в представления неопитов, влияя на их критерии оценки личности. Так, по сведениям Н. Кострова, крещенные иноверцы Томской губ. "к числу личных обид словами" относили такие "названия", как "татарин", "баба", а также "бездушный" (Костров Н. Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск, 1876; цит. по: Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии по обычному праву. Ярославль, 1880. Т. 2. С. 391).

²⁵ Карышев И.А. Духовно-нравственный мир... С. 14.

²⁶ Добротворский В.И. Православное догматическое богословие. Сергиев Посад, 1896. С. 43; Карышев И.А. Духовно-нравственный мир... С. 13; Помазанский М., преосв. Православное догматическое богословие. Рига, 1993. С. 77.

²⁷ Карышев И.А. Духовно-нравственный мир... С. 13. Одним из наиболее последовательных критиков данных теорий был св. Григорий Нисский. Он писал: "Ориген утверждает, что души предсуществуют наподобие какого-то народа в своем собственном государстве, и душа, пребывающая в добре, остается не испытавшей связывания с телом, а если она уклонится от причастия добра, то погубит себя в здешнюю жизнь и тогда останется в теле". По мнению Григория Нисского, это учение неизбежно ведет к суждению о переселении душ, а поскольку жизнь во плоти всегда грешна, "душа будет при каждом переселении спускаться все ниже". Постепенно "из словесного она опускается до чувственного и так же чувственное перемещается в бесчувственное". Таким образом, постулирующее данную идею учение "переходит от глупости к глупости с известной последовательностью, в конечном же итоге душа перейдет в ничто" (Св. Григорий Нисский. Об устройстве человека. СПб., 1995. С. 89). Св. Василий Великий называл "душепереселение" "бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою" (Владимирский Ф.С. Антропология... С. 370). Точно так же критиковал св. Григорий Нисский и сторонников идеи вторичности возникновения души по отношению к телу. Давая комментарии к тексту Григория Нисского, В.М. Лурье показывает, что идеи Отцов Церкви не теряют своей актуальности и могут быть использованы современными богословами на практике, в частности для обоснования допустимости абортов. Он полагает, что св. Григорий Нисский имеет в виду теорию предсуществования тела собственно разумной душе (а не растительной и питательной, по принятой у св. Григория аристотелевской терминологии). Таково было учение Климента Александрийского, считавшего, что тело новорожденного одушевлено лишь низшими силами души, а разумная часть в нем развивается постепенно. Сходные концепции, по мнению автора комментариев, "служат сейчас на Западе тем, кто доказывает, будто для христианина допустим иной взгляд на аборт, нежели на убийство" (Св. Григорий Нисский. Об устройстве человека. Примеч. 65). Интересно добавить, что в народных представлениях русских душа новорожденного, а следовательно, и еще не родившегося, лишена разумности. Однако логика рассуждения народа в этой связи была иной: отсутствие разумности предполагало чистоту и безгрешность души, что делало насилие над ней еще более греховным.

²⁸ Помазанский М., преемств. Православное догматическое богословие. С. 78; Добротворский В.И. Православное догматическое богословие. С. 43. О соотношении происхождения души и тела св. Григорий Нисский писал: "Так как человек, состоящий из души и тела, един, нужно предполагать одно общее начало его состава, так, чтобы он не оказался ни старше ни младше самого себя. При сотворении каждой части не появлялось одно раньше другого, ни душа раньше тела, ни наоборот, — чтобы человек не пришел в разногласие с самим собой, разделяемый временным различием. Ведь по апостольскому наставлению природа наша умопостигается двоякой человека видимого и сокровенного". Душа, как и тело, "не могут проявиться сразу вследствие существования необходимой последовательности (развития)". И лишь постепенно "душа проявится через свойственную ей природную энергию, продвигаясь вместе с телесным ростом" (Св. Григорий Нисский. Об устройстве человека. С. 94).

²⁹ Карышев И.А. Духовно-нравственный мир... С. 14.

³⁰ Там же. С. 82.

³¹ Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1997; Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1993 (Русский этнограф. Вып. 6).

³² РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 39. Материалы В.И. Смирнова.

³³ Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // ЭО. 1899. № 3. С. 9.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Материалы автора. Зарайский район Московской обл. 1999 г.

³⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 556. Л. 1. Тарусский уезд Калужской губ.

- ³⁷ Там же. Д. 39. Л. 1. Владимирская губ.
- ³⁸ АРГО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17. Л. 3. 1850 г.
- ³⁹ *Карышев И.А. Духовно-нравственный мир...* С. 14.
- ⁴⁰ *Листова Т.А. "Нечистота"...*
- ⁴¹ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.
- ⁴² Материалы автора. С. Качемары Касимовского района Рязанской обл.
- ⁴³ *Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях.* М., 1915. С. 270.
- ⁴⁴ *Харузина В. По поводу заметки Р. Андрэ. // ЭО. 1907. № 4. С. 97.*
- ⁴⁵ Само действие — продевание через рубашку — имеет аналогию с известным магическим актом — перерождением слабого или беспокойного младенца, которое происходило следующим образом: "Нужно надеть рубашку, в которой родила, в те часы и на том месте мать держать, а бабка протергивает ребенка сквозь рубашку (Нижнеломовский уезд, Шенкурский уезд. АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19. Л. 66—67).
- ⁴⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 501. Л. 25—26. Жиздринский уезд Калужской губ.
- ⁴⁷ Два сектантских стиха о безбрачии и браке // ЭО. М., 1903. № 1. С. 113.
- ⁴⁸ *Карышев И.А. Духовно-нравственный мир...* С. 73. По мнению богословов, Божественной силой "одушевлены и оживотворены" все живые существа. Один из основоположников христианской антропологии Дионисий Ареопagit утверждал наличие души у всех видов животных, "которые реют в воздухе или ступают, или пресмыкаются по земле, или живут в воде", а также тех, "которым выпал удел быть земноводными или же, зарывшись под землю, жить потаенно". Но в отличие от наделенной разумом души человека эти души "лишь способны к ощущениям" (*Дионисий Ареопagit. Мистическое богословие.* М., 1993. С. 33). Дальнейшее развитие христианская антропология получила в так называемых "Шестодневах". Так, в "Шестодневе" Иоанна экзарха Болгарского подтверждается главное онтологическое отличие человека — обладание "озаренной разумом и духовным зрением душой". Автор подчеркивает еще одно основное различие человека и животного: душа последнего — "субстанция временная и тленная"; «Как говорит Писание, "всякому животному душа его есть кровь", кровь же сгустившись становится плотью, плоть (сгустившись) превращается в землю. Поэтому, как следует ожидать, душа скота есть (нечто) земное. ...Не думай, что она создана прежде его телесного состава и что она пребудет вечно, даже когда разрушится плоть этого тела» (*Иоанн экзарх Болгарский. Шестоднев.* М., 1996. С. 154, 194).
- ⁴⁹ *Побединский М. Душа человека и животных // Вера и разум. 1889. № 12. С. 511.*
- ⁵⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 556. Л. 1. Тарусский уезд Калужской губ.
- ⁵¹ *Иваницкий Н.А. Материалы...* С. 118.
- ⁵² РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 240. Л. 20. Вологодская губ., Кадниковский уезд. Представления о неполноценности души иноверцев сказывалось иногда в суждении о неравнозначности воздаяния за одно и то же преступление: "У инородцев и иноверцев душа есть, но за убийство души христианской больший грех на свою душу" (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 556. Л. 1. Калужская губ.).
- ⁵³ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 503. Л. 2. Калужская губ.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Карышев И.А. Духовно-нравственный мир...* С. 80.
- ⁵⁶ По-видимому, имеется в виду так называемый календарь Брюса, изданный в России в 1709—1715 гг. Он представлял собой свод примет различного характера (сельскохозяйственных, метеорологических, касающихся характера и будущего человека и т.д.) в основном по знакам зодиака и планетам. Поскольку календарь в народе считался кладом премудрости, а его автор слыл за "знахаря и колдуна", логичным представляется стремление приписать тому же автору и иные религиозные представления: это служило как бы гарантом их значимости и достоверности.

- 57 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 493. Л. 23–27.
- 58 Там же. Д. 501. Л. 45–46. Калужская губ.; Д. 522. Калужская губ.
- 59 Подборку сюжетов и их анализ см.: Власова М. Русские суеверия. СПб., 1898.
- 60 Нилус С. Сила Божия и немощь человеческая. М.; СПб., 1998. С. 429–443.
- 61 Николаевский М.Г. Четыре печальных события и одно отрадное // Тамбовские епархиальные ведомости. 1867. № 7.
- 62 Там же.
- 63 Уложение о наказаниях. СПб., 1885. С. 429.
- 64 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 211. Л. 100; Д. 240. Л. 207; Д. 65. Л. 5 об.
- 65 Материалы автора. Шацкий район Рязанской обл.
- 66 Жданова Н.И. Песни о князе Михаиле // ЖС. 1890. Вып. 1.
- 67 Мавалова Н.Е. Народная медицина локальных групп на Русском Севере // Русский Север. СПб., 1995.
- 68 Материалы автора. Овручский район, хутор Сосновка. 1978 г.
- 69 Материалы автора. Тамбовская обл. 1996 г.
- 70 АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 13. Богородицкий уезд.
- 71 Там же. Л. 13. Оренбургская обл.
- 72 Материалы автора. Тамбовская обл. 1996 г.
- 73 АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 61. Арзамасский уезд.
- 74 Бурцев А.Е. Полное собрание этнографических трудов. СПб., 1910. Т. VI. С. 34.
- 75 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 534. Л. 20.
- 76 Власова М. Русские суеверия. С. 347. Этот пример заставляет вспомнить выведенный Л. Леви-Брюлем закон “сопричастности”, характерный для дологического мышления, но встречающийся и у цивилизованных народов. Согласно этому закону человек может находиться одновременно в двух местах. В русских представлениях речь идет о допустимости одновременного существования человека в двух ипостасях, что скорее всего можно объяснить с точки зрения реальности и некоторой материальности восприятия русским крестьянином двуединой природы человека.
- 77 Пушкарева Н.А. Мать и дитя в Древней Руси. // ЭО. 1996. № 6.
- 78 Бурцев А.Е. Полное собрание... Т. VI. С. 34.
- 79 Подробнее см.: Листова Т.А. “Нечистота”...
- 80 АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 58.
- 81 Соловьев Е.Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья. Сборник народных юридических обычаев. Т. II // Записки ИРГО. СПб., 1900. Т. XVIII. С. 291.
- 82 Можно привести одно из сообщений С. Пономарева, сделавшего подборку материала на эту тему: “Обыкновенно о забеременевшей кто-нибудь доносит в станицу или правление, и старики в предупреждение вытравления высылают бабку для освидетельствования и предупреждают ее. Факт оглашается перед сходом” (АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 44. 80-е гг. XIX в., с. Бураново Оренбургской губ.).
- 83 АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 55. 80-е гг. XIX в.

И.А. Кремлева

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА И ДРУГИХ СОСЛОВИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ДУХОВНЫХ ЗАВЕЩАНИЙ

Этнография изучает все стороны народной жизни, поэтому можно заранее сказать, что нет таких архивных дел, которые не представляли бы интерес для этнографа. Однако, когда перед исследователем стоит конкретная задача — добыть необходимые сведения по определенной теме, — бывает очень нелегко. Ученого, работающего в архивах Духовных консисторий, ожидают многие трудности, так как нужный материал приходится разыскивать буквально по крупицам. Задача настоящей статьи, таким образом, показать, какого рода сведения могут быть извлечены из архивных фондов, в частности — из материалов духовных завещаний.

Статья основана прежде всего на документах Государственного архива Вологодской области (ГВАО), фонда Духовной консистории второй половины — конца XIX в. В фонде встречается много копий и выписок из духовных завещаний, полностью соответствующих оригиналам.

Духовное завещание было официальным документом, признаваемым Российским законодательством. Иногда встречаются завещания, представляющие собой уникальный образец достаточно полной картины жизни прошлых столетий. В них мы находим сведения о многообразных проявлениях повседневной жизни (внутрисемейные отношения, связь с родными местами, положение в обществе, сословная принадлежность и т.п.), включая и религиозно-нравственный аспект. Духовные завещания — это необыкновенно интересный источник, из которого можно почерпнуть также информацию о строительстве и существовании на данный период церквей, монастырей, их названия, фамилии священников, архимандритов, а также о том, каким святым угодникам и их мощам поклонялись прихожане, какие вклады делали в церкви и монастыри.

В особую категорию хотелось бы выделить факты, относящиеся к похоронно-поминальным обычаям: пожелания быть похороненным внутри церкви,

при монастыре, в семейном склепе, рядом с предками; распоряжения, связанные с поминанием. Традиция составления такого рода духовных завещаний является давней. Так, нам известно завещание XVII в. Фетиева Гавриила Мартыновича, уроженца г. Вологды, умершего в 1683 г. Гавриил Фетиев был "гость", т.е. его род принадлежал к торговцам высшего разряда, торговое дело вел в Архангельске и других городах; умер он в Холмогорске, а похоронен по завещанию при Вологодской Владимирской церкви. Завещание писано по-старинному, на ленте длиною 18 аршин. Оно настолько полно, что можно представить жизнь Вологды того времени: указывается расположение улиц, лавок, обрисовываются экономические условия, домашняя обстановка, утварь, одежда, хозяйственный инвентарь и пр. Отрывки из этого завещания были напечатаны священником С. Непейным в книге "Вологда прежде и теперь" в 1905 г.¹

Но такие полные завещания встречаются крайне редко. Чаще основное содержание документов, разъясняющее порядок раздела имущества между родственниками, включало наказы, в том числе и религиозного характера. И даже при вполне светском содержании документов они обычно окрашены мироощущением христианина. Пример — завещание 1867 г. мещанина Доримедонта Алексева Серебренникова (г. Устюжна). Он сделал завещание на имя сына, а потом, как он пишет, "рассудил" сделать второе Духовное завещание жене своей Екатерине Николаевне. В нем он, обеспокоенный тем, что жена остается при сыне, хотя и уверенный в покорности и послушании последнего, тем не менее из представленного сыну капитала приказывает: "отдать жене моей (своей матери) 1000 руб. ассигнациями по соглашению в два или три раза заплатить и притом, чтобы ей в покое не делать утеснения, содержание стола иметь общее при готовом отопливании ... родительницу свою не давать в обиду, помни Слово Божие ... Бог благословит тя во вся дни живота твоего ... Не обижайся, друг мой, и не огорчайся, что завещаю — будь доволен всем. Довольствуйся святыне иконы и две серебряные ризы и других икон много, книг разных духовных и гражданских". И заканчивает свое послание таким образом: "Простите, святыне отцы духовные и мирские, жена, друг мой, прости Бога ради все мои огорчения ... Простите, родные и неродники, ближние и дальние и убогие, помолитесь о мне грешном. Прости, любимый сын Яков Доримедонтов. Да помилует тебя Господь Бог. Аминь". И (подпись): "грешной и убогий Доримедонт Алексеев Серебренников"².

Перед нами вырисовывается образ не только даровитого хозяина, любящего мужа и отца, образованного человека, но и глубоко верующего христианина.

Духовные завещания должны были иметь определенный образец. Все они обязательно начинались словами: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа ... Находясь в здравом уме и твердой памяти..." и заканчивались подписями сви-

Купеческая семья. Неизвестный художник первой половины XIX в.

детелей или, как их называли, душеприказчиков. Часто при составлении духовных завещаний присутствовал священник или духовник. Так, при составлении завещания верховажской мещанки Анны Васильевы Савинской в конце его записано: "...Распоряжение по выше описанному за неимением близких родственников поручаю Вельскому 2-ой гильдии купцу Григорию Алексееву Чудинову, которого и прошу исполнить мою волю в точности..." Далее идут подписи свидетелей, и заканчивается завещание словами: "... оно написано со слов завещательницы в здравом уме и твердой памяти, в том свидетельствует духовный ее отец Верховажского Собора священник Вениамин Слепицын. 1868 г. октября 9 дня"³.

Многие завещания включают в себя распоряжения, основанные исключительно на религиозных воззрениях. В значительной их части такого рода наказы преобладают. Екатерина Петровна Казакова, вдова вологодского купца 2-й гильдии Алексея Яковлевича Казакова, оформила завещание в 1880 г. В нем она завещала в монастыри и церкви на поминование мужа и себя (перечислены 36 церквей и 3 монастыря) огромные суммы: "Прошу Михайлов монастырь делать обо мне и муже моем вечное поминование, служить каждую неделю 2 заупокойные обедни по субботам и воскресеньям и каждодневно поминать на проскомидии. За это завещаю 9 тыс. руб., на похороны и шес-

тинедельное поминовение завещаю 4 тыс. руб.; ... в Булдаковскую богадельню завещаю 3 тыс. руб. на улучшение жизни призреваемых; положить в городскую думу 3 тыс. руб. в дополнение к положенным прежде 5 тыс. руб. с тем, чтобы проценты с этого капитала расходовались на 1000 чел. бедных по равной части; ... дом мой в Архангельске, всю мебель и посуду продать и на вырученные деньги вызолотить главы в монастыре, где буду погребена"⁴.

Хотелось бы также уделить внимание вопросу — что может дать такой источник, как духовные завещания, для изучения похоронно-поминальной обрядности. Можно ли из него узнать, на чем сосредоточены мысли завещателей? Каковы их главные заботы перед завершением жизненного пути? Почему так, а не иначе они поступают в своих наказах, в связи с чем такое большое внимание уделяется поминовению умершего и его рода и т.д. Мы можем выделить три основных аспекта, тесно связанных между собой: 1) достойное погребение по христианскому обряду, 2) совершение богоугодных поступков, 3) поминовение души завещателя, всего его рода и близких. Рассмотрим подробнее каждый из этих пунктов.

Погребение. Православная традиция придавала большое значение погребению по установленному чину. Церковь разъясняла верующим, что погребение умерших приносит пользу и живым, и усопшим. Живым похороны напоминают о неминуемой телесной смерти, укрепляют веру в бессмертие души и воскресение мертвых. Умершие православные христиане не перестают быть членами Святой Церкви, сохраняя с ней реальное живое общение. Похороны, кроме того, — это последняя возможность выразить ушедшим из мира любовь, не доданную им при жизни: "Погребение светлость есть, живых утешение". Богослужение и молитва (как учит Церковь) являются той сферой, где верующие вступают в теснейшее и возвышеннейшее таинственное единение со Святой Церковью и друг с другом.

Погребение не по православному обряду было в условиях дореволюционной России делом почти невозможным, поэтому само соблюдение церковного обряда в завещаниях не оговаривается, здесь все было ясно само собой. Забота завещателей — предусмотреть такие обстоятельства погребения, которые наделят усопшего особой благодатью. Издавна считалось достойным быть похороненным в монастыре, потому что усопшие, "яко сосуди честнии, не удаляются от домов Божьих. Мощи святых охраняют свои храмы". По этой причине православные русские люди стремились быть похороненными в пределах церкви или рядом с ней.

Духовные завещания людей разных сословий полны указаниями на вклады, которые оговорены пожеланием быть погребенным в церкви или монастыре. Вологодский купец Алексей Яковлевич Казаков завещал "после ... смерти на погребение и поминовение души употребить три тысячи руб. и передать в Архангельский мужской монастырь, похоронить в означенном монастыре"⁵,

что и было сделано, а его вдова через несколько лет завещает: "когда моя душа отойдет в вечность, тело мое похоронить в церкви Архангельского Михайловского мужского монастыря, позади могилы мужа моего, то есть к другому простенку, и прошу Михайлов монастырь делать обо мне и муже моем вечное поминовение ... если же не будет почему-либо дозволено похоронить тело в самой церкви; в таком случае отдать в тот же монастырь вместо 9 тыс. только 3 тыс. с тем, чтобы служить заупокойную обедню každонедельно по субботам..."⁶

Купеческая вдова Татьяна Кузнецова из г. Устюга Великого в своем завещании, составленном, как она пишет, "будучи в совершенном рассудке, памяти, но помня час смертный, когда богоугодно будет Всеблагому и милосердному Богу от суетного сего мира призвать по разлучении от тела многогрешную душу", говорит: "желание мое заключается в том, чтобы тело мое многогрешное предать земле по церковному чиноположению при кладбищенской церкви"⁷. Настоятель Спасо-Суморинского монастыря архимандрит Нафанаил Тотемский сообщал в расписке, что по Духовному завещанию тотемского мещанина В.Д. Черепанова им получена Тихвинская икона Божией Матери и 250 руб. при погребении В.Д. Черепанова в монастыре⁸.

Из наказов о том, где должно быть предано земле тело оставившего завещание человека, нам раскрывается еще недавно сохранявшее силу представление о необходимости погребения в родных местах. В "Вологодских губернских ведомостях" читаем: «Всякий умирающий не на своей родине почитает для себя даже наказанием Божиим, что ему приводится "лечь", т.е. быть похороненным, на чужой стороне, при незнакомой церкви (т.е. не в своем приходе), врозь со своими»⁹. Русский человек ощущал свою духовную связь с прошлым, со своей малой родиной, где погребены были его предки. Имеется большое количество завещаний, в которых выражается желание быть похороненным там, откуда родом умирающий, несмотря на то, что он давно уже покинул свои края. Приведем в пример завещание купца С.С. Кудрина, который числился мещанином г. Вельска и временно состоял московским купцом. Жил он в Москве, в Мещанской части, в своем доме. Еще при жизни Кудрин изъявил желание построить на свои средства в г. Вельске каменный однопрестольный храм и хотел вместе с тем устроить себе и своей жене могилы между стенами церковного здания. Долго шла переписка (в это время, с 1833 г., уже не разрешалось хоронить в больших городах при церквях), но в конце концов было сделано исключение и разрешение дали. Строительство храма купец начал в 1905 г. К сожалению, не дожил он до торжества освящения построенного им храма. Умер Кудрин в Москве, останки его были перевезены и погребены в особо устроенном под новой церковью склепе в г. Вельске. В своем завещании он особо подчеркивал, что ему хочется быть захороненным там, где лежат его предки¹⁰.

В некоторых завещаниях нет указания похоронить в родных местах, но названы пожертвования причту или бедным — как дань благодарной памяти о родном крае. Малая родина — это не пустые слова для мирянина XIX в. Покидая родные места, он не порывал со своими корнями, постоянно чувствовал себя неотрывной частичкой и принадлежностью “своих мест”.

Из завещаний четко просматривается, что побудительной причиной таких поступков, как передача определенных сумм в пользу церкви, для неимущих сограждан служило сильное чувство уходящего из жизни человека о своей причастности и принадлежности к тем родным местам, обществу, откуда он или его предки вышли. Хотя бывало, что места эти он покидал в ранней молодости. Так, почетный гражданин Московский, 1-й гильдии купец и кавалер Иван Алексеевич Колесов послал в Вологодскую городскую думу билет сохранной казны Московского воспитательного дома в 3 тыс. руб. серебром, прося принять сей билет на вечные времена и получаемые с капитала проценты употреблять ежегодно перед праздником Пасхи на платеж казенных подушных податей за бедных вологодских граждан по рассмотрению общества. Объяснил он свой поступок так: “с давних времен предки мои были гражданами Вологды и я по смерти родителей моих, до перечисления в Москву принадлежал обществу того же города. Сохраняя приятные воспоминания о месте рождения в душе моей и добром расположении ко мне Вологодских граждан, я вознамерился принести из собственного достояния некоторую часть в пользу неимущих, прежде бывших моих сограждан”¹¹.

Богоугодные поступки и поминовение души. Из учения Церкви православные люди знали, что после смерти их ожидают два места: рай со всеми его благами и ад с его обитателями — злыми духами и мучениями. Рай уготован для людей, праведно проживших на земле, ад — людям грешным. Но не все люди умирают уже совершенными грешниками или совершенными праведниками. И церковь учит, что есть люди, и их много, которые, хотя и умерли во грехах, но вместе с тем положили здесь, на земле начало покаяния и имели в глубине души своей “семена добра и добрые дела творили”. Священное Писание и практика православной церкви давали надежду на прощение грехов и избавление от адских мук. Существовавшая разнообразная литература и публичные проповеди священников отводили большую роль поминовению усопших.

Польза молитвы, как общественной, так и частной (домашней), о душах, находящихся даже в аду, описана в житиях святых и подвижников, в святоотеческих писаниях. Панихиды и домашние молитвы за усопшего — все полезно для умерших. Но особенно полезно им поминовение на Божественной литургии в храме. И Церковь учила, что ничего лучшего или большего мы не можем сделать для усопших, чем молиться о них, помяная на литургии.

Подчеркивая необходимость поминовения умерших, Церковь указывала на то обстоятельство, что усопшие продолжают общение с живыми. Пока верующие не разделены последним Страшным судом, все они, живые и умершие, составляют единую Церковь.

Церковь молится постоянно о всех, “прежде почивших отцех и братиях наших”, но она также совершает особое молитвенное поминовение о каждом усопшем, если есть к тому желание. Такое поминовение называется частным, к нему относятся третины, девятины, сорочины и годовщины, а также дни именин почившего. Здесь нет смысла останавливаться и подробно объяснять, почему поминовение осуществляется в эти дни, существует обширная литература на эту тему, к которой можно обратиться.

Кроме поминовения каждого умершего в отдельности, Церковь на том же основании творит в определенные дни года поминовение всех от века преставившихся, сподобившихся христианской кончины и тех, которые, будучи застигнуты внезапной смертью, не были напутствованы в загробную жизнь молитвами Церкви. Такие дни следующие: 1) суббота мясопустная (суббота за две недели до начала Великого поста), 2) суббота Троицкая, 3) родительские субботы 2-й, 3-й и 4-й седмицы святой Четыредесятницы (Великого поста). Кроме указанных выше суббот, есть еще некоторые дни, а именно: Радоница — общее поминовение умерших, которое совершается в понедельник или вторник Фоминой недели (1-я неделя после пасхальной седмицы). Поминовение воинов, убиенных за Отечество совершается 29 августа (ст. ст.) и в субботу Дмитриевскую (перед 26-м днем октября (8 ноября нов. ст.)). Сами усопшие уже не могут ходатайствовать о себе перед Богом, и поэтому только родные и помнящие их могут совершать “всякое мертвым творение пособия еже есть молитвы, жертвы, милостыня и иныя благодеяния о оставлении согрешений их”. Кроме молитв рекомендовалось заказывать обедни “для принесения о спасении их бескровной жертвы на Божественной литургии, жертвовать часть нажитого добра на устроение храмов в виде денег или другими способами”. Вот почему у православных верующих по всей Руси была глубокая вера в силу церковного поминовения. Книги, объединившие в себе имена умерших, получили название синодиков, “помянников” и хранились при монастырях и церквях. Епископ Смоленский Никанор писал, что с давних времен существовал “особый приказ, заведовавший делами поминовения, и на средства, получавшиеся за поминовения, основывались и содержались тысячи монастырей. Литургическое священнодействие в монастырях начиналось сначала общим поминовением всех усопших настоятелей, братии, царей, князей, митрополитов, патриархов, а потом поминались все лица, присылавшие вклады (независимо от того, большие или маленькие) на вечное поминовение.

Духовные завещания лишний раз подтверждают, как глубоко проникло учение Православной Церкви в души прихожан. Эти документы, составлен-

ные людьми разных сословий, пестрят наказами о вкладах, поминовениях не только своей души, но и всего рода. Потому и совершали православные по своему разумению и благодаря религиозному воспитанию богоугодные (большие и маленькие, в зависимости от "состояния") поступки.

К таким поступкам они относили дары церкви или монастырю деньгами или вещами, а также благотворительную деятельность. Практически в каждом документе находятся указания на пожертвование храму в виде денег, земли, домов, разных предметов или животных. Приведем несколько примеров.

В завещании крестьянской вдовы д. Стеблево Грязовецкого уезда Гаврильцевской вол. П.С. Пластининой сказано: "Мою собственную деревянную келью, находящуюся при погосте Вологодской Комельской церкви, отдаю после смерти в пользу означенной церкви"¹². Вдова почетного гражданина г. Вельска купца Грудина исполнила закрепленную в завещании волю покойного мужа и передала банковские билеты 1860 г. общей суммой 2750 руб. на богоугодные и благотворительные дела. Эта сумма была предназначена главным образом перечисленным в списке 22 церквям, каждой по 100 руб.¹³ Отец купца С.С. Кудрина пожертвовал церкви большой 2-этажный дом, в который была помещена церковноприходская школа (г. Вельск)¹⁴.

Выше отмечалось, что завещания имели определенный образец, но просматривая их в большом количестве, удивляешься их разнообразию. Это не просто пожелтевшие бумаги, перед нами встают живые образы ушедших людей со своими характерами, со своей манерой говорить, со своими представлениями. Для примера приведем выдержку из завещания вольноотпущенного крестьянина Ильинской вол. Кадниковского уезда Василия Петрова (написано в 1864 г.): "...хотя имею 40 с небольшим лет от роду, но чувствую слабость своего здоровья, не имея никого детей, но помня час смертный, заблагорассудил составить духовное завещание в следующем: все мое недвижимое имущество ... 15 десятин отдать в приходскую нашу Ильинскую Чеведскую церковь с тем, так как для церкви доход ... незначителен, то по смерти моей без всякого промедления продать с аукционного торга при церкви и вырученные деньги употребить ни на что-нибудь другое, а собственно на украшение и благолепие храма"¹⁵. По завещанию вологодской мещанки Дарьи Акимовой Поповой-Тестовой ее душеприказчиком доставлено было в Вологодскую городскую Афанасьевскую церковь главное облачение священническое и дьяконское из черного бархата (1864 г.)¹⁶, а по распоряжению покойного брата крестьянская девица Улита Вязниковская из д. Погорелово Никольского уезда пожертвовала (не написано, по какой причине) в пользу церкви и причта 337 тыс. руб. (билетом и процентами)¹⁷.

Богатые купцы могли целиком построить храмы или внести для их строительства крупные суммы. Так, уже упоминавшийся именитый человек Гавриил Фетиев в своем завещании распорядился: "Да у Владимирской же

Богородицы построить церковь каменная теплая о дву шатрах, а в ней учинить два престола: одна церковь во имя Архангела Гавриила, а другая церковь во имя преподобного отца Феодосия общежитий начальника. Да у той церкви сделать колокольная особая, против образца соборной колокольной: а денег на церковное и колокольное строение дать две тысячи рублей; да в новый колокол в двести пуд, ценою за пуд почему будет”¹⁸. Упоминаемые в завещании шатры существовали около ста лет. После пожара в г. Тотьме (в 1744 г.) была предпринята попытка построить на месте сгоревшего каменный Богоявленский собор. Благоустройству собора содействовали тогдашние купцы Пановы, Нератовы, Протопоповы, Потемины и другие, которые вели торговлю с Сибирью¹⁹.

Приведем в этой связи в качестве примера небольшую выдержку из “Вологодских епархиальных ведомостей” о пожертвованиях, поступивших в монастыри и церкви епархии в 1908 г.:

“... — во Владимирскую Заоникееву пустынь от томского купца Дм. Малышева 1200 руб. на ремонт крыши монастырской ограды;

— от московского купца Степана Кудрина 200 пуд. листового железа на 450 руб.;

— от вологодского купца Андрея Буторова священническое облачение в 100 руб.;

— от вологодской купчихи Евстолии Вахромеевой священническое облачение в 100 руб.;

— от купца Засимы Хаминова 100 руб. в Сольвычегодский Введенский монастырь на благоустройство обители...”²⁰

Многие жертвователи объясняли причину своей благотворительности: “от усердия к храмам Божиим”. Интересно, что за такие большие заслуги Церковь представляла светских людей к благословению Святейшего Синода с выдачею установленных грамот. Указы об этом также печатались в “Вологодских епархиальных ведомостях”.

При пожертвованиях, предназначенных Церкви или же на благотворительные цели, нередко не оговариваются условия, сопровождающие передачу суммы денег или имущества. Пожертвования были добровольными и бескорыстными. Тем не менее при этом, несомненно, подразумевались и молитвы поминовения души дарителя (его рода, близких и т.д.) в соответствии с православными обычаями.

“Вологодские епархиальные ведомости” ежегодно печатали на своих страницах не только списки многочисленных пожертвований, в том числе по духовным завещаниям, “больших и малых людей” для украшения церквей, монастырей, но и отмечали тех, кто пожертвовал “вечным вкладом” на поминовение своего рода и близких людей. Так, в газете за 1909 г. читаем, что поступило “по Духовному завещанию в Николаевско-Высоковскую церковь

Грязовецкого у. от крестьянина Якова Мещанинова 400 р., от крестьянина Дмитрия Васильева 30 р., от крестьянской девицы Ирины Короблевой 50 р. на вечное поминовение; ... в Вологодский Успенский женский монастырь от торгового дома И. Никуличева с сыновьями 1000 руб. за совершение заупокойной литургии на каждой неделе в четверг“ и т.д.²¹

Как мы видим из духовных завещаний, пожертвования в церкви и монастыри еще при жизни считались богоугодными поступками. Но когда человек умер, что можно сделать для усопшего? Как отмечалось выше, поминовение по усопшим совершали на 3-й, 9-й, 20-й и 40-й дни и в годовщину. Поминовение выражалось в служении панихид и литургии, посещении могил, поминальных обедах и раздаче милостыни. Состоятельные люди служили каждодневные обедни в продолжение сорока дней после смерти. Так учили Церковь, святые подвижники. Вот отрывок из письма к мужу умирающей сестры епископа Феофана Затворника: “Я думаю, самый действительный показатель любви Вашей к усопшей будет то, если с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии... Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжение 6-ти недель, да и далее. В сказании Феодоры — мешок, из которого ангелы брали, чтобы отделаться от злых духов, были молитвы ее старца, то же будут и Ваши молитвы...”²² А оптинский старец схиигумен Антоний в одном из писем своих говорит: “Имена всех родных Ваших вписал я в келейный свой синодичек для повседневного поминовения... Мы будем поминать, как умеем, на земле, а отошедшие души будут поминать нас на небеси... И не только праведники, коих души в руке Божией, молятся ко Господу о нашем спасении, но и души грешных тоже заботятся о нас, чтобы мы не попали туда же, где и они...”²³

Поэтому неудивительно, что почти во всех духовных завещаниях условием передачи Церкви денег или имущества называлось молитвенное поминовение души завещателя или всего его рода. Так, черносотный крестьянин Федор Михайлович Большаков, житель д. Шилово Никольского уезда (не имея наследников), “пожелал о возношении молитв за спасение своей души пожертвовать церкви имение: 1 — дом с принадлежащими ему строениями; 2 — лошадь серую, корову серую, десять мер ржи, столько же ячменя, овса...” и т.п.²⁴ Вдова крестьянская д. Стеблева Грязовецкого уезда Параскева Степановна Пластина из денег в количестве 400 руб., лежащих в банке г. Вологды, завещала “в Богородицкую Комельскую церковь 50 руб. в пользу причта на вечное поминовение” ее и ее рода, “в Никольско-Слободниковскую церковь в пользу причта — 3 руб., в Никольскую церковь — 10 руб. и в Арсениево-Комельский монастырь — 5 руб. серебром”²⁵.

Николаевско-Кузнецовская церковь в с. Никольском Грязовецкого уезда получила на свое благоустройство разного рода вещи на сумму 100 руб. серебром, а церковнослужители этой церкви получили 100-рублевый пятипро-

центный билет под условием вечного поминовения души крестьянина Иустина Карпова за проценты с капитала²⁶.

Духовное завещание тотемской мещанки Веры Александровны Мальцевой содержит такой наказ: “после смерти моей муж мой обязан отдать в Градскую Успенскую церковь принадлежащую мне икону Николая Чудотворца в серебряной ризе с условием, чтобы священнослужители совершали в течение года надо мною поминовение, и шерстяную шаль положить в Тотемский Спасо-Суморинский монастырь с тем же условием”²⁷.

Любопытна выписка из духовного завещания устюжской купеческой вдовы Анны Ивановны Костровой: “Принадлежащий мне деревянный одноэтажный дом в первой части г. Устюга, в котором я живу, со всеми постройками и землею при нем завещаю в собственность церкви Воскресения Христова в г. Устюге для помещения в нем квартир для священноцерковнослужителей сей церкви. Из оставшегося после моей смерти наличного капитала прошу гг. душеприказчиков внести процентными государственными билетами в разные церкви в г. Устюге с тем, чтобы капиталы эти оставались навсегда неприкосновенными, а проценты поступали: одна половина в пользу сих церквей, а другая в пользу причта за вечное поминовение души моей и моих родственников”. И дальше перечисляются больше десяти церквей и вклады в них на сумму свыше 3500 руб.²⁸

Духовные завещания “больших именитых” купцов состоят из огромного количества перечислений церквей и монастырей, куда они хотели бы сделать пожертвования на вечное поминовение своих родов. Как правило, перечисляются более 25—30 церквей и монастырей и очень большие суммы денег. Хотелось бы привести Духовное завещание тотемской купеческой жены Анны Федоровны Новосельцевой. В нем она оставляет все недвижимое имущество своему сыну и просит “получаемые с вышеозначенных земель доходы употреблять на богоугодные дела и на поминовение за упокой родителей и родственников и ее души и для того платить ежегодно: во 1-ых, как было и при жизни моей... Имеющиеся при тех церквах поминальные от меня записки с означением имен усопших просмотреть, исправить и по смерти моей вписать мое имя, а впоследствии вписать имена мужа и детей моих по их кончине с обозначением в тех записках ... кроме отправляемых заупокойных обеден еженедельно и в дни смерти отправляли при Мироносицкой как приходской церкви рода Саблиных — заупокойные обедни: в дни рождения и смерти покойных родителей моих, братьев, сестер (перечисляется много имен. — И.К.)”. Далее идет перечисление приходских церквей, к которым принадлежали Новосельцевы и она сама. А.Ф. Новосельцева просит душеприказчиков своих, а вернее “вменяет в обязанность им в дни рождения свекра и свекрови, а впоследствии, когда умрет муж мой и дети, в те же дни их памяти исправлять заупокойные обедни и заутрени и на могилах означенных лиц, находящихся при той церкви, петь панихиды... а остатки от вырученных за доходы

денег ... употреблять на пособие бедным и нуждающимся в каких-либо необыкновенных случаях неурожая или градобития и тому подобных случаях..."²⁹ И вклады такого рода пополнялись по мере вновь скончавшихся.

Духовные завещания, содержащие сведения о многих сторонах жизни русских, в том числе религиозной, прежде всего свидетельствуют о глубоком проникновении православия в сознание представителей разных слоев общества. Эти данные особенно важны в наши дни, когда мы с отчетливостью осознали, какое важное место занимает Православная Церковь в духовной культуре русского народа. Строительство церквей, богаделен, вклады в монастыри и церкви деньгами и разного рода имуществом отражали стереотип поведения, в основе которого лежало представление о религиозно-нравственных нормах православного человека. Свидетельства духовных завещаний вносят свой вклад в изучение этой проблемы, в частности — похоронно-поминальных традиций.

¹ Непеин С., священник. Вологда прежде и теперь. Вологда, 1905. С. 57.

² ГАВО. Ф. 1218. Серебrenиковы. Д. 15. Л. 2.

³ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Т. 7. Ч. 2. Д. 15187. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 15376. Л. 4 об.

⁵ Там же. Д. 15254. Л. 2 об.

⁶ Там же. Д. 15376. Л. 4 об.

⁷ Там же. Д. 11010. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 13836. Л. 14.

⁹ Вологодские губернские ведомости. 1865. № 19. С. 172.

¹⁰ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18041. Л. 1–30.

¹¹ Вологодские губернские ведомости. 1844. № 13. С. 121.

¹² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15187. Л. 52. ¹³ Там же. Д. 13836. Л. 109.

¹⁴ Там же. Д. 18041. Л. 29.

¹⁵ Там же. Д. 13836. Л. 85.

¹⁶ Там же. Л. 66.

¹⁷ Там же. Д. 15571. Л. 10.

¹⁸ Лукомский Г.К. Вологда в ее старине. СПб., 1914. С. 160–161 (репринтное издание).

¹⁹ Вологодские епархиальные ведомости. 1883. № 16. С. 281.

²⁰ Там же. 1908. № 11. С. 185.

²¹ Там же. 1909. № 12. С. 222–223.

²² О часе смертном. Христианское отношение к смерти. Духовные чтения. Брест, 1994. С. 19.

²³ Письма к разным лицам игумена Антония. М., 1869. С. 408–420.

²⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 11299. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 11298. Л. 2.

²⁶ Там же. Ф. 1063(622). Оп. 8. Д. 4. Л. 15 об.

²⁷ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15187. Л. 1.

²⁸ Вологодские епархиальные ведомости. Официальная часть. 1908. № 23. С. 484.

²⁹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13836. Л. 67–69.

А.В. Буганов

ПРАВОСЛАВИЕ В РУССКОЙ АРМИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

Чувство гордости за свой народ, его историю во многом основывалось у русских на воспоминаниях о прежних войнах. В народе в XIX в. существовало глубокое убеждение в непобедимости России: “Сколько мы не воевали — всегда нам удача была, — говорили крестьяне. — А теперь и по-давно никто с нами драться не полезет — эва у нас войска-то сколько! Ни у кого столько нет! Наши солдаты на “аржанинке” воспитаны, поди-ко тронь их”¹ (“Аржаные сухари — все приятели мои, аржаная каша — родимая матка наша” — из песни о Крымской войне).

В крестьянской среде немалым уважением пользовались старые солдаты, охотно рассказывавшие про *нашу* военную силу: “Нашего государя никто не возьмет; сильнее нас никого на целом свете нет. Ну кто пойдет против нас? Мы же их всех переколотим: лучше и не суйся к нам. Против русского царя-батюшки врагу не устоять” (с. Новый городок Дорогобужского уезда Смоленской губернии)².

Подобные настроения имели под собой вполне реальные основания. Становление Российской империи как полноправной великой державы не могло произойти без опоры на монолитную и унифицированную армию. В 1770—1780-е годы Россия имела прекрасно обученное 200-тысячное войско. Его профессионализм основывался на пожизненной службе (срок службы солдат в 1793 г. был сокращен до 25 лет, в 1834 г. до 20 лет, после Крымской войны до 12 лет) и земляческой спайке. Военские подразделения были боевыми братствами (в армии и народе считалось, что «русские сильны в войнах потому, что сильны “дружчатой”, готовы друг за друга на смерть»³).

В период с 1862 по 1874 г. проводились реформы комплектования, управления, подготовки войск и военного суда. В 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, уравнивавшая в правах лиц всех сословий и распростра-

нявшаяся и на дворянство, ранее свободное от этой государственной обязанности. Определялся общий срок службы в 15 лет, из них действительной службы 6 лет (во флоте 7) и в запасе 9 лет. В 1876 г. срок действительной военной службы был сокращен до 5 лет, в 1878 г. — до 4 лет и в 1905 г. — до 3 лет в пехоте и пешей артиллерии, в остальных родах войск — до 4 лет. В итоге преобразований русская армия стала массовой, поскольку обязанность нести военную службу распространялась теперь на большую часть населения страны. За относительно короткое время службы создавался обученный запас, позволявший развертывать армию в военное время. К началу XX в. позиции России на мировой арене были общепризнанны. У нее была самая большая армия в мире (около 900 тыс. человек), третий в мире флот (после Англии и Франции).

Какие же идеи и настроения преобладали в этом огромном, одном из самых мощных в Европе войске, что определяло его победоносный дух?

В повседневности мирного времени начинали вырабатываться представления об единстве, о внутреннем родстве народа и армии. Призываемый на военную службу был в глазах народа защитником Отечества и неизменно ощущал уважительное отношение односельчан, всех обитателей округа.

Конечно, рекрутские наборы, особенно “нечаянные”, тяжелым бременем ложились на народ, и в его песнях щемяще звучало отчаяние семейств перед длительной разлукой, тягостями издержек. Уже в фольклоре о Северной войне мы видим сборы войска, прощание солдат “с отцами, матерями, с женами и детками, с родом-племенем, с приятельми” и т.д. В этих песнях звучали не только мажорные ноты и восхваление побед; рядом с ними слышны жалобы на тяготы походной жизни, на “грозну службу государеву”, называемую “неволюшкой”, “всегдашней заботушкой”:

Ах, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покоя нет.

Но в главных своих чертах отношение к армии и защите Родины определялось сильно развитым у русских государственным сознанием. По сообщению из Шадринского уезда Пермской губ., отдаваемые в военную службу молодые люди, конечно, не без грусти и слез расставались с родными и родиной. «Но жалоб вы здесь не услышите. “На то воля Божия”, — говорит будущий воин. А потому между ними нет беглецов: все служили и служат с честью».

Священник Т. Успенский свидетельствовал: “В моем приходе было из здешних крестьян до пятидесяти отставных и бессрочных солдат, поступивших в 1854 году вновь на службу: большая часть из них — унтер-офицеры и имеют знаки отличия. Семь на десять приходилось таких награжденных воинов”⁴.

Когда проводилась мобилизация, запасные люди, судя по губернаторским отчетам, собирались везде быстро; уклонившихся от явки по призыву практически не бывало.

В войсках призывник сразу же окунался в атмосферу служения Отечеству. Российская армия и флот были православными не только по духу, но и по форме. Православность пронизывала воинские ритуалы, службу и быт воинов; об идее защиты веры напоминали все военные реликвии.

Особую роль играл ритуал принятия присяги. После торжественного богослужения, в присутствии командира части, всех офицеров и солдат присягающий должен был “положить левую руку на Евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя большими перстами. А солдатам (понеже их множество) правую только руку поднять пред лежащим Евангелием, и говорить за читающим присягу, и по прочтении целовать Евангелие”. Заканчивалась присяга молебном о воинах, вступивших в ряды Русской армии.

Нарушение присяги считалось большим грехом перед Богом и людьми. Если воин погибал в бою, священник обычно говорил в память умершего небольшое поучение, подчеркивая, что лежащий в могиле твердо помнил данную присягу и исполнил ее до последней капли крови: “Царство Небесное да даст ему Господь на небе! А нам, живым, да будет он одушевляющим примером”.

Верноподданническая присяга произносилась под сенью знамени, на котором изображались Крест Господень, царская корона и двуглавый орел. В символическом смысле это означало надежду на победу и царское благословение, которым помазанник Божий, как общий Отец Государства, благословлял все семейство полка. Знамя сопровождало воину во всех его службах и опасностях. Оно считалось полковой святыней, которую надлежало защищать до смерти.

Вынос знамени всегда был событием торжественным. Полковой священник о. Митрофан Серебрянский вспоминал, как во время русско-японской войны в его часть приехал взвод драгун за штандартом: «Помолились. Благословил я нашего “дедушку” — штандарт, командира полка, адъютанта и сел на свою лошадку. Вынесли штандарт, раздалась команда, блеснули шашки на караул, приветствуя “дедушку”, и мы тронулись»⁵.

Многие воинские знаки отличия носили имена почитаемых на Руси святых. Первым и высшим орденом был орден св. Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 г. Им награждали царей, высших государственных и военных деятелей. В 1769 г. императрица Екатерина Великая утвердила в честь имени св. Георгия Победоносца орден — Георгиевский крест. Он считался самой почетной солдатской наградой, им награждались воины за личную доблесть. В одном из боев русско-японской войны солдат Киндяков был смертельно ранен; пуля пробила легкие. Увидев священника, он попросил: “Как я рад, что

Освящение в Пloeшти Болгарского знамени, поднесенного городом Самарой. 1877 г.

вы здесь, пожалуйста, приобщите меня Святых Тайн”. Побеседовали они; в конце он снял с груди свой Георгиевский крест, подал батюшке и сказал: “Крест в эскадрон; я чувствую, что умру, передайте всем мой поклон, скажите, что я счастлив, исполнивши до конца свой долг”⁶.

Награждение отличившихся на полях сражений было призвано воодушевлять участников церемонии. Так, А.В. Суворов все знаки отличия за одержанные победы — привезенные от “матушки-царицы” — обыкновенно после обедни сам вносил в алтарь на блюде и просил священника окропить их святой водой. Потом полководец собственноручно в церкви возлагал их на всех генералов и офицеров, нередко и на солдат, удостоенных монарших милостей. Каждого из награжденных вызывали, он становился на колени, крестился, целовал знак отличия. После этого А.В. Суворов вручал орден и благословлял награждаемого⁷.

Православную атмосферу в армии создавали и поддерживали полковые священники. Институт военного духовенства был создан в регулярной армии в начале XVIII в. Священники служили в армии, на флоте, в различных учреждениях военного и морского ведомств. В армии их деятельность регламентировалась двумя главами из петровских “Воинских артикулов” — “О страхе Божии” и “О служении Божии и о священниках”, на флоте — Морским уставом 1720 г.

В воинских и морских уставах подробно описывались полномочия и обязанности священника, приводился перечень наказаний за преступления против веры, говорилось о совершении ежедневных молитв и праздничного богослужения, о требованиях к нравственному облику солдат, матросов и офицеров.

В мирное время армейские батюшки занимались воспитанием воинов и удовлетворяли их религиозные нужды. В период военных действий священники также должны были совершать богослужения и требы, влиять на свою паству пастырским словом и примером. Несмотря на то, что жизнь на войне была сопряжена с немалыми лишениями и страданиями, в каком-то смысле вести проповедническую работу в таких условиях было проще: священник на передовой постоянно находился в кругу солдат.

Естественно, авторитет священника определялся прежде всего личным поведением пастыря. Случаев, когда иереи проявляли бесстрашие и личное мужество, в русской армии было немало. На штурм неприступного Измаила перед суворовскими солдатами шел священник с крестом. Громким подвигом в Крымской войне прославился протоиерей Могилевского полка о. Иоанн Пятибоков. Под ураганным огнем турецких батарей на Дунае в 1854 г. могилевцы дрогнули и в смятении отступали. О. Иоанн возложил на себя епитрахиль, взял в руки Святой Крест и осенил им солдат: "С нами Бог, ребята, и да расточатся врази Его... Родимые, не посраим себя! Сослужим службу во славу святой Церкви, в честь Государя и на утешение нашей матушке России! Ура!" Геройский штурм во главе с о. Иоанном кончился взятием турецких укреплений и полной победой. Впоследствии подвиг протоиерея был увековечен памятником на могиле героя в г. Вильно⁸.

Обязанность полкового священника во время сражений — быть неотлучно при войске — требовала чрезвычайного самоотвержения. В Отечественную войну 1812 г. от ран и болезней погибло до 50 полковых священников; в Крымскую и русско-турецкую войну 1877—1878 гг. — до 30 человек. В годы Первой мировой войны в армии находилось около 2 тыс. священнослужителей.

Память о многих иереях передавалась в народных рассказах. О. Митрофан Серебрянский, следуя на русско-японскую войну, 27 июня 1904 г. проезжал вместе с эшелоном станцию Тайга близ Томска. Старик-сторож при тамошней церкви был отставным солдатом; в разговоре с о. Митрофаном он начал вспоминать, как в 1877 г. воевал в Абхазском пехотном полку, как брали Карс, и пожелал о. Митрофану, чтобы тот на войне подражал их священнику: "Вот у нас батюшка был старик, белый, как лунь, а при штурме Карса и других битвах всегда с крестом в руках с нами идет: в атаку мы — и он с нами; благословит крестом нас... Славно было биться рядом с ним!"⁹.

На фронте слова утешения и ободрения всегда значили очень много. Защитникам Севастополя запомнилась произнесенная в 1854 г. проповедь епископа Иннокентия: "Не поучения говорить вам мы прибыли сюда, нет, мы явились учиться

у вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповеди Христа Спасителя: оставь отца, мать твою и дом твой, возьми крест и гряди по мне"¹⁰.

На той же войне вдохновляюще подействовало на солдат и офицеров благословение священника и любимых военачальников. Один из участников обороны Севастополя капитан 1-го ранга Рейсмерс писал: "Никогда не забуду тот момент, когда в первый день бомбардирования Корнилов, Нахимов, Тотлебен и почтенный священник с крестом, благословляя всех, обходили бастионы. С каким чувством каждый из нас подходил к кресту и как одушевляли нас своим спокойным духом все эти достойные люди". "С благословением Божиим и сражаться и умирать легко", — говорили солдаты.

Священники напутствовали раненых, приобщали в лазаретах больных, хоронили умерших, присутствовали на перевязочном пункте и в боевой линии. Поддерживая дух войска, батюшки говорили о том, что кого Господь любит, того и наказует, но не дает испытания сверх сил, а с испытанием дает избавление.

14 мая 1905 г., в разгар русско-японской войны, в царский день собрались свободные от службы воины 6-го эскадрона. В 10 час. утра отслужили обедню и побеседовали на слова Спасителя: "Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы". О. Митрофан попросил воинов вспомнить, что все люди трудятся и все люди имеют скорби, что все желают в трудах быть успешными, а в скорбях утешенными, но не всегда этого достигают. Часто люди, говорил священник, в трудах своих надеются только на свои силы и умение или полагаются на помощь других, таких же ограниченных и несовершенных людей, а потому и впадают в ошибки: "Нет, и в трудах, и в скорбях нужно обращаться нам за помощью, приходить к Господу"¹¹.

После проповедей подходили целовать крест. Священник раздавал солдатам и народу книжки и листки, а офицерам — ладанки с 90-м псалмом (любимым псалмом Суворова).

Как-то к о. Митрофану обратился солдат и попросил дать ему в землянку иконку, потому "без образа как-то на душе непокойно". Бумажных образков у священника не оказалось, а шейные образки были только в запасе. Решение нашлось самым неожиданным образом. В 12 час. дня писарь принес почту. В трех номерах "Русского инвалида" и в "Каталоге церковных вещей" господ Витальева и Слонова было напечатано множество икон и крестов. О. Митрофан вырезал их оттуда, получилось 157 крестов и икон. Батюшка освятил их и потом, ходя по своему "приходу", в каждую землянку разнес эти образки солдатам. Хватило всему полку — и радость была общей¹².

В другой раз на двор прискакал артиллерист-солдат, испросил благословения и быстро сказал: "Батюшка! Будьте милостивы, дайте мне крестик на шею: в прошлом бою потерял, теперь опять едем на позицию; убьют — не хочется умирать без креста". Священник сейчас же достал и дал пять крестиков для солдата и его товарищей.

Особенностью богослужения на войне было то, что батюшка на великом входе всегда поминал “всех воинов, на поле брани за веру, царя и Отечество живот свой положивших”.

Самой горестной обязанностью становились похороны и отпевание погибших: после боя солдаты везли к священникам мертвых, чтобы они были отпеты.

После одной из стычек с японцами в далекой Маньчжурии, на дворе китайской фанзы собрались воины молитвенно помянуть погибшего товарища. Солдаты вывели двор, набросали ветвей и травы. Собрались 3-й и 4-й эскадроны при полной боевой амуниции. Унтер-офицер встал впереди с иконой, священник отслужил панихиду. Перед началом погребения он сказал несколько слов: “При погребении дорогих сердцу нашему усопших обычно скорбят, плачут, но среди нас пусть не будет скорби и слез: вера в Бога и загробную жизнь должна наполнять наши души! Не простых мертвых хороним — нет, мы погребаем героев. Все знали, все видели их подвиги, их геройскую смерть при исполнении долга. Воздавая должную честь почившим боевым товарищам молитвой о упокоении их душ, воодушевившись сами их примером, чтобы и нам удостоиться так же самоотверженно исполнить долг наш перед Богом, Царем и Родиной! Царство Небесное и вечный покой даст им Господь на небе”¹³.

Труднее всего было хоронить зимой, особенно в короткие промежутки между боями. 29 декабря 1904 г. рядом с фанзой командира полка солдаты рыли могилу, одну на троих. Земля промерзла, не поддавалась лопате. Погибших положили лицом к востоку. Вокруг стояли солдаты, офицеры, командир полка, часто становились на колени и плакали. Едва кончили погребение, положили усопших в могилу, по отряду уже неслось: “К коням! Садись!” Наскоро зарыли могилу, поставили на нее маленький крестик, перекрестились и рысью поехали к своим полкам¹⁴.

Иногда, если условия позволяли, удавалось не только воздать почести погибшим, но и обустроить их могилы. Как-то около китайской деревушки, неподалеку от дороги обрыли канавой небольшой четырехугольник земли, высадили по периметру ели, смастерили решетку с дверкой. Внутри выкопали две могилы и установили на них дубовые кресты. Отслужили панихиду. “Отслужились честно царю земному”, — со вздохом говорили солдаты. “А теперь, — продолжал священник, — они, как мученики, первыми стоят у престола Царя Небесного и служат Ему с небесными силами”¹⁵.

Трудно переоценить роль армейского батюшки в жизни набожного русского солдата. К прибывшему в часть священнику подходили солдаты и офицеры и с неподдельной радостью говорили: “Как хорошо, что вы приехали, истосковались мы, теперь отдохнули. Ведь и мы христиане: помолиться-то вот как хочется!”

После заключения Портсмутского мирного договора полк, в котором служил о. Митрофан Серебрянский, ожидал отправки в Россию. Священник приболел, и солдаты стали опасаться, что он уедет домой. Они прямо заявляли: “Пожалуй-

ста, батюшка, не уезжайте. Если бы не церковь, да не беседы, то хоть умирай". О. Митрофан отвечал им: "Верую, что Господь даст мне счастье донести с вами до конца наш общий крест войны и разлуки с Родиной"¹⁶.

С 40-х годов XVIII в. армии стали выделять земельные участки на окраинах городов для размещения частей. Рядом с казармами строили церкви — поначалу деревянные. Первый из таких армейских храмов — в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы — был возведен в 1748 г. для гвардейского Семеновского полка.

Гарнизонные и полковые церкви были средоточием духовной жизни объединенных единой военной судьбой людей. К ним, особенно в отдаленных гарнизонах, стекалось все православное население. Здесь отмечали религиозные праздники, служили молебны, поминали погибших, молились за спасение живых, хранили военные реликвии. Вплоть до Октябрьской революции в храмах военных училищ существовал обычай: имена убитых на войне высекались на мраморных досках.

Нужда в армейских церквях и богослужениях особенно ощущалась в инославном окружении. Полковой священник Дмитрий Никитин в 1863 г. находился в составе Первой гренадерской дивизии в Финляндии. При полковом штабе он служил для военных чинов вечерню, утрению, отправлял требы. Кроме состоявших при полковом штабе лиц, на богослужения приходили, особенно при благоприятной погоде, многие из квартировавших за 10—15 верст от полкового штаба.

После того как в местечке Тюсбу была выстроена походная церковь, стали совершать полное богослужение, включая литургию. Число молящихся было так велико, что далеко не все могли поместиться в отведенной для богослужения зале. Некоторые офицеры из отдаленных от полкового штаба рот передавали священнику, что их солдаты крайне тяготеют невозможностью помолиться в храме Господу Богу за недостатком в Финляндии не только православных, но и инославных храмов, и были бы весьма довольны, если бы о. Дмитрий приехал к ним для богослужения и религиозно-нравственных бесед¹⁷.

Каждый армейский полк или гарнизон имел также свою походную церковь. Как правило, это была обычная палатка со складным иконостасом, престолом, антиминсом и иконой-покровительницей. Времени на установку походной церкви уходило около часа; разбирали ее вдвое быстрее.

В военных условиях, разумеется, приходилось приспосабливаться к обстоятельствам. По пути следования на русско-японскую войну уже упоминавшегося войскового эшелона "походной храминой" поначалу было обычное купе, украшенное иконами. Когда появилась возможность, устроили церковь в зале 3-го класса на станции Судженка: о. Митрофан Серебрянский принес Евангелие, икону своего покровителя св. Митрофания, установил крест; сторож поставил двухкопеечную свечку — и церковь была готова! Собрались генерал, офицеры, почти весь эшелон и служащие.

Вспоминал о. Митрофан, как уже на фронте, в Китае, изыскивалась любая возможность для отправления службы. В марте 1905 г. с помощью китайского полковника отыскивали целую отдельную фанзу, новую, “в которой даже не успели выстроить кана — человек четырехста поместиться может... Сейчас же началась чистка фанзы. Добрые солдаты работали наперерыв: таскали песок, подметали, наносили кирпичу и для алтаря выложили возвышение, даже вывели полукруглый амвон, затем принесли массу циновок и устлали ими всю фанзу”¹⁸.

О. Митрофан с помощником Михаилом начали устраивать церковь: повесили иконы, промежутки между иконами и потолком задрапировали синей китайской материей, над царскими воротами прибили деревянный крест, за жертвенником также поставили крест и оба эти креста оклеили золотой бумагой. Перед иконами Спасителя и Богоматери поставили два деревянных подсвечника работы полкового унтер-офицера Решетникова.

Для молитв в походных церквях собиралась масса военных всех родов оружия. Обычно не только церковь была полна, но и перед ней стояли богомольцы; “войдешь в церковку эту и забудешь, что это Китай, Мукден, война... Как будто на мгновение перенесся в родную Россию”.

На пасхальной службе в 1905 г. солдаты были все в полной боевой амуниции, на всякий случай — война! О. Митрофан раздал генералу, офицерам и многим солдатам свечи, в руки взял сделанный из доски трехсвечник, и старая церковь засветилась множеством огней. Затем вынули окна, и пение пасхальных песней понеслось из уст собравшихся. Каждение о. Митрофан совершал не только в церкви, но и обходил воинов на дворе, возглашая: “Христос воскрес”. Все пели: “Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу”.

Религиозность русского воина естественным образом вытекала из убеждения в истинности христианского учения. В 988 г. в греческом городе Корсуне (Херсоне) в церкви Св. Василия крестилась, по преданию, почти вся дружина князя Владимира. Древнерусское войско стало по преимуществу христианским до того, как состоялось крещение киевлян в Днепре. С тех пор стали складываться священные воинские традиции.

Русская армия была *христолюбивой*. В специальные праздничные и торжественные дни, а в период войны в каждый воскресный и праздничный день, в конце молебного пения о даровании победы Российскому воинству (и воинству союзников) возглашалось многолетие — “христолюбивому всероссийскому победоносному воинству многие лета”. В сознании солдат слова *христолюбивый* и *победоносный* неизменно соседствовали.

Христолюбие предполагало синтез тех качеств, которые обозначались словами *во Христа верующий* и *со Христом пребывающий* (а тому, кто искренне верует во Христа, “всё возможно верующему” — Мк. 9, 23). Благодать Божия вдохновляла православного воина на подвиг не только духовный, но и телесный.

Глубокой набожностью снискивалась помощь Божия, без которой никакое дело, по народному убеждению, не могло иметь успеха. Солдаты говорили: “Кто боится Бога, тот неприятеля не боится”. Человек православный, всецело преданный Промыслу Божию, терпеливо переносил все лишения и испытания и со спокойной смелостью шел навстречу любой опасности.

В тяжелые времена религиозность в армии заметно возрастала. С большим нетерпением ожидали на фронте совместных богослужений. Солдаты, офицеры, генералы вместе молились, причащались перед сражением. Общая молитва превращала воинский коллектив в монолитный организм; каждый являлся его частицей и поступал по воле Божией. За годы службы солдат выучивал на слух множество молитв. Кроме того, они печатались на страницах военных журналов.

Описание молитвы на русско-японском фронте оставил о. Митрофан Сербрянский: “В котловане между гор расположилась тысяча восьмьсот людей: масса лошадей, масса костров, разговоры, песни. Вдруг все смолкло. Труба заиграла зорю, и понеслась по нашему огромному лагерю молитва Господня: в одном конце “Отче наш”, в другом раздается “... да будет воля Твоя”, в третьем — “... победы на сопротивных даруя”; в каждом эскадроне отдельно! Впечатление грандиозное!”¹⁹.

На биваках часто устраивались спевки церковного хора. В перерывах между боями на войне всегда стоял вопрос — как занять свободное время, отвлечься от невеселых раздумий — и множество слушателей получали на этих спевках и утешение, и развлечение. Пели “Херувимскую”, “Тебе поем”, “Отче наш” и др.

Главными отличительными чертами русского солдата всегда признавались храбрость и способность безропотно переносить труды и лишения военной жизни. Православное просвещение считалось в нашей армии лучшим залогом хорошей дисциплины. В катехизисе для воинов святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, утверждалось: “Будь доволен своим положением, то есть содержанием, какое тебе определено — должностью, какая на тебя возложена, чином, в какой ты поставлен от самого Государя или чрез военачальника”.

Считалось, что в войне успеха добивается тот, кто не боится умирать. А умирать не боится тот, кто исповедует веру в Исккупителя и усваивает христианское отношение к брэнной жизни. В православной России вера отцов говорила о бессмертии души, о ее бесконечной жизни у Бога. Она, конечно, предупреждала о Страшном суде Господнем, даже о новых муках, которые нас ожидают; но всей своей полнотой возвещала не смерть, но воскресение из мертвых. Символ веры, как известно, заканчивается словами: “Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь”.

В народе верили, что выше солнца и звезд есть другое небо, на котором обитает Бог вместе со святыми Ангелами и душами умерших праведников. И неко-

торым праведникам оно всей своей красотой открывается перед кончиной. Так про А.В. Суворова рассказывали, что накануне каждого сражения он созывал солдат и заставлял каждого становиться на его правую ногу, и над теми воинами, которые должны были пасть в предстоящем сражении, разверзалось небо, и Ангел Божий спускался к обреченному на смерть и держал венец над его головой²⁰.

Русский православный воин не боялся смерти и был в известной мере фаталистом, поскольку веровал в Промысел Божий и предопределенность своей судьбы. Смерть не страшила — скорее успокаивала.

25 декабря 1905 г. о. Митрофан Серебрянский перед началом сражения въехал в строй 4-го эскадрона, стал в ряды с солдатами: “Не робей, братцы! Я с вами, буду молиться за вас; кого ранит или кто заболает — приобшу. Вот видите, Святые Дары на мне! Кто умрет героем в честном бою, отпую погребение: не зароем как-нибудь”. “Умирать один раз в жизни, — ответил солдат Архипов из запасных. — От могилы не уйдешь все равно, а умирать в бою — это действительно хорошо. Что ж? Дай, Господи”. “Да ты, верно, семейный?” — спросил священник. — Разве тебе не жаль родных?” — “Что ж, батюшка, жалеть? Бог им даст силу, перетерпят; к тому же на каждого едока государь теперь дает 1 рубль 50 копеек в месяц: прожить можно, зато душе спасение”²¹.

В основании православной веры лежало самоотречение. Усвоение христианских заповедей — возлюбить ближнего твоего, как самого себя, и положить душу свою за други своя — было способно поднять воина на недостижимую степень нравственной высоты. Подсознательная готовность к принесению жертвы была неотъемлемой частью подвига солдата. При этом подобное состояние души обычно проявлялось в скромной, незаметной форме, которая вполне соответствовала христианскому смирению русского народа.

Довольно часто солдаты защищали и спасали своих офицеров. Судя по многочисленным воспоминаниям²², солдаты верили начальству: оно, мол, знает, что делать. На русско-японской войне солдаты боготворили главнокомандующего А.Н. Куропаткина, хотя “многие его ни разу не видали”. Алексей Николаевич Куропаткин, начальник штаба М.Д. Скобелева в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с 1898 г. военный министр, изложил свое видение военной доктрины в трехтомном труде “Задачи Русской армии”. В нем он уделил много внимания духовной силе русского войска: “Кто близко видел обнаженные головы тысяч людей перед движением на штурм, видел серьезные лица, губы, шепчущие молитвы, видел затем то спокойствие, которое овладевало массой после молитвы, отдавшей их на волю Божию, тот никогда не забудет этого зрелища и поймет, какую страшную силу мы имеем в религиозности наших войск”.

Вера в Бога поддерживала солдат в годину поражений — ведь “неудачи к смирению располагают, а смиренным дает Господь благодать”. Русско-японская война была непопулярна, ее лозунги и перспективы были чужды сознанию наро-

да, воспитанного в вере, а не в духе агрессивной политики. Но несмотря на ее неудачный ход, "ни у кого в армии не было мысли бросить войну и помириться"; напротив, все переносили, прибавляя про себя: "Авось, перетерпим, авось, Господь поможет, и мы победим". Солдаты стыдились ехать домой побежденными...

Грустным был молебен по случаю заключения мира с Японией. Не привыкла русская армия так встречать окончание войны. У многих в глазах были слезы. Молча выслушали манифест и молча разошлись — словно после похорон.

Религиозное чувство ободряло попавших в плен в годы Первой мировой войны. Атаман Всевеликого войска Донского, впоследствии деятель Белого движения П.Н. Краснов записал воспоминания сестры милосердия, которая в первый год войны работала на фронте, а затем в 1915 г. была назначена посетить военнопленных в Австро-Венгрии. "После всего пережитого мною на фронте, в передовых госпиталях, после того, как повидала я все эти прекрасные смерти наших солдат, — рассказывала сестра, — было у меня преклонение перед русским воином. И я боялась увидеть пленных... И увидела ... И мне не стало стыдно за них".

В Венгрии, в одном поместье, где работали 400 человек русских пленных, к сестре подошли несколько человек и один из них сказал: "Сестрица, мы построили часовню. Мы хотели бы, чтобы ты посмотрела ее. Но не суди ее очень строго. Она очень маленькая. Мы хотели, чтобы она была совсем русской, и мы строили ее из русского леса, выросшего в России. Мы собрали доски от тех ящиков, в которых нам посылали посылки из России, и из них построили себе часовню. Мы отдавали последнее, что имели, чтобы построить ее себе"²³.

Православные воззрения определяли и понимание воинского долга. Солдаты и офицеры шли на войну и совершали подвиги, памятуя о христианском служении. Русское войско состояло из граждан, защищавших Отечество.

Всякий воин был убежден, что идя умирать за своих ближних, он исполняет закон Христа. Подвижничество русского солдата было основано на вере в высшую правду, за которую он бескорыстно отдавал свою жизнь, не требуя ни наград, ни похвал.

Вспомним приведенное Ф.М. Достоевским в "Дневнике писателя" за 1877 г. известие о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фомы Данилова. Фома Данилов, происходивший из крестьян села Кирсановка Бугурусланского уезда Самарской губ., был захвачен в плен кипчаками и умерщвлен ими после многочисленных истязаний «за то, что не захотел перейти к ним в службу и в магометанство». Сам хан обещал ему помилование, если он согласится отречься от Христа. Данилов отвечал, что изменить он кресту не может и, как царский подданный, "должен исполнить к царю и к христианству свою обязанность". 21 ноября 1875 года пленного замучили до смерти, у него остались жена Евфросинья 27 лет и дочь Улита 6 лет (вскоре по

почину самарского губернатора для них собрали 1320 рублей; дочь Данилова приняли в учебное заведение).

Достоевского более всего поразило то, что в обществе (а известие о кончине Данилова было напечатано в "Русском инвалиде" и во всех других газетах) не обнаружилось "никакого удивления": "Я не про народ говорю: там удивления и не надо, в нем удивления и не будет; поступок Фомы ему не может казаться необыкновенным, уже по одной великой вере народа в себя и в душу свою. Он отзовется на этот подвиг лишь великим чувством и великим умилением. Но случись подобный факт в Европе, то есть подобный факт проявления великого духа, у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нем на весь мир. Нет, помилуйте, господа, знаете ли, как мне представляется этот темный безвестный Туркестанского батальона солдат? Да ведь это, так сказать, — эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства"²⁴.

Неприметный русский солдат принял жесточайшие муки и умер, удивив истязателей. Пострадал он в одиночестве. Надежда на то, что подвиг его узнают и оценят, не могла стать для него утешением. Не было здесь и вполне, казалось бы, допустимой сделки с совестью: "Приму-де ислам для виду, соблазна не сделаю, никто ведь не увидит, потом отмолюсь, жизнь велика, в церковь пожертвую, добрых дел наделаю". "Честность изумительная, первоначальная, стихийная... — продолжал Достоевский. — Тут именно — как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского... Ну нам ли учить народ вере в себя самого и в свои силы? У народа есть Фомы Даниловы и их тысячи, а мы совсем и не верим в русские силы, да и неверие это считаем за высшее просвещение и чуть не за доблесть".

Войны отечественной истории оставили нам множество свидетельств замечательно незлобивого отношения русского солдата к его врагу — даже нехристианину. Бесповоротная решимость погибнуть в бою совершенно естественным образом сменялась готовностью пощадить поверженного противника или пленного. Считалось, что достойным защитником своего Отечества, да и всякого слабого и незащищенного, мог быть только воин, не посеявший в своей душе мести.

В Катехизисе для воинов святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, первым правилом для воина значилось: "Никого не обижай, или не поступай ни с кем нагло и насильственно". Решимостью, но вместе с тем и милосердием были проникнуты военные приказы и наставления А.В. Суворова: "Валя на месте! — гони, коли! — остальным давай пощаду! Не рваться вперед, не бросаться по-татарски! — Грех напрасно убивать! Они такие же люди! Умирай за Дом Богородицы! — За Матушку! За Светлейший дом! — Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!.. Обывателя не обижай! — Он нас поит и кормит. — Солдат не разбойник!"²⁵

Раздача государем императором наград в военном госпитале. 1877 г.

Приведем еще один приказ, поражающий своим благородным и выдержанным слогом. Преследуя французов после блестящей Кульмской операции в 1813 г., полководец граф П.Х. Виттенштейн обратился к войскам: “Воины! Уже орлы наши парят далеко в пределах Франции, и уstraшенный враг ищет убежища в самой внутренности собственных своих владений. Поражая восстающих на вас в поле, будьте друзьями и защитниками мирных жителей городов и сел. Отмщайте обиды лишь одним врагам вашим. Солдаты! Я укажу вам путь к славе, но путь к бессмертию снищите благословением народов, нами побежденных”²⁶.

Показательно, что поощрения и наград удостоивались те военачальники, которые гуманно обращались с населением вражеской страны. Один из храбрейших русских генералов Яков Петрович Кульнев совершил в 1809 г. переход Ботнического залива и вступил на берега Швеции. Наградой стали орден Святой Анны I степени, но главное — обращенные к нему слова императора Александра I: “Благодарю тебя, Кульнев, благодарю не только за службу, но и за поведение твое с жителями. Я знаю все, что ты для них сделал”.

Полковые священники в проповедях и беседах убеждали воинов в необходимости, храбро сражаясь с вооруженным противником, по-христиански относиться к неприятелю безоружному, больному и раненому, а также к мирным жителям. Если воин помнил свое человечество и присягу, обязанность никого не обижать не была для него трудноисполнимой.

В ходе русско-японской войны, судя по "Дневнику..." о. Митрофана Серебрянского, довольно дружелюбно, насколько это было возможно в тяжелых военных условиях, складывались отношения русских войск с местными жителями. Хозяевам-китайцам, как правило, платили за ночлег. Однажды штабу полка отвели в г. Колыме целое поместье богатого китайца. Всем удалось разместиться в фанзах. Командир полка купил у хозяина чумизу, гаоляновое зерно и за все щедро заплатил. После этого китайцы "сразу стали любезнее".

В начале января 1905 г. в Мукдене работала смешанная русско-китайская комиссия, которая на месте исследовала потоптанные поля, разрушенные фанзы, оценивала ущерб и под расписки китайских властей выдавала деньги. Благодаря работе этой комиссии в г. Колыме многие фанзы отстраивались заново.

О. Митрофан отмечал любопытство китайцев, порой досадное для уставших солдат, но воспринимаемое последними с пониманием и юмором. Взаимный интерес проявляли русские и китайцы к образу жизни друг друга. Перед одним из богослужений, "еще когда мы ставили церковь, целой толпой подошли китайцы, осмотрели каждую икону и затем, отойдя в сторону, всю литургию простояли не двигаясь с места, слушая и наблюдая происходящее... Среди китайцев стоял наш штабной переводчик, прекрасно говорящий по-русски; он, вероятно, и давал некоторые пояснения своим соотечественникам"²⁷.

Органичное восприятие основ христианского мировоззрения дополнялось сформировавшимся в новое время правосознанием, признавшим принцип: не делать врагу больше зла, чем сколько того требуют цели войны. Вполне очевидно, что этот принцип был ценен прежде всего той нравственной тенденцией, которая была за ним скрыта, нежели своим формальным смыслом.

¹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1449. Л. 35.

² Там же. Д. 1585. Л. 13.

³ Там же. Д. 1554. Л. 4.

⁴ Успенский Т. Очерки юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 16.

⁵ О. Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 215.

⁶ Там же. С. 229–230.

⁷ Боголюбов Ф. Взгляд генералиссимуса Александра Васильевича Суворова на религию в деле воспитания солдата // Христолюбивое воинство. Православная традиция русской армии. М., 1997. С. 166.

⁸ Ласкеев Ф. Ратный труд военных пастырей (Общие итоги деятельности за 1800–1900 гг.) // Христолюбивое воинство. С. 273, 274.

⁹ О. Митрофан Серебрянский. Дневник... С. 215.

¹⁰ Христолюбивое воинство. С. 152.

¹¹ О. Митрофан Серебрянский. Дневник... С. 314–315.

¹² Там же. С. 182.

¹³ Там же. С. 241.

- ¹⁴ Там же. С. 224–225.
- ¹⁵ Там же. С. 184–185.
- ¹⁶ Там же. С. 345.
- ¹⁷ *Никитин Д.* Заметки полкового священника о русском солдате // *Христолюбивое воинство*. С. 177.
- ¹⁸ *О. Митрофан Серебрянский. Дневник...* С. 285.
- ¹⁹ Там же. С. 39.
- ²⁰ *Бурцев А.Г.* Полное собрание этнографических трудов. СПб., 1910. Т. VI. С. 263.
- ²¹ *О. Митрофан Серебрянский. Дневник...* С. 216.
- ²² См., например: *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 1994; Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1; *Христолюбивое воинство*; *Воейков В.Н.* С Царем и без Царя. М., 1994.
- ²³ *Краснов П.Н.* Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. М., 1992. С. 38.
- ²⁴ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах, Л., 1983. Т. 25. С. 14.
- ²⁵ Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 12. С. 166.
- ²⁶ *Буганов А.В.* Петр Христианович Виттенштейн // Преподавание истории в школе. 1992. № 5/6. С. 20.
- ²⁷ *О. Митрофан Серебрянский. Дневник...* С. 162.

С.В. Кузнецов

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В РОССИИ В XIX в.

Был ли русский человек христианином, православным по своему мироощущению, общественным идеалам, культурному и социальному творчеству? Какова действительная роль православия в формировании нравственно-психологического, семейного и общественного уклада в России в XIX—XX вв.? Это — далеко не праздные для исследователя вопросы, пройти мимо которых невозможно при сколько-нибудь полной характеристике социального, правового и культурного облика русских.

В последние годы тезис об исключительной роли православия в отечественной истории и культуре поддерживается многими учеными¹. Появились исследования, посвященные конкретным проявлениям религиозности русского сельского и городского населения, истории православной приходской общины как различных географических территорий России, так и разных исторических эпох². Однако большинство современных исследований, посвященных территориально-административной единице Русской Православной Церкви — приходу, касаются в основном вопросов, связанных с деятельностью общины по сооружению церквей, функционированием механизмов общинного самоуправления, материальным обеспечением клира и взаимоотношениями между причтом и приходской общиной. Проблема религиозности³ русских, духовной жизни (как сельских, так и городских) православных приходов остается наименее изученной.

В проблеме исследования религиозности русского народа можно выделить по крайней мере два аспекта: во-первых — проявления религиозности, связанные с вероисповедной практикой в храме и вне его (посещение храма и особенности поведения в нем, крестные ходы, моления на источнике, у святого колодца, паломничества к святыням и др.); во-вторых — “центрированность” русской культуры на фундаментальных православных понятиях и ценностях⁴ православия, воплощенность норм христианской морали в повсе-

дневной (личной, семейной и общественной) жизни русского человека, а также в его массовом сознании.

В рамках православного прихода протекала главная и большая часть духовной жизни русских. Что представлял собой приход в XIX—XX вв., каковы были его функции и как они реализовывались в жизни русского православного населения? Изучение роли и значения прихода, его функций позволит более детально определить место православия в повседневной жизни, культуре и социальных институтах русского общества этого времени.

В результате анализа деятельности православных приходов XIX — начала XX в. автором были выделены следующие основные их функции: 1) религиозная (сакральная), в том числе и религиозно-государственная; 2) религиозно-нравственная; 3) воспитательная, школьно-образовательная; 4) религиозно-праздничная; 5) хозяйственная; 6) культурной адаптации.

Приход в XIX в. — это церковный округ, имеющий свой храм с причтом. В отличие от современного — это строго ограниченное сакральное пространство со своей православной топографией и топонимией⁵. Как территориально-административная единица Православной Церкви в России приход мог быть образован при наличии средств, достаточных для содержания причта, состав которого зависел от количества прихожан и не раз менялся в продолжение XIX в. Численность прихожан в начале XIX в. определялась штатами приходского духовенства, утвержденными в 1788 г.⁶

Особого закона (как в церковном, так и в светском законодательстве), на основании которого бы определялась принадлежность конкретного лица к тому или иному приходу, в XIX в. не имелось. По устоявшейся практике прихожанином каждой приходской церкви считалось лицо мужского или женского пола, имеющее свой дом в приходе и состоящее в данной крестьянской общине (или проживающее в наемной квартире). Отсутствие строгой регламентации в организации приходов, более определенного принципа территориального распределения жителей в отношении к конкретному храму вызывало множество “нестроений” в жизни городских приходов.

В начале XIX в. Козельское Духовное правление доносило Калужскому преосвященному о том, что в г. Козельске “за неразделением приходов по кварталам следуют многие и для всего духовенства предосудительные беспорядки... и многие из прихожан решительно не знают приходских священников, а последние своих прихожан.. и иные дома ни в каком приходе не состоят, а другие почитаются многих церковей приходскими и одного дома семейство на разные приходы, и многих церковей священнослужители в оный ходят для исправления треб”⁷.

Указанные недостатки в организации жизни городских приходов сохранились до начала XX в. С болью и горечью приходилось говорить и писать об этом митрополиту Серафиму (Чичагову).

Сельские приходы объективно, в силу более строгого и стройного церковно-территориального устройства были лишены указанных недостатков городских приходов.

Отчисление прихожан к другому приходу зависело от местного епархиального начальства⁸ и было, как правило, связано с реформой приходов, изменением его численности. Недовольство прихожан своим приходским священником было недостаточным основанием для изменения границ прихода. Создание новых приходов, связанное с изменением территориально-административных границ (волости, уезда, губернии), не допускалось, и епархиальное начальство оставляло подобные прошения “без последствий”⁹.

Довольно редкие случаи отчисления прихожан к другому приходу могли быть вызваны двумя причинами: отдаленностью поселения от приходской церкви и волей помещика. В начале 1860-х годов, например, Рязанская Духовная консистория удовлетворила просьбу крестьян д. Домнино о переводе их из прихода Воскресенской церкви с. Тума в приход церкви с. Черкасово. Прежняя приходская церковь в с. Тума находилась от д. Домнино в 10 верстах, как отмечали крестьяне в составленном ими мирском приговоре, “пути неудачного особенно от речек и разлива в половодье, от чего иногда бывают прискорбные случаи. В то время как церковь с. Черкасово находится от д. Домнино в 1,5 верстах”¹⁰. Под прискорбными случаями просители имели в виду кончину без напутствия, покаяния и отпущения грехов.

В прошениях о приписке к другому приходу исследователь имеет дело со сложным духовным и общественно-психологическим феноменом — социальной памятью, которая связана с персональным осознанием себя и ближнего своего как творения и подобия Божиего и коллективной нравственной оценкой прожитой их предками и ими самими жизни, в том числе в привычных, издавна сложившихся организационных формах — приходской общине. Ядром и фундаментом социальной памяти было осознание (“памятование”) русским народом себя как народа православного. Религиозное сознание каждого православного человека формировалось на почве церковной традиции, в основе которой лежала духовная преемственность. Религиозная доминанта памяти универсальна по своей сути: она и устная, в форме церковного предания, и обрядово-традиционная, с одной стороны, и письменная, знаково-символическая — с другой. И если для безрелигиозной памяти цивилизации “Модерна” (принятое в западной социологии и разделяемое некоторыми отечественными учеными понятие типа цивилизации) характерна утрата традиций (а значит, и памяти), то для православного религиозного сознания (традиционного общества, каковой была Россия в XIX — начале XX в.) сохранение православных традиций жизненно необходимо.

Иллюстрацией к сказанному могут послужить этнографические материалы краеведов Подмосковья, из которых видно, как социальная память кре-

стыяства. чтобы не остаться мимолетным воспоминанием, сакрализуется и выражается в канонически установленных, привычных для русского человека XIX в. формах богослужения, поддерживая таким образом коллективную мораль и христианскую нравственность.

В 1838 г. гр. Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (в конце жизни приняла монашество) отпустила на волю в Хатунской вол. Серпуховского уезда 5518 душ крестьян с семьями. В день ее именин — 25 июля (ст. ст.) церковь отмечает память Успения праведной Анны — матери Пресвятой Богородицы; в селениях волости с вечера сельский староста ходил по домам и объявлял: “Завтра графини день, до обеда не работать. С дома по человеку приходите в церковь к обедне”, а по свидетельству краеведа В.Н. Каленова, старожилы с. Хатуни помнят, как в тридцатые годы XX в. (вплоть до закрытия церквей) прихожане всех церквей волости в поминальных записках на первом месте писали имя графини Анны¹¹.

Намоленные храмы, иконы, общерусские святые, местночтимые святые и непрославленные угодники и подвижники благочестия, практика поминаний, вкладов в церковь, общая память о строительстве церкви — все это актуализировало прошлое, делало его созвучным настоящему и востребованным текущей жизнью.

Поэтому важным, с точки зрения крестьян, аргументом в пользу причисления их к другому приходу служил и тот факт, что их предки исторически когда-то пребывали в составе определенного прихода (с. Черкасово¹²), и этот факт крепко отпечатался в их коллективной памяти.

В годы Советской власти народ был насильственно лишен исторической памяти посредством разрыва в его сознании единства историко-социального и духовного бытия и отсечения народа от веры и Церкви. В результате изменились его самосознание и нравственность — изменились его этнические характеристики.

Важнейшая функция прихода как территориально организованного сообщества верующих — религиозная. Приход укреплял и стимулировал такие черты в характере прихожанина, как любовь к храму, жертвенность, милосердие. Религиозные установки коллективного, а через него и индивидуального сознания реализовывались в первую очередь в храме. Храм был основным местом, где фиксировались и освящались основные этапы жизненного цикла: крещение, венчание, отпевание и поминавание¹³. Регулярное посещение храма отвечало представлению крестьян о праведной, благочестивой жизни. “В церковь крестьяне ходят преимущественно в праздничные дни и воскресные дни, — писал один из корреспондентов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, — в будни же — старики и старики, преимущественно последние. В праздник — храм полный и даже стоят на паперти”¹⁴. Любовь и заботы прихожан о храме, безусловно, были

продиктованы не только опасением потери привычных ориентиров: "без церквей остановится нормальный ход повседневной жизни", но и истинной религиозностью¹⁵. Не случайно в сознании русского человека XIX в. храмы "ассоциируются не просто с родовой общиной, но как с сакрализованным общим домом"¹⁶.

Исследователи, изучавшие духовную культуру русских, отмечали неразвитость массового религиозного сознания, ограничивая рамки религиозного чувства православных потребностями требоисправления (самый распространенный тезис: православный по существу своего религиозного поведения — требоисправитель). Обычные упреки, адресованные православным, сводятся к непониманию ими основ христианского вероучения, плохому знанию молитв или их искаженному прочтению. Факты, на которых основываются приведенные взгляды, частично подтверждаются архивными материалами. Однако противоположные свидетельства (как опубликованные, так и архивные), говорящие о массовости православного религиозного сознания русского народа, осмысленности его религиозного поведения и глубокого понимания существа церковного богослужения, некоторые исследователи, разделяющие данную точку зрения, почему-то упорно не желают замечать. Часть таких свидетельств носит косвенный характер, что, однако, не снижает их ценности и достоверности как исторического источника, а в силу массовости и неакцентированности их на осмысленность религиозного поведения придает им еще большую достоверность.

Возьмем, скажем, частный вопрос богослужебной практики, обсуждавшийся в свое время на страницах церковной периодики, — об освящении сдвинутого с места мирянами престола и продолжении на нем службы, — по поводу чего из-за частых пожаров возникала обычная в таких случаях деловая переписка между консисториями и Святейшим Синодом. Так, в 1843 г. в г. Коломне произошел пожар, от которого сгорели дома диакона и пономаря и ввиду опасности, что огонь перекинется на церковь, из нее начали выносить церковную утварь и иконы. В момент, когда священник вышел из холодной в теплую церковь, "народ (прихожане. — С.К.) вынул св. престол с места, во всем его облачении, без повреждения и поставил на другое место"¹⁸. Обратим внимание на то что, вынося из церкви престол — главную святыню храма, прихожане приложили максимум усилий, чтобы не осквернить ее: осталось в целости "обязание срачицы"*, т.е. "верхней одежды" престола, не была нарушена целостность ковчега со святыми мощами, встроенного в престол, что и подтвердил владыка митрополит Филарет (Дроздов) в своей резолюции на мнения по сему делу консистории: "приемля в рассуждение, что

* *Обязание* — завязь, перевязь; *срачица* — сорочка, покрывало, которое надевается на престол.

Икона Казанской Божией Матери. XVIII в. Из семьи Местергази.
Точная копия иконы письма Симона Ушакова 1695 г.
Хранится в семье Набоковых-Алексеевых

Марина Иосифовна Стародубцева,
прямой потомок князя А.Д. Меншикова,
в своем доме. 2000 г.
Фото О.В. Кириченко

Лист с изображением архангелов
Михаила, Салафила и Рафаила. 1915 г.
Надпись:

«Да сопутствует архангел Михаил
нашим доблестным воинам.
Да укрепит архангел Салафиил своими
молитвами служителей милосердия.
Да исцелит архангел Рафаил страждущее
человечество».

На обороте напечатано:
«От великой княгини Елисаветы
Феодоровны». ГИМ

Складень трехстворчатый. Надпись: «Сооружен по велению Ефрема Тимофеева сына Набокова в 1678 году». Работа царских мастеров

Деталь иконы
«Успение Богородицы». XV в.
из Благовещенского собора
Московского Кремля

Красный угол в современном
сельском доме. Село Михайловка
Воронежской обл. 2001 г.
Фото О.В. Кириченко

Горница. Село Мордова Тамбовской обл.
2001 г.
Фото О.В. Кириченко

В пост за обеденным столом в сельском доме.
Село Ячейка Воронежской обл. 2001 г.
Фото О.В. Кириченко

Освящение куличей, пасох, яиц в Страстную субботу
Великого поста в храме Троицы Живоначальной в Конькове.
Москва. 1966 г. Фото Т.А. Ворониной

«Монашенка в миру» —
Анастасия Короткова и иеромонах
Иоаким (Заякин). Село Паново
Рыбновского района Рязанской обл.
1995 г. Фото Т.А. Ворониной

Освящение воды в Крещенский сочельник.
Свято-Иоанно-Богословский монастырь.
Село Пощупово Рыбновского района
Рязанской обл. 1996 г.
Фото Т.А. Ворониной

Икона Божией Матери. Начало XX в. Дар императора Александра I
Спасскому монастырю. Село Костомарово Воронежской обл.
Была прострелена в начале 1960-х годов воинствующими атеистами.
2001 г.

Фото С.В. Кузнецова

миропомазание престола и св. мощи под оным остались неприкосновенны, а прикасались миряне только к внешней одежде, поступить следующим образом...”, и далее следует перечисление канонически необходимых мер, чтобы священнодействовать на престоле¹⁹. Таким образом, в экстремальных условиях “требоисправители” не просто спасают святыню храма, но и сводят при этом до минимума канонические ограничения для дальнейшего совершения богослужений на этом престоле.

Любовь к храму особенно ярко проявилась в широко распространенной среди православных практике пожертвований на храм: жертвовали охотно и часто имели при этом в виду намерение загладить какой-нибудь грех. Когда в с. Белоомут Зарайского уезда крестьяне собрались лить новый колокол, то ктитор (церковный староста) пожелал, чтобы вместо старого, весившего 300 пудов, был отлит новый весом в 800 пудов, и от себя пожертвовал на него 7 тыс. руб. Остальная сумма в 5 тыс. руб. была собрана из добровольных пожертвований. Крестьяне, жертвуя на колокол, говорили, что он “вызывает” грехи и что ктитор пожертвовал на него такую огромную сумму затем, чтобы новый колокол вызвонил грехи его сына, разбившего (колокол дал трещину) на Пасху старый²⁰.

Наиболее крупные пожертвования на церковь делали перед смертью²¹. В богатых торговых селах в собственности церквей имелись пожертвованные крестьянами дома и лесные участки; кроме того, достаточно большие суммы давали “кружечные” и “тарелочные” сборы²². Умиравший, понимая, что ему не поправиться, в первую очередь старался расплатиться с долгами, “чтоб не унести с собой”, распределить наследство и обязательно выделял часть на поминовение своей души, которую родственники передавали в монастырь или храм²³. Подобная практика пожертвований, как показывают полевые наблюдения, продолжает существовать: летом 2000 г. автор был свидетелем донесения одному из благочинных (в Воронежской епархии) сведений о пожертвовании прихожанки в пользу церкви недвижимости (дом в деревне) по завещанию²⁴.

Строительство новой церкви становилось на многие годы важнейшим событием в жизни всего прихода, ибо оно требовало немалых средств, а также высочайшего напряжения духовных и телесных сил. В начале XIX в. в епархиях европейской России, особенно в сельских приходах, церкви были по большей части деревянные, требующие частого ремонта. Епархиальные архиереи при обозрении епархий обращали внимание на неудовлетворительное состояние церквей и направляли свою энергию на церковное благоустройство, издавая распоряжения о строительстве каменных церквей вместо деревянных. В условиях крепостной зависимости возможности крестьян по сооружению новой каменной церкви нередко были ограничены, поэтому правящие архиереи своими “архипастырскими увещеваниями” располагали к строительству

каменных церквей помещиков, которыми было построено немало каменных храмов в первой половине XIX в.

После 1861 г. инициатива по возведению нового храма исходила преимущественно от рядовых прихожан. Для получения разрешения на строительство требовалось освидетельствование старой церкви Духовной консисторией. После этого объявлялся сбор пожертвований. Каждый домохозяин жертвовал в среднем от одного до шести рублей. Находились состоятельные люди (местные уроженцы — купцы, мещане), лично жертвовавшие большие суммы. Часто, кроме пожертвованных денег, прихожане имели свои “некупленные материалы, как-то: самородный камень, весьма годную для кирпича глину и на “обманишку” свой подстойный сухой лен, есть также много охотников — рабочих к постройке храма”²⁵. В одном мирском приговоре (Рязанская губ.) о строительстве новой церкви взамен старой, ветхой были зафиксированы пожертвования каждым домохозяином, а также его женой или снохой — деньгами, а иногда холстом (холсты использовались в качестве подъемного средства) от 10 до 30 аршин. В дополнение к деньгам крестьяне жертвовали от одной четверти до одной меры хлеба (ржи). Когда собранных средств оказалось недостаточно для постройки церкви, с разрешения консистории (и Губернской палаты государственных имуществ — для государственных крестьян) общество составило приговор об избрании двух человек и им в помощь отставного солдата для сбора добровольных пожертвований за пределами села²⁶.

В случае нехватки на строительство церкви более значительных сумм, когда без помощи правительства не предвиделось никакой возможности для окончания постройки, крестьяне могли рассчитывать на получение ссуды. По закону ссуда целому обществу предоставлялась на предмет общественной потребности, как-то: при разработке неудобных земель, устройстве общественных заведений и пр. Срок ссуды мог быть продлен от одного года до 16 лет, а за пользование деньгами общество обязано было платить в кассу по 6% в год с каждого взятого в долг рубля.

В историко-этнографическом исследовании сельский приход как явление духовной жизни надо рассматривать не только и не столько с точки зрения управления, самоуправления и отношений с властями, но в первую очередь в плане его цивилизационного (“благодатного”, если пользоваться церковной лексикой) воздействия на жизнь православного сообщества, т.е. в смысле отказа от нехристианских и утверждения христианских религиозно-нравственных ценностей в сознании и поведении (повседневной жизни). Именно поэтому религиозно-нравственная сторона жизни православного прихода должна рассматриваться в качестве одной из главнейших.

Нравственные критерии, выработанные в рамках прихода, были перенесены на все типы крестьянских сообществ и усвоены ими. Крестьянское сообщество, если его рассматривать системно, представляло собой сложное

единство религиозных, управленческих и хозяйственных функций, которое реализовывалось на уровне прихода, сельской общины и волости. Крестьянская община была ответственна за производственную функцию, волость осуществляла самоуправление, представляла судебную власть и обеспечивала взаимоотношения с местными органами государственного управления, приходская община выполняла религиозную функцию. В реальной жизни рассматриваемая схема разграничения функций наполнялась конкретным содержанием и это разграничение функций, о котором идет речь, было не столь очевидно. Прямое и непосредственное воздействие православия на все стороны общественного бытия деревни проявлялось не только в духовной, религиозной жизни, но и в обширном комплексе решаемых сельской общиной и волостью хозяйственных, судебных и прочих вопросов.

Для XIX в. характерно то, что любые документы, касающиеся различных сторон духовной жизни крестьянской общины, обязательно нужно было засвидетельствовать в органах крестьянского самоуправления. Слом старой церкви и строительство новой, возведение часовни, удаление неудобного прихожанам священника или назначение желаемого кандидата на должность, отливка нового колокола и пр. требовали в первую очередь составления (принятия) о том мирского приговора. Это, несомненно, говорит в пользу того предположения, что в центре России, подобно Русскому Северу, имело место совпадение религиозных и мирских функций в лице волости-прихода.

Косвенным подтверждением этому служит восстановление волости в ходе крестьянской реформы в границах церковных приходов. Согласно разделу 2-му гл. 1, § 44 "Общего положения о крестьянах", при образовании волостей "принимается в соображение нынешнее разделение на приходы, то есть из каждого прихода образуется волость, если только приход соответствует условиям, в предыдущей статье постановленным. При малочисленности прихода соединяются в одну волость два или несколько приходов, но при сем приходы не раздробляются"²⁷.

В последней четверти XIX в. правительство сделало попытку разграничения сфер жизнедеятельности сельского мира и приходской общины. Циркуляром министра внутренних дел от 21.03.1887 г. сельским и волостным сходам запрещалось вмешиваться в дела церковного управления, в дела прихода, составляя по этим вопросам приговоры. Запрещая сельским и волостным сходам принимать решения, касающиеся внутприходской жизни, данный акт лишал крестьянский мир права активного участия в церковноприходском управлении, переносил акцент в управлении с институтов крестьянского общественного самоуправления ("подчиненных общим губернским и уездным управлениям"²⁸) на религиозное сообщество прихожан. "Каждое приходское общество, — разъяснялось в министерском документе, — в пределах предоставленной ему компетенции (статус прихода юридически не был определен. —

С.К.) может обсуждать все дела, сопряженные с интересами церкви и самих прихожан, и от себя представлять всякую свою нужду или жалобу подлежащему епархиальному начальству”²⁹.

Попытка эта не вполне удалась по причине глубокого проникновения православия в сознание русского крестьянства, слитности в этом сознании мирского и церковного. (Некоторые историки видят в законе, который инициировал названный циркуляр, попытку государства полицейскими мерами ограничить активность прихожан и ослабить нагрузку на Духовные консистории в виде различного рода прошений и бумаг.)

Приход был определяющим религиозно-общественным институтом в формировании духовно-нравственного облика православного: нравственные понятия прихожанина формировались в рамках приходской жизни. Краеугольным камнем, положенным в основу всей многоуровневой системы нравственных оценок и вытекающих из них, установленных обычным правом норм (имущественных ограничений, предписаний и моральных запретов), служило христианское понимание греховности человеческого существования.

Известный современный этнограф М.М. Громыко замечала по этому поводу, что “общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с православным учением. Но при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям эти представления могли несколько отклоняться от канонических: иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается, как грех; иногда же, напротив, в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков”³⁰.

Отступление от православной веры, кощунство входили в сферу компетенции светского уголовного судопроизводства, сюда же, согласно Уложению о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, относились оскорбление чести, угроза, насилие. В этой связи приводим мнение Костромской Духовной консистории о проекте Особого комитета по преобразованию духовно-судебной власти: “Комитет полагает, что оскорблением чести, а также угрозою, насилием, нарушением правил о погребении, о выдаче видов на жительство и т.п. духовное лицо нарушает более права и законы церковные, чем требования общественной жизни; другие могут думать иначе”³¹.

В условиях такой путаницы и неопределенности юридических понятий все дальше друг от друга расходились в народном сознании понятия “греха” и “преступления”. В основе греха для верующего православного человека лежала готовность переступить через нравственную грань, через установки религиозного сознания — совесть, а значит, — согрешить перед Богом.

В народе считалось, что преступление от греха отличается тем, что за преступление человек наказывается по закону на земле, а за грех получает нака-

знание от Самого Бога если не на земле, то на небе; преступление есть деяние более явное, грех же — всегда темное и не поддающееся наказанию судебной властью на земле. За великий грех, например, считали брать большие проценты с капитала, данного взаймы. На ереси и раскол народ смотрел, как на “дело греховное и бесовское”, за что последует кара Божия; великие грехи, по его мнению, — богохульство и кощунство³².

Некоторые виды проступков, которые преследовались законом, такие, как убийство, обман, мошенничество, растрата, соединяли в глазах крестьян свойства и греха, и преступления. К остальным проступкам относились прежде всего с боязливым опасением, поскольку они караются законом, но совершать их не считалось за грех: “какой же грех”, недоумевали крестьяне, — прошение милостыни.

Понимание государственным законодательством преступления как деяния, соединяющего в себе признаки уголовного преступления и преступления против веры (кстати сказать, святотатство и кощунство были столь чужды русскому религиозному типу, что первые и единичные дела по этим обвинениям появляются только после революции 1905 г.), легло в основу закона о предоставлении общине после 1861 г. права “удаления из общества порочных крестьян... и предоставления их в распоряжение правительства”³³. Крестьяне составляли в таких случаях мирской приговор об удалении из общества того или иного лица за дурное поведение. Такие же приговоры составлялись в отношении крестьян, уличенных обстоятельствами дела в воровстве, но не создавших в содеянном на суде, что усугубляло их вину.

Крестьяне редко и неохотно пользовались предоставленным им правом удаления из своей среды порочных людей³⁴. Ответственность крестьян за решение об удалении или отказе приема в крестьянскую общину была столь велика, что она вызвала к жизни документы, которые формально можно классифицировать как мирские приговоры, а по существу — документы христианской (православной) общины, свидетельствующие об единстве и неразделенности церковного и мирского в сознании крестьянства. Решая на мирском сходе в 1865 г. в с. Вослибы Скопинского уезда Рязанской губ. вопрос о приеме в общество судимого за кражи Анисима Подсветова, участники схода были приведены местным священником к присяге и дали “клятвенное обещание”. Привожу текст этого “обещания” полностью: “Аз, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием и Животворящим Крестом Господним в том, что по которому делу я во свидетельство призван и спрашиван буду, должен показать самую сущую правду, неправды же отнюдь ни для вражды, дружбы, родства, корысти, ниже страха ради сильных лиц — не показывать. В чем мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, ответ дать должен. В заключение же сей моей клятвы целую Слово и Крест Спасителя нашего. Аминь”³⁵.

Религиозно-этические мотивы принятой в общине системы раскладки повинностей ясно прочитываются в мирских приговорах, касающихся вдов, престарелых, сирот, погорельцев, обедневших односельцев. Они прослеживаются и в разверстке земли для передела, где община, не переставая быть в то же время сообществом прихожан, проявляла немало гибкости и учитывала имущественное, экономическое состояние двора, половозрастной состав семьи и ее перспективы в будущем.

Стремление общины разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тягелоспособности, отражает, на наш взгляд, одну из коренных функций крестьянского мира, как сообщества православных, верующих — прихожан, — функцию социальной, носящей ярко выраженный религиозно-этический характер защиты “мирян”.

Одна из важнейших обычно-правовых функций до- и послереформенной деревни — раскладка повинностей, т.е. скидка и накидка тягол. От обложения освобождались три самые беднейшие категории сельского населения: во-первых, сироты, калеки, неспособные к труду, вдовы, “бабьи семьи”; во-вторых, ряд домохозяев, потерпевших от различного рода несчастий — пожаров, наводнений, падежа скота и пр.; и наконец, в-третьих, по различным причинам хронически захудалые дворы. Помощь последним носила религиозно-нравственный, общественно-экономический характер, особенно если принять во внимание, что в подворных губерниях от обложения не освобождался никто, кроме пострадавших от бедствий, и то в исключительных случаях.

Тягловое саморегулирование общины не исчерпывается необходимостью выживания индивидуального хозяйства в условиях суровых природно-климатических зон и объективно необходимым вследствие этого “ужесточением эксплуатации”³⁶. Нам оно представляется несколько шире. Религиозно-нравственные мотивы принятой в той или иной общине системы раскладки повинностей ясно прочитываются в мирских приговорах, касающихся вдов, престарелых, сирот, погорельцев, обедневших и пр. При крайней ограниченности крестьянского землевладения и при сравнительно высоком обложении крестьянской земли платежами трудно было бы ожидать, “чтобы община давала крупные льготы при раскладках беднейшим из своих членов. В огромном большинстве губерний такие льготы практикуются в весьма разнообразных формах, а это указывает на то обстоятельство, что общине далеко не чужда мысль об установлении такого минимума доходов, который избавляется частью или совсем от обложения”³⁷. Освобождение от платежей составляло постоянное явление в Вязниковском, Суздальском и Александровском уездах Владимирской губ., где платежи разверстывались между остальными (более состоятельными) домохозяевами. В Александровском уезде встречались селения, где родители новобранцев пользовались их наделами в течение года бесплатно. В одной волости Судогодского уезда на каждый погорелый двор

собирали по волости по 10 руб. с каждого домохозяина³⁸. Во всех селениях Глумовской вол. (Юрьевецкий уезд Владимирской губ.) существовало право старух и калек по очереди жить в каждом доме определенное число дней в зависимости от числа душ в этом доме. В д. Ядрениха той же волости мир даром обрабатывал землю одной крестьянки, в семье которой было двое убогих, мир же отбывал за эту семью все платежи и повинности³⁹.

В Усть-Гаревской вол. Пермского уезда той же губернии мир оставлял за бедняками полосы без взимания повинностей; с малосостоятельных дворов "сбавляли плату, на богатые прибавляли, оставляя то же количество земли"⁴⁰. В Оренбургской губ. община никогда не давала разориться: "как замечают опустошение и бедность, помогают и скотиной и хлебом. Пашут даже. А то обрекают⁴¹ таким скотину". Таким образом, мы видим, что общественное милосердие, сострадание и взаимопомощь сопутствуют "живому", т.е. обычному праву, "живому" и в том смысле, что оно опиралось на действующие христианские ценности массового религиозного сознания.

Когда государство вводило в 1861 г. "Общее положение о крестьянах", оно руководствовалось идеей постепенного введения обычного права в русло государственного законодательства, за обычаем была признана сила действующих юридических норм: имущественные и семейно-имущественные споры и правоотношения в своей массе продолжали решаться на основе обычно-правовой практики. Правительство понимало, что эти нормы органичны для религиозно-нравственных воззрений крестьянства и, напротив, гражданское законодательство не всегда согласуется с религиозными и жизненными идеалами крестьянства, с их представлениями о правде, добре, справедливости.

Однако приход — это не только прихожане, но и клир, т.е. священно- и церковнослужители. Главное лицо на приходе, конечно же, священник.

Мнение о якобы непочтительном отношении крестьян к священникам основывается на ограниченном круге источников и не имеет связи с народными идеалами и религиозной практикой. Бытовавшие относительно священников суеверия (например, встретить попа — плохая примета и т.п.) носили скорее характер языческого пережитка и не отражали реальную практику взаимоотношений священника и его паствы. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные архивные документы (из фондов РГИА, РГО, РЭМ, ГАРО). В архивах сохранилось огромное количество дел, связанных с прошениями крестьян о возвращении в их приходы старых священников, переведенных в другие места⁴².

Поднятию авторитета священника не только как духовного пастыря, но и как советчика крестьян в хозяйственных, бытовых и прочих вопросах, оказало влияние на решение Синода о введении в духовных семинариях преподавания медицины, естественной истории и сельского хозяйства. В конце 1860-х годов эти кафедры были упразднены из-за отсутствия пособий, кабинетов,

учебных и опытных хозяйств. Тем не менее епархии стали снабжать сельских священников народными лечебниками, сельскохозяйственными книгами или практическими наставлениями для просвещения крестьян. В качестве помощников священники привлекали к этому делу грамотных прихожан.

Авторы издания "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния." отмечали, что крестьяне довольно почтительны к духовным лицам, и особо обратили внимание на познания некоторых священников в сельском хозяйстве, медицине и оспопрививании. Священники советами, "а иногда и возможными мерами помогали крестьянам в болезнях и в домашнем быту, за что пользуются особенным их расположением; таким [священникам] помещики и крестьяне охотно помогают в их домашнем хозяйстве"⁴³.

Почтение к священнику как духовному отцу оказывалось крестьянами на каждом шагу. При встрече со священником они, как правило, считали своим долгом снять шапку, низко поклониться, попросить благословения; называли священника "батюшкой", диакона — "отцом диаконом", псаломщика — по имени отчеству⁴⁴. Оскорбить священноцерковнослужителя, по мнению крестьян, — большой грех⁴⁵.

Уважение к священническому сану сочеталось с требовательностью, предъявляемой прихожанами к его носителю. По их убеждению, пастырь должен чинно и с соблюдением церковного устава совершать богослужение и требоисправление, быть внимательным к вопросам и обращениям прихожан.

Сельский священник был в центре духовной и общественной жизни прихода. Он знал нужды и заботы своих прихожан. Священник сам был сельским хозяином, и сельскохозяйственные занятия еще теснее связывали причт и приход. При каждой сельской церкви имелось от 33 и более десятин земли, находящейся в пользовании причта. После реформы 1861 г., во второй половине 1870-х годов, когда поднялась арендная плата за землю и увеличилась плата прихожан за требы, в массе своей причты отказываются от обработки земли собственными силами и, там где был спрос на землю, сдают ее крестьянам в аренду, либо нанимают крестьян за плату или исполу обрабатывать свою землю. Нередко многие виды работ выполнялись крестьянами бесплатно, "из чести".

Еще в 1860-е годы стесненное материальное положение причта, особенно его низшего состава, заставляло искать дополнительные заработки: диакон Мутасьевский "урывками от настоящего своего дела, б.ч. по ночам занимался письмоводительством у местных благочинных и в местном волостном правлении, от чего приобретал до 100 руб. в год. Псаломщик Островский переплетал книги и клал в избах местных крестьян печи; псаломщик — диакон Воскресенский занимался торговлею"⁴⁶. Рациональное распоряжение хозяйством, соединенное с трудолюбием, добавляло священнику и другим членам причта уважения в глазах крестьян.

Наиболее распространенной причиной разногласий между священником и прихожанами была либо уплата прихожанами руги* в меньших размерах против оговоренной или “приписной”, либо несвоевременная уплата за требы. В редких случаях, когда священники решались вступать в имущественные споры с крестьянами, они обращались в волостной суд не сами, а через своего поверенного, как это сделал в 1882 г. Старототемской Благовещенской церкви (Тотемский уезд Вологодской губ.) священник Измайлов. Через своего поверенного он требовал, чтобы волостной суд понудил крестьян к выплате хлебной руги “за требы” в размере нескольких десятков пудов ржи. Крестьяне ссылались на решение схода о выплате менее требуемого священником. В результате волостной суд обязал явившихся на суд крестьян выплатить священнику Измайлову по 10 фунтов ржи с каждой души, а не явившимся — по 12 фунтов⁴⁷. Разумеется, в этом случае взаимоотношения причта и прихожан были далеко не идеальные.

В вопросах, касающихся материального содержания причтов, большая часть духовенства была деликатна, заботясь о своем духовном авторитете среди паствы. Ничего не вымогая от прихожан, священники “настойчиво, постепенно” располагали их “к более удовлетворительному вознаграждению своего причта за требы его”⁴⁸. Если при сборе руги (в большинстве своем священники были против “приписной” руги, предпочитая получать ее по принципу “кто сколько сможет”) причетники, если им покажется, что руги мало, “припрашивают”, священники же редко “припрашивали”. Случаи, когда причт “вымогал” у крестьян дополнительные поборы, отмечены в материалах Тенишевского бюро, но не они характеризовали суть взаимоотношений между причтом и прихожанами, которая определялась причинами более высокого — духовного — свойства.

Разногласия между причтом и крестьянами по поводу пользования угодьями, несвоевременного предоставления руги и задержки платы за требоисправления возникали и не могли не возникать по причине бедности большинства крестьянских домохозяйств. Однако эти разногласия никогда не принимали ярко выраженных антагонистических, крайних форм, ибо тяжба с причтом, особенно по поводу церковной земли, была, по мнению прихожан, одним из величайших греховных искушений, за что с неизбежностью последует кара Божия. В начале XIX в. в Крестецком уезде Новгородской губ. была закрыта церковь Покрова Божией Матери, а церковное имущество, священнослужители и приход были причислены к Новолудской церкви. Церковь закрыли по причине отсутствия актов на землю, которой владели священноцерковнослужители. Женщина, по имени Варвара Ивановна, “по сношению с начальником губернии доказавшая, что причт не имеет актов на землю, умерла в ужасных муках”, а

* Здесь средство содержания сельских причтов, получаемое натурой.

деревня оказалась "умирающей" — в ней осталось только 6 человек, которые "живут в ссорах и больших неприятностях"⁴⁹. Для крестьянского сознания была очевидна причинно-следственная связь названных событий.

В силу нечеткого разграничения судебных и административных функций случалось, что земский начальник по просьбе священника мог инициировать возврат долга. Для этого по постановлению земского начальника волостной старшина составлял опись движимого и недвижимого имущества для продажи на торгах без ущерба хозяйству и для последующей уплаты долга⁵⁰. В 1902 г. была составлена опись имущества крестьянина д. Избищ (Устюженского уезда Вологодской губ.) Петра Филипова, который был должен священнику Цветкову 4 руб. 13 коп. Опись была произведена 4 сентября 1902 г., а 13 октября священник Цветков от взыскания денег с Петра Филипова отказался⁵¹. Такой способ взыскания денег противоречил христианской проповеди милосердия и любви к ближнему, а потому к принудительным мерам дороги у священника не было. Да и какой же бы священник согласился прибегнуть к ним?

Во второй половине XIX в. некоторая часть земств, неблагоприятно относившаяся к приходскому духовенству, побуждала органы крестьянского самоуправления (преимущественно волостные правления) к составлению мирских приговоров о назначении причтам фиксированной платы за требоисправления. Подобные меры большая часть духовенства, осознававшая высокую нравственную ответственность своего пастырского служения, не поддерживала, так как нефиксированная плата за требы для бедной части деревни была несравнимо выгодней, чем фиксированная. Так, скажем, за венчание, как главный источник доходов причта, священник брал с богатых крестьян 15—20 руб., с бедняков — от 3 до 7 руб. Такой же порядок распространялся и на остальные требы⁵².

В силу большего материального достатка священства крестьяне нередко обращались к ним с просьбами о беспроцентной ссуде займы хлеба, сена, а иногда и денег. Не редкость, когда священник ежегодно раздавал в долг (естественно, без процентов) 6—9 пудов хлеба⁵³. Священник, исполняющий эти просьбы бескорыстно, приобретал еще больше уважения у крестьян⁵⁴.

Отрицательные стороны в служении и домашнем быту священника вызывали недовольство крестьян. Поскольку дом сельского пастыря был постоянно открыт для прихожан, беспорядки и расстройство в нем не могли ускользнуть от их внимания.

Слабость священника к спиртному, если она не была связана с нарушением церковного устава в совершении богослужения, с корыстолюбием и грубостью его по отношению к крестьянам, последние обычно охотно прощали ("и с ними бывает всякое")⁵⁵. В фондах Синода, духовных консисторий и уездных духовных правлений находятся дела о злоупотреблениях, нарушении

ях священнослужителями своих обязанностей, пьянстве, нанесении прихожанам и друг другу побоев. Однако нет никаких оснований преувеличивать эти пороки в среде духовенства. Точно так же, если судить по существу предпринятых церковными властями судебных расследований и их результатам, нет никаких оснований сомневаться в строгости и добросовестности их проведения. Церковные власти были требовательны к священникам, нарушавшим канонические, уставные требования, и столь же непримиримы к фактам пьянства.

Из “Ведомостей о церквах” г. Михайлова (Михайловского уезда Рязанской губ.) за 1850 г. мы узнаем перечень нарушений, допущенных священноцерковнослужителями, и виды наказаний, последовавших за ними. Наиболее частое нарушение со стороны священнослужителей — несоблюдение брачных обысков*. Например, одного священника сослали в монастырь на семь дней за повенчание несовершеннолетней невесты, дьякон был сослан в монастырь на один месяц за повенчание брака в шестой степени родства, еще один священник сослан в монастырь на три месяца за повенчание “троебрачия** в преклонных летах”, член причта наказан за недонесение о пьянстве священника⁵⁶.

Примерно с последней четверти XIX в. в соответствии с уставом духовных консисторий к провинившимся священникам повсеместно применялось такое наказание, как низведение священника или диакона в должность причетника и перевод на определенный срок в другой приход. Эта мера наказания, по мнению Самарской Духовной консистории, во многих отношениях представлялась “неудобною”, а после приходской реформы, “когда с сокращением членов причта, в большей части приходов должен остаться один священник и один псаломщик, эта мера представляется крайне нецелесообразною. Причиной низведения на должность причетника по большей части бывает нетрезвость и соединенные с ней важные беспорядки или опущения по исполнению обязанностей. Очевидно, что служение по церкви с такими лицами отнюдь не может быть благоговейно и благочинно”⁵⁷. Зная реальное положение дела, Самарская Духовная консистория признавала, что священники, тяготясь подобными епитимиями, присылаемыми к ним на штатные места, дабы поскорее избавиться от них, незаслуженно и преждевременно одобряют их перед епархиальным начальством из опасения в случае неодобрения остаться с ними на более продолжительный срок.

Предложение консистории вместо низведения на должность причетника посылать провинившихся священнослужителей в монастырь — обращение к прежнему опыту Церкви до середины XIX в.

* Обыск — свидетельство о неродстве и записка об этом в церковной книге.

** Троебрачие — вступление в третий брак.

В начале XIX в. уровень образования духовенства был невысок — не все приходские священники имели семинарское образование; благочинными* назначались только выпускники духовных семинарий. Об образовательном уровне церковнослужителей говорить не приходится, достаточно того, что они были грамотны. Иногда духовенство становилось у крестьян предметом шуток, главным образом в связи со слабым знанием священником службы. В Никольском уезде Вологодской губ. среди крестьян бытовал рассказ об одном священнике, который не знал праздников и не умел служить⁵⁸. Рассказ был записан в конце XIX в., а сложился, вероятно, на рубеже XVIII — XIX вв., когда ставленником на священническое место мог оказаться малограмотный человек, вполне вероятно, выходец из крестьянского сословия.

До середины XIX в. при поступлении на должность священноцерковнослужители подвергались экзамену у особых “экзаминаторов”, назначенных местным архиереем (впоследствии от экзаменов отказались ввиду правильной и систематической постановки обучения в духовных семинариях). Испытания познаний ставленника были особенно строги при нескольких просителях на одно место. Так, в 1812 г. диаконы Потеряхин и Михайловский, просившиеся на вакантное место священника в с. Солдатское на Котле, были подвергнуты, помимо «обычных испытаний из “церковных” предметов, экзамену из арифметики, причем преимущество было отдано последнему»⁵⁹.

Подобным экзаменам подвергались священноцерковнослужители и в дальнейшей своей жизни на приходе со стороны благочинных; результаты проверок благочинные доводили до сведения епархиального начальства. Известно, что Воронежская епархия в первой половине XIX в. в ответ на донесения благочинных Нижнедевицкого уезда (по другим уездам сведений нет) дозволила дьячку Ивану Мануйлову поступить в семинарию “с зачислением за ним дьячковского места” (1818 г.), а священника с. Вислого Василия Иосифова отправили в Воронежскую семинарию “для слушания Богословских наук” (тоже с получением доходов)⁶⁰.

Епархиальное начальство усматривало недостатки церковного богослужения не только в нетвердом знании священниками “церковных предметов”, но и в отсутствии “подобающего” церковного пения. Поэтому епархиальные архиереи, озабоченные введением по епархии в церквях нотного пения, предписывали священникам, учившимся в семинарии, каждому в своем округе (благочинии) обучать нотной азбуке и нотному пению пономарей и дьячков. Результат обучения, в частности, по одному только Сапожковскому округу (уезду), как мы видим из “Дела о введении в Рязанской епархии нотного пения” за 1805 г., таков: священник Василий Федоров обучил нотной грамоте

* Благочинный — священник, которому поручено благочиние, округ, несколько церквей, причтов и приходов.

пятерых церковнослужителей, которые “из Октоиха 1-й глас по нотам вытвердили”⁶¹.

В течение почти всей первой половины XIX в., продолжая устойчивую традицию, сложившуюся в предшествующее время, должности священно- и церковнослужителей исполнялись потомственно. По наблюдениям, в течение трех, а по официальным документам — двух столетий причт во многих селениях состоял из представителей одного рода. Старшие в роде и более способные, достойные были священниками, а их братья, дети, племянники, даже зятья — дьяконами и причетниками.

Наряду с потомственным наследованием должности священноцерковнослужителя, в первой половине XIX в. существовала также практика наследования детьми священнического места своего родителя в форме закрепления прихода за одной из дочерей умершего священника: либо приход переходил к мужу-священнику одной из его дочерей, либо она выходила замуж за выпускника духовной семинарии, который становился настоятелем храма. Явление это было столь распространено, что в случае конфликтов, возникавших в среде священно- и церковнослужителей, обвинения одной из сторон в “родственности причта” консистория находила несущественными⁶². По форме и содержанию брачные договоры, заключаемые в среде духовенства, аналогичны крестьянским договорам. Такой способ наследственного замещения священнических вакансий официально просуществовал до середины 1860-х годов, негласно же, в виде обычая — до потрясений 1917 г.

Практика наследственного замещения должностей распространялась на все церковные должности, включая просвирниц. В 1891 г. благочинный Моршанского округа священник Платон Богословский рапортом в консисторию донес, что при Казанской церкви в с. Каменки Моршанского уезда в должности просвирни состоит из светского звания крестьянка. Ввиду данного обстоятельства консистория обратилась в редакцию с просьбой объявить через “Тамбовские епархиальные ведомости” просфорническое место при означенной церкви данного села, занимаемое крестьянкой, “свободным для лиц духовного звания”⁶³.

Семейные и имущественные отношения сельского духовенства, как и всей деревни в целом, регулировались обычным правом, с той только разницей, что высшие церковные инстанции осуществляли общий контроль за сохранностью церковного имущества и принадлежащей церкви земли, выполняя в то же время своего рода функции социальной поддержки семейств умерших священников, особенно в тех случаях, когда в семье оставались девушки на выданье. В “Ведомостях о причте и приходе”, которые составлялись по каждому приходу губернии и отправлялись потом в Духовную консисторию, в графу “Состав причта”, помимо самих членов причта с семейством, обязательно включались вдовы умерших священнослужителей. Так, в одной из ведомостей

по Ряжскому уезду читаем: “Вдова, жена умершего диакона Евгения Матвеевича Борисова, по указу Духовной консистории пользуется доходами и землями мужа своего. Семейство ее состоит из 4-х душ. В наличии причта кроме священника дьячек и пономарь”⁶⁴.

Помимо своих прямых обязанностей по службе, православное духовенство выполняло массу поручений гражданских властей добровольно, в меру понимания им своего пастырского долга. В конце XIX в. по распоряжению ряжского губернатора, согласованному с губернской Духовной консисторией, настоятели церквей заполняли по определенной форме специально разработанные Статистическим комитетом бланки (таблицы) со сведениями о числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших, отправляли их к благочинным, а те, объединив их в сводные таблицы, — в Статистический комитет⁶⁵. В XIX в. русское духовенство приняло деятельное участие в работе научных обществ: Вольного экономического общества, Русского географического общества, Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. Их деятельность в качестве корреспондентов — одна из самых ярких и, к сожалению, мало исследованных страниц жизни названных обществ.

Величайшая историческая заслуга Русской Православной Церкви в XIX в. состоит в организации и практическом осуществлении начального школьного образования, в создании церковноприходских училищ и школ грамоты. Задача христианского просвещения всегда понималась Церковью как одна из важнейших. Священники, открывшие в своем приходе училища, действовали в полном соответствии с указом Святейшего Синода от 22 июня 1814 г., в котором “занятие обучением прихожан своих чтению и письму, также нравоучению и христианскому закону не токмо званию приходского духовенства не воспрещается, но поставляется ему в благоприличие и свойственность”⁶⁶. Священники, занимавшиеся обучением детей, освобождались не только от всех повинностей, наложенных на частные пансионы и училища, но и от необходимости получать “дозволительные свидетельства” гражданского “училищного начальства”⁶⁷. Из сохранившихся отчетов благочинных по г. Ряжани известно, что в начале 20-х годов XIX в. обучение детей в этих школах велось по Азбуке, Часослову, Псалтири и Молитвословам церковной печати, а один дьякон, кроме чтения и письма, обучал Священной истории и катехизису.

Уровень нравственных понятий, грамотности, общего развития прихожан напрямую был связан с деятельностью сельского пастыря. Если приходское общество оказывалось равнодушным к открытию школы, это было, как правило, результатом деятельности священника, не обремененного заботами о школьном образовании, нравственном воспитании детей своих прихожан. Поэтому высшее духовенство, со своей стороны, вменяло сельским священникам в непременную обязанность в проповедях и поучениях стараться рас-

полагать крестьян к грамотности и начальному образованию. Незадолго до реформы 1861 г. и в первые годы после нее в рамках духовного ведомства возникло значительное число “небольших школ для первоначального обучения, известных под именем церковноприходских училищ”⁶⁸. В семинарский курс вводилось преподавание педагогики, и при духовных семинариях учреждались воскресные школы, где воспитанники семинарии приобретали педагогические навыки⁶⁹.

Большинством прихожан осознавалась духовная сторона церковноприходского образования; необходимым считали не столько приобретение детьми знаний и навыков, сколько в первую очередь — религиозное и нравственное воспитание их в “страхе Божиим”. Об этом свидетельствуют большое количество мирских приговоров об открытии приходских школ и количество записавшихся в них детей. В обращении крестьян с. Алпатьево Зарайского уезда к духовному начальству о назначении настоятеля во вновь построенную церковь, написанном от их имени поручителем (главным жертвователем капиталов на строительство храма), особо отмечалось желание крестьян иметь “священника по сердцу, а наставника наших детей Алексея Дроздова за хорошие его качества, которые он оказал в продолжение девятилетней своей службы у нас”⁷⁰. Хорошие качества, как явствует из документа, состояли в том, что Алексей Дроздов “по-отечески” отнесся к желанию крестьян иметь храм в своей деревне и в продолжение ряда лет убеждал крестьян учить своих детей, организовал школу для мальчиков, а жена его бесплатно учила девочек⁷¹.

80-е годы XIX в. характеризуются новым, более высоким этапом в организационном, материально-финансовом и методико-педагогическом отношении в развитии церковноприходского образования. В 1884 г. изданы правила о церковноприходских школах и школах грамоты, имевшие, по определению Святейшего Синода, “целью распространять в народной среде образование в духе Православной Веры и Церкви”⁷².

Православное священство по-прежнему было деятельно в области начального образования. Желанием помочь крестьянам, особенно бедных обществ, отмечены действия членов причта, которые были законоучителями и учителями церковноприходских школ. Многие учителя на свои деньги приобретали бумагу, учебники, школьные принадлежности, зачастую не получая от прихожан определенного им жалованья, а если жалованье и выплачивалось, то оно часто уходило на ремонт помещения для школы, ее отопление и прочее обслуживание.

Усилиями священноцерковнослужителей были достигнуты большие успехи в деле просвещения и начального школьного образования. По данным “Статистических сведений по начальному образованию в Российской Империи за 1896 г.”, в ведении Святейшего Синода было 34836 церковноприходских школ и школ грамоты, в которых обучалось 1 116 492 ученика обоого по-

ла. В 1909 г. насчитывалось уже 40 000 таких школ. Церковноприходская система образования сумела “счастливо” совместить заботы о воспитании своих питомцев в духе христианской православной нравственности с развитием в них технических навыков и основ профессионального мастерства. В 3 500 церковноприходских школах крестьянские дети обучались ремеслам, в 8 000 — садоводству, огородничеству и пчеловодству, а в 350 школах велись с учениками сельскохозяйственные занятия⁷³.

На проходившей в начале XX в. церковно-школьной выставке были представлены экспонаты, сделанные руками школьников в духе местных традиционных промыслов. Владимирская епархия, известная своим традиционным уставным иконописанием, прислала образцы написанных школьниками икон (большого формата и довольно искусного письма), Посадская церковноприходская школа при Московской Духовной академии представила разнообразнейшие образцы местного кустарного производства (резьба и выжигание по дереву), Вологодская епархия прислала кружева и др.⁷⁴

Приход в XIX в. — это в первую очередь религиозное сообщество. Церковь, будучи общественным союзом, что облегчало ее отношения с государством, как и последнее, в своем предельном выражении претендовала “не на отдельные стороны человеческой жизни, а на всю его жизнь”⁷⁵. Приход, этот социо-культурный микромир, имел главное и решающее значение для воплощения и нормального воспроизводства религиозно-нравственных норм среди верующих мирян. Активно взаимодействуя с другими формами социальной жизни города и деревни, приход как культурный феномен был связан со всеми областями жизнедеятельности русского народа.

¹ См.: Православие и культура этноса. Международный симпозиум к 2000-летию христианства: Тез. докл. М., 2000.

² См. работы М.М. Громыко, И.В. Спасенковой, Н.В. Алексеевой, Г.Н. Мелеховой, Х.В. Поплавской, Т.А. Листой, И.А. Кремлевой, С.В. Кузнецова, Н.А. Мухортовой и др.

³ Громыко М.М. Этнографическое изучение православной жизни русских в XX веке: (Обзор основных тенденций): Доклад на пленарном заседании Международной конференции “Религии мира на рубеже XX — XXI вв. (рукопись).

⁴ Катасонов В.Н. Православие и фундаментальные темы русской культуры // Православие и культура этноса. Международный научный симпозиум: Тез. докл. М., 2000. С. 20.

⁵ См.: Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах г. Вологды). Дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1999.

⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 20. 14807.

⁷ Калужские епархиальные ведомости. 1884. № 7, 8. С. 165.

⁸ Устав Духовных консисторий. М., 1884. Ст. 92.

⁹ ГАКО. Ф. 33. Д. 925. Л. 44.

¹⁰ ГАРО. Ф. 962. Оп. 1. Д. 37. Св. 1. Л. 1.

¹¹ Моисеев Г.А. Прошлое села Кузьмина. М., 1999. С. 26.

- 12 ГАРО. Ф. 962. Оп. 1. Д. 37. Св. 1. Л. 1.
- 13 См. работы Т.А. Листовой, И.А. Кремлевой.
- 14 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 29.
- 15 Мухортова Н.А. Приходская община в Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 15.
- 16 Тульцева Л.А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 128.
- 17 ГАРО. Ф. 627. Оп. 143. Д. 15. Св. 2092. Л. 2.
- 18 Калужские епархиальные ведомости. 1873, № 2. С. 47.
- 19 Там же.
- 20 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 29–30.
- 21 Там же. Л. 30.
- 22 Там же. Л. 31.
- 23 Там же. Д. 107. Л. 8–11.
- 24 Архив автора. Воронеж, 2000.
- 25 ГАРО. Ф. 264. Оп. 7. Д. 59. Л. 1 об.
- 26 Там же. Л. 18.
- 27 Российское законодательство X–XX веков. М., 1989. Т. 7. С. 45.
- 28 Там же. С. 40.
- 29 Опыт практического руководства при производстве следствий по преступлениям и проступкам, подсудным епархиальному суду. Владимир, 1893. С. 44–45.
- 30 Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 94.
- 31 Мнения Духовных консисторий относительно проекта преобразования духовно-судебной части. СПб., 1874. Т. I. С. 198.
- 32 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1455. Л. 11–15.
- 33 Российское законодательство... Т. 7. С. 48.
- 34 Подробнее об этом см: Кузнецов С.В. Обычное право русской деревни и государственное законодательство XIX в. // ЭО. 1999. № 5. С. 97–109.
- 35 ГАРО. Ф. 264. Оп. 6. Д. 17. Л. 27.
- 36 Подробнее об этом см.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- 37 Карышев Н. Общинное землепользование // Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 140.
- 38 Там же. С. 141.
- 39 Якушкин Е.И. Обычное право. М., 1908. Т. 3. С. 444.
- 40 АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.
- 41 Обречь, посвящать, предназначать, определять, жертвовать — от слова *обет*, которое означает "обязательство, человеком или группой людей, общиной из религиозных побуждений, чаще всего взятое как обещанная божеству или святому благодарность за избавление от бед, болезней или иное благодеяние" (Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М., 1993. Вып. 5. С. 137).
- 42 РГИА. Ф. 796. Оп. 176.
- 43 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 365.
- 44 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1436. Л. 31.
- 45 Там же. Л. 35.
- 46 См. публикацию в настоящей книге: Церковная летопись села Алгасово.
- 47 ГАРО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–8.

- ⁴⁸ См. публикацию в настоящей книге: Церковная летопись села Алгасово.
⁴⁹ Новгородский сборник. Новгород, 1863. Вып. III. С. 31.
⁵⁰ См: Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне...
⁵¹ ГАВО. Ф. 900. Оп. 1. Д. 13. Л. 157.
⁵² Руководство для сельских пастырей. Киев, 1881. Т. 1, № 1. С. 12.
⁵³ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 327. Л. 5.
⁵⁴ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 76. Л. 130.
⁵⁵ Там же. С. 129.
⁵⁶ ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 1. Л. 210, 222, 245, 255.
⁵⁷ Мнения Духовных консисторий... Т. I. С. 12.
⁵⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 285. Л. 16–17.
⁵⁹ Черты из жизни причта и прихожан Нижнедевицкого уезда // Воронежская старина. М., 1909. Вып. 6. С. 123.
⁶⁰ Там же.
⁶¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 66. Д. 319. Св. 1124. Л. 1–13.
⁶² РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3172. Л. 14 об.
⁶³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1891. № 10. С. 257.
⁶⁴ ГАРО. Ф. 264. Оп. 9. Д. 60^а.
⁶⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 81.
⁶⁶ Там же. Л. 9.
⁶⁷ Там же. Л. 12.
⁶⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1866. № 8. С. 83.
⁶⁹ Там же. С. 84.
⁷⁰ ГАРО. Ф. 627. Оп. 125, Св. 2032. Д. 5. Л. 42.
⁷¹ Там же. Л. 45 об.
⁷² Собрание узаконений и руководственных разъяснений, касающихся управления и заведывания церковными школами, школьного хозяйства и школьной отчетности. Тула, 1904. С. 52.
⁷³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1909. № 26. Часть неофициальная.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ Афанасьев Н. О церковном образовании... // Православная община. 1999. № 3, С. 82.

Г.Н. Мелехова

ДУХОВЕНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬЯ (XIX — первая треть XX в.)

Духовенство, или лица духовного звания, — это священнослужители (священники и дьяконы) приходских церквей (белое духовенство) и члены их семей, а также жившее в монастырях черное духовенство; в настоящей статье к ним же причисляются и простые монахи, не имевшие священнического сана. Среди всего, преимущественно крестьянского населения Каргопольского уезда Олонецкой губ. доля лиц духовного звания была невелика и составляла не более 1–2% (в 1830-е годы — 938 человек, или 1,86%; в 1897 г. — 824 человека, или 1,00%)¹. Но значение этого сословия в духовной сфере жизни общества было огромным в силу того особого места, которое оно занимало. Духовенство, призванное нести весть о Боге, проповедовало и просвещало и в храмах, и в домах, и самой своей жизнью. И трудно сказать, кто имел большее воздействие: белое духовенство, жившее среди крестьян, служившее в приходских церквях и оказывавшее непосредственное каждодневное влияние на свою паству, или черное, тоже тесно связанное с мирянами, бывшее образцом служения Богу и тем авторитетом, к которому крестьяне прибегали в своей обыденной жизни, и особенно в исключительных ситуациях.

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Каргопольское приходское духовенство жило и служило в уезде, занимавшем пространство площадью почти 20 000 кв. верст в восточной части Олонецкой губ., где в XIX в. проживали 70–90 тыс. человек; подавляющее большинство из них (95–97%) были крестьяне и по официальным данным — православные; часть населения (1–2%) указывалась как старообрядцы-беспоповцы². Однако в некоторых приходах, помимо учтенных, “записных”, было немало и тайных старообрядцев, а также сочувствовавших им.

В 1829 г. в уезде насчитывалось 54 прихода, из них 9 — в уездном центре Каргополе³. Было 88 действующих церквей: 54 приходских и 34 приписных, не имевших собственного причта, в которых службы совершались приходским духовенством в определенные дни. В конце XIX в. число приходов составило 58, из них 2 единоверческих и 8 в городе; общее число церквей увеличилось до 105 (58 приходских и 47 приписных); во всех церквях в это время зафиксировано 263 престола. Существовало и 213 часовен с богослужениями несколько раз в году: на Пасхальной неделе, в часовенные и крупные православные праздники⁴. Как правило, сельский приход объединял 1,5—3,5 тыс. человек, но в некоторых число прихожан доходило до 8 тысяч. В городе, где все население не превышало 3000 человек, в отдельном приходе насчитывалось от 100 до 400 прихожан⁵.

Все приходы были объединены в 6 церковных округов — благочиний: одно градское и пять уездных (I, II, III, IV, V). Во главе каждого округа стоял благочинный, обзоревавший свои приходы 2—4 раза в год и ежегодно сообщавший в консисторию о состоянии, нуждах и происшествиях церковной жизни своего округа. Обязанности благочинного исполнял один из приходских священников.

Большинство церквей уезда почти полностью было укомплектовано причтами уже в начале XIX в. (табл. 1 в разделе “Публикации и материалы” настоящего издания. С. 245). Лишь иногда 1—2 штатные единицы в округе числились вакантными. В штаты приходских церквей, помимо священников и дьяконов, входили и церковнослужители, или причетники (псаломщик, дьячок, пономарь, звонарь, просвирня), которые часто происходили из семей духовенства и занимали промежуточное положение между священнослужителями и прихожанами. В первой половине XIX в., как правило, в церкви был трехчленный (священник и 2 причетника), реже четырехчленный (священник, дьякон и 2 причетника) клир; при этом церковнослужителей было в 1,5—2 раза больше, чем священников. Но со временем их доля снижалась, и к концу века преобладающим стал двухчленный клир (священник и причетник) (табл. 2 в разделе “Публикации и материалы” настоящего издания. С. 246).

Что же представляли собой священноцерковнослужители в Каргополе, насколько были образованны, богаты, авторитетны? Как складывались их взаимоотношения с прихожанами?

Почти все представители духовенства обладали высокой личной религиозностью: в 1904 г. из 800 каргопольцев, числившихся по духовному ведомству (включая малолетних), не причащалась по опущению* всего 1 женщина;

* Т.е. без уважительных причин, по оплошности или нерадивости. Были еще непричащавшиеся “по отлучкам и другим препятствиям”, но они, возможно, причащались в тех приходах, куда отлучались.

среди взрослых процент причащавшихся достигал 97,6% в Каргопольском уезде и 96,7% в Олонецкой епархии в целом⁶. Регулярное и повсеместное исполнение христианского долга духовенством и членами их семей служило примером для всего населения. Образовательный уровень духовенства в приходах существенно менялся с течением времени. В 1829 г. из 9 городских священников четверо имели полное богословское образование, а из 48 уездных — лишь двое; примерно такая же картина была и в целом по епархии. Но уже в 60-е годы 9 священников в городе из 10 закончили курс обучения, а в уезде — 45 из 50⁷. В это время еще встречались выходцы из священнических семей, имевшие лишь домашнее образование и прошедшие долгий путь по церковной лестнице от пономаря и псаломщика до дьякона и священника⁸. А еще через 20 лет в городе все священноцерковнослужители имели положенное образование, окончив семинарию для священников и дьяконов или духовное училище для псаломщиков и причетников, и в уезде таких было значительное большинство (см. табл. 2). Среди священников только изредка встречались выпускники духовных училищ либо те, кто выбыл из семинарии до ее окончания. Многие из дьяконов имели незаконченное семинарское образование. Учились, но по разным причинам не сумели закончить духовное училище или семинарию и большинство церковнослужителей. Как правило, они с детства усваивали церковный устав, и к старости, особенно во второй половине XIX века, некоторые становились священниками, но многие до конца жизни оставались церковнослужителями.

Таким образом, к концу XIX в. преобладающая часть священноцерковнослужителей имела не только практическую выучку, но и теоретические знания. Приходское духовенство представляло собой сословие, имевшее специальное образование, заботившееся о пополнении своих знаний; в приходские библиотеки выписывались такие издания, как “Церковные ведомости”, “Руководство для сельских пастырей”⁹ и др.

Посмотрим на материальное положение священноцерковнослужителей. Судя по отчетам благочинных, в XIX в. оно было весьма трудным и, видимо, ухудшалось на протяжении столетия. В 1830 г. епископ Игнатий характеризовал его как “не без довольной скудости”¹⁰. А в конце XIX — начале XX в. благочинные постоянно отмечали положение рядового духовенства как “малодостаточное”, “малообеспеченное”, “менее чем удовлетворительное” и даже “скудное”, что усугублялось обязательной для всех священников необходимостью дать надлежащее (обычно духовное) образование своим детям: “жизнь духовенства с семействами и детьми, требующими образования и больших расходов на это, совершенно не обеспеченная, а у низших чинов чрезвычайно неприглядная и бедная”¹¹.

На что же жили сельские пастыри? Средства существования служащих в церквах складывались из трех источников: штатного жалованья, доходов от

хлебопашества на выделенной церкви земле, а в Каргополе — от капиталов по духовным завещаниям и пожертвований прихожан. Жалованье причта было скудным и сильно разнилось в городе и селениях. Так, в 1888—1889 гг. в Каргополе священник с совмещением законоучительства получал 390 руб. в год, диакон, который одновременно со своими обязанностями обучал церковному пению, — даже 430 руб., а псаломщик — 180 руб. в год; в уезде же священник получал 120—150 руб., а причетник — 32—60 руб. в год¹². При этом в уезде работа по обучению Закону Божию священникам, а грамоте и письму — дьячкам, как правило, не оплачивалась.

Даже в Каргополе получаемых денег не хватало, и многосемейным, каковой была большая часть священства, сводить концы с концами было затруднительно. А в уезде сетования на мизерность казенного содержания постоянны: “жалованье, получаемое из казны, настолько незначительно, что равняется почти поденной плате какого-либо простого работника, а при той дороговизне на все жизненные припасы, какая существует ныне, и при тех условиях, в которые поставлено теперь духовенство в отношении к обществу, к семейному быту, к образованию детей и проч., положительно не знают причты, куда его и расходовать”¹³.

Другой источник существования духовенства — земледелие, хотя в Каргополе и более высокоурожайное, чем в остальной Олонецкой губ., требовало много времени и давало нестабильные доходы. Из-за своей занятости священники обрабатывали землю обычно посредством найма, что не давало достаточных средств. К тому же в некоторых приходах, особенно расположенных по Архангельскому тракту и на южном побережье озера Лача, церковь не имела всей положенной причтам земли¹⁴.

В результате нестабильности и скудости этих доходов, призванных быть основными среди средств существования духовенства, большое значение имела так называемая руга — пожертвования прихожан хлебом, шерстью, другими сельскохозяйственными продуктами, деньгами и вещами: “Во всех приходах причты пользуются от прихожан ругою, которую они собирают сами в разное время года. Руга эта неопределенная и зависит от усердия и расположенности к духовенству и от довольства и скудости их (прихожан. — Г.М.). И поэтому в настоящие неурожайные и весьма скудные годы руга (...) доходит до крайней малости, и только бедность и скудость средств духовенства вынуждают его невольно обращаться к прихожанам”¹⁵. Эта руга, как замечали благочинные, с каждым годом уменьшалась. Особенно болезненным ее сбор становился в неурожайные годы, когда земля едва возвращала то, что было посеяно; в такое время крестьяне порой отказывались жертвовать причтам. В конце XIX века благочинные прямо называли ругу добротным подаянием, которое было причиной обострения отношений духовенства со своей паствой. Из года в год в отчетах благочинных рисуется прямо-таки тягост-

ная картина и настойчиво предлагается принять меры к прекращению униженного для духовенства попрошайничества: "сбор пожертвований с прихожан хлебом и деньгами настолько ничтожен и тягостен для духовенства, что очень желательно (...) чтобы оно было избавлено от него". Порой подаяние становилось прямо-таки нищенским, "но бедность и скудость средств духовенства заставляют дорожить и куском хлеба и грошом"¹⁶.

Надо вспомнить и о расходах, вызванных сильной разбросанностью северных приходов: чаще всего в отдаленные деревни священники ездили на своих лошадях "безмездно"; лишь отдельным приходам полагалось от епархии 20 руб. в год на разъезды "по неудобству сообщений и дальнему разстоянию приходских селений от церкви"¹⁷. Как правило, на содержании детей-священников либо просто при церкви жили заштатные служители церквей (больные и престарелые), ибо редкие из них имели право на пенсию в 90 руб. в год¹⁸, которая давалась за полную выслугу лет.

И хотя некоторые историки советского периода оспаривали тяжесть материального положения белого духовенства¹⁹, даже поверхностное знакомство с прессой конца XIX в. убеждает, что проблема эта не только существовала, но и осознавалась всем российским обществом как одна из болевых точек времени. Вопрос об обеспечении приходских священноцерковнослужителей достаточным содержанием взамен "добровольных дааний" обсуждался в то время и в светской, и в церковной печати. Постоянны заметки о необходимости улучшения быта духовенства, о его пенсиях и пособиях на страницах журнала "Православное обозрение"²⁰. Несомненно, что по уровню достатка каргопольское приходское духовенство мало отличалось от крестьянства, деля с ним все превратности и полную зависимость от северного земледельческого хозяйства. Сильно заниженные штатные ставки не были основой материального положения священников, а ружное содержание, представляя собой пережиток предшествующих договорных отношений крестьян и причта, явно себя изжило и нуждалось в изменении.

Как же выполняло духовенство свои обязанности по отправлению церковных служб, таинств и треб? Как рассказывают отчеты, в приходских храмах службы совершались обычно в воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, а в отдельных приходах — еще и в будни. В городе купечество организовывало богослужения в отдельные дни за свой счет²¹. В приписных храмах духовенство служило несколько раз в год — в храмовые и в наиболее чтимые православные праздники. Но в некоторых, наиболее удаленных от центра прихода деревнях службы проводились раз в 2—3 недели. Священники служили в церквях с должным тщанием и благоговением, "без допущения скорости в чтении и двоегласия в пении"²². С богослужебной функцией тесно связаны исповедование и причащение прихожан. В них личность священника, его умение найти подход к каждому обратив-

Картина С.Д. Милорадовича “Крестины”. 1901 г.

шемуся к нему прихожанину играли совершенно особую роль. Число исповедавшихся и причастившихся — важнейший показатель духовного уровня самого священника. Поэтому так важно, что благодаря “особой пастырской ревности и влиянию”, число исполнивших христианский долг исповеди и причастия в д. Проймачевская Бережнодубровского прихода (III благочиние, конец XIX в.) возросло с 15 до 80 человек²³.

Исполняя требы и таинства, духовенство довольно часто бывало в домах прихожан. Общеприняты были молебны в домах на Пасхальной неделе и в храмовые и часовенные праздники; в Великий пост священники ходили по домам “для прочтения положенной в начале поста молитвы”²⁴. Нередко священники причащали на дому больных, крестили новорожденных. За требы и таинства священнику полагалась определенная плата: за венчание — до 4 руб., “а очень бедных и даром иногда венчали”, за крестины и похороны —

20—30 коп., за общий молебен в часовне — “что каждый хозяин положит на блюдо от своего усердия”, за частный молебен в домах в Пасху — 10—20 коп., в остальные праздники — овсяник (хлеб из овсяной муки), за молебен в церкви у почитаемой иконы, служившийся не для всех вместе, а по группам в 5—10 человек, — 3—5 копеек. При этом некоторые крестьяне отработывали положенные деньги летом, а иной священник довольствовался тем, что дадут: “припросить у него не хватало ни совести, ни решимости”; порой долг и вовсе прощался²⁵.

Еще одна сторона деятельности священства — просветительская и образовательная. Помимо проповедей, включенных в состав богослужений и имевших воспитательное значение, в 1880-е годы входили в практику внебогослужебные собеседования, в ходе которых священники обучали прихожан основным православным заповедям (“Десятословию”), молитвам, Символу веры, разъясняли смысл и значение отдельных моментов богослужения, а также истины веры и христианской жизни: “Изустное преподавание Символа веры, Молитвы Господней и Десятословия [...] введено. Преподавание это ведется [...] иногда с церковной кафедры, а иногда после утрени или в церкви, или в домах священников. Многие из прихожан очень внимательны к такому преподаванию, отчего [...] понимание оных у них довольно разумное”²⁶. Особое значение это имело для неграмотных крестьян, не умевших самостоятельно прочитать и выучить молитву, “и многие старые уже люди, как они сами открывают, выучили чрез это нужные молитвы”. В некоторых приходах собеседования проводились не только в воскресные и праздничные дни (за исключением летнего рабочего времени), но и в будние дни Великого поста. Иногда эти собеседования заменялись чтением вслух грамотными крестьянами житийной и другой литературы духовно-нравственного содержания²⁷.

Не забывали священники о своем долге наставлять и просвещать, и бывая у прихожан дома: “Проповедуя слово Божие неопустительн [...] за богослужением, пастыри церкви и при посещении домов прихожан по разным случаям стараются внушить им правильные понятия о предметах вероучения, разъясняя при этом разные их недоразумения и в то же время обличая разные пороки, суеверия и предразсудки. Беседуют при этом и с малыми детьми, научая их правильно изображать на себе крестное знамение и читать краткия молитвы”²⁸. Вообще священство старалось “посевать в сердцах истины Православной христианской веры”, и многие охотно слушали такие наставления.

На духовенстве лежала и обязанность преподавания в церковноприходских школах. Церковная школа — древнейшее на Руси общеобразовательное учебное заведение²⁹. Долгое время она “была единственным светильником среди [...] православного русского народа [...] Священник или другой кто из

причта открывал школу в своем доме, в церковной сторожке, редко в доме сельского общества и в силу исполнения 10 правила VII Вселенского собора (...) учил, не требуя за это никакой мзды или довольствуясь тем вознаграждением, какое могли давать прихожане”³⁰.

Обучение сельских детей было в основном делом церковного причта до появления особых учителей примерно в середине XIX в.: священник учил Закону Божию, дьячки — церковнославянскому чтению (“церковной печати”), русскому чтению (“гражданской печати”) и письму, церковному пению. Уроки Закона Божия были ежедневными. Учительский труд причта не оплачивался. Занятия проводились в церкви, дома у кого-нибудь из членов причта или в их домах по очереди, а нередко и в домах учеников, тоже по очереди. За обучением детей наблюдали благочинные, сообщавшие в отчетах о состоянии церковноприходских школ, усилиях наставников и успехах детей³¹. Священники преподавали Закон Божий и в школах, созданных земством и Министерством народного просвещения. “Законоучители в земских училищах дело свое исправляли с усердием, — сообщалось в отчете за 1889 г. из I благочиния. — Направление (...) в училищах теперь (...)изменилось) к лучшему и поведено в духе церковности. Мальчики и девочки приучаются к чтению и пению в церквях”³².

Многие священники отдавали преподаванию все свободное от служб время. Священник Иоанн Ярославцев в Волосовской церковноприходской школе долгое время был и заведующим, и законоучителем, и учителем; школа постоянно находилась в центре его внимания. Благодаря его заботам, в 1902 г. для нее было построено новое здание³³. Василий Георгиевич Преображенский, сын псаломщика, окончивший духовное училище и семинарию, начинал учительствовать в Троицком земском училище в 1878 г.; впоследствии он принял сан священника и выполнял обязанности благочинного II округа. Преподавая Закон Божий, он неустанно заботился о школах и за свои труды заслужил благодарность сельчан и множество знаков отличия, в том числе орден св. Анны III степени³⁴.

В течение всего XIX в. важной миссией каргопольского духовенства было обращение на путь православия старообрядцев, — по терминологии благочинных, “раскольников”. Стараясь общаться с ними, священнослужители заходили к ним домой и приглашали их к себе, стремились относиться к ним “благоразумно, осторожно, терпеливо”. Но это было непросто, ибо те “питали вражду” и порой отвечали несдержанно и грубо. Были и такие, “которые редко впускают и в дома свои кого-либо из причта, а ежели и принимают, то по какой-либо необходимости”³⁵. Даже если “раскольники” и оказывали духовенству наружное уважение и почтение, но в душе часто относились к нему враждебно. Поэтому в их домах священники выполняли требы с особенной тщательностью и аккуратностью.

Особое положение служителей церквей в деревенском мире предъявляло высокие требования к их духовно-нравственному облику и образу жизни. Большинство из них вело строгую и воздержанную жизнь, являвшуюся примером для других. “А смотря на добрую жизнь пастырей и прочих членов причта, — свидетельствует один из отчетов, — и прихожане, если не удаляются грубых и чувственных удовольствий и пороков, то во всяком случае с охотою и полным вниманием выслушивают пастырския наставления и поучения и стыдятся не только пред пастырями, прочими членами причта, но и взрослыми членами их семейства выказывать свою порочную жизнь”³⁶. Собственным примером проповедовали пастыри и необходимость трезвенности, отказываясь от употребления хмельных напитков³⁷. Вопреки распространенным с конца XIX в., и особенно в советское время, представлениям о сельских священниках (в них не последнюю роль сыграли картины художников-передвижников), типичным был именно трезвый, трудовой, молитвенный образ жизни. Но справедливости ради надо отметить, что встречалось и иное: курение, пьянство, ссоры. Церковное начальство боролось с недостатками своих служителей самыми разными способами: от внушения и назначения земных поклонов перед иконой в церкви (по 40 поклонов ежедневно в течение 1—2 месяцев) до отправления на временное послушание в местные монастыри и запрета служения и ношения рясы, а иногда и лишения сана. В 1830 г. епископ Игнатий “неисправными” нашел из 79 священнослужителей 6 (3 священника и 3 диакона, из них трое обвинялись в строптивости нрава и трое — в нетрезвости), а из 120 церковнослужителей еще 6³⁸. Время от времени сообщали о наказании замеченных “в пристрастии к винопитию” и благочинные³⁹. Не будучи типичными, подобные случаи в течение века учащались.

Выявленные материалы позволили проследить многолетнюю историю спивающегося священнослужителя Устьмошского прихода (III благочиние) Александра Ильинского. В течение 10 лет продолжалась борьба за его исправление. Впервые его имя встретилось в 1889 г., когда он был диаконом, состоявшим под запрещением (видимо, временным) священнослужения и ношения рясы; вероятно, еще раньше он был переведен на эту должность за нетрезвый образ жизни. Однако это не послужило исправлению А. Ильинского. Почти через 10 лет епископ Назарий при посещении прихода сделал ему архипастырское наставление. Но, как следует из доношения благочинного в январе 1899 г., это “подействовало на о. Ильинского в противоположную сторону (...) на убеждения благочинного (он) говорит, что никак не может укрепиться”. По этому же поводу через 2 месяца было вынесено консисторское определение, постановившее в качестве последней меры взять с А. Ильинского подписку об обязательстве в течение 3 месяцев исправить свою жизнь и сделаться истинным пастырем церкви; иначе ему грозили пе-

реводом в худший приход на должность псаломщика. А. Ильинский выдал подписку, в которой обещал употребить "все силы по принятому на себя пастырскому званию", но не сдержал своего слова. Ему предложили подать в заштат и поселиться в монастыре (по выбору). Имя этого священника встретилось еще раз в 1901 г.: "о. Александр Ильинский давно уже болеет и теперь уже, можно сказать, не от употребления водки, а вследствие прежде разстроенного здоровья"⁴⁰.

Высоко благочестивый образ жизни вели сельские матушки — жены священников и других членов причта, их дочери. Они часто совершали паломничества в Соловецкий, Александро-Свирский и другие монастыри⁴¹, помогали в церквях, работали учительницами. Об одной из них — великой терпеливице, поднимавшейся до высот подвижничества, рассказал благочинный I округа. Священническая дочь, жена благочинного Васса Петрова прожила с мужем всего 11 лет и после его смерти вдовствовала более 40 лет. Не имея детей, собственного дома, почти не имея средств к существованию (кроме скудной и нерегулярной пенсии мужа), страдая болезнью ног и немощью от старости, Васса, призреваемая почти столь же нищим старцем, питалась подаванием. Но она ничего не просила (даже и за милостыней не ходила, а довольствовалась тем, что принесут), ни на кого не роптала и за все благодарила Бога: «И за скорби славит Бога "Божие дитя" матушка благочинница»⁴².

Между священнослужителями и прихожанами нередко складывались теплые отношения: отеческие с одной стороны, почтительные и уважительные — с другой. Крестьяне с участием относились к труду священников, помогали им в крестьянских работах (чаще во время жатвы). Расставание со священником, вынужденным по какой-либо причине покидать свой приход, часто трогало прихожан до глубины души. "Дорогой ты наш батюшка, родной ты наш, не ходи ты от нас, не ходи; как ты нас оставишь, как мы будем с новым-то обживаться", — говорили о. Ювеналию Петрову крестьяне Большешалгского прихода (IV благочиние); род Петровых — отец Иван и 2 сына (Владимир и Ювеналий) — прослужили в этом приходе около 40 лет⁴³. Для прощания с о. Александром (Здравомысловым), прослужившим в Надпорожской церкви (II благочиние) 16 лет, собралось столько прихожан, что все не вместились в храм, и часть людей стояла на паперти: «Когда же отец Александр земно поклонился, прося своих бывших прихожан простить и отпустить его с миром (...) резкий, за душу хватающий плач пронесся по церкви и не прекращался долгое время. То плакали женщины и дети. Но не устояли и закаленные в трудной жизненной борьбе мужички! И они заскорузлыми кулаками утирали появившиеся на глазах их слезы. В разных местах храма раздавались возгласы: "Ты, батюшка, прости нас, грешных! Не видали мы от тебя никакого худа,

кроме добра! Не будет у нас больше такого священника!" Об о. Александре скорбели и старообрядцы, "благодарные за <...> всегдашнее в духе Евангельской любви беседословие"»⁴⁴.

Приведем примеры душевных отношений пастырей и пасомых⁴⁵. "Батюшка у нас простой, — говорили крестьяне Исаевского прихода, иди к нему смело, когда угодно. А денег за требу не случится, так и так (без денег)". Этот батюшка, прослуживший в приходе 20 лет, здоровался со всеми прихожанами за руку, пешком ходил на требы к тем, кто не мог прислать лошадь, служил для бедняков в долг и прощал долги. И прихожане любили его и прощали его слабость к хмельным напиткам: "Не нам его судить, он сам за это пред Богом ответит, а для нас он благодетель, такого не бывало и не будет"⁴⁶. Большая взаимная любовь связывала священника Нименского прихода Павла Казанского, благочинного V округа, и его прихожан. "В народе есть очень много добрых качеств, — писал благочинный о своих подопечных. — <...> Есть <...> и такие прихожане, которые и словом, и делом показывают себя истинными сынами Святой Церкви". Крестьяне отвечали ему любовью: в 1903 г., когда праздновалось 40-летие священнической деятельности о. Павла (все 40 лет — в одном приходе), они поднесли юбиляру купленный "из своих трудовых копеек" крест стоимостью 100 рублей. Ведь "пастырь, 40 лет добре подвизавшийся на ниве Божией, действительно заслужил любовь и уважение своих прихожан"⁴⁷. Другой каргопольский благочинный — протоиерей Иоанн Стефанович Чернявский (III округ), также прослуживший более 40 лет в одном Устьмошском приходе, где он и умер, за "несение креста жизни сельского пастыря" имел золотой крест, поднесенный прихожанами⁴⁸.

Яркий пример любви крестьян к своему священнику являет прошение мошинских прихожан в Олонецкую Духовную консисторию (1900 г., раздел "Публикации и материалы" настоящего издания. С. 252—253), в котором они просили вернуть перемещенного из их прихода о. Константина. Прошение содержит полторы страницы подписей крестьян, некоторые "прилагают руку" за неграмотных (с указанием имен и фамилий каждого) и за себя. К сожалению, это дело не имело счастливого завершения, ибо резолюция епископа Олонецкого и Петрозаводского Назария на нем гласит: «23 февраля 1900 г. Прошение это стоит в противоречии <...> что сказал мне сам о. Константин, а он сказал мне, что и прихожане его ненавидят <...> Выгодно ли и добровольно ли переводят свящ. Мегорского в другой приход, по слову: "отойди от зла и сотвори благо". Уведомить прихожан, подписавших эту бумагу, что я очень забочусь о том, чтобы у них были добрые пастыри, которые вели бы мошинскую паству ко спасению»⁴⁹. Тепло вспоминали горожане о почившем незадолго до революции протоиерее городского Владимирского прихода Г.А. Нименском: он — «последний из каргопольских батюшек-старожилов,

дорогих прихожанам “по близости” к ним (что так влечет пасомых к пастырю)». Одна старушка говорила: “Не смогла я раньше умереть, о. Григорий помянул бы хоть по-хорошему”⁵⁰.

Сердечно относились крестьяне к другим членам причта, звавшимся “церковниками”: «И любит же народ таких “церковников” — всегда им имя, отчество и низкий поклон (...). Если есть и недостатки какие, то народ ради сей-то их церковности прикроет своею любовью, отдаст Богу судить, а сам не осудит»⁵¹.

Но встречалось и взаимное непонимание пастырей и паствы. Вследствие завершившегося отделения приходского духовенства как сословия от крестьянства возрастало их отчуждение, приводившее иногда к скрытым или явным конфликтам. Священники (многие уже потомственные) оценивали своих прихожан со строго канонических позиций и требовали знания молитв, четкого следования церковным правилам, беспрекословного подчинения себе как облеченным священным саном. Многие не одобряли широко распространенных в Каргополье традиций общественного пивоварения, общинных трапез и гостевания в храмовые и часовенные праздники, продолжавшиеся по несколько дней и включавшие обильные угощения. Одно из свидетельств этому содержится в описании Валдиевского сельского прихода, опубликованном в конце XIX в. по составленным в 1850-е годы запискам приходского священника Феодора Ивановича Гурьева. О. Феодор в Валдиеве служил с 1846 г. и был вторым после открытия прихода священником. Удалось установить, что до этого (в 1840—1844 гг.) он был “пресвитером” в Кирилло-Челмогорской пустыни, где переработал Житие прп. Кирилла, о чем оставил запись на первом листе⁵². Будучи человеком книжным, имевшим склонность к литературному труду, довольно оторванным от местной жизни, о. Феодор отмечал много недостатков у своей паствы, и его недоброжелательность к валдиевцам доходила до того, что он ставил им в укор даже использование в речи диалектных слов: по его мнению, они “насмехались над умными” и говорили “коловратно”. Но и крестьяне “чинили пакости” о. Феодору: не хотели предоставить отдельную квартиру (в имевшемся священническом доме жила вдова предыдущего священника), отняли у церкви дополнительно нарезанную землю, творили “ропоты, брани, хулы, досады” и вообще “вольничали, как хотели, и стояли друг за друга до самоотвержения”⁵³.

Подобный же конфликт, изложенный местным учителем уже с позиций крестьян, зафиксирован в рукописях Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. Когда в Исаевский приход на место старого, любимого крестьянами священника поступил новый, он “показался строг, несимпатичен” из-за своей высокой требовательности и отстраненности. В противоположность предыдущему “батюшке” “новый поп” воспринимался крестьянами, как

“начальство”, во взаимоотношениях с которым уже давно была выработана определенная тактика: “Али и каждое новое начальство возьми: ух, говорит, все у вас неладно, я вас научу по-своему! Ну и потрапишь ему перво-наперво, а поманит колько ли, да и замолчит”. Пристально наблюдавшие за новым священником крестьяне отзывались о нем так: “Нет, еще жидок на ногах(...) если так будет поступать, так немного навертится: архиерей-то не у него про нас спрашивает, а у нас про него; нам што? из мужика-то попа не сделаешь...”⁵⁴ Очевидно, что налаживание добрых отношений — процесс двусторонний, требующий взаимных уступок, и это ясно осознавали крестьяне. В таких условиях пастырю подчас требовалось немало мудрости, такта, терпения.

Еще одна обязанность священников — забота о храмах, их благолепии, украшении, а также исправлении и поновлении. Нередко на благоустройство храмов священники жертвовали свои личные средства: деньги, церковную утварь, иконы, киоты к храмовым иконам, книги, покровы и облачения, капиталы на поминование родственников⁵⁵. Благодотный I округа Василий Ильинский, получивший благодарность епископа Назария (1899 г.) за усилия в добывании средств для ремонта и благоустройства храмов, рассказал, как он это делал: он собирал прихожан в храм и, помолвившись пред храмовой местнотчимой иконой, пропев ей тропарь, обращался к прихожанам с речью о недостатках храма и необходимости их исправления. После прений и жалоб на бедность прихожане соглашались на поправку святого храма и составляли “приговор” о необходимых пожертвованиях с души в течение определенного времени. Сход кончался пением величания храмовому святому. В завершение рассказа В. Ильинский писал: “С упованием на Бога и верою в Его всесильную помощь, с пробуждением к более энерготичной деятельности причтов и прихожан смею надеяться, что вперед дело пойдет еще лучше, и общими усилиями поднимем упавшее, подкрепим пошатнувшееся, подновим приходящее в ветхость, исправим недостатки и приведем в возможно приличнотый и относительно благолепнотый вид наши святые храмы”⁵⁶. К сожалению, как показали события начала XX в., надежды священника не оправдались.

После революции для Церкви наступили трудные времена. Уже в 1922 г. 10 градских церквей были закрыты на основании “личного отказа общин” от их содержания; их имущество передавалось советским учреждениям, а колокола отправлялись на лом⁵⁷. Широкомасштабные акции 1922 г. по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья проводились и в Каргополье: изымались серебряные венцы с образов, ризы даже с чудотворных икон, оклады с Евангелий, кресты, сосуды, дарохранильницы. Изъятот пудами сдавалось в Вологодскую губернскую кассу, причем ковчеги и дарохранильницы — “в разобранном и ломаном виде”;

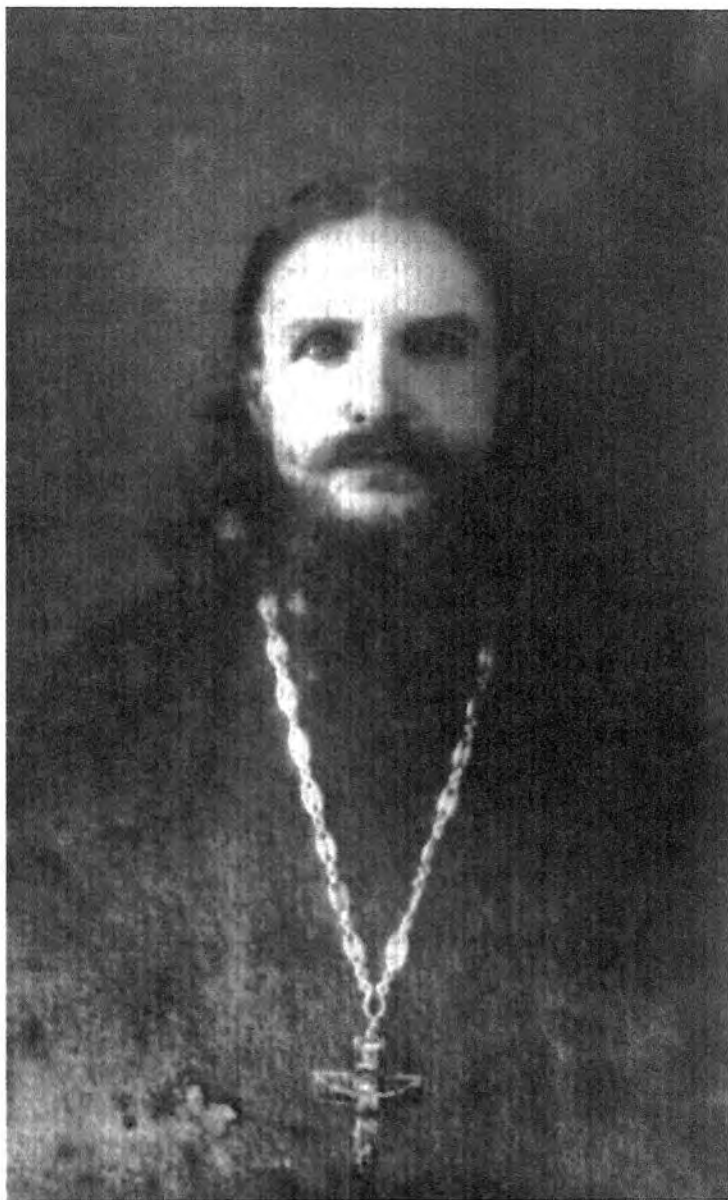
отдельно сдавались ризы с икон (более 3 пудов), а еще более 3 пудов “лому разного”, всего более 8 пудов за один раз⁵⁸. Повсеместно у священников отнимались церковноприходские дома, а при рассмотрении жалоб лицемерно заявлялось, что “недовольства нет в настоящее время”. Показательно заключение юрисконсульта Вологодского губернского исполкома Богословского в ответ прихожанам Ухотской вол., жаловавшимся на “отобрание” церковного дома и на пробивку отверстия для радиостанции в куполе колокольни. Одоблив и обосновав правильность обеих акций, Богословский отметил, что все это “ни в коем случае не может затронуть религиозное чувство большинства верующих”⁵⁹. К середине 1920-х годов церковные земли были переданы сельским обществам, у церквей осталась лишь усадебная земля при храмах⁶⁰.

Но отделенная от государства и отстраненная от дела обучения, лишенная средств существования и возможностей духовного просвещения, подвергающаяся нападкам, клевете и поруганию, вынужденная мириться с антицерковными акциями и действовать в условиях сдержанно-враждебного отношения власти и собственного внутреннего нестроения, Церковь все же еще не была отделена от своей паствы и в основном сохраняла свои здания, святыни, прихожан, служителей, само богослужение вплоть до 1930-х годов, когда началось массовое закрытие церквей. О доброжелательном отношении народа к священникам рассказывали автору в полевой экспедиции многие: “Папа любил священникам помочь. Как сенокос, пожня*” — деревня пришла, ему скосили безо всякой платы. Печка в церкви (снабжалась дровами) не, как сейчас, в сельсовете; у церкви дров нету — мужчины собрались, поехали в лес. Все как-то дружно, хорошо” (информатор 1920 г. рожд.).

Большой удачей для деревни был приезд священника (чьего-то родственника), тогда его просили окрестить всех родившихся и отпеть всех умерших за это время. В с. Лекшмозеро (Каргопольского района Архангельской обл.) автору рассказывали: “Дети крещеные. Брат отца — поп из Архангельска — приезжал(...) Приехал, окрестил на Курмине всех детей, и больших, и маленьких”. Этот крестивший многих детей в лекшмозерских деревнях “поп” — местный уроженец, дьякон церкви с. Думино Хергозерского прихода Степан Федорович Морозов. Как вспоминала его племянница, он стал священнослужителем “по завету” (обету), после того как обгорел, но остался жив, а два его товарища погибли в огне. После закрытия церкви он работал конюхом и рабочим, а потом уехал в Архангельск и там служил в церкви. Когда он приезжал на родину, одна из родственниц ему говорила: “Ты долго будешь этот балахон носить?”⁶¹

Как известно, жизнь Русской Церкви после революции отмечена внутренним нестроением, появлением различных раскольниковских обновленче-

* Жатва.

Отец Алипий, последний священник церкви Прп. Александра Свирского
на Хижгоре (Лекшмозерской вол. Каргопольского уезда Олонецкой губернии).
Первая четверть XX в.

ских течений и локальных церковных группировок, находившихся в юрисдикции так называемых “автокефальных” епископов, не имевших общения с другими архиереями. Обновленческие тенденции в Каргополье не получили существенного развития: основная часть и духовенства, и прихожан оставались в лоне Русской Православной Церкви⁶². Тем не менее с конца 1925 г. каргопольские обновленцы имели своего епископа⁶³.

Судьбы многих служителей церкви того времени сложились трагически, чуть не каждый подвергся репрессивным мерам. Все работавшие в церкви были лишены избирательных прав, права на бесплатное медицинское обслуживание: в одной Лекшмозерской волости таких было около 20 человек. Бывших священников не принимали ни на какую работу⁶⁴. После 1924 г. был лишен имущества и выслан священник церкви Прп. Александра Свирского на Хижгоре о. Алипий (Александр Иванович Иевлев, род. в 1877 г. в г. Туле). О. Алипий — “черный”, монашествующий священник. Нынешние старушки помнят его, как “очень Божественного”, часто одинокого и задумчивого красивого молодого человека, хорошего и грамотного служителя⁶⁵. Он остался жив и в конце 1940-х годов служил духовником Пюхтицкого женского монастыря. До этого времени не прерывались духовные связи о. Алипия со своими бывшими прихожанами, и особенно прихожанками: он переписывался с ними, а кто-то даже ездил к нему в обитель погостить⁶⁶. В сохранившихся письмах о. Алипия (раздел “Публикации и материалы” настоящего издания. С. 253—258) — стремление утешить крестьян в “скорби сердца и томлении духа”, охвативших их в “тьме беспросветной”, и поддержать в “любви о Христе”, ибо и в разлуке он оставался их духовным наставником и руководителем.

На Каргопольской земле вырос один из новомучеников Российских, канонизированных в 1992 г., — митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, в миру Василий Казанский (1873—1922). Родившись в семье священника Нименского прихода, в 15 лет он уехал учиться в Санкт-Петербургскую семинарию и больше не вернулся на родину. После Февральской революции сщмч. Вениамин стал первым избранным предстоятелем Петроградской Церкви. Он пользовался особой любовью в приходах, где жили рабочие и бедные люди, прославился на поприще спасения падших женщин. Сщмч. митр. Вениамин был расстрелян по Петроградскому процессу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. За несколько дней до расстрела он писал: “В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те <...> Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа <...> Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявлять подобного мужества даже до смерти”⁶⁷.

МОНАШЕСТВУЮЩИЕ

История монашества насчитывает в Каргополье не одно столетие. Здесь просияли великие подвижники, основатели монастырей, ставшие святыми покровителями края. Их обители были подлинными духовными центрами округи и в XIX столетии. В это время действовало четыре монастыря: мужские Спасо-Каргопольский (бывшая Спасова-Строкина пустынь), Александро-Ошевенский, приписанный к нему (а с 1899 г. самостоятельный) Кирилло-Челмогорский и женский Успенский (бывшая мужская пустынь Иоанна Волосатого). В 10 верстах от Александро-Ошевенского монастыря была еще приписанная к нему маленькая Спасо-Озерская пустынька. Все монастыри существовали по крайней мере с XVI столетия, а Александро-Ошевенский монастырь — с XV в.⁶⁸, но были невелики по числу монашествующих: в мужских монастырях штат насельников не превышал 10—15 человек. В женской обители монашествующих было гораздо больше, и их число росло в течение всего XIX столетия: от 17 человек (10 монахинь и 7 послушниц) в 1834 г. до 53 (20 монахинь и 33 послушницы) в 1907 г.⁶⁹ Однако фактически в монастырях проживало в 2—3 раза больше народа, чем указывалось в консисторских документах, так как в них жили еще так называемые “богородники”, существовавшие вне штата, за счет средств самого монастыря и подаваний “Бога ради”. Так, в конце XIX — начале XX в. в Спасо-Каргопольском монастыре, кроме 9 “указных” монахов и послушников, жили 12 богородников; в женском монастыре, кроме 53 монахинь и послушниц, проживало 106 богородниц, а вместе с работницами всего около 200 человек⁷⁰. Многие до зачисления в число штатных послушников жили на положении богородников.

Во главе монастыря стоял управляющий или настоятель, который отчитывался о положении дел и состоянии монашествующих. Как правило, он имел “всеусердную печность” о своей обители и заботился, чтобы она была “в самом хорошем порядке”. Настоятелю помогал казначей, иногда помощник управляющего; был в монастыре и свой духовник. Женский монастырь должен был содержать еще и причт для церковных богослужений⁷¹. Иноков опекал особый благочинный — над монастырями.

По сведениям из ведомостей о монашествующих и бельцах*, сообщавших подробные сведения о насельниках (выдержки из них приведены в табл. 3 раздела “Публикации и материалы” настоящего издания, С. 247—251), можно представить общий облик каргопольского монаха. В конце XIX — начале XX в. средний возраст монашествующих составлял 52 года у мужчин и 59 лет у женщин. У женщин было довольно много — более 1/3 — нетрудоспособных, “неспособных к послушаниям” по старости и болезни; у мужчин о

* Послушники, еще не постриженные в монахи.

дрялости лет и немощи по состоянию здоровья упоминалось лишь изредка. По социальному составу монастыри сильно различались: в более крупных и городских мужских монастырях преобладали выходцы из духовенства, в сельских и женском — из крестьян. Так, в Кирилло-Челмогорской пустыни бывшие крестьяне составляли $\frac{2}{3}$ монашествующих (6 из 9 человек), причем 4 из них — из ближайших к пустыни деревень Лекшмозерской вол., а один из крестьянских выходцев из Олонецкой губ. — молодой иеромонах 36 лет (сведения на 1900 г.). Среди женщин дочери крестьян — “усердные труженицы” — составляли 74% (31 из 42), в том числе управляющая, а из духовного сословия происходило менее 10% (4 из 42); остальные указывались как “козачья дочь”, “мастерового дочь”, “вольноотпущенного дворового человека дочь”, “мещанская дочь”⁷². Преимущественно крестьянский состав монашествующих в конце XIX — начале XX в. подтверждается и сведениями о постриженных в Олонецкой епархии: в 1870 г. из 10 человек 6 были из крестьян (60%), а в 1904 г. из 17 человек — 14 (82%)⁷³.

Неграмотными среди мужчин были 4 (все из крестьян) из 21 штатных насельников всех монастырей; у монахинь уровень грамотности ниже; почти о каждой говорилось “в школе не была”, но далее часто добавлялось “но грамоту знает” или “чтению и пению учена”. Тем не менее примерно половина монахинь и послушниц (22 из 42 человек) не имели этого добавления, т.е., видимо, были неграмотны или малограмотны. Однако элементарные православные знания были обязательны: основные молитвы, Символ веры и заповеди знали наизусть почти все, за исключением 1 монахини и 1 послушницы (сведения на 1889 г.)⁷⁴.

Почти все богослужебные и хозяйственные работы выполнялись посредством послушаний, распределенных между братьями (сестрами): клиросного, амбарного, по хозяйственной части, по письмоводству, повара, сборщика добротных подаваний, гостинщика, рыболова и др. Как правило, у всех отмечались способность к послушаниям (за исключением больных) и усердность в их выполнении. Лишь об одном из монахов (хотя он и жил в Спасо-Каргопольском монастыре уже около 10 лет в качестве богорадика, послушника, монаха) сообщалось, что он “качеств и направления мало монашеского”, у него единственного отмечалась и склонность к употреблению “горячительных напитков”⁷⁵.

Главное значение в монастырской жизни имело, конечно, богослужение. “Церковная служба совершается ежедневно неупустительно, без пропуска, согласно церковному уставу, чтение неторопливо, двугласия в церкви отнюдь не допускается”, — примерно так сообщалось в консисторию из всех пустыней. Все монашествующие обязательно присутствовали на службах, усердно исполняли христианский долг исповеди и святого причастия. Так, в женском монастыре на службах в будние дни присутствовали “манатейные” (монахи-

ни), клиросные и некоторые из рясофорных послушниц*, а в субботу на все-нощной и в воскресенье — все, кроме больных. Литургии в будни могло не совершаться “не по недостатку средств и усердия, а по недостатку служащих”⁷⁶.

Образ жизни в монастырях был строг и подчинен монастырскому уставу. “Во всем состоит умеренность в пище и одежде, — рассказывалось о Кирилло-Челмогорской пустыни (1889 г.), — каждый занят назначенным ему послушанием, никаких самовольных поступков не допускается, из братии кто-либо самовольно из обители никуда никогда не отлучается”. Безупречная жизнь братии и доверие и любовь к настоятелю отмечались в Александро-Ошевенском монастыре. Повышенное благолепие и благочестивая атмосфера царили в женской обители. Для поддержания чистоты в церкви назначались послушницы, которые назывались “церковницами”. Славилась женская обитель “ангельским” пением на службах и рукоделиями: “пользуясь от монастыря только трапезой и исполняя все монастырские послушания и работы, сестры находят время, чтобы шить, вязать и вышивать и этими трудами рук своих одеваться, обуваться и доставлять себе невинное утешение чаем и чтением купленной душеполезной книжки”⁷⁷. В монастыре существовала особая рукодельня и процветало шитье золотом и низанье жемчугом.

При изучении дел монастырских фондов встречается информация о самовольных отлучках и задержках из увольнения, нетрезвости, ссорах, “неблагопристойности”. Конечно, проблем в северных монастырях на рубеже веков хватало⁷⁸. Но, безусловно, не отвечает действительности и преобладавшая в светской печати с конца XIX в. и в советское время тенденция представлять монастыри оплотами безделья и разврата. Такие авторы, замечалось еще в начале XX в., глядя на Россию сквозь очки, заказанные за границей, видели одну русскую грязь⁷⁹. Хотя в монастырях, как и всюду в рассматриваемое время, оскудевали горячая вера и духовное подвижничество, все-таки прегрешения монашествующих были отдельными случаями, а не общим стилем жизни; это видно хотя бы из того, что каждое из них вызывало переписку и особые меры.

Необходимо учитывать и то, что монастыри продолжали служить местом исправления провинившихся и неблагонадежных членов причта и служащих духовных ведомств, а также и некоторых из прихожан, что, конечно, не улучшало морально-нравственный климат в обителях. Так, в 30-е годы XIX в. присланные “под епитимию” были во всех каргопольских монастырях: “за буйные поступки”, за самовольные отлучки, за нетрезвость. А крестьянин Бережнодубровского прихода Иван Иванович Богданов был прислан в Александро-Ошевенский монастырь в 1836 г. по делу о волшебстве и колдовстве “до отстатия употребления волшебных действий”. Он прожил

* Послушницы, получившие право носить рясу.

“честно” в монастыре более 2 лет и “по внушению духовника” отрекся от колдовства (“впредь и навсегда чинить не буду”), после чего был отпущен. В женском монастыре “под епитимией” находилась арестантка Надежда Бурмашева, доставлявшая монахиням много хлопот своеволием и упрямством. Но и она через некоторое время монастырской жизни, по словам настоятельницы, “хотя и имеет в характере своем строптивость, но {...} против прежнего ведет себя несколько поскромнее”⁸⁰. Судя по донесениям настоятелей, и с другими недостатками монастыри боролись довольно успешно, по крайней мере во время проживания исправляемых в обителях. Например, пьянство искоренялось, помимо внушений, путем перевода страдавших этим недугом “в черные монастырские труды”, что сопровождалось лишением всяких личных денег.

Хозяйства монастырей были весьма обширны, ведь монахи стремились полностью обеспечивать себя всем необходимым, и в первую очередь пищей. Монастырь кормил и всех работавших в нем, и приходивших в него. Монахи занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и другими промыслами, женщины сами молотили зерно, пилили дрова. В начале XX в. в каждом монастыре содержалось до 10 лошадей и 30 коров, в некоторых имелись “машинные” (не на конной тяге) жнейки, косилки, молотилки, не считая обычного крестьянского инвентаря. Память о хозяйственной славе Александро-Ошевенского монастыря дожила до нашего времени и зафиксирована при работе в полевой экспедиции⁸¹. Тесные хозяйственные и торговые узы связывали монастыри с округой: часть сельскохозяйственных работ выполняли наемные работники — крестьяне ближайших деревень. Все монастыри покупали в лавках “церковное” и “хлебное” вино, “деревянное” и постное масло, “крупянистую” муку для просфор, рыбу, сукна, деготь. Видимо, именно широкое хозяйствование и связи с окружающим населением в конце XIX в. стали причиной характеристики Кирилло-Челмогорского монастыря как “чего-то вроде полу-монастырька, полу-мирского жилища, с коровницами и работниками-мирянами”⁸².

Помимо штатного жалованья (весьма незначительного), доходов от хозяйства и аренды монастырских угодий и сооружений, большое значение для монастырей имели “доброхотные подаяния” паломников и прихожан, опускавших деньги в особые кружки — “преподобного”, “свечную”, “братскую”, а также пожертвования благодетелей⁸³. Собирали монастыри средства и сами: монашествующие, имевшие послушание сборщиков, ходили не только по округе, но и в дальние местности — Москву, Санкт-Петербург, а из женского монастыря даже в Сибирь⁸⁴. Делали вклады вступающие в монастыри. В начале XX в. во всех монастырях имелись положенные в банк капиталы, проценты с которых тоже расходовались на их существование.

Не только о хлебе насущном пеклись монастыри. В них — давних хранилищах рукописных (“на пергамене” и “на бумаге”), старопечатных и более поздних книг — концентрировалось православное иконописание и рукописание. Священники и монашествующие пустыней переписывали и перерабатывали жития и службы местным святым⁸⁵.

Многие монахи достигали вершин воздержания и подвижничества. Особый аскетизм и абсолютная трезвость отмечались в начале XX в. в Александро-Ошевенском монастыре, где был заведен «валаамский образ жизни, т.е. ни для обитателей монастыря, ни для посетителей и поклонников — кто бы он ни был — никогда не предлагается уставом разрешенного “утешения”^{*}. О. Пимен^{**}, этот монах-аскет, в усердии ежедневного посещения храма (...) трудолюбии и воздержанном образе жизни подает пример своим подначальным: настолько скромен в своей жизни, что даже не употребляет чая». Много добра для братии обители и окружающего населения делал другой настоятель Ошевенского монастыря — иеромонах Антоний: “На много верст знали иеромонаха Антония. По возможности он никому не отказывал ни в денежной помощи, ни в совете, ни в добром слове. Никто не уходил из его покоев не утешенным, не ободренным (...) К нему отовсюду стекались за помощью бедняки и погорельцы и лица, нуждающиеся в совете, и для всех он был доступен”. “Великим светильником” назван ошевенский насельник иеромонах Моисей. За свою долгую жизнь (82 года) он исполнял разные монастырские послушания: сборщика, духовника, управляющего, благочинного. На закате жизни слепой, седой, как лунь, аскетического облика, “тень человеческая белаго воска”, он еще по памяти служил молебны и поражал окружающих исходящей от него радостью⁸⁶. Игумения Сосипатра женского монастыря (в мире — Анастасия Михайловна Рогозина, ум. в 1900 г.) “с сердечным участием относилась ко всем бедным и искавшим приюта и успокоения в обители и весьма редко кому отказывала в приеме”. За 10 лет ее управления монастырем число сестер, богородниц и чернорабочих выросло в 2 раза. Бывшая “наилскуснейшей рукодельницей”, настоятельница расходовала на расширение монастырских храмов и свои собственные средства, заработанные шитьем золотом и вышиванием⁸⁷.

Один из монахов-каргопольцев — тихвинский архимандрит Иларион — упомянут в своде “Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков”. Он родился в 1776 г. в семье священника в Воезерском приходе и в самом конце XVIII столетия небольшое время жил в Спасо-Каргопольском монастыре, при этом написал в местной теплой церкви храмовый образ Сретения Господня. Но уже в начале XIX в. его переместили в олонец-

* Имеется в виду вино.

** Настоятель.

кий Коневецкий монастырь, где он настоятельствовавший и много потрудился для возрождения былой славы древней обители. Закончил свои дни архимандрит Иларион в Тихвинском монастыре, т.е. с Каргопольем были связаны лишь его детство и юные годы, но ведь именно в это время закладываются основы характера человека и его отношение к жизни. По строгости к себе, аккуратности, несребролюбию, усердию к церкви его называли настоятелем-подвижником⁸⁸.

Эти примеры жизни монахов-подвижников имели огромную ценность. Но непосредственное духовное общение монашествующих и мирян имело и другое значение: в монастырях хранились святыни края — мощи и могилы основателей, их вещи, древние чудотворные иконы, молитвенное поклонение которым было существенной частью религиозной жизни всех каргопольцев. Особенно часто приходили в монастыри окрестные жители, имевшие среди монашествующих родственников и знакомых. Здесь их встречала особая обстановка, которую создавали парадное убранство, наиболее торжественное в главных монастырских храмах и в приделах в честь преподобных, давших имена монастырям; строгие одеяния иноков и их молитвенная ревность; стройное и “благогласное” пение; расширенный состав богослужения; сосредоточенность и истовость совершавших его старцев-аскетов; присутствие древних святынь края; наконец, незримое духовное окормление всех присутствующих святыми покровителями обителей. Особенно почитались почивавшие под спудом мощи канонизированных преподобных Александра Ошевенского и Кирилла Челмогорского, над которыми были установлены раки; чтители и мощи основателя Кенского Спасо-Преображенского монастыря прп. Пахомия Кенского — “Пахалья”, по-местному, — над ними тоже стояла рака. Видимо, до 1800 г. в Кенском монастыре сохранялись ризы и посох прп. Пахомия. В Успенском монастыре почиталась могила когда-то жившего на этом месте неканонизированного местного подвижника Иоанна Волосатого (в иноках — Ионы)⁸⁹.

Крупнейшими событиями, объединявшими в единой соборной молитве пришедших со всего уезда и даже со всей губернии, становились монастырские престольные праздники, особенно дни памяти основателей монастырей. В эти дни в обители шла “живая, точно цепь, вереница” богомольцев. В монастыре прп. Александра Ошевенского, считавшегося покровителем Каргополя, особенно многочисленные “собрания народа” бывали дважды в год: в 1-е воскресенье Петрова поста, когда чествовался “по здешнему общенародному названию праздник Богомоление”, связанный с памятью прп. Александра, и 6 декабря — в день памяти свт. Николая Чудотворца.

Всеуездное религиозное торжество “Богомоление” включало начинавшиеся накануне около полудня непрерывные молебны у раки преподобного, вечерню, всенощную, продолжавшуюся до 11 час. вечера, 3 литургии

(с 5 час. утра), крестный ход в расположенную напротив монастыря, на другом берегу реки часовню свт. Николая, а затем вокруг монастырской ограды. Народу собиралось столько, что исповедь, начинавшаяся накануне вскоре после 12 час. дня, продолжалась до 10 час. вечера. По замечанию одного из священников-очевидцев, это был “люди глубоко верующий, страждущий душевными и телесными недугами и ищущий от святой раки преподобного цельбы и утешения в своих скорбях”. В молебнах и литии участвовали и сельские батюшки, прибывшие на Богомоление. У часовни монастырский крестный ход соединялся с двумя другими из ближайших приходов. Парадная торжественность и всеобщее духовное ликование отмечали этот праздник: «На особо устроенных носилках (...) несли древнюю чудотворную икону Божией Матери. На ходу богомольцы непрерывною вереницею подходили под икону Божией Матери. Вместе же несли и икону прп. Александра Ошевенского (...) Множество хоругвей окружало иконы, а сзади шествовало в богатых облачениях множество духовенства во главе с иеромонахом Антонием и благочинным священником о. Василием Ильинским (...) И звонарь, мастер своего дела, видимо, вложил всю душу в свое дело. “Благовестуй, земле, — радость велию!”» Озирая местность, буквально залитую народом, автор корреспонденции восклицал: “Сильна еще в народе вера Православная, подвижническая: ведь множество простого народа пришло за сотни верст”⁹⁰. В начале XX столетия была восстановлена древняя традиция, по которой в монастырь “из города Каргополя приходил соборне крестной ход с величайшим числом народа”⁹¹. Память прп. Александра хранили и природные объекты вблизи монастыря: гранитный валун напротив монастыря, у озера Святое, известняковая плита у озера Валдавинское (по легендам, преподобный ступал или отдыхал на них), пересыхающее русло речки Халуи, карстовая воронка. Около них стояли часовни и кресты, протекавшие рядом источники или озера считались святыми, а деревья — священными⁹².

Множество крестьян приходило в Челмогорскую пустынь на Успение Божией Матери. “Обилием поклонников” отличался Успенский женский монастырь. Особенно любили бывать здесь горожане — сюда их привлекали “чистота, опрятность, порядок, приятное чтение и пение женского хора на два клироса”. Близ монастыря славился ручей, по преданию, выкопанный “трудником Иоанном”: “К сему ручью окрестные жители имеют веру, и возле часовни, куда совершаются из монастыря крестные ходы, устроено особое место для купанья, где многие недужные погружаются в воду для здоровья; стечение таковых бывает преимущественно накануне праздника Рождества св. Иоанна Предтечи 24 июня”. Собирался в монастыре народ и в 2 престольных праздника: Успения Божией Матери и Собора Архангела Михаила. В эти дни сюда приходил крестный ход из городского собора⁹³.

В начале XX в. в обителях в качестве паломников принимали и учеников сельских школ. Так, в 1900 г. ученики Заручьевской церковноприходской школы, Верхнечурьевского земского училища и Палашалгской школы грамоты (всего 58 человек) паломничали в Ошевенский монастырь. Утром, после напутственного молебна, в сопровождении учительницы, священника и нескольких крестьян они строем, с пением тропаря прп. Александру Ошевенскому тронулись в путь. Пройдя 25 верст, дети к вечеру пришли в монастырь, где их ждали. После вечернего чая и краткого отдыха все стояли вечерню, исповедовались, а утром причащались; для них служились молебны у раки преподобного и у иконы Иверской Божией Матери. И взрослых, и детей поражало возрождаемое в монастыре столповое знаменное пение, поклонником и участником которого был сам настоятель. Пообедав и получив благословение настоятеля, дети отправились в обратную дорогу. Такое же паломничество учеников Верхнечурьевского прихода (церковноприходской школы и земского училища) повторилось и в 1904 г. Ученики Каргопольского духовного училища паломничали в Кирилло-Челмогорский монастырь⁹⁴.

Монастыри были включены и в дело народного образования: отчисляли средства на учеников-сирот⁹⁵. А в Каргопольском Успенском женском монастыре существовало девичье сиротское духовное училище, открытое в 1858 г. заботами Олонецкого архиепископа Аркадия и в 1870-е годы ставшее епархиальным и переведенное в Петрозаводск. В программу обучения в нем, помимо обычных для всего начального церковного образования предметов, входило изучение истории края. В сентябре 1904 г. Успенский монастырь вновь открыл женскую одноклассную церковноприходскую школу для беднейших детей г. Каргополя и окрестных деревень. Игуменья Варвара, ходатайствовавшая об открытии школы, отремонтировала для этого монастырский флигель, комнату для учительницы; она считала: "Мы с мира получаем {...} необходимо и нам что-либо дать миру". Девочек кормили обедом на общей монастырской трапезе, а желающих еще и ужином, предоставляли ночлег в монастырской гостинице. Уроки вели местный священник и специально приглашенная учительница. В школе насчитывалось 26 девочек: 1 — из духовного звания, 7 — из мещан, 18 — из крестьян⁹⁶.

Вся эта разносторонняя деятельность монастырей была прервана событиями 1917 г. Почти все каргопольские монастыри (городские и Александро-Ошевенский) были закрыты уже в 1918 г. Дольше других оставался действующим Кирилло-Челмогорский монастырь: в 1918 г. ему отвели землю и его настоятель даже входил в Лекшмозерский волостной совет. Но в июле 1919 г. национализировали имущество и этой обители⁹⁷. В бывших монастырях создали сельскохозяйственные базы, монахов выгнали. Монашествующие Кирилло-Челмогорского монастыря, в том числе настоятель иеромонах Трифон

(видимо, Трифон Пелюга), жили напротив обители, в выселке Пелла, надеясь переждать смутное время: в 1924 г. они фигурировали в сведениях о кулачестве, духовенстве, торговцах Лекшмозерской волости. А в мае 1928 г. иеромонах Трифон просил передать под пустынь “остров Наглимозеро с церковью и озером для устройства там скитской, строго монашеской жизни”, в чем ему, конечно, было отказано⁹⁸.

В женском монастыре артель создали из бывших монахинь и послушниц (108 человек, из них работоспособных было 96), при этом было проведено обследование социального положения “лиц нетрудового элемента”. В середине 1920-х годов из Успенской сельскохозяйственной артели пытались исключить (с последующим выселением с территории монастыря) самых немощных монахинь, женщин 50—70 лет. Они хотели объединиться в самостоятельную инвалидную артель. Юрисконсульт Богословский обосновал выселение монахинь-инвалидов тем, что проживание монахинь может вредно отразиться на сельскохозяйственной артели, да и артель инвалидов, если будет создана, не сумеет кормить себя и платить арендную плату. Но после обращения монахини Агнии Кукушкиной в апреле 1926 г. в Москву, в Кремль, старикам и инвалидам (к тому времени их осталось 16 человек) разрешили занять один из монастырских домов. Видимо, они прожили там недолго, до 1928 г. — до этого года действовала главная монастырская Успенская церковь⁹⁹.

Церковь Спасо-Озерской пустыни была передана общине Ошевенского погоста. Но в 1928 г. договор на ее использование тоже был расторгнут под предлогом редкости в ней богослужений. Из деревни при пустыни поступило постановление об использовании церкви для культурных надобностей. В 1922 г. были вскрыты мощи прп. Александра Ошевенского. После этой акции из монастыря ушли его последние насельники: настоятель Досифей и монах Дмитрий. В монастыре создали школу крестьянской молодежи и подсобное хозяйство¹⁰⁰. В 1930—1950-е годы почти все монастыри были уничтожены, уцелели постройки лишь Александро-Ошевенской обители.

Рассмотренные материалы ярко выявляют огромное значение духовенства и монашествующих, воздействовавших на разные сферы жизни каргопольцев — духовную, хозяйственную, бытовую, социальную. “Лица духовного звания” (и в приходах, и в монастырях) жили в тесном взаимодействии с окружающим населением и несли определенное служение, выполняя богослужебные, наставнические, просветительские, миссионерские функции и сохраняя святыни края. Велика их роль в деле образования крестьян: знания были неотделимы от веры.

В положении приходского духовенства в дореволюционный период произошли значительные изменения: оно окончательно выделилось в отдельное,

специально обученное сословие, осознававшее свои пастырские функции и высокое значение священнического сана. Это, безусловно, способствовало повышению уставности богослужения, но порой порождало некоторые проблемы во взаимоотношениях и взаимопонимании пастырей и паствы. Но замкнутость этого сословия оставалась относительной: дети церковнослужителей (из крестьян) нередко становились священниками. Как правило, сельское духовенство, тесно связанное с местной жизнью духовными и хозяйственными узами, наравне с крестьянством несущее сельские тяготы и мало отличавшееся от него по уровню достатка, пользовалось любовью и уважением своих подопечных.

В обителях, хотя на рубеже XIX и XX веков туда проникали пороки, в основном сохранялась строгая монашеская жизнь, ориентированная на богослужение и исполнение послушаний. Большая половина монашествующих была из среды крестьян, интенсивно росло в XIX в. число женщин-монахинь. Монастыри имели тесные хозяйственные и духовные связи с сельским миром, были средоточиями исторической памяти и святынь каргопольцев. Со многими своими бедами и заботами приходили сюда крестьяне. А дни памяти основателей монастырей становились крупнейшими событиями, объединявшими в единой соборной молитве пришедших со всего уезда.

После 1917 г. нарушилось сложившееся соотношение и материально-духовное взаимодействие сословий. В ходе антицерковных акций первыми пострадали монахи и священники, многие из них приняли мученические венцы.

¹ Бергштроссер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 31; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1899. Т. XXVII: Олонецкая губерния. С. 32.

² Олонецкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 23, 30–31.

³ Государственный архив республики Карелия (далее — ГАР). Ф. 25. Оп. 20. Д. 24/222. Л. 2–2 об.

⁴ Подсчитано по: ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 117, 198–200, 202; Ф. 29. Оп. 40. Д. 3.

⁵ Мисаил, еп. Путевые заметки // Олонецкие епархиальные ведомости (далее — ОЕВ). 1907. № 24. С. 596; 1908. № 2. С. 35–38; № 3. С. 57–58; № 4. С. 79; № 5. С. 101–102; № 7. С. 153–154; № 8. С. 170–172.

⁶ ГАР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/5. Л. 352.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 976. Л. 263–263 об.; Оп. 145. Д. 1622. Л. 283 об.—286.

⁸ Институт истории материальной культуры. Ф. Р-III. № 4194.

⁹ ГАР. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/92. Л. 23 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 966. Л. 48 об.

¹¹ ГАР. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/92. Л. 48 об.

¹² Там же. Л. 61; Д. 8/88. Л. 63.

¹³ Там же. Д. 8/88. Л. 63–63 об.

¹⁴ Там же. Л. 63 об.; Д. 8/92. Л. 40 об., 48.

- 15 Там же. Д. 8/92. Л. 48.
- 16 Там же. Л. 42; Д. 8/84. Л. 39; Д. 8/88. Л. 63 об.
- 17 Там же. Д. 8/92. Л. 49.
- 18 Там же. Д. 8/84. Л. 172 об.
- 19 Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // ВИ. 1987. № 1. С. 155–156.
- 20 Мнения печати (редакционная рубрика) // Церковный вестник. 1890. № 1. С. 3–4; Православное обозрение. М., 1866. Т. 21. С. 72, 215; Заметки. С. 1, 51, 136, 172; 1867; Т. 22. Заметки. С. 47, 89, 161.
- 21 ГААО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 122. Л. 8.
- 22 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/92. Л. 60.
- 23 Там же. Д. 8/84. Л. 42 об.
- 24 Там же. Д. 8/92. Л. 51; ОЕВ. 1908. № 14. С. 332.
- 25 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 883. Л. 6, 8–9.
- 26 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/88. Л. 64 об.
- 27 Там же. Л. 173 об.; Д. 8/92. Л. 47 об., 51 об.
- 28 Там же. Д. 8/84. Л. 46.
- 29 Церковно-приходская школа (Всероссийская выставка). СПб., 1896. С. 1.
- 30 Гаврилов А. Страница из истории церковно-приходской школы // Христианское чтение (далее — ХЧ). СПб., 1895. Ч. 2. С. 91.
- 31 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 24/224. Л. 5.
- 32 Там же. Д. 8/92. Л. 42.
- 33 Освящение Волосовской церковно-приходской школы Каргопольского уезда // ОЕВ. 1902. № 21. С. 710–712.
- 34 Здравомыслов А. Священник Василий Георгиевич Преображенский: (Некролог) // ОЕВ. 1907. № 20. С. 513–515.
- 35 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/88. Л. 63 об.; Д. 8/92. Л. 52.
- 36 Там же. Д. 8/92. Л. 24.
- 37 Верхнечурьевский приход Каргопольского уезда // ОЕВ. 1914. № 8. С. 205–206.
- 38 РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 966. Л. 47 об.—48.
- 39 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/84. Л. 38–38 об., 169 об.; Д. 8/92. Л. 40 об.
- 40 Там же. Д. 8/92. Л. 47 об.; Д. 9/95. Л. 327–327 об.; Д. 9/96. Л. 173.
- 41 ГААО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 108, 118, 122; Оп. 2. Д. 57, 74, 82–86, 144–146, 182 и др.
- 42 Поповский А. Благочинница // ОЕВ. 1909. № 5. С. 133–134.
- 43 Прощание с паствой // ОЕВ. 1908. № 11. С. 250; № 14. С. 330.
- 44 Прощание о. А.В. Здравомыслова с Надпорожьем // ОЕВ. 1909. № 12. С. 263–264.
- 45 Прощание о. Иоанна Лядинского с Павловским приходом // ОЕВ. 1912. № 8. С. 166;
- Кимаев Ю. Деградация // Каргополье. 1994, 15 окт.
- 46 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 883. Л. 8–9.
- 47 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/88. Л. 64; Сорокалетний юбилей священника Нименского прихода Каргопольского уезда Павла Иоанновича Казанского // ОЕВ. 1903. № 24. С. 848; 1904. № 1. С. 17.
- 48 Протоиерей Иоанн Стефанович Чернявский // ОЕВ. 1909. № 14. С. 325–327.
- 49 ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 389–390.
- 50 Из воспоминаний о почившем протоиерее Г.А. Нименском // ОЕВ. 1914. № 14. С. 321–322.
- 51 О псаломщиках // ОЕВ. 1907. № 14. С. 372.

⁵² Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. История Челменской пустыни // ХЧ. СПб., 1889. Ч. 2. С. 498; Он же. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Челменский пустынник, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // ХЧ. СПб., 1889. Ч. 1. С. 475.

⁵³ С-ов Ив. Валдиево. Сельский приход Каргопольского уезда // ОГВ. 1892. № 48. С. 509.

⁵⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 882. Л. 16; Д. 883. Л. 11.

⁵⁵ Троицко-Никольский единоверческий приход Каргопольского уезда: Историко-статистическое описание // ОЕВ. 1904. № 1. С. 9, 10, 13; Там же. Официальная часть. 1912. № 36. С. 587–588.

⁵⁶ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 397 об.–400 об.

⁵⁷ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2045. Л. 390–429, 444; Ф. 412. Оп. 1. Д. 121. Л. 206.

⁵⁸ ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 111. Л. 157–157 об.; ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1484. Л. 19.

⁵⁹ ГАВО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 592. Л. 1–3, 29–36, 111–112.

⁶⁰ Критский Ю.М. Кенозерье: историческое, культурное, социальное развитие. 1917–1994. Рукопись из библиотеки Кенозерского национального парка. Архангельск. С. 29.

⁶¹ Полевые материалы автора, собранные в Каргопольском районе Архангельской обл. 1989–1997 гг. Тетр. 13, 1997 г. (Лядины, Лекшмозеро, Печниково). С. 17, 20.

⁶² ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 121. Л. 200–206; ГААО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–2; Ф. 104. Оп. 3. Д. 712. Л. 18 об.

⁶³ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 926.

⁶⁴ ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 238. Л. 28–28 об.; Д. 258. Л. 7; ГАВО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 806. Л. 18–23.

⁶⁵ Мелехова Г.Н., Носов В.В. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. 2. С. 144–145; ПМА. Тетр. 4, 1991 г. (Лекшмозеро, Гужово). С. 26, 28.

⁶⁶ Письма о. Алипия, священника, служившего в храме на Хижгоре. ПМА.

⁶⁷ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 237–238; Цыпин Вл., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 50–55.

⁶⁸ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Челменский пустынник, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь. 469–510; Он же. Пустынь Иоанна Вологдского // ХЧ. СПб., 1890. Ч. 1. С. 239–278; Он же. “Строкиная пустыня” и ее чернецы: (Опыт исследования жизни монашествующих) // Изв. ОИОГ. Петрозаводск, 1914. № 1–8; 1915. № 1–4. Приложения; Он же. Александр Ошевенский и его обитель // Русский паломник. 1896. № 40–42; Озерецковский Н.Я. От Санкт-Петербурга до Старой Руссы. СПб., 1808. С. 49–50.

⁶⁹ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 103. Л. 2–2 об.; Ф. 792. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–11; Ф. 1471. Оп. 1. Д. 169. Л. 9; ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 11/107. Л. 33–41, 49–55, 57–70; Д. 30/341. Л. 1–8; Д. 9/95. Л. 85; Д. 8/91. Л. 3 об.; Оп. 1. Д. 85/5. Л. 17; Мисаил, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 3. С. 56; № 1. С. 6.

⁷⁰ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 85; Оп. 1. Д. 85/5. Л. 17; Мисаил, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 1. С. 6.

⁷¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 966. Л. 50; ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/91. Л. 1 об.

⁷² ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 11/107. Л. 59 об.–70; Мисаил, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 1. С. 6.

⁷³ ГАК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/5. Л. 355; РГИА. Ф. 796. Оп. 152. Д. 293. Л. 5.

⁷⁴ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/91. Л. 3 об.

- ⁷⁵ Там же. Д. 11/107. Л. 53 об.—54.
- ⁷⁶ Там же. Д. 8/92. Л. 74—74 об.; ГААО. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.—3, 19 об.—20, 26 об.—27; *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри Крайнего Севера. История Челменской пустыни. С. 500; ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 3.
- ⁷⁷ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/92. Л. 74; Д. 8/91. Л. 1 об.; Д. 9/95. Л. 3—3 об.; *Мисаил*, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 3. С. 56.
- ⁷⁸ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 119. Л. 10, 49—52; *Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992. С. 90—91.
- ⁷⁹ *Поповский А.* Последний молебен. // ОЕВ. 1907. № 19. С. 495.
- ⁸⁰ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 113. Л. 1—2; Д. 119. Л. 10, 18—18 об., 20, 37—38; Д. 124. Л. 16, 75.
- ⁸¹ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/92. Л. 75; ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 40. Л. 5—5 об.; ГАВО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 806. Л. 2; *Мисаил*, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 3. С. 56; 1907. № 24. С. 598; ПМА. Тетр. 3, 1990 г. (Ошевенск). С. 1.
- ⁸² ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 22. Л. 2—3 об., 4—6 об.; Д. 103. Л. 2 об.—3; Д. 81; Ф. 792. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 7—10, 19 об.—20 об.; *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри Крайнего Севера. История Челменской пустыни. С. 500.
- ⁸³ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 124. Л. 75; Д. 119. Л. 18 об., 20, 37—38.
- ⁸⁴ *Докучаев-Басков К.А.* Пустынь Иоанна Волосатого. С. 275; ГААО. Ф. 792. Оп. 2. Д. 4. Л. 7.
- ⁸⁵ ГАК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 35/1. Л. 55; *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Челменский пустынный, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // ХЧ. СПб., 1889. Ч. 1. С. 475—476; *Он же.* Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы прп. Макария Унженского и Желтоводского. М., 1902. С. 34.
- ⁸⁶ ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 2 об.; *Мардарьев Ив.* О прощании Александро-Ошевенской обители с настоятелем // ОЕВ. 1909. № 14. С. 316—317; *Поповский А.* Последний молебен. С. 494—495.
- ⁸⁷ Игумения Сосипатра: (Некролог) // ОЕВ. 1900. № 18. С. 652—653.
- ⁸⁸ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. М., 1907. Март. С. 238—245; 1909. Октябрь. С. 527—534.
- ⁸⁹ ГАК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 35/1. Л. 24 об.—25; *Докучаев-Басков К.А.* Из путешествий по Олонии // Изв. ОИОГ. Петрозаводск, 1913. № 8. С. 131; *Он же.* Кенский монастырь, Пахомьева пустыня // ХЧ. СПб., 1887. Ч. 2. С. 262, 509, 515—517; Православные русские обители. СПб., 1994 (переиздание 1910 г.). С. 160.
- ⁹⁰ *Поповский А.* Богомоление // ОЕВ. 1908. № 14. С. 335—337; *Ильинский И.* В Ошевенский монастырь // ОЕВ. 1908. № 12. С. 280—283.
- ⁹¹ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 127. Л. 84.
- ⁹² *Шевелев В.В.* Культ камней в Каргопольском крае // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 137—138; *Он же.* Культовые камни в Каргополье // Российская археология. 1992. № 2. С. 57—61.
- ⁹³ ПМА. Тетр. 4, 1991 г. (Ошевенск). С. 17, 30; *Докучаев-Басков К.А.* Александр Ошевенский и его обитель // Русский паломник. 1896. № 42. С. 667; ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 3 об.; *Мисаил*, еп. Путевые заметки // ОЕВ. 1908. № 1. С. 44; Православные русские обители. С. 160; *Ратишин Ал.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 421; *Докучаев-Басков К.А.* Пустынь Иоанна Волосатого. С. 276.
- ⁹⁴ Паломничество учеников сельских школ в Ошевенский монастырь // ОЕВ. 1900. № 12. С. 466—467; *Н.* Религиозное паломничество учащихся школ // ОЕВ. 1904. № 12. С. 373—

374; Мисаил. еп. Путевые заметки. // ОЕВ. 1908. № 3. С. 56; Ильинский И. В Ошевенский монастырь. С. 276; Сергиевский Г.П. Паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Кирилло-Челмогорскую пустынь // ОЕВ. 1912. № 23. С. 405–407.

⁹⁵ Покровский Н. Моша, село Каргопольского уезда (Из жизни Мошинской второклассной церковноприходской школы) // ОЕВ. 1899. № 20. С. 38–39.

⁹⁶ Докучаев-Басков К.А. Пустынь Иоанна Волосатого. С. 271–272; Об открытии женской церковноприходской школы при Каргопольском Успенском женском монастыре // ОЕВ. 1904. № 19. С. 590–591; ГАК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/5. Л. 147.

⁹⁷ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Предисл.; Ф. 792. Оп. 1. Предисл.; Ф. 1352. Оп. 1. Предисл.; Ф. 4687. Оп. 1. Д. 423. Л. 11; Д. 40. Л. 5–5 об.

⁹⁸ Там же. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 258. Л. 7; Д. 238. Л. 28 об.; Критский Ю.М. Кенозерье: историческое, культурное, социальное развитие. Рукопись Кенозерского Национального парка. Архангельск. С. 31.

⁹⁹ ГАВО. Ф. 53. Оп. 2. Д. 806. Л. 21, 23; Ф. 585. Оп. 1. Д. 592. Л. 86–87, 98, 101; Д. 307а. Л. 140.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 585. Оп. 1. Д. 307а. Л. 71; Сидоров В.Е. Ошевенский монастырь // Строитель коммунизма. 1988, 19 марта; Ажгибеков Т. Обыск у монахов // Каргополье. 1992, 22 дек.; ПМА. Тетр. 3, 1990 г. (Ошевенск). С. 1.

Т.А. Воронина

ПРАКТИКА РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПОСТА В XX ВЕКЕ (1917–1991 гг.)

Этнографическое изучение материальной и духовной культуры русского народа охватывает широкий круг вопросов, связанный с выявлением этнической специфики в повседневной и праздничной жизни. С этой точки зрения интерес представляет такое во многих отношениях своеобразное явление, как воздержание от пищи различной степени строгости, или посты, которые соблюдаются со времени принятия христианства на Руси (988 г.) вплоть до настоящего времени¹. Говоря о том, какого рода интерес могут иметь посты с научной точки зрения, необходимо указать, что для этнографа важно изучать не столько церковную сторону вопроса, связанного с богослужебной практикой (это задача богословской науки), сколько традицию воздержания от определенного рода пищи с учетом конфессиональных особенностей соблюдения постов в народной среде. Таким образом, необходимость изучения практики постов, с одной стороны, вызвана тем, что они самым тесным образом связаны с традиционным питанием и у русских, как и у других народов, соблюдающих посты, предполагают ограничение пищевого рациона в определенные периоды и дни церковного календаря. Исследование регионального питания во время поста в зависимости от географического фактора представляет немалый интерес с точки зрения выявления этнической специфики. С другой стороны, практика постов связана с поведенческим аспектом, поскольку включает и духовно-нравственные задачи, предусматривающие более благожелательное отношение к окружающим, воздержание от совершения таких неблагоприятных поступков, как злословие и наказание, стремление не ссориться с близкими и знакомыми, не обижаться и т.д.

Изучение практики поста важно в рамках исследования проблемы религиозности русского народа во всех ее проявлениях как одной из основных в отечественной этнографии².

Автором уже были намечены некоторые вопросы изучения поста в исторической перспективе, выделен круг основных проблем, а также выявлены особенности питания во время постов в XIX в.³ Практика постов в XX в. остается пока малоизученной, в то время как особенности соблюдения поста в условиях социалистического устройства общества представляют немалый интерес. В связи с этим была поставлена задача привлечь разного рода материалы и проанализировать, как соблюдали пост в первые годы Советской власти и в последующие десятилетия, насколько строго соблюдался церковный устав среди мирян и уставные положения относительно поста, какие посты соблюдались, кто постился и т.д.

Основные источники, которые были использованы при написании работы, можно условно разделить на три группы — опубликованные, архивные и полевые.

В первой группе выделяются работы, отразившие результаты массовых обследований, проведенных в 1920-е годы в нескольких губерниях Центральной России среди крестьянства с целью изучить экономические и политические процессы в деревне послевоенных лет и последствия нэпа. В них нашли отражение факты соблюдения постов в первые годы Советской власти. Сюда же можно отнести периодическую печать, и особенно те издания, которые целенаправленно занимались атеистической пропагандой: журналы «Атеист» (1922—1930), «Безбожник» (1925—1941) и газета «Антирелигиозник» (1926—1941). В более поздних публикациях нашли отражение результаты этнографических обследований в 1950—1960-е годы ряда областей РСФСР⁴.

Вторая группа источников включает прежде всего сведения о соблюдении постов в 1920-е годы, которыми располагает архив Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Имеются в виду ответы корреспондентов на вопросы анкеты бывшей архивной комиссии Рязанской губернии, вошедшие в фонд Этнологического архива Общества исследователей этнографии Рязанского края. Ответы корреспондентов на вопросы относительно того, как питались в 1920-е годы, учитывали пищевой рацион крестьян как в «скромные дни», так и в дни поста⁵. В архивных материалах Государственного архива Вологодской области, содержащих информацию о положении в сельской местности в 1920-е годы, есть сведения и о соблюдении постов. Так, ответы на вопросы анкеты созданного в 1909 г. Вологодского общества по изучению Северного края (ВОИСК), показывают, что, несмотря на ухудшение питания, в пищевом рационе все еще сохранялось деление на постную и «скромную» пищу⁶.

Полевые наблюдения, проведенные автором в 1980—1990-е годы в ряде областей, выделены в третью группу источников. Сбор сведений проводился в соответствии с Программой сбора полевого этнографического материала по

теме “Православие и русская народная культура”⁷. Собранные материалы показали, что традиция соблюдения постов в советский период ослабевала, но не прерывалась и сохранялась ревнителями православной веры. Возраст большинства информаторов составлял 60—80 лет (в редких случаях — 90 лет и старше), что позволило собрать материал о соблюдении постов почти на всем протяжении XX в.⁸

Хронологические рамки работы включают советский период отечественной истории, начиная с революционного переустройства общества в 1917 г. вплоть до распада СССР в 1991 г. Особенностью практики постов в этот период времени стало то обстоятельство, что в отличие от предыдущего столетия, когда соблюдение постов было массовым явлением, в XX в. их приходилось соблюдать в условиях антирелигиозной пропаганды, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х годов.

Многочисленные источники показывают, что до конца XIX в. соблюдение постов было типичным и общерусским явлением⁹. Начало XX столетия ознаменовалось многими изменениями в жизни российского общества, среди них необходимо отметить бурные события 1905 г. и начало Первой мировой войны (1914—1918). Война не только всколыхнула патриотические чувства русских, но и заставила многих обратиться к вере. Не случайно священник В. Шингарев, работавший в госпиталях, отмечал, что “в религиозном настроении и религиозных верованиях — источник тех свойств и качеств, которые являются высоким отличием русского воина. Вот почему даже в тех случаях, когда беседа с ранеными воинами носила совсем обыденный, мирской характер, она легко уклонялась в религиозную сферу, самую близкую и наиболее сродную русскому народу”¹⁰.

В трудные военные годы с 26 по 29 августа 1915 г. был объявлен всероссийский пост, его окончание пришлось на один из однодневных строгих постов в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи (29 августа). Тем самым была продолжена традиция общественных или, как их называли ранее, “нарочитых” постов.

В 1917 г. последовали роковые для России события. Символично, что буржуазно-демократическая революция свершилась в феврале, когда была только середина Великого поста. Очевидцы последующих событий вспоминали, что на Пасху (15 апреля) отмечалось большое скопление народа в Исаакиевском и Казанском соборах, но некоторые храмы в рабочих кварталах были пусты¹¹. В октябре того же года на смену монархии пришла диктатура пролетариата. С этого времени стратегической линией нового строя стало искоренение религии всеми доступными средствами¹². Меры, направленные на секуляризацию государства, нашли отражение в декрете “Об отделении

Успенский пост. В паломнической трапезной.
Ярославский Толгский женский монастырь. 1999 г.
Фото Т.А. Ворониной

Церкви от государства и школы от Церкви” от 25 января / 5 февраля 1918 г. Практически с этого времени начались гонения на духовенство и сочувствующих им мирян¹³.

Изменения, произошедшие уже в первые годы советского периода, повлекли ограничение деятельности Русской Православной Церкви, которое особенно наглядно проявилось в закрытии и разрушении храмов. Тем не менее кампании по изъятию церковных ценностей, развернувшейся после издания соответствующего декрета от 23 февраля 1922 г., было оказано сопротивление верующих во многих губерниях страны (после 1937 г. губернии стали называться областями)¹⁴.

Традиция соблюдения постов по особому случаю или общественного поста была продолжена летом 1919 г., когда разразилась небывалая засуха и наступил голод. В это тяжелое для страны время святейшим Патриархом Тихоном († 1925) была объявлена неделя поста и покаяния. Для избавления от бездождия верующими Москвы совершались крестные ходы из всех храмов на Красную площадь¹⁵.

Все эти события, включая последствия гражданской войны, существенно повлияли на экономическую ситуацию в стране. Положение усугубило начавшаяся пропаганда против верующих или, как их тогда называли “церковников”, развернувшаяся после создания Антирелигиозной комиссии (1922—1929). Одной из радикальных мер стало постановление “Об антирелигиозной кампании во время Пасхи” (1923 г.). Вместе с тем нельзя сказать, что отход от веры коснулся всех слоев населения: он особенно повлиял на подрастающее поколение. К тому же обстановка в городах отличалась от того, что происходило в сельской местности. Московский старожило А.Ч. Козаржевский позднее писал, что “молодежь же, попав во власть атеистической пропаганды, стыдилась или боялась ходить в церковь”¹⁶. В Вологде в начале 1920-х годов к атаке на церковь удалось подключить общественные организации, “но в целом, — пишут исследователи, — православный компонент городской среды, в самом широком ее понимании, сохранялся и продолжал играть свою роль в жизни города”¹⁷.

В сельской местности изменения происходили не так быстро, судя по наблюдениям Центрального статистического управления, имевшим целью изучить городское и сельское питание. Вследствие продовольственной разверстки, во время которой у населения хлеб изымался в принудительном порядке, и неурожаев питание сильно ухудшилось. В Вятской губ., например, в 1920-е годы в отдельных случаях доходило до того, что в пищу зачастую шли различные суррогаты (мякина, кора, жмыхи, глина и т.п.). Тем удивительнее сообщение о том, что крестьяне по традиции не ели скоромных продуктов, что было видно из мартовского обследования 1923 г., которое пришлось на Великий пост¹⁸.

По сведениям, собранным этнографами во Владимирской губ., верующие продолжали соблюдать посты даже в тех условиях, когда в деревнях уже создавались клубы, красные уголки, “культпросветы”, молодежь все же боялась нарушать церковные запреты. С наступлением Великого поста прекращались гулянья, встречи на посиделках становились не такими шумными и веселыми, как обычно. Считалось грехом петь песни во время поста, играть на гармонии, гулять по вечерам, прятаться¹⁹.

Посты продолжали соблюдать и в южных губерниях. Результаты обследования Никольской вол. Курской губ. в 1917, 1920 и 1923 гг. отразили высокий уровень религиозности и, в частности, повсеместное соблюдение постов. Многие во время постов говели, а священники не венчали тех, кто не говел: “Отсюда — необычайная набожность даже озорной молодежи, не склонной особенно терять времени на стояние в церкви”²⁰.

Как показывают материалы Этнологического архива Общества исследователей этнографии Рязанского края, включающего ответы корреспондентов на разосланную в 1920-е годы анкету, сохранению практики постов способст-

вовало то, что в сельской среде питание в своей основе оставалось традиционным и имело много общего с тем рационом, которого придерживались русские в XIX в. Это подтверждается привычным разделением времени года на “мясоед” — время, когда можно есть скоромное (мясные, молочные продукты, а также яйца), и дни поста, когда скоромное запрещалось. Например, в сведениях, присланных корреспондентом из Касимовского уезда в ответ на просьбу указать, чем питается население, перечислены кушанья и напитки в обычные и постные дни, сообщалось, что в будни постная пища в основном включала щи из капусты без приправ, похлебку из картофеля с пшеном, пшенную кашу, вареный, очищенный и обжаренный без масла картофель. Вместе с тем годы гражданской войны наложили тяжелый отпечаток на экономическое состояние в стране, питание ухудшилось, особенно большие трудности были с хлебом, который выпекали с примесью суррогатов²¹.

В дни поста пищевой рацион сужался, предпочтение отдавали растительной пище, и то в небольшом количестве. Это видно по тому, что корреспондент из Сасовского уезда сообщал, что постная пища в будни включала в себя в основном ржаной хлеб круглой формы или пресные ржаные лепешки — преснушки. Хлеб, кстати, пекли с примесью картофеля, свеклы, редьки, вики, чечевицы. В Шацкой вол. с 1920 по 1923 г. вместо хлеба употребляли лепешки из картофеля с примесью просеянной муки, лебеды, травы, молотого овса, жмыхов. Корреспондент из Касимовского уезда писал в 1923 г., что в 1919—1922 гг., когда многие голодали, пекли маленькие пышки или блины в целях экономии, а потом снова стали печь обычный хлеб. Белый, пшеничный хлеб по-прежнему считался лакомством. Ели также пироги без начинки, щи из капусты без приправы, похлебку из картофеля и пшена, гречневую и пшенную каши, отварной картофель. Режим питания был следующий: утром — завтрак, т.е. квас и картофель, хлеб, иногда похлебка; обед — щи, обжаренный картофель, пшенная каша; вечером — ужин из тех же блюд. Из напитков употребляли квас, редко чай, заваривая сушеные травы, пили, закусывая хлебом или пирогами. Соблюдалась традиция креститься перед едой, а также во время и после еды²². Корреспондент из Пронского уезда писал, что “пища состоит из ржаного хлеба часто с примесью картофеля, свеклы и просяной и чечевичной муки. Хлеб выпекается кислый, последнее время употребляется овес и “конятник” (конский щавель). Овощи — в свежем и соленом виде”²³.

В 1920-е годы материальный достаток в семье играл немаловажную роль. В небогатых семьях в дни поста ели много хлеба, щи и кашу, но мало овощей и фруктов, как сообщил корреспондент из Скопинского уезда, собиравшего там сведения в 1923 г. Интересно, что в те же годы в Спасском и Рязанском уездах, помимо картофеля, капусты, моркови, огурцов, свеклы, редьки, лука, репы, брюквы, баклажанов, стали разводить помидоры. Овощи ели как

свежими, так и солеными или квашеными. Вместо сахара делали пастилу из сока свеклы и сушеных яблок²⁴.

Праздничная постная пища была практически той же, но дополнялась конопляным маслом и луком. Из напитков был распространен квас; чай пили реже, заваривая сушеные травы, липовый цвет, сухой вишневый лист, сушеные яблоки, малину, землянику, морковь или свеклу. Иногда чай делали из хлебных корок или заменяли его фруктовым чаем и самодельным кофе из ржи (Скопинский уезд). В 1924 г. в продаже появился чайный напиток, который стали пить чаще вследствие дороговизны настоящего, китайского, чая²⁵.

В Рязанском крае наиболее строго всегда соблюдали Великий пост. В Прощеное воскресенье — последнее перед началом поста — было принято прощать друг другу обиды и обычно при взаимном прощении три раза целоваться. В каждой семье “прощались” после ужина: дети кланялись родителям в ноги, целовались друг с другом и на слова “Прости меня” отвечали: “Бог тебя простит, меня прости”.

С началом Великого поста происходила перестройка привычного образа жизни. На первый план ставились духовные задачи. Не случайно с началом поста многие верующие посещали святые обители, чаще всего Свято-Иоанно-Богословский монастырь, расположенный в с. Пошупово Рыбновского района. Многие ходили пешком. Готовились заранее, собиралось несколько человек, сушили сухари, запасались едой. Пожилые жители еще помнят, что в 1920-е годы на это время прекращались развлечения и всякое веселье: “На гармошке не играли, песен не пели, никуда не ходили”²⁶. Архивные данные свидетельствуют, что во время постов воздерживались от песен и плясок даже на традиционных собраниях молодежи. Например, в Касимовском уезде еще в 1923 г. с началом Великого поста прекращались посиделки, которые обычно начинались с Михайлова дня (8 ноября)²⁷.

Великий пост считается самым строгим и в отношении еды: во все время поста растительное масло разрешается только в субботу и воскресенье. В первые пять дней соблюдается “сухоядение”. Это означает, что можно есть только сырые, невареные продукты без масла, пить не подогретое питье. Те верующие, которые придерживались церковного устава, в первый день съедали сухарик и пили теплую водичку, на второй день пили простую воду, съедали просфору, на третий день, в среду пили компот, съедали отварной картофель с огурчиком, на четвертый день ели хлеб с водой. На пятый день освящали в храме кутью из риса с изюмом и съедали ее дома.

Как и во многих южных губерниях, в Рязанской губ. в дни поста готовили в основном щи с капустой, борщ, похлебку с картофелем, блюда из картофеля, каши, ели много овощей и фруктов. Очень выручала квашеная капуста, которую заготавливали впрок в большом количестве. Ни один стол не обходился без грибов.

Чтение в Великий пост. Москва. 1995 г. Фото Т.А. Ворониной

Питание в дни поста, как и прежде, различалось по будням и праздникам, а также зависело от зажиточности крестьян и времени года.

Отвечая на вопросы анкеты, жители с. Петровское Одоевской вол. Раненбургского уезда писали, что в будни на обед ели постную похлебку или щи, кашу с постным маслом, картофель и капусту, овощи ("на манер винегрета"), пили квас. Почти то же ели на ужин. Праздничный обед отличался от будничного так же, как и в мясоед, двумя горячими жидкими блюдами, из которых одно — это непременно лапша, перед супами в качестве первого блюда иногда бывал гороховый или овсяный кисель, вместо хлеба подавали пироги, иногда с начинкой из моркови и капусты поровну или с кашей, оладьи. Осенью в конце обеда по постным дням ели свежие яблоки.

Меню зажиточного крестьянина с. Буховое Раненбургского уезда в Великий пост каждые пять дней недели включало черный ржаной хлеб, ржаное тесто из ржаной муки, квас с картофелем или капустой, редькой, хреном, суп или щи с картофелем без масла, отварной горох, пшеничную кашу,

обжаренный без масла картофель. I по субботам и воскресеньям, когда разрешается растительное масло — конопляное или подсолнечное, с ним готовили ржаной пирог, щи или суп, лапшу, кашу, картофель, гороховый кисель, блины и блинцы.

Менее состоятельные крестьяне в Великий пост на завтрак ели кулеш — жидкую пшеничную кашу, огурцы, капусту, на обед — щи, отварной картофель, пшеничную кашу. Чай пили в 12 часов или в 4 часа дня, утром чай не пили. Иногда пекли пироги с начинкой из кислой капусты. В воскресенье, которое тоже считается праздничным днем, ели сразу же после обедни суп из картофеля, подбитый мукой, луком и подсолнечным маслом (без грибов), постную лапшу с маслом и луком, жареный картофель с луком и маслом, пшеничную кашу с маслом. На ужин ели те же блюда²⁸.

На четвертой — Средокрестной неделе Великого поста, в среду выпекали кресты, но не всегда их делали крестообразной формы, в Пронском уезде чаще пекли обычную пресную пышку с изображением на ней креста. По сообщению этнографа Г.С. Масловой, посетившей вместе с Н.И. Лебедевой Елатминскую вол. Касимовского уезда в 1925 г., местные крестьянки выпекали кресты из ржаной муки. В Занинской вол. того же уезда пышки выпекали по типу просфоры.

На Великий пост приходится праздник Благовещения Пресвятой Богородицы — 25 марта (7 апреля н. ст.), пост в этот день ослабляется: можно есть рыбу. У крестьян праздник Благовещения всегда стоял на третьем месте после Рождества Христова и Пасхи. Относились к празднику благоговейно, напоминая, что ничего нельзя делать в этот день: “Птица гнезда не вьет, а девица косы не плетет”. Величайшим грехом считалась даже небольшая работа, уход или отъезд на заработки. В Егорьевском уезде это правило строго соблюдали: плотничать уходили после Пасхи на Фоминой неделе. В Ранenburgском уезде на Благовещение и в Вербное воскресенье праздничное меню зажиточного крестьянина включало селедку, щи или суп с соленой или свежей рыбой, чаще с судаком²⁹.

Из Зарайского уезда сообщали, что “простой народ в пост употребляет пустые щи, редьку с квасом да кашу. Многие не едят даже постного масла”. Наиболее благочестивые люди и прежде старались в течение всего Великого поста есть два раза в день после трех часов дня, но в Страстную неделю они ничего не ели, разрешая себе только воду. Пожилые люди ели один раз в день хлеб или сухари с водой.

Из всех дней последней седмицы перед Пасхой в народной традиции выделялся Великий, Страстной или Чистый, Четверг, или Великий Четверток. В этот четверг вечером (на всенощной) совершается утренняя с чтением 12 Евангелий, т.е. 12 евангельских отрывков, повествующих о страданиях Иисуса Христа. Особое значение придавали не только освященному огню, но

Страстная суббота Великого поста. Протоиерей Афанасий Медведев освящает куличи, пасхи, яйца. Г. Михайлов Рязанской области. Начало 1990-х годов.
Фото Т.А. Ворониной

и самой свече. Придя домой, свечой выжигали на косяках дверей и окон кресты с охранительной целью.

В Великий Четверг делались последние приготовления к празднику. В 1925 г. в Касимовском уезде пекли куличи из пшеничной и ржаной муки, сверху посыпая сахаром, делали пасху из сладкого творога, красили яйца, которые освящались в храме накануне праздника. В Скопинском уезде “пасхами” называли куличи — это вообще характерно для южных губерний. По традиции, в Великий Четверг жгли соль и считали ее целебной. В Зарайском уезде ею солили ветчину, чтобы не заводился червь. Жженой солью в Светлое Христово Воскресение солили первые освященные яйца³⁰.

Особо строгий пост соблюдали в пятницу — Великий Пяток. В этот день старались исповедаться и до субботней обедни ничего не ели, в субботу причащались. Верующие люди не пропускали службы в храме, подавали милостыню, старались избегать всяческих ссор.

В Петров пост самым распространенным кушаньем были квас с зеленым луком и свежие огурцы. С большим удовольствием ели тюрю или “мурцов-

ку” — очень простое блюдо из накрошенного в воду или квас хлеба с добавлением репчатого или зеленого лука, растительного масла. На первое готовили постные щи с капустой, “пшенник” из пшена или риса, запеченного в печи. Жители Рязанского района помнят, что во время поста ели огурцы с квасом и рыбу (преимущественно соленого судака), картофель, вареную свеклу, похлебку и кашу с конопляным маслом. Многие сельские жители делали квас из ржаной муки, заварив ее кипятком, а потом добавляли “накваску” — кусочек кислого теста, чтобы закисло. Чересчур кислый квас разбавляли водой, а для вкуса клали чабрец (“чубарь”, “чубрец”)³¹.

Архивные данные сообщают, что в 1920-е годы в Петров пост в Скопинском уезде ели ржаной кислый хлеб или лепешки, преснушки, приготовленные также из ржаной муки. В повседневное меню входили щи, картофель, каша, капуста, огурцы. Из напитков были распространены чай и квас. Меню зажиточного крестьянина включало квас с зеленым луком и с постным маслом, щи с картофелем и с маслом, пшенную кашу с маслом, а в праздничные дни добавлялась рыба — селедка, тарань, хамса. Этнограф А.А. Мансуров, посетивший в 1928 г. Касимовский уезд, писал, что перед началом поста отмечали Петровское заговенье³².

В Успенский пост, который считается строгим, старались поговорить и причаститься те, кто не могли причаститься в Великий пост, а также отправлялись на богомолье по святым местам, особенно часто посещали Свято-Иоанно-Богословский, Николо-Радовицкий и Солотчинский монастыри. Во время поста старались не предаваться шумным развлечениям и петь, ссориться считалось безнравственным.

Питание в Успенский пост было разнообразным, поскольку он приходится на конец лета. В 1920-е годы в Раненбургском уезде в это время ели свежие или малосольные огурцы, картофель, свежую редьку с квасом, щи из свежей капусты или суп из свежих грибов с постным маслом, когда масло разрешалось. Из ягод, поспевавших к этому времени, ели много лесной и луговой земляники, клюквы и брусники. В праздничные дни меню разнообразилось блинцами и лапшой. В их число входили день Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня 1(14 н. ст.) августа, который в народе называли “Первый Спас” или “Медовый Спас”, потому что в этот день было принято освящать в храмах мед. Во многих уездах Рязанской губ. разводили пчел и пчеловоды приносили для освящения первые вырезанные соты и мед, а дома его ели со свежими огурцами. В Зарайском уезде этот день называли еще “Мокрым Спасом”, потому что совершали крестный ход на реки и источники с водосвятным молебном. На праздник Преображения Господня 6 (19 нов. ст.) августа или, как его называют в народе, “Второй Спас”, “Яблочный Спас”, все садоводы приносили для освящения яблоки в церковь. После освящения одну часть принесенных яблок оставляли в храме, а другую

часть уносили домой, где ими и разговлялись. Есть яблоки до этого дня считалось грехом. В народе бытовала поговорка: "На Второй Спас и нищий яблоко съест". Рязанский край всегда славился яблоневыми садами, поэтому ко дню Преображения Господня приходские храмы были буквально завалены спелыми душистыми яблоками всех сортов. В этот день пост ослабевал: разрешалось есть рыбу.

Архивные материалы показывают, что в Рязанской губ. соблюдали Рождественский, или Филиппов пост. В 1920-е годы в Раненбургском уезде ели квас с солеными огурцами, капустой, редькой, хреном, щи или суп с картофелем или с грибами, тесто из ржаной муки и калины, гороховый кисель, пшенную кашу, политую соком из конопляного семени, квашеную капусту. В праздничные дни ели селедку, тарань, блинцы³³.

В народе соблюдались все однодневные посты. Жители г. Скопина помнят, как еще в 1920-е годы на Крещение крестный ход совершали в сорокаградусный мороз из различных храмов на р. Верду, на которой вырубалась прорубь. В записях корреспондента, побывавшего в 1927 г. в Касимовском уезде, есть сведения о том, что на Иоанна Предтечу нельзя было есть яблоки и рыбу — "большой грех". В Рязанском уезде посты в среду и пятницу называли "сухими днями", потому что в эти дни соблюдали "сухоядение", т.е. ели холодную растительную невареную или неподогретую пищу без растительного масла, за исключением праздников, когда можно есть с маслом.

По рассказам современных жителей с. Стрельцы Михайловского района, до массового закрытия храмов жених и невеста соблюдали трехдневный пост и ничего не ели перед венчанием. В архивных материалах есть указание на то, что поминки отмечали, смотря по тому, на какие дни они приходились. В Касимовском уезде, например, в дни поста ели постные блюда, а в остальные дни — "скромные".

В Рязанской губ. отмечалось соблюдение поста по особым двенадцати пятницам, которые перечислялись в рукописных списках. Такие списки издавна бытовали по всей России в виде апокрифических сказаний, в них давался совет почитать пятницы постом и молитвою. Причем за соблюдение пятничных постов верующему обещались разные блага и благодать. Эти пятницы назывались "временными" или "именными", поскольку в списке указывалось название каждой пятницы в зависимости от праздника, который следовал после нее. Посты по особым пятницам соблюдали и в Касимовском уезде в 1923 г.³⁴

В 1919—1925 гг. сотрудниками Этнографического отдела Русского музея (в их числе Е.А. Бломквист, Н.П. Гринкова, С.А. Еремина, З.П. Малиновская, Н.С. Розов, Л.И. Песселен и др.) были проведены этнографические исследования в Ярославской, Тверской, Вологодской, Череповецкой, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Воронежской, Саратовской, Ульянов-

Раздача святой воды в Крещенский сочельник в храме
Троицы Живоначальной в Конькове. Москва. 1996 г.
Фото Т.А. Ворониной

ской, Ленинградской, Мурманской и других губерниях. Известный этнограф Д.А.Золотарев, подводя итоги их работ, отмечал хорошую сохранность традиционных обычаев и обрядов, удивляясь тому, что “наследие глубокой старины” не исчезло “после такого исключительного революционного сдвига”. Вместе с тем он все же отмечал некоторые изменения: “Зачастую в пост едят скромное, а в праздник работают”³⁵.

Многочисленные публикации в периодике того времени показывают, что подобные изменения были следствием антирелигиозной пропаганды, которая направлялась на искоренение традиционных обычаев и обрядов. В частности, осмеивался обычай праздновать Пасху, освящать не только пасхальные куличи и яйца, но и семена перед посевом, насмешке подвергалось соблюдение постов³⁶.

Один из приверженцев атеизма Ф. Ковалев, с сожалением отмечая, что во время Великого поста многие верующие продолжают говеть и исповедоваться, пришел к выводу: “Великопостное говение и исповедь (как и вся религия) влияли на верующих в таком виде, какой нужен эксплуататорам.

В пост говением народ отвлекается от земных дел, внимание его направляется на несуществующее небо, усиливаются религиозные чувства верующих". В.А. Никольский, автор книги "Суеверия, знахарство, религиозные предрассудки и советская медицина", заключает, что религия является источником заболеваний. Постная же пища, на его взгляд, не полезна, особенно, если человек болен: "Даже посты, казалось бы, невинное средство, причиняют много вреда. Больному врачи предписывают определенное питание, а подходит пост или постный день — и он нарушает во вред себе предписание врача"³⁷.

Ответы на вопросы анкеты, разосланной в Вологодской губ., показали, что несмотря на ухудшение снабжения продуктами питания, сохранялось традиционное деление на постную и скоромную пищу. А.А. Шустиков, посетивший Кирилловский уезд, писал, что из-за резкого подорожания хлеба приходилось есть не только овес, жмыхи, но и ржаную солому. В Каргопольском уезде отмечались престольные праздники. Ф.Н. Журавлев сообщал, что в Вологодском и Кадниковском уездах соблюдали посты, и особенно Великий пост, отмечали многие церковные праздники, словом, жили, соблюдая прежний, веками заведенный уклад³⁸.

Большая атеистическая пропаганда велась в столице, причем в печати делались попытки осветить ее успешное претворение в жизнь. Однако, как следовало из публикаций в журнале "Безбожник", в Хамовническом, Сокольническом, Рогожско-Симоновском, Замоскворецком и других районах Москвы было много верующих. А в Ленинграде продолжались крестные ходы, один из которых, организованный в 1927 г. к местам захоронения жертв революции, пытались сорвать³⁹.

В 1929 г. был создан Союз воинствующих безбожников, который продолжил беспощадную борьбу с религией, поддерживаемую средствами массовой информации⁴⁰. В том же году был отменен нэп, началась принудительная массовая коллективизация, повлекшая раскрестьянивание России. В отношении к Русской Православной Церкви был применен ряд административных и репрессивных мер, началось массовое закрытие церквей. В одной только Рязанской епархии было закрыто 192 прихода. В печати продолжалась кампания против основных праздников церковного календаря⁴¹. Следствием направленной агитации стало то, что в Луганской вол. Брянской обл., например, молодежь перестала ходить на исповедь. Вместе с тем в соседней с ней д. Лагеревке в посты продолжали говеть и старые и малые⁴². Но немало людей следовали прежним традициям. Результаты опроса женщин в 1931 г., занятых в Ивановской обл. в текстильной промышленности, свидетельствовали, что многие из них были верующими, а в области все еще большое распространение имели собрания жен-мироносиц, сестричеств, черноризниц, диаконисс, монахинь. Много верующих было в Сталинграде, причем на многих фабриках рабочие не выходили на работу в день празднования иконы Божией Матери

“Всех скорбящих Радость” 24 октября (6 ноября нов. ст.), а в день Казанской иконы Божией Матери 22 октября (4 ноября нов. ст.) число прогулов возрастало. В отношении нарушающих законодательство стал применяться административный нажим, а в печати все чаще звучали лозунги: “Ни одного прогула в дни Пасхи!”, “Долой Пасху!”⁴³.

Антирелигиозная пропаганда велась среди всех групп населения, но в первую очередь среди рабочего класса, который в послереволюционные годы пополнился выходцами из села, а среди них было немало верующих. Это, в частности, отразилось в том, что в дни религиозных праздников часть рабочих не выходила на работу или опаздывала. Были простои и в дни праздников после окончания того или иного поста. В Новгороде, например, в первый день Рождества Христова 1931 г. практически не работал завод им. С. Халтурина. А в Сталинграде на тракторном заводе в дни Пасхи 1931 г. прогуляли 25% рабочих. В связи с такой ситуацией повсюду создавались “безбожные” бригады, которые должны были проводить атеистическое воспитание в коллективах.

Форсированная агитация вызывала сопротивление: так, рабочие Магнитостроя даже жаловались на чрезмерное давление со стороны агитаторов. Не везде профсоюзные организации поддерживали активность Союза воинствующих безбожников: например, так было на одной из крупных швейных фабрик в Иваново-Вознесенске. А газета завода АМО в Москве отказалась печатать материалы о борьбе с религией, так как “это ее не касается”. Однако под давлением пропаганды в сознании части населения происходила переоценка духовных ценностей и в целом религиозность рабочего класса падала⁴⁴.

Беседы с прихожанами некоторых храмов Москвы (в прошлом — жителями других губерний) показали, что верующие в 1920-е годы продолжали соблюдать пост и в этих нелегких условиях. Одна из них Мария Д. (1909 г. рожд.), уроженка Тамбовской губ., рассказывала, что когда появились колхозы, новая идеология демонстрировалась открыто: “Бывало, флаги навешают на ободах, постом песни поют — все старухи плакали”. Она вспоминает, что в 1928 г. шел Рождественский пост и она постилась, несмотря на то, что была в положении: «У нас говорили, что в пост — “Божия Мать в трудах”, имея в виду, что Она готовилась к Рождеству Христову. Никто не принуждал меня поститься, у нас так заведено с детства было, в строгости. Мы знали, что в Рождественский сочельник взойдет первая звезда и можно есть. Или в Крещенский сочельник — мы его называли “свечки” — воду в храме освятят и принесут домой, строгий пост кончается».

Один из жителей г. Скопина Анатолий С. (1921 г. рожд.) вспоминал: “Я пошел учиться в 1929 году, осенью, тут стали церкви ломать, тут такая атмосфера пошла! Но посты тогда многие соблюдали. Мать моя, бывало, в посты варила картошку, суп с грибами, кашу гречневую с конопляным маслом. Перед Великим постом мы соблюдали подготовительные седмицы, готови-

лись. Духовенство против масленицы, ох, как выступало! Великим постом выделяли три строгие недели — первую, третью (Крестопоклонную) и Страстную. Во время Великого поста нельзя было в карты играть, собираться у кого-нибудь, справлять свадьбы. Соблюдали среду и пяток, кроме сплошных седмиц, часто говели по неделе. Примеры? Недалеко от нашего дома, дома через четыре, по Полетаевой улице жила старушка Ананьина Мария Николаевна. Вот она была очень религиозная. Во время Великого поста она не то, что молока и мяса, она не покупала батоны белого хлеба. Почему? Она считала, что там сахар, сливочное масло, — это она моей матери говорила. А мать моя покупала нам постный сахар разных цветов, есть белый сахар считалось грехом. В посты бедным людям помогали. Благотворительность тогда была очень развита. Да... Вера без добрых дел мертва”⁴⁵.

В последующем отношение государства к Церкви еще более обострилось. В 1932 г. Союз воинствующих безбожников принял пятилетний план, известный как “безбожная пятилетка”, в котором он намечал уже в первый год добиться закрытия всех духовных школ, провести повсеместное закрытие церквей. Это сопровождалось арестами и высылками не только священнослужителей, но и наиболее активных прихожан — “церковников”. Однако перепись 1937 г., включавшая вопрос о религиозной принадлежности, показала, что две трети сельского населения, составлявшие в те годы большинство населения страны, и одна треть горожан продолжали считать себя верующими. В том же году последовали аресты и ссылки приверженцев веры, в стране было закрыто еще 8000 церквей⁴⁶. Людские же потери не поддаются исчислению, настолько они были велики.

В условиях преследования веры стало опасным демонстрировать свои верования публично. Многие были сняты с работы за свои религиозные убеждения, а те, которые оставались на рабочем месте, тщательно их скрывали, поэтому о постах могли разговаривать только в узком кругу верующих. Открытая демонстрация соблюдения церковного устава влекла наказания самого разного характера, поэтому те, кто придерживался практики постов, соблюдал их тайно. Соблюдение постов усугубляло и то, что в 1932—1933 гг. в стране начался голод.

Анатолий С., житель г. Скопина, застал то время и вспоминал: «Ну, а как стали храмы закрывать, что тут было... А в школах что творилось! Учителя снимали кресты с детей в школе под улюлюканье одноклассников. На Пасху, Рождество — все обязательно шли в школу. Началось массовое крушение церквей. Верующих увольняли с работы, люди стали приспособливаться. Обстановка — террор самый настоящий, о посте и слова сказать было нельзя.

В 1931 г. белый хлеб давали только по карточкам — шахтерам, железнодорожникам, военным и ответственным работникам. Белая мука — редкость. И вот что случилось. Как-то жена одного работника политпросвещения при-

несла нам муки (моя мать ей шила), а был Великий пост. Мать испекла из муки кулич к Пасхе. И мой школьный приятель Володька пришел к нам в гости. Мать приглашает: “Садись, Володя!” На другой день прихожу в школу, а он поднимает руку и говорит учительнице: “Зинаида Николаевна, я вчера был у Тольки, а у него — кулич в форме, яйца крашеные!” Я постарался вывернуться: “Ничего не было!” Учительница была дочерью диакона Львова и постаралась замять начавшуюся перепалку. Да! Какая была атмосфера! Даже между детьми были такие, кто доносил. Страшно вспомнить, избави Бог»⁴⁷.

В 1930-е годы в Рязанской обл. многие храмы были разрушены, поэтому от жителей, например, с. Рязанские Сады Старожиловского района, где нам пришлось побывать в 1997 г., приходилось слышать: “Мы сразу не знали никаких церквей”. Действительно, многие из тех, кто родился в середине — конце 1920-х годов и позже, ходили в те дальние села, где храмы еще действовали. Жители с. Стрельцы Михайловского района, где был закрыт храм во имя святителя Николая Чудотворца в 1938 г., стали ходить в села Маково и Прудское того же района. Немало людей приезжало сюда тайно крестить детей, венчаться, отпевать умерших: “Всё в потаёк”. Случалось, что об этом узнавали и снимали с работы, особенно учителей. Многих верующих, а также священников, как раскулаченных, подвергали арестам. Детям не разрешали ходить в храм. “Бывало, пойдешь, а за этим в школе — серия скандалов. Снимали нательные кресты, надевали пионерские галстуки”, — вспоминала Анна П. (1918 г. рожд.), уроженка с. Ижеславль Михайловского района.

В таких условиях стало опасным посещать храм открыто. Мария Д. (1909 г. рожд.) рассказывала, что когда в 1939 г. ее семья переехала в Москву, то веру скрывала даже от своих родных: “В церковь ходила крадучи. Бывало, иду, а детям ничего не говорю. Да и как скажешь — крестов никому никто не показывал! А посты я соблюдала. Кто верил, тот соблюдал: и покойник муж, и свекор, и другие тоже: соседка — тетя Фекола”⁴⁸.

Удивительно, но в те годы верующие подавали примеры истинного благочестия. Священник Михаил Труханов был арестован в 1941 г., будучи студентом Института геодезии и картографии, и пробыл в лагерях до 1956 г. Впоследствии он вспоминал, как, находясь в заключении, решил воздержаться от пищи (даже от хлеба и воды) только в последние три дня Великого поста. Начальник лагеря был поражен: “Здорово! В 24 года веровать в Бога и строго соблюдать посты. Дикость какая-то! И это — в наше-то время?! Ведь мы от социализма к коммунизму идем!”⁴⁹

Тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стали для многих верующих суровым испытанием. Они усердно молились за ушедших на фронт близких и старались посещать храм. В Рязанской обл., где не все храмы были открыты, жители с. Маково Михайловского района до сих пор

помнят, что в местном храме во имя Рождества Богородицы на первой неделе Великого поста причащалось до трехсот человек. Почти в каждом доме ночевало до тридцати приезжих. Верующие помнят, что в то тяжелое время священник Иоанн Кузьменко благословлял причащаться чаще: "Не спешите выходить из Божиего храма! Неизвестно, что вас ожидает"⁵⁰.

В военное время страна преодолевала трудности с продовольствием и во многих областях люди испытывали настоящий голод. Свидетели военных лет, дожившие до наших дней, вспоминают, что в основном ели хлеб, чаще ржаной, получаемый по карточкам, картошку, капусту и все, что еще удавалось купить, вырастить или обменять на вещи, но нередко случалось, что ели только мерзлую картошку и капусту. Одна из москвичек, переживших то тяжелое время, вспоминала, что членам многодетных семей (а она была из такой семьи) по очереди выдавали полмешка картофельных очистков. Ее мама их прокручивала через мясорубку, обваливала в отрубях и жарила лепешки на олифе. Она также заваривала кипятком черный перец и давала детям как согревающее и витаминное средство. Интересно, что, кроме перца и отрубей, в магазинах после объявления войны ничего не осталось, тем не менее какой-то незнакомый старец, встретившийся по пути, посоветовал ей их приобрести и семья смогла как-то выжить⁵¹.

В Каргопольском районе Архангельской обл. в муку добавляли мякину, отруби, солому, лебеду. В этом богатом озерами крае выживали за счет рыбы: ее ели и обменивали на хлеб. В Вологодской обл. мерзлую картошку сушили и толкли, а из полученной "муки" пекли хлеб, смешивая с остатками настоящей муки, пекли блины, варили кашу и кисель. Из картофельных очистков делали оладьи ("терники")⁵².

Даже очень верующие люди говорили, что в войну посты нарушали вынужденно: ели все подряд, чтобы не умереть с голоду и не дать погибнуть детям. Вместе с тем, чтобы как-то отметить время поста, старались что-то исключить даже из скудного рациона: не есть, например, сахар.

В годы войны в печати практически прекратилась антирелигиозная пропаганда, поскольку Союз воинствующих безбожников перестал существовать.

По рассказам современников, трудными были и первые годы после окончания войны. Это касалось прежде всего питания: в 1946 г. вследствие засухи в стране разразился голод⁵³.

Особенно тяжело было с хлебом: карточную систему отменили в 1947 г. Отношение к верующим оставалось негативным. Лишь немногие посещали те храмы, которые оставались открытыми или были открыты вновь. Только на Пасху наблюдалось большое скопление народу: шли святить куличи.

Жительница Москвы рассказывала: "После войны ни мяса, ни молока: с голоду пухли. Посты соблюдали тайно: боялись даже вслух сказать, что идет

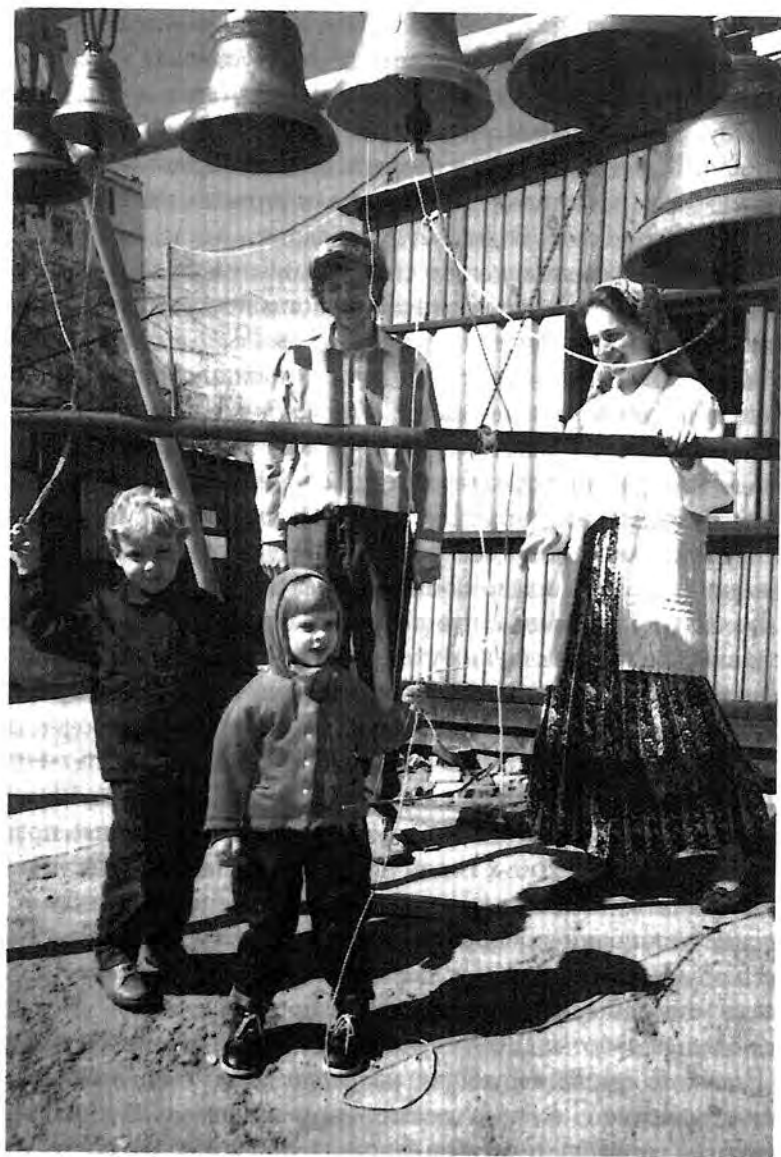
такой-то пост или праздник. В семье знали, но старались скрыть, смолчать. А на Пасху приходилось искать хоть мороженой свеклы — ею и разговлялись. Особо постовать не приходилось, ели сныть или крапиву, ели картофельную ботву, и не только в пост. После войны, когда карточки отменили, еще хуже было. Мы что делали: в очередь за хлебом вставали, покупали белого — он подороже, продавали его и покупали черного, чтобы побольше, чтобы хватило на всех — семья большая”⁵⁴.

Тяжелым оставалось положение сельских жителей: их полуголодное существование усугублялось непомерными налогами и хлебозаготовками. Изменилась также и демографическая ситуация: в 1950-е годы число сельских жителей стало сокращаться за счет оттока молодежи в города на учебу, на работу, а также в результате планового переселения⁵⁵.

В 1950-е годы вновь возобновились нападки на церковь, поскольку утверждались новые формы социалистической обрядности, охватившие различные стороны духовной жизни. Не случайно в печати регулярно появлялись публикации, направленные на искоренение старых обрядов. Авторы научно-популярных книг рассматривали посты как религиозные пережитки. Один из них К.И. Беляев подчеркивал, что посты наносят огромный вред здоровью: “У православных верующих на них уходит до 200 и более дней в году. Во время постов верующие отказываются принимать мясо, молоко, яйца и т.д. Такая голодовка истощает организм. Бывали случаи, когда после постов некоторые верующие теряли на время трудоспособность, оказывались на больничном режиме. Особенно большой вред наносят посты больным людям, кормящим матерям, детям”. Такими же “вредными” считались православные праздники⁵⁶.

Во второй половине 1960-х годов вновь наблюдалось ужесточение отношения к религии, что не могло не сказаться на посещаемости богослужений. Атеистические установки приобрели прежнюю силу. Вместе с тем в стране оставалось немало людей, которые следовали церковному уставу и продолжали соблюдать многодневные и однодневные посты.

Итоги полевых работ в 1960-е годы во Владимирской обл. показали, что во время Великого поста верующие на первое место ставили его духовно-нравственное значение. Так, на Страстной неделе пожилые люди старались не ходить в клуб, не разрешали детям и внукам включать в это время радио и телевизор. Этнографы “сталкивались с фактами отказа пожилых женщин исполнять во время поста песни, частушки и другие произведения фольклора для записи на магнитофон. Те же, кто соглашался петь, даже не будучи религиозными, делали это с оглядкой, обращаясь с просьбой не рассказывать об их пении на селе, боясь осуждения верующих родственников и соседей”. Некоторые праздновали церковные праздники, а во время Петрова поста (“петровок”) зажигали лампы, постились до обеда, пока не закончится служба. Хотя среди них были и такие, которые отмечали день 8 марта, пришедшийся

Конец Великого поста. Традиционный колокольный перезвон
на Светлой седмице. Москва. 1996 г.
Фото Т.А. Ворониной

на начало Великого поста⁵⁷. Этнографы, исследовавшие в 1959—1961 гг. в Забайкалье народное устно-поэтическое творчество русских, отмечали, что пожилые женщины воздерживались есть во время поста⁵⁸. Этнографические наблюдения, проведенные в 1960—1970-е годы в Рязанской обл., показали, что еще в начале 1950-х годов в сельской местности наступление поста чувствовалось не только в разговорах между соседями и в домашнем меню, но и в стремлении людей старшего поколения ограничить молодежные гулянья во время постов. В 1967 г. приходилось наблюдать празднование Пасхи, к которой готовились как обычно: пекли куличи (“пасху”), красили яйца, убрали в доме⁵⁹.

Полевые исследования, проведенные нами в Рязанской обл. уже в 1990-е годы, подтвердили, что верующие продолжали следовать церковному уставу в годы гонений на веру. Соблюдали посты по примеру своих родителей. Как сказала одна из жительниц Рязанского района, “жили скромно, но посты соблюдали. Нам это было привито с детства”. Действительно, многие пожилые жители Рязанской обл. посты соблюдали в детстве вместе со взрослыми.

Уроженка с. Маково Михайловского района Александра М. (1931 г. рожд.) рассказала: «Мы маленькие были, но нам мама не давала есть ни молока, ни мяса, а в праздники до обеда не ела, пока служба не закончится. Я удивлялась, глядя на мать: “Мама, попей чайку!” — “Нет, еще не время”, — отвечала мать. А как сказала мать, всё — закон. И мы не смели роптать». Жительница с. Стрельцы Михайловского района Анастасия П. (1903 г. рожд.) приучила к постам и детей: их было пятеро. Сын Василий (1929 г. рожд.) помнит, что соблюдал все посты до того, как пошел в армию. В их семье питались очень просто: щи, тюрка, каши, квас. Анастасия И. (1906 г. рожд.), уроженка с. Пошупова Рыбновского района, рассказывала: «Мама приучила и к Великому посту, и к среде, и к пятнице, и к другим постам. Мама держалась традиции: калину варила, тесто парила, в ступах кисели “картовные” толкла: те кисели резали на кусочки и мазали растительным маслом. Во время поста соблюдали воздержание, молодежь не пела, не плясала». Уроженка того же села Мария С. (1909 г. рожд.) с трех лет ходила с бабушкой в приходскую церковь во имя святителя Николая Чудотворца, тогда еще действующую, а бабушка оставалась дома готовить еду. Тогда скоромное не давали даже детям: “От груди отыметь — грешно молочка давать”. Своих детей она воспитывала так же строго. Хорошо помнит, что в посты молодежь вела себя строго: на гармошке не играли, песен не пели и никуда не ходили.

Как видно из приведенных примеров, в каждой семье традиция поста передавалась от старшего поколения к младшему. Дети приобщались к церковной традиции с юных лет, тем более, что это было связано с посещением храма всей семьей. Пожилые люди были авторитетами в практике соблюдения

поста и придерживались более строгого воздержания от запретного, чем другие члены семьи. Особую роль играли при этом родители, и прежде всего мать, которая своим поведением подавала личный пример для подражания.

Надо отметить, что жители Рязанской обл. охотно делились своими воспоминаниями о прошлом. Вместе с тем они отмечали, что прежняя еда даже в дни поста была намного вкуснее, чем сейчас. Соблюдались и особенности каждого поста. Жители с. Пощупова Рыбновского района рассказывают, что раньше к Рождественскому посту запасались рыбой, которую ловили на Оке, мелкую рыбу сушили. В селе было много рыбаков. Разговины были настоящим праздником: к Рождеству Христову готовили блюда из свинины: щи, холодец (студень), колбасу, ветчину. Многие пожилые люди вспоминают, каким лакомством было даже молоко, которое на время поста замораживали в блюдах и в виде кругов заворачивали в холстину и складывали в кадушку. Это “морозовое” молоко растапливали, когда варили первую после поста молочную кашу. В Великий Четверг на Страстной седмице после службы в доме, над дверью и на хозяйственном дворе ставили мелом кресты или выжигали их свечой: “Домой придешь, водой все окропишь, мелком кресты начертишь”⁶⁰.

В Крещенский сочельник постились весь день, благочестивые люди не ели “до святой воды”, а после богослужения разговлялись постной пищей. Накануне Рождества — 24 декабря (6 января н. ст.) — в день навечерия Рождества Христова, или Рождественский сочельник (“сочевник”), — верующие не ели до окончания службы или, как говорили в народе, — “до звезды”, после чего ели сочиво из размоченных или вареных зерен пшеницы или ячменя, политых смешанным с водой медом или “сытой”. Готовили также “узвар” (взвар) из сухофруктов. Кутья и взвар всегда были основными традиционными блюдами Рождественского и Крещенского сочельников. Помимо них ели постные блюда.

Интересно отметить, что в 1950—1980-е годы помимо постов по церковному уставу некоторые верующие соблюдали пост по понедельникам или, как его еще называют “ангельский пост”, поскольку пост по понедельникам, посвященный святому Архангелу Михаилу, принято соблюдать в монастырях. “Понедельничали” в основном женщины, которые постились “за детей”.

Соблюдение постов по понедельникам имеет давнюю традицию. Среди тех, кто соблюдал этот пост или “понеделничал”, были девушки, которые отказывались от замужества и жили в миру, как монахини. В прежние времена их называли “черничками”, но в отличие от настоящих монахинь они не принимали пострига, хотя и носили черную одежду. Живя с родителями, они беспрекословно выполняли любые домашние работы, усердно молились и регулярно посещали храм, обучали грамоте, ходили читать Псалтирь по умершим. Жили на средства семьи, иногда на огороде или на задворках в отдельных постройках —

“кельях”, отчего их называли еще “келейницами”. В других губерниях таких людей, “отрекшихся от мира”, называли векоушами (“векоушами”)⁶¹.

В Москве тоже были женщины, соблюдавшие пост по понедельникам ввиду особых жизненных обстоятельств. В отдельных случаях это было связано с обетом, данным после тяжелой и длительной болезни, или с частой смертью детей, поэтому постились “за детей”. Пожилая прихожанка храма во имя иконы Божией Матери “Всех скорбящих Радость” на Большой Ордынке рассказала такой случай. Как-то раз во время причастия Святых Тайн одна из верующих никак не могла подойти к чаше. И тогда настоятель храма владыка Киприан обратился к верующим: “Кто из вас понедельничает, подведите ее”. И нашлась прихожанка, которая подошла к женщине и подвела ее к причастию. Кстати, верующие рассказывали, что сам владыка Киприан очень строго относился к соблюдению постов, считая, что во время поста можно есть один раз в день: “А если сложно, — говорил он, — накажите себя сладким”.

Многие верующие считали, что в понедельник нельзя делать никаких грязных дел: затевать уборку в доме, стирать белье, и даже нельзя мыться в бане в понедельник, среду, пятницу и воскресенье, выбрав для банного дня из остальных дней недели субботу. По их мнению, “этими помоями на том свете грешников будут поить”⁶².

Среди верующих встречалось немало таких, которые после 50 лет и старше отказывались есть мясо, следуя давней православной традиции ограничивать себя в пище “ради спасения души”.

Некоторые жители Рязанской обл. тоже соблюдали пост по понедельникам. Среди них было немало тех, кто вел такой же образ жизни, как чернички, но их чаще называли “монашенками”. Этих людей выделяли среди остальных верующих, потому что они часто читали Псалтирь по умершим. Им разрешалось также выпекать богородичные и служебные просфоры, так как по уставу просфоры могут выпекать те, кто не был замужем, или вдовы. Одними из таких женщин были “баба Маня” — просвирня в с.Ижеславль Михайловского района, а также Мария С. в с. Подвязые Рязанского района. В с. Маково Михайловского района, по воспоминаниям местных жителей, была монашенка Павла, она не выходила замуж и работала псаломщицей в местном храме во имя Рождества Богородицы. В с. Ново-Панское того же района жила “монашенка” Геня (Евгения). Она с детства ходила в черном, замуж не вышла, посветив себя Богу. Жила в домике на огороде с сестрой, соблюдала все посты. Ее готовность к самопожертвованию проявилась в 1930-е годы, когда местного священника повели на расстрел. Она ударила в церковный колокол, созывая всех жителей села, и самосуд не состоялся. Сама же Геня долго потом скрывалась, опасаясь преследования властей.

Не всегда подобное “монашество в миру” и соблюдение поста по понедельникам связывались с отказом девушек выходить замуж. Нередко для тех, кто испытал немало личного горя не только в годы войны, но и в мирное время, пост становился большой духовной опорой. Некоторые вдовы начинали вести строгий образ жизни: одевались во все черное, часто ходили в храм, не пропуская ни одной службы, соблюдали посты. По-видимому, так поступали из-за того, что в народе считают: если вдова не выходила повторно замуж и вела благочестивый образ жизни, то с нее как бы “снимаются” все грехи. Не случайно получила бытование такая поговорка: “Сорок лет вдовица — такая же девица”. Образ такой “монашенки” воплотила “баба Катя”, проживавшая в с. Пощупово Рыбновского района. В сорок пять лет она осталась вдовой, потеряла дочь, зятя, стала много болеть: “Столько горей видела!” Будучи из верующей семьи, она не сломилась, надела все черное (“угольное”). Стала больше молиться, читала Псалтирь по умершим, но денег не брала, отказалась от мясного: “Я сразу посадила себя в одиночество и смирение”. С 1960 г. она стала ездить “к Троице” — в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, где причащалась и посещала старцев. Часто ездила на богомолье в другие обители. Старалась ездить в Успенский пост и в большие праздники, всегда постилась в пути. Много лет она скрывала свою веру, а потом односельчане стали спрашивать, не соблюдает ли она епитимию: “Ты что, питинье надела?”

Анастасия И. (1906 г. рожд.) тоже родилась в с. Пощупово: “Я богословская”. Она, будучи замужем, всегда постилась за своих пятерых детей по понедельникам, когда они были маленькие. В д. Дмитрево Скопинского района в 1996 г. еще жива была Евдокея — “великая молитвенница”: в годы гонений на веру она много ездила по монастырям. Из того же района была Мария З. (1931 г. рожд., д. Ермолково). Когда умер ее муж, она стала чаще молиться, соблюдать посты, отказалась от мяса. Пост по понедельникам соблюдали также те, кто в прошлом делали аборт.

Немало таких подвижниц веры встречалось и в других районах Рязанской области. Нетрудно было заметить, что современных подвижников благочестия в миру отличают строгое соблюдение церковного устава и усиленная молитва. Не случайно о женщине, которая соблюдает посты, говорили: “Она большая уставщица”⁶³.

Помимо “понедельничанья”, многие верующие соблюдали пост по двенадцати особым пятницам. Списки их в рукописном виде продолжали обращаться и в Рязанской обл. под названием “Поучение 12 пятниц” или “Поучение Климента о 12-ти пятницах”. Они начинаются со слов: “1-я пятница — на 1-й неделе Великого поста. Кто сию пятницу постится, тот человек от внезапной смерти не умрет. 2-я пятница — перед Благовещением (в эту пятницу Каин убил Авеля). Кто сию пятницу постится, тот человек от напрасного убийства избавлен будет (по другим спискам: тот до убожества великого не дойдет и от

меча сохранен будет)” и т.д. Списки о 12 пятницах, а также рукописный “Сон Пресвятой Богородицы”, который по-прежнему распространен среди верующих, носили с собой, например, в сумке, считая, что это помогает в трудной ситуации и предохраняет от болезни. Можно интерпретировать факт их устойчивого бытования как одно из проявлений народного благочестия, но нельзя не согласиться с мнением М.М. Громыко: “В основе особого отношения к пятницам и желания усилить строгость поста, запреты на работу и другие ограничения в этот день несомненно лежал факт распятия Спасителя в пятницу”⁶⁴.

Сохранению веры в немалой степени содействовало и то, что в советский период существовали неформальные конфессиональные объединения верующих или общины, сложившиеся вокруг старцев или стариц. Именно они окормляли своих духовных чад и помогали им укреплять нравственную силу. Такой “путеводительницей в жизни” и духовной опорой была блаженная старица Матрона (1881—1952). Кстати, старица советовала своим чадам строго соблюдать посты и, например, не выходить замуж во время поста. Она молилась за тех, кто нарушал это церковное предписание, помогала обвенчаться накануне поста. Схимонахиня Макария (Артемьева) (1926—1993) неустанно молилась за Россию и всех россиян. Многие получали от нее освященные воду и масло, но тем, кто не соблюдал постных дней и не был воздержан в пище, пить святую водичку она разрешала реже, а кто постился — чаще. По наблюдениям верующих, исцеление от недугов в дни постов, особенно Великого поста, происходило быстрее. Большой постницей была Варвара Шулаева (1914—1980), а другая старица Евдокия Шикова напоминала своим чадам, что надо строже относиться к самой постной пище, а иначе “пост не в пост, и молитва не в молитву, и послушание не в послушание; если постишься, то мягкий ржаной хлеб не ешь и досыта не вкушай. Если ты день не ешь, а на другой день приготовишь себе хорошую пищу, такой пост Бог не примет”.

В с. Летово Рыбновского района Рязанской обл. действовал храм во имя Рождества Богородицы. Его настоятелем был одно время будущий архимандрит Иоанн (Крестьянкин), при котором выросла небольшая община, поэтому в народе храм прозвали “Монастырек”. В д. Дмитрево Скопинского района, как вспоминает местная жительница Евдокия Петровна (1910 г. рожд.), тоже негласно существовала община из местных подвижников веры⁶⁵.

Помимо этого соблюдали “обещанные” посты, т.е. принятые по обету. Например, постились некоторые люди, которые после соборования принимали обет и прекращали есть мясные и молочные блюда, яйца, наподобие того, как от них отказываются в дни поста. Иные пожилые люди отказывались от всего мясного “для спасения души” после пятидесяти лет или принимали обет не есть скоромное после принятия таинства елееосвящения, нарушить который они сами не хотели. В церковном уставе ничего не говорится о подобного ро-

да воздержании, но современные верующие придерживаются традиционного взгляда на елеосвящение и считают воздержание от скоромных блюд постом. Так, по крайней мере нам объясняли верующие, которые этого придерживаются. Такие добровольные посты соблюдали по благословению приходского священника. Одна из верующих Анастасия (1906 г. рожд.) рассказывала, что когда она жила в с. Летово Рыбновского района и работала двадцать лет в храме алтарницей, то хотела взять благословение на воздержание от мясного: “Столько у меня было скорбей!” Но настоятель храма отказал: “С тебя большой спрос, много работаешь, ты нам нужна”. А ее подругу Клавдию он благословил не есть мясного. В отдельных случаях священник за грехи налагал епитимию в виде поста, но это обычно никогда не разглашалось среди прихожан.

Тем женщинам, которые соблюдали посты, но жили в семье, другие члены которой их не соблюдали, приходилось нелегко: они готовили постные блюда для себя и отдельно скоромные блюда для остальных. Посуда соответственно делилась на постную и обычную. Но нередко случалось, что постепенно члены семьи начинали соблюдать пост. Так, у Александры Михайловны из с. Маково Михайловского района посты стала соблюдать и дочь, несмотря на то, что работала в колхозной столовой, а потом и внучка.

Пост старались соблюдать, даже если погребение умершего приходилось на дни поста. Между прочим, по мнению жителей с. Ижеславль Михайловского района, поминальный стол вообще должен быть постным, потому что дни прощания с умершими — это дни траура. Не случайно основные поминальные блюда — постные: это кутья из пшеницы с разбавленным медом (позже — из риса с изюмом) и взвар из сушеных фруктов. По-видимому, до нас дошли только эти архаичные по своему происхождению блюда.

Как рассказали жители пос. Старожилово Старожиловского района, на поминках, помимо кутьи и компота, готовили блины, окрошку, щи, кашу гречневую, пирог и компот из сухофруктов. Компот обычно делали из яблок, груш, вишни, черной смородины. Постный стол включал также грибной суп, окрошку с рыбой, щи постные. В Шацком районе готовили вместо компота кисель из сухофруктов, иногда из вишни, плотный, как холодец, его нарезают к столу квадратиками. Такой кисель некоторые едят с постным маслом.

В советский период изменения в поминальном меню произошли не сразу. Так, в начале 1950-х годов в с. Канино Сапожковского района к поминальному столу подавали мед и блины, квас из ржаной муки, на первое — щи (в зависимости от дня недели — скоромные или постные) или лапшу, пшенную кашу, огурцы. В 1960–1970-е годы распространилась тенденция готовить только вторые блюда, т.е. устраивать “закусочные” поминки, а не “обеденные”, как это было принято в прошлом, и подавать к столу спиртные напитки⁶⁶.

В 1970-е годы наблюдалось сокращение приходов по стране, посещаемость храмов снизилась⁶⁷. Тем не менее число верующих было значительным, хотя и не столь массовым, как это было в начале столетия. Среди верующих преобладали пожилые женщины, приток молодежи был незначительным. Сказалась и интенсивная миграция сельского населения в города, ввиду чего некоторые приходы прекратили свое существование.

Нельзя сказать, что в 1980-е годы положение улучшилось. Верующим приходилось нелегко: те, которые были замечены в посещениях церкви или посмели окрестить ребенка, осуждались⁶⁸. Окружающие выделяли верующих из своей среды и подвергали их поведение насмешкам. Одна из москвичек вспоминала, что еще в 1980-е годы, когда она и три ее соседки Великим постом ходили в храм и одевались во все черное, им вслед говорили: “Вон, гляди-ка, монашки пошли!”

Как показало обследование Псковской обл., целый ряд блюд сельских жителей по традиции был связан с соблюдением религиозных праздников и постов⁶⁹.

Вплоть до конца 1980-х годов многие соблюдали посты, как выяснилось во время беседы с жителями Рязанской области. В качестве первого блюда часто готовили суп из гороха с овощами, на второе — отварной картофель, ели грибы соленные с репчатым луком, пекли постные блины из гречневой, овсяной муки, оладьи из яблок, делали овсяный кисель. Пожилые женщины продолжали готовить знакомые с детства блюда. Так, в с. Пощупово Рыбновского района в пост всегда делали “калину” — традиционное блюдо из ягод калины, которые парили в печи, смешивали с ржаной мукой и сахарным песком, заквашивая коркой ржаного хлеба. Другое блюдо — “тесто” готовили из ржаной муки, замешанной на воде, заквашивая его ржаной коркой. Меню постного стола в конце Великого поста нередко сводилось к минимуму: хлеб, картофель да капуста квашеная, соленные огурцы.

Правда, в отличие от прежних лет, постный стол включал больше салатов: например, салат из свежей капусты с лимонным соком и яблоком, салаты из квашеной капусты. Помидоры стали впервые выращивать в колхозах, а потом и сажать на приусадебном участке. Начали выращивать болгарский перец, баклажаны, патиссоны, кабачки, дыни, тыквы, которые стали стерилизовать в стеклянных банках и закрывать металлическими и пластмассовыми крышками. Многие ягоды и фрукты культивировали на приусадебном участке (например, малину, черную и красную смородину, сливы, вишни, груши, яблоки) и делали заготовки на зиму в виде варенья, компотов, соков, желе. Маринованные и консервированные продукты стали есть и во время постов. Одновременно появилась определенная зависимость от того ассортимента продуктов, которые можно было приобрести в магазине. По сравнению с началом столетия, когда единоличное хозяйство позволяло са-

мим сеять пшеницу, рожь, гречиху, овес, горох и другие зерновые, а также овощные культуры и соответственно делать запасы впрок, отчего и соблюдать посты было проще, приходилось довольствоваться только тем, что завозили в торговую сеть.

Празднование 1000-летия принятия христианства на Руси в 1988 г. стало поворотным пунктом в отечественной истории, повлекшим легализацию многих церковных традиций, в том числе и соблюдение постов, что сопровождалось постепенным освобождением верующих от необходимости скрывать свои религиозные убеждения. Результаты социологических исследований, показавшие беспрецедентный рост религиозности, подтвердились и наблюдениями этнографов⁷⁰.

Начало 1990-х годов совпало с демократическим переустройством общества и было отмечено увеличением приходов по всей стране, открытием старых храмов и возведением новых. Надо сказать, что очевидным стало увеличение числа прихожан, причем храм стали посещать не только пожилые люди, но и люди среднего возраста, мужчины, подростки, дети в возрасте до 7 лет с родителями. Расширился и социально-профессиональный состав соблюдающих посты. В печати появлялись сообщения о начале очередного поста, немало книг на духовные темы включили сведения о том, что можно есть в дни поста⁷¹.

Стремительное возрождение храмов и обращение к вере наших современников можно оценить как культурный феномен конца прошлого столетия, а изучение особенностей соблюдения постов в 1990-е годы в рамках проблемы преемственности православных традиций может стать темой отдельной работы.

В заключение можно сказать, что привлеченные к исследованию материалы показали тесную связь практики русского православного поста с переменами в обществе, происходившими на всем протяжении XX в. Однако отход от веры некоторой части населения в советский период происходил не сразу. Он явился следствием антирелигиозной пропаганды, усилившейся в 1930-е годы, когда открытое соблюдение постов стало затруднительным. Тем не менее источники подтвердили тот факт, что традиция соблюдения постов хотя и ослабевала, но не прерывалась и сохранялась ревнителями православной веры. Носителями православных традиций были пожилые люди, и особенно женщины. Посты чаще соблюдали в тех семьях, где было много верующих и семья играла роль не только хранителя традиций, но и их преемника. В условиях преследования многие верующие стали на путь личного подвига и обратились к внутренней духовной жизни.

Важно отметить, что верующие, продолжая соблюдать многодневные и однодневные посты, не отступали от канонических церковных установлений как в отношении пищевого рациона, так и в понимании духовного значения

Рождественский сочельник. В храме Троицы Живоначальной
в Конькове. Москва. 1996 г.
Фото Т.А. Ворониной

поста. Сохранившуюся традицию добровольно взятых на себя постов можно рассматривать как одно из свидетельств народного благочестия. К сожалению, в условиях преследования верующих было невозможно соблюдать посты по особому случаю, тем самым нарушилась традиция общественных постов.

Обращение к практике поста в прошлом помогает не только проследить сохранность традиций, но и рассматривать его как проявление религиозного самосознания, тем самым пост может служить важным показателем религиозности общества.

¹ Напомним, что по уставу Русской Православной Церкви предписывается соблюдать многодневные и однодневные посты. В число четырех многодневных постов входят Великий, Петров, Успенский и Рождественский. Великий пост зависит от празднования Пасхи и длится семь недель. Следующая за ними Страстная неделя завершается торжественным празднованием Пасхи или Светлого Христова Воскресения.

Петров пост начинается через неделю после дня Святой Троицы, в девятое воскресенье по Пасхе. В зависимости от даты празднования Пасхи длительность поста различна: от восьми до шести недель, но он всегда оканчивается в день святых апостолов Петра и Павла — 29 июня (12 июля нов.ст.). Рыбу разрешается есть в субботу и воскресенье. В понедельник, вторник и четверг ее можно есть только в том случае, если на них приходится праздник с великим славословием, в среду и пятницу — только в праздник с бдением и в храмовые праздники. Если же день святых Петра и Павла попадает на среду и пятницу, то пост сохраняется, т.е. мясное, яйца и молочное есть не следует, но можно есть рыбу и употреблять растительное масло.

Третий, Успенский пост четко определен по церковному календарю: с 1 по 14 августа (14—28 августа нов.ст.). 15 августа отмечают день Успения Пресвятой Богородицы, завершающий пост. Если он приходится на среду или пятницу, то можно есть рыбу (скоромное есть нельзя). Успенский пост — короткий, но соблюдается строго. Послабления в рационе допускаются по субботам и воскресеньям (растительное масло для тех, кто постится без него, и вино), а также в праздник Преображения Господня 6 (19 нов.ст.) августа, когда можно есть рыбу. Во вторник и четверг едят без масла, в понедельник, среду и пятницу — сухоядение. Успенскому посту, как и трем другим, предшествует заговенье.

Четвертый, Рождественский пост длится сорок дней и, как Великий пост, называется Святой Четыредесятницей. Он начинается после дня святого апостола Филиппа — 14 (27 нов.ст.) ноября, поэтому имеет названия “Филипповский”, “Филиппов пост” или “Филипповки”. 14 ноября — заговенье на пост, но если этот день попадает на среду или пятницу, то заговенье должно быть 13 ноября, поскольку среда и пятница — дни постные. Рождественский пост по строгости приближается к Петрову посту. Во все дни, кроме среды и пятницы, разрешается растительное масло. Рыбу можно есть только по большим праздникам, например в день Введения во Храм Пресвятой Богородицы — 21 ноября (4 декабря нов.ст.), во все субботы и воскресенья до дней предпразднества Рождества Христова — до 20 декабря (2 января нов.ст.), когда пост устрожается, а также в дни памяти великих святых, если они попадают на вторник и четверг, если же эти дни приходятся на понедельник, среду или пятницу, то благословение дается только на растительное масло. Если в понедельник, среду и пятницу нет праздника, то назначается сухоядение, во вторник и четверг разрешаются вино и растительное масло.

Однодневные посты включают пост 24 декабря (6 января нов.ст.) — в день навечерия Рождества Христова, или Рождественский сочельник (“сочевник”); 5 (18 нов.ст.) января —

в день Богоявления, или Крещенский сочельник; 29 августа (11 сентября нов. ст.) — в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи; 14 (27 нов.ст.) сентября — в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Однодневные посты соблюдаются также по средам и пятницам. Исключение составляют сплошные "седмицы" или недели, когда пост отменяется, к ним относятся седмица о мытаре и фарисее перед началом Великого поста, святки — время от праздника Рождества Христова до Крещенского сочельника, масленица, или Сырная неделя, Пасхальная или Светлая седмица и Троицкая неделя.

По церковному уставу в праздники Рождества Христова и Богоявления, случившиеся в среду и пятницу, поста нет. В Рождественский и Крещенский сочельники, в праздники Воздвижения Креста Господня и Усекновения главы святого Иоанна Предтечи разрешается постная пища с растительным маслом. В такие двенадцатые и великие праздники, как Сретение Господне — 2 (15 нов.ст.) февраля, Преображение Господне — 6 (19 нов.ст.) августа, Рождество Божией Матери — 8 (21 нов.ст.) сентября, Покрова Пресвятой Богородицы — 1 (14 нов.ст.) октября, Введение во храм Пресвятой Богородицы — 21 ноября (4 декабря нов.ст.), Рождество святого Иоанна Предтечи — 24 июня (7 июля нов.ст.), святых апостолов Петра и Павла — 29 июня (12 июля нов.ст.), апостола Иоанна Богослова, случившиеся в среду и пятницу, а также в период после Пасхальной седмицы до дня Святой Троицы, в среду и пятницу можно есть рыбу. Пост следует соблюдать тем, кто намеревается венчаться: перед этим они должны исповедаться и причаститься.

² Громыко М.М. Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследований // ЭО. 1995. № 5. С. 77; Она же. Православие у русских: проблемы этнологического исследования // Православие и русская народная культура. Библиотека российского этнографа. М., 1996. Кн. 6. С. 173.

³ Воронина Т.А. Проблемы этнографического изучения русского православного поста // ЭО. 1997. № 4. С. 85—95; Она же. Пост в традиционном питании русских XIX века // Расы и народы. М., 1998. Вып. 25. С. 211—248.

⁴ См., например: Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975; Тульцева Л.А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // СЭ. 1979. № 4. С. 47.

⁵ Рязанский государственный историко-культурный музей-заповедник. Этнологический архив Общества исследователей этнографии Рязанского края (далее — РГИАМЗ. ЭА ОИЭРК). Кн. I—IV. Д. 3, 5, 16, 21, 878, 2510.

⁶ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144, 146, 149, 208, 218.

⁷ Программа сбора полевого этнографического материала по теме "Православие и русская народная культура" // ЭО. 1993. № 6. С. 69—84.

⁸ Работа проводилась в соответствии с Протоколом, подписанным Институтом этнологии и антропологии РАН и Рязанским областным научно-методическим центром народного творчества (директор В.В. Коростылев). В состав отряда Рязанской экспедиции (1995—1996 гг.) входили Т.А. Воронина (начальник отряда), К.В. Цеханская, Т.С. Колесникова, Х.В. Поплавская, Н.Б. Колоколова. В 1997 г. мною был совершен индивидуальный выезд в Старожиловский район. В ходе маршрутных выездов удалось опросить более ста человек в Рязанском, Рыбновском, Старожиловском, Михайловском и Скопинском районах Рязанской области.

⁹ См., например: Воронина Т.А. Особенности соблюдения постов в народной среде в XIX веке // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 53—72.

¹⁰ Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 11—12. С. 379—381.

¹¹ Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева / Сост. монахиня Иулиания. М., б. г. С. 58; Тальберг Н.Д. Святая Русь. СПб., 1992. С. 81—82; Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. Пг., 1923. С. 425 (репринтное издание. М., 1991).

¹² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 35.

¹³ Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Кн. 1. С. 221; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997.

¹⁴ Савельев С. Бог и комиссары (К истории комиссии по проведению отделения Церкви от государства при ЦК ВКП (б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 164–179; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 140–141; Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 1997 г. М., 1997. С. 166–168.

¹⁵ Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева. С. 68.

¹⁶ Коваржевский А.Ч. Храм Илии Обыденного в 20–30-е годы // Московский журнал. 1992. № 5. С. 11.

¹⁷ Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 16.

¹⁸ Перфильев Б.А. Питание сельского населения Вятской губернии в 1921, 1922 и 1923 гг. // Вятская жизнь. 1923. № 5–6. С. 24–30.

¹⁹ Носова Г.А. Язычество в православии. С. 123.

²⁰ Яковлев Я.А. Деревня как она есть: (Очерки Никольской волости). М., 1923. С. 9.

²¹ РГИАМЗ. ЭА ОИЭРК. Кн. III. № 60, 69.

²² Там же. Кн. I. № 3. Л. 13об.; Кн. III. № 60. Л. 1; № 69. Л. 2; Кн. IV. № 80. Л. 1.

²³ Там же. Кн. IV. № 463. Л. 1.

²⁴ Там же. Кн. III. № 49. Л. 2; Кн. IV. № 432. Л. 3; № 442. Л. 19; № 443, 445.

²⁵ Там же. Кн. I. № 3. Л. 13об.; Кн. 4. № 437. Л. 1.

²⁶ ПМА, с. Пошупово Рыбновского района Рязанской обл. 1995 г.

²⁷ РГИАМЗ. ЭА ОИЭРК. Кн. I. № 16. Л. 11об.

²⁸ Там же. № 2510. Л. 1–2, 8.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. № 5. Л. 2; Кн. III. № 39.

³¹ ПМА, Михайловский, Скопинский и Рязанский районы Рязанской обл. 1995–1997 гг.

³² РГИАМЗ. ЭА ОИЭРК. Кн. IV. № 446. Л. 1; № 147. Л. 17; № 2510. Л. 2.

³³ Там же. Кн. I. № 2510. Л. 3–4.

³⁴ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 127–129; РГИАМЗ. ЭА ОИЭРК. Кн. I. № 3. Л. 11об.; Кн. IV. № 36. Л. 15; Кн. I. № 878. Л. 1.

³⁵ Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Материалы по этнографии. Этнографический отдел Государственного Русского музея. Л., 1926. Т. 3, вып. 1. С. 143, 151–153.

³⁶ Милль-Полярный К. Святоша и рабфаковец // Безбожник. 1925. № 4. С. 15; Безбожник. 1926. № 8. С. 1.

³⁷ Ковалев Ф. Документы об исповеди // Безбожник. 1926. № 12. С. 12; Никольский В. Суеверия, знахарство, религиозные предрассудки и советская медицина. М., 1926. С. 23–24.

³⁸ ГАВО. Оп. 1. Д. 146. Л. 9; Д. 149. Л. 2–3; Д. 208. Л. 14; Д. 166. Л. 2–3; Д. 188. Л. 7–12.

³⁹ Лебедев Вс. Верующая Москва // Безбожник. 1927. № 10. С. 4–6; Теляковский. Состояние религиозных организаций // Безбожник. 1927. № 12. С. 2–3; Безбожник. 1927. № 21; Безбожник. 1928. № 23. С. 15.

⁴⁰ Лукачевский А. Войнуствующее безбожье // Безбожник. 1929. № 12.

⁴¹ Владислав Цыпин, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 91–92; Кому нужно Рождество? // Безбожник. 1930. № 4. С. 10–11; Худяков С. Об антирождественской компании // Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 6–9.

⁴² Чикин И. Ростки нового быта // Безбожник. 1929. № 3. С. 6.

⁴³ Осенний П. Враг перекрещивается (От нашего корреспондента) // Безбожник. 1931. № 4. С. 13; Попов М. К вопросу о работе среди женщин (из опыта Ивановской области) // Антирелигиозник. 1931. № 2. С. 56–57; Безбожник. 1931. № 6. С. 3.

⁴⁴ Попов Л. Взгляд из сегодняшнего дня // Наука и религия. 1979. № 11. С. 34.

⁴⁵ ПМА, Москва. 1996 г.; г. Скопин Рязанской обл. 1997 г.

⁴⁶ Владислав Цыпин, протоиерей. История... С. 103, 106; Казьмина О.Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // ЭО. 1997. № 5. С. 156–161.

⁴⁷ ПМА, г. Скопин Рязанской обл. 1997 г.

⁴⁸ ПМА, Михайловский и Старожиловский районы Рязанской обл. 1996–1997 гг.; г. Москва. 1998 г.

⁴⁹ Михаил (Труханов), священник. Воспоминания: первые сорок пять лет моей жизни. М., 1996. С. 31–35.

⁵⁰ ПМА, Михайловский район Рязанской обл. 1996 г.

⁵¹ За Калужской заставой (Москва). № 26. 2001, 12–18 июля. С. 7.

⁵² Русские: Традиционный уклад Лекшомозерья / Сост. Г.Н. Мелехова. М., 1993. Ч. 1. С. 71–72; ПМА, Вологодский и Тотемский районы Вологодской обл. 1994 г.

⁵³ Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1967 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6.

⁵⁴ ПМА, г. Скопин Рязанской обл. 1995 г.; Вологодский и Тотемский районы Вологодской обл. 1994 г.; Москва. 1997 г.

⁵⁵ Попов В.П. Российская деревня после войны (Июнь 1945–март 1953 г.): Сборник документов. М., 1993. С. 4, 89–91.

⁵⁶ Беляев К.И. Религия и быт. Серия 2. М., 1958. № 24. С. 23; Павелкин П. Религиозные суеверия и их вред. М., 1951.

⁵⁷ Носова Г.А. Язычество в православии. С. 123.

⁵⁸ Савушкина Н.И. Народное устно-поэтическое творчество в русских селах // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2: Забайкалье. С. 119.

⁵⁹ Тульцева Л.А. Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области) // СЭ. 1970. № 6. С. 113; Она же. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения // СЭ. 1979. № 4. С. 47.

⁶⁰ ПМА, Рязанский, Михайловский, Старожиловский районы Рязанской обл. 1995–1997 гг.

⁶¹ Тульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. № 11. С. 64; Она же. Христовы невесты // Родина. 2001. Июнь. С. 84–87; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 114.

⁶² ПМА, г. Москва. 1993 г.

⁶³ ПМА, Скопинский, Михайловский, Рыбновский районы Рязанской обл. 1995–1996 гг.

⁶⁴ ПМА, г. Михайлов Рязанская обл. 1996 г.; Громыко М.М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 123.

⁶⁵ Сказание о житии блаженной старицы Матроны / Сост. З.В. Жданова. М., 1993. С. 27–28, 72, 93; Дурасов Г.П. Богом данная. СПб., 1994. С. 51–53; Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики... С. 100, 116, 228; Сергей Арсентьев, протоиерей. Молитвенницы за Россию // Звезда (г. Михайлов). 1996, 21 марта. № 21.

⁶⁶ ПМА, Рыбновский, Михайловский и Старожиловский районы Рязанской обл. 1995–1997 гг.

⁶⁷ Цыпин Владислав, протоиерей. История... С. 169, 187–190.

⁶⁸ Рогов В. За кого верующие? // Скопинский вестник. 1996, 11 июня. № 70.

⁶⁹ Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А.В. Гадло. Псков, 1999. С. 204.

⁷⁰ Бызов Л., Филатов С. Религия и политика в общественном сознании советского народа // Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 12–14; Котовская М.Г. Женщины и религия (Данные московского исследования 1993–1994 гг.) // Москва: Народы и религии. М., 1997. С. 235.

⁷¹ Воронина Т.А. Православие в России: возвращение традиций // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 26–37.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СТАТЬЕ "ДУХОВЕНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬЯ

(XIX—первая треть XX в.)

Публикация Г.Н. Мелеховой

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Священноцерковнослужители в Каргополье в XIX в.*

Год	Священноцерковнослужители	Город		Уезд	
		по штату	фактически	по штату	фактически
1829	Протоиереи	1	1	—	—
	Священники	11	8+1	51	45+3**
	Дьяконы	4	5	20	16
	Псаломщики, причетники	20	19	102	92+9
1863	Протоиереи	1	1	—	+1
	Священники	11	9+1	51	50
	Дьяконы	4	4+1	5	5+2
	Псаломщики, причетники	20	19	75	74+2

* Таблица составлена по материалам: РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 976. Л. 262—263 об.; Оп. 145. Д. 1622. Л. 283 об.—286.

** Запись "+" означает число служителей не на своих вакансиях.

Таблица 2
Священноцерковнослужители в благочиниях Каргополья
в 80-е годы XIX в.*

Священноцерковнослужители	Благочиния					
	Градское	I	II	III	IV	V
Протоиереи	2	—	—	—	—	—
Священники	6	13	10	14	—	8
из них с семинарским образованием	6	12	9	14	—	6
Дьяконы	1	2	5**	—	—	3
из них с семинарским образованием	1	—	—	—	—	—
Псаломщики, причетники	6	14	9	16***	—	8
из них окончившие духовное училище	6	—	—	—	—	6
Итого священноцерковнослужителей	15	29	24	30	20	19
из них с полным образованием	15	—	—	—	7	17
с незаконченным образованием	—	—	—	—	13	2

* Таблица составлена по материалам: ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 8/84. Л. 172; Д. 8/92. Л. 23 об., 39 об., 45 об., 60; Д. 8/88. Л. 62 об.

** 1 из дьяконов находится на вакансии псаломщика.

*** Число дьяконов и причетников вместе.

Таблица 3

Сведения о монашествующих каргопольских монастырей*

Монашествующие	Возраст	Происхождение	Где учился	Характеристика
<i>Александро-Ошевенский монастырь, 1878 г.</i>				
1. Настоятель иеромонах Викентий	47	Из крестьян Тверской губ. Калязинского уезда	В доме родителей, потом в монастыре	За постоянную заботливость о монастыре, отличное поведение награжден набедренником
2. Казначей иеромонах Александр	54	Олонецкой епархии дячешский сын	Петрозаводское духовное училище	К послушаниям способен, усерден
3. Иеромонах Мисаил (духовник)	68	Олонецкой епархии дячешский сын	Каргопольское духовное училище	К послушаниям, богослужениям усерден
4. Монах Никанор	78	Из военного ведомства Каргопольского уезда	Новгородское военное мужское отделение	По дряхлости лет и неимению зрения по клиросному послушанию еще усерден
5. Монах Паисий	64	Из отставных квартирмейстеров флота	Приходское училище	По клиросному и амбарному послушаниям весьма усерден
6. Монах Орест	67	Из мещан г. Петрозаводска	—	К послушаниям способен, трудом усерден
7. Послушник Николай	29	Каргопольского уезда пономарский сын	Каргопольское духовное училище	К клиросному послушанию способен
<i>Спасо-Каргопольский монастырь, 1878 г.</i>				
1. Исправляющий должность настоятеля иеромонах Евгений	44	Новгородской епархии дяконский сын	Тихвинское духовное училище	—
2. Иеромонах Афанасий	59	Новгородской епархии дяконский сын	Тихвинское духовное училище	К церкви Божией усерден
3. Иеродьякон Иаков	51	Олонецкой епархии дячешский сын	Олонецкая духовная семинария	К церкви Божией усерден

* Таблица составлена по материалам: ГАК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 11/107. Л. 33—41, 49—55, 57—70; Д. 30/341. Л. 1—8.

Таблица 3 (продолжение)

Монашествующие	Возраст	Происхождение	Где учился	Характеристика
4. Монах Никандр	35	Из крестьян Лодейнополь- ского уезда	Грамоты не знает	Направления мало монашеского, по хозяй- ственной части спосо- бен, но подвержен горя- чительным напиткам
5. Послушник Михаил	27	Каргопольского уезда сын пса- ломщика	Каргопольское духовное учи- лище	По письмоводству и к клиросному послу- шанию способен
<i>Успенский женский монастырь, 1878 г.</i>				
1. Настоятельница игумения Люд- мила	60	Крестьянская дочь	В учебном заведении не была, училась в монастыре	—
2. Казначей мона- хиня Филарета	81	Крестьянская дочь Каргополь- ского уезда	В школе не была; чтению, пению учена	К послушаниям отлично способна
3. Помощница каз- начей монахиня Антония	45	Мещанская дочь г. Старая Русса	В школе не была, но грамо- ту знает	—
4. Управительница ризницы мона- хиня Маргарита	56	Казачья дочь Полтавской губернии, г. Кременчуг	В школе не была, но читать, писать умеет	—
5. Схимонахиня Паисия	85	Крестьянская дочь Кирилов- ского уезда	В школе не была	К послушаниям за ста- ростью не способна
6. Монахиня Маргарита	88	Крестьянская дочь	В школе не была, но грамо- ту знает	К послушаниям за бо- лезнью не способна
7. Монахиня Маркеллина	81	Дьяческая дочь	В школе не была	К послушаниям за бо- лезнью не способна
8. Монахиня Горгония	92	Крестьянская дочь	В школе не была, но грамо- ту знает	К послушаниям отлично способна
9. Монахиня Олимпиада	71	Священниче- ская дочь	В школе не была; чтению, пению учена	К послушаниям за бо- лезнью не способна
10. Монахиня Флорентия	71	Крестьянская дочь	В школе не была; чтению, пению учена	К послушаниям спо- собна

Таблица 3 (продолжение)

Монашествующие	Возраст	Происхождение	Где учился	Характеристика
11. Монахиня Асенекра	75	Крестьянская дочь	В школе не была; чтению, пению учена	К послушаниям за болезнью не способна
12. Монахиня Илиодора	71	Мастерового дочь	В школе не была; но читать, писать умеет	К послушаниям способна
13. Монахиня Сокрыя	75	Крестьянская дочь	В школе не была; но грамоту знает	К послушаниям за болезнью не способна
14. Монахиня Поликсения	52	Крестьянская дочь	В школе не была; чтению, пению учена	К послушаниям способна
15. Монахиня Афанасия	62	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
16. Монахиня Мамелфа	72	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
17. Монахиня Антония	71	Крестьянская дочь	В школе не была; но грамоту знает	К послушаниям за болезнью не способна
18. Монахиня Максимила	63	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
19. Монахиня Варсонофия	60	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
20. Монахиня Леонида	60	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
21. Монахиня Евстолия	56	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
22. Монахиня Аркадия	56	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям за болезнью не способна
23. Монахиня Сосипатра	48	Крестьянская дочь	В школе не была; но грамоту знает	К послушаниям способна
<i>Рясофорные послушницы</i>				
24. Алевтина	75	Вольноотпущенного дворового человека дочь	В школе не была	К послушаниям за болезнью не способна
25. Хариесса	78	Мещанская дочь	В школе не была	К послушаниям за болезнью не способна

Таблица 3 (продолжение)

Монашествующие	Возраст	Происхождение	Где учился	Характеристика
26. Анатолия	56	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
27. Анфиса	39	Крестьянская дочь	В школе не была, но грамо- ту знает	К послушаниям за бо- лезнью не способна
28. Евсевия	72	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям за бо- лезнью не способна
29. Дионисия	62	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям за бо- лезнью не способна
30. Павла	52	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
31. Матридия	41	Вольноотпущен- ного дворового человека дочь	В школе не была	К послушаниям способна
32. Евпраксия	42	Пономарская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
33. Арсения	43	Канцелярского служащего дочь	В школе не была, но грамо- ту знает	К послушаниям способна
34. Митрополия	62	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям за бо- лезнью не способна
35. Пульхерия	59	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям за бо- лезнью не способна
36. Лидия	33	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
37. Митрополия	34	Крестьянская дочь	В школе не была, но гра- моту знает	К послушаниям способна
38. Августа	39	Крестьянская дочь	В школе не была, но гра- моту знает	К послушаниям способна
39. Павлина	50	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна
40. Раиса	30	Священниче- ская дочь	Женское учили- ще не кончила по болезни	К послушаниям способна
41. Амфилогия	31	Крестьянская дочь	В школе не была, но гра- моту знает	К послушаниям способна
42. Каллиста	42	Крестьянская дочь	В школе не была	К послушаниям способна

Таблица 3 (окончание)

Монашествующие	Возраст	Происхождение	Где учился	Характеристика
<i>Кирилло-Челмогорский монастырь, 1900 г.</i>				
1. Настоятель иеромонах Архипп	—	—	—	—
2. Иеромонах Аполлос	50	Сын коллеж- ского секретаря	Санкт-Петер- бург	Послушания исполняет усердно
3. Иеромонах Сампсон (сбор доброхотных подаяний)	36	Из крестьян Олонецкой губ.	Нигде не учил- ся; читать, петь знает	К послушаниям спо- собен
4. Иеродьякон Александр	58	Сын дьячка Каргопольского уезда	Каргопольское духовное учи- лище	—
5. Монах Кирилл (Кошелев, гостинщик, рыболов)	72	Из крестьян Каргопольского уезда	Малограмотный	Послушания исполняет усердно
6. Монах Иоанникий	67	Из крестьян Олонецкого уезда	Петрозаводское духовное учи- лище	Послушания исполняет неопустительно
7. Монах Вениамин (Старцев)	56	Из крестьян Каргопольского уезда	Неграмотный	Послушания исполняет
8. Монах Феодот (Кошелев, повар)	62	Из крестьян Каргопольского уезда	Неграмотный	Послушания исполняет
9. Монах Тихон (Старцев, сбор доброхотных подаяний)	48	Из крестьян Каргопольского уезда	Неграмотный	Послушания исполняет очень усердно

ПРОШЕНИЕ ПРИХОЖАН МОШИНСКОГО ПРИХОДА В ОЛОНЕЦКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРИЮ* (1900 г.)

Преосвященнейший Владыка, благослови нас, прихожан Мошинской Рождественской церкви, в чем нижеподписавшиеся. Осмеливаемся описать прибытие Ваше в нашу страну: от лютых морозов Бог Вас сохранил. И мы ожидали получить благословение от Вас, Преосвященнейший Владыка. А Вы прибыли к нам, как солнце промежду облаки проглянуло, а мы устремились радостью встретить и получить от Преосвященнейшего Владыки благословение, а между тем получили нерадость, что наш отец Константин назначен в переводку, который у нас пробыл 28 годов и всегда находился при церкви и богослужении и посещал больных днем и ночью, и находился всегда в хорошем положении, часто посещал с поучением нас, и много удерживал от расколу. И будут укорять нас, православных, раскольники, что ваш наставник учил нас, а сам безвинно уехал. И будет раскольникам много похвальнее. А мы, православные христиане, много сожалеем доброго пастыря, нашего отца духовного Константина за то, что состарел в нашем приходе и посещал больных, не разбирая никакой погоды, и за то получил в волосах седины. А мы, прихожане, надеялись, что отец наш Константин пробудет с нами до старости, пока может служить, и от которого желали получить покаяние и напитать нашу душу Св. Тайн, и получить от грехов очищение, а будем мы, прихожане, без отца Константина, как животные в лесу без пастуха, и не знаем мы, за что от нас его удаляют. И жили они до сего года согласно, а в сем году 1899 по прибытию третьего священника пошли какие-то неприятности. Отец Александр не хочет быть младшим, а на требу ездит мало, а мы, прихожане, не знаем, за что удаляют о. Константина, и много убоялись, что безвинно наказуют его перемещением. Очень трудно старому старцу священнику переселяться, и потому мы, православные, просим Вас, Преосвященнейший Владыка, Архиерей Бога Вышняго, остави нам священника иерея Константина и успокой седины его; и мы, православные христиане, помолимся Господу Богу, да оставит нам о. Константина, чрез которого получим отпущение грехов. И к тому же раскольники укоряют нас, православных, что ваш о. Александр курит табак, и молодые люди тоже говорят, что табак курить не грех, что наш о. Александр курит в домах и на улицах, и поэтому и нам можно курить. В нашем приходе прежде священники табаку не курили, и нам, православным старцам, было

* Прощение публикуется по: Государственный архив Республики Карелии. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/95. Л. 389—390. В публикуемых документах орфография и синтаксис оригинала частично исправлены.

очень приятно, так как и мы табаку не любим; да мы боимся и того, что уедет о. Константин, то усилится в нашем приходе раскол.

К сему подписуемся в 1900 года 14 февраля крестьяне Мошинского прихода Дмитрий Степанов Пигин, за неграмотных Семена Петровича Шолгинскаго и Федора Семеновича Завяилова по их личной просьбе расписался Николай Семенович Пигин, Осип Вас. Куликов, Иван Осипов Куликов, крестьянин Петр Александров Шолгинский...*

**ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА ЦЕРКВИ
прп. АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО НА ХИЖГОРЕ
о. АЛИПИЯ****

3 июня 1948 г.

Здравствуйте, дорогие мои скорбящие духовные о Христе родные чада мои Макаар Андреич, Мария В., Мария, Меланья П., Анна А., Анна П., Анна Е. и все помнящие меня грешного, Татьяна Д., Мария Як., Феодосия и Александра В., и Александра Феодор., и все. Я очень извиняюсь пред вами, что до сих пор не ответил вам на ваши любезные письма, все они получены и внимательно мною прочитаны, получил я их только теперь, после Радоницы, на будущей неделе будет уже Вознесение, так как меня не было дома, я был вызван в Ленинград, а затем и дальше в Эстонию. Вызван своим духовным начальством — митрополитом и епископом. Причина вызова очень важная для меня, и (...) тем, что мне предложили принять на себя должность духовника одной женской обители, Пюхтицкой. Это в Эстонии, за Ленинградом верст 300. Вот я туда и ездил: посмотрел и пробыл там столько времени, только сегодня вернулся. И так как вы все очень просите написать вам ответ, то и пишу одно письмо для всех, чтобы хоть сколько-нибудь утешить вас. Конечно, это не утешение. Вы просите навестить вас, погостить у вас или даже остаться и пожить с вами. О дорогие мои, я очень и очень сочувствую вам, понимаю ужасную скорбь вашу, вы брошены на произвол, но не по моей вине. Вы сами знаете, что я за эти годы пережил и что претерпел — один Господь знает, и благодарю Его, что Он сохранил меня до сего дня, я жив и здоров. Но быть у вас не могу. Конечно, вы были бы очень рады, но надолго ли была бы ваша радость, а потом могло бы стать, что еще горше стали бы скорбеть за меня, разумеете, что пишу вам. Нет, лучше будем молиться друг за друга, это больше принесет пользы вам и мне.

* Далее следуют полторы страницы подписей.

** Письма публикуются по копиям, хранящимся в архиве автора. Подлинники были сохранены бывшим односельчанином адресатов Василием Макаровичем Солодягиным, проживавшим в Североонежске; ныне находятся у его сестры Нины Макаровны Смолко в Архангельске.

Отец Алипий в годы ссылки

К Троицыну дню я должен быть там, и уже оттуда я напишу вам более подробно, пошлю книжицу, описание обители и вид. Вы будете знать, где я буду жить. Там сестер около сотни, там действительно тишина, где можно отдохнуть душою и телом. А у вас житейское море, и мне наскучило оно. Хочется отдохнуть и подготовиться к переходу в вечные обители, куда уже перешли все друзья мои: о. Кирилл, о. Иоанн, о. Иосаф и многие другие, кото-

рых вы не знаете. Все они там, итак, не зовите меня к себе, как я уже сказал вам. Я побывал у вас, послужил как мог. Спаси вас Господи за любовь и память вашу. А теперь для памяти пришлите туда мне сушеной рыбки и напишите имена ваши: я буду помянуть вас за литургией. Это драгоценно для вас. Всем мой глубокий привет и Божие благословение. От души желание всем вам спастись и достигнуть жизни вечной. Искренно любящий всех вас и помянувший Ар[химандрит] Алипий.

Мой адрес: ЭССР, ст. Цыхви Куремая, Пюхтинский монастырь, Сошальской Зое.

20 сентября 1948 г.

Милость Божия (...) и с вами. Здравствуйте, мои дорогие и скорбящие друзья и братья о Господе и сестры Макар Андреич, Мария Мих., Анна П., Мария, Семен Я., Димитрий Ф., Алексей С. и все меня помянувшие. Всем вам шлю привет, глубокий поклон и Божие благословение, от души желаю быть вам здоровым и всеми силами старайтесь не унывать, а всеусердно молиться Господу. Письма ваши получил от Дарьи Ив., она приезжала ко мне на праздник Успение и прожила у меня две недели. Я больше месяца тому назад отослал письмо в Лекшмозеро Марии Вас. Трапезн., но ответа от нее так и не получил. Читая ваши письма, мне очень вас всех жаль, как вы там бедные духовно страдаете, унываете, и ниоткуда вам нет утешения и отрады. Окружила вас тьма беспросветная, и я недоумеваю, чем и как вам помочь, вместе с вами скорблю и плачу. Все вы пишете, что желали бы меня видеть у себя, хочется вам рассказать и излить свое горе передо мною, как это было когда-то. Но тогда у вас все было: была св. обитель, были св. храмы, а теперь, увы, ничего не стало, как не скорбеть, как не болеть душой.

Сестры пишут мне, хочется приехать вам в нашу обитель отдохнуть душой и телом, и я буду рад видеть вас здесь, но, дорогие мои, зная ваши скудные средства, одна дорога чего стоит; конечно, при желании можно, но только не теперь, а весной. А у нас очень хорошо: тихо, мирно, служба ежедневно, и поют прекрасно. Я посылаю вам книжку — описание и вид обители. Это для всех, так что вы будете иметь понятие, где я живу. А весной, если Господь благословит и Матерь Божия управит, может, кто и соберется навестить меня. По получении немедленно пишите ответ, тогда я вам pošлю свою фотографию. Увидите, как я изменился за эти минувшие годы.

Если можно, pošлите сухой рыбки — это будет великое утешение для меня.

О братья и сестры, нет ничего милее, как всегда утверждаться в любви, ничем не отпадающей от Всеблагаго Господа! В ней мы живимся и друг

другу любезны делаемся, а без нея все погибли. Погибнет мир, не терпящий чистейшей любви, погибнет внезапно, подобно как в бывшем прежде потопе. О Христе любящий вас ваш брат Алипий.

7 сентября старого стиля, канун праздник Рождества Божией Матери.

16 апреля 1949 г.*

Господи, благослови!

Здравствуйте, боголюбивейшие мои о Господе сестрицы Меланья П., Анна П. и Мария М. {...} шлю вам привет, глубокий поклон и Божие благословение, от души желание мира и радости духовной. Бог на помощь вам трудиться во славу Божию и спасение своей души. Три письма ваши в одном конверте я давно получил, но ответить не мог по двум причинам: вскоре написал бы, но затерял ваш адрес, об этом я даже писал о. I., чтоб он передал вам, чтоб вы снова написали мне свой адрес, но от него и до сих пор нет ответа, не знаю, что с ним; после этого я заболел и вот только теперь начинаю оправляться, а то ни ходить, ни сидеть не мог. Теперь хожу и сижу, имею возможность еще хоть заочно побеседовать с вами. Письма ваши все время лежали, и у меня была забота и печаль о том, как бы ответить и успокоить свое и ваши сердца. Ваши три письма, но простите, я буду отвечать вам вместе, как-либо почитаете и одна другой передадите, а то мне очень утомительно каждой в отдельности писать, очень долго, а письма ваши хоть каждая написала особо, но тема и содержание почти одно. Это скорбь вашего сердца и томление духа скорбящего и изнывающего, не находящего себе утешения среди мира прелюбодейного и грешного. Среди житейского моря, постоянно волнующегося среди суеты и житейских забот.

Дорогие мои сестрицы! Не знаю, было ли когда такое на земле время, когда не было бы скорбей. Да, было, и то недолго. Это когда первые люди Адам и Ева жили в раю до грехопадения, а как оне согрешили, отпали от Бога, выгнаны из рая сладости, то и определил им Бог труды, скорби и болезни, даже до того дня, когда земля (наше бренное тело) возвратится в землю. Что было определено им, то и мы по наследству получили; и посмотрите хорошенько, кто живет без скорбей и болезней? Никто. Рождается младенец в мир сей со слезами, живет со скорбями, и старец умирает со многими болезнями. Тем более нам, христианам, верующим во Христа, без скорби в мире сем быть невозможно. Так свидетельствует Слово Божие: многи скорби праведным. В мире скорбни будете. Все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе гонимы будут. Ибо путь, который их вводит в живот, тесен есть. Что ж, мы ли одни хотим без скорбей пробыть и с тесного пути на пространный,

* Дата определена по штемпелю на конверте.

который ведет в пагубу, взойти, и так от числа истинных христиан себя исключить. Читаем мы священную от начала мира историю и видим, что все святые чашу горести крестныя пили, и теперь в мире странствующие пьют и до конца будут пить. Так что не мы одни страдаем теперь. Не без скорбей вы и тогда были, и я, когда был среди вас; правда, на некоторое время скорби наши забывались, когда мы утешались духовно в храме на молитве или чтении Слова Божия, но и то ненадолго. Уж если сама воплощенная любовь Господь наш Иисус Христос столько претерпел скорбей ради нашего спасения. Он — безгрешный. А мы — многогрешные, как и вы себя называете и таковыми себя чувствуете, и я себя сознаю, и чувствую свою страстность и греховность. Но верую в Господа Иисуса Христа. Каюсь и молюсь и надеюсь, что Он простит меня, не отринет и не лишит своей милости и по смерти упокоит и избавит от всех скорбей, болезней, страданий и вздыханий. А теперь пока предаюсь в Его святую волю и, что Ему угодно послать мне, принимаю то как от Его руки — радостное то или скорбное. Мы должны верить и верим, что без Его Божественного промысла ничего с нами не бывает, кроме наших грехов. Вот, например, болезнь моя или что другое скорбное, темница, ссылка, лишение имущества, как это вы знаете, со мной было и другими — все это по воле и допущению Божию. Но это не зло, а как учат нас св. Отцы, Божеское отеческое наказание. Правда, не без злых людей все это совершается, люди, диаволом научаемые, наводят нам беды и скорби по попущением Божиим. Люди и сам диавол ничего не могут нам сделать, когда им Бог не попустит. Попускает же им в наше наказание, и сколько им попускает Бог, столько они нам и досаждают и озлобляют. Известна сия истина из истории об Иове и Давиде святых и других. Будем вспоминать в скорбях наших утешительное слово: его же любит Господь, наказует, бьет же всякого сына, его же приемлет. Лучше здесь пострадать, лишь бы там нас помиловал. А ваша жизнь, как я знаю, с юных лет и до смерти многоскорбная, многотрудная, в бедности и нужде. О! помози вам, Господи, претерпеть все до конца, и вы, без сомнения, спасетесь, лишь бы вы сохранили в себе веру в Бога, пребывали в смиренном покаянии и молитвенном расположении духа, где бы вы ни были — везде и всюду с вами Господь. Вот вы в лесу, в поле или на озере, возведите свои очи телесные и сердечные, духовные к небу, к Богу, воздохните из глубины души, от сердца, скажите с чувством: “Боже, милостив буди мне грешной!” И верьте, ваш вздох проник небеса, взошел к престолу Божию. Господь видит и слышит вас, и Ангел Божий вознесет вашу молитву, ваш вздох, вашу слезу, скатившуюся на грудь вашу, вознесет к престолу Божию. Правда, очень скорбно, что редко приходится быть в храме Божиим, но это не от вас зависит, вы не виноваты, вы и желали бы, но не можете по обстоятельствам, от вас не зависящим. Будьте же сами, как храм Божий, по Апостолу, чтоб Дух Божий жил в вас, и там, в глубине своего сердца, отправляйте богослужение, мо-

литесь. Так как дела ваши не такие сложные — не писать, не считать, простая работа дает возможность в душе молиться, сам я это знаю, а тем более на воздухе, в лесу или в поле. Но так или иначе, а спастись нужно, враг все силы употребляет к тому, как бы нас погубить и отторгнуть от Бога, навеки завладеть нами, но мы молитвою к Богу, смирением, сознанием своих немощей, покаянием будем бороться с ним и со своими страстями, живущими в нашем сердце, и Господь спасет вас.

А. А.

Мой привет, поклон и Божие благословение передайте своим родным и друзьям: Михаилу Степановичу, супружнице и чадам и всем другим, Устинье Ег.

И.М. Митягов

НА ПАМЯТЬ ПОТОМКАМ

(Воспоминания о деревне Каргополья)*

Воспоминания написаны в 1970-е годы. Их автор — Иван Матвеевич Митягов родился в 1903 г., вырос в д. Кузнецово Шильдской вол. Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Несмотря на его атеистические воззрения, публикуемые фрагменты рукописи ярко выявляют традиционный православный уклад, сохранявшийся в северной русской деревне в 1930-е годы*.

Г.Н. Мелехова

Из гл. V. Казанская пустынь

Несколько раз в течение церковной службы староста обходил ряды верующих с серебряным блюдом и собирал пожертвования<...> Матери и бабушки доставали из тайных мест женского туалета платочки и тряпочки, развязывали туго стянутые узелки и бросали в блюдо старосте монеты разного достоинства<...> Те, которые были богаче, вручали пожертвования в руки старосте. Каждый присутствующий при службе в церкви считал обязательным поставить к иконе Божией Матери свечу. Их было так много, что не успеют свечку зажечь, ее уже снимают, чтобы освободить место для другого<...> Пели (тропарь “Заступнице усердная...” — Г.М.) почти все. Многие плакали.

Из гл. XIV. Шильдский погост

Сторож при церкви — это не только охранник церковного имущества, хотя они эти обязанности и выполняли, — это служащий при церкви с разными обязанностями. Он охранник, он истопник, он и уборщик, он же и звонарь на колокольне. В ночное время сторож охраняет церковь и амбары, обходит весь погост и через каждый час ударом в колокол “отбивает” часы — время. Чтобы не подниматься каждый час на колокольню и не отпирать закрытую на несколько замков церковную дверь, к языку (билу) одного колокола на ночь привязывалась веревка и спускалась до земли, чтобы сторож мог звонить, не поднимаясь на колокольню. В ночное время сторож должен истопить печь, чтобы к началу утрени в церкви было тепло.

* Публикуются по: Каргопольский музей-заповедник. Рукописный отдел. Вспомог. фонд 2616. Воспоминания относятся к 1979 г.

До начала церковной службы сторож добавляет в лампы масло, заменяет сгоревшие свечи в подсвечниках и лампадах перед иконостасом, а также в люстре под потолком, где было около сотни свечей и лампад. Он же тушит их, а это надо делать несколько раз в сутки. В течение утрени, часов, литургии и вечерни сторож не один десяток раз, по сигналу попа или дьякона или по своей инициативе, поднимается на колокольную и звонит: или в один большой колокол, или звонит "во вся". Сторожа на Шильдском погосте были опытные звонари. Они изучили церковную службу и по ходу ее знали, когда подниматься на колокольную и в какие колокола звонить, а в четырех окнах-пролетах висело около десятка колоколов разной величины. Звон большого колокола был слышен за 6—8 километров.

⟨...⟩Очень интересно было смотреть, как сторож звонит: он тогда стоит на одной ноге, а другая нога лежит на доске-рычаге, приводящей в движение язык большого колокола, в руках у него веревки от других — средних и малых — колоколов. Когда он звонит, то кажется, танцует и хочет взлететь. Звон колокола усиливал торжественность обстановки и вместе с великолепием внутренней отделки храмов и хоровым пением служил притягательной силой.

Сторожа при церкви были крайне необходимы; они дежурили ежедневно. Теперь о старосте. Он при церкви как управляющий у помещика: он начальник финансового отдела, он и главный бухгалтер, он и начальник отдела снабжения, он и завхоз, он же сборщик пожертвований для церкви и продавец свечей. Староста был очень нужен при церкви.

⟨...⟩Во время богослужения церковный староста, разодетый как швейцар в доме царского вельможи, в ливрее с галунами, с серебряным блюдом в руках несколько раз обходил ряды присутствующих в церкви и собирал пожертвования. Я не видал такого молящегося, который бы не бросил в блюдо старосте одну или несколько монет, а между богатыми было нечто вроде соревнования — кто больше жертвует на благоустройство храма⟨...⟩ Эти люди с достоинством, не торопясь, доставали из кармана кошельки, а староста почтительно ждет ⟨...⟩ и в блюдо старосте летит целковый или хрустящая бумажка.

Из гл. XVI. Место свиданий

В праздничные дни церковь, как правило, была полна народа. Здесь были люди всех возрастов, начиная от школьников, до старцев, сидевших на широкой лавке у задней стены. Было принято, что мужчины занимали правую сторону помещения, а женщины становились налево от прохода. Если в церковь одновременно приходили муж и жена, то в церкви они расходились в разные стороны ⟨...⟩ Перед церковными воротами большой участок пола оставался для школьников, и взрослые его не занимали.

В воскресенье и в праздники молодежь из всех деревень шла толпами, особенно в Великий пост (...).

Ряды молящихся прямые, как в гвардейском полку. Но парни суетятся и часто меняют места, переходят из одного ряда в другой. Смотришь и удивляешься, с каким усердием молодой парень отвешивает поклоны, но заметно, что когда он кланяется, косит голову на женскую половину (...).

В церковь много приходило любителей пения, а пели там очень хорошо. В праздники оба клироса — правый и левый — были заполнены певцами. Невместившиеся за барьер стояли сбоку. Хором певцов руководили псаломщики (...).

Из гл. XVIII. Празднование Пасхи

Только начало темнеть, как раздался первый удар в большой колокол на Шильдском погосте, а через какие-то секунды ему ответил большой колокол с Шальского погоста, находившегося с другой стороны от нашей деревни... Звонарь на одной колокольне должен слышать звон колокола с другой колокольни; они так наловчились, что удары в колокол следовали один за другим через равные промежутки времени. Звон колоколов с двух сторон усилил торжественность обстановки. Соседи начали переключаться между собой, что время уже идти на погост к вечерне. На погосте тоже все было готово к встрече праздника. Около всех трех церквей были разложены костры сухих дров и старые пустые бочки из-под смолы. Все было готово к тому, что когда крестный ход пойдет крутом церквей, поджечь костры. Народу бывало так много, что ни одна из церквей не могла бы вместить всех (...).

Но вот послышалось стройное и сильное пение: похоже, что двери в церковь открылись. Кто-то крикнул: "Зажигайте костры!" Через несколько минут вокруг всех церквей запылали костры, а от дверей церкви слышится пение: "Воскресение Твое, Христе..." От света костров все преобразилось: и церкви, и кресты на могилах, и деревья в роще. Вдруг из церкви появился крестный ход. Впереди два попа, два дьякона и два псаломщика, а за ними певчие и люди с хоругвями, крестами и иконами. Еще крестный ход на половине пути, а десятки человек прыгают через могилы и стараются его обогнать, им хочется занять место у дверей в церковь(...) и первыми услышать, как запоют "Христос воскрес" ...Когда попы и за ними часть певчих поднялись по лестнице, паперть(...) была почти вся занята народом, остался лишь узенький проход к дверям в церковь. Только успели попы приблизиться к дверям, как обе половинки дверей распахнулись и хор запел "Христос воскрес" ... с пением этого тропаря вошли в церковь, и началась пасхальная служба. Оба клироса, правый и левый, заполнили певчие. В церковь пришел не один десяток шильдских Шаляпиных и Михайловых — любите-

лей пения, но из множества голосов всегда было можно услышать голос церковного сторожа Лавруши.

Служба идет своим чередом, дьякон на амвоне громовым голосом произносит ектению, а два клироса по очереди поют то “Подай, Господи”, то “Тебе, Господи”. Среди мужских голосов слышатся женские, среди женщин были тоже любительницы пения. Помещение высокое, от пола до верха купола около 10—12 метров. Кажется, что голоса певчих сначала поднимаются туда, а потом падают вниз. Присутствующие очарованы пением {...}. Ряды молящихся поредели, а у костров народу становится больше и больше. За оградой на улице уже запели “Для чего я на свет зародился”. Вскоре раздалась трель малого колокола, бухнул большой колокол, и народ повалил из церкви.

Из гл. XX. Деревенские праздники

Утром, около 9 часов, часовенный староста Решатников А.В. посылал на погост за попами 3 или 4 подводы*. Привозили и отвозили попов все, кто имел лошадь, в порядке очереди. Около 11 часов начиналось прибытие самых близких гостей — женщин, которые приходили пораньше, чтобы помочь хозяйке. Скот в тот день до тех пор, пока не пройдет освящение, на пастбище не выгонялся. Если телятам и овцам удавалось запасти несколько корзин травы, то коровы до половины дня стояли во дворе голодными. Около 12 часов раздавался колокольный звон. Это означало, что через полчаса начнется молебен в часовне. По улице проходил овечий пастух и на рожке, сделанном своими руками, играл сигнал сбора овец в стадо. Во всех дворах замычали коровы и заблеяли овцы, почуяв, что сейчас их выпустят на пастбище.

Обычно к празднику одно поле, где была рожь, полностью освобождалось от снопов, а трава не скармливалась. Весь скот в тот день: лошади, коровы, телята и овцы — паслись в этом поле. Но овец сначала собирали в общее стадо {...} По всей деревне захлопали ворота скотных дворов, наголодавшиеся овцы в сопровождении хозяек или мальчишек знакомыми тропинками побежали к месту сбора. Коровы, привыкшие выходить из двора первыми, приготовились было к выходу, но их задержали. Увидя такую несправедливость, они замычали еще сильнее. Для телят это был незнакомый маршрут, шли они неохотно. Если овец согнать {...} доверяли детям, телят, как правило, сопровождали хозяйки. Их часто приводили, когда голова была в шайке и они еще лизали дно и бока, к которым прилипла мука с простоквашей.

Костя (пастух. — Г.М.) в новых лаптях, в белых, как снег, портянках, перевязанных бечевкой в косую клеточку, прохаживался перед стадом, как командир перед строем солдат {...} — Послышался колокольный звон, и

* Приведено описание празднования 12 сентября — дня св. кн. Александра Невского.

начался выход крестного хода из часовни. Первым на улицу вышел поп, справа к нему пристроился дьякон, а слева — бородатый Спиридон Ананьин с большой серебряной чашей освященной воды. В чаше была полуметровая кисть-кропильница.

Тяжело держать на вытянутых руках такую чашу, в которой около полуведра воды, но приятно, что идти надо рядом с попом и быть всегда у него под рукой. За ними<...> псаломщик и несколько певцов, Сергей Филатов и Макарь Шаньгин с хоругвями в руках. Сзади идут кто с крестом, кто с иконой, а один несет Евангелие.

Маршрут для Крестного хода определен заранее. Еще молебен не окончен, а староста уже послал людей для разборки изгородей и устройства проходов из поля в поле<...>. Идет крестный ход вокруг огородов краем полей. Впереди поп с крестом в одной руке и с кропильницей в другой, идет и поет, когда сухо: “Даждь дождь* земле страждущей”, а если идут дожди, просит солнца. Идет и брызжет святой водой то в одну сторону, на огороды, то в другую, в сторону полей. А звон колоколов не утихает. Там какой-то любитель так вызванивает, что хоть плясать идти.

Не успел Крестный ход пройти и половину пути, как Костя пустил свою армию овец и телят по дороге к полю<...>. Прошли овцы мимо попа. Он кропил их святой водой и благословил крестом. Последним идет Костя, подошел к попу, сдернул с головы фуражочку: “Благослови, батюшка!”, ткнулся носом в подставленный попом крест и пошагал за овцами в поле.

За овцами шли коровы. Они почуяли кормежку и так мычали, что заглушали голоса хора. За коровами шли мужики и вели под уздцы лошадей. Батюшка пытался их кропить, да было уже нечем<...>. Когда прошел весь скот, крестный ход вернулся в часовню. Мужики, положив на места хоругви, кресты и иконы, направились по домам.

* В рукописи 2 раза “даждь”.

**ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА
ПРЕПОДОБНОГО АМВРОСИЯ (ГРЕНКОВА)
К СХИМОНАХИНЕ МАРИИ (ПОЛИВАНОВОЙ)***

Публикация Л.А. Верховской

Схимонахиня Мария (в миру Федосия Александровна Поливанова), письма к которой мы представляем ниже, была насельницей Троице-Одигитриевского монастыря Зосимовой пустыни Верейского уезда (ныне Наро-Фоминского района). В молодости она жила в имении своих родителей Детчине Малоярославецкого уезда. Вся семья духовно окормлялась тогдашним настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря игуменом Антонием (Путиловым). Когда Федосия решила уйти в монастырь, ее духовник направил ее в Зосимову пустынь, куда она и вступила в день своего тезоименитства 29 мая 1844 г., на 28-м году от рождения своего. В том же году, 10 ноября она была облечена в св. Ангельский образ. После того как обитель в 1856 г. получила статус монастыря, инокиня Мария была пострижена в мантию (в апреле 1857 г.). После смерти игумена Антония ее духовником стал преподобный Амвросий.

Л.А. Верховская

ПИСЬМА

Л. 22—22 об.

18 марта 1874 г.

М. С. О. и Г. I. X. Б. н. п. н.**

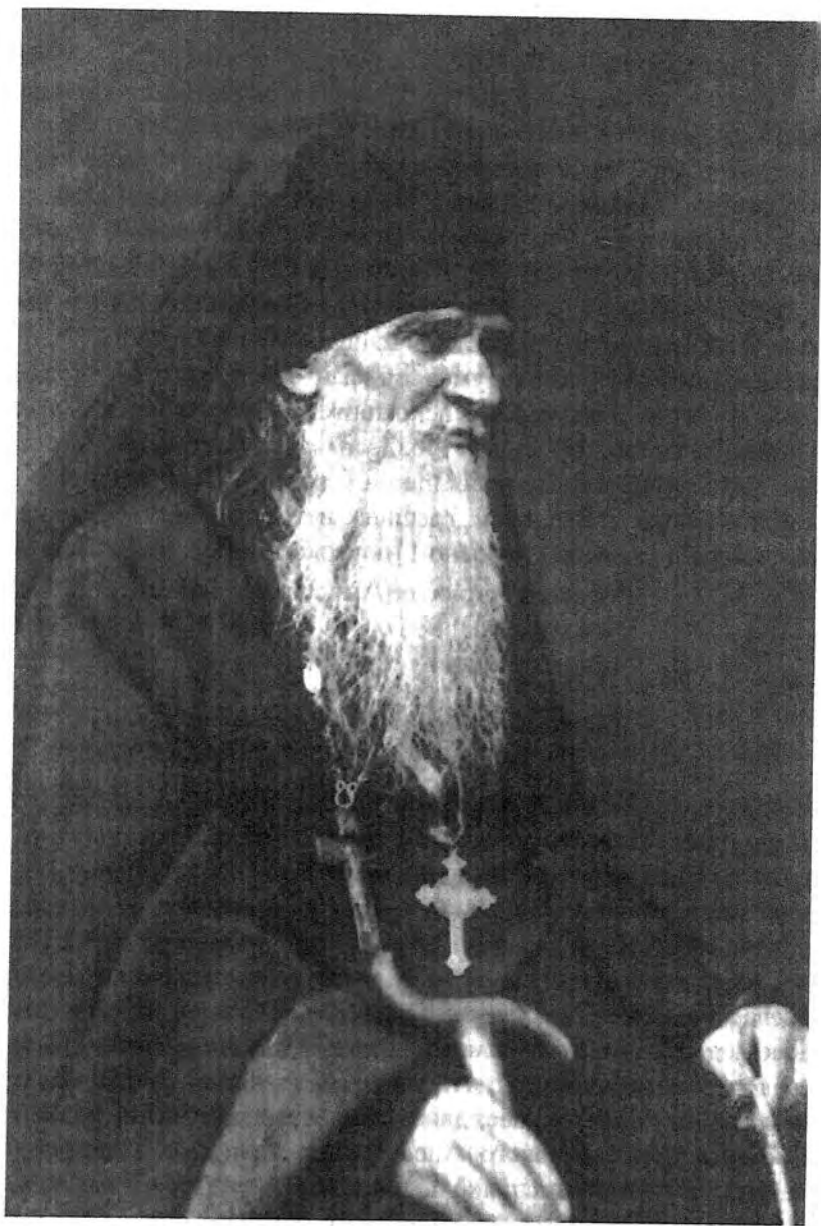
Ваше Преподобие

Пречестнейшая Матушка Мария!

Получил от Вас писание, в котором изъявляете Вы желание принять от меня пострижение в великий Ангельский образ. С великим усердием желал бы аз недостойный исполнить прошение Ваше. Но вот уже десятый год

* Публикуются по: ОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 23. Л. 18—95.

** Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Портрет преподобного Амвросия Оптинского. 1890-е годы

исполняется, как я сам никого не постригаю, а исполняет это по моему решению о. Пимен или кто-нибудь другой; а пока был жив о. Федот, он это совершал. Для усердных же желателей бывает лишь такое исключение: когда иеромонах, читающий молитвы пострижения, дойдет до места: "Возьми ножницы и подаждь ми", тогда призывает меня грешного, и мною совершается только самое пострижение и подаются символы пострижения. Остальное же доканчивает приглашенный иеромонах. Всего же пострижения я не могу сам совершать от слабости, так как схимническое пострижение с каноном продолжается целый час. Если угодно Вам означенным порядком принять пострижение, то можете в мае месяце приехать в нашу обитель.

Пречестнейшей Матушке Игуменье Афанасии потрудитесь передать искреннее мое почтение и уважение с искренним душевным моим благожеланием всего полезного и спасительного. Поздравляю и Матушку Игуменью и Вас с наступающим всерадостным праздником Светлого Воскресения Христова. Да сподобит Господь и Вас и нас грешных встретить великое христианское торжество в мире и утешении духовном [почерком о. Климента Зедергольма].

[Личная подпись о. Амвросия]: Многогр. I. Амвросий*

Л. 23—24.

Диктование 20 июня 1874 г.

Сестра о Господе и чадо духовное
Мать Мария!

Письмо твое от 14 июня получил. Очень рад, что вы с м. Еликониною милостию и помощью Божию доехали до своей обители благополучно.

Хорошо ты сделала, что немедленно высказала свое смущение, наведенное на тебя словами великой особы, от которой этого и ожидать нельзя было, будто бы м. Ел-а имеет на меня какое-то влияние. Не верь этому. Ни м. Ел-е, никому из детей моих духовных не позволяю и не могу допустить иметь влияние человеческое на меня грешного. Советовал бы также и особе, смутившей тебя, никак не допускать такого влияния, потому что от сего много бывает огорчения и оскорбления для других, что ты и собственным опытом испытала. За такое вмешательство или, вернее, даже за простое неуместное только усердие человеческое Господь верховного Апостола Петра называл сатаною: "Иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши яже (суть) Божия, но человеческая" (Мф. 16, 23). Путь вернейший и ни для кого не оскорбительный — принимать от каждой сестры объяснение ее обстоятельства. Тогда и будет яснее правда с двух сторон. Аз грешный относительно духовных моих детей сужу и действую по собственным их словам, а не по чужим сказаниям. Вот и тебя прoderжал лишних несколько дней, чтобы слышать из собственных твоих уст

* Здесь и далее в подписи ("I", "II") — "Многoгрешный иеромонах Амвросий".

твое положение и душевное расположение и самые внешние обстоятельства; и не потребовал свидетельства о сем от м. Ел-ы. Повторяю: не верь никому относительно меня в подобных подозрительных умозаключениях.

Девятый час под воскресенье читать нужно. 12 псалмов можно оставлять. Акафист же вечером или с утра следовало бы и следует читать. Четьи-Минеи и Пролог можно читать. У Муравьева же и у Преосв. Филарета по-русски, читать жития только те, которых по-славянски нет.

Уходя в лес и приходя в келью из леса, должно читать “Достойно есть” с поклонами, какие можешь. “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу” и проч. “Господи, помилуй” трижды, “Молитвами Святых Отец наших”. При сем полезно призывать и заступление Ангела-хранителя, чтобы сохранил нас от всякого зла [почерк о. Климента].

[Собственноручная подпись карандашом]: Мир тебе!

Многогр. I. Амвросий. Писано без очков.

Л. 25—28.

14 июля 1874 г.

Сестра о Господе и чадо духовное
Мать Мария!

Сегодня — 40-й день совершения твоего пострижения. Мы, и по обязанности своей, и по слову твоему, вспоминали тебя и поминали имя твое на проскомидии.

Прости, что доселе не отвечал на письмо твое от 30 июня. До сих пор вожусь с разными простудами и до сих пор в лесную свою келью не ездил; а только по часу в день после обеда езжу по лесу вблизи обители. И за то слава и благодарение всеблагодару Господу!

Тебя враг представляет, что будто бы не исполнилось и не исполняется предсказание прежнего твоего отца духовного. Он сказал правду о внутреннем царствии и правду не свою, а евангельскую. Но не исполнилось это по твоей вине, потому что ты не возымела полной веры к сказанному и не употребила должного тщания о приобретении сего. Действительно, если человек приобретает Царствие Божие внутри себя, то не пожелает ездить ни в Иерусалим и никуда. А как мы не приобрели этого, то чувствуем потребность поехать, только не советую тебе приезжать с м. Игумениею, по причине моей болезненности и известной тебе неисправности. Вероятно, что если м. Игуменья пожелает поехать к нам, то всячески на короткий срок. Поэтому советую тебе лучше, когда пожелаешь, приехать к нам на почтовых, в своем экипаже, как приезжала, или с м. Еликониною, или с м. Аполлинарием, пополам издержки. Силен Господь послать тебе на это средства — несомненно веруй!

Ты желаешь от меня научения и даже обличения, говоря, что, может быть, ты в продолжение 20 лет при неполном руководстве “приобрела дурной на-

вык опираться на свой разум и исполнять свою волю". Правда, что заметны навыки бесполезные и даже противные монашеству. Первый навык — самооправдания, противного самоукорению, т.е. во всяком неприятном и прискорбном случае возлагать вину на себя, а не на других, что мы не сумели поступить, как следует, и от нашей вины произошла скорбь и неприятность или замешательство. Св. Авва Дорофей и другие святые отцы утверждают, что без добродетели самоукорения трудно устоять человеку, хотя бы и имел много других добродетелей. Самооправдание твердит нам много лет: "Зачем такое-то платье дано было без ведома нашего?" — тогда как Апостол выставляет на вид душевное расположение древних христиан, которые с радостью приняли разграбление своих имений. Но это обстоятельство не пришло нам своевременно на память, и потому самооправдание наше причинило нам много неправильного огорчения. Второй навык заметил я — резко выражаться о других, а об некоторых и довольно насмешливо. Хотя и видно, что ты это говорила очень простосердечно и не по какой-либо причине, а просто по прежней привычке, как говорят и выражаются о других люди обыкновенные. Но ведь ты теперь схимница, а сказано, что по имени нашему житие наше да будет. Житие же человека прежде всего обозначается словами и выражениями о других, равно как и исправление христианина, по слову брата Божия Иакова, прежде всего начинается с обуздания языка: "Аще кто в слове не согрешает, — говорит он, — сей совершен муж, силен обуздати и все тело" (Иак. 3, 2). И еще: "Аще кто мнится верен быти в вас и не обуздывает языка своего, но льстит сердце свое, сего суетна (есть) вера" (Иак. 1, 26).

Сестра о Господе, и мать схимница, и чадо духовное!

Смотри, будь тверда! Не прими вразумления нашего и испрошенного научения за терпкое обуздание. Мушка и горчица производят не только неприятное, но и болезненное ощущение. Но желающие исцелиться от болезни охотно соглашаются на оное. Но если ищущие исцеления телесного так благо-разумно поступают, кольми паче прилично это ищущим уврачевания и исцеления душевного. Еще бы что-нибудь написал, но сегодня некогда. На этот раз довольно с тебя.

Книгу Григория Двоеслова купить себе можешь. В "Чтениях Общества любителей духовного просвещения" можно читать писания Владыки Митрополита Филарета. А кроме их, в этом журнале ничего не идет тебе читать. А потому на будущие годы, кажется, не стоит и выписывать.

Почитать делать параманы* можешь. Нескладное диктование начато 14, а кончено 20 июля. Молитвы Пророка Божия Илии да покроют и тебя и ме-

* Принадлежность монашеского облачения, небольшой четырехугольный платок с изображением Страстей Господних, носимый под одеждой.

ня грешного. Ты боишься, что я от тебя потребую известный портрет. Но в этом нет никакой надобности. Только советую тебе остерегаться доверять изменению или оживлению не только в портретах, но и в самих иконах. Это относится к прелести вражийей, от которой да избавит нас всеблагий Господь [почерком о. Климента].

[Собственноручная подпись]: Мир тебе!

Многогр. I. Амвросий.

[Приписка на полях]: От многогрешного Климента низкий поклон.

Л. 29—34.

24 октября 1874 г.

Сестра о Господе и чадо духовное
Мать Мария!

Сегодня празднование Царице Небесной, Радости всех скорбящих; а в вашей обители особенный праздник ради памяти покойного старца вашего, блаженного Зосимы. Я слышал, что в этот день многие из сестер ваших общаются Св. Тайн Христовых. Если и тебя Господь сподобил приобщиться в этот день Божественного сего дара, то поздравляю тебя и молитвенно желаю, да будет тебе приобщение сие во здравие души и тела. Два письма твои от 28 июля и третье с м. Аполлинарием получил. Во всех письмах просишь обличать тебя в недостатках твоих. Ты в больших вещах показываешь себя, что имеешь веру ко мне грешному; а в меньших показываешь сомнение и неверие, что будто бы я не могу исполнять данного обещания благословлять тебя ежедневно осенением Знамени Креста Святого. Во извет свой представляешь множество относящихся ко мне. Правда, что много народа бывает у меня ежедневно, но не много, а мало чад духовных схимниц: по пальцам всех можно перечесть. Потому твой извет и неуместен. Оставь это сомнение и неверие, слыша слово Самого Господа, глаголющего: "Неверный в мале — во мнозе неверен есть". Если не теперь, то по времени может дойти до сего по вражью ухищрению. Итак, всячески остерегайся неверия, от которого происходит и неправильный страх, будто я заставляю тебя ехать к нам с такою особою, с какою ты не желаешь. Еще волею Божиею живы будем до весны, то можешь взять с собою такую сестру, на которую надеешься, что она успокоит тебя в дороге.

Спрашиваешь, какое тебе вывести для себя полезное заключение из рассказа сенокосчиков, которые несколько раз видели блаженного старца Зосиму на известном месте, называемом "Круг", иногда сидящим и читающим книгу, а иногда ходящим по лесу и тихо поющим. Тебе можно вывести для себя такое заключение из этого обстоятельства, что в летние и хорошие месяцы

и в сухую погоду, и когда бываешь здорова, следует тебе ходить на это место и проводить назначенное время дня в молитвенном упражнении, как имеешь обычай. В весеннее же и осеннее время, и вообще в сырую и холодную погоду, и когда бываешь не совсем здорова, тогда можешь ходить в ближайшее к монастырю место и в лесном безмолвии проводить назначенные тобою часы. Присланную тобою рукописную книгу “Правила о. Игумена Антония готовящимся к причащению” просматривал и возвращаю и нахожу, что когда бываешь ты в силах, полезно тебе прочитывать это правило, если будешь иметь к тому возможность. Акафист хотя один из двух можешь прочитывать, какой тебе более нравится. Таковую исповедь общую просматривал. Можешь по ней исповедаться; только в конце, перед словами “но о всех сих каюся”, должно объяснять, чем в этот промежуток особенно была обременена совесть. А хорошо предварительно записать на записке и это обременение совести, чтобы удобнее было объяснить. Спрашиваешь, можно ли ежедневно употреблять Богоявленную воду. Старец Лев и другие старцы у нас не советовали ее очень часто употреблять, но только накануне приобщения Св. Тайн и во время какой-либо скорби; и советовали так делать потому, чтобы не потерять уважения к этой святыне, так как вода эта называется “великая агиасма”^{*}.

В полунощное время приличнее всего читать утренние молитвы и 12 псалмов. Можно иногда вместо 12 псалмов и 17-ю кафизму^{**} читать, а особенно, когда почему-либо не можно идти к утрени. Беседу Макария Египетского прежде прочти по изданию 52-го; и какое издание более повлияет на твою душу, то издание после и читай.

Не верь вражьему помыслу, что будто бы ты, находясь за 200 верст, не можешь проходить пути послушания. Кто в важных случаях поступает по совету и по благословению, тот может проходить послушание и за 1000 верст, не беспокоясь мелочными случаями, на которые есть прямое указание в Евангельском Законе и в святоотеческом писании, и в монастырских порядках. В чем бывает какое отступление — и совесть наша указывает, будучи возбуждаема нашим Ангелом-хранителем. Книги Арх. Михаила получил и с ними книжицу протоиерея Сергиевского. Эту ли книжицу ты любила читать, или другую какую? Ты выражаешь желание к частому приобщению Св. Тайн, но у вас это неудобно. Когда бываешь нездорова, под этим предлогом можешь приобщаться в келлии.

У тебя есть желание великое шить параманы, но жалуешься, что при этом не можешь удерживать молитвы Иисусовой; и прибавляешь, что и четки тогда надобно бывает надеть на руку. Как же святые отцы и работали, и моли-

^{*} Святая вода, освященная чином великого освящения в день Богоявления Господня (Крещения).

^{**} Часть из Псалтири.

лись? Во-первых, святые отцы за работою творили молитву Иисусову без чето-ток. А во-вторых, они были мужи совершенные, которым рукоделие полезно только при унынии. А молитву совершать полезно нам, как можем и когда можем. По пяткám можешь продолжать страстные Евангелия, как и читала.

Рождественский пост Бог благословит тебе провести с пользою душевною, во страхе Божиим, и смирении, и посильном воздержании не только от брашен* и питья, но и от других немощей душевных, особенно же от гнева и осуждения. Спрашиваешь, какой мне более нравится параман из двух присланных. Параман великий из ниток неудобен для того, кому часто нужно переменять: как-то края его зацепляются один с другим [почерком о. Климента].

[Далее личная приписка о. Амвросия]:

Исповеданные тобою немощи душевные Господь тебе да простит и да укрепит безсилие наше. Мир тебе!

Многогр. I. Амвросий.

Л. 44 об.

20 мая 1875 г.

М. Христина Смагина может с тобою приехать. Но ты возьми кого-нибудь попрacticalнее и для прислуги собственно тебе.

Л. 48—49.

2 октября 1875 г.

Сестра о Господе и чадо духовное,
Мать Мария!

Письмо твое с оказиею получил, равно и посланные тобою книги и икону 3 угодников Божиих, и крышечку со стакана старца Зосимы, самим им деланную. Икона освящена и в келье моей стояла. Возвращаю ее тебе, да молитвами сих угодников Божиих хранима будешь от всякого зла. Равно возвращаю и книжки о ваших монастырских правилах. Пятерное ваше правило всячески следует тебе исполнять как заповеданное основателем обители и общим отцем вашим, блаженным старцем Зосимою, так как ты живешь в этой обители и получила там пострижение в мантию; а оптинское немощное пятисотенное четичное правильце исполнять старайся ежедневно “За пострижение в схиму”: если можешь, с земными поклонами, а при немощи — с поясными; в болезни же без всяких поклонов, сидя или лежа на кровати. Пишешь, что тебе являлся во сне покойный о. Архимандрит Моисей и сказал: “А велика злоба врагов противу тех, кто хочет упражняться в деле молитвы”. Запиши эти знаме-

* Брашно — яство, пища.

нательные слова и старайся помнить их всегда, а особенно, когда в церкви искушаешься разглагольствованиями с кем бы то ни было. Прилежащим о молитве, как читаем в отеческих писаниях, вредно не только празднословие, но и многословие вне келии, не говоря уже о церкви. Если же сим по немощи увлекаемся, то тотчас же должны обращаться к Богу с покаянием, прося помилования за немощь нашу.

Крышечку со стакана старца Зосимы оставляю себе на благословение и думаю написать на ней икону Спасителя, благословляющего с Евангелием, и поставить над постелью своею [почерком о. Климента].

[Далее почерком о. Амвросия]:

Мир тебе! и духови твоему! Многогр. И. Амвросий.

Матушку Игуменню приветствую о Господе!

Л. 52—53.

20 декабря 1875 г.

Сестра о Господе и чадо духовное
Пречестнейшая Мать Мария!

Хотел я послать тебе поздравление с м. Аполлинарием, которая к празднику хотела бы возвратиться в свою обитель; но она сделалась нездорова, должно быть, простудилась: лицо опухло; а морозы стоят сильные, и она едва ли решится поехать. Поэтому пишу тебе по почте и поздравляю тебя, а также и Матушку Игуменню с наступающим великим праздником Рождества Христова. Сердечно желаю всем вам всерадостное сие христианское торжество, а также и приближающийся Новый год встретить и провести в возможном здравии телесном, мире и спокойствии душевном и утешении духовном.

Письмо твое от 1 декабря получил и благодарю тебя за поздравление меня грешного с прошедшими именинами моими. По содержанию письма твоего теперь не могу подробно отвечать; а вкратце скажу хоть на два вопроса. Пишешь, что келейница твоя желает относиться к тебе. Бог да благословит! Ты ее не отвергай. Спрашиваешь еще о чтении. Читай со вниманием все три сотницы смиренного прп. Никиты Стифата. В последнем моем письме я так и назначал тебе, а не одну 3-ю сотницу. М. Аполлинария повезет тебе или рукописную статью о старчестве, или печатную книгу с этой статьей, если к тому времени получится из типографии.

Больше писать сегодня некогда. В нынешнюю холодную зиму ревматические мои причуды еще более усилились; оттого и немощь телесная усугубилась; а при том я очень отягощен в эти дни исповедниками.

Посылаю тебе копию с общего поздравления, которое посылается в другие места [почерком о. Климента].

[Далее почерком о. Амвросия]:

Мир тебе! И молись обо мне грешном!

Непотребн[ый] И. Амвросий.

[Далее приписка о. Климента]:

От многогрешного Климента всеусерднейшее поздравление с праздником Рождества Христова и с Новым годом.

Л. 50.

16 ноября 1875 г.

Письмо твое с м. Аполлинарию получил я исправно.

Л. 54.

17 мая 1876 г.

Сестра о Господе и чадо духовное

Мать Мария!

Никак не удосужусь написать тебе, что, если желаешь, можешь приехать к нам к 30 мая. Я нахожу, что нам не мешало бы с тобою видиться хоть на короткое время. Впрочем, как сама разсудишь. М. Еликонида спешит отсюда уехать, так что всячески вы с нею не съедитесь здесь.

Если не желаешь быть в одной келье с Расторгуевыми, то привези с собой дельную келейную для услуги тебе. Если к 5-му желаешь поготовиться, то приезжай, как писано, к 30 мая. В противном случае можешь приехать к самому 5-му, ради Расторгуевых, которым у нас удобнее быть на 2-й неделе поста, по причине приготовления братии на первой [почерком о. Климента].

[Далее почерком о. Амвросия]:

Мир тебе!

Многогр. И. Амвросий.

[Далее снова почерком о. Климента]:

Приветствую о Господе Матушку Игумению Афанасию с искренним благожеланием всего душеполезного и спасительного, а вместе с испрошением ее святых молитв о моей худости. Никуда не хожу, а из простуды не выхожу.

Л. 56.

14 октября 1876 г.

Сестра о Господе и чадо духовное

Мать Мария!

Вот м. Аполлинария возвращается в свою обитель, и мне пожелалось написать тебе что-либо душеполезное из отеческих писаний ...

Л. 59.

20 марта 1877 г.

[приписка о. Климента к письму о. Амвросия]:

Поздравляю Вас, многоуважаемая Матушка Мария, с приближающимся праздником Св. Пасхи, которую от души желаю Вам провести мирно, радостно, и во всяком благополучии. Простите, что до сих пор не отвечал на письмо Ваше от 6 января. Я в начале года, после нашего скитского праздника, как дань плачу, вот уже несколько лет сряду бываю болен; и в нынешнем году это повторилось. Потом напало на меня какое-то расслабление, и неохота заниматься письмами. Отчасти это зависело и от того, что мы с о. Агапитом занялись окончанием Ставрофилии. Совсем и кончили. Хотели отослать; а вдруг Батюшка пожелал сам прочитать всю рукопись; две трети и прочитал уже. Хоть вышла остановка, но поправки Батюшкины очень дороги. Рукопись Каллиста Антиликуди* готова, и по просушке будет выслана Вам по почте. По возвращении моем из Рославльских лесов я написал Вам очень подробное описание своей поездки, которое и послал Вам по почте 11 августа. К моему длинному письму, твердо помню, и Батюшка приложил продиктованную им записку к Вам. Одновременно с этим письмом были посланы письма к м. Аполлинарии и м. Еликониде. Почему наше письмо не дошло до Вас, недоумеваю. А я по свежей памяти так обстоятельно все Вам описал, что хотел после попросить у Вас это письмо. Что делать? Не без воли Божией это случилось. А воля Божия да будет благословенна! Простите. Прошу Ваших святых молитв.

Многогрешный Климент.

Л. 88—92.

24 октября [1877 г.]

24 октября. Праздник Божией Матери Всех скорбящих Радости, и память старца Зосимы. И тебя вспоминали, Сестра о Господе и чадо духовное Мать Мария!

Сегодня вторично читал я письмо твое от 24 сентября, чтобы хоть начало ответа сотворить на твое письмо. Господи, благослови! И Матерь Божия, помози! Пишешь, что тебя смущали помыслы сомнения, по воли ли Божией ты приняла пострижение в схиму. Презирай эти бессмысленные помыслы и всячески на этот счет будь покойна! Бесы ни о ком не хлопочут, чтобы постригать его в схиму. Образ схимнический более всего бесам неприятен, по зависти их. Они будущего не знают, как будет жить схимник; а знают только, что схимники спасающиеся займут на небе их место; потому они и наносят от

* Речь идет о Каллисте Тиликуде, тексты которого помещены в "Добротолюбии".

зависти разные нелепые помыслы сомнения и неверия и наводят разные искушения, чтобы как-нибудь сбить с толку схимника или по крайней мере огорчить его.

Далее пишешь, что тебя также помыслы беспокоили такие, что вам с бедной сестрой не удалось старческое отношение. На это тебе скажу, что отношение твоей сестры м. Ефросинии к покойному о. Игумену Антонию доселе для многих служит назидательным примером; и действительно, это отношение, видимо, казалось для всех самым искренним и полным, хотя внутренне сестра твоя и испытывала многи скорби и огорчения; и это отчасти и потому, что послушание и отсечение своей воли уподоблены св. Лествичником мученичеству; мученичество же без скорбей и болезней не бывает, по причине искушений вражиих, непосредственно и через других. Повторю, что люди назидались тем, что видели; а невидимое и внутреннее ведал и ведает один только Бог.

Еще писала ты, что в прошлом году при прощании со мной тебе показалось, что я тягочусь тобою и намерен тебя бросить, и не писать ко мне. Но это тебе только казалось; на самом же деле ничего этого не было; и кажется, ты сама подала повод этим помыслам, много раз толкуя предо мною, что "может быть, Вы когда-нибудь передадите меня о. Клименту". Бесы, должно быть, подслушали это, и тотчас же стали внушать тебе разные нелепые предположения, когда ты от нас еще не уехала. Поэтому будь тверда, и презирай и отвергай подобные нелепые вражии внушения. Помни и знай одно, что если решились постричь тебя в схиму, то делали это не шутя, а серьезно, как требует важность этого духовного дела.

2 ноября. Пишешь еще, что враг тебя начал смущать боязнью и нежеланием ходить на то место, где три года назад сенокосщики видели старца Зосиму и где ты обычно уединялась летом в прежние годы, — что будто бы тебя там зверь растерзает, так как ты там видела один раз волка. Поверь, что это одно пустое вражие устрашение. Да и нигде в нашей стране не видно и не слышно, чтобы волки кого-нибудь растерзали, хотя многим и случается их встречать. Я когда-то читал, что один путешественник встретился с тигром и, зная, что звери не могут выносить взора человеческого, стал смело и пристально смотреть на тигра, который прятал свои глаза и видя, что путешественник зорко на него смотрит, удалился. Так и ты, если бы случилось тебе встретить волка, смело и прямо на него смотри, и он удалится. Господь вложил страх в зверей, чтобы боялись человека и не прикасались к нему. Исходя на свое безмолвие, читай всегда псалом "Живый в помощи Вышняго", в котором сказано: "на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия".

Спрашиваешь, можно ли тебе читать под воскресение вместо Акафистного канона Троичные каноны. Очень можно. Бог благословит! Пишешь, что ты

теперь читаешь вторично Антиликуди. Когда со вниманием прочитаешь эту книгу, можешь прочитать вышедшую часть нового Добротолюбия, Преосв. Феофана. А затем слово постническое Нила Синайского и его главы о молитве; также главы о молитве и деятельные Екдики. А затем слово умозрительное Феодора Едесского и деятельные его главы. А затем три сотницы смиренного Никиты Стифата; и после всех об Авве Филимоне. Пока для тебя и достаточно будет.

Главное, берегись уныния и помыслов, смущающих под разными благовидными предлогами. Св. Исаак Сирий смущение называет бесовским мостом, через который они имеют доступ и приближаются к душе. От Духа Святаго пророк Давид глаголет: "Мир мног любящим закон Твой, и несть, им соблазна". И паки: в мире место Его (т.е. Божие). И паки: "Господь благословит люди Своя миром". И паки: "Взыщи мира, и пожени и".

Еще пишешь, что видела во сне о. Антония, осеняющего тебя иконой Знамения, а затем видела врагов, нападающих на тебя сперва во сне, потом и наяву ухватили тебя за бок. Не удивляйся этому. Кто более всего прилежен молитве, это обычное искушение. Но веруй, что Господь не оставляет прибегающих к Нему [почерком о. Климента].

[Далее подпись самим о. Амвросием]:

Исповедание Господь да простит тебе и впредь да утвердит!

Многогр. И. Амвросий.

Л. 72.

3 марта [апреля] 1881 г.

Сестра о Господе и чадо духовное
Мать Мария!

Хоть бы ты словечко написала мне о том, что у вас делается после покойной игуменьи Афанасии. Вот скоро будет месяц после ее кончины, а из Обители вашей не приходит нам никакого поведания о том, кого избирают приемницею покойной игуменьи. Ведь не всех же избирают, а все молчат. Наступающий светлый праздник Воскресения Христова желаю тебе встретить и провести в мире и утешении духовном. Посылаю тебе копию с Общего поздравления. Здоровье мое нехорошо. Желудочный катар и головные боли не дают мне поправиться.

Приветствую тебя радостным приветствием "Христос воскрес!"

Многогр. И. Амвросий.

Мир тебе! и духови твоему! [подпись рукой о. Амвросия].

Л. 73—75.
22 мая 1881 г.

Христос воскрес!
Сестра о Господе и чадо духовное,
Пречестнейшая Матушка Мария!

Письма наши разошлись; мое письмо пошло к тебе, а твое шло ко мне. Хорошо, что оба получились. Поздравляю тебя и прочих с новою Настоятелицею. Настоятели должны как следует настоятельствовать, а подчиненные должны как следует подчиняться во смирении и страхе Божиим. Каждый чин да пребывает по заповеданному, памятуя сказанное: “Кийждо-бо от своих дел или прославится, или постыдится. Сущия бо Власти от Бога учинены суть. Тем же противляйся Власти, Божию повелению противляется”. Впрочем, Василий Великий говорит о послушании Предстоятелям так: “Если повелеваемое согласно с заповедями Божиими, как бы трудно ни было, понуждайся исполнять до смерти: мученик будешь. И напротив, ежели повелеваемое не согласно с волею Божиею и противно заповедям Божиим, то не дерзай совершать это, хотя бы угрожала смерть. И через это получишь мученический венец”.

Не знаю, почему и к чему написались эти слова; может быть, кому-нибудь и пригодятся.

Думаю, что в лес ходить тебе не запретят, если силы твои телесные дозволят это делать.

Пишешь, что будто бы я тебя оставил. Мне это и в голову не приходило, а ты сама это сочинила по какому-то самосмышлению. Ежели когда я долго тебе не писал, то было так только по великой моей немощи телесной и по крайнему недосугу. Так я был обременен посетителями, что не дают мне опомниться. Также и другую неправду ты сочинила на меня, что я от тебя отказался, сказал, что ты уже сама Схимница. Сказал это я только относительно мелких случаев, на которые уже не раз получала решение и благословение и опять хотела переспрашивать. Посылаю тебе жизнеописание Батюшки отца Макария, без исправления напечатанное, и вышло не совсем ловко. Много толковали об исправлении, а напечатали кое-как. Посылаю книгу писем к мирским. И в ней каталог составлен удовлетворительно. Посылаю жизнеописание отца Климента старое, а на новое лучшее издание о усердствующих нет денег, а Настоятель еще не издает. Может быть, Бог даст, как-нибудь и напечатается на лучшей бумаге и покрупнее. Отец Климент любил все делать с толком, с чувством и с разстановкой. Авось, и житие его так напечатается.

Отложив все прежние самосмышления, напиши о себе искренно, как чувствуешь и как пребываешь и в каком находишься положении и расположении,

и насколько тебя беспокоят чужие дела, или, может быть, они тебя совсем не беспокоят, а занята ты единым на потребу, только относительно своей души и своего собственного спасения.

[Далее почерком о. Амвросия]:

Мир тебе! И молись о мне глаголющем и не творящем.

Многогр. И. Амвросий.

ТРОИЦЕ-ОДИГИТРИЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ В 1920-е ГОДЫ

Публикация Л.А. Верховской

Наступление на храмы и монастыри началось сразу же после переворота 1917 г. Но не все монастыри и церкви были закрыты. Шел планомерный процесс внушения людям представления о религии как об “опиуме для народа”. Насельники многих монастырей вынуждены были организовываться и оформляться в виде трудовых артелей. Это давало им возможность выжить. Но для того, чтобы сохранять монастырские правила общежития в своей внутренней жизни, нужно было иметь мужество, которое давала непоколебимая вера, и Господь укреплял верных себе. Некоторые монастыри просуществовали до 1929–1931 гг., когда практически все были закрыты окончательно. Именно в виде сельскохозяйственной артели удалось прожить 20-е годы и женской Зосимовой пустыни, что под Наро-Фоминском. Где-то на переломе 1918 и 1919 гг. сестры монастыря организовались сначала в трудовую общину, а осенью 1920 г. власти признали их организацию в форме трудовой артели. Все эти годы продолжались службы в храме и во внутренней жизни сохранялись монашеские устои. С 1925 г. в официальных отчетах советских инспекторов стало отмечаться, что в артели сохраняется монашеский уклад. Тогда началось более явное наступление на монастырь.

Весь тяжелейший труд организации и сохранения монастыря понесла вновь выбранная сестрами сорокапятилетняя настоятельница игуменья Афанасия, официально ставшая председателем трудовой артели. Ее энергию и организаторский талант отметил даже советский инспектор при обследовании монастыря в 1922 г.

Игуменья Афанасия (в миру Александра Васильевна Лепешкина) родилась 15 марта 1875 г. в купеческой семье, окончила Усачево-Чернявское училище, получив диплом преподавателя гимназии. В 1896 г. поступила в монастырь Зосимову пустынь, что объяснялось отчасти и тем, что в начале XIX в. пустынь была выстроена во многом на деньги купца Лепешкина, ее родственника. После нескольких лет послушания, в 1903 г. Александра была облечена в рясофор, а с 25 сентября 1915 г. находилась на послушании в живописной мастерской.

Игуменья Афанасия (Лепешкина), преподобноисповедница.
1920-е годы

В конце 1928 г. артель была ликвидирована. Документ о ее роспуске пока не найден, но известно, что весной большую группу монахинь и священника угнали по дороге к железнодорожной станции. Многие были сосланы. Некоторые продолжали жить при различных церквях и даже принимали тайный постриг. После разгона насельниц монастыря монастырский храм использовался как приходский еще года два. Игуменья Афанасия с двумя келейницами поселилась в с. Петровском около Алабина. 25 мая 1931 г. игуменью Афанасию и келейницу Евдокию Бучиневу арестовали, а после отправили в ссылку в Казахстан на 5 лет. Там они обе погибли. Решение о реабилитации их было принято в 1993 г. А на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 г. игуменья Афанасия и послушница Евдокия Бучинева были прославлены в лике преподобноисповедниц.

Ниже приведены несколько основных документов, по которым можно получить представление о том, как приходилось приспособлять ведение хозяйства монастыря к требованиям времени, участвовать в советской системе планирования и отчетности, скрывать монашеский строй жизни в течение первых десяти лет советской власти.

Л.А. Верховская

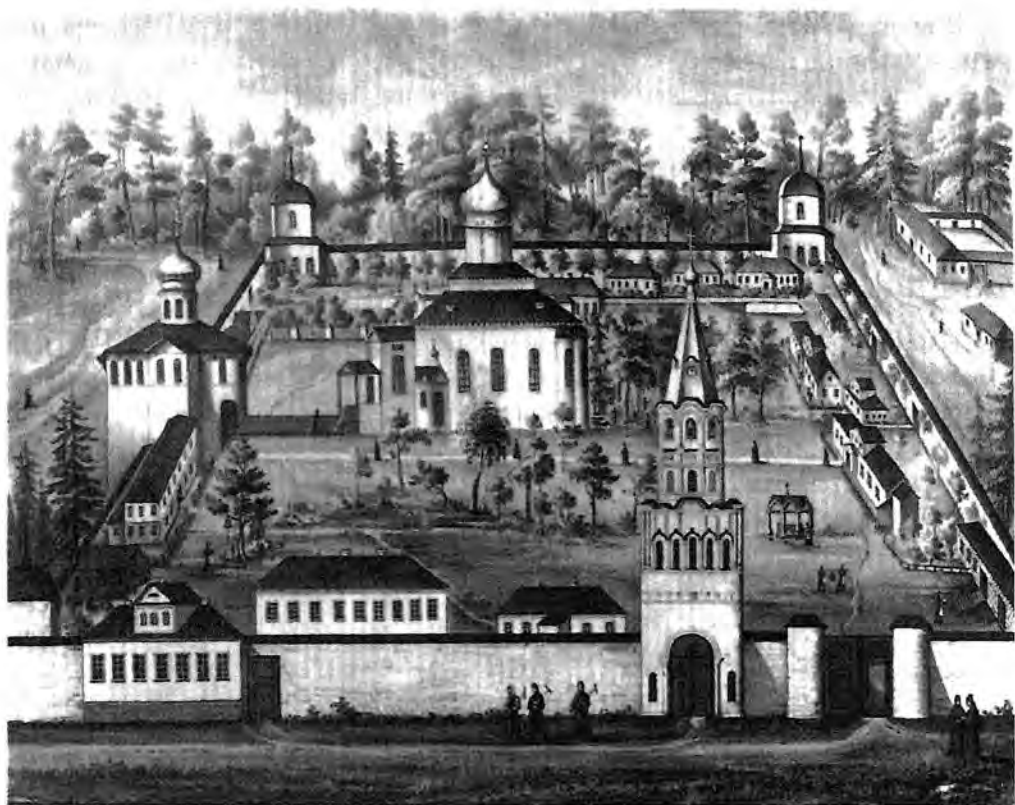
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН ХОЗЯЙСТВА АРТЕЛИ “ТРУДОВАЯ ОБЩИНА ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ” НА 1921 ГОД*

17 сентября 1920 г.

Трудовая община Зосимова пустынь находится в Московской губернии Наро-Фоминского уезда Рудневской волости при деревне Архангельской. Для нужд артели Рудневским Волостным земельным отделом предоставлена земля общей площадью 69 десятин, из коих 2,5 десятин усадебной, 2,0 десятин огородной, 16 десятин пахотной, 12 десятин луговой и 1,5 десятин неудобной (под бывшим кирпичным заводом, кладбищем и пр.).

Указанная земля расположена в трех местах: I.34 десятины земли разных сельскохозяйственных назначений находятся непосредственно у жилых и усадебных построек артели (отведена из земель бывшего Троице-Одигитриевского женского монастыря); II.15 десятин земли находятся в 4 верстах от усадьбы артели в местности под названием Ломтиха (бывшие владения того же монастыря); III.20 десятин в 3 верстах при дер. Шеламовой (бывшие владения Четвериковых). В указанные участки не вошли сенокосные угодия, кои будут отведены дополнительно согласно распоряжению Покосор на 1921 год.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 690. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 65–66.

Зосимова пустынь. Вид монастыря. XIX в.

Участок I включает в себя 16 десятин пахотной земли и 2 десятины огородной, которые в настоящее время находятся в обработанном состоянии. Осенью текущего года посеяна рожь на площади около 5 десятин.

Участок II представляет из себя луговую площадь — лесной суходол, пересеченный почти посередине неглубоким оврагом с ручейком. В непосредственной близости от этой площади находятся хозяйственные постройки: сторожка, летний скотный двор, сарай и проч., которые ранее обслуживали перегоняемое сюда на летние месяцы монастырское стадо и прилегающие сенокосные угодья.

Участок III представляет из себя многолетнюю залежь. Никаких построек при этом участке не имеется. Почва на всех участках — тяжелый суглинок, подстилаемый валунной глиной.

Переходя к вопросу о целях хозяйства, приходится указать на нахождение артели в Московской губернии — губернии потребляющей, что начало работ совпадает с обострением продовольственного кризиса, что две трети земли к

1921 году находятся в запущенном, не культурном состоянии и пр. все не способствует полному выявлению системы и целей хозяйства. Во всяком случае, на 1921 год главным образом хозяйство должно преследовать цели потребительские; по этой причине не следует останавливаться на детальном анализе экономических условий хозяйства, но все же следует указать, что артель находится в районе с низкой культурой и техникой сельского хозяйства у местного крестьянства. В 8—12 верстах находится сравнительно большой город Наро-Фоминск с фабриками, в 60 верстах лежащий — г. Москва; железная дорога пролегает в 2—5 верстах и шоссе в 5—8 верстах; грунтовые дороги чрезмерно плохи во всех направлениях; населенность района довольно редкая, а посему предложение рабочей силы невелико; заводов, перерабатывающих продукты сельского хозяйства, поблизости не имеется и т.п.

Такие экономические условия в районе Московской губернии подсказывают направление хозяйства как животноводственно-зерновое. Правда, наличие в артели ряда кустарных мастерских толкает хозяйство на пути замены зерновых хлебов технико-промышленными растениями. Это направление хозяйства, расположение и состояние земельных участков выдвигают систему полеводства как травопольную. Вот общие положения, с которыми придется считаться, хотя на 1921 год надо разрешать задачи потребительские и фуражные.

Следует сразу указать, что разрешить задачи потребительские в 1921 году в целом не удастся, ибо хозяйство только организуется и две трети земли в залежи. Было бы весьма хорошо, если бы удалось снабдить население артели продуктами, громоздкими в перевозке и плохо сохраняемыми, как корнеплоды и овощи, и наиболее богатыми белками — бобовыми. Эту задачу должно возложить на участок I, как находящийся уже в обработанном состоянии.

Севооборот:

1) пар занятый,	3) картофель,
2) рожь,	4) бобовые, —

по четыре десятины в каждом поле даст: ржи около 400 пудов, картофеля 2800 пудов, бобовых (гороха или чечевицы) около 240 пудов, викового сена 800 пудов. Таким образом, население артели в 200 человек картофелем будет обеспечено вполне. Этот севооборот не противоречит условному направлению хозяйства в будущем, ибо дает довольно значительные количества сена и съедобной соломы бобовых. Этот севооборот хорош и тем, что потребляет почти в целом массу навоза, коий здесь должен скапливаться при зимнем содержании скота. В среднем при внесении навоза в пару и под картофель потребно ежегодно до 16000 пудов навоза. Имеющийся при этом участке огород площадью в 2 десятины вполне должен покрыть потребности артели, если считать урожай массы овощей в 1000 пудов с десятины, что достижимо при наличии здесь достатка навоза.

Организация полевого хозяйства на 1921 год на двух других участках представляется весьма простой. Вспаханную новь осенью 1920 г. или весной 1921 г. следует занять пластовыми растениями: овсом или льном. Следует лишь указать, что можно, не предпринимая севооборота на этих участках, оставить на участке II до одной четверти земли под озимые на 1922 год, ибо здесь есть наличие навоза от летнего постоя скота, и на участке III — не более одной шестой; здесь севооборот придется растянуть в сторону трав для ведения безнавозного хозяйства.

Говорить об организации животноводства в артели на 1921 год не приходится. Фуражный кризис ставит пока предел стаду молочных коров в 13 штук. Следует лишь стремиться произвести учет продуктивности каждого экземпляра и в зависимости от этого вести дальнейший подбор в ремонтнике стада, сохраняя основную породу швиц-альгаускую, как вполне здесь акклиматизировавшуюся и дающую хорошие результаты. Число рабочих лошадей, дабы выполнить все намеченные работы, необходимо теперь же довести до 10—12.

Председательница артели трудовой общины Зосимовой пустыни
(подпись) А. Лепешкина.

Секретарь (подпись) В. Константинова.

**ИЗ ПРОТОКОЛА № 51
ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НАРО-ФОМИНСКОГО
УЕЗДНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ОТДЕЛА***

8 октября 1920 г.

Слушали: ... 2) Устав, посемейный список, организационный план артели “Трудовой общины” при Зосимовой пустыни, протокол общего собрания участников артели и выписку из протокола Рудневского земотдела об отводе земли.

Постановили: ... 2) Устав, посемейный список и организационный план — утвердить. Считаясь с отсутствием земель сельскохозяйственного назначения в непосредственной близости у места нахождения Артели, Постановление Рудневского Волземотдела об отводе Артели пахотной земли в трех участках — утвердить. Но указать Артели, что она должна в кратчайший срок предоставить Уземотделу разработанный план коренной мелиорации специальных угодий на предмет расширения площади пахотных земель при усадьбе Артели.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 414. Л. 204.

ОТЧЕТ ИНСТРУКТОРА А. КОТОВА
В 1922 ГОДУ*

Артель "Зосимова пустынь" Наро-Фоминского уезда

Рынок — Нара в 12 верстах. Дорога до Нары проселочная. Можно и иначе — 5 верст гужом по проселку, а 5—7 по ж.д. от платформы "61 верста" М.К.В. ж.д. От Москвы артель в 60 верстах.

Г. Нара — фабричный центр, бывшая фабрика Гриндель, около 10 000 рабочих.

Раньше артель-монастырь сбывала молоко и др. промысловые производства — вязальное, пошивочное, портняжное, золотошвейное, иконописное, столярное, кузнечное, слесарное и пр.

Окружающее население занимается и занималось раньше сельским хозяйством. Дорабатывали для пропитания на фабриках и заводах. В настоящее время запашки и распашки увеличились и население занимается почти исключительно сельским хозяйством.

Почва суглинистая, подзолистая. Рельеф ровный. Грунтовые воды на участках и землях довольно близко. Сам монастырь стоит на болотистом месте, которое было до стройки зданий дренировано. Для культуры на артельных землях необходимо также произвести дренаж и выкорчевку очень густого и мощного елового, березового, осинового леса.

Земля разбросана по 6 участкам, лежащим очень далеко от усадьбы и друг от друга (смотри схематический план приложения), из которых 3 в 23 десятины расположены около самой усадьбы. Дальний из этих участков в 2 десятины в 1½ верстах. А 3 участка других в 6 верстах от усадьбы. Двумя участками в 8 десятин (2+6) уже пользуются, а один в 32 десятины необходимо выкорчевать из-под пней и гари, и который еще в пользование не получен.

Итак, землепользование, если артель получит земли для себя из-под леса, разбивается по расстоянию на две группы: 1) ближнее приусадебное и 2) дальнее в 6 верстах за деревней Архангельской.

Угодья

Усадьба на дренированном участке. Окружающие усадьбу угодья — огород, пашня (часть) на низком месте. Пашня дальних участков на более высоком. Неудобных земель, кроме дорог и прудов, нет. За недостатком земли всякую неудобную землю, через приложение труда, так или иначе используют. Наоборот, уже давно хлопчут о получении земли из-под горелого леса и сечи в расстоянии 5 верст под разделку под пашню, но получить разрешение, благодаря бюрократизму и формальности, не могут.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1367. Л. 24—27.

Полевое хозяйство

Ранее хозяйство было чисто скотоводческим, земли почти не распахивались. В настоящее время по чисто продовольственным затруднениям занялись полеводством, а ввиду избытка удобрения и распашки новины, пара нет; он всегда должен будет и впредь подготавливаться раскорчевкой до полного установления севооборота. Так что никакого севооборота еще не установилось, хотя намечен 6-типольный: 1 — рожь, 2 — клевер, 3 — клевер, 4 — картофель, 5 — яровые, 6 — пар, по 10 десятин в клину. И к этому 6-типолю делается переход, который уже установится к 1924 году. По другому варианту думают организовать на ближайшем участке 4-хпольный Норфолькский севооборот. На дальних думают организовать особое хуторское хозяйство или особый зернотравопольный севооборот.

Удобрение навозное. Удобряют обильно. Но вывозить за 5 верст далеко. Необходимо организовать особое хозяйство на дальних участках совершенно самостоятельное, со скотом, чтобы использовать вполне земли дальние.

Техника в определенный порядок, ввиду новизны организации полеводства, не выявилась. Одно ясно, что по малоземелью и по избытку рук за всем уход и обработка образцовая.

Ни трав, ни корнеплодов пока не сеется. Огород 3 десятины. Уход очень хороший. Удобрение тоже. Урожай огорода обильный. Сад в хорошем состоянии, молодой. Около 50 корней яблонь. Уход внимательный: деревья окопаны и обрезаны. Имеется также кустарниковый и ягодный сад.

Животноводство

Главная отрасль — молочное крупное рогатое скотоводство. Назначение его раньше было для сбыта; теперь больше для себя, потому что скота уменьшилось в два раза.

Коровы доятся приблизительно 10—11 месяцев. Отнимают телят сразу из-под матери и кормят молоком 1 месяц, а потом — с водой со жмыхом и молоком. Доятся в сутки 3 раза и стародойки 2 раза. Корм зимой утром в 6 часов — сена с соломой 25 ф. и пойло теплое с очистками и пр.; днем в 13 часов — тоже сено с соломой без пойла, вечером в 6 часов — тоже с соломой и пойло. Летом коровы питаются подножным кормом и пойлом.

Продукт — молоко; едят сами.

Подстилка — лист и солома ржаная. Хлев теплый. Порода смешанная из кровей швиц-альгаузских. Продуктивность за 9 месяцев — 626 пудов.

Свиней нет.

Овцы только завозятся. Шерсть — материал для кустарных изделий. Ко-за только заводится тоже для шерсти.

Куры кормятся картофелем и остатками: Порода кур простая. Яйценоскость куры — 50 шт. Назначение — для получения яиц.

Пчел раньше было много: 75 ульев, потом они вывелись. Теперь снова заводятся 4 улья.

Имеется 7 лошадей. Корм зимой в рабочее время: утром сено и водопой, днем сено + 7 мер овса и пойка, вечером сено и пойка. В нерабочее время овса не дают. Летом в рабочее время — подножное и трава, также и в нерабочее. Лошадей мало, и ввиду раскорчевки и организации хозяйства нужно 14 лошадей, т.е. еще прибавить 7. Недостаток в лошадях особенно остр в покос: сено подносили на себе. Прибавилось лошадей 2, но еще мало. Уход очень хороший: больных выпаивают и отхаживают молоком; лошади были в чесотке.

Какой есть мертвый инвентарь в хорошем состоянии, но его мало. Необходимы рандаль, плуги Сакка и для раскорчевки, бороны, сеялки. Сеялка необходима, потому что сеять рукою не умеют. Нужна молотилка.

Корма на зиму:

сена лесного — 3000 пудов,	соломы ржаной — 350 пудов,
соломы яровой — 400 пудов,	соломы ячменной — 150 пудов.

Недостает жмыхов 80 пудов по подсчету или больше, соли 40 пудов по подсчету или больше. Рассчитывают достать это через Земельный отдел. Трав и корнеплодов нет пока.

Работы колхоза

Сколько пошло работ известного наименования на каждую работу под каждую культуру, выяснить нельзя.

По трудовой повинности вывезено 11 кубов дров. Кроме того сшито белья для Красной Армии и рабочих около 5000 комплектов.

Продукты:

картофель с 4 десятин — 2250 пудов,	моркови с 1/8 — 50,
свекла с 1/8 — 84,	брюквы с 1/8 — 10,
свеклы кормовой с 1/8 — 250,	капусты с 1 десятины — 600.

Из этого нужно выделить картофеля 400 пудов на семена и уплатить продналог.

Собрано:

ржи с 5 десятин — 250 пудов,	ячменя с 2 — 80,
(из 250 посеяно 108 пудов),	гречи с 1/8 — 10.
овса с 8 десятин — 220 пудов,	

Сдано продналога:

ржи — 10 пудов 2,5 ф.	овса — 12 пудов 22,5 ф.
картофеля — 120 пудов.	масла — 2 пуда.

Кроме сельского хозяйства, имеется целый ряд промысловых занятий: вязание, шитье и проч. Все заработки от промыслов идут в общее пользование, образуя общую кассу.

История

Возник колхоз Зосимова пустынь 26 октября 1920 г. Членов убавилось на 5 человек. Члены в настоящее время терпят утеснение от Москвотопа*, который членов артели очень стеснил, занял большую половину помещений и обижает живущих, ворует и разрушает хозяйство.

Земля раньше принадлежала монастырю. Почти все члены — крестьяне, кроме 4 интеллигентов. Организован Лепешкиной, которая сейчас состоит членом и председателем.

Причины возникновения — в истории. До возникновения артели велось точно такое же монастырское хозяйство 97 лет. Основана артель из идейных, отчасти и экономических продовольственных затруднений.

Все члены до организации артели были в монастыре.

Ни субсидий, ни льгот от государства не было.

При налаживании хозяйства при переходе от чисто скотоводческого к скотоводческо-полеводческому пришлось преодолеть большие трудности: распаханно облогов 15 десятин, выкорчевано, поднято и посеяно 7 десятин. Всего поднято около 20 десятин. Семена получены поздно. Недоставало средств производства: лошадей и мертвого инвентаря.

Весь недостаток в малоземелье и плохом расположении — дальнеполощина земель.

Внутренний распорядок

192 человека членов, работников 152 человека. Живут в колхозе.

Между членами мир и согласие. Руководит всей жизнью артельный совет и рабочком. Наряд на работы делает артельный совет. У членов артели общий стол и общие работы. Заработки от отхожего промысла сдаются в общую кассу. Качество труда и интенсивность не учитываются. Каждый работает столько, сколько может. И только в рабочую тяжелую пору трудящимся сильно и много дают больше пая до 2-х раз; таковы косцы, пахари и проч.

Степень коллективности самая высокая. Самое главное препятствие хозяйствованию члены испытывают от организации Москвотопа. Москвотоп нарушает также порядок и личной жизни. Относительно личной жизни в артели и отношений членов артели друг к другу, а также отношений к общему делу и хозяйству — то это идеал для всякого теоретика, строителя обществен-

* Московский отдел топлива.

ного хозяйства. Более радивого, более внимательного выполнения работ, ухода за растениями и животными редко где можно встретить. Распашка и выкорчевка более 20 десятин из-под мощного строевого леса говорит о трудолюбии. Однако природа не слишком щедро вознаграждает это трудолюбие — залегающие здесь болота и суглинки, тяжелые вязкие почвы не особенно удобны для обработки и мало продуктивны.

Но не только природа, но и власти и люди будто направили свои усилия против артели. Так, например, 200 человек едоков при 160 работающих страшно нуждаются в земле, которой имеется только 30 десятин, годной к обработке. Артель хлопочет о получении 35 десятин из-под горелого и вырубленного леса, совершенно бесценного (бесполезного. — Л.В.) с точки зрения лесного хозяйства. Однако лесной отдел до сих пор не может согласиться отдать гарь и сечь под пахоту артели. Время бы произвести чистку и выкорчевку, но формальное затруднение этому помехой. Для хозяйства же получение этого участка, особенно теперь, осенью после 2—3 месяцев хлопот, имеет громадное значение. Неполучение участка может все расчеты и соображения [сорвать], перевортыивает весь организационный план, для членов сулит голод. Второе неприятное обстоятельство для членов артели — это их сильное утеснение Москвотопом. Москвотоп реквизирует половину всех жилых построек, так что в келье приходится жить 5—6 человекам артели. Мало того. Москвотопом заняты художественные мастерские, вязальные мастерские и пр., так что заниматься кустарной промышленностью во время зимы почти невозможно. Ко всему этому нужно прибавить, что рабочие Москвотопа разрушают строения, беря на дрова и др. нужды дерево прямо из строений. А также хищение с полей и огородов разных овощей, картофеля и пр. — обычное явление. Утеснение членов лежит за пределами санитарных условий.

Хозяйство, принимая во внимание естественно-исторические (болота) и экономические условия, совершенно правильно взяло скотоводческое направление. Скот очень хороший, породистый, держится в прежнем составе, но земли не только по членам артели не хватает, но ее мало и по имеющемуся скоту. У артели земля в минимуме, артели необходимо прежде всего земли (подчеркнуто в рукописи, л. 44. — Л.В.). Иначе хозяйство, не говоря о голодовке членов, которая началась уже сейчас, должно неминуемо пойти к упадку.

Роль председателя и хозяина артели занимает организатор артели, очень талантливое лицо — Афанасия Лепешкина. Сам председатель составил организационный план хозяйства и севооборота. План отличается продуманностью и детальностью разработки. К севообороту 6-типольному по 10 десятин в поле рассчитано перейти уже правильно с 1924 года. Однако в этот план входят и 35 десятин гари, которая не получена еще, но без которой совершенно немыслимо хозяйство. Но неполучение которых останавливает

весь ход. Надо напомнить, что земля разбросана по участкам очень далеко друг от друга, но все же так, что все их можно свести в две группы: 1) ближние земли приусадебные 23 десятины и 2) дальние в 6 верстах 40 десятин. Отсюда у меня возникает мысль об организации двух совершенно самостоятельных севооборотов с таким расчетом, чтобы впоследствии члены артели могли на дальние участки перенести и скот, и соответствующую стройку. Тем более, что часть строений уже на дальних участках имеется. Таким образом, артель могла бы жить и работать двумя хуторами.

Проект образования двух хуторов встречает сочувствие некоторых, образование же двух севооборотов почти приемлемо, но все дело из-за земли.

Инструктор А. Котов.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВОЙ АРТЕЛИ “ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ” В 1925 ГОДУ

Заключение инспектора МОЗО*

В политическом отношении с/х артель “Зосимова пустынь” представляет из себя религиозную общину, состоящую почти из монашенок, выходцев из крестьянского сословия различных губерний, объединенных между собой на почве религиозных предрассудков, с самобытным укладом монастырской жизни и со строго централизованным управлением.

В отношениях к органам Советской власти артель характеризуется как вполне аполитичная организация, придерживающаяся принципа “несть власть, аще не от Бога”. Вместе с тем в экономическом отношении артель “Зосимова пустынь” является вполне кооперативной организацией, где принципы обобществления земли, скота и орудий производства видны достаточно ярко и полно, а распределение труда и продуктов вполне соответствует кооперативному уставу.

С сельскохозяйственной точки зрения артель является еще недостаточно организованной, что свидетельствуется отсутствием в хозяйстве организационного плана, отсутствием правильного севооборота, клеверных и пропашных посевов и пр., что неизбежно приводит к нехваткам в хозяйстве тех или иных зерновых или кормовых продуктов.

Самый способ ведения сельского хозяйства является достаточно примитивным, без применения улучшенных приемов земледелия. Промышленных растений не возделывается, и хозяйство имеет исключительно потребительский характер.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 719. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 276. МОЗО — Московский областной земельный отдел.

Также обращают на себя внимание недостаточность производимого артелью ремонта зданий и плохое состояние сельскохозяйственных построек: конюшни и скотного двора.

Тем не менее, артель "Зосимова пустынь" является весьма трудолюбивой и работоспособной организацией, скот содержится опрятно, поля возделываются своевременно, площадь запашки непрерывно увеличивается путем раскорчевки старой необлесившейся сечи, жилые постройки содержатся в чистоте, и на малом количестве земли артель ухитряется поддерживать свое существование, не получая от государства никакой субсидии и исправляя и уплачивая исправно и своевременно все государственные повинности и налоги.

Необходимо также отметить большие успехи артели в различных кустарных промыслах: вязании, вышивании и пр. Отчетность в хозяйстве ведется весьма удовлетворительно. В общем и целом артель "Зосимова пустынь" по своей работоспособности и трудолюбию заслуживает полного внимания и поощрения, но вместе с тем ее хозяйственная сторона требует значительной организационной работы, направленной к повышению товарности производства и изысканию достаточных средств на своевременный ремонт жилых и сельскохозяйственных построек. [без подписи].

Выписки из протоколов по пересмотру коллективов Московской губернии*

3 февраля 1925 г.

С/х артель "Зосимова пустынь".

Ознакомившись с материалами обследования артели "Зосимова пустынь" и принимая во внимание удовлетворительное ведение сельского хозяйства, хотя и требующего некоторой технической реорганизации, а также исходя из соображений, что ликвидация артели в данный момент явится значительной обузой для государства по обеспечению около 190 человек монашенок, комиссия находит наиболее целесообразным в данный момент от ликвидации артели "Зосимовой пустыни" воздержаться.

24 марта 1925 г.

Слушали:

ж) С.-х. артель "Зосимова пустынь", женский монастырь. Проведены принципы коммуны. Уклад жизни и труда — монастырский. Хозяйство потребительское.

Постановили:

ж) Сохранить при условии проведения реорганизации путем исключения из состава артели монашествующих лиц, не имеющих избирательных прав, и изменения уклада жизни.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 719. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 80; 327.

Доклад
председателя трудовой земледельческой
Зосимовской артели*

4 июня 1925 г.

Сельскохозяйственная Трудовая Зосимовская артель образовалась в 1920 году 26 октября при самых неблагоприятных условиях, так как этот наиболее трудный голодный год не мог не наложить отпечатков на всю хозяйственную жизнь начинающейся артели.

Артель получила от бывшего монастыря все хозяйство, как земледельческое так и скотоводство, кролиководство и пчеловодство, точно так же и весь мертвый инвентарь, но все в очень плачевном виде.

Земледелие

Так, в год регистрации в монастыре было 13 с половиной десятин земли, обрабатывались только 10 десятин, а три с половиной представляли из себя залежь (запущенную пахоту). И потому Трудовой артели в первый же год регистрации пришлось эти три с половиной десятины поднять, прибавив к ним еще три десятины луговой, находящиеся поблизости от хозяйства, и привести их в годную пахоту. Не имея поблизости подходящей земли для разработки, артели пришлось перебросить свое земледельческое хозяйство за 6 верст, в местности Архангел и Пекинки, где государством было прирезано нам 40 с лишком десятин земли. В 1921 году 31 мая получена земля на Архангеле, а 1922 года 30 января по договору с МОЗО нам представлено 35 десятин лесной гари. Получив выше указанную землю, артель сейчас же с большой энергией приступила к разработке и корчевке, и своими женскими силами без найма чужих рук было раскорчевано и разработано за три года на Пекинке 14 десятин и на Архангеле 6 и три четверти десятины. Для большей ясности укажу вам обработку земли по годам:

1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
10 д.	16 ¹ / ₄ д.	23 ³ / ₄ д.	28 ³ / ₄ д.	33 ³ / ₄ д.	38 ³ / ₄ д.

Вся земля в хозяйстве разделена на 2 участка. В первом, приусадебном участке в 12 десятин установлен четырехпольный севооборот с чередованием: пар, рожь, картофель и яровые. На дальнем участке ввиду продолжающейся раскорчевки севооборот не установлен, но предполагается вести травы. Пар обычно

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 719. Оп. 1. Ед. хр. 268. Л. 271—275.

венно вспахивается с осени, навоз вывозится и запахивается в начале июня. Пред посевом вновь вспахивается. Посев производится ручным способом. Навоза вывезено на 9 десятин 18 000 пудов с прибавлением искусственного удобрения — 40 пудов суперфосфата, который будет разваживаться перед посевом.

Итак, из всего сказанного видно, что земля в хозяйстве с каждым годом увеличивается и очень энергично разрабатывается, что и свидетельствует горячее желание артельцев опираться на землю, чтобы иметь юридическое право на свое существование.

Рабочий скот

Артель приняла от монастыря пять лошадей, из коих годной к работе была только одна, а остальных четырех лошадей пришлось сбыть. С течением же времени, несмотря на все трудное материальное положение, члены артели предпочитали лучше себе отказать в необходимом, но во что бы то ни стало пополнить недостающее количество рабочих лошадей, что отчасти и удалось. В хозяйстве в настоящее время имеется 8 лошадей, из коих одна — жеребец финской породы.

Скотоводство

Рогатый скот артель приняла от монастыря в следующем количестве:

	1920 г.	1925 г.		1920 г.	1925 г.
Коров	13	18	Нетелей	3	4
Телят	1	7	Лошаков	—	1
Быков	1	3	Овец	1	8

Итак, за эти годы рогатого скота увеличилось на 15 голов. Молочное хозяйство, кормление скота ведется под наблюдением агронома, присылаемого из МОЗО. По определению агронома, скот обладает крупным живым весом и хорошими удоями. Удой молока со стада приблизительно бывает до 2800 пудов.

Кролиководство

Ввиду того что за последнее время в монастыре все хозяйство пошло на нет, то и кролиководство в год передачи хозяйства артели находилось в самом бедственном положении. Вместо 500 штук кроликов артели пришлось получить только 30 штук чесоточных кроликов. Болезнь чесотки была развита в самой большой степени, так что некоторые кролики были лишены частей сво-

его тела, как-то — ушей, носа, губ и т.п. Бороться с этой заразой пришлось с большим трудом. Но благодаря самым энергичным мерам и самому внимательному лечению, наконец артели удалось уничтожить эту заразу, после чего количество кроликов стало заметно увеличиваться. Так, например, в 1920 году было 30 штук, а в настоящее время насчитывается до 300 штук. Кролики носят название “ангорские песцы” и разводятся в хозяйстве исключительно для пуха, из которого члены артели вяжут различные вещи на продажу.

Пчеловодство

Пчеловодство, то же самое, артель приняла от монастыря в самом плачевном состоянии: из 85 ульев получила только 2 улья, и те без маток. В настоящее время, благодаря старанию артели, пчеловодство налаживается: в хозяйстве имеется уже 13 ульев доданского образца.

Сад

В артели имеется сад, который занимает площадь в полдесятины земли. В саду посажены ягодные кустарники и имеется 65 корней яблонь. К сожалению, сад во время созревания плодов подвергается хищению, через что артель принуждена снимать плоды недозрелые, что, конечно, уменьшает доходность от сада.

Огород

Огород в хозяйстве занимает площадь земли в три десятины и ведется по трехпольной системе. Главные культуры: капуста, огурцы, свекла кормовая и др. разные овощи. Имеется два парника для выгонки рассады. Огородные семена выращиваются в своем хозяйстве по мере потребности хозяйства.

Кустарное производство

Кроме земледелия, скотоводства, кролиководства, пчеловодства, члены артели в зимнее время занимаются различными кустарными производствами: вязанием теплых вещей из пуха и шерсти, стежкой одеял, сапожничеством и портновским мастерством. Эти работы дают некоторый доход, в котором так нуждается хозяйство.

О взаимоотношении с местным населением

Могут сказать, что артель дает местному краю возможность улучшения пород скота через быка, племенного жеребца и получения из хозяйства телят на племя. В то же время давала местному населению пользоваться молотилкой, веялкой и сортировкой.

Ввиду того, что в монастыре при старом управлении не производился ремонт с 1912 года как хозяйственных, так и сельскохозяйственных орудий и хозяйственной посуды бондарской работы, то начинающейся артели пришлось принять от монастыря все в очень обветшалом виде. Хотя в настоящее время некоторым и кажется, что мелкие деревянные постройки приходят к разрушению, но если бы кто видел, в каком положении находились все эти постройки в самый год передачи, то всякий оценил бы старание артели поддерживать эти обветшалые постройки, иначе они давно бы должны были все рухнуть. При этом надо взять во внимание, что все эти деревянные обветшалые постройки были определены оценочной комиссией в 1924 году к ликвидации, и в настоящее время они снова обращены в жилые помещения только по той причине, что у нас взят каменный дом для инвалидов, а членам артели волею-неволею пришлось жить в этих худых домах, которые требуют капитального ремонта. Посему артель ходатайствует перед уездной властью вернуть нам каменный красный дом, а инвалидов переселить за ограду в освобождаемые помещения Москвотопом. Хотя артель не в состоянии произвести капитального ремонта, но поддерживающий строения ремонт ежегодно производится. Кроме сего надо взять во внимание, что в первый год регистрации артели пришлось отремонтировать скотный двор, которому угрожала опасность совершенного разрушения. На дворе был заново сделан накатный пол, перебраны все стены хлевов, крыши из драни отремонтированы, вновь устроен телятник и заново отремонтирован механический колодез и очищены канавы. Далее — вновь была выстроена изба мерою 9×9 аршин в местности Архангел. Отремонтирован весь с/х инвентарь и хозяйственная посуда бондарской работы. Так, например, отремонтировано 100 шт. (40-, 20- и 10-ведерных) кадок для заготовки капусты и огурцов, вновь сделано требуемое количество ульев доданского образца. Кроме сего, артель в нынешний летний сезон поставила себе в обязанность произвести окраску некоторых крыш, приобрести новую молотилку, новую веялку и выстроить новую ригу. Кроме ремонта, артель полагает все усилия пополнить недостающий инвентарь и перевозочные средства: приобретает телеги, сани, плуги, бороны, пилы, косы, серпы, исправляет упряжь и т.п.

Об уплате налога

Несмотря на все трудности налаживающегося хозяйства, артель не падает духом и аккуратно выплачивает налоги.

Доходность

Хозяйство главным образом получает доход от скотоводства, кролиководства, от кустарного производства, от продажи овощей и садовых плодов.

Расход

Расход является главным образом в уплате налога, в ремонте и приобретении с/х орудий, в покупке предметов хозяйственного значения и первой необходимости, в покупке продовольствия.

Цифровые данные прихода и расхода за 1924 г.

Общая доходность	Общий расход	Остаток
1815 руб. 34 коп.	1806 руб. 21 коп.	9 руб. 13 коп.

О составе и управлении коллектива

Артель состоит из 193 человек женского пола, из коих трудоспособных 175 человек, нетрудоспособных 18 человек. Под нетрудоспособными разумею таких, которые находятся в лежачем положении; остальные же все по своей силе приносят свой труд для хозяйства.

Социальный состав членов

Крестьян	Мещанок	Лиц интеллектуальных профессий
175	15	3

Хотя состав членов артели и остался все тот же, как был в монастыре, но под влиянием нового управления и весь строй жизни артели принял новое направление.

Принявши Нормальный устав земледельческих артелей со дня организации 1920 года 26 октября, артель всецело стремится подчиняться всем правилам и законам, изложенным в уставе.

Наемного труда в хозяйстве не имеется. Труд на стороне членам артели разрешается только в свободное от коллективных работ время, причем заработок поступает в пользу самих работающих членов.

В основе организационного плана нашей артели лежит создать такое хозяйство, которое способно было бы ежегодно аккуратно выплачивать все государственные налоги, как-то: арендную плату, страховку, продналог; производить ремонты построек и с/х инвентаря; заготавливать требуемое количество семян для хозяйства и местного населения; отчислив продукты, необходимые для потребления хозяйства, избытки огородных культур определять для продажи. Далее артель имеет целью вести молочно-продуктивное животноводство, расширить кролиководство, кустарные мастерские и желает возобновить кирпичный завод.

Главное управление хозяйством лежит всецело на Совете, который ежедневно собирается для обсуждения хозяйственных дел и свои совещания протоколирует приблизительно 4 раза в месяц. Таким образом, за 1924 год было 50 протоколов. Совет артели состоит из 5 членов, из которых каждый имеет свою должность: 1) председатель, 2) заместитель, 3) по продовольствию, 4) по хозяйственной части, 5) секретарь.

Кроме Совета в артели имеется ревизионная комиссия, состоящая из трех членов: председателя, члена и секретаря.

Более важные вопросы, как-то: избрание членов Совета, ревизионной комиссии, прием и исключение членов артели, рассмотрение и утверждение годовых отчетов и прочие подобные вопросы, решаются общими собраниями, которые собираются по мере надобности и свои совещания протоколируют. Таким образом, за 1924 год было 6 протоколов общих собраний.

В артели имеется вполне налаженная канцелярия и ведутся следующие книги: 1) кассовая, 2) продуктовая, 3) материальная, 4) инвентарная, 5) актовая, 6) протокольная.

Заключение

Настоящий доклад, высказанный мною, основывается исключительно на фактах подлинного состояния жизни артели, зафиксированных в канцелярских книгах Трудовой артели.

Таким образом, Вы видите из всего выше изложенного, что артель при самых тяжелых материальных условиях сумела не только сохранить принятое хозяйство от монастыря, но и увеличить и улучшить состояние хозяйства. Вообще артель старается добросовестно выполнить свои задания, чтобы оправдать то название, которое она носит.

**Список госземимуществ [ГЗИ]
Звенигородского УЗО уездного значения***

1 октября 1928 г.

Наро-Фоминская волость.

Бывший Зосимов монастырь.

В данное время находится в пользовании сельхозартели "Зосимова пустынь" на основании договора от 31 августа 1926 года на 9 лет; арендная плата 1000 руб. в год.

Постановление Губземуправления о зачислении к одному из видов ГЗИ

Заключение исполнительного комитета о разграничении на имущества государственного и местного значения

Протокол совещания МОЗО от 10 марта 1926 г., полученный УЗУ** 24 марта 1926 г. по входящему № 3574, и списки Моск. губ. по ГЗИ от 27 сентября 1928 г.

Постановление Президиума Звенигородского УИКа *** от 12 января 1926 г., протокол № 42

Общая площадь 39,98: пашни 21,69, луг суходольный 1,50, луга заливного нет, выгон 3,92, сад 0,14, огород 1,64, лес и кустарник 2,82, усадьба 5,83, проч. и неудобная площадь 2,44.

Сведения о землеустройстве имеются 1926 года.

* Публикуется по: ЦГА МО. Ф. 719. Оп. 1. Ед.хр. 465. Л. 2, 5.

** Уездная земельная управа.

*** Уездный исполнительный комитет.

“СОКРОВИЩЕ БЛАГИХ...”

(Письма верующих 30-х годов XX в.)

Публикация Г.П. Дурасова

На закате жизни имя Марии Васильевны Хвалынской (1897—1988), замечательной каргопольской собирательницы северорусского фольклора, стало известно всей стране. О ее неутомимом, более чем семидесятилетнем собирательстве “жемчуга словестного” писали в газетах, журналах и книгах. Увидела свет и нарядно оформленная книга с публикацией части собранных ею частушек Северного края.

В 1936 г. Мария Васильевна встретила с Петром Михайловичем Обыденным (1889—1937) — ссыльным псаломщиком из Воронежа. Это был неординарный человек большой духовной силы, глубокой веры, знаток церковной культуры. После него осталась его переписка с родными и близкими 1933—1937-х годов, которую сохранила Мария Васильевна, а затем передала мне.

«Пятьдесят лет хранила я эти письма, — рассказала Мария Васильевна, достав из сундука завернутый в грубую серую бумагу сверток. — Письма эти адресованы сосланному в наш Северный край страдальцу, да и написаны тоже страдальцами. Все мы были тогда страдальцами, — на минуту она замолчала, собираясь с мыслями. — Было время, и я жила в большом доме, в дружной семье: четыре брата, пять сестер, а всего двенадцать человек было в нашей семье. Папа был сельским священником: тихий, скромный, добросовестный в исполнении своих пастырских обязанностей, вскормил и воспитал нас на свой небольшой заработок.

Но пришло время — и всю нашу семью, как листья, развеяло холодным осенним ветром. Из благодатного родительского дома темной ночью, с одной корзиночкой в руке пришлось идти и скитаться по белу свету. Много я вынесла и голоду, и холоду, босоты и наготы, незаслуженных унижений и оскорблений, — как дочь священника лишена была всех гражданских прав. За жизнь сорок восемь квартир сменила, живу в сорок девятой. Удивляюсь, как

Петр Михайлович Обыденный. 1914 г.

окончательно не лишилась рассудка. И лишь под старость обрела относительный покой...

А с Петром Михайловичем Обыденным, которому адресованы эти письма, я познакомилась, когда мой дядя, священник отец Александр Посадсков приютил его в своем домишке, стоявшем почти на окраине Каргополя. До этого три года прожил Петр Михайлович вместе с двумя ссыльными священниками в маленькой холодной комнатке без печи. И это при наших-то студеных северных зимах.

Первые месяцы ссылки перебивался он скудными посылками от живущей почти впроголодь семьи, от родственников, случайными подаяниями и зара-

ботками. Потом стал певчим в Богородицерождественской церкви, а затем управлял церковным хором.

Приход у нас был необычный: одних ссыльных священнослужителей двести человек, да два архиерея. Можете себе представить: когда вдруг запоют, — не знаешь, на земле ты или на небе. Только в церкви и забывались мы от всех ужасов тех лет.

Спрóсите, за что же Петр Михайлович был сослан на поселение в Каргополь? В прошлом был он добросовестным потомственным сельским учителем. Но впоследствии стал церковным псаломщиком, а затем регентом-любителем. И этот ответственный в жизни шаг совершил он в пору церковной разрухи, в пору так называемой “безбожной пятилетки”. В начале 1930-х годов в нелжинском храме служил его шурин, брат жены, священник отец Николай, а жена Варвара Петровна пела в церковном хоре».

В то тревожное время, о котором рассказывала Мария Васильевна и поведали сохранившиеся у нее письма, повсюду говорилось, что “все религии — реакционны и служат для одурманивания рабочего класса, пытаются отвлечь его от борьбы за лучшую светлую долю”. Шла борьба “со смертными врагами социализма”, как тогда говорили: закрывались церковные приходы, уничтожались храмы, иконы, утварь, книги.

Антисоветскими элементами и классовыми врагами считались не только священно- и церковнослужители, но и сельская интеллигенция, в первую очередь учителя, врачи, агрономы. Так что судьба Петра Михайловича Обыденного в 1932 г. была предрешена. Да еще, кроме того, он “позволял себе высказывать неудовольствие по поводу тяжелых налогов и общего тяжелого экономического положения народа при случайных встречах и общении с людьми”.

Сам Петр Михайлович принял это жизненное испытание как Божие наказание, но ближние увидели в совершившемся иное. Сестра писала ему в ссылку: “Господь тяжелые испытания посылает не всегда как наказание, а как вразумление. Ты ...смотришь как на кару Божию, а это только испытание, хотя и тяжелое, но сверх сил Он не пошлет”.

С потерей кормильца его семья была обречена на голодную смерть: страшный голод 1932—1933-х годов косил всех без разбору.

Бедная, многострадавшая жена его — Варвара Петровна делала, что могла, чтобы спасти своих четверых детей от голодной смерти. Пришлось ей снести в конце концов в торгсин и поменять на хлеб последнее, что осталось ценного, — серебряный подстаканник мужа. (Были тогда такие магазины по торговле с иностранцами, где за чай, да сахар, да за крупицу люди расплачивались драгоценностями, золотом и серебром...) А потом уже ходила она просить подаяние по соседям.

Вот строки из ее писем тех дней: “В доме чад, дым, сырость и холод, и голод, а на душе тоска”; “С Рождества потратила все деньги... пришлось идти

просто-напросто побираться. Со слезами ходила я в каждую избу и не могла выговорить ни слова. А вчерашний день задумала пойти в село Ситное... — вот где мне пришлось пролить слез. В нашем селе все меня знают и догадываются сами, зачем я пришла. ...Лучше работать самую тяжелую работу и зарабатывать себе на пропитание, чем просить милостыню”.

На риторические вопросы мужа, она отвечает ему: “Ты пишешь, что голодовка ведет к укреплению духовному. То — пост, а то — голодовка. Одно добывание питания иссушило меня”. Она ходит по полям, выбирает из земли прошлогодние прелые картофелины, сушит их и варит похлебку. Делает, казалось бы, все, чтобы прокормить детей. Но в сентябре 1933 г. умирает “от голода и желудочных тяжелых болезней” младшая Манечка. И не выжить бы ей с детьми, если б не прислала ей из Киева родственница по линии мужа тысячу двести рублей, чем спасла мать и детей от верной смерти. Этих-то денег и хватило семье Обыденного, чтобы пережить голодное время.

Волей-неволей центральной фигурой в переписке становится Варвара Петровна Обыденная, беззаветно любящая своего мужа, находящегося от нее в далекой ссылке. Каждый день жизни этой женщины становится днем борьбы за выживание.

“Молюсь ежеминутно, — рассказывает она Петру Михайловичу в своих письмах. — Как бы мне умолить Господа, чтобы Он возвратил мне тебя — мою радость и счастье мое”; “Я всею душою стремлюсь к Богу”; “Я не забываю ни на минуту о Господе и Его законе христианском и боюсь всякого греха сотворить”; “В качестве певчей, по милости Божией, я стою на своем посту, как верный часовой”; “Много значит церковная служба для бедного народа, совершаемая с душой и горячею любовью к Богу и к народу”.

С верою во Христа, о которой она много пишет мужу, ей легче переносить тяжкие страдания, выпавшие на ее долю: “Господь сохранил меня и сохранил! Я верю глубоко в это! Да пошлет и тебе Он глубокую веру в мою неизменную любовь к тебе”. В другом письме она продолжает свою мысль: “Земное ничто не прельщает меня, ни к чему не привязываюсь, со всем могу легко расстаться. Только живу тобой и детьми, готова жить с тобою где угодно: где ты, там моя родина”.

В письмах этой простой русской женщины слышатся те же мотивы, что и в плаче Ярославны из “Слова о полку Игореве”: “родной сокол ты мой ясный, золотое солнышко!.. Хочется прилететь к тому месту, где находишься ты, вырвать тебя из этого ада и лететь с тобою к тихой мирной семье нашей, к тихому райскому счастью нашему, трудиться, работать вместе, радоваться на наших птенчиков”. В другом письме читаем: “Я не жду улучшения материальной жизни нашей, теперь все очень угнетены в материальном отношении, да и зачем стремиться к улучшению... Пусть будет так, как угодно Господу, только бы Он соединил нас вместе, а там тогда не так страшны страдания, лишь бы любовь со-

гревала наши сердца". Здесь вспоминается еще одна удивительная русская женщина, сподвижница мятежного протопопа Аввакума, жена его Петровна, готовая терпеть "до самых смерти", казалось, нечеловеческие их страдания.

И именно поэтому старшая сестра Петра Обыденного Мария Михайловна Устинова, хорошо знавшая Варвару Петровну, так и написала ему: "Я считаю ее великой героиней... Какая это глубокая натура, как она крепко верит во Всемогущего Создателя".

...С Марией Васильевной Хвалынской мы дружили четырнадцать последних лет ее жизни. Умирая, она завещала мне все свое собрание фольклора в надежде, что большая его часть все-таки увидит свет. Получил я и сверток с письмами, адресованными женой, детьми, родными, близкими, знакомыми в Каргополь Петру Михайловичу Обыденному. Он так и не вернулся после ссылки домой.

Письма написаны то убористым беглым почерком на случайных листках бумаги, то детским, ученическим, на страницах из школьной тетради. Иные из них были посланы сестре Петра Михайловича — Марии Устиновой, чтобы уже она переслала их в Каргополь. А та снимала с писем копию и в двух разных конвертах посылала брату в надежде, что хоть один из них дойдет до него.

Все эти письма интересны для нас еще и как ценный исторический источник, правдиво передающий атмосферу тревожных, суровых и голодных тридцатых годов. Они поражают своей жизненной правдой, и, думается, никого из читателей не оставят равнодушными.

Публикуемые в настоящем издании письма и документы, иногда отдельные выдержки из них расположены в хронологическом порядке. Орфография и пунктуация подлинников в основном сохранены.

Г.П. Дурасов

ПИСЬМА

От жены. 18 марта 1933 г.

О, родной сокол ты мой ясный, золотое солнышко!

Петя, Петюшка, отчего тебя нет сейчас с нами?.. Вчера не спала до двух часов ночи, детей купала, пол мыла, и сегодня так у нас чистенько, детки наши веселенькие. Евочка с Маней ходят своими ножками. И такие они пригоженькие. Они хорошо уже научились сами есть из маленьких белых блюд. А когда они ходят, как любо бывает смотреть на них. Маруся вперед Евочки начала ходить и стоять, а Евочка немного позже. Теперь они уж почти свободно разгуливают по комнате. Иля с Юрасей были на улице. Они так рады теплу. Ждут Пасху с нетерпением. Сейчас они сидят оба на лежанке, Иля читает "Историю Ветхого Завета" о сотворении мира*.

* Евочка (Женечка) и Маня (Маруся, Манюсочка) — дочери Петра Михайловича и Варвары Петровны Обыденных; Иля (Ильюша) и Юра (Юрася) — их сыновья.

О милый! Как жаждет душа моя о тебе, вся грудь изболела в тоске. Как несказанно была бы я счастлива, если бы ты вернулся к нам и был с нами. О, как мучительно думать, что тебя нет и вернешься ли ты сюда? Хочется прилететь к тому месту, где находишься ты, вырвать тебя из этого ада и лететь с тобою к тихой мирной семье нашей, к тихому райскому счастью нашему, трудиться, работать вместе, радоваться на наших птенчиков.

Милосердный Господи! Возврати наше прежнее счастье.

От жены. 7 апреля 1933 г.

Благовещение

О мой милый, родной, нежно любимый!

Какая тоска, какой кошмар кругом и у нас в караулке*: дым, чад, сырость и холод, беспорядок, грязь. Дети капризничают, меня раздражают.

Вчера утром пришла со станции, устала страшно, бухнулась в кровать и заснула. Проснулась усталая, девочки лезут ко мне на руки, плачут, а мне не до них — сердце щемит. То была надежда, что вас отпустят, а теперь встречать Пасху, при таком богослужении — это позор и наказание нам. Нет желания никакого идти в церковь, там нет души, там не чувствуешь близости Бога.

Многое я забыла спросить и сказать тебе, а так тогда не хотелось уходить от тебя, — так бы и стояла и смотрела все время на тебя, а ты, как нарочно, редко смотрел в окно этого гадкого противного вагона, в котором заперли тебя и не давали даже слова сказать тебе. Я беспокоюсь все время, не разговоровали ли у тебя сахар, который был сверху в мешке, а ты вовремя не прибрал его. Напиши, милый, обязательно об этом, весь ли он цел остался у тебя? Я выслала тебе все два килограмма, которые купила за тридцать рублей. Детям я оставила несколько кусочков. Понравилась ли тебе патока в махотке, вареная с молоком, тоже напиши.

Видишь, как встречали мы праздник Благовещения: в доме чад, дым, сырость и холод, и голод, а на душе тоска. Ты пинешь, что голодовка ведет к укреплению духовному. То — пост, а то — голод. Одно добывание питания иссушило меня, я уж все село обошла, теперь придется по другому разу надоедать людям. Ах, милый, как тяжело это!..

Вечером была спевка, но что все это в сравнении с прошлыми, под твоим управлением, спевками. Родной мой, неужели так все будет? Неужели не вернется прежнее хорошее, счастливое, вдохновенное пение. Без тебя некому воодушевить певчих. Прошло доброе время, неужели мы не заслуживаем возврата его, за что Господь гневается на нас? Господи, помилуй нас!

* Здесь — церковная сторожка.

От жены. 28 мая 1933 г.

Милый ты мой, золотко Петенька!

Как тяжело мне переносить разлуку с тобой, а тут еще и жизнь тяжелая, добывать все приходится с горькими слезами. Время, правда, летит очень быстро, так что задумываться некогда, а то можно бы было сойти с ума от всего сотворившегося.

С Рождества потратила все деньги, которые были, пришлось идти просто-напросто побираться. Со слезами ходила я в каждую избу и не могла выговорить ни слова. А вчерашний день задумала пойти в село Ситное (мне бабы советовали идти туда, хлеб там все пекут чистый), — вот где мне пришлось пролить слез. В нашем селе все меня знают и догадываются сами, зачем я пришла. Хлебца, правда, набрала, нам хватило бы его дня на два с лишним, и если ходить хоть через день, то можно жить. Вообще лучше работать самую тяжелую работу и зарабатывать себе на пропитание, чем просить милостыню. Я всегда имела большое желание оказать помощь нищим, а мне самой пришлось испытать это горькое положение, но все это я переживаю в надежде на твое, милый ты мой, возвращение к нам.

Недавнее твое письмо, родной, растрогало меня и обрадовало. Ты все время писал коротко и сдержанно, а это письмо мне было так приятно читать, будто сам ты был около меня. Когда со мною кто-нибудь есть из наших: мама или сестры, то я легче забываюсь. Но когда остаюсь одна, то плачу и плачу, милый, в тоске по тебе и за тебя.

Крошки наши растут. Иля хорошо читает, на днях прочел Акафист Воскресению Христову и говорит, что понять не понял. Юрасик чувствует себя хорошо. Маруся ходить стала как следует, Евочка на нее глядя тоже переступает. Они все не забывают тебя и зовут, а никак не дозовутся. Когда молимся, то девочки принимают участие. Вот на кого бывает в такой момент трогательно смотреть: они как будто понимают, что папа в неволе страдает и что им без него плохо. Их я часто заставляю молиться за папу, и вот они с таким усердием крестятся и кланяются, что просто без слез на них смотреть невозможно.

Петюша, я все время в поездках, в добывании пропитания для всех. Приедешь из Воронежа, не успеешь отдохнуть, приходится идти за добычей картофеля и хлеба, которого почти никто не подает, кроме некоторых родных. Променила твой один подстаканник за 26 фунтов муки и мы пропитались неделю, а потом опять без хлеба. Картошки едим пока досыта, но придется, вероятно, и без картошки жить. Но все в воле Божией.

Ты, родной, о нас не беспокойся и не тревожься, не расстраивай еще больше своего здоровья. Я только и думаю о том, чтобы ты поскорее возвратился к нам, молюсь ежеминутно. Как бы мне умолить Господа, чтобы Он возвратил мне тебя — мою радость и счастье мое.

От жены. 22 октября 1933 г.

Праздник иконы Корсунской Божией Матери

Бесценный голубчик, родной Петечка!

Ты пишешь о том, что переведен во II категорию и что собрать тебе денег на дорогу. Я, конечно, без памяти обрадовалась, что скоро увижу моего славного, доброго Петю! Прямо сама себе не верила, читая письмо. Пошла по селу вечером, на праздник Покров, обошла дворов десяток, набрала 6 рублей 50 копеек, да в двух дворах ржицы всыпали.

На другой день я была огорчена сомнением: Клава* получила от Коли** письмо, в котором он пишет о тебе, что ты в III категории. И вот я жду письма от тебя, думая, что, может, доктор ошибся, и не решаюсь ходить по селу, боясь, что окажусь обманщицей, говоря, что ты скоро вернешься. Уже целая неделя прошла, а от тебя ничего нет, и я не знаю, что думать и как быть? Только успокаиваюсь тем, что надеюсь, что до Москвы ты доедешь на те деньги, которые Маня набрала для тебя. И ты в Москве побудешь, пока я вышлю тебе еще.

О, Господи! Как трепетно и радостно бьется сердце при мысли, что вот-вот скоро я обниму дорогого, милого Петечку! Но как Фома неверный, мне все не верится в такое счастье, и я все думаю, что еще не заслужила его. Пиши, голубчик, скорее.

Ах, а вдруг все это ошибка! Вдруг после такой радости придется огорчиться, что не теперь ты вернешься, а еще ждать до весны. Все удивляются, почему от тебя нет до сего времени весточки.

Все мы целуем тебя и ждем с радостью и нетерпением. Спаси и сохрани тебя Христос.

Твоя Варя с детишками.

Е.П. Пешковой (Политический Красный Крест)

от П.М. Обыденного. 1934 г.

Глубокоуважаемая и милостивая помошница страждущих!

Обращаюсь усердно и спешно к Вашему человеколюбию и милосердию. Я, Петр Михайлович Обыденный, православный сельский псаломщик и регент-любитель церковного хора, подведомственный Митрополиту Сергию Горьковскому, был арестован Березовским районным ГПУ в селе Нелже, Березовского района, Воронежского округа Центральной Черноземной области, 14 ноября 1932 года, и затем по 58 статье, пункт 10 (политическая агитация),

* Жена о. Николая, находящегося в ссылке вместе с П.М. Обыденным.

** О. Николай, священник, ссылный.

пробыв несколько месяцев в дом-заке, в городе Воронеже, присужден был на 5 лет к вольной высылке в Северный Край, в город Каргополь, где и нахожусь по сие время.

Мне 45 лет от роду, я инвалид IV группы, по слабости сил и худому питанию — безработный. Пребываю в великой тревоге за свое бедное, несчастное семейство, состоящее из жены и троих малолетних детей: двух мальчиков семи с половиной лет и пяти с половиной лет и девочки двух с половиной лет. Жена моя не имеет совершенно средств к жизни и принуждена содержать себя и троих детей милостыней. Живет семейство мое в очень ветхом, холодном и сыром помещении — церковной сторожке, при температуре, падающей часто ниже нуля градусов. Дети ютятся на печке, которую часто нечем бывает испечь.

Начиная с Рождества Христова 1932 года и до нового урожая 1933 года семья оставалась без хлеба и питалась чрезвычайно плохо и скудно. Весною ходили в поле и выбирали там прошлогодние прелые картошки, сушили их и готовили похлебку. Страдания голода были невыносимы и оказали вредное влияние на душевное состояние жены и детей. Всех детей было четверо (в том числе две девочки-близнецы), но в сентябре месяце 1933 года одна из девочек умерла от голода и желудочных тяжелых болезней. Я боюсь гибели всей моей несчастной семьи.

Помогите, дорогая, добрая, чем можете. Исходатайствуйте мне, если возможно, помилование и немедленное досрочное освобождение из вольной высылки и возвращение к моему бедному, тяжело страдающему и гибнущему семейству.

Отношение мое к Советскому Правительству вполне покорное и уважительное: никакой агитации против Советской Власти я никогда не вел, не веду и не имею в виду вести, и если раньше позволял себе высказывать неудовольствие по поводу тяжелых налогов и общего тяжелого экономического положения народа при случайных встречах и общении с людьми, то в настоящее время осознал даже эту свою вину перед государственной властью.

О, спасите, дорогие, мое ни в чем не виновное перед властью, несчастное семейство. Если это письмо, эта мольба моя не может служить приложением к документам, научите, дорогая защитница наша, как мне поступить. Вечно буду благодарен Вам за Ваше милосердие.

П. Обыденный.

Адрес мой: Северный Край. Город Каргополь. До востребования, Петру Михайловичу Обыденному.

От сестры Марии Михайловны. Без даты.

Петечка, родной, я твое письмо отослала на имя отца Николая. Пусть простит за беспокойство. Шлем Вам от Господа Бога наилучшие пожелания с сердечным приветом. Не пошлешь ли ты, родной, это заявление Варина по почте в ГПУ. Варюше хотелось бы самой лично подать, приехав к тебе, но я не советую, так как зимой такое путешествие крайне опасно. Бросьте, дорогие, самобичевание, вы во всем не так виноваты, как вам кажется.

В уполномоченное представительство Севкраевого ППОГПУ
от гражданки Обыденной Варвары Петровны,
живущей в селе Нелжа, Березовского района,*

П о р у ч и т е л ь с т в о

В 1932 году, 14 ноября Березовским отделом ГПУ был арестован гражданин Петр Михайлович Обыденный и, пробыв в Воронежском домзаке пять месяцев, был административно выслан в город Каргополь, где находится в настоящее время.

По распоряжению Севкраевого ОГПУ такие административно высланные нетрудоспособные, как гражданин Петр Михайлович Обыденный, могут быть отпущены досрочно, под поручительство.

Я, Обыденная Варвара Петровна, являюсь ему, Обыденному, родственником и желаю дать свое поручительство перед Северным Краевым ОГПУ и в свою очередь прошу отпустить Обыденного Петра Михайловича под мое поручительство досрочно, как нетрудоспособного, который от роду имеет 45 лет... в чем и расписываюсь собственноручно.

*Начальнику Каргопольского Районного ОГПУ
от административно-высланного псаломщика
Обыденного Петра Михайловича*

З а я в л е н и е

Ввиду крайнего истощения моих сил на почве скудного и беспорядочного питания милостыней (посылок и денежной помощи ниоткуда не получаю); ввиду неспособности моей к тяжелому физическому труду и невозможности содержать себя и кормиться личным трудом, прошу Вашего содействия к немедленному моему досрочному освобождению, чтобы прекратить бесполезное и даже вредное паразитическое существование.

* Пересыльный пункт Отдела Государственного политического управления.

Я инвалид IV группы, но по своему крайнему слабосилию стою ниже III группы и считаю себя кандидатом II группы, хотя мне всего 46 лет. Необходимость содержать себя милостыней оказывает на меня угнетающее моральное и физическое действие.

Вот уже полтора года, как я лишен свободы. Постоянная скорбь в разлуке с семейством, состоящим из жены и троих малолетних детей, и постоянная тревога за них, лишенных всяких средств к жизни, отнимают у меня последние силы.

Подобное же заявление мною подано в ЦИК 7 марта сего года. Отношение мое к Советскому правительству было, есть и будет глубоко уважительным и лояльным.

Если когда-нибудь с моей стороны и была какая-нибудь вина перед Советским правительством (по статье 58, пункт 10), то я давно ее искупил своими продолжительными страданиями в тюрьме и бесчисленными лишениями в ссылке.

Место моей службы и жительства: Центральная Черноземная область Воронежского округа, Березовского района, село Нелжа, куда усерднейше прошу меня и возвратить.

Петр Обыденный.

От сестры Марии Михайловны. Без даты.

Дорогой, родной Петечка. Копию, голубок, с этого Варюшиного письма я тебе отослала. Теперь посылаю подлинник, а другую копию с другого письма отправляю на имя отца Николая. Крепко поблагодари его за письмо к нам. Он, дорогой, так утешил нас своей весточкой, так тронул вниманием, спасибо ему доброму, хорошему. Постараюсь и сама писать ему. Вот только крепко жалею, что нет моей силенки помогать вам обоим, бедные вы, горькие. Но, слава Богу, что Дух Божий живет в вас. Я все больше и больше поражаюсь таланту Варюши писать письма, да еще такие душевные, любящие, горячие. Все это, конечно, и молодости надо приписать. Она еще и философ. Большая, бедняга, труженица. Бог ей помог во всем!

От жены. Без даты.

Прости, милый, что так долго не исполняла твоей просьбы. Да и теперь посылаю ноты, которые ты и не просил, но думаю, может, что и пригодится. А опять-таки думаю, зачем отсылаю, ведь, может, скоро вернешься.

Из продуктов пока только картофельной муки тебе посылаю. Еще, Петя, отсылаю тебе фотографию Петровны. Она просила, чтобы ты нарисовал ее, она и заплатит.

Прошла со дня получения твоего письма почти неделя, а я пока не приступала к занятиям по Церковному уставу. Предстоит еще искать эту книгу в

корзине, а корзина стоит у нас в сених. В понедельник книги приводила в порядок. Дети ужасно треплют и пачкают книги, когда смотрят картинки, которые очень любят разглядывать, и жаль отнимать у них это утешение, которое может и пользу им принести.

Ты описываешь свое страдание от того, что не можешь сказать мне о том, что любишь меня. Я прослезилась, читая это письмо, и целый день думала, осчастливила ли я тебя или еще больше прибавила тебе муки и страдания своим грубым характером. Но все то, чем доставляла я тебе страдания, происходило не из нелюбви к тебе, а по моему детскому неразумению и неопытности. Я и теперь, наверное, причиняю тебе страдания, ведь вот до сих пор не присылаю нот.

Друг мой, Петя! Не обижайся на меня за это. Я радостно стараюсь сделать все для тебя. Переписывала недавно канон и величание к Сретению, и задостойник*, еще отобрала все ноты, которым, думаю, ты будешь рад и по ним можешь петь с твоим новым хором. А у Дмитрия Ивановича** как-то спросила что-либо переписать для тебя, так он все говорит: "Зачем вы ему будете посылать, теперь скоро он домой вернется".

Завтра Иля напишет тебе, Юрася еще в субботу написал. Он уже знает, как писать скорописные буквы, но еще плохо читает. Прочтет тогда слово, когда разберет по буквам.

Лампа у нас горит хорошо, особенно после коптилки. Этот свет лампы со стеклом кажется очень ярким, но мы не всегда ее зажигаем, а когда Иля читает или пишет, да когда Богу молимся.

Петечка, радость моя! Мне кажется, что я бы с наслаждением стала служить в церкви псаломщицей. Еще будучи девочкой, мне как-то пришлось служить в обедню, да и пока в качестве певчей, по милости Божией, я стою на своем посту, как верный часовой, несмотря на страдания свои, и думаю, что никогда не покину этого поста. Ты счастлив, что тебя родители воспитали в религиозном духе, так же и я счастлива этим. И еще счастливее, что ты муж мой — необыкновенно религиозный человек, твердо убежденный! В этом все мое великое счастье и моя любовь к тебе! Еще в первом моем письме к тебе, после твоего объяснения мне, я писала, что твоя сильная вера в Бога укрепит и усилит веру во мне. И я оказалась пророчицей сама себе. Господь сохранил меня и сохранит! Я верю глубоко в это! Да пошлет и тебе Он глубокую веру в мою неизменную любовь к тебе.

* Ирмос 9-й песни канона, который поется в церковные праздники на литургии вместо "Достойно есть".

** Регент.

От сына Ильюши. Без даты.

Дорогой Папа!

Сейчас утро, на дворе идет снежок. Все время таял снег и были большие лужи, я всегда приходил весь мокрый.

На Крещение я не ходил в школу, я сам сделал себе выходной. А на Рождество нас распустили на 11 дней.

Против коптилки наша лампа хорошая, вроде электричества. Когда мы вечером ее зажигаем, то становится весело, даже проходит весь сон.

От жены. Без даты.

Милый мой голубок Петечка!

Слезная просьба у меня к тебе, не откажи. Помнишь стихи свои, посвященные мне. Жаль, что их нет у меня, их ведь тогда забрали с тобой вместе. Браню себя, что не выучила на память. Надеюсь, что ты хорошо их помнишь и напишешь.

Петя! Если бы ты поскорее вернулся к нам, истосковалась ужасно по тебе, притом писем нет уже два месяца. Петечка, родной, голубчик мой! Или уже ты за что обижаешься на меня? Не обижайся, я всею душой стремлюсь к Богу. Тебя люблю бесконечно глубоко и свято! Сердцем болею и страдаю в разлуке с тобой, часто плачу, часто молюсь за тебя, за твоё здоровье и возвращение к нам. Родной, жду с нетерпением твоего возвращения, чтобы с тобой трудиться над воспитанием детей. А без тебя мне тяжело невыносимо.

Пишу тебе, а батюшка ужасно стонет от боли, у него колят бока, спина. Ужасно страдает, жаль его, и невозможно ничем облегчить его страдания. Может, и умрет, давно уже болеет, больше двух недель, служит через силу. Я ни в чем ему не помогаю, ни словом, ни делом, стесняюсь ужасно, не знаю, и как слово вымолвить. Он все Евочку ругает за ее крик. Он нервный человек, курит беспрестанно. Евочка, по его словам, делается все хуже, но, как мне кажется, она славная девочка: такая говоруха стала, смышленная, уменькая, но частенько капризничает.

От сына Ильюши. Без даты.

Спасибо всем, кто посылает нам денег на хлебушек. А ты, папа, береги себя, свое здоровье и свои силы для нас. Мы хоть немного поживем с тобой вместе, а то совсем почти и не помним тебя. Так что ты больше о себе беспокойся, чем о нас. Нас Господь бережет для тебя, чтобы ты увидел нас живыми и здоровыми. Для мамы себя побереги, а то она очень скучает без тебя. А она любит тебя больше, чем мы.

От сестры Марии Михайловны. 17 марта 1934 г.

Прости за рваные носочки, но все же пригодятся в непогоду. Кое-что еще хотелось положить из крупниц, да наша почта больше восьми кило не принимает. Может быть, Господь поможет еще как-нибудь собрать посылочку. Болит душа, что ничего не могу для тебя сделать.

От крестника Димы. 17 марта 1934 г.

Дорогой дядя Петя!

Вчера получил от мамы письмо с твоим адресом, деньгами, предназначенными тебе, а также с высказыванием намерения послать посылку вашим близким воронежским мученикам. Это самое я считаю более удобным сделать. Деньги послать сейчас считаю нецелесообразным — тетя Маруся* не дает точного адреса.

Я приехал сюда 18 января 1934 года проездом через Москву. Устроился здесь в Институт инженеров промышленного транспорта. Чрезвычайно трудно догонять курс по некоторым предметам.

Поскорее сообщите Ваш адрес и все нужды, все, что смогу, с великим удовольствием сделаю.

От жены. 27 марта 1934 г.

С преддверием великих праздников поздравляю тебя, бесценный Петечка!

За нас, милый, радуйся. Мы все живы и здоровы. У нас уже весна, снега почти нигде нет, река разливается. Один день как-то было очень тепло, и я долго сидела на солнышке раздетая, а около меня прогуливались наши птенчики Юрася и Евочка. Я сидела и плакала, вспоминая Манжорочку-детку, и как мы мучились от ужасной голодовки.

Я писала, что заболела, рада была немножко похворать, да Бог милует, здоровье посылает. Прихворнула, да опять как ни в чем не бывало. Горюю, тоскую, а есть захочу — и ем, а рада была бы не хотеть ничего кушать. Вчера прибирала в порядок из корзины книги и так увлеклась этим, что не захотела обедать.

С Илей ничего не могу поделать — убегает играть с ребятами. Обут в присланных твоих туфельках, и приходит мокрый. Каждый раз предупреждаю его, чтобы он не ходил, но он, когда я уйду куда-нибудь из дома, убегает. Один раз оставила его без ужина, но не подействовало. Юрася и Евочка каждый день гуляют около дома. Евочка очень любит гулять, и всегда просит одеть ее в "пато". Илю зовет — "Ию", а Юрасю — "Ия". Спросишь у нее:

* М.М. Устинова.

“Скоро папа придет?” Она говорит: “Да”. “Как будешь обнимать и целовать папу?” Она обнимает и целует меня. И всегда, глядя на Евочку, сердце сжимается при мысли, что была у меня еще такая же крошечка Манюбочка. Деток ты своих и не узнаешь, они большие стали.

Певчие все уже невесты, вспоминают тебя, особенно теперь, когда подходят великие праздники. Вчера и сегодня была спевка, готовимся к праздникам. А как, голубок, грустно встречать праздники без тебя, мой свет! Так бы и улетела к тебе, чтобы вместе с тобой радоваться радостию великою.

Целую, милый, тебя и крепко обнимаю.

От жены. 10 апреля 1934 г.

Христос воскрес, родной голубок мой Петя!

Как-то ты там встретил великий светлый праздник Воскресения Христова?

Напишу о себе. В субботу ходили к заутрени с Ильешей. Ах, если бы вы с Колей служили бы в этот день, какая бы была торжественная служба Великой субботы и Благовещения. Весь народ очень тоскует по тем хорошим службам, и все рады бы были возвращению вашему. Много значит церковная служба, для бедного народа, совершаемая с душой и горячею любовью к Богу и к народу, а не по обязанности, — только б отслужить.

Разговлялись мы, родной Петечка, вот как. Служба отошла, было еще темно, стали ожидать батюшку, чтобы он освятил нам куличи. Пришел батюшка, пропел “Христос воскрес” и похристосовался с нами, освятил куличи. Один я испекла ржаной, а другой — пшеничный. Мама дала муки, привезла из Воронежа. Кислый был ужасно, хотя поесть поели. По одному яичку съели, разговелись. Пасху не из чего было сделать, нигде не раздобыла творогу, и вот придумала сварить молочный кисель. Хотелось ради деток устроить праздник.

Петечка, милый, родной. Часто я смиряюсь, терплю. Но как не тосковать мне, как не унывать, когда я так сильно люблю тебя и так сильно мое желание быть опять вместе.

М.М. Устиновой от В.П. Обыденной. Без даты.

Христос воскрес, дорогие родные!

Целую всех вас и обнимаю, всегда преданная вам Варя с детками.

Милая, золотая Маня! Все обременяю вас своими просьбами. Перешлите открыточку Пете. Я послала ему открытое письмо, поздравления с праздником, написали и дети. Но боюсь, что может не дойти и Петя в праздник не будет утешен нами.

Ужасно беспокоюсь, не получая от Петечки ни крошечной весточки. Мысли самые ужасные приходят в голову, и я нестерпимо болею душой и

сердцем. Нет ни сил, ни слов описать мою тоску за Петечку и страстное желание скорее увидиться с ним и успокоиться.

Холод стоит ужасный, река разлилась сильно. Сегодня ждала маму, но ветер и холод их не пустил, — через реку опасно. Кончаю писать, родная, и больше бы написала, но Евочка плачет, не дает писать.

От жены. 1934 г.

Среда Светлой седмицы

Милый голубок, Петечка, Христос воскрес!

Получила твое письмо, рада была несказанно, читала и перечитывала шесть раз. И теперь опять жду еще нового письма, ведь это уже давнее, пять недель прошло с тех пор, как ты его написал.

Посылаю тебе две посылки: одну на Колю, а другую на тебя. Посылаю на Колю сухари и кусочек хлеба. В другой пшеница, рису, песочку и сахарку немножко, освященный маленький куличик. Хотела и яичко прислать, похристосоваться с тобой, но Евочка съела два яичка и за твое здоровье.

Долго думала, в чем послать тебе посылочку. Корзиночка эта так была мне дорога, потому что она приехала от тебя. Я в ней хранила твои письма. Но кроме нее совершенно было не в чем.

Теперь денег у меня осталось два рубля с копейками, а мука стала дорогая — рубль двадцать восемь копеек пуд, а пуд мы тратим на две недели. И вот на этот раз не купила никаких круп, кроме муки.

От сына Ильюши. 1934 г.

Четвертый день Пасхи

Здравствуй, дорогой папа, воистину воскрес! Письмо твое получили и очень порадовались, потому что долго не получали от тебя писем. Снег давно уже растаял, и речка тоже давно разлилась. Долго было холодно, но теперь стало тепло, даже жарко.

П.М. Обыденному от певчих

Д.И. и П.А. Голубевых. Без даты.

Многоуважаемый и дорогой Петр Михайлович, здравствуйте!

Уведомляю Вас, что письмо Ваше получил, сердечно скажу Вам, что очень был рад и в то же время опечален. Я думал, что Вы сами заявитесь к Светлому Христову Воскресению, а ошибся. Если Вы пишете о тех счастливых днях и торжественных службах, когда мы были все вместе, то теперь, дорогой Петр Михайлович, этого нет. Все торжественные службы прошли тускло: в Великий Четверток даже не было стояния. А как мы было приготовились, "Разбойника" на спевке когда пропели, то у меня мурашки забегали по

всему телу, и ручаюсь, если бы Вы послушали со стороны, то и с Вами случилось бы то же.

Скажу Вам, что эти великие праздники прошли по пению хорошо. Только плохо без теноров. Пасхальные стихиры "Да воскреснет Бог" пропели без тенора, это прошло сносно. В дискантовой партии теперь вся опора на Полю Кудряшову*. Она стала петь смело, выходит петь перед Царскими дверьми. Я ее выучил "Отче наш", нашел в Ваших тетрадках.

Когда же Вы вернетесь из своего заточения? Неужели и к наступающим праздникам не приедете. Если бы Бог послал, какое бы торжество и какая несканная радость была для меня и для всех прихожан. Они все спрашивают.

Насчет питания — не завидно, в деньгах недостаток, живем впроголодь.

От жены. 29 апреля—1 мая 1934 г.

Милый, дорогой голубчик Петечка!

Как я обрадовалась, получив твои письма, писанные в Вербное Воскресенье и в Великую Пятницу. Ты, вероятно, болел от желудка, и у меня сердце очень болело эти дни. Значит, сердце не даром страдало за тебя, ведь как ты мучился, я представляю, и в эти дни особенно болело сердце. Ложившись спать, я плакала каждый день, а потом не так стала убиваться, успокоилась.

Ах, родной Петя. Я смирилась со своим положением, но вдумаясь: года уходят, силы, молодость также, а хорошего ничего не видишь, не слышишь, не делаешь и не можешь сделать.

Работаю без отдыха с самого понедельника: копаю и сажаю. Картофель посадила, морковь, фасоли много, и уж всходит. И еще все продолжаю копать луг, буду там еще тыкву сажать. Спешу, чтобы побольше вскопать, и потому откладываю все остальные дела.

Настроение у меня сегодня спокойное стало, а то в воскресенье плохо чувствовала себя. Я очень требовательна к жизни, к людям, к себе и через это все делается для меня беспокойным. Жизнь сама по себе хороша, но люди испортили ее и сделали уродливой, чудовищной, через бессердечие людское. Мне хочется понять, почему я часто чувствую какую-то апатию к жизни и жизнь всех людей делается мне противной и самой уж нет желания жить.

Мы все: Иля, Юрася и Евочка — христосуемся с тобой.

От жены. 18 мая 1934 г.

Милый, дорогой Петечка!

Пишу в Воронеже. Вчера был праздник Вознесения Христова. Была у обедни в Успенской церкви, служил архиерей, было очень хорошо мне в

* Певчая.

церкви. Молилась за тебя, родной. Певчие хорошо пели, но больше простые вещи.

Последнее время чувствую какую-то легкость в голове, легко петь и пою. Иногда Ильюша поет, и мы вместе поем, что он знает: он дискантом, а я вторю. Голосок у него такой звучный. Но нетерпеливый он очень стал, если станешь учить его новой вещи, так он хочет сразу ее петь и врет, конечно, а стану поправлять его, так он бросает петь и говорит, что это он не умеет и не будет.

Напиши, как твой голос, как поешь, как регентша находит твоё пение и как поступил в хор: просил ли тебя принять, или тебя пригласили? В этой посылочке посылаю тебе, родной, белые сухарики от именного юрасинового пирога. Все мы срезали от своей части. Я отрезаю и говорю: "Это я папе пошлю". Юрася тоже: "И я папе отрежу". Евочка тоже: "И я папе". Только Иля один не отнял от себя ни крошечного кусочка — сильно он себя любит. Мне было очень неприятно. Он так всегда жадуёт, никому не даст, а Юрася — это удивительный мальчик, добрый, меня любит и обо мне заботится. Я, уезжая в Воронеж, испекла пышечек и разделила всем по пять. Так Юрася даёт мне две и говорит: "На тебе, мама, на дорогу". Так тронул он меня своей заботой.

Иля один раз поймал живые рыбки, взяв у какого-то мальчика маленькую удочку. И вот у него появилось страстное желание ловить рыбу и кормить ею нас.

В огороде все взошло. Плохо то, что стоит засуха больше месяца.

От жены. 30 мая—10 июня 1934 г.

Бесценный, милый голубчик Петечка!

Кажется, я ещё не сообщила о получении от тебя четырех рублей — подарок Юрасику. Получила их, приехала из Воронежа после Вознесения, к Николе купила молочка. Спасибо тебе за заботу о нас, ты ведь сам недоедаешь, моришь себя.

Завтра иду в Рамонь подавать розыск по квитанции на двадцать рублей, которые послала тебе под Пасху, — до сих пор не знаю, получил ли ты их.

Думаю ещё купить там патоки, она стоит пять рублей пуд, и вот будем пить чай. Сегодня последние испекла хлебы, весь источник мой кончился, думаю уж, я неразумно потратила так скоро деньги, но кроме хлеба совершенно ничего не покупала. Думаю, что хлеб плохо сэкономила, много ела. Теперь ведь никто досыта не ест, посмотришь — кругом все голодные. Рад бы их накормить досыта, душа болит.

А я все-таки после голода стала ещё скупее, боюсь, что опять так же придется голодать. Часто у меня является полное равнодушие ко всему земному. Часто находит на меня разочарование в жизни — правду истинную людям доказать очень трудно.

От Веры Федоровны* получила сорок рублей. Теперь думаю идти в Усмань покупать хлеб, а то поедим последний, а больше нет. В Воронеже коммерческий рубль пятьдесят кило печеный, в Усмани на базаре можно купить муку пятьдесят рублей и пятьдесят пять рублей пуд, и рожь сорок рублей пуд. Было дешевле, но теперь подорожало.

Ноты у Дмитрия Ивановича никак не засмелюсь спросить. Теперь уж спевок нет и петь не поем по воскресным дням и маленьким праздникам. Священник у нас теперь другой, тот умер в больнице, здесь его и похоронили. Жаль: бедный, одинокий он, есть у него в Москве жена и дочь, и еще два сына. Но он всегда жаловался, что ужасно одиноким чувствует себя. Этот другой батюшка еще в тысячу раз хуже того, который умер. И служит — не разберешь у него ничего. Ах! нет у нас истинных пастырей.

Караулку обмазали и обелили, так что сейчас такая белизна и чистота. Там будут жить батюшка с матушкой и Захар Павлович**.

Петечка, пиши письма, а адрес пусть кто-нибудь тебе напишет, как вот Коля делает, — от него и получали письма.

Вчера одна женщина пришла к нам и сказала: я радость вам принесла, батюшка наш, отец Николай вернулся, в Воронеже его видел какой-то их очень хороший знакомый, ждите, нынче вечером приедет. Мы так обрадовались, ведь она уверяет. И я тоже думаю: раз Колю отпустили, то, значит, и тебя...

От жены. 16 июня 1934 г.

Светик дорогой, Петечка!

Как ты, милый, чувствуешь теперь себя? Ничего ты о себе никогда не пишешь. Почему? Неправды писать не хочешь, а правдой боишься меня огорчить, ввести еще больше в тоску за тебя. Чувствую я себя очень хорошо. Душа у меня лучше стала: земное ничто не прельщает меня, ни к чему не привязываюсь, со всем могу легко расстаться. Только живу тобой и детьми, готова жить с тобою где угодно: где ты, там моя родина. Хотя вот теперь сердцем волнуюсь, боюсь очень голода. Последнюю муку доедаем, кроме нее ничего уже нет. Картофель теперь только в щи кладем, а варить не варим, но это еще большая милость в сравнении с прошлым годом. И новый картофель вот-вот будет, уже завязывается. В огорожке у нас растет все не по дням, а по часам. Так отрадно делается на душе, когда видишь, что труды не даром прошли, и если возьмемся за что с Божией помощью, то и проживем с радостью. Часто смущают меня мысли: для чего я живу и вообще все люди, — чтобы есть, пить, спать, а во всем хорошем, высшем не про-

* Жена брата Варвары Петровны.

** Служащий в храме.

являть действия. Постыдным кажется такое положение. Пишу неважно, но ты хоть немного будешь представлять, какими мыслями забита бывает моя бедная головушка.

От жены. Без даты.

Милый Петя!

Ты просил сняться нас, но я все никак не соберусь. У Матвея Григорьевича* фотографический аппарат с прошлого лета. Жаль, что тогда не снялась, он, кажется, недурно снимает. Давно собираюсь к нему. Как в праздник будет погода и тепло, то постараюсь пойти.

Нравственное состояние мое не очень хорошее, все я не довольна чем, все мне не хватает чего-то. В будни, правда, в работе забываюсь и рада работе. Посадила много добра в огороде: фасоль, мак, анис, свеклу, морковь, тыкву, огурцы, лук... Капусты и баклажанов много, — если уродится, то можно послать к зиме много. Через неделю, пожалуй, уж будут картошки молодые. Мы пока все еще старые едим, Таня спасает нас своими, но уже мало осталось, да и чуть потерпеть до новых, не как прошлый год томились — если бы было ведро картошек, так это целое богатство. Но я довольна очень, что ем хлеб и картофель, для меня этого достаточно, не желаю чего-нибудь вкуснее, а лишь бы не хотелось. Но, все-таки, люблю покушать досыта.

От жены. Без даты.

Дорогой роднусик Петя!

Я в Усмани сдала тебе посылку, получила два твоих письма. Была в соборе у поздней обедни, попала к “Иже херувимы”. Мне понравилось: возбужденная, легкая и задушевная мелодия, пели ее быстро, не, как “Тебе одеюще-гося”, остальное все простое.

После обедни подошла к регенту спросить ноты, какие ты ему давал. Он обещал другой раз, когда я буду в Усмани, передать мне, они на дому у него. Напиши, какие ты ноты ему давал, я думала, что Троицкий канон, а он говорит, что нет. А мы на Троицу бедствовали без канона. Я искала, искала, а теперь думаю, что он, может, у регента Покровской церкви.

Милый, не брани меня, что нот не посылаю, тебе эти тетради нужны, камертон нужен, не знаю, что ты будешь делать без камертона? У тебя, вероятно, нет бумаги для писем?

Растеряла совсем свою память, или уж Бог наказывает меня за мое нерадение о духовной пище. Правда, родной, я не забываю ни на минуту о Господе и Его законе христианском, и боюсь всякого греха сотворить, стремлюсь к

* Житель соседнего села.

святости, но ум свой не напитаваю чтением духовных книг. Сердце болит у меня об этом, но никак не налажу взять за правило чтение.

Беспокоюсь очень за свою посылку, главным образом за огурцы, во что они превратятся, пока дойдет посылка. Молюсь Господу и Великомученику Георгию (я и в соборе стояла перед Его иконой, чтобы все дошло благополучно и доставило тебе удовольствие и утешение).

Не знаю, родной, писать ли тебе о было не случившейся со мной большой беде. На Манины именины я пошла в Глушицу за мамой, чтобы она шла в Усмань. И вот решила искупаться и, повязав свой костюм на голову, переплыть на тот берег и поскорее сбегать. Но надо же было случиться несчастью: поплыла на лопухи, думала, там мелко, а там глубь, а выплыть из лопухов оказалось делом трудным. Запутавшись в них, я стала выбиваться из сил и тонуть. Что делать? Стала кричать о помощи, но мне казалось, что голос мой совсем слаб. Раза два ныряла с головой в воду, страх смерти не пугал меня, а страх за бедных деток. Чудом очутилась я на спине и почувствовала себя легче, стала выбираться из лопухов, смотря на небо. Перед глазами было легкое белое облачко, я молилась и вот выбралась из лопухов, перевернулась и доплыла до берега.

От жены. 11 июля 1934 г.

Заметил ли ты, родной Петя, в какой знаменательный день ты писал это радостное письмо. Вероятно, да, потому что у тебя стоят три восклицательных знака. В этот день вечером ты передал девять лет тому назад первое письмо о своем чувстве ко мне. И вот этот день опять знаменуется хорошим радостным известием твоим.

Все еще продолжаю ходить на работу в лесхоз. Десять дней уж проработала, получу за них двадцать пять рублей. Завтра опять пойду, и вообще буду ходить, пока есть работа. Сначала пололи картофель, а теперь просо, а там еще работы хватит.

Приходила и все ждала от тебя письмо, и вот вчера прихожу, и пошли с Юрасей и Евочкой на реку купаться. Подходя к дому, Юрася говорит: "Мама! Папа письмо прислал!" Я бегом побежала в дом. Ждала, что и как тебе на комиссии решено, ведь Коля писал, что тебе уж была комиссия.

Сегодня сорвала один первый маленький огурчик и Юрася с Евочкой уже съели. О поскорее, милый, приезжай к нам, всяких овощей у нас будет в изобилии, и все свое.

Петечка, ты пишешь, что я раньше как будто скрывала что-то от тебя, вообще неоткровенная была с тобою, и что мне хотелось лучшей, обеспеченной жизни... сметанки и маслица. Нет, в этом я мало была недовольна, больше всего мне хотелось большего проявления твоей любви. Часто высказывала я, что ты меньше меня любить стал, реже уделяешь мне внимание, и только в этом у меня было недовольство. Сердце мое чувствовало твое охлаждение ко

мне. Но, незабвенный любимый Петечка, не омрачай свою жизнь такими ужасными мыслями никогда! Верь моей душе, которая не выносит лжи ни в чем.

От сестры. 23 мая 1934 г.

Дорогой Петечка!

Посылаю Верочкину посылку, о получении, пожалуйста, сообщи нам обоим. Сухари, чуточку крупиц в двух малюсеньких сумочках, кусочек мыла, капельку сахару и чуточку конфеток. За носки не брани — старые починила, а толстые годятся в сапоги. Маня собирается выслать тебе немного денег. Будь здоров.

От жены. 11 июня 1934 г.

Получила вчера от тебя деньги, четыре рубля. Дорогой Петечка, спасибо, но все-таки и браню тебя, ведь ты у себя последние крошки отнимаешь. А мои двадцать рублей никак не дойдут до тебя. А вот которые я посылала тебе до востребования, тоже двадцать рублей, может быть, ты о них не спрашиваешь, потому что не получил моего письма, в котором я писала, что послала.

Как получишь мою открытку, пиши ответ открыткой. И напиши, получил ли Коля* посылку от мамы. Что-то от него нет ответа. Не тоскуй, что долго не получаешь писем, ты же представляешь, как их много пропадает, так что нет никакого желания писать без пользы. Пишешь, трудишься, хочешь поделиться с далеким другом, хочешь утешить, успокоить, а в результате не достигнешь желаемого. Часто есть многое, что написать, но нет желания изливать эти мысли, которые не дойдут до родного, дорогого друга.

От жены. 12 июля 1934 г.

Только вчера отправила тебе письмо, милый Петя! А сейчас, придя из Глушиц, хочется поделиться с тобою впечатлениями. О, как много страдания людям на земле! Как плохо живется всем.

Вчера получила от тебя письмо с радостным известием о скоро приближающемся нашем свидании. Начало твоего письма так радостно, как будто бы ты уж едешь на днях и вдруг — май 1935 года. Огромная радость превратилась в огорчение: далеко еще, я ведь каждый день жду тебя, и дни эти текут, текут, как вода, а тебя все нет.

Ты пишешь: не буду ли я ревновать, если ты заедешь в Москву. Лишь бы ты вернулся, а я буду радоваться, что для тебя будет приятно увидеться с родными, которых и я люблю, как и ты. Может, нужно будет подыскать тебе там местечко, чтобы поступить на какую-нибудь службу, подходящую к твоим силам. Лучше уж тебе отдохнуть, а мне куда-нибудь поступить. Я не представ-

* Отец Николай.

ляю, что в твоих планах, поэтому пока об этом не задумываюсь. Многое только наводят на такую мысль, что это необходимо для существования детей. Например, священник, который служит у нас теперь, как мне высказала его матушка, думает, что это я тебя удерживала в Нелже, как родном своем селе. И через это ты с таким умом и образованием оставался, так как ты мог бы иметь очень большой успех и в городе, и в любом более богатом селе с приходом. Все смотрят с материальной точки... Но приходится иной раз и задуматься, переживши прошлый ужасный год. Многое значит материальная сторона, когда есть семья, детки, которых жаль и перед которыми чувствуешь себя виновными, произведши их на свет и не смоги дать им самого необходимого.

Конечно во всем воля Божия. Твой взгляд на жизнь успокаивает меня, теперь-то без тебя в этом отношении мне очень трудно, в письмах всего не опишешь, и много вопросов остается неразрешенными. И тебе трудно представить, как и мы теперь живем.

Я вот все думаю, что скоро потратила те Люсины десять долларов, лишнего ничего не покупала, даже вот тебе крошки не уделила из них. О детках очень сердце болит, по тебе — еще больше: ты уж теперь в III группе инвалидов, значит, ты плох...

От жены. 24 июля—7 августа 1934 г.

Дорогой Петя!

Много хочется возразить тебе за твое письмо насчет занятия с детьми. Боюсь только, не точно выражу свои мысли в письме и ты не поймешь меня, а только огорчишься и, как всегда, будешь думать, что это недостаток моей любви к тебе и мое непослушание. Конечно, словами не докажешь никогда, что любишь и что хочешь слушаться каждого малейшего приказа или просьбы и исполнять, но надо считаться с обстоятельствами и положением другого.

Я знаю и сознаю, что во многом не делаю так, как ты меня просишь, учишь и молишь. Я знаю, что я гадкая, дурная, строптивая, непокорная и что со мной жить невозможно, — никому я не даю счастья. Пусть я дурная, пусть я гадкая, черствая, неблагодарная, неразвитая, грубая, а сейчас дерзкая. Но я хочу быть хорошей, обладать всеми качествами высшей добродетели и никогда не думаю, что достигла, а оказывается, что нет, и я теряю под собой почву, совсем разочаровываюсь в жизни.

Петя, прости меня, я ничего не делаю, я только думаю о себе, о своем покое, о своем счастье. Голова забита только добыванием пропитания. Как бы самой не сделать ошибки, промаха, не потерять минутки, даже секундошки, чтобы поднять колосок ржицы на пропитание. Считать каждый кусочек, каждую картошечку для того, чтобы дети не кричали, не просили есть, и беречь все это для них, не давая никому другому. Я чувствую, что я не о детях забочусь, а о себе, становлюсь сама себе противной. Но что мож-

но поделаться: у меня сейчас гадкое состояние, нервы взвинчены. А чем — непорядком жизни, непорядком в комнате, непорядком в голове. А тут твоё письмо с просьбами. Не представляю, исполню ли их. А тут горячка, рабочая пора, которую нельзя упустить ни одной секунды, пока мороз не скуёт землю, — тогда лишь наша совесть успокоится. Мы не пропустили ни одного денька, чтобы не сделать что-нибудь для своего существования. Все бросили: порядок в доме, вовремя обед и завтрак, а уже о чистоте в доме говорить нечего.

Не помню, родной, какого числа писала тебе это письмо. Сегодня 30 июля, воскресенье. Прости, милый, если оно покажется тебе обидным, такое уж у меня было тогда состояние. Теперь все прошло. Только сделаю тебе замечание: ты судишь односторонне и видишь больше плохого, чем хорошего, что есть во мне. Замечаешь дела, которые я не делаю по просьбам твоим, и не видишь дела, которые я сделала и делаю из любви только к тебе. Ведь из любви я соединила свою жизнь с твоей и разделяю и радость, и горе, и страдание. Разве стала бы я так мучиться и терпеть, если бы не любила тебя.

Письма, в которых я изливаюсь о своей сильной любви к тебе, писаны все под настроением. В плохие минуты я уж и не берусь почти за перо.

Сегодня решила было пойти взять ноты у Дмитрия Ивановича, но раздумала. Один раз я спрашивала, и он сказал, что они в церкви прибраны в алтаре. Я подумала, что, может, лучше, если они так и будут до твоего возвращения. Ведь Сам Господь охраняет их, а я смогу не угадать, чтобы они были в порядке.

Мне одной приходится и по дому хозяйничать, и за детьми, и за топкой, и за пропитанием. Многочисленных забот, да еще в такое трудное, тяжкое время, когда рабочий мужчина не в силах пропитать свою семью, а уж не то сравнить еще меня беспомощную, слабую.

От жены. 2 августа 1934 г.

Всегда приходится писать тебе вечером, родной Петечка! Долго не ложусь спать: что-нибудь делаю, спать долго не хочется. Люблю я летнюю ночь, тихую, теплую, звездную, вот, как сегодня. Я долго, помолясь Богу, стояла и смотрела на темное небо, усыпанное ярко мерцающими звездами. Потом подумала, как мне хочется скорее увидеть тебя.

Помнишь ли ты свои слова. Неужели потом все это оказалось не так. Я часто думаю, что ты был несчастлив со мною, через меня тебе вспоминается все только плохое, тогда как мне помнится только все хорошее. Вероятно, я много думала о себе, считая себя счастливой. Я думала, что и ты так же счастлив со мной, но ты, может, больше страдал, а я не видела, не чувствовала этого.

От жены. 3 августа 1934 г.

Милый Петя!

Сегодня был у нас твой знакомый Ксенофонт Семенович Горожанкин*, как он себя назвал, когда я у него спросила. А я его опасалась немного, думая, кто его знает, может, какой шпион. Он пожертвовал нам пять рублей, я поблагодарила его. Предлагала закусить, но он отказался. Порезала ему баклажанов и картофеля, и он немного закусил.

Собираю тебе посылочку: сушу сухарики, грушек немного, фасоли. Пришлю потом семечек подсолнечных, намолочила почти меру, и чуть-чуть было у меня посажено. Фасоли порядочно уродилось. Посадила я один стакан, а выросло чуть не сто стаканов. Бросай в суп себе, когда варишь. Пшеница только, родной, пока нет. Вот уберу просо, тогда пойду собирать кисти просыные, наберу и тогда будем печь блины. Может, и ты к тому времени вернешься.

Получил ли ты теперь мою посылочку: огурчики, картофельную муку, песочек и две конфетки московские. Сима привезла нам, я свою съела, а другую тебе все берегла. А другая — Ильюшина, ему мама крестная целых пять штук таких прислала. Но я не укараулила, как он успел их все зараз поесть, и одна как-то уцелела.

От жены. 7 августа 1934 г.

Дорогой, бесценный голубь Петечка!

Сейчас прочитала твое письмо еще пятый раз, и вот спокойнее стало. Все справедливо ты, милый, пишешь. Буду стараться и на деле доказывать свою любовь к тебе. Не суди меня, мой родной, подумай, как мне грустно без тебя и как трудно переживать все тяжести жизни. Вдвоем нам с тобою легче было идти по волнам моря житейского, держась друг за друга. А письмами трудно поддерживать, многого не напишешь, не выяснишь. В результате получается непонимание друг друга. Ты вот пишешь о бесстрастии, а именно у меня никогда не было ни к чему пристрастия особенного. Если тебя я сильно люблю и сильно желаю скорейшего твоего возвращения к нам, так это вполне понятно. Если бы я не любила тебя, если бы твоя душа не была так родна мне, то, конечно, я была бы равнодушна и спокойна. Что я могу с собою поделаться, когда часто мне так грустно бывает без тебя. Вся грудь и все сердце разрывается от беспокойства. Конечно, часто я бываю спокойнее и терпеливее, переношу все страдания, но и терпению бывает конец. Все ждешь, надеешься, а потом все силы истощаются и начинаешь страдать, потом опять наступает облегчение.

* Бывший ссыльный.

Меня очень возмущает твое противоречие. Ты пишешь: "Не присылай мне ничего, не отнимай последнего у детей и себя", а дальше: "не скупись, отдавай последний кусочек голодному". Прости, родной, неужели ты сознательно так пишешь? Ведь заботясь о себе, ты о нас заботаешься. Еще так скажу: пусть, что я посылаю тебе, будет нашим милосердием. Если ты сыт, то можешь отдать это голодным. Но мы знаем, что ты страдалец, одинок на чужой стороне и, верно, голодный. А здесь я немного опасаясь кому-нибудь помогать, много злых людей, да к нам редко кто заходит из нищих. А когда бывает, что мы даем им, что можем, не отказываем.

Боюсь, что ты не поймешь моей мысли. Пиши, родной, побольше о себе, о своих переживаниях. Ты меня огорчаешь, что совсем не пишешь о себе. Думаю, что ты не хочешь доверять мне своей души.

От жены. Без даты.

Родной Петечка!

Сейчас получила твое письмо от 30 июля. Страшно рада, что посылочка моя дошла до тебя. Ах ты, чудачей, счел за преступление, что съел одни яблочки и груши. Я их приберегла, чтобы тебе хоть покушать, рада бы тебя накормить яблочками.

Жалко, что ты никак не возвращаешься к нам, ты бы здесь поправился и поздоровел бы, и повеселел бы, не тоскуя за нас.

Плохо, нынешний год яблоки не родились, груши, правда, много, и мы кушаем. У Василия Еремеевича* нынешний год уродились, но посыпались незрелыми. Он нам дал два яблока на Преображение, да я, глупая, не подумала тебе уберечь. Спешу теперь.

Подкрепляй, милый, свое здоровье, установи порядок в ежедневном питании. Я знаю, как делаешь: если есть у тебя что, так не бережешь и раздаешь другим, а потом и сам остаешься голодным, — через это ты и ослабел так сильно. Сколько раз писала я тебе, чтобы ты берег себя ради нас, еслилюбишь и хочешь вернуться к нам. Ты, вероятно, не представляешь, как я страдаю за тебя от этого, ведь только одна вера спасает и укрепляет меня. А то бы плохо я собой владела бы. Так иногда невыносимо бывает мне, но я все надеюсь, все жду, что когда-нибудь да я увижу тебя.

Петечка, родной, добыла я яблочек, Павловна дала пять, и шлет тебе привет. Говорит: "Когда же дождемся возвращения вашего. И Клаша, ее девочка, которая начала тогда ходить петь учиться, подарила два яблочка и тоже шлет тебе привет.

Ильюшу послала к Василию Еремеевичу попросить для тебя яблочек.

* Односельчанин.

Таня шлет тебе привет и посылает тыквенных зерен прошлогодних, ты их любишь, родной. Ах, так бы все отдала бы тебе, да с этими посылками крутеж, всегда волнуешься, да беспокоишься, дойдет ли?

Морквы много у нас, да сырая она тяжела, а сушить негде. Посушила капустку для аромата, клади в суп, все вкуснее будет. Со временем насушу побольше и в другой раз пришлю.

Пришла в Глушицы, чтобы ехать в Воронеж, но Лариса* отложила, не едет, а мне одной жутко идти на станцию, и вот поездка откладывается на неделю.

М.И. Устиновой от П.М. Обыденного.

Спасибо тебе, дорогая Манечка, за пересылку Варечкиного письма 15—17 августа. Скоро-скоро, Бог даст, увидимся. Трудная задача — собрать на дорогу большую сумму денег, а нужно будет рублей сто: от Каргополя до Няндомы дорога на лошадях или на автобусе будет стоить рублей тридцать—тридцать пять, да по железной дороге рублей пятьдесят до Рамони, да до Нелжи подвода. Не знаю, к кому обратиться за помощью. Напиши Варе. Хочу занять и у Веры Федоровны. Думаю обратиться и ко многим лицам с просьбой прислать рубликов по пять займы.

От сестры. 4 ноября 1934 г.

Дорогой Петечка!

Все в воле Божией. Ведь Господь, кого любит, того и наказывает. Ты напрасно себя бичуешь и считаешь таким грешником, что за это только и несешь наказание. Что Бог не делает, все к лучшему. Ведь все мы в этом убеждаемся на каждом шагу, если только внимательно следить за собою. Бог знает, что ждет тебя по возвращении, быть может, еще более тяжелые условия, как для себя, так и для семьи. Остается только молиться: “Да будет воля Твоя”. Господь тяжкие испытания посылает не всегда как наказание, а как вразумление. Ты все, родной, смотришь, как на кару Божию, а это только испытание, хотя и тяжелое, но сверх сил Он не пошлет. Остается, как апостол Павел говорит, что за все надо благодарить Господа.

Напрасно, детка, ты возвращаешь деньги, никто в ущерб себе, поверь, не выслал.

Веруся отослала телеграфом Варе сто рублей, так как все лето не могла этого сделать. Послала она на Олю**, через две недели запросила их обоих и не получила ответа, — удивляется, что Варюша и я не писали. Посылала она и Андрюше, — он тоже не получил, вот уже четыре месяца разыскивает эти деньги.

* Сестра Варвары Петровны.

** Сестра Варвары Петровны.

Самое главное, о чем хотела написать: это то, что и везде, даже на службе в Москве, всех ставят на ту же категорию, какую дают врачи. Если последние дали III-ю, то ставят IV-ю. То же произошло зимой и у тебя, так что ты, голубок, этим не огорчайся, не думай, что это ошибка или недоразумение или клевета кого-либо на тебя. Везде так, даже не по отношению только обвиненных в чем-либо. Ведь то же и с отцом Николаем.

Здоровье, милый, береги, ведь это твой долг в отношении семьи. И перестаньте посылать друг другу посылки, ведь ты ими только убиваешь Варю. Ей там легче все же пропитаться, нежели тебе: как-никак ее все знают, а ты там всем чужой. Разве ты не рад был бы помочь, но ведь не можешь этого делать только по болезни.

Чаще советуйся с отцом Николаем, беседуй с ним, он мудрый и опытной тебя во внешней жизни, слушай его советов. Поблаговари его за письмо к нам. Добрый он, хороший, не забывает нас, спасибо ему и за молитвы его.

Всех, родной, я поблагодарю за тебя. Дима* дал двадцать рублей, столько же Леночка, Галя и Ира по десять рублей, как и я. Детей у Леночки нет, муж ее получает до тысячи рублей в месяц (научный работник). Может быть, будет жить в Москве.

Посылаю тебе десять рублей, уведомишь опять звездочкой о получении. Не благовари за такие крохи, это ничто в настоящее время.

От жены. 2 ноября 1934 г.

Петя, свет мой, радость моей жизни!

Услышь мольбу больного сердца и души моей! Я погибну, если ты опять будешь продолжать морить себя. Я не знаю, что мне делать, как умолять тебя. Думала, что ты исполнял мою просьбу и верил моей любви к тебе.

Подумай, добрые ли ты дела приносишь, отдавая последние свои крохи, губя свое здоровье и причиняя скорбь своей жене, своим деткам. Поэтому нельзя во зло творить добро, так могут поступать только люди не семейные. Да и принес ли ты пользу тому, кому отдал свой последний кусок.

Почему ты не слушаешь тех духовных батюшек, получивших благодать Святого Духа и говорящих по наитию Святого Духа. Судить их нельзя, как и всех простых грешных людей. Все мы во грехах, страшно трудно бороться каждому человеку со грехами, но у всех же есть вера Христова и стремление освободиться от них.

Сказал же Христос о священниках ветхозаветных, что учение их исполняйте, только по делам их не поступайте.

* Крестник П.М. Обыденного.

Петя, пожалей меня ради спасения моей души. Буду присылать тебе чаще посылки и денег, и ты употреби их на улучшение своего питания. Буду ходить просить милостыню у добрых людей. Ох, виню себя, что бросила это делать после помощи Люсиной. Но мне было страшно совестно ходить, когда все узнали, что я получила большую сумму, а народ стал недоверчивый.

Я не рада твоим подаркам и посылке. Все они говорят мне о том, что как будто я никогда не увижу тебя. О, горе мне! Сердце рвется на части, так бы улетела туда к тебе, да вырвала бы тебя оттуда. Трудно мне без тебя воспитывать деток наших. Иля ужасный, непослушный. Он меня боится и при мне ведет себя сдержаннее, а без меня со всеми оговаривается грубо и дерзко, и жалобы на него без конца. Все его не любят и меня винят, что потакаю ему, и я всегда болею сердцем о нем и нещадно, иногда, порю его за гадкие проделки.

Молись Господу, чтобы Он исцелил [сына] и вернул к нам. Обрати внимание на себя, забудь о тех голодных, которых ты видишь и которых тебе очень жаль. Тем, что ты оторвешь от себя, ты отрываешь не от себя, а от детей. Ты как отец обязан перед Богом беречь прежде всего себя, свои силы и здоровье. Подумай, Петя, может, ты глубоко заблуждаешься. Коля часто, кажется, останавливал и убеждал тебя, и ты должен был бы слушать его совета как духовного отца. Не думаю, чтобы он не на прямом пути стоит, он очень верующий человек. Ведь святые люди, угодники Божии, не изнуряли же себя до болезненности. Конечно, если Господь пошлет милость Свою и исцелит тебя, тогда будешь прав ты, во славу Божию!

*В Северное краевое Каргопольское ОГПУ
от гражданки села Нелжи,
Березовского района, Воронежской области
Варвары Петровны Обыденной*

З а я в л е н и е

Прошу начальство выслушать мое заявление и исполнить мою великую просьбу: отпустить досрочно моего мужа Петра Михайловича Обыденного, высланного в Северный край, город Каргополь, где он находится теперь. Но так как он инвалид II группы и, значит, очень больной человек, то прошу начальство, перед которым ходатайствую, как можно скорее освободить досрочно моего мужа П.М. Обыденного и вернуть его родной семье. Я жена его, обременена тремя детьми малолетними и не могла через это уехать с мужем на место его ссылки. Муж мой, П.М. Обыденный, был псаломщиком села Нелжи. Перед Советской властью он ни в чем не виновен, в этом я поручаюсь за него. И у него есть от меня поручительство, заверенное нотариусом.

От жены. Без даты.

Петечка, голубок мой нежный, соколик ясный!

Все в посылочке посылаю тебе для исправления твоего желудка. Мед — это целебное средство прямо от желудка, принимай натошак хоть по чайной ложке. Я слышала как-то, что один больной желудком вылечился именно медом. Песочку с картофельной мукой для киселька, пшеница (сама набрала около двух пудов проса и столкла в ступе на пшено). Мучицы пшениной, так как ты просил на блинки тебе. Надо сварить кулешик* и, когда он упреет, вынуть его из печи и немного остудить, сделав не очень горячим, всыпать туда пшениной муки. Когда остынет, заквасить, дать вскиснуть, а за час до печения подсыпать муки ржаной или пшеничной, это для мягкости блинов. Сухариков еще в другой раз и пшеница пришло.

Твоя посылочка очень расстроила меня, и я вместо радости опечалилась. Ты сам ничего не кушаешь и нам присылаешь, а я здесь ем досыта картофеля и хлеба. Запасу у меня сейчас: из хлеба и ржи пудик есть, да проса, которое набрала с полтора пуда.

Вера Дмитриевна прислала сто рублей, и от них осталось шестьдесят, — понемногу с долгами пришлось расплачиваться. Еще Вера Федоровна пятьдесят рублей прислала, и вот теперь думаю купить ржи или пшена, что случится.

Скоро ты, дорогой Петечка, именинник. Пусть эта посылочка будет нашим подарком тебе.

От сына Ильюши. 19 декабря 1934 г.

Дорогой папа, здравствуй!

Посылочка твоя дошла благополучно. Можно мне писать ноты в той тетрадке, которую ты прислал? Напиши скорее. Мама читает нам книгу.

От сестры Марии Михайловны. 6 декабря 1934 г.

С днем Ангела, дорогой голубок, да сохранит тебя и помилует ото всякой болезни, беды и горя.

Я с ужасом думаю о тебе: опять холодная зима, чем ты себе заработаешь хлеб в своем легком платье. Варежек, верно, нет с рукавицами, здоровье слабое, сил нет.

Варюша просит помочь советом, что ей делать, как помочь тебе. Ей все хотелось приехать к тебе, но я каждый раз рассовываю, указывая на риск такого дальнего пути, да еще зимой.

* Густое варево из крупы.

В день Архангела Михаила возвращаюсь из церкви, подходят ко мне две женщины и одна из них предлагает квартиру и, представь себе, бесплатную. Устоять от такого соблазна не могли. Перешли в новое помещение, совершенно одни, хозяйева под Москвой будут жить. Мы теперь, как в келье. Чистенький домик, хорошенькая комнатка, масса цветов. Квартира со всеми удобствами. Кровать нам большую оставили, большой стол, буфет, лежаночка, посуда кухонная. Хозяйка удивительно добрая и предупредительная женщина, всем-всем необходимым нас снабдила, могла бы и корову оставить, да страшно, и стары мы. Но десять кур оставила, кормить их. Продала нам хозяйка и дров за тридцать рублей, месяца на два хватит.

Боря* несказанно рад, главное, что одни. Ведь мы в совместных квартирах (а последняя была проходная) отвыкли разговаривать или вместе читать. В нашем распоряжении и огород, но как-то Господь поможет воспользоваться им.

Сегодня приехала хозяйка, и я хочу, пока она здесь, съездить в город, все же Боря не один будет. Духовные книги Боря больше любит читать один: проповеди, акафисты, Евангелие. Теперь имеем возможность вместе читать, никто не мешает. В нашей церкви очень большая библиотека, но что-то скупятся давать на руки. Обращалась к ктитору, говорит: "Как батюшка". У батюшки просила во время исповеди поискать Поселянина "Идеалы христианской жизни" или Иоанна Лествичника, но что-то пообещал найти, а не дает.

Поговаривают, что скоро закроют эту церковь. Жаль очень будет. Храм — красота! Здесь уже много прислано людей для каналстроя Волга—Москва, необходимо помещение. Колокола везде снимали. Здесь один колокол более тысячи семьсот с лишком пудов, а другие меньше. В Москве все закрывают храмы и ломают без конца дивные.

Отцу Николаю передай привет с добрыми пожеланиями. Поздравь его с племянником, у Шуры родился сын. Будьте здоровы и да хранит Вас Христос от всякой беды и горя. Вашими молитвами и нас спасет.

Из записей П.М. Обыденного

Моя переписка с родными и знакомыми
(с ноября 1934 года)

Основной конспект обычного письма:

- 1) Поздравление со днем Ангела или с большим праздником.
- 2) Ответы на все пункты полученного письма.
- 3) Сообщения о себе, о своей жизни: о здоровье, о делах (работе, занятиях), о материальном положении, о душевном состоянии, об общей жизни.

* Б.Д. Устинов, муж Марии Михайловны, сестры П.М. Обыденного.

Днем работай часов 6—7—8 для семьи и каждый месяц посылай помощь. Остальные часы — на служение Церкви Божией.

Регент должен быть человеком твердым, самостоятельным, не уступать неразумному желанию певчих пропеть то, что не соответствует характеру праздника.

Регент должен знать все партии всех песнопений и текст слов наизусть и твердо, а не только по нотам, чтобы быть в силах управлять даже без партитуры и в любой момент поддержать любую “захромавшую” партию. Дело очень большое, но очень желательное при слабых певцах.

Службы, указанные в Часослове, — основа всех служб. Будь твердо знаком с этой основой, просматривай Часослов перед каждой службой. Это — канва. Изучай его по этой тетради твердо, прочно, наизусть, не жалея сил и здоровья.

Описывай здесь все особенности каждой церковной службы. Программу каждой службы составляй заранее, не накануне, а за неделю вперед. Например, будучи в церкви в воскресенье, просмотри особенности службы следующих очередных праздников. Беседуй об этом с отцом Александром (что служит за псаломщика), с отцом Николаем Богоявленским, с матушкой Александрой Митрофановной*, с Владыкой Пахомием (Черниговским) и другими знакомыми лицами. Просматривай календарь, записи владыки Пахомия, свои заметки прошлых лет.

Новый наш регент меня чарует. Его лицо — прекрасное. Общее выражение и даже черты лица напоминают композитора Глинку. Высокая интеллигентность, просвещенность, ум. До слез трогает меня его благородство. Как хотелось бы быть подобным ему и представлять собою такую полезную силу. О, святой Крест Животворящий! Помоги мне достичь такого образования, ума, силы.

Варя сегодня прислала ноты — много! Благослови, Господи, использовать их к благолепию Святого богослужения!

От жены. 9 января 1935 г.

Дорогой, бесценный друг Петечка!

Получила вчера от тебя семь рублей. Зачем, милый, присылаешь, ведь пока, слава Господу, мы не голодаем благодаря Люсеньке, Вере Федоровне и Вере Дмитриевне. Очень озабочена, как разумнее распорядиться деньгами. Боюсь, что закуплю все теперь, а дальше подешевеет хлеб, ведь свободная торговля только началась у нас. Рожь пока в одной цене — двадцать пять руб-

* Жена о. Николая Богоявленского.

лей, а кто скажет что двадцать, но мне пока не удастся найти по двадцать пуд, а пшено по сорок. Так что прямо не могу придумать, как поступить.

Праздники проводили мы как-то плохо, сами виноваты, может, что придаем себе печали. Я стала ужасной и измучилась душою. Стала нетерпеливой и раздражительной. Летом чувствовала себя спокойно и не предавалась унынию, печали, и были часто у меня радостные минуты. А теперь я не могу понять, зачем так все сложилось, что Господь или испытание мне посылает, или наказание. Во-первых, нас теперь одиннадцать человек в одной комнате. Воздух плохой, шум и крик беспрестанно, дети ссорятся или уж очень шумно играют, компания их большая. Иля со старшими ужасно груб и дерзок до крайности, может, я плохой пример сама показываю в нелюбви к ближним, но ссориться я не ссорюсь, а больше молчу. Угар у нас каждый день, болит голова, и делать что-нибудь уж не в силах. Стараюсь больше на воздухе гулять с Евочкой.

Думала, что вот-вот налажу занятия с детьми, но теперь в таком шуме и такой бестолковой суете, которая стоит у нас целый день, невозможно заниматься. Очень тужу теперь, что перешла к Тане*, а не в ту избу, теперь, видно, придется набираться сил, терпения.

Чувствую, что я стала ужасно скупой и жадной, смотря на других. Я думаю: да почему же они дрожат над каждой крошкой, а я должна отдавать, отняв у детей. И кроме того, не знаю, кому жертвовать. Еще боюсь, что осуждать меня будут. Ты вернешься когда, очень огорчишься, увидев нас такими неисправимыми. Юрасик один у нас добрый мальчик, и то иногда раздражается и капризничает. Желание у нас есть быть хорошими, но уж как нарочно нас постигают такие обстоятельства, перед которыми мы оказываемся очень слабовольными.

Все вот было пошло у нас на лад, и в комнатке у нас порядок и чистота была, но со второго дня Рождества Клава с детьми и своей мамой перешла в нашу комнату, и все у нас рухнуло: выбились мы из обычного порядка и все никак не можем опомниться. Осенью просила Клаву, чтобы она поискала квартиру, — так жить трудно, в особенности зимой, но она говорит, что не могла найти.

Радуюсь за тебя, голубчик, что хорошо проводил праздники. Как бы хотелось вместе с тобою радоваться и петь. Мы пели здесь, но ты представляешь, как все это и что совсем без пения еще тоскливее.

На Святках ездила в Воронеж, отправила тебе множество писем. Подарочек твой, рубашечка, — очень хорошая, и ты напрасно у себя отнял. Тогда у тебя, помнишь, была синяя, такая же, твоя любимая. Я надела ее на Рождество и все время чувствовала себя как бы в твоих объятиях: нежных, чистых, братских.

* Сестра Варвары Петровны.

В Воронеже просила отослать посылку тебе, главным образом из-за пшеницы, не успела сама запаковать ее. Поспешила уехать из Воронежа, найдя себе попутчицу с Бора до Нелжи, а то одной жутко идти.

В этой посылочке посылаю и рису, употребляй, когда плохо будет вести себя твой желудочек. Вот у Юрасика вроде твоего: желудок никогда не может наладиться. А Илья ужасно беспорядливый мальчик и грязнуля: руки постоянно у него ужасно грязные и ему лень их вымыть, — так и за стол садится. Часто, не разобравшись, ложится спать, и мочится постоянно, и ужасно беспокоит меня этим, — не придумаю, как отучить его. Ночью ни за что не добудись его. Спит на печке с Таней, — стаскивать его оттуда невозможно. Иногда и встанет раза два за ночь, но под утро нальет-таки на постель.

Купила в Воронеже ему валенки за сорок семь рублей, и вот он теперь без горя в тепле ходит в школу. А то думала, что не куплю: в торгсине очень дорогие — два рубля шестьдесят копеек (это значит сто с лишним рублей). Там все очень дорого.

Пиши, родной, почаще. Последние твои письма перед Рождеством все получила. А вот мои пропали два письма.

От П. Ерилина (Воронеж). Без даты.*

Здравствуй, глубокоуважаемый дружище Петр Михайлович!

Шлю Вам привет и от души желаю всего наилучшего в Вашей жизни. Первым долгом хочу описать мое путешествие из города (Каргополя). Если помните, я вышел в пятницу 9 декабря по старому стилю. Прошел до Рягова тридцать три километра в субботу с великим трудом. Прошел еще пятнадцать километров до первого хутора, здесь пришлось нанять подводу.

Пришлось наказать Вашей супруге, чтобы она сама пришла ко мне. Она была у меня на третий день праздника, что нужно, я передал ей. Прости, что мне пришлось затруднить Вашу супругу путешествием ко мне.

Передайте привет всем моим знакомым. Пишите, что есть нового у Вас, как обстоят дела с отпусками.

От П. Ерилина. 19 февраля 1935 г.

Добрый день, дорогой друг Петр Михайлович!

Шлю Вам привет и от души желаю всего наилучшего в Вашей многотрудной изгнаннической жизни. Дай Бог перенести все встречающиеся на пути скорби, лишения и укорения. С благодушием все перенести и возвратиться на прежний, любимый Вами труд.

* Псаломщик, бывший ссыльный.

Теперь скажу несколько слов о себе. В моей жизни нет никаких перемен. Скучаю без дела, — на прежнюю службу поступать не дают разрешения. На физический труд пробовал поступить — не позволяют силы. Кое-как удалось поступить в селе Березово на четвертую часть доходов псаломщика и то благодаря настоятелю владыке Захарию. Не знаю, долго ли придется служить. Слухи носят о закрытии церкви в селе Березове.

Прошлую осень я было устроился псаломщиком в селе Ендавищи, и устроился очень хорошо, но на выезд в другой район разрешение не дали, приходится со всем мириться.

Петр Михайлович, я Вам посылал несколько писем, но от Вас ответа нет. Прошу, пожалуйста, пишите чаще. Привет всем знающим меня. Остаюсь с прежней дружбой.

Преданный Вам П. Ерилин.

Из записей П.М. Обыденного

Вечерня на Прощеное Воскресенье.

Священник выходит к народу и говорит краткое слово о святом обычае просить прощение. Завет Спасителя: кто будет прощать, тому и Отец Небесный простит. Отрадно на душе, поэтому и поются радостные Пасхальные стихиры "Да воскреснет Бог". У меня слезы: какие слова "Простим все Воскресением".

Священник опять говорит слово о наступающем Великом посте. Надо его достойно проводить в покаянии, в воздержании, молитве, чтобы удостоиться в радости встретить Пасху. Хор поет "Помошник и Покровитель". Все просят друг у друга прощение, становятся на колени.

А от вечерни, по приглашению матушки, пошел к ним. В комнате горел ярко огонь, а на кухне — ночничок. Матушка мыла посуду, отец Нил* разводил самовар. Были: священник-художник отец Василий, отец Симеон, отец Николай, отец Димитрий. Сидение на кухне мне напомнило детство.

Потом перешли в комнату. Тепло, яркий огонек лампочки. Общее большое алюминиевое блюдо с гречневой кашей с топленым маслом. Самовар новый, желтый; печенье, ватрушка. Беседуем о пении...

*М.М. Устиновой от сестры Юлии Михайловны
(Нью-Йорк). 3 апреля 1935 г.*

Милая, родная моя, золотко бесценное мое, моя голубка ненаглядная! Поздравляю тебя со днем твоего Ангела и от всего сердца желаю тебе всех-всех благ земных и небесных. Желаю здоровья, мира душевного, покоя, ра-

* Священнослужитель, ссыльный.

дости, успехов в делах! Милого и дорогого Бориса Дмитриевича и всех детей и внуков поздравляю я и все мои — с чудной, светлой, святой нашей именинницей. Да благословит Господь на общую радость всей этой огромной милой семьи. Все мы крепко всех целуем.

Мариночка, я посылала тебе письмо 27 февраля, получила ли ты его? Хотелось бы как-нибудь нашу переписку наладить. В особенности это важно в связи с помощью Варе, а через нее — и Пете. Я много раз спрашивала: можно ли послать Пете ордер* на торгсин непосредственно в Каргополь? Пришлите и его адрес. Пока на этот вопрос ответа еще не получила. Важно также, чтобы ответы на денежные посылки приходили аккуратнее, от этого зависела бы более частая посылка денег отсюда.

1 апреля мы послали Вареньке десять долларов. Дай Бог, чтобы они пришли к празднику. О получении, пожалуйста, сообщите поскорее. Мы завели маленькую копилку, в которую опускаем что-нибудь всякий раз, когда садимся за стол кушать. Так как у нас почти всегда толчется народ, то и копилочка не оскудевает, но прибавляются и адреса, по которым надо отправлять помощь.

У нас есть новость: владыка Вениамин** скоро перейдет из нашей церкви в другую, во имя Божией Матери Иверской. Наш приход останется пока только с американским священником, а потом подъедет к нам архимандрит Иоанн из Польши, который назначен управлять церковью на Аляске. Временно, и пока он освоится с Америкой, он побудет на нашем Подворье и будет служить. Он еще молодой, всего ему тридцать пять лет, и он хороший монах. Вероятно, он скоро будет и епископом.

Вот если бы Петя был священником, да выписать его сюда на Подворье со всей семьей! Это моя мечта, и, кто знает, может быть, она и осуществится когда-нибудь. Все в воле Божией. А нам бы тут очень были нужны священники из СССР, так как тут русские люди расправославились во многих отношениях, Родину отчасти забыли, отчасти мыслят ее только в прошлом бытии, ничего не понимают и ничего не приемлют в настоящей ее жизни. А если приемлют, то тоже только в ущербном, не полном бытии ее.

Не знаю, как наладится жизнь Серафимовского прихода без владыки Вениамина. (Получил ли Петя его письмо?) Но, думается: если угодно будет Богу, чтобы славилось имя в церкви Его угодника, то все и будет хорошо. Жаль только ежедневных благодатных служб (Владыка служил каждый день утром и вечером), а отец Борис едва ли сможет делать это по большой своей занятости. Я, кажется, писала Вам, что у нас в церкви общее пение (с канонархом***, как в монастырях) и читают все, кто умеет по-славянски

* Право на покупку товара.

** Митрополит Вениамин (Федченков).

*** Распорядитель, организующий церковное пение.

(мужчины и женщины), и прислуживают тоже все, кто хочет. Нашу Олю Владыка старостой зовет: она и свечи ставит, и оправляет их, и с орлецом* за Владыкой ходит, и на побегушках — что-нибудь принести, и все делает охотно. Она для своих восьми лет очень маленького роста, лет на шесть выглядит.

Хочется приходскую жизнь наладить во всей ее христианской полноте. Я часто думаю: как прекрасна была их жизнь, если бы люди имели хотя слабое представление о Церкви Христовой, о работе в ней Духа Святого Утешителя и жизни Подателя, живоносной благодати, в ней пребывающей, о Хлебе Небесном, завещанном нам Спасителем нашим, о мире в Церкви живущих.

Готовлю уроки музыки с Олей и часто приходит в голову такая мысль: вот полчаса я и Оля с любовью обрабатываем каждую паузу, следим за посадкой, локтями, изучаем со всей сознательностью каждый такт пьесы, да в школе Оля сидит пять часов в день, да дома уроки готовит. А что же мы даем ей в смысле просвещения ее души Верою Христовою? Раз в неделю она пойдет в церковь, где поймет: "Господи, помилуй", а остального не поймет.

Почему мы с такою же любовью, как в музыке, не изучаем Часослова, Библии, Литургии, жизни Святых, истории Церкви и духовное развитие наших детей, да и нас самих идет через пень-колоду, и жизнь в церкви не является основой и содержанием нашей жизни, а только придатком к жизни материальной, физической. Думаю, что все, что происходит — от нашей неосведомленности в вопросе Царствия Божия на земле, которым является Церковь Христова. Происходит это от нашей церковной некультурности, невоспитанности. Люди не знают, какая радость жить со Христом, страдать за Него и за Него умирать...

*От певчей Н. Бобрешевой**. Без даты.*

Шлю Вам привет и поздравляю Вас, добрый и многоуважаемый мой учитель Петр Михайлович, с великим праздником Пресвятой Троицы и желаю Вам проводить великий праздничек счастливо и радостно на чужой дальней северной стороне. Еще кланяются Вам супруг мой Козьма, мама и папа и желают Вам всего хорошего от Господа Бога на северной сторонке.

Спасибо Вам, добрый и великий мой учитель Петр Михайлович, за Вашу ласку и хорошее письмо. Я очень довольна, очень счастлива, что получаю великое утешение с далекой и незнакомой сторонки.

Я теперь осознала всю Вашу несчастную долю, как я стала читать письмо. Ни одного словечка не пропустила без слез. Ах, как мне вас всех жаль, страдающих за имя Христа, но страдайте и терпите до конца [и тогда] спасены будете.

* Орлец — подножие архиерея при служении.

** Односельчанка.

Я читала, как терпел праведный Палладий, воевода Плакида, так и Вы идете, наверное, по его дорожке. Но, может, Господь, долготерпеливый и многомилостивый, смиляется над нами грешными и вернет Вас, праведных, к нам, недостойным, и будет великая нам всем радость.

А я ходила в храм на Троице и стояла там в "рукаве"* , а то много сильно было народу и не слышно пение. Но я все слышала, и все пели вещи те, которые мы разучивали с Вами. Я всю обедню про Вас вспоминала и, наконец, сплала, когда стал Вас батюшка поминать: о здравии отца Николая и чтеца Петра. Так было грустно, что даже я не могла воздержаться от горячих слез. И так я посудила Господа: "Боже мой, милостивый! Неужели мы не дождемся той минуты радостной, когда Ты возвратишь к нам грешным тех добрых наставителей, которые часто нам говорили проповеди и наставляли, как любить Господа".

Но а теперь, как Вас с нами, грешными, разлучили уже больше полтора года, не слышали мы ни одного словечка наставления ко Господу. А то вспомнишь, как хорошо говорил наш добрый учитель Петр и так много рассказывал отец Николай. А как было радостно! Господи, дай нам, грешным, еще такое утешение. Я что-то так и думала, что даст нам Господь радость к Пресвятой Троицы, но нет.

Молите там, мой добрый учитель Петр, за нас, грешных. Может, Господь вернет Вас скоро и облегчит Ваше страдание. А мы с Вашей доброй и верной супругой Варей на третий день Николы долго сидели вечером у меня на пороге, наверное, часов до десяти, и все рассуждали о Вас, и все говорили про жизнь, как нам трудно. Но как вспомнили про Ваше письмо, так как будто нам тут и горя нет. А Вам там трудней и скучней, но, добрый мой учитель, терпите и спасены будете.

А детки Ваши очень хорошие, особенно Евочка: полненькая да хорошенькая, — дай Господь поскорей Вам их увидеть.

Затем прощайте и простите меня, грешную и недостойную. Пишите ответ. Письмо пишите без марки, я тут буду доплачивать.

От жены. 1935 г.

Вербное Воскресенье

Милый Петечка!

Ты ждешь посылочку, да и я уверена была, что в среду седьмой недели ты получишь ее. И вот ужас: посылка эта возвращается через пятьдесят пять дней и написано, что на время распутицы не принимают.

Ах, милый, я так рада была, когда благополучно отправила ее. Теперь уж после Пасхи пришло.

* Суженный проход в храме.

Ездил в Воронеж на пятой неделе, купила пшеничной муки четыре кило, песочку полкило, конфеток детям триста грамм и печенья — разок немного полакомить их. Думаю купить здесь ржи или пшена, да и к Пасхе молочка, творожку, яицек, чтобы у деток было все по-праздничному.

Комнатку уже прибрала, до Вербного воскресенья трудилась, успела. Первый день обметала и вытирала стены и потолок, второй — белила, а вчера вычистила все иконы и повесила портреты, да пол мыла.

К Пасхе буду делать цветы, шить Иле и Юрасику рубашечки, Евочке сарафанчик, — дел еще хватит.

Служба теперь не нравится мне, нет истинных пастырей, какие всю душу отдают служению Богу. У нас опять новый священник, а тот, про которого я тебе писала, который хорошо служит и говорит проповеди, как будто не священник, а простой человек, “по подложным документам”, как выразился сегодня этот новый священник, присланный архиереем Захарием. А тот уволен. Вообще смута какая-то, понять трудно, где правда и где ложь.

Этот священник новый мне не нравится: служит и держится как-то не достойно священническому сану. Но, конечно, осуждать боюсь.

У меня сильное стремление и желание, чтобы очистилась Церковь от наемных служителей, чтобы все были истинные пастыри, душу свою полагали за овец своих. Вот в Березове, говорят, очень замечательный священник. Все собиралась зимой сходить туда к службе, да вот все откладываю, как сольет река.

Что-то весна стоит холодная, и дождей нет. Сажать еще ничего не сажала.

Сейчас у нас в комнатке хорошо побелили, прибрали и все уютно расставлено: столик обеденный, шкафчик твой с нотами, комод, кровать Евочкина, кровать твоя железная, лавка у печки, сундук. Я сплю на сундуке, Иля с Юрасей на кровати, Евочка в своей кровати, Таня на печке.

Христос воскрес! и заранее отвечаю: “Воистину воскрес!” Целую тебя без конца и всю душою крепко обнимаю тебя, радость жизни моей!

Христос с тобою!
Твоя Варя с птенчиками.

От жены. 3 мая 1935 г.

Милый, бесценный Петечка!

Вся беда в моем унынии, и ничего не могу с собою поделать, так трудно держать себя в руках. Что-то нет у меня спокойствия духа. С детьми все труднее ладить, они совсем от рук отбились, ничего не делают.

Моя посылочка все еще лежит не отосланная. Приготовила тебе все к празднику: ноты, открытки, нашу фотокарточку, песочку, конфет, печенья,

муки пшеничной, картофельной, вермишели, пшеница, маслица коровьего, — боюсь опять не примут, вернется назад.

Рада, что деньги ты получил, двадцать пять рублей, но зачем же нам присылаешь. Я тебе послала, а ты назад мне. Ты все беспокоишься, что должен мне помогать. Потерпи, что ж делать, до поры, до времени, отбудешь срок, тогда все будет зависеть от тебя.

Петя, тебя учу, а себя не могу успокоить: я очень скорблю и унываю, истощается терпение, много хочется сказать и спросить у тебя, так хочется петь с тобою в церкви и на спевках, услышать твой голос задушевный.

Вчера получила твои деньги, двенадцать рублей — подарок Юрасе, и вот грустно мне, что нет письма от тебя. Думаю, что ты в обиде на меня, до слез грустно мне. Я писала, что посылка, посланная мною, вернулась обратно. На днях попробую отправить, теперь уж, может, кончилось располье*.

Погода у нас стоит все время холодная, ничего еще не сажали. Холодно, и дождя давно нет. Ветры стоят холодные и большие и день, и ночь, и погода поддерживает плохое настроение.

На Пасху от Димочки, твоего крестника, получила тридцать рублей. Пишет, чтобы я наведывалась на почту каждые 28—29 числа, он ведь и тебе посылает каждый месяц, как ты писал. Уж не ты ли попросил его не тебе, а нам послать. Если так, то напрасно. Мы, слава Господу, живем благополучно, ведь и тебе необходима поддержка.

Получил ли ты, дорогой, мою открытку, в которой я сообщала о получении посылки твоей под Пасху, в субботу. От всего сердца благодарю тебя за Евангелие, такое я и мечтала иметь. Стараюсь читать каждый день его, если не с детьми, то одна.

Теперь подробно опишу, как мы провели Пасху. Под праздник у меня настроение было хорошее, была еще надежда, что этой весной ты будешь с нами. В субботу с Илей ходила к заутрени, а Юрася смотрел в окно, когда ходили кругом церкви. Придя стали готовить: печь кулич и хлебы. Кулич белый, из торгсинной муки, вышел очень хороший, вкусный. Творог смешали с молоком и сахаром и по одному яичку.

На Пасху к заутрени ходили все, и даже Евочка. Ильюша в субботу исповедывался и причащался и не пошел в школу, хотя им и не позволяли этого делать. А вечером, как заблаговестили к “Деянию”, он ушел в церковь и был все время там до заутрени. Он хотел читать “Деяния святых апостолов”, но говорит, что очень мелкая печать, трудно ему разобрать, и он в церкви, сидя на порожке клироса, уснул. Уж Таня, придя к заутрени, насилу добудилась его.

Кругом церкви шли беспорядочно, народу было много, в притворе стоять было невозможно, не знаю, как Иля выдержал натиск. Когда входили в цер-

* Половодье.

ковь, я потеряла его из виду и беспокоилась за него, но он такой юркий, — как ни в чем не бывало пробрался сквозь толпу.

Придя из церкви, мы пропели “Христос воскрес”, три раза похристосовались со всеми и сели разговляться. А потом поспали и стали топить печку, готовить обед: пекли блинцы и варили лапшу из курицы, которую все берегли к твоему приезду.

Милый Петя! Подумай хорошенько и пиши мне ответ быстрее. Может, ты купишь себе новую хорошую скрипку. Мне бы очень хотелось сделать тебе подарок. Ты пишешь, что она стоит тридцать пять рублей, но может, это какая-нибудь плохая, хуже твоей, тогда не стбит. А если настоящая, то я прямо советую купить. Денег я вышлю, и пусть это будет мой подарок в знак моей безграничной любви к тебе.

Мне будет большая радость, если тебе хочется приобрести хорошую скрипку, ведь ты давно мечтал и говорил, что твоя скрипка детская и плохая.

Ноты ты уж целый год просишь прислать, а я все не посылаю, а почему? Да потому, что все жду тебя вскорости домой. Соберешься готовить тебе посылку, ан смотришь письмо от тебя, что, может, скоро отпустят. Так вот и откладываешь. Придется, Петечка, переписать ноты для нашего нелжинского хора, а то они будут огорчены, если я все ноты отошлю тебе. Трудно это переписать, главное — скоро не сделаешь. Посмотришь, бабы на селе говорят: “Делать нечего, особенно же зимой”, а у меня и зимой, и летом подавно дел без конца. Я что-то этой весной чувствую себя слабее, устаю скорее, и вечером после ужина не могу посидеть, а хочу спать. Только вот сегодня что-то нашла в себе сил побеседовать с тобой, радость моя.

Мы теперь, когда молимся Богу, поем “Отче наш”, “Достойно есть”, “Богородице Дево” и “Христос воскрес”. И все дети читают молитву:

О, пречудная Царице,
Помоги нам в нашем горе,
Возврати нам папу вскоре,
Будет папа нас учить,
А мы папу все любить!

И Евочка тоже читает эту молитву. Целую тебя тысячу раз, незабвенный мой друг, голубь Петечка! Целуют тебя и деточки твои.

М.М. Устиновой от снохи Варвары Петровны. 6 мая.

Дорогая Манечка!

Петечка всю Пасху ни строчки не написал, что-то весь Праздник в унынии и грусти провела, а когда я грущу и унываю, то и писать духу нет.

Петя пишет, что теперь отменили правило отпускать инвалидов III группы по отбытии полсрока. А я так ждала и надеялась, что недельки через две-

три после Пасхи Петечка вернется. И так упала духом после прочтения такого сообщения, что сделалась почти больной. Тянет меня в сон, и я сплю и готова спать без просыпу, слабость какая-то во всем теле и вялость.

Под праздник прибирала комнату, белила. Да надо было сажать и копать. А в среду, на Страстной неделе, ездила в Воронеж. Вернулась в пятницу и отдыхать было некогда, надо было постирать, детей перекупать, а в субботу пол мыть.

Весна стоит холодная, тепла совершенно нет, и в огороде ничего пока не всходит.

Сегодня именины Юрасика, 23 апреля, память великомученика Георгия. Юрася очень добрый мальчик и радует меня.

От сына Ильюши. Без даты.

Рассказ.

У меня есть лестница. Под лестницей ад, а на лестнице душа. Около нее стоит Ангел и сторожит мою душу, чтобы не упала в ад. Но когда Ангел отойдет, то моя душа покатится в ад. А в аду черви и звери. Когда душа покатится вниз, то звери радуются, но вдруг идет Ангел, спускается с лестницы и плачет. А душа уже низко-низко, еще три ступеньки — и она упадет. Но вдруг душа видит плачущего Ангела, глядит вниз и ей стало страшно, и она заплакала. Встала перед Ангелом и сказала: "Возьми меня от этих зверей". И тогда Ангел с радостью берет душу за руки и ведет ее вверх. Моя душа рвется выше, но никак не может. Господи, утверди мое маловерие.

В.П. Обыденной от золовки М.М. Устиновой. Без даты.

Дорогая, родная Варенька!

Грусть и большое горе за вас, а вот уже недели три, как и сами в крайне удрученном состоянии за всю нашу семью. Пете и Коле отказано в работе как детям лишенцев, та же участь ожидает и всех других детей. Тем более, что недавно обосновались в Москве. Шестеро оказались без хлеба: это двое стариков, а потом Петя, Коля, Костя и Анечка. Теперь куда-либо поступить страшно трудно, так как идут большие сокращения.

А главное, невероятно растут цены на продукты: хлеб доходит до полутора рублей фунт. Круп никаких и на рынках совершенно нет, пайки страшно сокращены. Летом и осенью ничего, кроме хлеба, не давали. Петя летом два месяца искал работы и был без хлеба, картофель дошел до семидесяти рублей мешок, мука шестьдесят и семьдесят рублей пуд. Петя кое-что продает (шапку, костюм), чтобы собрать денег и уехать на Урал в поисках работы. Что-то кошмарное творится, последний месяц точно на углях сидим.

Вера Дмитриевна была в Москве в первых числах. Вот тоже несчастная мученица. На бумаге невозможно передать обо всем ею пережитом. Она была замужем во второй раз. Последний пробыл в гостях два года и умер от сыпняка. Он был еще и талантливым скрипачом, по профессии юрист. Переезд ее на Кавказ и обратно обошелся свыше двух тысяч. Работы она не нашла, потому и вернулась, но опять на страшную голодовку.

Пишу брату Коле и очень беспокоюсь, так как от него письмо еще в ап-реле. Писал ли он Вам, что о нем знаете?

От тещи. 8 мая 1935 г.

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Дорогие мои Коля и Петр Михайлович!

Простите меня за долгое молчание. Одно только утешение от меня для вас — письма, но и этого последнего не делаю. Не думайте, дорогие, что я вас забыла. Нет, ни минуты не проходит, чтобы я забыла о вас. Вечно вы у меня в мыслях, и сердце так больно-больно сжимается, переживая все ваши страдания в далекой чужой стороне. А в Великие праздники еще тяжелее бывает на душе.

Грустна для меня была Великая Пасхальная ночь. Мы были с Олей только вдвоем. Валя* и Нюра** были в Нелже по случаю разлива воды. Мы лежали. Оля спала, но мне не спалось: так ясно был слышен родной колокол, призывающий на Великий пир веры и только. Воспоминания прошлых лет так оживотворяли душу и вместе с тем и терзали. Воспоминания прошлого кошмарного года и настоящего тоже не лучше. И так хотелось заглянуть в будущее: что-то ждет нас. О, Боже! Сжался над страдальцами и пошли свою великую милость.

Целую крепко. Собираюсь написать большое письмо. Христос воскрес!

Привет вам, добрые старушки, приютившие моего бедного страдальца сына. До скорого свидания, дорогие родные.

Ваша мама.

От сына Ильи. Без даты.

Здравствуй, дорогой папа!

Воистину воскрес!

Папа! Письмо твое получили и очень обрадовались, потому, что долго не получали от тебя писем. Снег давно уже растаял. Долго было холодно, но теперь стало тепло, даже жарко. Почки распустились.

* Сестра Варвары Петровны.

** Певчая.

От сестры Марии Михайловны. Без даты.

Здравствуйте, дорогие родные отец Николай и Петенька!

Все мы шлем горячий привет с пожеланием, от Всеблагого Владыки, мира вам душевного и сил телесных для перенесения тяжелых страданий. Будем крепко надеяться на светлое, радостное впереди.

Теряюсь, дорогой голубок Петенька, что делать с письмами. Поищи некоторые в кармане пальто. Я, кажется, во всех последних письмах просила адрес отца Николая. А может быть, только в последнем заказном, от мая. Ну, очевидно, ты его снова не получил, — это очень обидно. На все письма сохраняются квитанции, думаю подать заявление на почту.

Варенька беспокоится: получил ли ты от нее двадцать рублей в феврале “до востребования”. Ты не дал ей ответа, как и о высланных двадцати рублях на шестой неделе Великого поста на отца Николая. Очень просит тебя писать чаще.

Приходится в каждом письме от Варюши добавлять что-нибудь от себя.

Вот ты, родной, советуешь посылать по одному письму раз в месяц, но ведь их набирается много. Подлинники и переписанные мною постараюсь переслать по почте. И посылаю с одним и тем же содержанием в нескольких экземплярах.

Прости за малые крохи, приложенные в посылке от меня: крупич по капельке на каши, может быть, мало, так ты их подсыпай в суп, чтобы вкусней был. Не задумай переслать в Нелжу, тебе это доставляет великое удовольствие, но помни, что тебе надо поддержать свои силы. Растеряешь в конце свое здоровье, не будешь полезен, вернувшись домой.

Мука в торговле стала дороже. Варюшу по дороге на Усмань было ограбили: она отстала от своих попутчиков и вот у нее отняли пуд ржи, но отдали, как уже и не знаю. Варюша большой огород насажала, дай Бог только, чтобы все созрело, с овощами все же легче. Я ее считаю великой героиней, как не раз уже писала тебе об этом. Какая это глубокая натура, как она крепко верит во Всемогущего Создателя, — укрепи ее в этом, Христос. Я ее сравниваю с Лизой Калитиной и Марфой Гончаровой в “Обрыве”. Как она, милая, глубоко раскаивается, если чем и огорчила тебя.

Написал и мне Андрюша, у него снова беда, под суд попал якобы за грубое обращение с учениками, — отказали в работе в семилетке. Кто-то пустил слух, что он сын помещика. Он написал Коле с Верочкой, чтобы выслали документы папы. Теперь с марта по сентябрь будет без работы. В новом учебном году надеется найти что-нибудь подсобное к пенсии.

Еще беда была с Андрюшей: налетели на него пьяные хулиганы и оглоблей немного не попали в глаз, ушибли голову, переехавшие через него лошади и телега больно помяли. Два часа лежал в бессознательном состоянии.

Адреса: Марусин — Московская обл., Белорусской железной дороги, ст. Усово, совхоз Горки II; Колин — Московская обл., Рязанской железной дороги, ст. Серебряные пруды, совхоз ОГПУ, Серебрянопрудский участок, трактористу Николаю Борисовичу Устинову; Клавин — Симферополь, совхоз ОГПУ "Красный", старшему бухгалтеру (для Клавы).

Бедняга Коля, в каждом письме спрашивает, куда мог деться Костя. Расспрашивает о тебе и Варюше с детками. Очень беспокоит и Петино молчание. Коля советует запросить его квартирного хозяина.

Наш общий горячий, искренний привет отцу Николаю и отцу Димитрию. С пожеланием здоровья и скорейшего возвращения на родину.

От жены. 12 мая 1935 г.

Дорогой Петечка!

Прости меня, голубок, что так медленно исполняю твои просьбы и что нот пока еще не посылаю. Мама скоро поедет в Усмань, тогда с ней соберу тебе посылочку.

Ящик к скрипке я нашла лишним делать, ведь она в футляре. И потом я вспомнила, что тогда ее Андрей Михайлович тебе прислал также без всякого ящика.

Верно, ты на меня в обиде, что я не прислала тебе к Пасхе нот. Я тебе писала, что эта моя посылка с нотами вернулась обратно, написано было на переводе, по случаю располья. А вот вчера понесла опять эту посылку на почту и опять не приняли, говорят, что не разрешают принимать ценных посылок. И вот я решила ехать в Воронеж и скрипку там отправить тебе.

Манечка пишет, что тебе нужны карандаши, резинка и еще кое-какие мелочи. Ты напиши мне, и я, когда поеду в Воронеж, то могу из Люсиных денег купить в торгсине, что тебе нужно.

Петечка, старайся почаще писать мне, ведь в этом вся моя отрада жизни, и никогда не думай, что я в чем-либо обвиняю тебя. Все твои стремления, убеждения, идеалы — моя жизнь.

Постараемся сняться на карточку, все собираемся и никак не соберемся. Тогда пришлю тебе, а ты нарисуй в большом виде и себя вместе с нами и пришли нам.

Завидую я скрипке, хотела бы быть на ее месте. Как возьмешь ее в руки и как проведешь смычком.

Струна оборвалась еще прошлую зиму, вероятно, от ржавчины, сырости, и смычок отчего-то треплется, волокна у него отрываются. Все ждали от тебя ответа, что, может, ты лучше купишь новую скрипку, но давно уж нет от тебя весточки...

От жены. 20 июня 1935 г.

Спасибо, родной, за весточку. Так я волновалась долго, не получая ответа, и так была обрадована, что ты все мною отосланное получил в целости. У меня и настроение совсем иное стало. Больше всего подействовали на меня твои слова, что ты переживаешь большую радость, а когда у тебя радость, тогда и я радуюсь. Думаю, что, может, надо серьезно подумать о том, что, может, лучше нам переехать к тебе, если, конечно, тебе будет лучше от этого. Но если это будет неразумно, то будем терпеть и нести до конца свой крест.

От жены. Без даты.

Милый, добрый Петечка!

Вот я в Воронеже и живу уже здесь третий день. Искала во всех магазинах альбом тебе и нигде нет, — так и придется отсылать посылку без альбома. Мне уже надоело быть в Воронеже, не знаю, когда домой приеду, завтра, думаю, с ночным уехать. В воскресенье отослала с Тимофеем Никитичем (певчей Маши отец) около пуда хлеба, а вчера закупала книги детям, чулочки, а то обносились чулками. По паре им купила, карандашей цветных купила им, они любят рисовать.

От жены. 16 октября 1935 г.

Вчера получила от тебя деньги — шесть рублей и письмо, но тотчас же ответить не могла. У нас был такой хаос в комнате: целое утро я мазала зельем от тараканов, их у нас великое множество, мы замучились от них. Надеюсь, что теперь переведем их, так как сегодня такое множество валяется их на полу, на печке и под печкой, но много еще ползает сейчас ночью по стене и на столе, где я пишу.

Вчера пришлось идти на почту получать деньги, а тут пришел стекольщик вставлять стекла, очень дорого пришлось заплатить. Но и не вставлять невозможно, — холод был бы у нас ужасный, потому что большие два стекла были выбиты. Одно я разбила, протирая к Пасхе, а другое недавно Иля. Лез через окно и ногой задел по стеклу, и вот накрыл еще на шесть рублей. Всех пришлось заплатить двенадцать. Как раз твои шесть рублей вовремя пригодились. Картофель еще не весь ссыпала в погреб, Таниных около ста мер, да моих около сорока. Картофель очень хороший, крупный. Свеклу еще немного не дорыли, да бутылки отмываю для томата. Его у нас такая масса, все еще едим свежий, красный. Моркови много, мер шесть накопаем. Фасоли также очень много убрали, все время едим. Господь все милует нас и посылает как утешение в скорби разлуки.

Я отделила Ильюше для его книг полочку в шкафике твоим нотном, но он пока не привыкнет класть их на место. Уроков у него всегда мало быва-

ет, и он все задачки быстро решает, и стихи в одну минуту заучивает, вообще учится очень хорошо. Но характер у него часто в плохую сторону лежит, чем в хорошую. Думаю иногда, что уж очень его все то и дело ругают, и именно с какою-то ненавистью, нелюбовью, и через это только обозляют его.

Я замечаю: чем грубее с ним обходишься, тем и он мрачнее и недовольнее бывает, а когда ласковее с ним обойдешься, то и он — очень умный мальчик, и не знаю, как привлечь его, чтобы он с охотой молился. Всегда тяготится долгим молением по молитвеннику, и если читает молитвы, то очень спешит. Прошлый год, например, он так отчетливо, твердо произносил все молитвы. Я раздражаюсь на него, когда он уж очень спешит читать, и он начинает капризничать. Мне иногда кажется, что это влияние литературы, которую ему приходится читать. Например, сегодня он такую фразу сказал: “В книгах пишут, что вы, кулаки, крестьян замучили”. Я ему сказала, чтобы он не всем книгам верил, верил бы, что Бог в Евангелии говорит. Боюсь принуждать к долгой молитве, как бы хуже не сделать.

Ты пишешь о тщательной подготовке к святому Причащению, но ты не бери себя теперь, а в детстве, как ты тогда готовился. Привыкли дети к одному порядку, и вот новые молитвы уже тяготят их и они начинают капризничать: что долго и что спать хотят. А утром есть хотят, и всегда очень трудно выдержать их не есть ничего до причастия, а уж помолиться и не заставишь. В церкви во время службы они стоять спокойно не могут, иногда даже балуются, а большею частью сидят или зудят: “Скоро ли отойдет обедня”. А уж как скоро она теперь у нас отходит — в одну минуту. Любят они все: и Иля, и Юрасик, и Евочка после обедни целовать крест и икону, которой праздник приходится, и всегда интересуются, кто там изображен.

Принимать Святые Тайны, причащаться, Юрася и Евочка любят и просят, чтобы я их причастила каждую службу. Но я недели через две их причащаю. А Иля на свои именины исповедывался и причащался, еще Успенским постом со мною и еще, когда болел недавно, да Великим Постом, один раз со мною, и еще в субботу Великого поста.

Мне все не по душе священники, которые у нас служат. Нельзя, конечно, осуждать их, но зачем они так искажают службы, спешат и вообще ведут себя, как чиновники. Я всегда почему-то не удовлетворена бываю исповедью, как будто и не исповедывалась. Может, в этом я сама виновата, самой нужно высказывать, что чувствуешь. Но ведь священник обыкновенно спрашивает все те грехи, в которых мы, люди, грешим. И поэтому только говоришь, что грешница, грешница, на том исповедь и кончается. А хочется особо раскаться, и поэтому, может, не получаешь успокоения.

От жены. 1 ноября 1935 г.

Добрый, родной дружок мой Петечка!

Вот уж я третье письмо пишу, а от тебя еще и не получала, как отправила посылку. Если бы ты знал, как я тоскую, когда долго не получаю от тебя весточки.

Замечаю, что Иля становится мягче и мягче, хотя много еще в нем буйного, — он стал немного сознательнее. Увлёкся чтением.

В школу он ходит после обеда, до обеда читает и, придя из школы, просит меня читать, и я читаю. Собирается со мной в Воронеж, но эти пятнадцать верст ходьбы беспокоят меня, не знаю, как уговорить его, чтобы он не собирался. А хорошо бы для него поехать посмотреть всю красоту города. Мама со мною едет, и пробудем там денька два—три, так можно было бы, да наступили холода.

Когда возвращаешься домой, то жалеешь, что Илю не возьмешь с собой, ведь он всем так интересуется, так любознателен, и жаль лишать его удовольствия побывать в городе.

От жены. 6 ноября 1935 г.

Вот я в Воронеже, Иля со мною. Дошел до станции благополучно, но все-таки ноги намотал, и в другой день трудно ему было ходить.

А я ходила к обедне в Успенскую церковь, а его уж не взяла с собою. Мне нравится в Успенской церкви, хорошо.

Вчера ходила с Ларисой в цирк, она получила два билета у себя на службе, хотели взять Илю, но, оказывается, детей теперь не допускают до шестнадцати лет по случаю эпидемии скарлатины. Я в первый раз вижу цирк, все так интересно было смотреть.

Но цирк мне не нравится тем, что там люди мучаются всякими опасными прыжками, служат развлечением, и пользы, я думаю, от этого ничего не может быть. Больше всего мне нравилось то, что я наслушалась музыки хорошей на скрипках. Играли четыре скрипки и пятая огромная, стоящая на полу. Это, вероятно, не скрипка, но имеет форму скрипки, и так же играют смычком, только она большого размера.

Как раз попала в Воронеж под Октябрьский революционный праздник, и тут такие приготовления к празднику: везде все поразукрасили электрическими лампочками, везде осветили. Но я как-то не люблю города с шумом, волнением народа, суетой — город мне кажется каким-то водоворотом. Всегда не чаю скорее уехать домой, в свой уголок, хотя и там радости мало, тоже сбежала бы оттуда, да некуда, буду терпеть ради птенчиков наших.

Последнее время я плохо чувствую себя, болит душа, о чем, сама не знаю, больше тоскую по тебе. Пусть будут и при совместной жизни какие-

Храм Успения Божией Матери в г. Воронеже. 2000 г. Фото О.В. Кириченко

нибудь муки, но они легче проходят и скорее. Или пусть будут страдания, которые все равно в жизни неизбежны, но вместе с тобой, вблизи около тебя мне легче было бы от сознания, что ты здесь со мною близко и я каждую минуту могу передать тебе мысль, переживания моей души и сердца.

От сына Ильюши. 10 января 1936 г.

Дорогой папа!

Поздравляю тебя с Рождеством и Новым годом. Сейчас вечер. Мы купили стекло и горелку, лампа у нас была. Мама тоже пишет письмо.

В сочельник мы до вечерни ничего не ели. Потом пошли к вечерне. Я расчистил дорожку к церкви и бегал узнать к батюшке, скоро ли начнется вечерня. Рубил дрова на лежанку. Потом пошли к вечерне, я нес венок в церковь на икону. Отошла вечерня, к нам пришел батюшка и обедал с нами. Вечером я делал цветы на лампадку. Мама дремала, а потом встала и затопила печку и стала печь блинцы. Я долго сидел, а потом заснул.

Я написал плакат: "Слава въ вышних Богу, и на земли мир, въ человецех благоволение".

Ночью мама смотрела в окно, не горит ли в церкви огонь. Потом пришла тетя Клаша к нам и сказала, что в церкви горит огонь. И мама стала убираться, чтобы идти в церковь. Разбудила и нас, и мы убрались и пошли в церковь. Пришли, там уже началась утренняя. Женя в церковь не ходила, а спала дома. Потом отошла утренняя, и певчие пришли погреться к нам. Потом пошли к обедне. Пели: "Рождество Христово", "Слава въ вышних Богу, и на земли мир, въ человецех благоволение".

Потом отошла обедня, и мы пошли домой. Пришли, Женя проснулась, и мама стала ее одевать. Потом пропели "Рождество Христово" и стали завтракать: ели пареные картошки с жирком, а потом чай.

Целую тебя, твой сынок Ильюша.

От сына Юры. 10 января 1936 г.

Дорогой папа!

У нас теплая погода. Я люблю тебя, мой папунышка. Жду тебя скорее домой. Целую тебя. Писал твой сыночек Юрася.

От жены. 25—27 января 1936 г.

Милый, добрый друг Петя!

На днях получила от тебя письмо с поздравлением и открытку одновременно, а сегодня получила и еще твое письмо. Очень отрадно на душе, когда так часто получаешь от тебя письма. Кажется, как будто ты один миг побыл с нами и побеседовал. Слава Господу за то, что мы еще можем в письмах беседовать друг с другом, в этом пока вся наша отрада, хотя часто-часто нестерпимо хочется беседовать с тобой непосредственно, видеть тебя и слышать твой добрый мягкий любящий голос.

Ты просишь меня, родной, о том, чтобы я изучала с детьми Церковный устав. О, я, конечно, с радостью хочу исполнить все твои просьбы, если бы это было не так трудно мне. Они только когда в настроении бывают, то с ними сладить тогда легче. Детки расстраивают меня, и я прямо затрудняюсь, как взяться за дело, как заставить их с интересом и охотно делать то, что я прошу. Буду, милый, стараться, с помощью Божией, делать все, что смогу. Положу хотя крошечное начало этого дела, а когда ты приедешь, тогда уж довершать будешь. Верю, что в богоугодном деле Господь всегда помогает, лишь бы мы не ленились, трудились во славу Божию.

Иля очень хорошо знает Шестопсалмие и мог бы прочитать его в церкви, но никак не хочет, говорит, что народу много, а он бы вдохновил молящихся. Но я не настаиваю, потому что могут некоторые подумать, что мы хотим показать себя, чтобы не вводить людей в грех осуждения. Пока Иля еще мал

для служения в церкви, так что думаю его к этому не принуждать, будет помогать папочке читать в храме священные псалмы. Пока он может каждый праздник бывать в храме к обедне и утрени, выходные у нас здесь по воскресным дням, да и занятия у второй группы бывают после обеда, так что во все праздники Иля утром может спокойно быть в храме.

На Крещение Иля и Юрасик так же, как и на Рождество, не проспали и были у заутрени и в обедне. Только вот они в церкви не молятся. Иля совсем и не крестится, когда уж ему скажешь: “Крестись, молись”, тогда он разок перекрестится. А в день сочельника, под Крещение, никто из них троих до святой водички, до освящения, которое было в три часа дня и окончилось в четыре, ни крошечки не ел. Вот за это могу похвалить их, хотя были моменты, что думалось — не сдержат их. Хотя, кажется, Иля только зудел, что есть хочет. А Евочка прямо меня удивила, никак и не просила кушать.

На Крещение мы опять пекли блинцы, я и не думала печь, пшеницы было совсем чуточку, но Тане принесли, и она задумала испечь блинцы, и вот мы лакомились. Осталось немного маслица постного от Рождества, помазали их чуть-чуть. А еще варили вермишель белую с кусочками свинины — Тане тоже принесли за то, что она воду наговаривала*, лечила. А вермишели я купила полкило, которая стоит рубль семьдесят копеек. В будни мы кушаем все проще и однообразнее, а праздники уж чем-нибудь отличаем, особенно большие.

Ты береги себя, родненький, и поддерживай питательными продуктами. Так ты очень не истощай себя, а то я беспокоюсь, что ты очень уж экономишь. Уповаю на Господа, что Он силен дать тебе здоровье, чтобы вернуться к нам. И “будет папа нас учить, а мы папу все любить!”

Пока кончаю. Завтра еще буду писать, пора уже на покой. Спокойной ночи, милый!

Сегодня целый день приводила в порядок некоторые книги и попался в руки твой дневник 1921-го, 22-го и 23-го годов. Увлелась им и переживала с тобой все, что ты описал там.

* В советское время, когда святую (молебную) воду достать было непросто, в народе особенно распространилась практика “наговаривать” воду некоторыми мирянами. Такую воду можно было получать от некоторых стариц или старцев-мирян, блаженных. Они не “наговаривали” и не освящали воду. Вода, как и масло в лампаде, не целенаправленно освящалась потому, что здесь подвижник молился, здесь находились святые иконы, здесь с ним пребывала благодать Божия. Но существовала в народе и практика “наговаривать” воду без благословения. И хотя эти люди не занимались ворожбой и колдовством, а читали лишь молитвы (а не заклинания) на освящение воды, церковь к этому относилась отрицательно. Нам известны случаи, когда архиереи призывали покаяться людей, занимающихся “наговариванием”, объясняли им, что это грех, так как только священник имеет благодать призывать Духа Святого на освящение воды (примеч. ред.).

От сына Ильюши. 31 августа 1936 г.

Дорогой папа!

Сегодня воскресенье, мы только что позавтракали, сначала ели картофель, а потом пили чай. Я учусь в третьем классе, мне пока легко учиться, а дальше, не знаю. География и хрестоматия по литературе мне понравились. Мы вчера зарезали дыпленка, сегодня сварили щи с курятиной. Юрашу учительница хвалит, что хорошо учится, ходил в школу немножко, а уже много знает.

Стоит дождливая погода, но не очень холодная. Мы только один раз сходили за грибами, ходила Таня. Пойдем завтра с мамой, если только не будет дождя. Сейчас на улице тепло, хоть немного и ветер.

Мы с мамой ходили в Усмань, это еще до учения. Нюра уезжала в Усмань, и ей не с кем было идти, и она позвала с собой маму, чтобы с ней пошла, а мама взяла меня с собой, чтобы ей не скучно было идти оттуда.

В этот самый день к нам заехал дядя Толя с велосипедом. Он посадил меня, и мы поехали к нему. Я у него спрашивал: какое село, куда идут эти столбы. Мы доехали до железной дороги и остановились посмотреть, как пойдет поезд. Как раз шли поезда, второй поезд я не досмотрел, потому что у меня закружилась голова. Когда въехали в саму Усмань, то я думал, это еще не Усмань, а пригородки, так что мне Усмань не понравилась. Так мы приехали, его жена еще готовила обед. Пока она готовила, мы пошли к дедушке, там меня посадили обедать. Сначала я ел картофель с помидорами, а потом щи, и мы опять пошли туда, куда и приехали. Обед был готов. Сначала ели щи, с мясом, а потом котлеты мясные, а после всего из пшеничной муки блинцы. В шесть часов пошли в кино. Кинокомедия мне понравилась, но я ничего не понял. Потом одна женщина сказала: "Мальчишкина мама приходила и велела вести его к дедушке". Там я пил чай и легли спать. Утром позавтракали и пошли к маминой тете Тане, от тети пошли в Стрельцы, там пообедали, вечером пили чай, на утро хотели идти домой, но дождь не пустил до второго дня.

От жены. 28 сентября 1936 г.

Милый, добрый друг Петечка, родной!

Откуда это ты все деньжонок нам достаешь: десять рублей твои получили, пять рублей получили в письме, и вот двадцать еще. Спасибо тебе, голубчик, что заботишься о нас, но я беспокоюсь очень, что ты уж очень себе во многом отказываешь.

Сегодня мы все пишем тебе. Вечер, давно мы поужинали и Богу помолились, и засели все писать. А завтра я пойду в Карачун за деньгами, тобою по-

сланными. С утренним поездом я вернулась из Воронежа, всю ночь не пришлось спать и днем, и сейчас сижу через силу, хочется завтра отправить тебе все письма.

Господь не оставляет нас без своей всеильной помощи. Иногда сердце заболит: как-то мы будем жить. Вот эту неделю не было совсем хлеба в кооперации, и мы сидели без хлеба. И вот сегодня днем нашла фунтов десять муки и буду печь.

Вот, родной, все почти время уходит на заботу о хлебе, только когда сразу испечешь много хлебов, тогда на несколько недель успокоишься. А тут кругом все худое, чтобы дети не рваные ходили. Каждый день есть какое-нибудь неотложное дело.

Пока, родной, кончаю, спешу в Карачун на почту за деньгами. Сбегала сейчас в сельсовет, заверила извещение. Хорошо, что захватила председателя, а то бы еще крутеж был и задержка.

Целую тебя, милый. Не горюй о нас, родной. Мы все тебя очень любим и счастливы, что и ты нас очень любишь.

От сына Ильюши. 25 сентября 1936 г.

Дорогой папа!

Сейчас вечер, и я пишу тебе письмо. Сейчас и мама будет писать. Сегодня утром мама только приехала из Воронежа с бабушкой. Она жила там целую неделю, а мы здесь сидели без хлеба, потому что в кооперации нет муки и не пекут черный хлеб. 22 сентября получили от тебя двадцать рублей, спасибо за них.

Сегодня, как пришла мама, меня забрала лихорадка и я через это не ходил в школу, целый день провалялся. Нам в школе прививали оспу, мама говорит, что от этого у меня лихорадка.

У нас в кооперации принимают желуди. Завтра мы с мамой пойдем, я останусь в лесу, буду собирать желуди, а мама пока сходит в Карачун.

У нас в лесу много грибов. Я вчера ходил один с товарищем за грибами. Пошли с обеда, пришли поздно вечером. Таня обо мне беспокоилась, думала, что мы заблудились.

У меня оспа принялась, а у Юраши нет. Юраша в школу ходит утром, а я с обеда.

У нас стоит теплая, хорошая погода, не идет и дождь. Ночи хорошие: светлые и тихие.

Целую тебя, твой сынок Ильюша.

От сына Юры. 25 сентября 1936 г.

Дорогой папа!

Я учусь хорошо. У нас погода теплая. Много грибов в лесу. В школе мы пишем чернилом. Я ходил в кооперацию, купил на рубль пряников, хлеба нет. Целую тебя, твой сынок Юрася.

От жены. 29 сентября 1936 г.

Петя, отрада моя!

Получили твое письмо заказное, в котором оказалось шесть рублей. Что это ты уж очень балуешь нас.

Как трудно мне одной, я не умею и быть хозяйкой, и заботиться о добычании пропитания, и воспитательницей, и учительницей, — все сразу не могу вместить в себя. Сердце болит: как бы сделать, а мочи нет. Очень тужу, что прошлый год не купила козочку, теперь бы все, может, легче было.

Сейчас много грибов в лесу, люди и наносили, и в кооперацию сдают, а я не знаю, за что братья.

Хлеба нет в кооперации, что-то не пекут давно. Смолотили на мельнице, ухитрились, один пуд и испекли хлебы, и вот почти неделю едим. Но что-то скоро едим: одну коврижку фунтов на четырнадцать мы съели в два дня, да и то стараешься по порции резать. Только Евочка с Юрасей довольствуются своей порцией, так как за обедом все едят без хлеба, и съедают уже после свои кусочки. А Иля поест за обедом и, идя в школу, еще просит хлеба, и режешь ему еще порцию. У меня тоже аппетит большой, все есть хочется, и это после лихорадки.

Если бы я еще прошлый год приобрела козочку, теперь уж она окупилась, были бы козлятки, их можно было продать. А теперь боюсь, что без хлеба мы насидимся и козе корма не заготовим на зиму. Прошлый год было много у нас картофеля, свеклы, а теперь этого для себя не достанешь. Нынешний год скот не дорогой, может, уж и решиться покупать, но вот еще задача: все и так мне завидуют, что хлеб чистый у нас, и без хлеба почти не бываем, и лампа горит у нас со стеклом, и вообще в лучших условиях.

У нас сейчас куры, собачка и кошка, и вот собака эта так всем досадна, все ее не любят, так как мы ее кормим. А мы и даем ей только щи, а хлеб уж не даем. А она такая хорошая, умная собачка, зовем ее Тобик. Сейчас хоть Таня смирилась, а то сначала, как мы с Илей из Усмани принесли ее, так она возмущалась, чем мы ее кормить будем, сколько ей хлеба надо, а она и без хлеба живет. Теперь вот петушков режем, так косточки все ей. А Иля так за ней ухаживает и так любит. Думаю: завели собачку, надо и козочку заводить, есть кому ее караулить, чтобы воры или волк не стащили.

Твое письмо, что ты пишешь, что энергия и любовь все преодолевают, заставляет меня подумать и решительно приняться за дело, а то мы вообще все нерешительные. У меня на руках двести рублей, и вот не употребить ли их на козочку, а дальше видно будет. Еще в сберкассе осталось двести, но я рассчитала так: этих мне хватит на четыре месяца, чтобы покупать хлеб, а ведь кроме хлеба уж ничего не придется покупать.

У меня голова кругом идет: как быть, что предпринять. Нынешним летом вздумалось сельсовету прислать нам окладные листы по мясозаготовке. После мы узнали, что нужно было всем живущим разнести эти листы. Еще, конечно, разговору много будет, что и не рад будешь, и так уж всякого разговора много. В здравом смысле на это можно не обращать внимания, а делать, что необходимо. Чтобы не навлечь зависть, можно молочка уделять тем, кто может завидовать, — это и для них будет лучше.

Об утеплении квартиры мы заботимся, но вот неудобство: вторых рам у нас нет, а заказать будет стоить очень дорого. Есть одна рама короткая, которую я вставляю всегда. Но такая мука ее вставлять, так как внизу приходится забивать доски и засыпать чем-нибудь. А для другого окна нет совсем рамы, и мы забиваем низ окна досками и засыпаем. А третье окно — глазок только большой оставляем, а вся нижняя часть рамы забита досками, а в промежутке заложена соломой. В сильные морозы у нас очень тепло только, когда ветер с востока или с юга; когда продувает сильно, у нас бывает очень холодно.

Все какие-то заботы да работы без конца, не видишь, как день пройдет, даже Богу молиться стала очень мало и все со спехом.

Утром Юрасе скорей в школу надо. Юрася-то вперед всех встает, а вот Иля позже всех, да одевается не сразу. Я встаю чуть свет, спешу завтрак приготовить, чтобы Юрасе не опоздать. А когда станет светло, то их всех бужу, а скоро их не раскачаешь. Никак еще не приобрету часы, может, и лучше. А с часами: либо отстанут, или вперед убегут, и будешь надеяться на часы, а они и подманут.

А когда Юрася приходит из школы, спешим скорее обедать и Ильюше в школу идти, и Богу помолиться им некогда. А за столом сидят долго, я всегда на Илю кричу — не спешит за едой, и когда не наелся или не по вкусу ему, то категорически говорит, что не пойдет в школу, так как есть очень хочет, а щи невкусные. Прямо иногда беда.

От жены. Без даты.

Милый Петя!

Придя домой, получаю от тебя письмо, — все ты беспокоишься за мясной налог. Могу тебя в этом успокоить: секретарь Иван Яковлевич* говорит, что раз нечего у нас взять, то и беспокоиться не надо. Да еще я слышала, в сель-

* Секретарь сельсовета.

совете во время собрания кто-то сказал: почему не взимается штраф с обложженных, то ответ такой последовал, что большею частью оштрафовали тех, с кого нечего взять. Так ты, милый, в этом будь совершенно спокоен, а если мне заплатить штраф, то мы совсем останемся без питания, без хлеба насущного, — и теперь приходится голодать, а тогда уж совсем погибать. Землю я никакой не пользуюсь, а помогаю Тане с огородом управляться: копать, сажать, и питаемся с нею вместе. Ее тоже обложили мясным налогом, и Клаву тоже. А кур-то, пожалуй, и так не убережешь, так как кормить нечем, вот в этот холод они чуть не померзли у нас, но сейчас повеселели. Мне хотелось их уберечь, так как они дают иногда яички, да вот осенью и курятинку кушали.

Так вот, Петя, пока к нам не приходят и не спрашивают штрафа, я не буду платить. А если придут спросят, то я поговорю с ними и подам заявление.

Сейчас я в Воронеже и живу уже четвертый день, хлеба набрать трудно, а сослать еще труднее. И дети мои, не знаю, как обходятся без хлеба. Так сердце болит за них, что и самой здесь досыта кушать стыдно, представляя, как они там совсем без хлеба. Деньги из кассы все взяла, последние двести сорок три рубля. Купила перловых круп по три рубля за кило и по два рубля восемьдесят копеек кило, дешевле никаких нет, но вот как их довести до дома, и не знаю. Хоть бы и побольше закупить, а то пойдет располье, тогда беда. Я хоть и ломаю голову, и волнуюсь, но больше полагаюсь на волю Божию, и с Богом не боюсь и смерти, да только уж очень хочется пожить вместе с тобою хоть немного, и тогда вместе умереть. Я, кажется, давно уж писала тебе, что эта моя горячая любовь к Богу в доказательство того, что мы с тобою так сильно любим друг друга. Хоть нас на земле злые люди разлучили. Господь, видя нашу любовь, возьмет нас к себе без разлуки. О, как я сильно желаю этого!

От М.В. Хвалынской (Белозерск). 1 октября 1936 г.

Дорогой Петр Михайлович!

Начинала дяде писать, да не могу кончить уже вторые сутки. Добралась до Белозерска благополучно, только шла долго, за что от мамы получила выговор. С паспортом дело уладила, но относительно места еще ничего не узнала. Стану хлопотать, когда вернусь (я сегодня опять собираюсь в дорогу).

Как Ваши дела? Выполнили все старые заказы или еще прибавили новые?

Я буду просить Вас еще сделать снимок с нашего дома.

Привет от меня обоим Владыкам, Николаю Петровичу, матушкам Марианне и Нине. Сделал ли Владыка карточку? Буду ждать ее сюда с нетерпением.

Как Вам хор? Пишите, что нового в Вашей жизни.

М.М. Устиновой от сестры Юлии Михайловны (Нью-Йорк).
6 октября 1936 г.

Мои дорогие и милые Мариночка и Борис Дмитриевич, здравствуйте!

Давно не было весточки от вас, и я очень этим обеспокоена.

Что слышно о Пете и его семье? Сообщите хоть кратенько. Обычно ко дню моего Ангела всегда было письмо от тебя, Мариночка, и от Пети милого. Но в этом году я этой радости не имела, хоть сподобилась другого, небесного утешения. Видела я сон, что святитель Митрофан Воронежский приехал к нам на 19-ю улицу и прямо в церковь, истово, ревностно отслужил у нас литургию, всех благословил, на меня взглянул милостиво и уехал. Это было в начале лета, а в день моего Ангела наша матушка Анна (монахиня) принесла мне неожиданно-негаданно чудный образок св. Митрофана. Я так обрадовалась привету из родных мест!

В годовщину папиной смерти наш Владыка Якэнзарх служил за папочку панихиду и у меня на душе было так светло, как бывает, когда празднуется светлая память преподобных отцев наших, святых угодников Божиих. И в этот день мы с Колей получили чудное Распятие Рубенса. Один прихожанин принес его в церковь и после панихиды по папочке дал нам. Это тоже был очень радостный вечер.

Потом я рассказывала Владыке про папу, про его твердую, незыблемую веру, про чистоту его жизни, про его педагогический гений. Рассказывала и этот случай с папой (ты, вероятно, помнишь его, Мариночка?), как в одну из суббот, летом, когда папа был в Покровской церкви на всенощной, загорелся один дом (напротив нашего). Ветер шел в нашу сторону. Кто-то из братьев побежал к папе в церковь предупредить о пожаре. А папа ответил, что служба не кончилась, и остался до конца. А ветер утих и дом горел, как свечка, пока не потушили пожарные. Вот это вера, управляющая стихиями!

Мы пока все, слава Богу, живы и здоровы. Бабушке нашей (Колиной маме) скоро 75 лет стукнет. Бодрая, энергичная она, слава Богу. Оля музыкой много и успешно занимается. Так же, как и Юрочка. Ему 16 лет, и он кончает гимназию будущей весной, если даст Бог. Коля дает уроки музыки частные — понемногу живем. Недавно купили (в рассрочку) Творения св. Тихона Задонского. Помнишь, Мариночка, они были маминой настольной книгой, и "Жития святых" Филарета Черниговского. Очень рады обоим покупкам. Оленьке с Юрочкой останутся, как мы помрем. Читаю сейчас чудную книгу "Путь Христов" еще довоенного издания. Есть в нашем подворье и весь Ефрем Сирий (шесть томов), и св. Симеон Новый Богослов (полное собрание сочинений). Что это были за люди!

Мариночка, напиши мне, пожалуйста. Да хранит всех вас Господь! Всех крепко целую.

Милая Мариночка, не могла бы ты достать мне портрет папы и мамы, где они оба еще молодые, а потом папу постарше. Как мне хотелось бы иметь их.

От сестры Марии Михайловны. Без даты.

Здравствуй, дорогой Петечка!

А у нас большая неприятность — закрыли снова и окончательно наш дивный тешлевский храм, все оттуда увозят, стали ходить в село Завидово, там тоже одну церковь закрыли, а теперь, говорят, через неделю и другую закроют. На Украине давно все храмы по деревням позакрывали, в Киеве только три остались: две на Подоле и еще где-то одна.

От М.В. Хвалынской (Белозерск). Без даты.

Дорогой Петр Михайлович!

Поздравляю Вас с днем Ангела и желаю, чтобы Вы в своих глазах за этот год выросли из “регентишка” в регента. Подарок шлю по почте, отправила вчера, хотелось, чтобы он поспел вовремя. Примите и извините. Жаль, что карточки вышли никудышные. И о Петре Михайловиче есть только тень, и та неясная! Что же фотограф объясняет, что так получилось?

Относительно религиозных вопросов я могу сказать только про себя, а про других не знаю. Беседы на религиозные вопросы вообще редки. Почему у Вас сложилось мнение о моем уме с философским направлением? Такое мнение единственное в своем роде. Оно исходит от Вашей особенности находить везде и всюду дивное, прекрасное, чудное. Удивительный Вы человек, Петр Михайлович.

Согласна с Вами — где Христос, там будут и они. Но ведь чтобы быть там, нужно быть достойным, а этой веры у меня нет. Эта вера, по-моему, и есть источник, как Вы называете, безмерного счастья. Вы своими беседами заронили слабую искорку этой веры, но мне кажется, она уже потухла. Видимо, я из тех, как в притче сказано, — “взошли тернии и подави их”.

Не одна только вера христианская давала силу идти на мученья, на смерть. Возьмем татар, например. Они верили, что получают рай Магомета, в бою и умирали, старались дороже продать свою жизнь — убить больше врагов, но и самому погибнуть! А современное учение разве не дает силы переносить всевозможные мучения и смерть? Лучшие люди всех времен и народов и вер, по-моему, обладают силой на подвиг, на смерть! Красной полосой проходит по всей истории человечества стремление к счастью, к созданию счастья, но кто в чем видит счастье.

В чем цель жизни и в чем счастье, вот вопросы, над которыми ломает голову человечество, и все же ни к чему не пришло. Как я часто повторяю: “Что

имею — меня не достойно, что хочу — не достойно меня”. “В тишину мы просили бури, и в бурю просим тишины”.

Радуюсь за Вас и за дядю, что Ваши опасения насчет замены оказались напрасными. Дядя очень доволен своей жизнью с Вами. Только долго ли Вы наживете в Каргополе. Дай Бог — меньше, хотя для нас с дядей это не выгодно! Огорчает меня, что я никак не могу убедить Вас, чтобы Вы не считали себя должником. Много ли было моих трудов? Это, Петр Михайлович, Ваша особенность — все хорошее чужое увеличивать до грандиозных размеров, а свое уменьшать до микроскопической величины.

Желаю Вам полного успеха во всех Ваших делах и скорой дороги из Каргополя в родные места.

От сына Ильюши. 7 октября 1936 г.

Дорогой папа!

Сейчас утро. Мы только что позавтракали, Юраша ушел в школу. Утро сейчас холодное, на дворе туман и идет мелкий дождик, но ветер с теплой стороны, с юга.

Лампа в Пекшеве есть, и стекло можно где-нибудь раздобыть. Горелки очень копят: если один вечер постоит, то стекло все будет черное. Лампа железная, стоячая, стоит один рубль восемьдесят копеек. Может, можно было бы и горелку где-нибудь достать, но пока нету хороших.

Ты спрашиваешь, почем рожь, мука и т.д. Рожь — двадцать рублей с лишним, да и то нигде нет. Муку мама покупала за двадцать три рубля пуд. А в кооперации была двадцать пять рублей шестьдесят пять копеек за пуд. Картофель — пока неизвестно, никто не продает, потому что ни у кого нет, на картофель — неурожай. Молоко семьдесят копеек литр, масло сливочное пятнадцать рублей килограмм. Чай мы пьем с сахаром только по праздникам, потому что много на это уходит денег.

Козочку мама, наверное, не купит, потому что мы едим очень много хлеба. Деньги все уходят на хлеб. Мама в Глушице купила килограмм свинины, будем по чутьчку поджаривать в суп и щи. Пока у нас в щи есть чего положить — курятину. Мы зарезали курицу, потому что сосед подбил ей ногу, она не стала ходить. Хлеб пока едим досыта.

Вот скоро и зима, стало уже холодно, птицы улетели на юг, в теплые края. Стало очень скучно и не весело. Когда я иду в школу, то ноги никак у меня не идут. Я недавно болел малярией и пропустил три дня. Сейчас напишу тебе письмо и буду резать бумагу, чтобы заклеить окна. У нас в доме холодно, я всегда мерзну и лезу на печку, а мама на меня шумит, чтобы я слезал и чего-нибудь делал. Не знаю, чего нарисовать, кончаю письмо.

От жены. 9 октября 1936 г.

Милый, родной Петечка!

Написала тебе письмо, а тут так льет все дни дождик, что не выберусь отнести в почтовый ящик. Кооперация была все закрыта, и марок купить нельзя было.

Купили марок, да и то по пять копеек нет, а только по пятнадцать, — хотя и так можно отослать.

Решили не приобретать пока козы, а дальше видно будет. Все о том только и говорят, что хлеба нет и картошек, есть нечего, а я вдруг приобрету козу. Тут вот собачку Иля на горе завел, Таня зудит, что он ее хорошими щами кормит, самим недостает досыта поесть, и я уж не рада, зачем не настояла не брать ее у бабушки. Хотелось, чтобы у него была любовь и к животным, но он собаку больше жалеет и любит, чем окружающих своих сверстников. Он как будто стал мягче.

Юрася очень доволен, что ходит в школу, всегда приходит в хорошем настроении, а учительница его, вероятно, очень любит. Я еще ни разу не видела учительницы, а интересно мне очень спросить, как он ведет себя. Эта учительница — Прудковская, она хорошо знает тебя и Марину Михайловну. А сестра ее училась у тебя на дому, кажется, а она тогда была совсем девочкой.

Холодно очень стало на дворе, и дождь льет без конца. А мы еще картошку не вырыли, так как лошадь трудно найти распахать.

Сегодня работала иконки, так как к спеху надо заказчикам, — в воскресенье свадьба. У службы не были, так как священник уезжал на свою родину и мы не знали, вернулся он или нет. А когда я послала Илю узнать, будет ли служба, он быстро прибежал и сказал, что церковь закрыта, а спросить ни у кого там не спросил. Он мог в караулку добежать, а вероятно, обрадовался, что службы не будет и можно прямо завтракать. Беда с ними, как они на еду все свое внимание и любовь прилагают, готовы променять свое первородство на чечевичную похлебку, как Исав, про которого мы как раз вечером читали.

А сейчас уже далеко за полночь, я закончила иконки, начистила к завтраму картошек, думала лечь спать, но все время, пока работала, мысленно беседовала с тобою. И вот решила пересилить свой сон и написать тебе, и мне легко это удалось.

Как-то из Колиного письма я прочитала, что ты очень увлекаешься, как он пишет, и за это тебе плохо иногда приходится. Ты, родной, не увлекайся очень, а постарайся так, чтобы скорее к нам вернуться. Я живу надеждой, что, может, в виду Конституции всех будут восстанавливать в правах голоса, кто не осужден Нарсудом, и вас восстановят, и тогда уж вы можете вернуться в свои края.

От сына Юры. Без даты.

Дорогой папа!

Завтра праздник. Мы купили соль мелкую, теперь нам не толочь. Сегодня мы ели солوماتу*. Мама заработала за икону молочка.

Целую, твой сынок Юрася.

От сына Ильюши. 10 октября 1936 г.

Дорогой папа!

Сейчас вечер. Сегодня мы получили от тебя посылочку. Мама ходила в Карачун, оттуда зашла к бабушке. Бабушка дала маме рыбы, завтра будем варить. Вчера был праздник Корсунской Божией Матери. Спасибо тебе за посылочку, спасибо за конфетки, пряники и чудное письмо, которое ты написал мне. Книгу про Каргополь я еще не читал. Спасибо еще за лампу, мы сейчас же как достали, зажгли ее, надели стекло от той лампы. И при ней я пишу тебе письмо. Когда мы зажгли эту лампу, то стало весело и никто не уснул. Когда молились Богу, то все молились хорошо.

У нас снег стоял, и стало опять тепло. Днем солнышко греет, а ночью тоже светло от месяца, и тихо, и тепло. Утром немного морозец, потом опять отогреется и станет тепло и хорошо. Как у тебя там погода?

Мама уже чистит рыбу, чтобы сварить. Юраша и Женя еще не легли, а стоят и смотрят. Хлебушек пока едим чистый, мама режет по кусочку.

Батюшку из караулки выгнали, проломали стену, которая отделяла кухню от комнаты, печки все сломали, окно, где ты поставил тогда полати, чтобы спать, выбили. Хотят сделать школу и поместить туда третий и первый классы. Тогда и мне и Юраше будет хорошо ходить, главное недалеко.

Целую тебя, твой сынок Ильюша.

От жены. 13 октября 1936 г.

Прости меня, добрый, милый Петя, что так долго не пишу. Получила от тебя десять рублей, за которыми пришлось идти в Карачун. Все страховое перенесли туда, неудобство то, что погода не всегда благоприятная, да через реку перевоз, моста нет нигде. Медку на эти деньги мы не покупали, родной Петя, не до медку, так много денег уходит на один хлеб, так как урожай картофеля нет нынешний год, хлеба больше расходуется, да что-то у нас аппетит большой стал, особенно у меня после лихорадки, даже сама себе не рада, досадно на себя бывает. Ужасно есть хочется, и такое все кажется вкусное. Едим большей частью суп, недавно стали квас есть, а то уж супу не наготовишься.

* Солوماتа, саламата — мучная кашка.

Вскоре после получения от тебя денег получили и письмо, где ты описываешь свое страдание и потом улучшение и облегчение. Я так всегда успокаиваюсь и радуюсь за тебя, когда ты чувствуешь себя хорошо. В этом письме оказалось пять рублей. Удивительно, как ты рискнул положить их, могли ведь пропасть.

Глядя на Колину* семью какая-то тоска берет: дети капризничают, прямо орут без перерыва. То хлеба мало им, то картошек мало. Да и хлеб-то они едят смешанный с лебедой и шкурками картофельными сушеными и истолченными в муку, а чистый изредка покупают. Клава больна, сначала лихорадка трепала, как и меня, а теперь лежит не поднимается, говорит, что слабость большая, не может встать.

Вообще жить с людьми очень трудно, особенно в такое трудное время, когда нужно экономить продукты, хотя я и не экономлю особенно и стараюсь чем-либо скрасить сухоядение, особенно прошлый год, а теперь тужу. Прошлый год изобилие было картофеля, можно было совсем не тратить на масло, но я все думала, что Таня будет обижаться, что мы четверо, а она одна, а картофель исключительно ее собственный и ей через нас приходится и голодно и невкусно, все сухое и сухое.

Недели две льют дожди у нас, грибы пошли сильные, но очень мокро под ногами и холодно, что я все не решаюсь пойти, боясь опять лихорадку получить, а надо бы грибов наготовить. Грушек засушила все-таки и покушали немного, теперь уже закончились.

Есть работа у меня, за эту неделю заработала восемь рублей, а потратила на один хлеб, считая со среды, одиннадцать рублей. У меня сердце болит, что я тратить трачу, а приобретать не приобретаю, только и все мое приобретение — шестнадцать цыплят, которых начинаем кушать. Думаю и на завод пустить с десятков, если удастся сохранить их и прокормить.

От сына Юры. Без даты.

Спасибо дедушке, который дал тебе денег для нас.

От жены. 24 октября 1936 г.

Петя, родной!

Спасибо тебе за посылочку, так много в ней хорошего. Все эти крупы, присланные тобою, так нам пригодятся ввиду недостатка картофеля у нас. Я плохо сделала, что в Воронеже не купила никаких круп, все берегу деньги на хлеб. Теперь на этой неделе придется идти в Рамонь за хлебом, так как у нас в нашей пекарне не пекут почему-то, да и в Рамони все не было. Спасибо,

* Очевидно, речь идет о семье о. Николая.

рожь у нас есть, смололи и кушаем хлеб, но как он не спор стал: из пуда муки мы испекли четыре ковриги хлеба и поели в десять дней. Теперь еще смололи пуд на жерновах. И вот завтра неделя, как мы испекли еще две коврижки, но это нам дня на четыре, едим по порции. Недовольство часто бывает от того, что все не наедаемся досыта.

Прибирали картофель в погреб, надо на семена оставить, а есть нечего. Все думаю ходить по селу, по дворам, просить картошек у добрых людей. Но представь, родной, никак не могу преодолеть себя, ведь два с половиной года не ходила, как Люся прислала помощь. Да и у Тани картофеля очень много было, особенно прошлый год. Теперь без картофеля не знаешь, что варить. Копала у мамы с Олей и после на пашне набрала три мерки. Думала ходить в поле собирать, но пошли морозы.

От жены. 3 ноября 1936 г.

В ночь под праздник Казанской иконы Божией Матери

Здравствуй милый, добрый, родной Петя!

Спасибо за письмо хорошее, оно так окрылило наш упавший дух, и вот мы все сейчас пишем тебе. Не смогла вчера написать тебе, ждала, пока Илья напишет, так как у меня своей ручки нет, растеряли дети, и пока делала цветы — заказ на букет одной учительницы. А сегодня мама пришла к нам в гости, попала и к службе. А Юрася, придя из школы, поев наскоро, побежал опять в школу к директору, чтобы там стихи сказать, которые он выучил к празднику. Я стала просить его сказать стихотворение, его заглавие "Стройка". Сказал хорошо, "Верую" мы с ним учим каждый день, и он уже совсем почти усвоил наизусть.

Илья вчера был в настроении, а сегодня и к обедне не хотел идти, говорит, что увидят его, так как учится теперь в караулке. Но я ему сказала, что голову за это не отрубят, что ты пойдешь в церковь. Вот Вера, Надежда и Любовь не испугались. В церкви-то стоит, но молиться не хочет. Уж на что как быстро служба у нас отходит, сегодня спрашивает: у обедни певчие будут петь или нет? Я сказала, что будут, и он сморщился, ему не нравится, так как дольше служба. Правда, служба-то у нас не может заинтересовать, слова единого почти не разберешь. Служат без души. Как же и чем может вдохновиться молящийся, когда не разберешь ни одного слова. Так терпишь, терпишь, да и уж терпения не хватает, когда же наконец служба будет торжественно-вдохновенная.

Суета часто поглощает меня в свое таинственное дно, но я не люблю ее, она противна мне. Я бы рада была избавиться от нее, но это, кажется, невозможно. Я, конечно, особенно не беспокоюсь — четыре года живем, спасаемы Господом.

Прошлый год картофеля, свеклы было у нас в изобилии, и не елось ничего, теперь же как нарочно такой аппетит на всех напал, не накормишь никого, и через это недовольство, раздражение, а тут и тревога. Вот были крупы дешевые — рубль семьдесят килограмм, сечка перловая, и можно бы сделать запас, но все думаешь — не делать запасов. А теперь нет этих круп нигде, есть, правда, овсяная в Воронеже и то не всегда. Но я стараюсь пореже ездить в Воронеж, так как много времени на это уходит, да и дорога — шесть рублей. Лучше здесь купить картошек, стоят они пять рублей мера. Одна, правда, мне обещала мерки две по четыре рубля. Дам две иконки ей, уберу цветочками — тоже за картошки. Заказы есть у меня, только вот недели две не работала, все какие-то дела находились по дому, да в Карачун день целый прохожу, когда пойду получать от тебя деньги и посылку. Еще в Рамонь за хлебом ходила, три дня ушло у меня. Принесла на одиннадцать рублей хлеба, и поели его в пять дней. Попросила одних, которые ездят на лошади в Воронеж, купить там, и они купили на двенадцать рублей, но по весу не выходит, четырех килограмм нет. Но ничего не поделаешь, без хлеба сидеть невозможно.

Керосин достать тоже трудно, но вот мама попросила купить в Воронеже одного мужика, он за извоз взял полтора рубля. Беспокоиться и волноваться, конечно, не надо, все Бог устраивает так, что мы живем, и я особенно не волнуюсь, видя Всещедрую руку Спасителя нашего. Надо искать, надо добывать, надо думать головой. А я привыкла не ломать головы, получая все готовое.

Вот уже опять ночь, а я все еще не напишу тебе письма. Когда стало вечереть, я пошла добыть картошек: собралась с духом, помолилась Богу, чтобы Он дал мне сил побороть в себе то чувство, которое я не знаю, как назвать: гордость ли, стыд ли. Трудно всем теперь живется, как приходится голодать, может, даже больше, чем нам, а я иду, беру от него милостыню, и мне ужасно тяжело. Покупать тоже не скоро найдешь, скорее кто блюдо картошек так подаст, а продать — нет. Вот сейчас прошла двора три и ведра два небольших принесла. А пробыла долго, все разговаривают, кто про что, про свое горе, про болезнь.

Прихожу домой, и что же слышу: Иля громко, отчетливо читает акафист Пресвятой Богородице, — они молятся уже, поужинали, так как ждали меня и не дождались. Я стала с ними молиться. Мне очень отрадно было видеть детей молящимися, я с благодарной молитвой обратилась к Господу. Это они потому не стали меня ждать, что в тот понедельник была спевка и была она долго. Придя со спевки, я вижу, что детки мои спят, огня нет, а они, оказывается, и не ужинали, и Богу не молились, а так на печку забрались и заснули. Я им, уходя на спевку, сказала, чтобы они меня не ждали, но они не послушались, и вот теперь, помня, наверное, мой строгий наказ другой раз так не ждать, они и послушались меня, захотели спать и стали ужинать и потом молиться. Они всегда после молитвы ободряются, и сон бежит от них.

Сейчас у меня лежит десять иконок, надо работать, а тут хочется окна снаружи заложить соломой, а внутри засыпать и огородить дощечками. Одно я уже снаружи заложила, вбила в землю колышки, заплела их всякой сухой травой, а промежутки набила соломой, все теплее будет зимой.

Еще бы много-много написала тебе, но спешу, скорее надо отправлять. Я надеюсь крепко на милость Божию, иногда злой дух смущает меня, и тогда впадаешь в беспокойство.

Всего благополучия и здоровья тебе желаю, мой милый, родной, голубчик Петя! Да сохранит тебя Пречистая Матерь Господа!

От сына Ильюши. 3 ноября 1936 г.

Дорогой папа!

Сегодня, когда я собирался в школу, почтальон принес письмо.

Когда я пришел домой из школы, мама делала цветы. Немного погода мы зажгли лампадочку и три раза пропели "Заступнице Усердная". Потом Юраша пошел за молочком к соседке. Когда он принес молока, мама достала твоё письмо, нарезала хлеб и стала читать.

Когда прочла письмо, достала щи и мы стали ужинать. Когда поели щи, стали есть кашку из присланных тобою перловых круп с молочком. Поужинали, стали молиться Богу. Когда помолились, Женя легла спать, а я и Юрасик стали писать тебе письмо. Мама сейчас делает цветы.

От жены. 22 ноября 1936 г.

Дорогой, бесценный друг мой Петя!

Что-то тягость легла на мою душу. Сама ли я виновата или испытание да мне переживать иногда такие мучения. Наслушавшись грубостей, я и сама стала груба. А это и на детях отражается. А тут недоедание, без хлеба очень голодно. Я ничего не могу поделывать, такое состояние уж у всех, все чувствуют голод, так что не мы одни голодаем, весь народ страдает. Неурожай картофеля у всех, а хлеб в нашей пекарне давно перестали печь. На днях стали печь белый — два рубля восемьдесят копеек кило, а сегодня и по рубль семьдесят. Пришлось купить утром полкило по два восемьдесят, а вечером по рубль семьдесят килограмм. Надеюсь, из Воронежа привезут, но беда, что и там стали такие очереди, что трудно взять хлеба, и вот могут и не привезти мне. Сама собираюсь поехать, да вот заказы — иконы убирать надо невестам к свадьбе, и раньше субботы я не могу поехать, а вот как до субботы прожить, Бог даст. Уж больно на белый много денег надо, да и не так он сытный, черный, конечно, сытнее. Ох, как тяжел голод, сегодня не досыта, завтра не досыта и в результате так наголодаешься, что и не наешься, хоть и много поешь. Так что такая тоска по еде берет, что ничего не в силах делать и воображать,

делаешься какой-то дурочкой. Да и есть досыта без хлеба нечего, так как картофеля нет. Иногда думаю, что может я сама виновата, надо не смотреть ни на что и ходить по добрым людям, но мне стыдно, так как я могу работать и работаю иконки, но мало зарабатываю, а работаю до полночи.

А Иля совсем последнее время отбился от рук, каждый день покупает себе конфетки в кооперации, а где деньги берет, я не знаю. А я денег трачу много, а досыта не могу никого накормить. Молись, родной Петечка, чтобы Господь избавил нас от голодовки, простил нам наши согрешения.

От сына Юры. Без даты.

Дорогой папа!

Мы с воскресенья варим лапшу. У нас хлеба нет, мама купила белого, черного нет. Он есть только служащим. Мама купила еще к ужину, потому что мы кричали: "Есть хотим".

От жены. 27 ноября 1936 г.

Милый Петечка!

Спасибо тебе за твою любовь к нам. Особенно, родной, не тревожься о нас. Бог милостив к нам, а иногда мы сами за свои грехи получаем должное.

Прости, Петя, что редко пишу, прямо нет ни одного часочка. У меня пока очень много заказов, все ночи сижу чуть не до света, работаю, но заработок мой небольшой, так как беру дешево — рубля два за среднего размера иконку. Работаю и за картошки, и пока, слава Богу, едим каждый день. Чай пить стали часто. Как-то я купила один килограмм сахара, и мы его покушали весь в один месяц.

Страшно в сон клонит, совсем было уснула и бросила писать, да пожар разбудил. У кого-то в слободке, должно, рига горит. Но как же встревожил меня пожар, сил больше нет сидеть, так как я уж давно сижу. Сначала я с детьми: Иле пальто чинила, а потом, когда легли дети, то я делала цветы на свечи Нюре, певчей. Пока ты вернешься, все певчие выйдут замуж. Иля, когда ложился спать, сняв чулки, бросил их на печку, где Таня спит. А Таня потрогала их и говорит, что они мокрые и чтобы он их в печь положил. А он так грубо стал ей говорить, чтобы она положила их на середину печки, и у них завязался спор, и дело дошло до драки. Иля стал ее колотить. Это я вижу впервые от него — так тяжело мне стало. Ах, Боже мой, как трудно воспитывать детей, особенно когда они наклонились в кривую сторону.

Мы забываем, как надо нам жить, зароемся в житейскую суету, но ничего не поделаешь, с детьми трудно. Часто бывает, что они требуют скорее пищи телесной и не хотят слушать ни чтение, ни пение, особенно же, когда нет досыта хлеба. Прошлый год в этом отношении было лучше, и мы больше уде-

ляли внимания для чтения хороших книг, и в сумерках, иногда, пели. Теперь редко совсем поем, но читать стараемся почти каждый вечер, как только Ильяша приходит из школы. Последние дни читаем "Жития святых", а перед этим читали "Священную историю".

Вчера купила пшеница тридцать фунтов за тридцать семь рублей пятьдесят копеек. Дорого очень, но придумать не могла, как поступить. Но положила на Господа, думая, что Он послал этого человека. Может, у кого и дешевле можно купить, но я смотрю так: человек, который продавал, лишал себя питания, чтобы купить себе валенки, так что если я и переплатила — рубля два—три. Торговаться я не умею, да и как-то и не люблю, — раз человек продает, то знает почему продать.

В этом месяце я убрала двенадцать икон, и еще есть девять икон, и много спрашивают, можно ли принести к Николе. Хотелось бы и в церковь сделать еще украшение. И заработать хочется, и доброе дело сделать — украсить святой угол у людей. А то такие есть ужасные иконы, что и стыдно перед Господом образа святых держать в таком непочете. Уж много кому я здесь обрядила, думаю, когда они смотрят на иконы, все вспомнят и меня на молитве.

Скорее бы ты вернулся, много, у кого нет картинок для образа или есть уж такие старые и ободранные, а ты бы нарисовал так хорошо и живо, а я бы убрала цветами, вот была бы красота.

На наш портрет семейный все удивляются, как живо нарисовано, как фотографический снимок, и не верят, что это карандашом нарисовано.

Вчера Ильяша принес табель, и вот все почти отлично, только по письму "хор" да по дисциплине "посредственно". Юрасик также учится отлично, у него и дисциплина отлично, а по письму "хор", он грязновато пишет.

Иля изводит меня в конце: сел сейчас завтракать, сварила я кулеш хороший из пшена и едим без хлеба. Так он раскапризничался, что без хлеба и что я поеду, буду есть там (в Воронеже) хлеб, а они будут сидеть без хлеба. Уговаривала его, что завтра же пришлю с кем-нибудь хлеба, кто будет на лошади. Бог может наказать, что он неблагодарный, не может потерпеть один день, да к обеду есть кусочек хлеба. Беда с ним, всегда он недоволен. Юрочка с Женей всегда довольны, что им не подай есть, только когда есть захотят, кричат. А вот работать-то Иля — первый лентяй, все время проводит без пользы и, что заставишь делать, не хочет. Скорее бы ты вернулся, сумел бы повлиять на него.

От сына Юры. Без даты.

Дорогой папа!

Поздравляю тебя со днем твоего Ангела. Мама уехала в Воронеж. Мы сидим без хлеба, мама поехала за хлебом.

От жены. 15 декабря 1936 г.

Милый, добрый Петя!

Как часто хочется поговорить с тобою душа в душу, а писать редко когда находит на меня вдохновение, что и пера не удержишь.

Из Воронежа привезла семнадцать буханок хлеба, почти два пуда с лишним. Четырнадцать фунтов пришлось отдать долг, а то бы нам хватило и на Николу. Сегодня ходила в Глушицы, и там давали всем хлеб черный, и я купила остаток за рубль сорок пять. Завтра, говорят, опять будет хлеб. У нас пекут черный, но только дают служащим, есть пеклеванный рубль пятьдесят кило, это всем дают, но он и дорог, и непитателен.

Слышно, что с нового года всем будет черный. А так трудно ужасно без хлеба. Прямо тоска берет, когда нет хлеба. Я всегда удивляюсь и думаю, как это святые достигали того, что один раз в день, а то и в неделю вкушали пищу, как достичь этого? Вот иногда бывает, терпишь легко, но иногда нет никакого терпения, так бы поел досыта хлеба.

Получил ли ты мою посылочку? Не обижаешься ли за такой крохотный подарок? Как же ты теперь будешь работать, ведь рисовать-то тебе не на чем. Когда же наконец окончится наше испытание и мы будем вместе делить горе и радости. Все поговаривают, что по новой Конституции вас должны всех отпустить. О, Господи, смилуйся над нами, оживи нас этой радостью.

Я всегда довольна тем, что есть у нас. Вот купила пшеница — и через день кулешик варим. Думаю, что надо очень и очень экономно его тратить. Часто тужу, зачем прошлый год тратились на что-нибудь лишнее. Но мы и питались исключительно картофелем. Все в руках Господа, и жизнь, и смерть наша: будет день — будет пища. Это меня всегда успокаивает.

В общем наша жизнь пока благополучна. Святая порция дает легкость духа мне. Дети, правда, еще слишком материальны и не могут сознавать этого. А я чувствую на душе легкость. А эта книга, которую я читаю, дает понятие о тяжести материальной жизни. Дух не может парить на высоте, когда отягчен излишком материи.

Пока, родненький, кончаю. Спешу работать, а то к празднику не поработаю всех заказов.

Целую тебя, Петя, отрада жизни моей! Храни тебя Господь!

От бывшего ссыльного иеромонаха В. Без даты.

Дорогой Петр Михайлович!

Сейчас только что получил столь ценное и дорогое для меня Ваше письмо. Пришло оно как нельзя кстати. Была у меня спевка к празднику Сретения Господня, и я сильно горевал, что не могу запевы воспеть, как в Каргополе певались, а Вы печаль мою в радость большую превратили. Спасибо Вам

стократное. Каргополь и Вы, обездоленные и в изгнании сущи, часто мною вспоминаетесь.

Живу я пока на старом месте и год прожил в спокойствии. Подыскиваю себе другое место, так как священник, до меня служивший, вернулся из ссылки и надо ему место уступить. Пока устроились вместе и служим, переменяя обязанности священника и псаломщика. "Верую" поем. Жалею, что ноты не писал в Каргополе. Многое сейчас пригодилось бы. Вспоминается "Господи, помилуй" угрешское, а под руками — нет. Приходится и регентовать мне, но Вы знаете, дело это не по моим способностям.

С отцом Виталием иногда видимся и, конечно, об Вас вспомним. Пишет ли отец Нил? Как-то они поживают. Если переписываетесь, то от меня искренний привет передайте. Всем, кто меня помнит, передайте привет: отцу Владимиру с певчим, Николаю Петровичу, Николаю Ивановичу Ястребову*, всех и не перечесть, кого бы хотелось видеть и братски облобызывать. А Вы что сейчас делаете? Какие работы исполняете и можно ли кормиться. А как дело с освобождением обстоит? Неужели пятилетку выполнить придется? Напишите обо всем — куда думаете устроиться. Если я перемену место, то сразу же сообщу, а пока пишите по старому адресу. На днях пошлю и деньжонок немного. Да хранит Вас Господь.

От бывшего ссыльного диакона Михаила Тифиева. Без даты.

Многоуважаемый Петр Михайлович!

Сердечный привет и пожелания всего наилучшего, а главное — здоровья от Господа Бога милости и всякого благополучия. Писанное Вами "Святейший Боже" я получил, за что от души Вам благодарен. Заживусь деньгами, пришлю по возможности. Напишите, есть ли у Вас "Славословие великое", что Вы пели. Если есть оно у Вас, то мы Вам вышлем деньги, и Вы напишите нам.

Сердечный привет владыке Пахомию, прошу его владычного благословения и молитв, недостойный диакон Михаил. До письменного свидания. Да хранит Вас Господь.

От бывшей ссыльной — регента каргопольского храма. Без даты.

Дорогой Петр Михайлович!

Наверное, здорово Вы на меня обозлились, что даже ни разу поклончика не прислали. Переложите гнев на милость и напишите мне, как идут Ваши дела по пению. Ведь голосов много, только учи. Я-то ведь этим не занималась, а у Вас времени свободного много. Трудитесь во славу Божию.

В Москве пение мне абсолютно не понравилось, особенно в том храме, куда перешел наш приход. Это сплошной крик и вопль. Концерт едет на кон-

* Ссылный.

церте и концертом погоняет. Простого "Христос воскрес" не слышала. Я удивляюсь, как епископ Сергей, заместитель Нила Михайловича, допускает подобное безобразие. Молитвенности никакой, и поневоле вспоминаешь наш скромный каргопольский храм, где была только молитва. Вам-то, возможно, этот вопль понравился бы, но я считаю, что в этом направлении у Вас вкус испорчен. Изредка, а именно в большие праздники, когда у всех настроение само по себе приподнятое, можно спеть что-нибудь особенное, а всегда следует петь скромно и пением выразительным подогрывать молитву. А тут так: проорали — и все к выходу. Нет, никогда я не любила подобное, а теперь и тем паче. В храме поближе к нам поют лучше, но часто тоже вещи берут совершенно неподходящие, но все же здесь я люблю больше бывать. Вот и Вам мой совет — пойте незамысловатые вещи, но молитвенно, чем громоздить Бог знает что. Я думаю, что Вы пока еще очень громоздких вещей не поете.

А у меня ангина. Вчера была высокая температура. Сегодня стараюсь расхотиться. Ведь лежать негде. Сплю почти на голом полу. Так же спит и Гуля*, так как на его постели спит Катя**.

Голос у меня все еще не вернулся, а папка все мечтает, что у него петь буду.

Нашу жизнь похвалить не можем, живем пока только в налог, и если бы не помогали сестры и брат, то и не знаем, что бы делали.

Уже получили извещение на шестьдесят килограммов мяса. Это за 1937 год. Сегодня все наши хотели внести хоть часть, так как сейчас очень подешевело мясо из-за недостатка сена — поголовно почти продают коров.

Меня очень интересует Ваше пение. Напишите, как Вы там трудитесь на этом поприще? Велик ли хор? Из кого он состоит, хорошие ли голоса, какие вещи поете, и вообще обо всем. Вас хвалили, что Вы молодец, много только трудиться приходится. Ну ведь без этого нельзя. Только неужели учите каждого отдельно?

Катюша здесь очень скучает, ни на кого она не променяет своих каргопольских друзей.

*Ссылному священнику отцу Андрею от П.М. Обыденного.
Без даты.*

Дорогой батюшка, отец Андрей!

Как Вам известно, у меня есть горячее желание, что возможно делать для улучшения нашего церковного пения. С этой целью я дома переписываю ноты, сам разучиваю еще неизвестные мне, повторяю старые, готовлюсь к занятиям с певчими и занимаюсь с ними при всяком удобном случае. Ужасно хотелось бы, чтобы и певчие мои шли мне навстречу в этом моем стремлении.

* Сын бывшей ссыльной.

** Дочь бывшей ссыльной.

Я благодарил Бога и благословлял судьбу свою, когда в Вашем лице обрел весьма внимательного и способного ученика. Но — увы! Это когда-то было, а теперь заменилось чем-то противоположным, и это ужасно угнетает мою душу. Я не знаю, что думать о Вашем теперешнем отношении к делу.

Быть певчим, становиться на клирос и не посетить регента с целью подкрепления своих знаний и приобретения новых в течение нескольких месяцев, — это для меня непонятно.

Я не могу быть равнодушным к чистоте и относительной художественности нашего пения. Всякие неправильности, ошибки с нашей стороны меня глубоко мучают. Я считаю себя виновником подобных дефектов пения и хотел бы сделать все от меня зависящее для устранения их и для достижения возможно более стройного, согласованного, если возможно, даже художественного пения.

Прошу Вас усерднейшим образом откликнуться на мой горячий призыв и возвратиться к прежнему отношению к делу.

Не хотелось бы в этой записочке ничем оскорбить Вас. Я слишком благодарен Вам за все прошлые Ваши труды и внимание и могу только глубоко печалиться о теперешнем, по-видимому, охлаждении к делу. Если виноват в этом я сам, — простите меня, но не лишайте прежней радости занятий с Вами. Петь за другими — неинтересно для певца и вредно для общего дела.

Приступаем, батюшка, к разучиванию "Христос рождается" Аллеманова и греческого распева. Это потребует сравнительно большого количества времени, потому что все восемь песен у Аллеманова имеют свою композицию, требующую тщательной проработки. Кроме того, надо подготовить и застойник Введению и Рождеству Христову. Хотелось бы и вообще кое-что обновить, пополнить наш скромный репертуар, разучить "Херувимскую" П. Бортнянского — нетрудная, но весьма величественная вещь! Если бы певчие проявляли больше любви и усердия в деле прославления имени Божия...

Простите. Остаюсь в надежде на Ваше внимание к моим словам.

Петр Обыденный.

От жены. 8—9 января 1937 г.

С великим праздником Рождества Христова поздравляю моего лучшего друга, радость жизни моей, милого Петечку!

За неделю до Рождества я ездила в Воронеж за хлебом, купила двадцать три буханки по два кило в каждой, сослала с базарниками, теперь, думаю, до Крещения хватит нам хлеба. Купила еще девять килограмм круп перловых по два рубля тридцать копеек кило. Это сама несла, варю из них суп, а сегодня и кашку сварили для праздника.

Когда шла со станции, было очень холодно, ветер большой был прямо навстречу. Устала я на этот раз очень, долго чувствовала себя плохо.

Мы тоже устроили у себя елку. Я сделала звезду из блестящей бумаги от шоколадных конфет, которые собирает для меня Лариса, сделала ангелочка из ваты, нарисовала лицо, крылья сделала из блестящей бумаги. И вот наверху елки звезда, под ней ангел, а ниже картина Рождества Христова из "Нивы", которую ты прислал. А еще игрушки повесили, елка получилась красивой, детки рады ей, вчера устраивали вечер, зажигали на елке свечи (огарочки взяли в церкви). Пропели хором "Рождество твое, Христе Боже наш", "Дева днесь", потом Иля и Юрася стихи сказали: Иля говорил такой:

Ты слышал райские напевы,
То в небе Ангелы поют,
Родился Божий Сын от Девы,
Ему хвалу все воздают.

О, вострепнись, душа больная,
Скорей в надежду облекись,
Твой Бог принес тебе из рая
Бальзам небесный, исцелись!

Спешу к Нему, Он ждет привета,
Как жданный гость из дальних стран,
Он к нам снизшел во тьму от света,
Он Врач твоих душевных ран.

Вглядись: Он весь любовью дышит,
Он жизнь готов за нас отдать,
Молись Ему, Он видит, слышит,
Старайся ближе к Нему стать.

Потом вокруг елки пели хороводом, играли в фонарики, а потом вскипел чай.

Сегодня уже 27 декабря (по ст. ст. — Примеч. сост.), третий день Рождества, от тебя, наконец, весточка и поздравление с праздником. Но надо и поругать тебя, чтобы ты не писал так о себе. А меня, родной, ты огорчаешь как будто бы подозрением нелюбви к тебе. Когда я читала, то, обращаясь к детям, спросила: "Правильно ли, что папа называет себя негодным отцом?" Дети в один голос сказали, что неправильно.

А меня ты все еще, наверное, хорошо не знаешь, а может, думаешь, что я изменила свои взгляды на жизнь. Ты пишешь, что боишься совместной жизни, что ты очень стар и отстал от современной жизни. А мы разве не оставшие так же? Дети юны еще, чтобы не любить тебя. Прошлый год мы очень полюбили священника, который служил у нас. Он в твоих летах, играл с нами и так же любил их. И вот тебе пример того, что дети не могут не любить тех, кто их хоть немного приветит, и вдруг они не будут любить своего родного папу. Это недопустимо даже и думать тебе.

А я, милый Петя, как смогу не любить тебя, когда я так была счастлива с тобой, когда мы были вместе и когда любили друг друга юной любовью, такою прекрасною, как весенний цвет! Теперь этого может и не быть, так как мы оба с тобой стали старые, но ведь любить-то мы любим друг друга, как брат и сестра или как отец и дочь. Ты для меня, как отец, как мой покровитель, и с тобой я бы ничего и никого не боялась. Прошу только тебя — не давай таким глупым мыслям приходить тебе в голову, ты такой умный, высоко стоишь на ступени совершенства христианской религии, многие уж говорят о тебе, что ты единственный в мире человек, твердо идущий по истинному пути Любви и Правды.

Ах, родной Петя! Совсем расстроил ты меня. Если я теперь страдаю, то я это страдание считаю пустяком в сравнении с тем страданием, которое ты можешь нанести мне своим подозрением. Чем же я докажу свою любовь нерушимую к тебе, единственному моему идеалу! Ты затронул самое мое больное место, я сейчас пишу и плачу.

У меня часто были такие мысли, что ты можешь не доверять моей любви к тебе, тебя удивляет, что я могу любить тебя, так много старше себя, но причем здесь молодость, красота, главное место в любви занимает душа, красота души, ведь и ты это всегда говорил. Так зачем же бояться совместной жизни? Пусть будет она такой с какими-нибудь страданиями, лишениями, но лишь бы быть вместе неразлучно, делить и радости, и горе.

Я не жду улучшения материальной жизни нашей, теперь все очень угнетены в материальном отношении, да и зачем стремиться к улучшению, желать улучшения. Пусть будет так, как угодно Господу, только бы Он соединил нас вместе, а там тогда не так страшны страдания, лишь бы любовь согревала наши сердца.

Ты пишешь, что тебе советуют стать священником, а у меня часто были такие мысли, — стоя в церкви у службы и глядя на священника, который благоговейно совершает богослужение. У меня было желание видеть тебя служащим священником, а я бы руководила хором.

А когда подумаешь, что может опять разлука предстоять, так сердце сожмется больно-больно. Не хочется опять пить эту чашу страдания, хотя бы изредка можно бы было видаться, чтобы облегчать страдания, отводить душу в беседах уста к уста, тогда бы было облегчение в разлуке.

От жены. Январь 1937 г.

Милый, добрый Петя!

Получила твои два письма, в одном из них заявление, которое ты советуешь мне подать по поводу мясного налога. Но ты не беспокойся, можно и не подавать заявления, так как кажется, что с кого нечего взять, с того и не будут брать.

Я приберегу это заявление на случай. Этот твой совет придал мне храбрости. А то я боялась, что не буду знать, что сказать и на что опереться, если вдруг придут к нам и будут требовать уплаты. На твой совет пока уплатить, чтобы не оказаться противником власти, я скажу так, что пока не требуют и не приходят к нам, я не думаю платить. В тюрьму меня за это не посадят, так как куда же дети брошены будут.

Вчера получила от тебя двадцать три рубля и вот завтра иду в Карачун получать их, а послезавтра — на станцию — в Воронеж, за хлебом. Все голодают, все только и толкуют, что трудно терпеть голод. Народу очень много ездит в город за хлебом. Все-таки Бог спасает нас и питает, мы сами уж очень себя напрасно волнуем.

Милый Петя, меня очень беспокоит мысль, что ты не бережешь себя и оставляешь себя совсем без питания, а это, родной, больно для меня. Да и детки ждут поскорее папу своего обнять. Так что моя великая просьба к тебе: береги себя. Зная тебя, что ты очень воздержан и очень лишаешь себя ради нас, поэтому и беспокоюсь. Верю, что Господь, по любви своей к нам, не допустит великого горя, и молюсь всегда за твое здоровье.

Детки чувствуют себя, слава Богу, здоровыми. Юрася и Женечка радуют меня своей ангельской добротой, особенно Женечка, — это моя утешительница, как она меня очень любит и жалеет. Иля все-таки добрый по своему сердцу мальчик, но очень самолюбив, горд. Он часто меня огорчает своею грубостью, скрытостью и своеволием, и мне кажется, что у него есть уже недоверие ко мне, и часто появляется, мне кажется, нелюбовь к Богу. Когда он недоволен пищей, которая есть у нас, то он раскапризничается и говорит, что не будет Богу молиться. Есть хочет, а суп не ест, говорит, что гадкий. Он любит все очень вкусное, чтобы с жирком, да с молочком, да с чаем побольше порция была сахара. А ведь на все это очень много уходит денег. Я как-то подсчитала, и вот в месяц, без картофеля, так как приходится чем-нибудь его заменить, я трачу вместо пятидесяти чуть не около двухсот рублей.

Ты пишешь ужасный случай с убийством, так и у нас каждый год убийства. Прошлый год чуть не трех убили, а недавно, под Крещение, убили и бросили в колодезь под горой Дмитрия Григорьевича, по прозвищу Комаря. Он был раньше председателем сельского совета, в последнее время в колхозе кем-то был. Жил он хорошо это время, и убит ни за что, ни про что.

В 1937 году много людей у нас в селе умерло. Наташи, певчей Андриюшиной, отец Никифор Андреевич* очень плох, и сына своего Михаила не дождался, почему-то его не отпускают, ведь он осужден на три года.

* Односельчанин.

От жены. 1 февраля 1937 г.

Милый, добрый Петя!

Что-то нет весточки от тебя, на меня уныние нападает. Я так сейчас тоскую, не видя ни любви и не слыша ласкового слова. Прошлое ушло куда-то в далекий туман и кажется чудным сном. А так хочется скорее увидеть тебя, обнять со всею силою святой, чистой, преданной любви. Чтобы утешить тебя, успокоить, ободрить и осчастливить!

Неделю тому назад мы обманули сами себя, прочитали в газете "Амнистия и помилование осужденных органами РСФСР". Я так обрадовалась прочитав, что глазам своим не верила, перечитывая несколько раз. Когда в четверг, придя опять в Глушицы, сказала Оле о том, что мы прочитали, она посмеялась нам, сказав, что мы переворачиваем по-своему. После такой радости — горькое разочарование. Ведь мы считали, что уже скоро увидимся, уж стали строить планы, что пойдем с Ильюшей встречать тебя на станцию. Женечка все толковала, что папа привезет ей живую куклу, которая и говорит, и глазки закрывает и открывает.

Ах, милый, я так исстрадаюсь от разлуки, что нет сил набраться терпения, так хочется, чтобы поскорее закончилось это томление. Настроение мое ушло после разочарования, и я уж ничему не рада, жду только весточки от тебя, чтобы успокоиться, так как твои письма придают мне бодрость и силу. Утешь меня, согрей мое сердце своею любовью, ты так давно далеко, что я не чувствую отрады, а все какой-то гнет.

От дочки Жени. Без даты.

Дорогой папа!

Что же ты давно не пришлешь письмо. Целую тебя. Женечка.

От сына Ильюши. 1 февраля 1937 г.

Дорогой папа!

Мы получили посылочку от тети Верочки. Штаны и рубашки нам с Юрашей, Жене — костюмчик синий. Маме — платье белое и шапочку. Нам: Юраше, Жене и мне — чулочки и двух сортов конфеты.

Сейчас вечер, Женья и Юраша уснули, а мы с мамой сидим и пишем тебе письмо. Завтра мы с мамой пойдем в Глушицу за хлебом.

За третью четверть я получил табель: все отлично, и дисциплина хорошая. Я каждое утро, как позавтракаю, иду кататься на лыжах. Я очень-очень люблю кататься на лыжах. На дворе у нас стоят большие морозы. Мы что-то давно не получали от тебя писем, напиши, пожалуйста, скорей нам письмо.

Целую тебя, твой сынок Ильюша.

От жены. Без даты.

Дорогой Петя, как ты питаешься, ты ничего о себе не напишешь. Вот Коля пишет, что и у вас очень трудно с хлебом, большие очереди. Как же ты, милый, обходишься без хлеба? Если вот круп нет, то я бы прислала тебе перловых.

От сына Ильюши. Без даты.

Дорогой папа!

Сейчас прочел твое письмо. Ты пишешь, чтобы я переписал тебе ноты? Хорошо! Я с радостью примусь с Богом за это дело.

В понедельник мама уехала в Воронеж опять за этим хлебом и придет, наверное, вот в эту субботу. На улице целые лужи воды, так что нельзя пройти в школу. Прихожу в школу весь мокрый, и опять домой мокрый, и не знаю, как теперь мама из Воронежа дойдет до нас.

Сегодня мама прислала нам хлеба и мы его кушали. Мама тогда еще купила чечевицы и перловки, перловку мы засыпаем к завтраку, чечевицу к обеду, и так каждый день.

Ты пишешь, что надо платить налог. Выброси ты это из головы: если сейчас заплатить, то они увидят, что мы можем заплатить, но не хотим, и будут сильнее требовать. И будут каждый год накладывать все больше и больше налога. Ты говоришь, что когда все отдашь, — ходить просить милостыню. Никто ничего не даст, потому что у людей нечего и самим есть. В нашей школе побросали совсем ходить, потому что нечего есть.

От жены. 21 февраля 1937 г.

Милый, добрый голубчик Петя!

Ради Господа, успокойся насчет мясного налога. Я уже писала тебе подробно, как обстоит дело. Эта раскладка всем, но платить должен тот, кто имеет скот. И я писала тебе, что слышала на собрании, как сказано было, что оштрафовали тех, с кого взять нечего.

Пробыла в Воронеже полторы недели, все закупала, взяла из сберкассы последние двести тридцать три рубля, да у меня было тридцать, и вот потратила в Воронеже сто сорок девять рублей. Купила тридцать буханок хлеба (буханки три высушила там, в Воронеже, чтобы легче было нести). Двадцать три буханки сослала на лошади и еще двенадцать кило чечевицы тоже сослала, а с собой взяла сухари, круп перловых килограмм и муки три кило. Тяжелая очень была моя клажа, но со станции я все везла на салазках. Тужу, что не взяла еще гороху, который тоже купила, да оставила у наших в Воронеже. Старалась покупать то, что подешевле. Чечевица стоит рубль сорок кило, — очередь за ней большая была. Горох — два рубля кило, перловая крупа — два

Крестный ход у возрождающегося Знаменского женского монастыря
Воронежско-Липецкой епархии. Елец. 2001 г. Фото С.В. Кузнецова

рубля восемьдесят кило, мука пеклеванная — два рубля двадцать копеек. Все это взамен картофеля, так как иначе нечего варить.

Недавно стали у нас печь хлеб пеклеванный — один рубль пятьдесят копеек кило, буду теперь покупать его, чтобы пореже ездить в Воронеж, да и смысла нет ездить, то [если бы] я могла большим капиталом располагать, хотя еще есть долги: Оля должна мне рублей семьдесят, да Лариса — сорок.

Постараюсь выделить тебе всех продуктов, которых накупила, и послать посылочку, ты ведь очень любишь чечевицу.

Ах, милый Петя, всегда, когда побываю в Воронеже, посмотрю, как все живут чистенько, при электричестве, сами какие-то чистенькие. Мне кажется, что они больше живут духовными интересами и материальная жизнь их легче. А тут живешь в грязи, в пыли, в дыму, в блохах. У нас очень блохи развелись, прямо покоя нет. Кроме этих, паразитов нет у нас, стараемся каждую неделю купаться и менять белье.

Часто я думаю, что, может, надо бы что-либо придумать и действовать, надо бы мне устраиваться, чтобы иметь работу, чтобы заработок был настоящий, хоть небольшой. Посмотришь, все мои сестры устроились, работают и

малость обеспечены. Часто думаю, что все и от себя зависит, надо только на что-либо решиться.

Я все жду твоего возврата, — тебе уж одному не под силу будет работать. Когда ты вернешься, мы вдвоем и подумаем, что предпринять. Может, ты будешь священником, а я буду псаломщиком с тобою в одной церкви служить, например, в Лопатках хотя бы, мне очень нравится там. Но да будет воля Господня. Я надеюсь, что Господь укажет нам путь, по которому идти.

Вот ты, Петя, пишешь, чтобы я доказала свою любовь не на словах, а на деле. Ах, родной, неужели нет совсем дел, которыми я уже доказала свою любовь к тебе. Прости, милый, если чем когда-либо и огорчила тебя. Теперь скоро Прощеное Воскресенье и ты, я знаю, простишь меня.

Это было последнее из сохранившихся писем Петру Михайловичу Обыденному, посланных до востребования в далекий город Каргополь Северного Края, писем, которые связывали его с беззаветно любящей женой, детьми, родными и близкими, писем, которые он бережно хранил в годы разлуки до последнего дня своей жизни.

Дивный, пресветлый, Сияющий светом воскресения, Христе!

Чудный в своем духовном обновленном теле. Даруй и моей грубой плоти обновление и просветление, утончение и одухотворенность. Удостой и меня, искупленного Твоею пречистою Кровию, отречься в эти чудные пасхальные, небесные дни от сладкой, но бременной, телесной и в излишестве вредной пищи телесной и заменить ее дивною, чистою, многополезною и несравненно более сладостною пищею духовною, пищею святых пасхальных песнопений и подготовкою певчих к новым чудным пасхальным песнопениям. К этой небесной, сладостной церковной пище всех верующих, приходящих в храм святых и жаждущих насладиться единственным в году неземным торжеством.

Даруй мне, Боже, не ходить по гостям, по обедам, а работать, изготавлять сладкие кушанья для души, для слуха и сердца и ума верующих. Помоги мне, Боже, быть истинно духовным человеком, регентом, достойным этого звания, и исполнять святое дело свято, чисто и непорочно и с успехом! Благослови, благослови, Дивный Боже, труд мой высокий и прекрасный!

Так молился в канун Прощеного Воскресенья сурового тысяча девятьсот тридцать седьмого года Петр Михайлович Обыденный. И эта молитва — последнее, что дошло до нас в память об этом скромном православном русском человеке...

Г.П. Дурасов

ЧЕРНИЧЕСТВО И СЕКТАНТСТВО В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1850-е годы

Публикация С.А. Иниковой

Чернички, юродивые, блаженные, странники и старицы со старцами были неперенным элементом русской духовной жизни, прежде всего деревенской. Чернецами на Руси называли монахов за черный цвет их одежды. Чернецами и черничками также называли монашествующих в миру, т.е. людей, которые вели монашеский образ жизни, но не были пострижены и продолжали жить среди односельчан или странствовать из села в село. Применительно к ним употреблялись еще названия “монашки” и “монахи”. Иногда с духовным опытом они обретали дар целительства, прозорливости и пророчества и становились старцами и старицами, вокруг которых складывалась духовная община из богомольных односельчан и черничек; в их домах находили приют странники и юродивые. Многие монастыри России, прежде всего женские, выросли из таких общин.

Принято считать, что черничками становились засидевшиеся в девках, потерявшие всякую надежду выйти замуж девушки. Такие перестарки и вековухи были в деревне объектами насмешек. После смерти родителей они оставались жить в семьях братьев и должны были терпеть постоянные попреки и укоры. Становясь монашками в миру, вековухи меняли свой социальный статус¹. Современники отмечали, что многие чернички вынужденно оставались незамужними из-за физической неспособности к тяжелому крестьянскому труду. Однако, как видно из ниже публикуемого рапорта Воронежского и Задонского епископа Иосифа, среди черничек были и такие, которые совершенно сознательно отказывались от брака во имя служения Богу. Одни делали это исключительно из благочестивых соображений, другие предпочитали остаться одиночками, наблюдая тяжелую, часто несчастливую семейную жизнь замужней женщины. Для физически здоровой девушки это был единственный уважительный предлог, чтобы отказаться от брака. Некоторые становились монашками в миру по обету родителей. О таких неоднократно говорится в рапорте епископа Иосифа. Причем чернички по обету носили черное платье с детства. Сельская учительница из Харьковской губ. сообщала, что

обеты сделать своих дочерей черничками и посвятить их Богу обычно давали матери очень болезненных девочек. Такие девочки мало участвовали в детских играх, не ходили на посиделки².

Чернички могли жить в одном доме с семьей, где специально для них выгораживали угол или чулан. Во время страды они обычно вместе со всеми домашними работали в поле, хотя их к этому не принуждали. Они считались молитвенниками за всю семью, и в этом было их главное предназначение. Но чаще чернички предпочитали селиться в келье, построенной где-нибудь на задах родительского двора. Такую келью обычно строили отец или братья. Они же всю жизнь заботились о черничке. Зачастую, если в селе было несколько черничек, они вместе строили общую келью на церковной или надельной земле, предпочитая выбрать место где-нибудь на окраине деревни или села, а то и за селом, ближе к лесу и подальше от суеты. Бывало, что одинокая вдова или девица, имевшая свой дом, из милости принимала к себе на житье одиноких, лишившихся дома таких же вдов или убогих вековущ. Таким образом возникали общины.

Обычно они состояли из 2—3 человек, но численность некоторых доходила до 10 человек. В иных селах, деревнях черничек было больше, чем в среднем монастыре. Например, в с. Поварино Новохопёрского уезда Воронежской губ. число таких монашествующих в миру в 50-е годы XIX в. доходило до 60, а в слободе Красной того же уезда — до 43³.

Значительно труднее было стать на этот путь мужчине. Только существенный физический недостаток мог оправдать его отказ создать семью. Очень часто мужчины становились монашествующими в миру, странниками, старцами в преклонном возрасте, когда с них снималась забота о детях и они могли уйти из семьи. Об одном таком "монахе" из Данковского уезда Рязанской губ. сообщал в журнале "Живая старина" Н. Рудинский: "От своей семьи он живет врозь, в отдельной келье, в которой, говорят, много образов и стоит даже нечто вроде аналая"⁴. Нередко монашествующие в миру мужчины делали себе землянку подальше от села, занимались чтением Священного Писания, молитвенника, привлекая своим аскетическим образом жизни внимание окрестных жителей. Мужские общины возникали сравнительно редко.

В народе к черничкам и чернецам относились в основном с большим уважением. Иногда безродной черничке келью строили односельчане. Бывали случаи, когда кто-нибудь из особенно благочестивых верующих людей строил им келью на своей земле. В с. Гавриловка Кирсановского уезда Тамбовской губ. после того, как в 1851 г. полиция запретила существование общины, опечатав келью, стоявшую около церкви, и три чернички оказались без крыши над головой, церковный староста села разрешил им перенести избу на его землю⁵. Правда, бывали и такие случаи, когда крестьяне выражали недовольство тем, что на их надельной земле поселился отшельник, как это было в с. Лысые Горы Козловского уезда Тамбовской губернии⁶.

Чернички, жившие вне семьи, сельскохозяйственным трудом не занимались. Они добывали себе пропитание выполнением рукодельных заказов: например, стегали одеяла, шили и вышивали приданое. Они же учили девочек началам грамоты, в основном — читать Псалтырь, так как сами обычно большего и не умели. Но главной статьёй дохода черничек было обмывание покойников, чтение по ним Псалтыри, часто это была единственная возможность прокормить себя. Старцы и отшельники жили тем, что им приносили их богомольные почитатели.

Читая Псалтырь по усопшим, монашествующие тем самым лишали доходов церковных причетников. Священники жаловались в Синод, что чернички “восхищают иногда права и выгоды церковнослужителей чтением по усопшим Псалтыря”⁷. Церковники следили за черничками, и если узнавали, что кто-то из них читает по покойникам, то попросту отбирали Псалтырь.

Светские и даже духовные власти относились к монашествующим в миру очень настороженно. Хотя чернички регулярно посещали церковь, ежегодно, а то и несколько раз в год исповедовались и причащались, опасения Церкви вызывала иногда выказываемая ими непомерная гордость. Они, по словам священников, считали себя призванными свыше, особенно праведными, на которых лежит Божия благодать. Епископ Воронежский Иосиф писал в рапорте в Синод, что “у них многие верования противоречат догматам веры, моления их странны, сборища их и образ жизни соблазнительны”⁸. Эти чернички проповедовали безбрачие, считая его признаком особой праведности. Возможно, в видах конкуренции, но некоторые из них убеждали своих односельчан, что их помин при неугасимой лампаде более действен, чем церковное поминание.

Уже сам факт, что девицы и вдовы живут общинами или где-то недалеко от села в землянке обосновался отшельник, к которому толпами ходят почитатели, что они ведут таинственный, трудно контролируемый образ жизни, наводил местное светское начальство и священников на мысль, что этим людям есть что скрывать. Опасаясь последствий, чиновники предпочитали наиболее простой путь решения проблемы: разогнать общины, уничтожить кельи и землянки или вовсе запретить существование монашествующих в миру. Чиновники в своих рапортах зачастую стремились преувеличить исходившую от этой категории людей опасность и отдельные факты неблагоприятных поступков монашествующих пытались представить как явление массовое.

Ассессор Тамбовского губернского правления в апреле 1851 г. крайне негативно и несправедливо писал в служебной записке о черничках: “Большая часть из них, насладившись в молодости всеми благами мира сего и желая избежать за жизнь заслуженного презрения, надевают на себя черное платье, переходят в особые от своих семейств дома и разыгрывают роль монахинь в

мире”⁹. Он отмечал, что общины черничек нередко “служат притоном для всех праздношатающихся тунеядцев, носящих полумонашескую одежду, и весьма нередко для беглых, и заключают в себе зародыш многих расколов”¹⁰, и предлагал запретить существование этих обществ. Кирсановский исправник разогнал в выше упоминавшейся Гавриловке несколько таких общин. 26 апреля 1851 г. Тамбовское губернское правление предписало градской и земской полиции тщательно следить, чтобы чернички в губернии общинами не жили, носили обычное платье и не читали Псалтыри по покойникам¹¹.

Нельзя сказать, что опасения светских и духовных властей были абсолютно безосновательны. Случалось, что чернички, ведя разговоры на религиозные темы и заходя слишком далеко в своем религиозном рвении, иногда толковали Священное Писание собиравшимся в их кельях богомольцам отлично от Православной Церкви. Кроме того, среди монашествующих в миру время от времени действительно появлялись люди, пропагандировавшие хлыстовство или собственные учения, не поддающиеся идентификации. Некоторые глубоко верующие чернички, стремившиеся жить по Слову Божьему, для которых подвиг аскезы, проповедуемый лженаставниками, казался очень привлекательным, попадали под влияние ересей.

В ходе судебного следствия, проводившегося в 1850–1851 гг. в Тамбовской губ. над хлыстами, выяснилось, что в четырех селениях Борисоглебского уезда причастными к хлыстовству оказались чернички¹². В 1896 г. в Оренбургской губ. “под личиною строгого подвижника и юродивого”, как говорилось в письме Департамента полиции, начал свою деятельность по распространению хлыстовства некто Иван Утицкий. Его неоднократно арестовывали, но по разным причинам он каждый раз оказывался на свободе. В Ельце Орловской губ. он выдавал себя за человека, близкого праведному Иоанну Кронштадтскому, распространял слухи, что по его настоянию снял с себя вериги, которые носил долгое время, и в итоге открыл женскую обитель. В 1902 г. он был арестован в Воронежской губ. за распространение хлыстовского учения и организацию хлыстовских собраний. Простому народу порой было трудно распознать, кто скрывается под личиной аскета — православный праведник или сектант. Утицкий “едва было не совратил в ересь” священника, а потом совратил в хлыстовство послушницу Елецкого монастыря и бежал с ней¹³. Другой хлыст — Федор Луценко — стал духовным наставником женской Троицкой общины в Острогжске Воронежской губернии. Он провозгласил себя апостолом Петром, в котором якобы пребывает Св. Дух, устраивал богомоления, на которых читал и толковал Священное Писание, пел церковные и хлыстовские песни, истово молился и бил поклоны, а затем “наделял благодатью” насельниц общины, т.е. публично совокуплялся с ними¹⁴. Известны случаи, когда под видом монашествующих странников, ходивших по монастырям, скрывались скопцы.

Воронежская губ. так же, как и Тамбовская, в XVIII—XIX вв. имела немало очагов различных ересей. Сведения, которые сообщаются в публикуемом “Рапорте епископа Воронежского и Задонского Иосифа Святейшему Синоду”, недостаточно полные, чтобы делать окончательные выводы, однако складывается впечатление, что среди черничек и чернецов в слободе Красной хлыстовская ересь уже пустила корни.

¹ Тульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. № 11.

² Свет В.Н. О черничках // ЭО. 1889. Кн. 1. С. 93.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1383. Л. 3, 7.

⁴ Рудинский Н. Знахарство в Скопинском и Данковском уездах Рязанской губернии // ЖС. 1896. Вып. 2. С. 195.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 552. Л. 17, 19.

⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2120. Л. 11 об.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1383. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 1 об.

⁹ Вопросы истории религии и атеизма. М., 1961. Вып. 9. С. 256.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 552. Л. 13.

¹² Вопросы истории религии... С. 257.

¹³ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 511.

¹⁴ Там же. Д. 387.

С.А. Иникова

РАПОРТ ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО ЕПИСКОПА ИОСИФА СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ*

11 июля 1857 г.

Благочинный города Новохопёрска Троицкой церкви священник Никанор Патрицкий донес мне, что во многих селениях Новохопёрского уезда и даже в самом городе Новохопёрске находится особый класс людей под названием черничек. К сему классу людей принадлежат не одни девицы, но и вдовы женщины, которые, оставшись бездетными после замужества, обрекли себя по просторечию черничить, то есть жить более свято ради Бога. Все таковые чернички отличаются между собою образом жизни и самим направлением духа. Одни из них степенны и показывают истинно добрый образ жизни, которую они назидают своих ближних, к Церкви усердны и безвредны духовным. Другие, проводя также жизнь по правилам Закона Божия, восхищают иногда права и выгоды церковнослужителей чтением по усопшим Псалтыря, которым они, между прочими занятиями, обеспечивают свое содержание.

* Публикуется по: РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1383. Л. 1—19 об.

Третьи, наружно только состоя в классе черничек, в самом же деле часто оказываются неблагочестивыми, кроме сего они резко отличаются от других направлением духа, считая себя призванными от Бога к какому-то высшему состоянию в жизни. От сего они стараются казаться пред другими более набожными, в молениях своих изобрели многие странности и при службах церковных выражают чувства свои разными исступлениями. При чем присовокупил, что чернички первых двух отделений нисколько не опасны для своих ближних, ибо они, свято исполняя уставы Церкви, излишне не любоумудствуют о догматах веры. Кроме того, что некоторые из них при своем благочестии почитают безгрешным воспользоваться выгодами церковнослужителей от чтения Псалтыря по усопшим, иногда немногие из них злоупотребляют благим расположением добрых людей, внушая при этом, что их молитвы более самых молитв церкви споспешествуют спасению душам отшедших. Последнего же класса чернички, хотя в основании своем не противны духу благочестия, но направлением духа противны и могут быть опасны для ближних своими убеждениями и образом жизни. Ибо у них многие верования противоречат догматам веры, моления их странны, сборища их и образ жизни соблазнительны. Например, верование их в высшее какое-то звание, назначенное им от Самого Бога, который постоянно беседует с ними не только внутренне в уме и сердце, но и чувственно во внешних видах, от сего они готовы презирать всякое другое звание, не исключая духовного, величают себя сынами Божиими и порождениями Духа Святого, который преисполняет их безмерно своими благодатными дарами, и, состоя в высшем каком-то звании, они готовы заметно отвергнуть и всякую власть на земле. Осуждают таинство брака, почитая оный слабостью человеческого естества, и, забыв слова Спасителя о девстве, не все вмещают словеса Сего, обязывают всех к состоянию девства, а если допускают кому по слабости, то не более до тридцатилетнего возраста. Сборища свои, состоящие из мужчин и женщин, они основывают на пример первенствующих христиан и не более ли на еврейских обычаях, ибо, по их мнению, ничего не значит мужу бросить жену с детьми, и наоборот, и иметь сообщение с другим посторонним лицом (хотя, может быть, некоторые делают это по чистой любви, а в других подозрительна любовь между мужчиною и женщиною, совершенно чуждыми между собою), и, по уверению их, сборища, соединенные из мужчин и женщин, кажутся для них более совершенными пред Богом и составляют истинное братство о Христе. Моления свои они совершают более ночью, нежели днем, и при молениях много заметно еврейского ибо они совершают оное чрез чтение большею частию Псалтыри и сопровождают какими-то пениями, при чтении встречающиеся выражения, например "восплещите руками", все повторяют рукоплесканиями; "хвалите Господа гласом радования" — сопровождают смехом и тому подобное. После чтения возлагают руки друг на друга и заключают взаимным целованием в

знак душевной любви. Сверх того, во время моления высказывают разные странности, как-то отверзают уста и будто получают благодать, от которой вскоре иногда падают на землю как бы от сильного исполнения оной, а иногда даже бьют себя о стены дома, и в таких умоисступлениях нередко засыпают мужчины с женщинами вместе. После труда предлагается от хозяина трапеза, исполненная только яствами без вина.

По рапорту сему, вследствие утвержденного мною определения консистории, из оной от 5 июня 1856 года предписано было благочинным города Новохопёрска протоиерею Василию Кузнецову и священнику Никанору Патрицкому, дабы они чрез секретное дознание собрали и доставили консистории следующие сведения: с какого времени и в каком числе находятся означенные чернички в городе Новохопёрске и в селениях по Новохопёрскому уезду, живут ли они общинами или отдельно; если общинами, то как велики таковые общины, какие из числа их считаются главными руководительницами и наставницами, не употребляют ли они каких-либо действий к распространению между другими своих заблуждений, как часто они составляют свои сходы и в каких именно домах, всегда ли в их собраниях участвуют мужчины, исполняют ли как самые чернички, так и участвующие в их собраниях мужчины христианский долг исповеди и Св. Причастия и не принадлежат ли как те, так и другие к какой-либо секте. На каковое предписание означенные благочинные рапортами донесли:

1. Священник Никанор Патрицкий, — что а) в селе Поворине вредные в обществе своею зазорною жизнью чернички Евдокия и Мария Яковлевы Макушины, Агафья Васильева Воинова и Феодосия Михайлова Мокроусова. Всех же черничек в Поворине душ до 60, появились они с давнего времени, живут иные при родителях, а другие одни по 10 и менее в своих особых кельях; содержание себе добывают от трудов, и все они, кроме вышепоказанных, ведут добрую жизнь, особенных заблуждений между ними не замечено, кроме того, что некоторые из них в прежнее время совершали помин по усопшим чтением Псалтыря, и таковое чтение они предпочитают церковному поминовению, но в настоящее время по тщательном наблюдении и увещании их священниками оное заблуждение уничтожено; б) в селе Танциреях вредные в обществе своею зазорною жизнью чернички государственные крестьянки Татьяна Пожидаева, Ксения Тюнина и Дарья Юркова. С начала чернички появились в Танциреях не более 10 лет, число их простирается человек до 30. Большая часть из них живут в домах своих родителей, немногие только в особых кельях, которых три. Все они, кроме означенных выше, ведут себя скромно. В прежнее время некоторые из черничек составляли в доме государственного крестьянина Петра Гудкова сходы, в коих участвовали разные черницы, приходившие из города Новохопёрска и других мест для пения псалмов, чтения священных книг и вместе для распространения разных суеверий, изло-

женных в прежнем его рапорте, но в настоящее время, при усиленном внимании священников за поведением их, сборища и все суеверия прекращены; в) в селе Третьяках всех черничек до 20, живут отдельно в своих кельях от родителей душ по 8 и не менее 3-х и ведут себя честно, особенных заблуждений между ними нет, кроме того, что некоторые из них, грамотные, так называемое неугасимое чтение по покойникам почитали полезнее в отношении к спасению, нежели молитвы церкви, и таковое суемудрие при увещании священниками их теперь редко приходит в исполнение; г) в селе Тюковке чернички появились с давнего времени, число их простирается до 10 душ, живут отдельно от родных в своих кельях и степенно, исключая Евфимии Мокроусовой, которая поведения зазорного; д) в селе Губарях черничек 8, живут при домах своих родителей или родных, исключая Дарьи Щелоковой, имеющей отдельную келью, впрочем, все ведут, по-видимому, порядочную жизнь. Из них Дарья Щелокова и Авдотья Маликова опасны собственным убеждением и уверением других в предпочтительной силе их помина чрез неусыпное чтение Псалтыря в сравнении с молитвами церкви о преставившихся. Кроме того, Щелокова в продолжение 24 лет, несмотря на всегдашние убеждения приходского священника, ни однажды не причащалась Святых Тайн в церкви, но ежегодно и преимущественно на страстной неделе представлялась больною и вследствие того или требовала чрез брата своего к себе в келию священника для приобщения Святых Тайн, или сама приезжала с кем-либо из родных в дом священника с требованием исповеди и Св. Причастия, тогда как ни прежде, ни после такого требования не заметно было в ней особенной болезни, кроме болезни всегдашней — хромоты. Авдотья же Маликова в продолжение всей зимы и лета 1856 года, по словам матери ее, отправлялась куда-то для обучения каких-то новых черничек; е) в слободе Макашке чернички появились с давнего времени, число их простиралось прежде до 15 душ, а в настоящее время не более трех осталось, живут в домах своих родителей скромно. За несколько времени бывали там сборища в разных домах крестьянских для пения псалмов, совершались моления с многими странностями и слышны были после того в народе некоторые толки относительно брака и девства, особенно же святости тех чернецов, но в настоящее время не заметно сборищ и не слышно опасных каких верований; ж) в селе Горелке чернички появились с давнего времени и число их простирается до 5 душ, живут в домах своих родителей степенно. Опасный своею жизнью находится там отставной солдат Матвей Игнатов Черников. Он производит разные неистовства в церкви во время службы и странен не менее своим образом жизни вне храма. Так же по частным известиям слышно, что он в другие места тайно путешествует по Новохопёрскому уезду для навещания какого-то особенного братства и для собеседования о благочестивых будто бы предметах; з) в селе Песках чернички появились с давнего времени и ныне находятся в числе 39 человек, из них

некоторые живут общинами отдельно от родителей и родных не по равному числу душ в их келиях: от 2 до 6, а некоторые при родителях и родных. Руководительницами между ними почитаются Евдокия Голубина, Марья Сморгцова, Евдокия Панкова, Агафья Агапова, Анна Агапова, Фекла Нагорнова и Анна Юрасова. Жадность к прибытку исключительно действует в наставницах. Они по смерти кого-либо из достаточных людей или выходят при погребении их на кладбище, или являются в дом их родных и просят поручить им чтение Псалтыря при неугасимой лампаде, внушая при том, что поминовение усопших в церкви менее доходно Богу, чем непрерывное в шесть недель чтение Псалтыря. И таким образом, сами заблуждая и легковверных увлекая в заблуждение, лишают усопших должного поминовения. Завзятые в обществе своим поведением чернички: Агафья Агапова, Пелагея Чиждкова, Фекла Нагорнова, Анна Юрасова, Евдокия Юрасова, Ефросинья Яковлева, Евдокия Агапова, Домна Голубина, Марфа Голубина и Дарья Зудина. Хотя редко, но в праздничные дни многие из черничек собираются в одну какую-либо из келий и там проводят время в разговорах, чтении и пении псалм, причем иногда участвуют и мужчины, впрочем, они стараются делать это сокровенно, от чего трудно достоверно открыть сущность их сборищ, образ их пений и молений.

2. Протоиерей Василий Кузнецов, — что а) в приходе его есть подобного рода чернички, которые называются так потому, что носят черное платье. Одна — в городе Новохопёрске купца Алексея Козырева сестра девица Агриппина Семенова дочь, 25 лет, живет с ним на одном дворе, но отдельно от семейства в особой хате, занимаясь работою — литием сальных свечей; другая — поселка Русанова вдовы государственной крестьянки Ирины Артемовой Ерофеевой дочь Ксения Харитоновна, 21 года, а третья того ж поселка вдовы государственной крестьянки Гликерии Яковлевой Томиной дочь девица Екатерина Семенова, 21 года. Эти две последние девки живут вместе с матерями их, занимаясь сельскими работами, и все они христианский долг исповеди и Святого Причастия исполняют, к секте раскольников не принадлежат и в предосудительных поступках не замечены, и б) кроме означенных черничек, в приходе же его имеет собственный дом мещанин Гавриил Тимофеев Степанов, по просторечию Роскода, 34 лет, с женою его Евдокиєю Варфоломеевою, 33 лет, и детьми Матреною 9, Ефросиньею 4 и Агриппиною одного года, который, как носится в народе слух, допускает у себя в доме бродят, так называемых богомоллов — чернецов и черничек, но он, протоиерей, при посещениях у него, Степанова, никого не заставал, за исключением государственного крестьянина Никиты Ламтева, о котором он отзывался, что принимает его потому, что он ему родственник — двоюродный брат жене его; сам же он, Степанов, с семейством христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют ежегодно.

При чем представил отобранные им от подведомственных священно- и церковнослужителей сведения, в коих значится: а) города Новохопёрска Крестовоздвиженского собора, — что в приходе их есть черницы, девицы Дарья и Ксения Афанасьевы, родные сестры; Марфа и Анна Иваниковы, тоже родные сестры. Как Афанасьевы, так и Иваниковы живут своими домами, те и другие немолодых лет: Дарья — 56, Ксения — 51, Марфа — 50 и Анна — 47 лет. Носят они черное платье, по их словам, с самого их детства, в соборищах они ни в каких не участвуют, в храм Божий ходят постоянно, а дома занимаются тканьем ковров и обучением малолетних детей грамоте. Вообще девицы Афанасьевы и Иваниковы ведут себя честно. По слуху же им известно, что государственный крестьянин Никита Ламтев и другие подобные ему лица — мужчины и женщины, сходявшиеся в некоторых домах в уезде и в самом городе Новохопёрске для чтения будто бы Слова Божия и пения церковных песней, сходились для той же цели и на хуторе их прихода, в доме мещанина Ивана Вереникина, но сами они при исправлении церковных треб в сем хуторе подобного соборища в доме Вереникина не заставляли, уклонения от церкви в семействе его также не замечали. Как сам Вереникин, так и семейство его ежегодно бывают у исповеди и Св. Причастия и вообще все обязанности христианские исполняют в точности. Других лиц, которые бы принимали участие в соборищах, в их приходе нет; б) того ж города Троицкой церкви, — что в приходе их особого класса так называемых черничек, которые по направлению духа опасны и вредны в обществе, нет. Между прочим, в доме только одного купца Ивана Проскурякова находятся две внуки его девицы Евдокия Иванова дочь 20 и Евдокия Адрианова 16 лет, которые с год тому назад без согласия родителей, ушед из своего дома, проживали месяцев пять у чернецов и черничек в приходах Крестовоздвиженского собора, а именно в квартире государственного крестьянина Никиты Ламтева и мещанской девицы Феодосии Исаевой. Поводом к удалению из дома означенным девицам служило, вероятно, особенное какое-то уважение к мнимой святости тех чернецов, как людей, будто освященных, по их мнению, большею благодатию Божиею пред другими. Сами же по себе они не грамотные и не имеют особенных заблуждений, христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют и к какой-либо секте раскольников не принадлежат. Что же касается до мнимого чернеца, государственного крестьянина Никиты Ламтева, состоявшего прежде в их приходе, то он года три тому назад по случаю переселения жителей слободы Кочерги на другое место, продав свой дом, переселился в приход Крестовоздвиженского собора, в котором он постоянно исповедовался и приобщался Св. Тайн, и доселе находится в том приходе; в) слободы Пыховки Рождество Богородицкой церкви, — что в приходах их, как в слободе Пыховке, так и в слободках и деревнях состоящих, особого класса так называемых черничек, которые бы отличались от других или особым образом жизни, или особым

покроем и цветом платья, приличным черничеству, нет. А хотя и есть в самом малом счете чернички, так именуемые в простонародии собственно потому, что по недостаткам телесным, застарелости возраста, неизлечимым болезням или же по личным, согласно с волею родителей своих, благочестивым обетам, ведут жизнь безбрачную и приучены несколько грамоте, но они никаким неправомыслием, вредящим Православию веры, не заражены, живут постоянно в семействах, а не отдельно, сборищ предосудительных, как между собою, так и с лицами, не принадлежащими к их полу, не имеют, ведут себя благо- нравно, занимаясь тем же, чем и всякий семьянин, обязанный заботиться о пропитании и содержании себя; г) слободы Бурляевки Покровской церкви, — что в приходе их находятся чернички: 1) помещицы Апраксиной Федорова дочь Краснопольская, 27 лет, начала носить черное платье с 20 лет, слепа от рождения на один глаз, живет вместе с своими братьями; 2) той же помещицы крестьянская девка Пелагея Алексеева дочь Романенкова, 37 лет, начала носить черное платье с 15 лет, слаба здоровьем, живет в своем доме; заблуждения у них никакого нет, сборищ не составляют, христианский долг исповеди и причастия ежегодно исполняют, к секте раскольников не принадлежат, и все они по направлению духа не опасны и в обществе не вредны, моления их обыкновенны и образ жизни не соблазнительный; д) слободы Красной, — что черничество в слободе Красной началось почти с самого основания оной и продолжается до сих пор, количество черниц в слободе их простирается до 43 душ, название черниц присвоено им по безбрачной их жизни и по грамотности, платье их одинаково с прочими крестьянами слободы, с некоторым только отличием в повязке, которая бывает преимущественно у престарелых темного цвета; занятие их — чтение Псалтыри, ткацкий стан, портняжество и обучение грамоте малолетних своего звания; не достигшие сорокалетнего возраста и не одержимые какими-либо болезнями употребляют в работы на господских полях и заведениях. Некоторые из них имеют собственные дома отдельно от родных, а прочие живут в особых домиках, но на дворах родителей или родственников при вышеписанных занятиях. Руководительниц между ними нет, разве старейших по летам. Особенных противных Св. Церкви молений между ними не замечается, кроме чтения Псалтыри за умерших и живых. На пожертвования на сей предмет они склоняют своих односельцев частью своею безбрачностью, частью и обольщением, что труд тот совершается ими при неугасимой лампаде или свече на определенный срок, от чего и приносы им деньгами, платьем, холстом и прочим бывают нередки, а по сему, поелику количество самозванных молитвенниц за души живых и умерших значительно велико, то и вред для священно- и церковнослужителей немало- важен. Христианские обязанности исповеди и Св. Причастия исполняются ими ежегодно, а иными по два и по три раза в год; к секте раскольников они не принадлежат. Но тлетворное семя важнейшего зла посеяно в легковерных

сердцах прихожан их церкви в половине 1853 года грамотным крестьянином Александром Пискуновым. Сей лукавый лжец учил слушателей своих, что приближается уже кончина мира; доставши где-то книгу "Зеркало души человека", внушая им, что изображенные в картинках той книги на сердце животные и гады, действительно, находятся в сердцах человеческих. Занятие полевыми работами и житейскими трудами Пискунов считал излишними и ко спасению не нужными. Наставляя своих последователей пещись о частых учредениях для своих собратий и председательствуя на оных, допускал вновь приходящих к обету целовать у него руку и плечо. В св. песнях речения: "отверзу уста моя, руками воспоем" и подобные поучал понимать буквально. Почему последователи его, стоя в церкви, делают странные нехристианские телодвижения, подпрыгивают, смеются, плачут, рыдают и проч., чем приводят в соблазн истинных богомольцев, хвалятся видениями святых и грешных из предстоящих. В ночных сборищах сначала поют священные песни, далее Пискунов предлагает в виде поучений разные рассказы, потом едят и наконец ложатся спать без разбора пола и супружеских связей. И это последнее гнусное дело названо Пискуновым духовною братскою любовью. В сообщество принимаются мужчины и женщины среднего возраста, здорового сложения и приятной наружности. Наружное богопочитание, по-видимому, совершается ими строго, к божественным службам являются они по первому звону и выходят из церкви после всех, приложившись ко кресту, если служатся какие-либо молебны. О творимом ими в тай[не] срамно есть и глаголати. Связи супружеские расторгаются, плотоугодие почитается братскою любовью, слышно даже, что некоторые из них кощунствуют над св. иконами и священнослужением. Понимая бездну зла, причиняемую сими блаженными, как присвоенно им это название, вотчинное слободы Красной правление вынуждено было всех их в прошлом году поставить в ратники в Бобровскую дружину, кроме Александра Пискунова, который, прослышав о предполагаемом наборе ратников, заблаговременно неизвестно куда скрылся. Мера эта была полезна, гнилые члены общества были истреблены, богомерзкие сборища отчасти уничтожены. С возвращением же ратников в первобытное состояние прежние посеянные Пискуновым плеве-лы начали снова проявляться и тайные ночные сборища паки между ними повторяются. По бывшему их ратницкому состоянию многие из них считают себя свободными от крепостного состояния и уже открыто восстают против установленных над ними властей. Сведения о делах сих заблудших овец почерпнуты нами от добросовестных людей, бывших из любопытства случайно в их собраниях; при увещаниях же их они во всем забираются, хотя гнусность блудной их жизни свидетельствуется рождением некоторыми из них детей. При чем приложили именной список как черниц, так и уклонившихся от правоверия: е) слободы Алфёровки Николаевской церкви, — что в приходе их число черничек простирается душ до 18, все они

живут при своих семействах, носят черное платье по своему произволу, заблуждений у них никаких нет, сборищ не составляют, к секте раскольников не принадлежат, по направлению духа не опасны и в обществе не вредны, моления их обыкновенны и образ жизни несоблазнителен. Кроме сих, Евфимия и Акилина Емельяненковы, Татьяна Малеева, Марья Могилина, Ирина Саломенкова и Евдокия Загнибородина позволяют себе сборища; ж) села Никандровки, — что в селе их число черничек состоит из трех душ и называются черничками потому, что носят черное платье, заблуждений у них никаких не имеется, сборищ не составляют, христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют ежегодно, к секте раскольников не принадлежат, и все они по направлению духа не опасны и в обществе не вредны, моления их обыкновенны и образ жизни не соблазнительный; з) села Петровского Петропавловской церкви, — что в селе их число черничек простирается душ до 15; одни из них большею частию ведут себя честно, а другие не благопристойно, принимают к себе мнимых людей, подобных себе, мужского пола и живут очень развязно; сборищ у них не бывает, христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют ежегодно, к секте раскольников не принадлежат, обществу не вредны, но священно- и церковнослужителям некоторые из них делают вред, именно солдатка, просфорня Евдокия Сомошкина, как настоятельница над живущими с нею девками, читает Псалтырь чрез шесть недель и уверяет простых людей, что неугасимая свеча важнее Божественной литургии, потому что литургия совершается в полтора или в два часа, а свеча горит постоянно день и ночь; и) села Васильевского Казанской церкви, — что в приходе их число черничек простирается до 6 душ, заблуждений у них никаких нет, сборищ не составляют, христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют ежегодно, к секте раскольников не принадлежат, по направлению духа не опасны и обществу не вредны, моления их обыкновенны и образ жизни не соблазнительный; и) села Нижнего Карачана Николаевской церкви, — что в селе их число черничек простирается душ до 14, все они почти каждый воскресный день бывают в церкви, сборищ у них не бывает, христианский долг исповеди и Св. Причастия ежегодно исполняют, к секте раскольников не принадлежат, по направлению духа не опасны и обществу не вредны. Кроме означенных черничек есть еще два чернеца: 1) Николай Рощёпкин, 46 лет, обрек себя странствованию, когда же бывает в их селе, в церковь Божию ходит постоянно, у исповеди и Св. Причастия бывал ежегодно и обществу не вреден и 2) Владимир Малин, 24 лет, с 20 лет начал бродяжничать и выдавать себя за юродивого, когда бывает в их селе, в церковь Божию ходит, на исповеди и у Святого Причастия не бывал во все время бродяжничества и, как слышно, принадлежит к какой-то богомерзкой секте; к) села Среднего Карачана, — что в селе их число черничек простирается до 38 душ, из них до 24 душ ведут себя прилично, заблуждений у них никаких не имеется, сборищ не составляют,

христианский долг исповеди и Св. Причастия ежегодно исполняют, к секте раскольников не принадлежат, и все они по направлению духа не опасны и в обществе не вредны, моления их обыкновенны и образом жизни не соблазнительны. Остальные же затем, именно: Тимофей Шубов, Трофим Самохин, Фрол Сынков, Андрей Лыков, Васса Суринщикова с дочерьми своими Пелагеею и Стефанидою, солдатка Агриппина Батаева, Матрена Котова с дочерью Акилиною, Параскева Рослякова с сыном Меркулом, Агриппина Шумских и Агриппина Безлепкина, хотя все они в воскресенье и праздничные дни всегда бывают в церкви и даже раньше других стараются придти в оную и христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют ежегодно, но за всем тем в недавнее время начали собираться в дом означенной Вассы Суринщиковой, где, заглушив окна и закрыв двери, производят пение; л) села Верхнего Карачана. — что в приходе их находятся две только чернички пожилых лет, сборищ у них никаких не бывает, христианский долг исповеди и Св. Причастия исполняют неупустительно, к секте раскольников не принадлежат и вообще образ жизни их не соблазнителен и в обществе не вреден. Затем 3) благочинный священник Никанор Патрицкий на особо данное ему предписание донес, что государственный крестьянин Никита Ламтев принадлежит к классу чернецов, отличающихся особенным направлением духа. Главное направление чернецов состоит в дерзновенном самомнении оных о себе, по которому они почитают себя чистыми более других, выдают себя вдохновенными, тогда как истинного, древним пророкам свойственного вдохновения не видно ни в их словах, ни в их действиях. Вследствие самомнения они начали считать себя призванными от Бога к какому-то высшему состоянию в жизни, казались пред другими более набожными, при службах церковных выражали чувства свои разными иступлениями, то есть содроганием всего тела или смехом, и предавались другим странностям. При чем присовокупил, что чернецы сии от природы имеют пылакое воображение, соединенное с упорством в характере, но не лишены в душе тайной жажды к добру, по которой, как выражается пророк Давид, душа наша чает к Богу как совершеннейшему источнику всякого блага. Чувствуя влечение к добродетели, они первоначально хотели по возможности с помощью Божиею очистить себя от пороков, коими многие из них были заражены во дни юности, и, может быть, сколько-нибудь успевали. Ибо и теперь некоторые из них иногда сильно бывают погружены в размышления о грехах своих, и сердце их растерзано чувствованием их множества и их важности. Блага удовольствия, даже и невинные, кажутся им как бы отвратительными, но, будучи сверх меры горячие духом и неустойчивы в стремлениях, также имея упорство в характере, легко могли, упражняясь, по видимому, в добродетели, впадать в заблуждения, так, например, в своих пылких порывах чувств, без надобности, по временам ратовали за истину, заботились сильно о вразумлении других, даже и высших себя, не думая о том,

сами-то они достаточно ли выразумели и усвоили то, за что ратуют. Невежество же, соединенное с упорством характера, вовлекло их еще в большие заблуждения, а именно, слыша слова Евангелия — ноне оставить дом или жену и проч., некоторые из таковых чернецов без всякой надобности оставляли жену, детей, домашние занятия как бы несовместными с преуспеянием в духовной жизни. Также замечая в себе некоторые естественные дела, производимые природою по подражанию благодати, стали приписывать самой благодати, случайные расположения духа почитали постоянными навыками. Так, обманувшись некоторым видом раскаяния во грехах своих, некоторыми видами дарований духовных и добродетелями, по наружности христианскими, начали выдавать себя за вдохновенных людей и самую благодать Божию вздумали предпочитать силою непреодолимою, которая если дается кому от Бога, необходимо принуждает человека к известной деятельности и исключает в нем всякую возможность противиться внушениям и отпадать от ее влияния. В таком состоянии заблуждения находится означенный крестьянин Никита Ламтев. Подобный ему почти в тех же качествах содержащийся в тюремном замке Новохопёрского уезда слободы Алфёровки, уволенный из военного ведомства кантонист Никита Щербаков, исключая только пункта семейного состояния, коим он не обязан. Впрочем, и их обоих нельзя считать без разбора людьми ожесточенными в своем заблуждении, в которое они впали от собственного размышления. Ибо, как заметно ему из многократных наблюдений над ними, заблуждения их состоят не в совершенном отвержении истин, но более в недоразумении и в ложном применении истины. Заключены оба сии чернецы в тюремный замок собственно за подозрение в заблуждениях, противных Церкви, более преступлений нет за ними. Что же касается до других общников их духовной жизни, содержащихся в тюремном замке, помещичьих девиц Новохопёрского уезда слободы Алфёровки Евдокии Загнибородинной и Акилины Емельяненковой, то, как видно из частых собеседований его с ними в тюремном замке, они далеко не согласуются в понятиях с вышеозначенными Ламтевым и Щербаковым. Обвинены они местным правительством будто в беззаконной связи с Щербаковым и затем в последовании его заблуждениям. Кроме сих именуемых чернецов, есть еще не содержащиеся в тюремном замке общники более или менее их заблуждений, живущие в городе Новохопёрске: мещанская девка Феодосия Исаева, у которой в доме главное пребывание всех таковых чернецов, вдова мещанка Евдокия Литвинова, мещанин Гавриил Тимофеев Роскода, купец Иван Петров Вереникин и села Нижнего Карачана государственный крестьянин Владимир Сусоров, но сии лица, если содержат в тайне какое заблуждение, то по удостоверению только от других, по слепому последованию, и сделались предосудительными в обществе собственно за принятие подозрительных чернецов к себе в дом. При чем приложил и собранные сведения о соблазнительной жизни и действиях

государственного крестьянина Никиты Ламтева, в коих написали: в первом — протоиерей Василий Кузнецов, что а) государственный крестьянин Никита Ламтев подавал повод к соблазну, находясь в церкви, тем, что имел обыкновение становиться в оной по левую сторону, в которой по принятому обыкновению занимает женский пол, а он, Ламтев, становясь в середине, имел запачканный и дырявый халат нараспашку, почему и белье, прикрывающее тело, для всех было видным, также запачканное, худое, так что некоторые части тела были видны в летнее время, иногда босым и в одном нижнем белье, а зимою на руках имел рукавицы, стоя же в церкви, неизвестно чему иногда смеялся, плакал, кривлял членами тела, зевал, разевая рот и прикрывая оный рукою. Все эти действия преимущественно производил во время пения херувимской песни, входил в алтарь, передавая принятые им от других свечи с рукавицею на одной руке, по окончании проповеди он иногда говаривал вслух: “покорно благодарю за хлеб, за соль, напитал мою душу”, припевал, стоя вне клироса в своем месте странным и весьма неприятным для слуха голосом — басом; б) в домашней жизни каких-либо проступков, противных нравственности, он не мог заметить потому, что он в его приходе квартировал немного времени, занимая квартиру, так сказать, в конце города, и в бытность его в той квартире, у него посторонних людей не было, но хозяева дома предъявляли ему, что к нему сходятся по времени обоего пола люди из города, а более — сторонние и преимущественно того ж уезда из слобод Красной и Алфёровки и производят пение, что подтвердили и ближайшие соседи и что поэтому он, Ламтев, хозяевами был удален с квартиры. В летнее время прошлого года трижды приходила к нему мещанка с жалобою на Ламтева, что он увлек из дома их двух совершеннолетних ее внук — девок от 17 до 19 лет, которые проживают у него, шатаются с ним по разным местам и которым он, Ламтев, внушает родить детей, не вступая в супружество, без всякого греха и опасения, и что за это он, Ламтев, сам отвечает; в) при разговорах с ним, Ламтевым, и увещаниях оставить творимые им беззакония и возвратиться на прежний образ жизни он никаких внушений не принимал, да и не позволял ему продолжать таковые, говоря, что он сам все знает и знает, почему так делает, что он министр Божий, свыше имеет дар знать, что следует делать и чего не делать, и дар имеет поучать других, что самое и доселе, хотя гораздо скромнее, выказывает, по тому, кажется, случаю, что он находится в тюремном замке, но при всем том, при исправлении им священнослужений в оном, по окончании таковых, когда арестанты еще не разойдутся по своим каморам, начинает о чем-либо расспрашивать и потом рассуждать, как тяжело страдать и вместе с тем как отраднo терпеть Господа ради и проч.; г) когда до сведения его дошло о разных сборищах, как в городе, так и в уезде онаго, и когда в два случая он проходил мимо дома мещанки девки Феодосии Исаевой, то он сам слышал пение собравшихся в оном людей, и, как по собранным частным све-

дениям, что в оном сбирщице главным действователем был Ламтев, то он словесно просил г. городничего обратить внимание на тот дом Феодосии Исаевой и на Ламтева, и вследствие чего впоследствии это сбирщице разогнано было полициею, как ему об этом говорил квартальный надзиратель Бородин. Во втором — священники Иоанн Часовников, Василий Федоров и Димитрий Пospelовский, — что а) пригородной слободы Кочерги государственный крестьянин Никита Ламтев по случаю болезни был у священника Иоанна Часовникова однажды на исповеди в прошлом 1856 году, в прежнее время он всегда исповедывался у заштатного, ныне умершего священника Григория Федорова; б) в церкви при богослужении очень часто вел себя непристойно, или смеясь при закрытии рта рукою, или трясясь всем телом, или производя вздохи на всю церковь; в) вообще поведение Ламтева сделалось чрезвычайно странным и соблазнительным, оставив все домашние занятия, бросив дом, жену, детей (по тайному какому-то видению, как уверял он), он несколько времени вел жизнь бродяжническую, скитаясь то в городе, то по окрестным селениям, обращаясь с одними черницами, у которых находил себе пропитание. Потом начал выдавать себя за посланника свыше, которому сам Бог, по примеру апостолов, давал власть учить и наставлять всех в благочестии и добродетели, уверяя при том, что он был на каком-то огненном крещении и был там, где и апостол Павел (разумея восхищение до третьего неба), чем привлек к себе множество приверженцев, большею частию женского пола, и, нашедши постоянное пристанище у черницы Феодосии Исаевой, завел в доме ее сбирщица. Жена его несколько времени жила в своем доме, но, не имея средств к содержанию, последовала примеру мужа и, продавши дом, сошлась с ним в доме означенной черницы Исаевой. У ней также постоянно пребывал государственный крестьянин села Нижнего Карачана Владимир по фамилии, им неизвестной, и по воскресным и праздничным дням сходились к ней все единомышленники Ламтева и под руководством его совершали различные странные моления. Впоследствии времени, для большей скрытности и безопасности от преследования, сбирщица эти составлялись в разных домах, а когда случались престольные праздники или ярмарки в окрестных селах, то они, по предварительному соглашению, собирались в одном из них. Что происходит в этих сбирщицах, с достоверностию неизвестно, потому что оные всегда бывают по ночам. Два раза из них священник Часовников заставал по несколько человек, собравшихся в доме черницы Исаевой для совершения своих молений, и когда стал их увещевать во вреде и соблазнительности их сбирщиц, они сначала оправдывались тем, что в обществе их ничего порочного и соблазнительного не происходит, что они собираются поговорить о душеспасительных предметах, потом одна из черниц — жена Ламтева, вдруг изменившись в лице, начала икать, рыдать и, упавши навзничь, закричала на разные голоса, за нею другая неизвестная ему черница то же начала делать,

не узнавши от них ничего, он принужден был удалиться. По слухам же, в собраниях сих происходят различные песнопения, сопровождаемые иканьем, рыданиями, хохотом, трясением всего тела, рукоплесканиями и другими странными действиями, которые они приписывают действиям благодати, сходящей на них во время песнопений. Правдивость этих слухов отчасти подтверждается тем, что некоторые из показанных действий обнаруживаются Ламтевым и сообщниками его в церкви при богослужении. Упорство, с которым Ламтев держится своих мнений и поступков, дошло в нем до того, что он никаких возражений со стороны священнослужителей не принимает, при увещаниях вступает в споры, высказывая при том, что он, будучи научен от самого Бога и зная более других, не нуждается ни в чем наставлении, при замечаниях о странности поступков его в церкви он говорит, что сам не знает, от чего с ним бывает сильная радость, так что он не в состоянии удержаться от смеха и хохота, что трясение бывает с ним совершенно против его воли, иногда как бы в изъяснение своих действий приводит слова псалмопевца: "Работайте Господевы со страхом, и радуйтесь Ему со трепетом", — или из песней церковных: "И явлюся светло торжествуя и воспою, радуясь, твоя чудеса". И 4) Господин начальник Воронежской губернии присланным ко мне отношением от 31 мая за № 49 изъяснил, что неизвестно епархиальному начальству о совершаемых в Новохопёрском уезде разными лицами действиях, заключающихся в распространении между простым народом ложных учений, противных правилам и установлениям Православной Церкви, чрез что поселяется заблуждение, действующее вредным образом на простые и легковверные умы, соблазняемые превратными толкованиями и наружными обрядами. Подробности настоящего предмета объяснены епархиальному начальству в донесениях новохопёрского священника Патрицкого. С своей стороны он поручал новохопёрскому исправнику удостовериться и привести в более подробную ясность обстоятельства, относящиеся к существованию помянутой ереси, с приложением полученного им от исправника донесения, просил сообщить ему заключение о тех соображениях, какие представились бы со стороны епархиального начальства полезными по предмету изыскания мер к обращению совратившихся на истинный путь Православной Веры и к прекращению дальнейшего развития и распространения водворившегося лжеучения. Новохопёрский же исправник донес г. начальнику губернии, что в Новохопёрском уезде так называемые чернички проживают решительно во всех селах государственных крестьян и больших имениях владельческих, как-то слободах Красной, Алфёровке и Пыховке с весьма давнего времени, так что никто не мог объяснить времени составления этого общества, все они уроженцы тех же самых селений, наружно жизнь ведут скромную, платье носят темное по образу монашествующих и живут по большей части не при семействах, но в особых домах одиночно или по несколько сестер, из коих одна именуется

между ними старшею, образ жизни их, как он выше сего объяснил, наружно отличается скромностию, постоянно ходят в церковь, почасти собираются между собою по своим хатам, читают книги духовного содержания и поют различные псалмы, по приглашению жителей читают по усопшим Псалтыри, но некоторые из них хотя наглядно живут и скромно, но предаются и распутству, подобные лица поименованы в препровожденной к нему от начальника губернии записке, но и помимо их есть, которые приличены в зазорной жизни, как-то в селе Поворино Евдокия Акакиева и Ольга Герасимова. Эти лица по образу жизни своей уже известны всем, но много из них, которые предаются подобной жизни в тайне, прикрывая все это наружною набожностью, подобное общество людей, в миру монашествующих, нельзя назвать безвредным, как в жизни общественной, так и в религиозном отношении, ибо хотя поступают в оное девицы, по большей части ранней молодости, первоначально для обучения грамоте и с благонамеренною целью впоследствии посвятить себя на служение Церкви Божией, но живя в одиночестве, без призора родителей и родственников, по молодости совращаются с избранного ими пути и нередко вовлекаются в преступления и самими старшими сестрами из видов корысти, и служат соблазном для других. Были уже случаи, которые явно обнаруживали их гнусное поведение, как-то рождали и впоследствии от страха потерять доброе имя и подвергнуться общему нареканию детей подкидывали, и, наконец, одна из них решилась посягнуть на жизнь своего дитяти, о чем производится дело, и виноватая находится в тюремном замке; в другом отношении также не менее вредно это общество, ибо они все по большей части плохо выучены грамоте, с трудом могут читать книги религиозного содержания на славянском языке и по своему невежеству перетолковывают настоящий смысл Св. Писания. Из этого ложного понятия составляются у них свои убеждения, которым они строго следуют, что и открыто земскою полициею в истекшем году в слободе Алфёровке, и уличенные безнравственные ханжи, облекшие себя в юродство, крестьянин пригородной слободы Кочерги Никита Ламтев и кантонист Никита Щербаков подвергнуты тюремному заключению, и об этом предмете, по распоряжению воронежского губернского правления, производится дальнейшее обследование чиновником оной — г. Дуровым, но сверх сего в настоящее время секретно дознано им, что с поименованными им лицами еще участвовали помещенный в присланном к нему от г. начальника губернии списке живущий в селе Горелке и новохопёрский мещанин Капитон Беликов; первый из них выслан земским судом по требованию командира гарнизонного батальона в город Воронеж. Эти люди между собою составляли, как они выражаются, братство, таскались в виде богомолья по селам, юродствовали и бесчинствовали в обществе безнравственных черничек и солдаток, убеждая всех, что это делается ими по воле Небесного промысла, чему большая часть простолюдинов, по их простодушию, верят и

считают этот класс людей своими молитвенниками, которые, конечно, пользуются этим правом и извлекают из него свои выгоды от их пожертвований. При чем, прося разрешения на передачу о вновь открытых им сообщниках — отставном солдате Черникове и новохопёрском мещанине Беликове, к общему обследованию г. чиновнику губернского правления Дурову, присовокупил, чтобы искоренить это нравственное зло, то, по его мнению, необходимо уничтожить эти общества и водворить всех мнимомонашествующих в свои семейства, обязав их исполнять все крестьянские работы в семьях и носить усвоенные краю их костюмы, а местное духовенство, чрез кого следует обязать блюсти за подобными лицами, по мере возможности быть чаще с ними и уяснять кротко и поучительно догматы Священного Писания.

Воронежская консистория по рассмотрению вышеизложенных сведений, мнением своим положила: 1. По издавна заведенному, как в самом городе Новохопёрске, так и по уезду оного обычаю, многие крестьянские девицы, желая проводить жизнь уединенную наподобие монастырской, для лучшего преуспеяния в добрых делах, с ранних лет оставляют дома родителей своих и поселяются в особых кельях, иногда поодиночке, а иногда общинами по несколько сестер, носят в знак смирения и обетов благочестия черное платье, а потому и называются черничками. 2. Таких черничек в настоящее время в городе Новохопёрске находится довольно число, по некоторым же селениям Новохопёрского уезда оказывается их очень много. 3. Некоторые из них, особенно те, кои достигли уже пожилых лет, действительно проводят жизнь уединенную, неукоризненную и благочестивую, постоянно ходят в храм Божий к богослужению и ежегодно бывают на исповеди и у Св. Причастия, исполняют все уставы Церкви, читают Псалтырь по умершим дома и ведут жизнь скромную, занимаются трудами и обучением детей грамоте. Другие же из этих черничек, хотя по наружности и показывают также вид благочестия, но на самом деле они уклонились от истинного пути христианской жизни, по отношению к вере заразились разными неправыми и суеверными понятиями, противными истинному учению христианскому, а по отношению к нравственности предаются разврату. 5. Причиною этого зла частью служит уже то, что чернички все, с ранних лет отделившись от своих семейств, самое опасное время пылкой юности проводят без должного надзора родительского. Главнейшею же виною соращения черничек в разные заблуждения и разврат служат составляемые ими тайные ночные сборища, на которых участвуют мужчины и женщины без разбора. На таковых сборищах некоторые злонамеренные люди (каковыми по дознанию оказались государственные крестьяне Никита Ламтев и Александр Пискунов), пользуясь легковерием и простотою неопытных черничек, выдают себя за вдохновенных наставников и, сколько по невежеству, столько же и по злоумышленности превратно толкуя Священное Писание, внушают им разные суеверные, ложные и душевредные понятия,

коими опутав, как бы сетями, легко вовлекают их потом в бездну пороков и разврата, усыпляя их совесть внушениями братской любви. Так как из сообщения вышеозначенных сведений открывается, что находящиеся в городе Новохопёрске и уезде оного общины так называемых черничек приняли вовсе неправильное и ложное направление, противное духу Святой Православной Церкви Христовой и не только для самих черничек душевредное, но и для общества опасное, то консистория к пресечению сего зла находит нужным принять следующие меры: 1. Просить секретным отношением от имени моего г. начальника губернии сделать зависящие распоряжения: а) чтобы тайные ночные сборища в общинах черничек были строго возбранены; б) чтобы чернички, составлявшие таковые сборища или участвовавшие на оных, а равно и все девицы молодых лет, наподобие черничек, отдельно живущие от своих семейств, водворены были при семействах своих, и на будущее время воспрещено им отделяться и родителям их отпускать от себя, и в) чтобы с виновниками соращения означенных черничек поступлено было по всей строгости законов и отнята была у них на будущее время возможность к подобным зловерным действиям. 2. Вменить в обязанность всем священникам по городу Новохопёрску и уезду оного: а) дабы они в духе кротости пастырской старались убедить означенных черничек, что, и живя в семействе и занимаясь домашними трудами, они могут вести богоугодную жизнь и достигнуть спасения души, как в этом удостоверяют примеры многих святых, которые, проводя жизнь семейную, преуспевали в благочестии и достигали спасения души и вечной награды в будущей жизни; б) дабы приходские священники старались внушить черничкам, чтобы они всячески остерегались и удалялись от хитрых и лукавых лжеучителей, которые превратным толкованием Священного Писания, искажая истинный смысл Слова Божия, вовлекают легковверных в сети заблуждения и порочной жизни; в) во время исповеди священники должны стараться привести черничек в чувство искреннего раскаяния относительно прежних их заблуждений и грехопадений, по внушению лукавых совратителей, и г) при всяком удобном случае священники должны разяснять черничкам, что все существенные и необходимые средства к нашему спасению заключаются в Святой Православной Церкви и что посему всякий истинный христианин для достижения спасения неуклонно должен следовать учению Святой Церкви и строго исполнять все ее уставы. О чем для объявления всем священникам города Новохопёрска и уезда оного к надлежащему с их стороны тщательному исполнению послать секретные указы местным благочинным с предписанием, дабы они и сами внимательно наблюдали за точным исполнением предписанного и о последующем рапортовали мне.

Согласившись с таковым мнением консистории, я сообщил о сих мерах Воронежскому гражданскому губернатору и между прочим просил его сооб-

щить мне, или он усмотрит еще какие-либо меры по сему предмету полезными для единообразного действия к достижению общей цели.

К этому в сообщении я присовокупил сведения, полученные мною от 15 июня сего года по рапорту Новохопёрского уезда села Алфёровки священника Иванова, который донес мне, что, по неоднократным его убеждениям, ночные сборища прекратились и участвовавшие в оных лица в своих заблуждениях чистосердечно раскаялись, кроме уволенного из кантонистов Никиты Щербакова и крестьянок Акилины Емельяненковой и Евдокии Загнибородиной, которые в действиях своих не сознались, но быв уличены в сем многими, подверглись по распоряжению светского начальства тюремному заключению, крестьянки же Евфимия Емельяненкова и Параскева Тимошенкова, участвовавшие в оных сборищах, с прошлого года находятся в бегах.

О каковых обстоятельствах и принятых мерах по сему делу на основании 24 стат. Устава духовных консисторий долгом считаю донести Святейшему Синоду.

Вашего Святейшества нижайший послушник
Иосиф, епископ Воронежский и Задонский.

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕЛА АЛГАСОВО

Публикация С.В. Кузнецова

Предлагаемая вниманию читателя церковная летопись — сочинение регионального церковно-исторического и этнографического характера, написанное в рамках жанра церковного летописания, возникшего в последней четверти XIX в. Автор ее — священник одной из церквей села Алгасово Моршанского уезда Тамбовской губ. — церкви Рождества Богородицы.

Ведение церковных летописей было возложено указом Святейшего Синода от 12 апреля 1886 г. и определением Святейшего Синода от 4—8 декабря того же года на приходских священников. Активным сторонником церковного летописания в Тамбовской епархии выступил преосвященный Виталий, епископ Тамбовский и Шацкий, который при обозрении епархии в июле, августе и сентябре 1886 г. повсеместно настаивал, чтобы духовенство завело и вело при церквях летописи, внося в них все наиболее примечательное по истории храма и жизни причтов, приходов и пр.

Непосредственным руководством для составления “Церковной летописи села Алгасово” явились “Правила, как вести церковно-приходские летописи”, опубликованные в “Тамбовских епархиальных ведомостях” в августе (№ 8) 1887 г. Согласно этим правилам обязанность вести летопись должна лежать на всех членах причта, “но главным руководителем в сем деле должен быть настоятель церкви: без ведома его и просмотра черновой записи ничто не должно быть вносимо в летопись”¹. “Правила” эти были рассмотрены и “найжены целесообразными” на педагогическом заседании правления Тамбовской духовной семинарии в июне 1887 г.

“Правила” предписывают составителям церковных летописей показывать общие выводы на основе метрических книг, исповедных росписей, приходо-расходных книг. Церковные летописи относились к числу церковных документов и как таковые рассматривались епархиальным начальством: документальность церковных летописей подтверждалась соблюдением ряда обязательных требований — летопись должна быть “скреплена, прошнурована и утверждена печатью местного благочинного”. (Тамбовские епархиальные ведомости. 1887. № 7). Однако задача фиксации общих выводов на основ

церковноприходской отчетности — далеко не самая главная и важная в организации церковного летописания. Как явление в местной губернской научной и культурной жизни церковное летописание нужно рассматривать в контексте общих тенденций культурной и научной жизни в России второй половины XIX в.

В начале 80-х годов в ряде городов России открываются археологические общества и губернские ученые архивные комиссии для проведения археологических, исторических и этнографических исследований местного края. До конца XIX в. в России было открыто 17 комиссий. Публикуя сведения о новых археологических открытиях, письменных памятниках, проводя реставрацию архитектурных памятников и закладывая основы краеведения, «ученые архивные комиссии спасли от забвения целый пласт отечественной культуры» (Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. С. 183).

В сентябре 1887 г. Академия художеств выслала на имя преосвященного Виталия для духовенства Тамбовской епархии 303 экземпляра метрик для описания церквей и монастырей епархии, основанных включительно по XVIII столетие. Причем должны были быть описаны сами храмы (каменные постройки по 1700 г., деревянные — по 1764 г.), священные предметы, хранящиеся в храмах и ризницах, заслуживающие внимания по оригинальности, по художественным качествам и имеющие историческую ценность. Сведения о 303 древних церквах епархии тут же были доставлены в Академию художеств.

Своим появлением церковное летописание обязано нескольким поколениям образованного православного священства, чуткого к общественным потребностям, понятым как необходимость историко-этнографического осмысления прошлого и настоящего. В сборе этнографических материалов по разработанным Русским географическим обществом анкетам живейшее участие приняли священники отцы Н. Лебедев, С. Разумихин, П. Троицкий, А. Руднев. На рубеже веков в деятельности Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева активное участие приняли приходские священники и студенты духовных семинарий. Их сообщения составили наиболее информационно насыщенную и профессионально выполненную часть корреспонденций, присланных в Этнографическое бюро. Благодаря положению священника на приходе, имевшего возможность «включенного наблюдения», до современного исследователя дошли ценнейшие сведения и материалы о духовной жизни русских. Однако научная деятельность священства в области этнографического изучения русского народа еще не получила должной оценки.

Информативная насыщенность и ценность публикуемого источника определяются двумя факторами: использованием в летописи копии с «Выписи» XVII в. и современным автору историко-этнографическим описанием церквей, причта и населения самого села Алгасово.

“Выпись” хранилась в ризнице церкви под названием “Копия с выписи села Алгасово”. В ней содержатся подробные описания двух существовавших в то время в Алгасове церквей, бывших в них церковной утвари, кладбища, его площади, усадьбы священноцерковнослужителей и церковной земли в поле с точным обозначением столбов, граней и рубежей; затем следует описание 60 дворов: указаны число мужских душ, тягла под каждым двором, год прибытия каждого домохозяина и год посылки сына на службу на Дон.

Выпись из писцовой и межевой книг начала составляться при царе Алексее Михайловиче и в 1677 г. была закончена, а в царствование Федора Алексеевича в 1679 г. с нее была снята копия и выдана крестьянину Глагозину “с товарищи”.

Современная часть церковной летописи включает данные о причте (его состав, сменяемость, источники содержания его со стороны прихода, систему землеобеспечения, расселение причта в селе, взаимоотношения причта с общиной и пр.), приходе (его состав, выполнение им своих функций, коллективных религиозных установок, факты церковного строительства и др.).

Автор летописи, приходской священник, хорошо знаком с научной исторической, историко-этнографической, а также историко-церковной литературой, о чем свидетельствуют очерки о коренном населении края, последующем освоении его русскими и множеством мелких, но точных этнографических штрихов, дополняющих картину обыденной жизни алгасовцев.

“Звучание” летописи усиливается, когда факты, приведенные в ней, выходят за рамки местной истории и касаются исторических личностей общерусского масштаба, таких, как свт. Феофан Затворник, или затрагивают проблемы этнической истории в связи с формированием южных рубежей Русского государства.

Сопоставление информационных возможностей двух основных частей церковной летописи предоставляет нам редкую возможность получить конкретное представление о многих сторонах материальной и духовной жизни сельского сообщества одного из районов Южной России на протяжении большого отрезка исторического времени.

Поводом для настоящей публикации послужила сделанная с несохранившегося оригинала в 50-е годы XX в. рукописная копия церковной летописи. Копия была сделана жителем с. Алгасово Павлом Яковлевичем Бутровым и предоставлена им полевой этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии в середине 90-х годов минувшего столетия. Когда рукопись готовилась к публикации, выяснилось, что “Церковная летопись села Алгасово” была опубликована в “Тамбовских епархиальных ведомостях” в 1916 г. Однако решено было все-таки повторно опубликовать летопись по следующим причинам: во-первых, ввиду крайне ограниченного доступа для читателя к “Тамбовским епархиальным ведомостям” летопись стала библиографиче-

ской редкостью, а во-вторых, в свое время летопись подверглась редакторской правке и в тексте были сделаны купюры, несущественные, с точки зрения тогдашнего редактора, но важные для современного читателя. Места, не вошедшие в публикацию 1916 г., в настоящем издании набраны курсивом. Расхождения в рукописной копии церковной летописи, сделанной П.Я. Бугровым в 1950-е годы, и в публикации 1916 г. объясняются также тем, что в опубликованном варианте летописи самые поздние описываемые события относятся к 1912 г., а в рукописи П.Я. Бугрова — к 1888 г.

В настоящей публикации в основном сохранена орфография документа, пунктуация частично выправлена.

С.В. Кузнецов

ИСТОРИЯ СЕЛА АЛГАСОВО

В последнее пятидесятилетие наша литература усиленно занимается исследованием исторической и бытовой судьбы нашей Родины — России. За это только время много появилось специальных исторических и бытовых периодических журналов в столицах — Петербурге и Москве; и другого содержания журналы, а также и газеты увлечены этим новым движением русской мысли и время от времени также помещают на своих страницах таковые же исследования. Не отстают от этого движения и местные органы печати. Так, на страницах наших "Тамбовских епархиальных ведомостей" за последнее время, преимущественно с 1870-х гг. по инициативе бывшего ректора Тамбовской семинарии о. Симбакина (ныне — епископ Димитрий, викарий Каменец-Подольский) также начали появляться статьи по местной истории, археологии и прочие к сему относящиеся. Вслед за ними получили некоторое оживление местные губернские ведомости от помещения в них со времени редактирования их г. Григоровским статей местного исторического и бытового характера. Во многих губерниях открыты статистические отделения при губернских земствах с обширной программой статистики для их деятельности. С 1879 г. такое отделение действует и по нашей Тамбовской губернии, чиновники которого под руководством заведующего отделением — известного своим замечательным трудом о переселениях вятских крестьян Н.Н. Романова занимались пока для начала исследованием быта крестьян и вообще чернорабочего промышленного люда. До настоящего времени вышло 12 томов сборника статистических сведений, где описаны крестьянское хозяйство и промыслы в губернии по каждому уезду отдельно.

Земство, видя кроме теоретической несомненную практическую пользу его исследований, не жалеет средств, и в настоящее время по поручению его

статистическое отделение занимается исследованием частных хозяйств в губернии. Таким образом, ввиду намеченной для статистических отделений программы, работы его должны пойти в беспредельность.

С недавнего времени по губерниям открыты археологические общества и архивные комиссии для исследований археологических и исторических и для уяснения быта прежних местных обитателей известного края. Об открытии таких комиссий при разных городах последовало, благодаря почину покойного академика Калачова — учредителя Археологического института и деятельному покровительству графа Д.А. Толстого, в 1884 г. правительственное распоряжение. Нашими учеными археологами в последнее время сделан целый ряд систематических раскопок в более известных местах поселений наших предков славян (...). И в нашей губернии открыта ученая архивная комиссия в городе Тамбове (...); производятся здесь также в настоящее время и археологические раскопки в Лебедянском уезде, в самом городе Лебедяни и его окрестностях местным любителем старины мещанином Коптелкиным на его собственные средства...

Ввиду всего вышеизложенного, ввиду усиленного направления русской мысли за последнее время к изучению своего исторического и бытового прошлого и бытовой стороны настоящего, понятен интерес, с которым духовенство должно отнестись к составлению требуемых от него епархиальным начальством своих церковноприходских летописей. Вопросы, помеченные программой для составления таких летописей, могут быть без особого труда решены каждым сельским писарем; к тому же ведение постоянной, повременной летописи по церкви его и приходу для него (...) может служить интересным и ободряющим занятием между настоящим его делом в сельской глуши — делом, могущим оказаться полезным и в будущем. Всякий труд подобного рода, если только он производился добросовестно и не спустя рукава, вправе рассчитывать на внимание и уважение последующих поколений. Каждое живущее поколение людей считает себя наследником всего достояния, полученного от предков, и для него должно быть важным знать, каким образом это достояние было приобретено и чем оно навсегда обеспечено для него и его потомков, для него приятно оглянуться на пройденную его предками дорогу, на сделанные ими с тяжкими затруднениями успехи. Летописец и историк древнейшей поры всегда может надеяться на благосклонное внимание последующих поколений и ради самого предмета своего повествования, и того любопытства, которое люди настоящего естественно питают к событиям и личностям прошедшего...

С такими мыслями мы приступаем к составлению летописи своей приходской Рождественско-Богородицкой церкви села Алгасово. В селе Алгасово две церкви: Рождественско-Богородицкая и Ильинская. Церкви эти до сего времени не были строго разграничены между собою ни в количестве причте, ни

в принадлежности к той или другой из них прихожан — крестьян села Алгасово. Писцовые книги были составлены для обеих церквей, и церковная земля для пользования причтов отведена крестьянами по одним общим планам для обеих же церквей. Факты, события и лица, относящиеся к приходу и церкви одной, имеют интерес и значение и для другой церкви — поэтому и все, совершающееся в селе Алгасово, хотя бы это касалось только и одной Ильинской церкви и ее прихода, не должно быть и не будет опускаемо при составлении нашей летописи.

В ризнице нашей церкви хранится рукопись XVII столетия — “Копия с выписи села Алгасово”. Содержимое рукописи настолько значительно, что наперед составления нашей летописи для ясности дела и полноты выводов необходимо сказать во вступлении несколько слов о содержании ее и ее историческом значении для села Алгасово и тогда уж, положивши ее в основание, начинать самую летопись.

Рукопись представляет из себя тетрадь в четыре обыкновенных писчих листа, без конца, с запыленными первым и последним пролулистами. В ней находится подробное описание двух бывших в то время церквей в селе, принадлежностей и утвари их, а также обозначено время постройки одной из них; указана местность кладбища с точным измерением площади его; усадьбы священноцерковнослужителей и церковная земля в поле для них, причем эта последняя точно обозначена указываемыми в поле деревянными столбами с гранями на них, рубежами и пр.; затем до конца описано 60 крестьянских дворов (предварительно не сказано, сколько вообще этих дворов в селе), причем показаны число лиц мужского пола (женщин, как не полагавшихся в то время в число тягловых людей, вовсе не показывается, кроме просфорни), тягло под двором, год прибытия на место каждого домохозяина и год посылки сына на службу на Дон, если таковая была в семье. Причт по “Выписи” состоял из трех священников, диакона и трех дьячков. “Выпись” эту дал «по указу Государя Царя и Великого Князя Федора Алексеевича — всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца столпник и воевода князь Василий Васильевич К...н с писцовых и межевых книг письма своего и межевания да подьячего Ивана Татаринова 7182—7185 (1674—1877) гг. Тамбовского уезда села Алгасово крестьянину Ивашке, Лазареву сыну Лагазину с товарищи на тягло их... и оброчище землю и сенные покосы и животные выпуски со всеми угодьями. — Копия с “Выписи” писана 1679 года октября в 18 день». “Выпись” эта, кроме археологического ее значения в описании современных ей церквей, представляет важный документ для истории села Алгасово еще по следующим соображениям. Известно, что повсеместные и поголовные переписи народонаселения у нас в России стали производиться только со времени Петра I (указ о переписи во всем государстве крестьянских дворов и дворовых людей,

а в дворах поголовно как мужчин, так и женщин был издан в 1710 г.). До сего же времени эти переписи ограничивались только некоторыми известными местностями и вызывались требованием каких-либо особых случаев в народной жизни; они имели характер частный, местный и периодический. Был, впрочем, указ царя Алексея Михайловича 1672 г. "О переписи всех жителей в государстве по именам со отцы и прозвища", но указ этот едва ли не остался без исполнения, потому что до настоящего времени в распоряжении наших историков не имеется будто никаких известий относительно всего того, каким именно способом он исполнялся, если только принимались за его исполнение, и какие вследствие его были собраны сведения. С 1718 г. по указу Петра I начинаются уже более правильные нынешние ревизии, из которых последняя, т.н. десятая, начатая с 1856 г., окончилась в 1860 г. Это одновременное исчисление жителей всего государства при ревизиях производилось, впрочем, с единственной финансовою целью. Только в наше время переписями населения стали заниматься не в одних этих целях, а и ради науки и пользы администрации, и переписи эти нашими статистиками производятся повсеместно, постоянно и с разных сторон. Обращаясь к появлению "Выписи села Алгасово", видим следующее: составление этой "Выписи" или писцовой и межевой книг села Алгасово началось при царе Алексее Михайловиче (1676 г.), когда в 1677 г. она была dokonчена и писалась в 1679 г. с нее копия, царствовал уже его сын Федор Алексеевич, по указу сего последнего и выдана была эта копия крестьянину Глагозину с товарищи. Производились ли здесь писцовая и межевая книги непосредственно по царскому указу или вследствие просьбы Глагозина с товарищи и по каким причинам и побуждениям это было, в самой "Выписи" указаний на это нет и точно уяснить себе этот вопрос едва ли возможно. Только составление этих книг совпадает со временем исполнения означенного указа царя Алексея Михайловича — и это обстоятельство наводит на мысль, что на составление их имел влияние этот указ: в "Выписи" вычитываются все домохозяева по отечествам и фамилиям с поименованием при них всего мужского населения, хотя население Алгасово должно быть довольно большое — чего в подобных случаях в других таких книгах редко можно встретить; обыкновенно в них говорилось: такому-то с товарищи на столько-то дворов на тягло столько-то четвертей земли и пр. И этим по большей части ограничивалось — все домохозяева и при них мужское население не поименовывалось, сами крестьяне разбирались потом между собой в пользовании данною им землею и во взносе казенных платежей за нее. Но, чтобы по этому совпадению сказать, что занимающая нас "Выпись" вызвана поименованным указом, — будет рискованно... Ввиду всего вышеизложенного "Выпись села Алгасово", появившаяся гораздо ранее повсеместной и поголовной переписи народной, долженствующая свидетельствовать о всем мужском населении местности Алгасова, должна почитаться драгоценным документом

для Алгасово в этом отношении, а вообще сведения, заключающиеся в ней, достаточно ценны для того, чтобы пролить свет на положение села за взятый его период времени, потому что документ этот, как оказывается, задуман очень широко по тому времени. Жаль только, что она не сохранилась в целом ее составе... Местный тамбовский историограф — директор Екатерининского учительского института и председатель местной архивной комиссии И.И. Дубасов, роясь по местным архивам и по архивам московским и петербургским, где-то видел эту “Выпись” и ссылается на нее в своих “Очерках из истории Тамбовского края”. Очень вероятно, что в тех архивах он видел ее в целостности...

Пользуясь этой “Выписью”, можно видеть состояние церквей, причтов и некоторых прихожан — крестьян села Алгасово в 70-х гг. XVII столетия, и, сопоставляя с тем его состоянием последующее и настоящее его положение, можно к настоящему времени составить в хронологическом порядке нижеследующую летопись. Таким образом, летопись будет составляться отчасти по означенной “Выписи”, отчасти по существующим преданиям села Алгасово и другим подходящим источникам.

I

Местность села Алгасово и его название

Село Алгасово лежит к северо-востоку от Тамбова в 115 верстах, на большой трактовой дороге между Моршанском и Шацком, из которых от первого на расстоянии 27 верст и от второго в 40 верстах. Местность занимаемая ныне селом, та же самая, что и с основания села. Поселение его, начинаясь с восточной стороны от горного кряжа, изображающего из себя в этом месте обращенную к селу букву U, шло на запад к большой дороге, которая по обеим сторонам стала заселяться только в начале нынешнего столетия и в теперешнее четырьмя длинными переулками пошло за большую дорогу — всего версты на три, расширяясь в то же время на север, где плотно достигает села Темяшева и как бы сливается с ним; на юг — до владения помещика села Рыбное Колобова — всего версты на четыре и на запад — улица параллельна большой дороге под названием Москва версты на две. Около горы, изгибом по ней, по восточной стороне села течет с севера на юг речонка Опша, берущая начало где-то за селом Вановым, отстоящим от Алгасова на 8 верст; речонка эта, соединяясь за селом Рыбным с разветвлением речки Островки, протекающей через дальние западные поля алгасовские, впадает около с. Серпового во Цну.

В настоящее время гора против села Алгасова представляется совершенно свободной от растительности; в недавнее время она служила выгоном для скота, а в последнее время почти вся распахана под хлебный посев; против соседних с Алгасовым сел, с одной стороны — Рыбного с Давыдовым и с дру-

гой — Темяшева — по горе этой сохраняется еще кое-где мелкий кустарник, очень мало крупного леса. Но прежде, до начала и почти до половины настоящего столетия весь этот горный кряж, начинающийся далеко за селом Темяшевым и достигающий до села Серпового, а в ширину простирающийся до цнинских лугов, верст на 30 в длину и на 10 в ширину, был покрыт непроходимым густым лесом из крепкого дуба громадной толщины. В 1840 г., по рассказам старожилов, в бесснежную до января лютую зиму лес этот вымерз и завял и представлял из себя в следующие за свирепую зиму весну и лето печальную картину: засохшие, обнаженные дубы печально высились над горою, как после пожарища... Только долго стоять своему лесу в таком печальном состоянии алгасовцы не дали. Может быть, для того, чтобы изгладить из головы неприятное впечатление, производимое созерцанием такого опустошения, они тут же, вскорости вывели посохшие деревья и затем, не ожидая ничего доброго от этого вымороженного леса, выкорчевали его и обратили в пастбище для скота. Не так поступили со своим лесом соседние с алгасовцами жители — темяшевцы, рыбинцы и давыдовцы: они оставили свой вымерзший лес на произвол судьбы, зато теперь у них все-таки есть кой-какой лесок на горе, против их селений — мелочь разных пород. Не было ли здесь “казанных” обхождений с образами вокруг вымерзшего леса с целью не дать перевестись ему?.. В этом же 40-м году, по свидетельству тех же старожилов, в ночь с 9 на 10 января выпал большой, небывалый на их памяти ни прежде, ни после снег; вообще зима этого года была причудлива.

В дремучем лесу против села Алгасово, по общему преданию, были страшные грабежи и разбои и жила постоянно разбойники. Народная память удержала доселе имена некоторых из многих таковых. Так, памятен разбойник Алгас, живший очень давно на Белой горе, отдельно возвышающейся с юго-восточной стороны Алгасова конусообразной вершине, как будто вырванной из общего кряжа: от имени его будто получило название и само село. Ближе к нашему времени свирепствовал в лесу Батей, на грабительства и зверства которого с его шайкою местные попы жаловались правительству и для поимки которого будто высылалась последним большая рать. Наконец, в недавнее время имел пребывание в лесу этом не менее свирепый Андрей Мосолов. Трагическая смерть его записана под 26 ноября 1815 г. в местных церковных метрических книгах. Выгнанный из этого леса выведенными его грабительством из терпения крестьянами, он был настигнут ими за речкою Островкою и там убит. Рассказывают, что он был крестьянин села Княжева Шацкого уезда в 8-ми верстах от Алгасова на северо-восток и, живя в этом лесу, имел за речкою Островкою на пчельнике алгасовского крестьянина N свой хутор, на котором у него жило 12 человек товарищей. Крестьянина этого, а равно и пособников Мосолова, после его убийства их переловили и сослали в Сибирь. Сохранились в предании и подробности убийства Мосоло-

ва, по которым оказывается, что с ним долго возились и догадались убить его только кистенем, т.к. колья и другие негибкие вещи, которыми сначала вооружались против него, на него будто не действовали, сгибаясь, как простые хвостинки. Как бы там ни было, но в лесу этом, как и вообще на Руси в то дальнейшее время, до конца его существования, а также и в лесу, находившемся посреди западного поля алгасовского и теперь почти тоже переведенному, лет за 40—50 до настоящего времени водились шалуны, отпетые сорви-головы, разбойники. От них небезопасен проезд к селениям по речке Цне и оттуда в село Алгасово. В этих случаях проезжающие платили им не всегда, конечно, добровольно пошлины, преимущественно состоявшие из предметов потребления. Подобное задаривание таковых шалунов старательно наблюдалось жителями села Алгасово и окрестными жителями. Кроме того, зажиточные домохозяева села Алгасово, благосостоянию которых всего более могло грозить близкое соседство воров-разбойников, в праздники церковные, а равно и в дни гуляний считали долгом поделиться с ними всем лучшим от стола своего: носили к ним любимое праздничное крестьянское пирожное — блинцы, водку, брагу и прочее. В недалеком прошлом были в селе семьи, дети и внуки которых еще живут и теперь, которые вели с лесными бродягами большую дружбу, принимали их к себе во всякое время, угощали их, пользуясь, в свою очередь, от них деньгами и всем, что они набирали от проезжих и проходящих чрез их, как говорят, царство. Семьи эти, наживая от них для себя безопасное и обеспеченное положение, вместе с тем предотвращали от односельчан своих всякий вред, могущий для них быть от таких людей.

Укрывались также в этом лесу рассеянные правительством разинцы и пугачевцы. После, ближе к нашему времени укрывались здесь и беглые николаевские солдаты, и беглые из острогов и из Сибири, от которых также нельзя было ждать чего-либо хорошего. Но к последнему времени кровавые шалости, благодаря бдительности начальства, производились уже реже и реже. Прежде же, вообще до настоящего столетия и в начале его жизнь в местности села Алгасово и проезд через леса его были далеко небезопасны, почему и имена свирепейших из разбойников надолго сохранились в памяти народной. Очень может быть, что и название свое село получило действительно от замечательного в местности разбойника Алгаса. У нас на обширной матушке Руси немало таких мест, где память о себе оставили отщепенцы русской жизни и удалцы русской силы, и которые зовутся по именам их.

Прежде село Алгасово в официальных документах называлось Ильинским по одной из здешних церквей, и Алгасовым тоже. Это дает основание думать, что Алгас разбойничал здесь, когда эта местность была заселена. Важно бы знать, какой народности принадлежал он, а равно и после него живший другой разбойник Батей. По свидетельству истории, местность эту заселяли прежде народцы чудского племени последовательно один за дру-

гим — мешера и мордва. Их вытеснили или отчасти перемешались также с ними татары. После уж сих последних, с XVI века, является здесь русский элемент. Так, вероятно, Алгас и Батей принадлежали к оставшимся людям из какой-нибудь указанной народности, потому что русских таких имен в лексиконе русском не обретаются...

Хорош в летнее время вид с маковицы Белой горы — с места притона шайки разбойника Алгаса. Прямо на север — все Алгасово, как на ладони, с величественными в середине его церквами и отлично около них базарною постройкою с зеленеющими крышами, и Темяшево; влево — громадные поля алгасовские до погореловского и сабуровского леса в 7—8 верстах с копошащимся на них народом. Назад — лут с извивающей по нем речкою, которая к рыбинской мельнице ширится; развалины бывшего винного завода и казарм за речкою, затем Рыбное и Александровка с богатыми полегающими садами и даль необозримая, в которой в ясную погоду, говорят, за 27 верст виден верх величественного Моршанского собора; вправо — рыбинский лесок, алгасовская гора с пасущимся на ней и внизу к селу скотом, и темяшевский лесок. В зимнее время вид меняется — нельзя уже узнать ни красноглинистой в обрывах в некоторых местах горы, ни светлых у ее подножия извивов речки, ни синих лесочков, ни белопесчаных холмов прямо, влево и назад бегущих в туманную даль. Густым ворохом снега посыпается весь этот привлекательный пейзаж — река, гора, лесочки, луга, поля и село. Но и тут интерес для созерцающего не умаляется. Чем-то торжественным веет на душу зрителя при виде с достаточной высоты и на далекое пространство. Много дум и чувств хороших западает в душу его в минуту такого созерцания, — и тем более, если все созерцаемое им дорого и знакомо ему с светлого безмятежного детства. Недаром Алгас избрал такое прекрасное место для своего становища. Для него эта вершина имела еще привлекательность и в том отношении, что отсюда лучше можно высматривать задалеко добычу или облаву на него самого. Оставивши о себе память в народном предании, не оставил ли он в недрах Белой горы и вещественные доказательства своего пребывания?..

II

Прежде бывшие в селе церкви

Две бывшие в селе ко времени составления “Выписи” церкви в селе Алгасово с общею при них колокольнею описаны нижеследующим образом*: “в писцовых и межевых книгах написано — Ильинское, Алгасово тоже, на речке на Вопше (Опша). А в нем церковь святого пророка Илии, рублена в

* В “Выписи” в описании главного храма и придела не наблюдается строгого порядка.

красном лесу, да придел великого чудотворца Николая, деревяна клетки с трапезою. Около церкви и трапезы с двух сторон паперти. Церковь и трапеза, и паперти крыты тесом. На церкви и на приделе кресты на яблоках; кресты и яблоки опаиваны белым железом.

А в церкви строенья икон местных: образ Вседержителя Спаса, у образа венец и гривна — басменные, серебряные, золочены; образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, на образе убрус — тавтица* белая; образ Пресвятой Богородицы Покрова; Образ святого пророка Илии; образ великого Чудотворца Николая, у образа венец и гривна — басменные, серебряные, золочены; образ великомученика Димитрия; образ свв. мученик Флора и Лавра, в киотах писанных; перед образами три подсвечника деревянных — писаны, с подсвечники белого железа; у образа пророка Илии пелена дорогильная**. Двери царские с евангелисты, сень и столбцы. На северных дверях писан благоразумный разбойник. Да в Деисусе восемь икон, а у Чудотворца Николая восемь же икон. Перед образом Вседержителя Саваофа паникадило медное о шести перах, у паникадила кисть шелковая. У пророка Илии перед образом Спасовым паникадило деревянное, а в нем восемь шандалов железных. Да в алтаре за престолом образ Пресвятыя Богородицы Знамение; у образа венец и гривна серебряные, басменные, золочены. На другой стороне образ Чудотворца Николая, у образа венец и гривна серебряные, облато назолочены; на образе два убруса*** цветные да две пелены тавтицы же цветные. Престол позолочен с одну сторону выбойкою, с трех сторон — холстиною. На престоле Евангелие печатное — позолочено выбойкою, изображение евангелиста медное. Крест благословенный писан на празелени****. Все ветхо. На престоле пелена выбойчатая. Сосуды церковные деревянные, покрова кильдячные зеленые, воздух выбойчатый, кадило, укропник медный. Чаша водосвятная деревянная. Да у Чудотворца Николая в приделе за престолом образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии. На другой стороне образ святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; на образе убрусец тавтяной, белый, другой убрус дорогильный, кушатчатый, да три пелены тафтицы цветные. Престол позолочен, ветхий. На престоле пелена крашенинная. Да риз: ризы кутняные, брусняные, оплечья темно-зеленые, попушены кумачом червчатым — приклад крестьянина Федора Наумова; ризы полотняные, оплечья выбойчатые, опушены кумачом, подризник полотняный ветх; подризник полотняный; оплечье выбойчатое; патрахель* бархатная ветха; пух поручей выбойчатых;

* Тавтица (тафтица), т.е. сделанная из тафты — гладкой, тонкой шелковой ткани.

** Относящаяся к дороге — шелковой азиатской, большею частью полосатой ткани, иногда с золотой и серебряной нитями.

*** Убрус — плат, полотно, полотенце.

**** Земляная иссиня-зеленая краска.

поручи бархатные; пояс толковый красный; стихарь диаконская полотняная; оплечье выбойчатое.

Да книг: Апостол печатный в десь; Псалтирь новья печати; Шестоднев печатный же; Минья общя старья печати; Триодь Постная письменная ветха; Триодь Цветная старья печати; книга Ефрем Сирийский — приклад крестьянина Федора Наумова; Минья общя с праздниками, меньшая — новья печати; Служебник, Псалтирь меньшая; Часослов, Требник — все новья печати.

...Другая церковь Святого великомученика Димитрия Солунского с трапезою. Церковь и трапезная крыты тесом. На церкви кресты и яблоко окованы белым железом, “а в церкви строенья икон местных: образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии, образ святого великомученика Димитрия Солунского, образ святыя великия мученицы Параскевы. Все три иконы в киотах деревянных, писанных. Пред иконами подсвечники деревянные, писаны красками. Двери царския с евангелистами, сень и столбцы. На северных дверях писан благоразумный разбойник. В деисусе десять икон. Перед образом Спасовым паникадило медное, у паникадила кисть нитная. Да в алтаре образ Пресвятыя Богородицы Казанския. На другой стороне образ великомученика Димитрия. На образе два убруса — один кумачный, другой браный**; у образа две пелены дорогильныя, куматчатая***, третья бархательная.

Престол позолочен в одну сторону выбойкою, с трех сторон — холстиною. Да в трапезе образ местныя Пресвятыя Богородицы Знамения в киоте деревянном, писаном — приклад Шатского**** града Черной слободы крестьянина Прокофья Артемьева.

Церковь построена в 7164 (1656) году, и колокольня рублена в восемь стен, в дубовом лесе. С одну сторону брюшина крыта тесом. Глава обита чешуею. Крест и яблоко опаиваны белым железом. На колокольне четыре колокола, во всех весом двенадцать пудов. Церкви и колокольня и колокола — все стороенье приходских людей, того села крестьян”.

Таковы были по писцовым книгам две церкви — Ильинская и Димитриевская в селе Алгасово с одною общею при них колокольнею за двести с лишком лет до нашего времени. Подобных этим церквам по их утвари и ризнице в настоящее время редко и даже едва ли можно встретить где-либо в

* *Епитрахиль* — одно из облачений священнических под фелонью, т.е. надеваемое на шею под ризами и простирающееся до низу.

** Тканый узором, узорчатый.

*** Бухарская бумажная ткань преимущественно красного цвета, реже — синего и других цветов.

**** В тексте встречается двойное написание города: современное Шацк и старое Шатск; соответственно Шацкий и Шатский.

России. Деревянные сосуды, таковые же на престольные кресты, паникадила и подсвечники; простые полотняные облачения священнические и диаконския; холщовые же одежды на престоле и жертвеннике; пелены и воздушы выбойчатые и крашенные; привесы гривен к образам; изображения на алтарных северных дверях благоразумного разбойника и на царских дверях святителей¹ и проч., и проч., и самый внешний вид церквей и колоколни — от одного описания всего этого веет уже глубокой стариною, древностию... Но очень жаль, что никакое описание, сколько бы оно подробно ни было, не может сообщить своевременно верного понятия о памятниках древности, особенно о художественном характере их. Будь снимки с них и рисунки — тогда другое дело. Тем не менее и это описание дает нам многое и очень многое.

Замечательно, что составители писцовых книг, указав на год постройки церкви во имя св. великомученика Димитрия Солунского, не сказали о времени постройки первой — Ильинской церкви. Вероятно, эта первая Ильинская церковь построена гораздо ранее последней, и настолько ранее, что при составлении "Выписей" никто из старожилов не знал и не мог указать времени постройки ея... Частое упоминание в "Выписи" относительно того, что то ветхо, другое ветхо в ней, может служить также основанием нашей догадки. Но когда именно была построена эта церковь и были ли они обе созидаемы вновь или на месте уже существовавших здесь прежде церквей, — об этом пока ничего нельзя знать. Также были ли возобновления этих церквей или постройка на месте их новых до конца прошлого столетия — и об этом ни в имеющихся при теперешних церквах документах, ни в народном предании не сохранилось сведений. Таким образом, за неимением данных, ничего нельзя сказать определенного и нельзя даже сделать вероятного предположения относительно занимающего нас вопроса. Положим, в древности, в XV—XVI вв., можно было выбрать в дремучих непроходимых лесах, каковыя и были в местности села Алгасова, деревья на постройки здоровые, лучшие — и деревянные церкви могли существовать без поправки по 200 и более лет. Существовали без поправки некоторые деревянные церкви даже 300—350 лет.

Из таких соображений и сопоставлений можно было бы заключить, что если Дмитриевская церковь, построенная в 1656 г., и была построена вновь при увеличившемся населении в селе Алгасове, Ильинская церковь, уже ветхая ко времени составления "Выписи", могла быть построена не ранее XV в. или что обе они существовали без поправок до конца прошлого столетия, когда были заменены новыми... Но, с другой стороны, есть и указания, что деревянные церкви через какие-нибудь 80, даже 40 лет приходили в совершенную ветхость и требовали новых построек, хотя и были строены из того же старинного крепкого леса. Ввиду этих последних фактов всякия предположе-

ния замирают на устах и вопрос о первоначальных постройках церквей в селе Алгасове остается нерешенным хотя бы приблизительно. А жаль, что у нас под руками не имеется данных для решения этого важного вопроса! Вместе с ним был бы решен и другой, не менее, если не более, важный вопрос о времени первого населения этой местности русскими-христианами.

В начале 60-х гг. настоящего [XIX] столетия на месте этих церквей доживали свой век две же, уже древние, церкви: одна Ильинская же, двухэтажная и двухпрестольная, с престолом еще во имя святителя и Чудотворца Николая, и другая Николаевская, уже однопрестольная; между ними в середине, недалеко от той и другой стояла ветхая осьмигранная колокольня. Непосредственно ли после прежних, бывших здесь во время составления "Выписи" церквей — вместо одноэтажной Ильинской с приделом была сооружена двухэтажная Ильинская же и вместо Дмитриевской явилась Никольская, — опять сказать нельзя. Николаевская церковь в поименованных годах была поновее первой и, как оказывается по описи ее, составленной в 1833 г., была построена в 1778 г. по благословию преосвященного Тамбовского и Пензенского Феодосия и освящена в 1780 г. Ильинская же, по всей вероятности, древнейшей постройки, была очень ветха, и по распоряжению Тамбовского преосвященного Макария, при обозрении им в 1857 г. епархии, под опасением разрушения, была запечатана; причем настоятель священник этой церкви Адриан Воронцов и благочинный священник Николай Алгасовский, состоявший священником при Николаевской церкви, за нерадение, якобы по его вине церковь ветха и прихожане не строят новую, были удалены из села Алгасова. Кажется, и рубка этой церкви была особенная, древняя: в бревнах паз был вынут не в верхнем, накладывающемся бревне, а в нижнем...

В 60-х гг. настоящего [XIX] столетия, при разросшемся населении на запад, прихожанами вместо этих ветхих и мало вместительных церквей были выстроены две же церкви — одна деревянная Ильинская в местности базара и другая каменная Рождества Богородицкая на большой дороге — обширные и великолепные. Но деревянная церковь существовала недолго; она сгорела летом 1865 г. в страшном пожаре, которые в прежнее время в Алгасове были часты и опустошительны. Вместе с этой церковью сгорели и все ее древние документы, спасены только документы последних лет, начиная с 40-х гг. настоящего столетия. Значит, все, что имело историческую ценность (если таковое было), сгорело в пламени, а оставшееся для современника имеет мало ценности. За время с 1865 по 1870 г. богослужение совершалось Ильинским причтом в старой Николаевской церкви.

Эта последняя в 1870 г. продана серповским крестьянам, ими возобновлена вместо сгоревшей у них и стоит еще очень крепкая доселе. Старая Ильинская церковь разобрана еще раньше, в 1862 г. Фундаменты их обеих вы-

браны, причем попало много рослых голых человеческих черепов и костей... На месте престолов этих церквей теперь — как память былого — одиноко стоят две часовенки — столбочки из фундаментных кирпичей с крестиками. На месте же сгоревшей деревянной церкви теперь красуется уже каменная трехпрестольная церковь, приделы которой во имя свт. Николая и Казанской иконы Божией Матери освящены в 1870 г., а главный храм во имя пророка Илии освящен 2 октября 1885 г. преосвященным Виталием в его первый объезд епархии.

Года за три до начала стройки новых церквей и на новом месте и долго после по ночам в весеннее и летнее время заявлялся на крестах старых церквей сыч, попеременно перелетая с одной на другую, и страшно кричал, наводя уныние и ужас на живущие вблизи духовенство и прихожан. Толковали это событие не в пользу нового места для церквей и вообще к несчастью². Странно, весной 1886 г. умерла у живущего напротив старой Ильинской церкви местного священника — благочинного Краснодубровского 17-тилетняя дочь Александра от скоротечной чахотки; так, на доме его за несколько времени до смерти дочери, с начала весны, тоже по ночам кричал сыч.

III

Рождество-Богородицкая Церковь

*Внешний ее вид и внутреннее состояние
в настоящее время.*

Церковноприходская школа при ней

Рождество-Богородицкая каменная церковь села Алгасово начата была постройкою летом 1859 г. по благословию преосвященного Феофана — епископа Тамбовского и Шатского, впоследствии Владимирского и Суздальского, ныне избравшего для жития себе на покое Шатскую Вышинскую пустынь, и окончена в 1862 г.

Употребляемые на постройку и окончательное устройство ее средства поступали от прихожан, причем попечителем и строителем был крестьянин села Алгасово Алексей Михайлович Аникейчев — человек с большими средствами, вложивший в постройку эту много и своих денег. При закладке церкви на основание ее было заложено им 2000 рублей серебром; затем, за все время стройки ее, он платил из своих средств ежегодно по 150 руб. архитектору и на другие нужды тратил свои средства без счета.

До сего времени церковь существует в том же виде, как устроена, без поправок. Наружный вид ее продолговатый — четырехконечным крестом,

с закруглением алтарной стороны. Окон в ней три яруса — 14 больших в нижнем по 10 кв. аршин в каждом, четыре окна средней величины в главном куполе и четыре же больших круглых над окнами в поперечной части крестообразия, железные решетки есть только в окнах нижнего яруса, в прочих нет. На церкви пять куполов с башнями под ними, из них один каменный открытый, прочие деревянные глухие. Кресты над куполами сделаны из железа, прозрачные, позолочены червонным золотом*. Кровля на церкви и куполах железная, окрашена медянкой. Вся церковь снаружи оштукатурена и обелена. Входных дверей в ней три: западная, северная и южная. Здание ее до настоящего времени крепко.

Внутренняя площадь вместимости церкви включает в себе 65 квадратных сажень — в западной части креста, или в придельной церкви 42 сажени, в поперечнике креста или в главной церкви $37\frac{1}{2}$ сажень, в восточном алтарном конце креста 17 сажень. Придельная церковь и главная по внутреннему своему расположению продолговатые и квадратны, а алтарная часть — немного больше полукруга, все эти части со сводами. Во второй и третьей частях или в главной церкви пол каменный, из белых плит; в первой или придельной части — деревянный, крашен не был. В придельной церкви устроены были две печи, но они никогда не топились по недостатку средств. Солея в главной церкви возвышена на один аршин пред полом остальной части ее, в придельной — на одну четверть аршина. Вместимость алтарей — главного показана выше, каждого из придельных — 4 с небольшим кв. сажени.

Престол главной церкви в честь Рождества Пресвятыя Богородицы освящен по благословию преосвященного Тамбовского Палладия I, впоследствии митрополита Петербургского, в 1873 г. 1 октября бывшим благочинным священником Григорием Федоровичем Островским. В придельной части два престола — в правой стороне во имя святителя и Чудотворца Николая, в левой во имя святителя Алексия, митрополита Московского (патрон строителя церкви Аникейчева) — устроены еще при устройстве церкви в 1862 г., в том же 1862 г. 18 и 19 октября они освящены с благословения преосвященного Феофана настоятелем Шатского Чернева монастыря, архимандритом Германом.

Престол в главной церкви из дубового леса, квадратный, в два аршина, вышиною в 1 арш. $7\frac{3}{4}$ вершка, с солею вокруг в четверть аршина. За престолом у восточной стороны большая икона в резной и золоченой киоте, изображающая "Снятие со креста Христа Спасителя", очень художественной работы. В придельной церкви престолы также из дубового леса, квад-

* До 1889 г. кресты были сделаны из дерева, биты жестью и позолочены червонным золотом.

ратные, в 1 арш. 2 вершка, вышиною 1 арш. 6 вершков, за престолом правого алтаря картина "Моление о чаше", написанная масляными красками прямо на стене и уже достаточно вылинявшая³. За престолом левого алтаря была также написана на стене картина "Распятие Христа Спасителя", но к настоящему времени она совершенно уничтожилась вместе с штукатуркою от сырости.

Жертвенники — в главной церкви из дубового леса, квадратный в $1\frac{1}{2}$ аршина, вышиною 1 арш. и 5 вершков; в придельной — также из дубового леса, — представляют из себя сегменты, равные четверти круга в кв. арш., вышина их одинакова с престолами.

Иконостасы — в главной пятиярусный, с колоннами, украшен резьбою, золочен весь на полименте; в придельной одноярусные, с полуколонками и двумя колоннами на углах вовнутрь церкви, столярной работы. Резьба вызолочена. Работы икон в иконостасе главной церкви исполнены в мастерской художника Варгамова, причем шесть главных икон — Спасителя, Пресвятой Девы Марии с предвечным Младенцем, Рождества Богородицы, Рождества Христова, святителя и Чудотворца Николая и Александра Невского — произведения его самого и так же, как и его картина "Снятие со креста Христа Спасителя", очень художественны...

Восемь главных икон двух придельных алтарей в иконостасах — Святой Троицы — явление Господа Аврааму в виде трех странников, Божия Матери, святителя и Чудотворца Николая, св. Архистратига Михаила, Крещения Господня, свт. Алексия, митрополита Московского, и св. первосвященника Аарона — в медных посеребренных окладах.

Описание прочих икон во всех трех иконостасах и в других местах церкви помещено в описи церковной, составленной в 1874 г., на местах 3—6—8—10—14. Царские двери во всех трех алтарях резные, вызолочены червонным золотом: изображены на них четыре евангелиста, Божия Матерь и благовествующий ей Архангел Гавриил.

Стены в главной церкви выкрашены под мрамор, в придельной вместе с потолком расписаны картинками из св. Нового Завета. Потолки как в той, так и другой поддерживаются четырьмя массивными столбами, отчего церкви дается мрачный вид и теряет она много в своей вместительности. На столбах как в главной, так и в придельной церкви, со всех четырех сторон написаны изображения св. угодников Божиих. В главной по углам четырех столбов, обращенных к середине церкви, изображены четыре евангелиста.

Роспись стен и потолка придельной церкви священными изображениями производил художник Быков. Насколько в настоящее время позволяет судить о себе эта роспись, слишком испортившаяся от сырости, почерневшая от дымом и портящаяся от осыпания штукатурки, — можно сказать, что изобра-

жения порядочны, выразительны и вообще производят прекрасное впечатление и обнаруживают в художнике некоторый талант.

Есть в церкви несколько древних икон, между которыми особенного внимания заслуживают три: икона "Пренесения мощей свт. Николая Чудотворца", висящая без рамы (одна доска) на правом столбе при входе в главную церковь — своею вычурною живописью; икона свт. и Николая Чудотворца над входною в церковь дверью — резкостью и выразительностью лика и икона Божией Матери Тихвинская, помещенная в придельной церкви за левым клиросом в киоте. Все три эти иконы оставлены из старой церкви Николаевской. Последняя икона очень древняго происхождения. Она слишком потемнела. У причта и прихожан она пользуется особым уважением и берется ими постоянно в дома для служения перед нею молебнов так называемых "вхожих" и по особым случаям.

Об этой иконе рассказывают следующее: пользовалась она уважением прихожан и причта и в то время, когда находилась в старой церкви, но, когда была перенесена в эту церковь, была она почему-то как бы забыта. В конце 60-х гг. проезжал через Алгасово по пути в Темниковский Санаксарский монастырь бывший на покое в Тамбовском Трегуляевском монастыре епископ Антоний. Остановившись у бывшего настоятеля Рождество-Богородицкой церкви о. Илии Преображенского, он ходил с ним в церковь и, осматривая ее, обратил внимание на эту икону: особенно его внимание привлек выразительный лик Богоматери. Вскоре после этого, по мысли его, икона была, насколько возможно, реставрирована и сделана была для нее приличная киота. С того времени она опять стала пользоваться особым уважением прихожан, братья сими на дома. В 1910 г. крестьянин из прихода Ильинской церкви Гаврила Алексеев Елагин за свой счет украсил икону сереброзлащенной ризой, весом в 21 фунт, ценою в 650 рублей.

За последнее время поступили в церковь и иконы новых работ на цинке. В 1881 г. в память мученической кончины царя-освободителя, императора Александра II, прихожанами на собранные по учрежденной ими самими подписке рубли приобретена для постановки в церкви метахромотипическая икона св. Александра Невского и мученицы Евдокии. Благоверный князь с крестом в правой руке и хоругвию, на которой написан образ Нерукотворного Спаса и над ним надпись: "Св. благоверный князь Александр Невский"; мученица Евдокия с зеленеющею веткою в руке изображена на левой стороне иконы и над нею надпись: "Св. препод. мученица Евдокия". Внизу икон надпись: "В память мученической кончины царя-освободителя Александра II в Рождество-Богородицкую церковь села Алгасова от прихожан". Помещена она за левым клиросом придельной церкви в киоте, сделанной на церковные средства, за 60 руб. стоимостью.

В 1866 г. приобретены 15 таковых же икон двенадцатых и храмовых праздников на церковные средства. Стоимость их с двумя для них киотами 61 руб. 75 коп. Величина их 6 × 7 верш. В 1877 г. приобретены на церковные же средства 12 таковых икон месячных святцев за 82 руб. Величина икон 10 × 12 верш.

Утварью церковь снабжена в достаточном количестве. Напрестольных евангелий четыре, из которых одно, приобретенное в 1885 г. на церковные средства за 505 руб., с окладом в 8 фунтов серебра замечательно-художественной чеканной работы. Потиров три и дисковос три, все серебряные, вызолоченные. Крестов пять — сереброзолоченные. Дарохранительницы тоже сереброзолоченные, таковые же и ковчеги — церквообразные. Люстр четыре, три из них в придельной церкви — медные, одна в главной — бронзовая, вызолоченная. Паникадил в придельной церкви семь — все медные, серебряные. Сборные блюда, водосвятная чаша, брачные венцы, купель, всенощные блюда, подсвечники и проч. — вся эта утварь медно-высеребренная, исключая венцов, кои вызолочены.

Ризница вообще достаточна. Всех священнических облачений — 5 пар, из них серебряной парчи одна, мишурных* — девять новых, одна летняя. Ризница помещается в алтаре главной церкви. Библиотека церковная в достаточном состоянии. По разряду сочинений в ней находится книг догматических 25, церковно-исторических 5 и проповеднических 97. Выписывались по временам и некоторые духовные журналы. Таковы "Православный собеседник", "Руководство для сельских пастырей", "Воскресная беседа", "Христианское чтение", "Труды Киевской Духовной академии" за 1886 г. и проч. Но все номера их в целом составе и виде не сохранились, за исключением "Труд. К. Д. Ак."** "Епархиальные ведомости" сохранились с 1880 г.

Архив церковный в порядке: метрические книги с 1781 г., книги брачных обысков с 1803 г., исповедные росписи с 1814 г., книги церковных расходов с 1809 по 1831 г. включительно, приходно-расходные книги с 1832 г. и клировые ведомости.

Колокольня устроена в фронтальной части церкви, колоколов на ней шесть. Большой, в 163 пуда 20 фунтов — вклад строителя Аникейчева, о чем и сделана на нем надпись: поступил в церковь 22 декабря 1861 г., стоимость его 2716 руб. 66 коп. 2-й [колокол] в 52 пуд. 10 ф. поступил в церковь по разделу с Ильинскою с общей колокольней старых церквей. Из надписи на нем, между прочим, видно, что он приобретен в 1800 г. за 1149 руб. 50 коп., из которых приложил 410 руб. того же села (Алгасова) крестьянин Абрам Назаров с

* Сделаны из мишуры — поддельного швейного и ткацкого золота и серебра.

** "Труды Киевской Духовной академии".

братьями вместо рекрутства в их семейство. Остальные [колокола] веса незначительного: 3-й — 4 пуд. 9 ф.; 4-й — 1 пуд. 10 ф.; 5-й — 32¹/₄ ф.; 6-й — 31 ф.

Вокруг церкви каменная ограда вышиною в 3 арш. с четырьмя башнями по углам. Площадь ограды равняется 1014 кв. саж. Помещаемая вместе с караулкою в башне, находящейся на северо-западном углу церковной ограды, церковноприходская школа открыта 11 февраля 1886 г. по просьбе приходского священника Сергея Пятницкого. Верных источников на свое содержание школа не имеет. На приспособление караулки для помещения в ней школы пожертвовано было местным приходским диаконом Матвеем Мутаевским 40 руб., а на обзаведение ее учебными столами и другими принадлежностями, а также книгами употреблено было открывшим ее священником Пятницким единовременно из своих средств 25 руб. и из церковных свободных сумм, с разрешения епархиального начальства, 50 руб. Тем же священником Пятницким лично самим сделаны для школы учебные шведские счеты и шкаф для школьной библиотеки, которая к настоящему времени состоит из 514 книг и книжек.

Со времени открытия школы и до настоящего времени обучалось в ней мальчиков 19 и девочек 6. Одновременно обучается 25 человек всего тех и других, т.к. за недостаточностью помещения, помещаться в ней более этого количества учеников не может.

IV

Прежде бывшие в селе кладбища. Новое кладбище и лица, похороненные в ограде при Рождество-Богородицкой Церкви

Современное "Выписи" кладбище описано следующим образом: "Около церкви площадь для погребения умерших — длиннику сорок, поперечнику тридцать три сажени". Местность эта не заселена и доселе и представляет единственную в селе площадь, свободную от построек. Во множестве здесь сохранились памятники бывших могил — большие камни-булыжники, почти совсем вросшие в землю. Уцелел также здесь, вблизи бывшей церкви во имя пророка Илии, подгнивший деревянный сруб с тяжелою на нем чугунною плитою, на которой вылитое следующее: "Здесь сокрыт прах служителя алтаря Господня священника Авраамия, который скончал житие свое 48 лет от рождения, быв пастырем вверенной ему церкви и благочинным с 1802 г., за ревностное прохождение каковых должностей всемилоостивейше награжден был скуфиею. Скончался октября 15 дня 1826 года в 3 часа пополудни".

Судя по этой надписи на могильном памятнике, а также и по сохранившемуся преданию, священник Авраамий Куликовский был человек деловой. Должность благочинного по тому времени возлагалась на резко выделяющихся из общего уровня священников, да и награды из Св. Синода и Высочайшие на долю сельских священников в то время редко перепадали. Многие крестьяне и теперь вспоминают о. Авраамия с благодарностью. Его старанием возвращено во владение алгасовцев громадное пространство земли почти от самого Алгасова и до реки Цны, которою завладели было крестьяне села Чернитово и деревни Рыслей и владели ею уже долго. Теперь часть этой земли по горе до деревни Рыслей распахана, поле носит название "Чищи" — места из-под расчищенного леса, и крестьяне при воспоминании об о. Авраамии выражаются: «если бы не о. Авраамий, не были бы "чищи" нашими».

Жена его жила до конца 50-х гг. в маленьком домике против Ильинской церкви и похоронена также здесь. Камни-булыжники на это кладбище брались в местной горе, где их и теперь много, хотя уже далеко меньшего размера. Хороший обычай увековечивать память когда-то живущих людей положением на месте их могил хотя простого камня в назидание грядущих поколений! И свято блюлся этот обычай прежними жителями села Алгасова. Такие камни находились прежде и встречаются еще и теперь и на месте после бывшего кладбища, непосредственно за большою дорогою, занятою теперь дворными постройками и гумнами.

Площадь древнего кладбища при старых церквях доселе зовется кладбищем и погостом. Будучи не выше других мест в селе, площадь эта по странной случайности постоянно суха. В самую грязную осень тут нельзя замарать ног, а первая весенняя растительность — трава — здесь появляется гораздо ранее, чем в других местностях села Алгасова. По всему этому, а также и по памяти о прежнем ее значении, площадь эта — любимое местечко у сельчан. Сюда сходятся малые ребята играть, девки водить хороводы, большие ребята и мужики производят в праздники Благовещения, Вербного [Воскресенья] и Пасхи, когда, по большей части, площадь эта бывает уже свободна от снега, свои кулачные бои на виду лежащих здесь предков, как бы показывая им свою удаль-силу и давая этим знать, что старорусская потеха эта еще не вывелась, поддерживается ими и считается единственным и лучшим развлечением их потомков в тяжелой трудовой их жизни... К настоящему, впрочем, времени бои эти производятся все реже и реже и почти вывелись.

Только в последнее время площадь эта стала загружаться дворами, лесом и готовыми срубами одного богатого лесопромышленника и навозом с окрестных дворов для просушки его на ней для топлива. Такая профанация священного для села места и загавнивание единственной сухой с первовесны

площади в селе вызывают во многих ропот. Стараются об очищении ее от всего такого в санитарных и противопожарных целях и местный урядник. Но время всеобщего практицизма берет свое, и прекрасная и дорогая для ... местность год от году начинает терять свою прелесть и все это, что на-поминало собою глубокую древность...

Часовенка на месте престола бывшей Николаевской церкви давно уже стоит без крестика, верх ее все более и более осыпается, и никто не заботится о приведении ее в должный вид. А ведь с того времени, как снесены отсюда церкви, не прошло и двадцати лет. Что же будет дальше? — Дальше эту местность ожидает окончательное запустение наперекор изречению: "свято место не бывает пусто". Хорошо было бы устроить на месте бывшей здесь колокольни, как раз в середине площади дом под помещение общей для всего села церковноприходской школы и, огородив всю площадь, развести на ней сад.

Теперь две недавно открытые в селе церковноприходские школы, только на 50 человек учащихся в них обеих, помещаются в местных караулах при церкви, в грязной и гнилой местности базара, по которому в осеннее и перво-весеннее время нет вылазу и для взрослых, не только для малолеток. Эта же местность, как сказано вперед, постоянно суха, и воздух здесь самый благо-растворительный. Устройство на этом месте церковноприходской школы как нельзя более целесообразно. Но сельское общество скупо относится и к нуждам существующих уже в готовых помещениях школ, точнее — вовсе ничего не уделяет на них из своих средств; хотя у общества есть средства, и большие средства, к тому же совершенно пенные, как говорится: аренда базарной площади доставляет ему до 10 тыс. руб. в год; есть общественный доход и со множества других статей. Есть гниющее попусту обширное и еще прекрасное здание из под запасного общественного магазина, как нельзя более идущее к этой цели... Есть, но не хотят и поступиться этими сред-ствами для благой цели — общей своей пользы... В этом, впрочем, виновато не общество, а его начальство и измироедившиеся его заправилы. Эти запра-вилы идут решительно против всех благих начинаний духовенства и выше-го начальства, не радеют о высших духовных интересах своего родного села и преследуют только свои корыстные, хищнические цели, а чтобы залить, что называется, глаза эксплуатируемому миру, они время от времени, и очень часто не скупятся жертвовать из общественных сумм, а иногда как будто и из своих рублей по 150, 200 и 300 зараз на общий пропой этому ми-ру. При этом уже всякие другие жертвы кажутся обществу должественными быть менее производительными... При таком порядке вещей и тепе-решняя Ильинская церковь, собственно главный храм, строилась 20 лет и простроилась бы еще долее, если бы на одно трехлетие не занял должности старшины один хороший мужик (Д.М. Болтышев) вопреки желанию изми-роедившихся общественных заправил. Но этими самыми заправилками он

скоро был сбит с места, заменен другим и отдан под суд за простоту, как выражаются о нем теперь более лучшие члены общества, — за простоту, которая, по пословице, оказалась хуже воровства... Все-таки, несмотря на его полошность, по которой он сбит с позиции и отдан под суд, тяготеющий на нем до сего времени, общество с благодарностью вспоминает его кратковременное управление волостью и говорит ему за многое спасибо, а беспристрастная летопись отмечает его как светлое явление на темном фоне сельской неурядицы... При его управлении могло бы быть осуществлено и заветное желание многих членов общества и духовенства иметь для села особое и просторное помещение под церковноприходскую школу, помещения в ней большого числа учащихся, из которых многих теперь отцы отдадут в выучку частным лицам, иногда самим не совсем грамотным, и за порядочную цену...

В недавнее время на этой площади выстроена школа Министерства народного просвещения, в которой обучается 60—65 учеников.

Новое кладбище расположено за большою дорогою, в конце выгона, перед пахотным полем. Отведенное в 1853 г. и затем прибавленное, оно уже достаточно переполнено прахами алгасовских прихожан. Кладбище это было окопано канавою, огорожено колючею проволокой и с настоящего 1912 г. засаживается разными деревьями на средства общества*; при кладбище есть сторожка, в коей в зимнее время гробовщики пользуются теплом... Здесь крестьяне не кладут уже камней на могилы, а ставят деревянные кресты или втыкают в могилы носилки из-под гроба — небольшие шесты. Но эти памятники непрочны, подгнивают или же расхищаются на дрова; новыми же заменять их не считают нужным или же считают убыточным для себя. Таким образом, встречается очень часто, что место недавно почившего покойника не может быть указано родными его при помине и других случаях... печальное явление!

С недавнего времени появились, впрочем, на нескольких могилах и камни булыжники, три могилы огорожены тесовою решетчатою оградой, на двух — срубы и выделяются над другими два памятника могил крестьян Аникейчевых и Поросятниковых. На первом каменном, который, впрочем, стоит уже без верха, следующая надпись: “Здесь погребено тело казенного крестьянина Александра Иванова Аникейчева (внук строителя церкви). Скончался 1880 года Апреля 5 дня, родился 1848 года. Младенец Василий 7 лет, младенец Александр 6 месяцев”.

* В рукописном варианте летописи (копии П.Я. Бугрова) читаем: “...кладбище окопано канавою, которая к настоящему времени совершенно осыпалась, огорожено оно не было; вообще содержится не в должном порядке”.

На втором чугунном вылито следующее: “Здесь преданы земле тела умерших семьи Григория Егоровича Поросятникова [восточная сторона памятника]. Упокой души умерших и всели их в Царствие Небесное. Ирина (жена Поросятникова) — умерла 16 марта 1882 г. [западная сторона памятника]”. Памятник представляет из себя большой крест с массивным под ним пьедесталом, на котором и надпись. Более почетных лиц хоронят и в ограде при церкви, хоронят также здесь и за взнос в церковь известной суммы. До настоящего времени при церкви похоронены следующие лица.

На восточной стороне главного алтаря.

1. Алексей Михайлович Аникейчев — строитель церкви. К сказанному о нем выше считаем нужным прибавить несколько слов. До 1844 года он был крепостным села Конобеева, Шатского уезда г. Нарышкина и состоял в Конобееве церковным старостою. Там им лично нажиты были баснословные для крестьянина средства. В 1844 году он с семьей откупился на волю за 1840 руб. Переселился и приписался к обществу села Алгасова в 1849 г. Поселившись на большой дороге, он задумал выстроить и церковь поближе к себе; кстати, и прежняя его церковь Николаевская оказалась малопоместительною по количеству прихожан ее к тому времени. Умер 5, а похоронен 7 ноября 1863 года 82 лет от роду. Потомки его как-то скоро ухитрились растратить нажитое им и оставленное для них громадное (до 60 тыс. руб.) состояние. Теперешние три внука его и несколько правнуков, хотя и живут в каменных палатах, почти бедствуют.

2. Анастасия Петровна Аникейчева — жена строителя церкви. Умерла 16, а похоронена 18 апреля 1865 года 78 лет от роду.

3. Иван Алексеевич Аникейчев — сын строителя церкви. Был после смерти родителя попечителем еще не устроенной церкви. Умер от простуды 1, а похоронен 4 ноября 1874 года 62 лет от роду.

4. Прасковья Филипповна Аникейчева — жена Ивана Алексеевича Аникейчева. Умерла от горячки 27, а похоронена 29 июня 1881 года 70 лет от роду.

5. Василий Алексеевич Аникейчев, второй сын строителя церкви. Умер от простуды 5, а похоронен 7 марта 1870 года 48 лет от роду.

На могилах их был каменный памятник с надписью на нем, но к настоящему времени остались от него одни обломки...

6. Архип Петрович Пятницкий — приходской священник. О нем будет сказано ниже в главе о причте. На его могиле стоит массивный чугунный памятник — крест с тяжелым под ним пьедесталом, на котором вылит: “Господи, прими дух их с миром. Упокой, Господи, душу раба твоего иерея Архипа. Скончался 26 июля 1879 года (западная сторона памятника). Упокой, Господи, души усопших рабов твоих Павла, Александры, Анны (восточная сторона памятника)”. Последние — малютки, внучата его, дети священника Сергея Архиповича Пятницкого.

На южной стороне главного алтаря.

7. Семен Михайлович Никольский — священник сгоревшей Ильинской церкви. Сын причетника бывшей Николаевской церкви Михаила Сергеева. Родился 14 апреля 1828 года. Окончил курс Тамбовской семинарии в 1852 году. Был учителем местного алгасовского народного училища с 1852 по 1856 год. С 1856 года — священником при Ильинской церкви. Умер от холеры 29, а похоронен 31 августа 1866 г. 38 лет от роду.

В семействе у него оставались — жена Александра Петровна, 5 человек малолетних детей и старик родитель. Трое из оставшихся в живых сыновей его — Федор служит механиком при саратовском телеграфе, Петр окончил курс Киевской Духовной академии и состоит помощником инспектора Саратовской Духовной семинарии, Василий окончил курс Тамбовской духовной семинарии и состоит псаломщиком при Архангельской церкви города Тамбова.

8. Апполинарий — иеродиакон Шацкой Вышенской пустыни... Был в Алгасове с Вышинскою Казанскою иконою Божией Матери⁴ и скончался в ночь на 12 сентября 1866 г. от холеры 33 лет от роду, 12 же был похоронен. На могиле его положен был каменный памятник с надписью, который теперь в обломках, а из надписи можно только разобрать крупно вырезанное слово "Апполинарий".

На северной стороне главного алтаря.

9. Дмитрий Иванович Яхонтов — диакон сгоревшей Ильинской церкви. Из низшего отделения семинарии состоял на службе в сане диакона более 40 лет сначала в селе Рыбном, затем большую часть времени в селе Алгасове. Умер в сентябре 1866 года от холеры. При похоронах его сыном его шатским было внесено в церковь на текущие расходы 20 руб.

На южной стороне придельной церкви.

10. Против алтаря — Анна Николаевна Кроткова, жена приходского священника. Умерла от воспаления после родов 5, а похоронена 7 декабря 1865 г. 27 лет от роду. На могиле ее стоит деревянный, обитый жестью столб, к которому был прибит жестиной лист с изображением картины Воскресения Христова и под ней надписью: "Верую, Господи, что ты воскрес, — воскреси и мя в Твое Царствие. Я раба твоя — жена священника Иоанна Кроткова — скончалася 1865 г. декабря 5 дня".

В юго-восточном углу ограды.

11. Семен Федорович Волокитин — сторож церкви. Убит около дверей церковных злоумышленниками, покушавшимися на кражу из церкви в ночь на 8 августа 1869 г.; причем ему нанесено было в голову, грудь и шею 18 ран. Возвращавшиеся под это число с поля часов в 11 вечера слышали несколько беспорядочных ударов за веревку в колокол, но особого значения

этому не придали — дело объяснилось после, часам к 11 наступившего дня... Злоумышленниками взломаны были замки у дверей церковных и затем в самой церкви у ящиков и сундуков, в которых обыкновенно хранились церковные суммы; но денег из церкви похищено не было, т.к. их в то время в означенных ящиках и сундуках не находилось, исключая незначительной мелочи. Другие церковные вещи также не были тронуты ими. По извещенным дознаниям злоумышленники и убийцы обнаружены не были и следствие, тянувшееся месяца три, также не дало ничего — и дело это предано было воле Божией.

Семейная жизнь старика Семена Волокитина при сварливой и драчливой снохе его, известной Алгасову Екатерине была тяжелая. Эта сноха Екатерина била его граблями и чем попало за то, по ее мнению, что он не хотел помогать семейству в работе, а только ел и пил... Под конец жизни он стал заливать свое горе водкою, и тут ему доставалось более. За несколько времени до своей трагической смерти он рассказывал родным и кое-кому из соседей, что по ночам ему слышится из церкви плач и голос, который ему предрекает тяжелую смерть. По его словам, то был плач и голос Царицы Небесной. На это тогда никто из слышавших от него не хотел обращать внимания, ссылаясь на то, что старик на ночь выпивает и, может быть, много и плач и голоса из церкви верзится* ему спяна... Все это, а также и его тяжелое семейное положение стало понятно только после его смерти... от роду ему было 78 лет. Похоронили его 10 августа при церкви с честью; причем отпевание тела его было совершено всеми четырьмя алгасовскими священниками, а священник Ильинской церкви Александр Успенский — сосед его по жительству — при опускании тела в могилу сказал глубоко прочувственную речь, приведшую всех присутствовавших при похоронах в непритворные слезы...

У Семена Волокитина был брат Павел Федорович Волокитин — поручик, который ввиду того, что единственный человек из алгасовских крестьян службою храброю, примерною и толковою достиг офицерского звания, заслуживает того, чтобы быть внесенным в нашу летопись. Двадцать пять лет жизни его в Алгасове в отставке также не лишены назидательности. Родился он 15 декабря 1799 года от удельного крестьянина Федора Михнева и жены его Гликерии. Поступил в военную службу рекрутом 18 ноября 1818 года; произведен в рядовые 22 июля 1819 года; в унтер-офицеры 4 класса 1 сентября 1826 года, 3 класса — 22 апреля 1829 г., 2 класса — 24 апреля 1834 г., 1 класса — 5 ноября 1835 г. Все это время служил в 8 пионерном батальоне, переименованном 7 ноября 1829 года в Кавказский саперный батальон. Июня 19-го 1839 года произведен в прапорщики, а января 24-го 1846 года — в подпоручики Гризанского линейного батальона № 3. Находясь на службе, участ-

* Грезится, бредится.

вовал во многих походах и делах против неприятеля под непосредственным личным начальством следующих лиц: графа Паскевича Эриванского, графа Суктелена; генерала Муравьева, генерала Вельяминова, генерала Штиобе, полковника Ниряжинского, г. Малиновского, генерала Симборского, г. Голофеева, князя Белозерского-Белосельского, г. Граббе, полковника Фрейтага и князя Голицына, и в плену не был.

В 1828 г. за отличие в сражении под Карсом награжден орденом Св. Георгия № 52. 849. В 1847 г. вышел в отставку, причем получил чин поручика. В отставке до смерти получал пенсию в размере 231 руб. 60 коп. в год. Умер от удущия 3, а похоронен на приходском новом кладбище 4 декабря 1875 г. 76 лет от роду.

В отставке, проживая в селе Алгасове в собственном доме с приемышем своим — племянником от брата Никитою Агоновым Волокитиным, он был исправный прихожанин своей приходской Николаевской и затем Рождество-Богородицкой церкви, в дни праздничные и воскресные усердно посещая оные, принимал к себе духовных и сам часто посещал их и любил беседовать с ними; в домашнем быту вел исправное хозяйство: запахивал и сеял землю, токарил и проч. Чистота и порядок заведены им были в хозяйстве необыкновенные, резко отличающиеся от обыкновенных крестьянских. Таковые же чистота и порядок, как сбереженное наследие, до настоящего времени отличают и племянника его Никиту с детьми. Научившись грамотности и порядочности в военной службе, в свободное время от сельскохозяйственных дел вел он и "Записки для памяти", как он сам их называет в оглавлении оставшихся от него тетрадок и листков. В них он вносил все решительно: и рецепты лечения скота домашними средствами, соленой свинины, говядины и баранины, сохранения зернового хлеба от гнили и мышей, запашки и посева, случек скота и проч., и проч., и поверья и предрассудки народные в отгадывании будущего, и решения замысловатых арифметических задач, и убыли и прибыли в своем хозяйстве и скоте и проч. Сюда же он вносил и запись о прочитанных книгах, и запись о событиях в селе Алгасове.

Между прочим в уцелевших "Записках" его заключаются записи о следующих событиях в селе Алгасове, не лишенных общего интереса:

"28 января 1861 года с председателем Алгасовского волостного правления Исаею Толстовым случилось несчастье. Когда он повез сдавать в Моршанское казначейство податные деньги — нечаянно обронил из них 1450 рублей серебром. Эти деньги, по распоряжению господина Моршанского окружного начальника майора Толкиста, велено взыскать с председателя Толстова 1200 руб., головы Савелия Прокопиевича Морозова 200 руб. и писаря Григория Тананасова 50 руб.

6 октября 1863 г. ракинський барин Василий Григорьевич Безобразов многих людей алгасовских избавляет от болезни.

24 мая мы кормили сленцами с овсом гнедую кобыленку Александровскую, того же дня случилось несчастье — ужасный пожар. Начался с дома Павла Жукова (жил тогда в базарном переулке, где теперь о. Виктор Золотницкий) и перешел на большую дорогу и Погорелку... 9 октября 1872 г. Федор Иванович Мечев (богатый темяшевский крестьянин, имевший на базаре большую каменную лавку, которая существует и поныне) умер 6, а похоронили 7 сего октября.

Улиана Ивановна Назарова — жена бывшего церковного старосты Ф.А. Назарова умерла 21, а похоронили 23 апреля 1877 г. 72 лет от роду. Похоронена при церкви на взнос в церковь на текущие расходы 100 руб. В углу же здесь похоронены два сына священника Сергия Архиповича Пятницкого — младенцы Иван и Константин”.

V

Церковный причт села, усадебная и полевая его земля и средства к содержанию

Дворы священнослужителей в “Выписи” описаны следующим образом: “У церкви дворы священнические. Священник Иван Макаров; у него дети: Мишка, Васька — женаты, Левка 6 лет. Двора и огорода и гумна длиннику восемьдесят пять и поперечнику пятнадцать сажень.

Священник Семен Васильевич; у него сын Захарка шести лет. Двора и огорода длиннику пятьдесят семь, поперечнику пятнадцать сажень.

Священник Алексей Марков; у него дети: Устинка 12 лет, Ивашка 3-х, Васка году; у него же отец Марк Григорьев, сын Созыкин — стар. Двора и огорода длиннику 56 сажень, поперечнику тоже.

Диакон Иван Афанасьев; у него дети: Кузенка 4 лет, Федька году. Под двор дано ему место вновь длиннику 35, поперечнику 19 сажень.

Церковный дьячок Ерошка Фомин; у него дети: Петрушка и Ивашка — женаты, Андрюшка 10 лет. У Петрушки сын Макарка пяти лет. Двора и огорода длиннику 21, поперечнику 18 сажень.

Церковный дьячок Никитка Фомин; у него дети: Пименка 6 лет, Еремка четырех лет, Фролка году. Двора и огорода длиннику осьмнадцать, поперечнику шестнадцать сажень.

Церковный дьячок Данилка Борисов, сын Попов; у него дети: Оська двенадцати лет, Афонька семи лет. Двора и огорода длиннику тридцать пять, поперечнику семнадцать сажень.

Просвирия Лукерья Васильева дочь; у нее дети: Ивашка, Бориска — женаты, Меркушка двенадцати лет. У Ивашки сын Макарка. Двора и огорода длиннику семнадцать, поперечнику девять сажень”.

В прежнее время на Руси не было сословий в том виде, в каком они явились впоследствии. Не было их в собственном смысле и за весь период Московского государства. Всякий человек русский мог по обстоятельствам или вследствие призвания и способностей сделаться кем угодно, от крестьянина до боярина включительно, и мог быть священником, диаконом и причетником, дети не наследовали прав по отцовским заслугам. Резкое разграничение русских людей по сословиям явилось только с XVIII столетия, с реформами Петра, и начинает уничтожаться только теперь, с реформами Александра II. Духовенство в этом отношении не составляло исключения. За все время, с самого введения христианства и до заведения в прошлом столетии по епархиям духовных семинарий, священники-пастыри сельские и вообще весь церковный причт поставлялся из среды самой паствы, ничем не выделяясь из этой среды, разве только своей малограмотностью перед совершенною безграмотностью остальной массы. Причтовое потомство не всегда шло по стопам родителей: при благоприятных обстоятельствах оно получало места и в причте, начиная с низших степеней и доходя до священства, а то и снова обращаясь к прежнему состоянию своих родителей или, большей частью — к сохе и пашне, становясь черной сошкой — крестьянством.

Современное “Выписи” духовенство села Алгасова — три священника и весь остальной причт — вышло, по всей вероятности, из местного крестьянства и было поставлено в свои должности из местных или соседних начетчиков, людей, приобвыкших к церковному чтению и пению. Неудавшиеся безграмотные дети его пахали землю и обращались в крестьянство. От сохи и пашни, как подспорья к беспечному существованию, впрочем, не отказывались и сами алгасовские священноцерковнослужители до последнего времени; лишь только лет 30 назад, когда их обеспечение от прихожан значительно улучшилось и церковная земля поднялась в арендной цене, они стали игнорировать тяжелый черный труд хлебопашца и перестали копать в земле... Два священника Иван и Алексей — дети старика Марка Григорьева, должно быть, крестьянина, по прозвищу Созыкина; о нем в “Выписи” не сказано, что бы он был из духовного звания, или было бы сказано, если бы он был боярин, боярский сын и[ли] другого какого более знатного состояния, чем крестьянское.

Дьячок Данилка Борисов, именуемый сыном Поповым, был, без сомнения, сын прежде бывшего здесь священника — попа. Женатые дети священника Ивана — Мишка и Васька и дьячка Ерошки — Петрушка и Ивашка, из которых Петрушка уже имел сына Марка 5 лет, по всей вероятности, уже не годились для духовного звания, почему и оженены и приспособлялись к крестьян-

янству. Фамилии Созыкиных и Поповых носят в селе Алгасове и по настоящее время несколько крестьянских семей; и, по их семейным преданиям, предки их были здесь священниками даже в недалеком прошлом. Есть здесь и богатая семья Морозовых, в просторечии Дийковых, предок которой Дий был местным священником в конце прошлого [XVIII] столетия. Был здесь и диакон Кондрат Федоров, потомство которого разрослось в несколько семей. О причетническом потомстве фамилии Диаконовых и говорить нечего — его в Алгасове множество...

Когда здесь появились три штата причта с одним диаконом и с тремя причетниками (уж, конечно, не сразу появился причт в таком составе, а был здесь вначале, как и в других местностях, один священник с одним причетником), вопрос этот, как и вопрос о времени появления здесь церквей, остается опять пока без ответа. Неизвестны поименно и последующие лица причта, и количественный состав их до конца прошлого столетия. В конце этого [XIX] столетия причт двух церквей с. Алгасова состоит уже из четырех штатов — при каждой церкви по два штата. Число лиц в каждом штате увеличено еще на одного причетника в звании пономаря и при каждом двух священниках или при каждой церкви по одному диакону. Таким образом, в каждой из двух церквей с. Алгасова состояли в причте следующие лица: два священника, диакон и четыре причетника, а всего при обеих церквях было четыре священника, два диакона и восемь причетников — четырнадцать лиц духовенства. С какого времени явился такой причтовый состав после трехштатного и в меньшем числе состава, — также пока неизвестно, да и лица, служившие в здешнем причте преемственно с конца прошлого [XVIII] столетия, известны только по одной церкви Николаевской, впоследствии Рождества-Богородицкой, по их подписям в церковных документах, а имена членов причта вместе со сгоревшими в 1865 году документами этой церкви канули в вечность.

Причт Николаевской и затем Рождества-Богородицкой церкви состоял в конце прошлого века из следующих лиц: священников Исидора Кондратьева и Семена Афанасьева, диакона Кондрата Федорова, дьячков Василия Павлова и Евтихия Тимофеева и пономарей Диолида Герасимова и Семена Герасимова.

Необходимо и небезинтересно воспроизвести здесь в последовательном порядке служивших отселе в этой церкви священноцерковнослужителей по подписям их в означенных документах и, для наглядности, отдельно священников, отдельно диаконов и отдельно причетников особо по каждому штату; при чем обозначено будет время службы каждого из них и сообщены будут краткие сведения о тех из них, о которых сделать это окажется возможным.

Священники I штата:

Исидор Кондратьев. Служил до 1805 года, когда уволен был за штат, в 1818 году умер от удущья 67 лет от роду.

Антон Сидоров, сын предшественника. Служил с 1805 по 1809 г.

Евтихий Тимофеев, из здешних дьячков, вероятно, сын священника Тимофея Семенова (см. II штат). Служил священником с 1809 г. по 1818 г., в котором умер от чахотки 30 лет от роду.

Николай Павлович Алгасовский, из окончивших курс семинарии. Служил с 1820 по 1857 г. Был благочинным с 1848 г. В 1858 г., по распоряжению преосвященного Макария, перемещен на священническую должность в Темниковский женский монастырь, но туда он не явился, а согласно его прошению, назначен в село Ивановку Тамбовского уезда, где в октябре 1858 г. умер.

Архип Петрович Пятницкий, студент семинарии. Перемещен сюда из села Крякова, Моршанского уезда; до этого времени прошел множество приходов. Был правдив и плохо сживался с мирскими властями и с сильными мира сего — вот причина, почему он долго не засиживался на одном месте. Служил здесь с 1873 г. и умер 26 июля 1879 г. 63 лет от роду, за месяц перед тем уволившись за штат. Похоронен в ограду Рождественско-Богородицкой церкви.

Сергей Архипович Пятницкий, сын предшественника. Из окончивших курс семинарии в 1870 г. Был сельским учителем в селе Ольхах, Моршанского уезда. Перемещен сюда из села Ново-Софьино, Шатского уезда. Служит здесь с июля 1879 г., состоит заведующим, учителем церковноприходской школы при церкви.

Священники II штата:

Семен Афанасьев. Служил до 1810 г.

Тимофей Семенов, сын предшественника, служил до 1808 г.

Петр Иванов Пичаевский. Служил с 1808 г. по 1848 г. С 1827 г. по 1848 г. был благочинным. Умер здесь и похоронен при церкви.

Петр Симонович Симоновский, зять Пичаевского, студент семинарии с 1848 г. Служил 10 лет. В октябре 1858 г. умер от чахотки, похоронен здесь при церкви.

Иоанн Петрович Курсанский, шурин Симоновского и сын Пичаевского. Из окончивших курс семинарии. Определен сюда из безместных священников. В 1860 г. за нетрезвость и другие предосудительные поступки удален от места в селе Алгасове с низведением его на причетническую вакансию. Был после опять где-то священником. Жив и теперь, хлопочет о пенсии за 40 лет службы, но пенсия ему не дается.

Иоанн Петрович Кротков, из окончивших курс семинарии. Был здесь учителем сельской школы. Служил с 1860 г. по декабрь 1867 г. Перемещен

отсюда в г. Моршанск к Николаевской церкви, а теперь служит в пригородной Базиевской церкви.

Николай Васильевич Конобеевский, из окончивших курс семинарии. Перемещен сюда из села Спасских Бут, Спасского уезда. Служил здесь с 1867 г. по ноябрь 1876 г. Отсюда перемещен в село Лесное в Конобеево, Шатского уезда на место умершего родителя, где служит и теперь. Состоял там некоторое время благочинным. В промежутке времени между 1876 и 1886 гг. не было священника на этом месте.

Сергей Федорович Громов, из окончивших курс семинарии в 1876 г. Был сельским учителем, затем был псаломщиком и диаконом и священствовал в селе Ивановке Липецкого уезда. В селе Алгасове служил с 15 июня 1886 г. Состоит законоучителем церковноприходской школы.

Диаконы:

Кондрат Федоров. Служил до 1819 г.

Тимофей Кондратов, сын предшественника. Из пиетического класса. Служил при этой церкви с 1819 г. по 1831 г., а в этом году перемещен к Ильинской церкви.

Никита Федоров, перемещен к этой церкви из Ильинской в 1831 г. и служил здесь до 1841 г.

Анатолий Иванович Ястребцов, из среднего отделения семинарии. Служил с 1841 г. по 8 августа 1862 г. Был горяч и дерзок на руку. В 1862 г. в нетрезвом виде поссорился с местным священником Кротковским в доме сего последнего и на его жене изорвал платье и белье, за что и был судим и перемещен в село Островку, в 5-ти верстах от Алгасова, того же уезда. Оттуда в 1884 г., кажется, был определен в священники в село Суморьево, Темниковского уезда. Там, в 1886 г. подрался в церкви с несколькими прихожанами, за что и удален от места, но вскоре снова получил где-то место священника.

Матвей Тимофеевич Голубев, из низшего отделения семинарии. Был причетником в г. Моршанске, затем диаконом в селе Островка и отсюда перемещен в село Алгасово в 1862 г. С 1874 г. по 1884 г., за уничтожением диаконской вакансии состоял здесь штатным псаломщиком. В 1884 г. выбыл из Алгасова на священническую должность в село Островку, в последнее время был ведомственным духовником, скончался и похоронен в селе Островке.

Матвей Диомидович Мутасьевский, из высшего отделения духовного училища. С 1852 г. был дьячком, в 1862 г. посвящен во диакона на псаломщической должности. С 1885 г. состоит штатным диаконом. С февраля 1886 г. учительствует в местной церковноприходской школе безмездно. В 1904 г. уволился за штат и до сего времени жив: на его место поступил со взятием его внушки Алексей Сергеевич Покровский, из духовного училища.

Причетники:

Дьячки I штата:

Василий Павлов, дьячок. Уволен за штат в 1810 г. 2 октября 1812 г. умер 80 лет от роду.

Семен Герасимов, до 1810 г. был пономарем, а с этого времени до октября 1814 г. — дьячком. Умер на должности 51 г. от роду.

Иван Семенов, сын предшественника. Служил только несколько месяцев и 3 марта 1815 г. умер 12 лет от роду.

Ерофей Семенов, брат предшественника. Поступил на службу несовершеннолетним, женат в 1822 г. Служил с 1816 г. по 1822 г. дьячком, а с этого времени по 1830 г. — пономарем. Выбыл из причетников по собственному желанию и 1830 же году за чеканку монеты был сослан в Сибирь, а оттуда в 1850 г. возвращался в местность села Алгасова под именем крестьянина деревни Рыслей Якова Куликова, который тоже был сослан в Сибирь и там умер. Ерофей Семенов воспользовался его именем. Хотя крестьяне деревни Рыслей долгое время готовы были видеть в нем или действительно видели Якова Кулакова, их бывшего однообщественника, но жена Кулакова не признала его за своего мужа, и открыто было его настоящее имя. Почему в Тамбове он был наказан плетьюми и снова сослан в Сибирь, где, вероятно, и умер...

Михаил Сергеев, с 1810 г. по 1822 г. служил пономарем, и с этого времени по 1852 г. — дьячком. Умер заштатным в феврале 1863 г.

Матвей Диомидович Мутасьевский, зять предшественника (см. о нем выше).

Дьячки II штата:

Евтихий Тимофеев, до 1809 г. был дьячком, а после — священником.

Петр Антонов, служил с 1811 г., уволен за штат в 1854 г. и в 1855 г. умер.

Емельян Аверьянов Архистратиг, зять предшественника, служил с 1854 г. по 12 февраля 1872 г., когда умер.

Александр Филиппович Воскресенский, викарный диакон, из причетнического класса духовного училища. С 1872 г. по 1877 г. служил при этой церкви, с 1877 г. по 1886 г. при Ильинской церкви, после опять перемещен к настоящей церкви и в настоящее время состоит при этой церкви псаломщиком; занимается с 1887 г. обучением мальчиков пению в церковноприходской [школе].

Пономари I штата:

Диомид Герасимов, служил до 1812 г. 4 апреля 1815 г. умер от горячки 57 лет от роду.

Василий Трофимов, служил с 1812 г. по 1855 г. Умер на должности.

Аким Вуколов Устинский, зять предшественника. Служил с 1855 г. В 1860 г. менялся местом с пономарем села Русского, Моршанского уезда Николаем Федоровым Островским и опять возвратился назад. В 1864 г. перешел в село Сокольники, Моршанского же уезда. Был после в селе Высоком, Шатского уезда. Там, за неодобренное поведение, по уликам в неоднократном воровстве, удален от места с исключением из духовного звания. В настоящее время проживает в Борисоглебском уезде у брата причетника. Станный феномен представляет собой Устинский: с виду он нежен, постоянно трезв, тих и кроток и при разговоре с ним оставляет впечатление "красной девушки"; все это трудно вяжется с вышесказанным.

Иван Александрович Тархов, из низшего класса духовного училища. Перемещен сюда в 1864 г. из села Сокольниково. Служил при этой церкви до 1877 г. В этом году перемещен к Ильинской церкви. Умер в 1898 г. 4 ноября, а жена его Анна Максимовна умерла 22 ноября того же года. Похоронены они в ограде Ильинской церкви, на северной стороне алтаря. На могиле стоит памятник в виде аналая.

Пономари II штата:

Семен Герасимов. Был пономарем до 1810 г. (см. о нем выше).

Матвей Тимофеевич Голубев (см. о нем выше). С 1874 г. по 1884 г. за уничтожением диаконской вакансии состоял здесь штатным псаломщиком. В 1884 г. выбыл из Алгасова на священническую должность.

Ерофей Семенов, был пономарем с 1822 г. по 1830 г. (см. о нем выше).

Мартирий Яковлевич Страхов, был пономарем с 1830 г. по 1835 г. Отсюда перемещен на место диакона в Шатский уезд и впоследствии был священником в том же уезде. В заштате получал пенсию.

Яков Сидорович Безсонов, был пономарем с 1830 г. по 1840 г. Перемещен в с. Давыдово, Моршанского уезда, где в настоящее время состоит в заштате с 1886 г. и живет у сына псаломщика, которому сдал место.

Карп Диомидов, был пономарем с 1840 г. по 1858 г., находясь в заштате, умер в 1867 г. в селе Пеньках, Моршанского уезда у сына-крестьянина.

Василий Федорович Островский, из причетнического класса духовного училища. С 1858 г. по 1877 г. состоял при этой церкви. С 1877 г. по 1886 г. был при Ильинской церкви, а с сего последнего времени снова состоит при этой церкви в звании псаломщика.

Алексей Михайлович Архангельский — псаломщик из окончивших курс семинарии в 1884 г. Поступил на место диакона-псаломщика Матвея Голубева в августе 1884 г. Выбыл из Алгасова на псаломщическую же должность в Борисоглебский уезд в ноябре 1886 г.

Василий Островский, после Архангельского на I штате был псаломщиком, переведен из Ильинской церкви.

Андрей Ефимович Орлов, зять Островского, служил недолго, с домашним образованием, умер от перепоя.

Александр Иванович Кременецкий, окончил курс семинарии, служил немного, перешел в г. Лебедянь на ту же должность.

Николай Михайлович Яковлев, из миссионерской школы, служит в настоящее время.

Михаил Александрович Воскресенский, сын викарного диакона. Окончил курс семинарии, служил недолго, поступил в священники.

Василий Васильевич Вознесенский, зять Воскресенского, перешел из Екатериновки, из Алгасова выбыл в диакона в с. Рамзу, Моршанского уезда.

Василий Егорович Казанский, уволенный из семинарии, переместился в Елатомский уезд, служил недолго.

Александр Семенович Ушаков, из окончивших курс семинарии, вышел во священники в Липецкий уезд, оттуда перешел к Ильинской церкви с. Алгасова, где и священствует в настоящее время.

Борис Семенович Чернышев, из крестьян. Образование получил в церковной школе, был учителем, человек работы, с головой, сдал экзамены на диакона. Поступил в Усманский уезд. Побольше бы давала церковная школа подобных служак.

Для объяснения причин, по которым в промежутке времени между 1876 и 1886 гг. при Рождество-Богородицкой церкви не было второго священника и причетника: Тархов, Островский и Воскресенский были отчисляемы на это время к Ильинской церкви и затем снова двое из них — Островский и Воскресенский возвращены на прежнее их место, а Тархов оставлен при этой церкви, нужно обратить внимание на следующее.

В 1874 г. по распоряжению епархиального начальства, вследствие указа Св. Синода было составлено новое расписание приходов и причтов в нашей епархии. В селе Алгасове, при двух церквях по этому расписанию положено быть трем только священникам и при них трем псаломщикам и вакансии штатных диаконов упразднены. Священник Рождество-Богородицкой церкви Конобеевский и причетники — Тархов, Островский и Воскресенский признаны были сверхштатными. В 1876 г., по выбытии из Алгасова священника Конобеевского, одно священническое место при этой церкви было закрыто и поименованные сверхштатные причетники перечислены были к Ильинской церкви, причем с ними было отчислено туда же более 600 прихожан мужского пола и 53 десятины (из 198) земли этой церкви. Затем, когда в 1879 г. умер священник Архип Пятницкий, состоявший с 1874 г. настоятелем алгасовского прихода, и сделан был настоятелем этого соединенного с селом Тешаевым прихода протоиерей И. Тихонравов, а три алгасовских священника оставлены помощниками, от Рождество-Богородицкой церкви по новому раздельному акту еще было отчислено к Ильинской церкви 120 душ прихо-

жан мужского пола. С 1885 г., по распоряжению Св. Синода, стали восставляться упраздненные в 1874 г. церкви и причты, а также и вакансии штатных диаконов. Прихожане церкви села Алгасова по побуждениям бывшего здесь псаломщика Архангельского в конце этого же года возбудили дело об открытии в Алгасове прежде упраздненной четвертой вакансии священника с четвертым псаломщиком и об определении на священническое место его, псаломщика Архангельского. Вакансии эти Св. Синодом в марте месяце 1886 г. были открыты. Архангельскому же быть священником в Алгасове не удалось, хотя прихожане, разумеется, только заправили из них, наперекор алгасовскому духовенству бурно желали и домогались этого, порочя перед епархиальным начальством остальное духовенство, почему он поспешил тут же уйти из Алгасова. Дело это хотя из заурядных, но оно произвело порядочную сенсацию во всем алгасовском населении и в продолжение целого года сильно занимало алгасовцев.

Определен же был на вакансию священника к Рождество-Богородицкой церкви священник из села Ивановки, Липецкого уезда Сергей Громов, как гораздо старший и более послуживший пред Архангельским, а также в уважении его бедственного положения от пожара, где сгорел его незастрахованный, только что выстроенный дом и погибло при пожаре этом много имущества.

В настоящее время причт Рождество-Богородицкой церкви состоит из следующих лиц, как видно из вышеприведенного списка лиц, служивших здесь с 1781 г.: священников — Сергея Пятницкого и Сергея Громова, диакона Матвея Мутасьевского и псаломщиков — Василия Островского и викарного диакона Александра Воскресенского. Этот пятичленный состав причта есть нормальный состав по синодальному положению 1885 г. Такое количество причта и при Ильинской церкви. Согласно синодальному положению с 1891 г. состав причта при каждой из двух алгасовских церквей был уже семичленный — три священника, диакон и три псаломщика.

Усадебной земли под дворами и огородами, занимаемыми современными “Выписи” священноцерковнослужителями села Алгасова, в общей сложности было 2 десятины и 2197 кв. сажень. С увеличением числа причта увеличилось, вероятно, и количество усадебной земли для него; так что с течением времени набралось этой земли 5 десятин, которые и значатся с давних пор по церковным документам при Ильинской церкви. Но точное местонахождение ее в настоящее время определить довольно трудно. По рассказам старожилов, весь угол — мыс, образуемый в этом месте речкою Опшею, занят был двумя церквами села и священноцерковнослужительскими только жилищами с их огородами. И доселе этот угол носит название Поповки. Ко времени составления “Выписи” местность Поповки, по всем данным, представляла следующий вид: две церкви стояли на том же месте, где они и сто-

яли 30 лет тому назад... С северной и восточной стороны углом около них, сажень в 20—30 от них, тянулись жилища священнослужителей, огороды которых простирались до речки Опши. Южная сторона не была заселена и представляла берег той же речки шириною сажень в 50. Тут было кладбище. С того времени, о котором рассказывает "Выпись", русло этой речонки подвергалось большим изменениям. Так, с северной стороны, от горы оно подвинулось к югу сажень на 100, и через это огороды священноцерковнослужителей с этой стороны оказались разрезанными на две части — огороды до речки и огороды за речкою, а с южной стороны оно уклонилось почти на столько же далее к горе на противоположной южной стороне и дало возможность прибавившимся к причту лицам поселиться с этой стороны церковей — западнее от кладбища. Все это совершилось, конечно, не вдруг, не в один год, а постепенно, и мы видим в настоящее время местность эту во многих местах по теперешним огородам, с той и другой стороны бывших здесь церковей сильно изборожденную. Прежнее же русло с северной стороны горы осталось очень заметным: ежегодно оно порастает водорослями и речным кустарником, местами вода в нем сохраняется и не пересыхает в продолжение целого года; зовется оно "старою рекою". К слову сказать, речка Опша в былое время была, по рассказам сторожил, довольно многоводною, но, меняя свое русло, она в этой местности год от году мельчала все более и более и в настоящее время представляет из себя только ключ, по местному выражению, "воробью по колено". Все это произошло от постепенного уничтожения леса на близлежащей горе на постройки и поправки церковей и другие хозяйственные надобности населения и от окончательного его уничтожения в 1840 году.

Убыль многоводных рек в целой России объясняется подобным же явлением. Там, где есть лес, — не иссякает под тенью его и стоячая и текучая вода; выводится лес — высыхают и бывшие около него озера и мельчает река... С течением времени, при изменении русла речки Опши, а также при замене в причте одних лиц другими, явилась возможность лепиться здесь, на этой местности, в этом углу вместе с духовенством и родственникам и неродственникам духовенства — местным крестьянам, и Поповка представляет собой к настоящему времени население довольно скученное и разношерстное. Так что в данный момент становится трудным разобрать, где были подлинны усадьбы священноцерковнослужительские, т.е. где находятся границы тех 5 десятин усадебной земли, которая считается церковною и должна быть неотъемлемою собственностью местного служащего причта.

Когда к началу 1860-х гг. поднят был вопрос о постройке новых церковей в местности базара, срединной для всего Алгасова, возбуждался вопрос и о новых, взамен имевшихся, усадьбах для священноцерковнослужителей вбли-

зи этих церквей. Но, т.к. в этой местности не было свободных усадебных мест настолько, чтобы поместить их всех, и т.к. некоторые из главных лиц тогдашнего причта к тому времени только что выстроили себе новые дома на старом же месте и не старались об общем благе, то тогда же вопрос этот и оставлен был без разрешения, или точнее — предоставлено было решать его каждому в отдельности в случае его желания бросить старое место и поселиться поближе к церкви. (Сначала думали выстроить для всего села одну общую церковь — обширную на месте нынешней Ильинской церкви, но произошли разногласия и дело было сделано так, как обстоит оно теперь.)

Дальняя ходьба, особенно в грязь и слякоть, в церковь к службам и требам церковным сильно затрудняет теперешних священноцерковнослужителей, и все они, по возможности, стараются переселиться поближе к церкви, но этого удалось достигнуть до сего времени только трем лицам Рождество-Богородицкого причта: священнику и двум псаломщикам. Прибазарная и большедорожные усадьбы дорого ценятся занимающими их крестьянами; они редко соглашаются поменяться ими с лицами из духовенства, а если и соглашаются, то при этом выговаривают себе с сих последних в придачу, кроме расходов по перемещению, 200—300 и более рублей денег. Местность Поповки более здоровая и сухая, чем гнилые и грязные базар и большая дорога. Пожары, частые и опустошительные во всех других местностях, и преимущественно в базарной улице, в Поповке не были. С незапамятных времен поэтому, а главное — ввиду дороговизны перемещения, священноцерковнослужители и миряты с неудобствами ходьбы за версту к церкви и по несколько раз в день и продолжают сидеть на насиженных уже столетиями местах... При возобновлении четвертого штата причта прихожане было обязывались дать ему помещение при Рождество-Богородицкой церкви, т.е. поместить нового священника на свободном около церкви месте в плане большой дороги, а диакон, живущий теперь на конце базарного переулка, на границе с Поповкою, мог бы поместиться на заде его усадьбы, лицом к базару. Таким образом, весь причт этой церкви был бы вблизи ее, т.к. три члена ее жительствоуют уже там.

Что же касается причта Ильинской церкви, то ему ходить к своей церкви из Поповки гораздо ближе и суше, чем Рождество-Богородицкому к своей, и он не так тяготится этим. Нужда в более удобной усадьбе не тяготила бы более Алгасовский причт. Но когда на место четвертого священника назначен был не псаломщик Архангельский, как того желали заправилы общественные, а священник Громов, то эти заправилы всеми силами стали стараться о том, чтобы прежнее обязательство прихожан относительно усадьбы для четвертого штата не было исполнено. Священник Громов в апреле 1887 г. приготовил сруб для постановки его вблизи церкви на предполагаемом под усадьбу месте, навозил кирпичей и хотел производить закладку

фундамента, как явилось неожиданное препятствие к этому. Данный прихожанами приговор относительно обращения пустопорожного места около церкви под усадьбу священнику Громову так искусно был составлен теми, кому это было надо, присутствие по крестьянским делам не нашло возможным утвердить его.

Прихожане решились было разъяснить это дело и настоять на своем, т.е. исполнить свое обязательство, но священник Громов, не дожидаясь никаких разъяснений и проволочек по делу об усадьбе, т.к. весь материал для постройки им был приготовлен и рабочие наняты, принужден был поселиться на бывшей усадьбе диакона Голубева, на западном краю северной стороны Поповки.

Теперь священноцерковнослужители села Алгасова размещены так: два священника — Краснодубровский (Ильинской церкви) и Громов, диакон Вжинеvский и псаломщики Тархов и Кротков (все трое Ильинской церкви) живут по северной стороне Поповки, священник Золотницкий (Ильинской церкви) и диакон Мутасьевский — по южной стороне базарной улицы к востоку, священник Пятницкий и псаломщик Воскресенский — по большой дороге и псаломщик Островский — в конце базарного переулка к большой дороге. Таким образом, только первые пятеро занимают прежние священноцерковнослужительские места. Огородами за рекою с давних пор пользуются только четыре священника и диакон Ильинской церкви.

Очень характерно в "Выписи" описание церковной полевой и сенокосной земли: "К церквам Государева жалованья священникам Ивану и Семену и Алексею и диакону Ивану с причетники дано на прокормление земли из выгонов крестьянской земли 25 десятин в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов 300 копен. А межа той церковной земли — первому полю от березы, что стоит на бояраке*, что пал в речку Вопшу. А на березе две грани. Одна грань указывает поперек церковного поля, другая по столбовой дорожке к селу Алгасову. А от той березы на столб. На нем две грани. Одна грань указывает к березе, другая по столбовой дорожке к селу Алгасову на столб. На нем две грани. Одна грань указывает назад к столбу, другая поперек их церковного поля. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба поперек их поля на столб. На нем две грани. Одна грань указывает на столб, другая по столбовой дорожке к березе. Под столб кладено уголье и изгарины железные. Другому их церковному полю межа от столба, что стоит на столбовой дорожке. На нем две грани. Одна грань указывает поперек их церковного поля, другая по столбовой дорожке к селу Алгасову. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба по столбовой дорожке на

* Буерак, сухой овраг, водоройна, водомойна.

столб. На нем две грани. Одна грань указывает назад, по дорожке к столбу, другая поперек их церковного поля. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба на столб поперек поля. А на нем две грани. Одна грань указывает на столб поперек поля, другая по столбовой дорожке в степь на столб. На нем две грани. Одна грань указывает на столб по дорожке к селу Алгасову, другая поперек поля. Под столб кладено уголье и изгарины железные. Третьему их полю межа от столба, что стоит по столбовой дорожке. На нем две грани. Одна грань указывает поперек их поля, другая по дорожке к селу Алгасову. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба по проезжей столбовой дорожке к селу Алгасову на столб. На нем две грани. Одна грань указывает назад, в поле, к столбу, другая поперек их поля. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба поперек поля на столб. На нем две грани. Одна грань указывает поперек поля к столбу, другая в поле по дорожке. Под столб кладено уголье и изгарины железные. А от того столба в поле по дорожке на столб же. На нем две грани. Одна грань указывает к селу Алгасову, другая поперек их поля. А та земля отмерена к прежней их даче меж села Алгасова крестьянской пахоты. А санными покосами им, попом Ивану, да Алексею, да Семену, да диакону Ивану с причетники, — владеть прежними церковными санными покосами, которые им санные покосы дали полюбовно села Алгасова крестьяне изстари за речкою Островкою. А межа тем санным покосам от мосту и от дорожки, что ездят из села Алгасова через речку Островку на санные покосы. А от того мосту вниз речкою Островкою до устья Журавлиного ржавца, что впал в речку Островку, а от устья Журавлиного ржавца вверх тем ржавцем до дуба, что стоит на берегу того Журавлиного ржавца. На нем две грани. Одна грань указывает вниз Журавлиным ржавцем, другая поперек санных покосов на столб. На нем две грани. Одна грань указывает на дуб, что стоит у Журавлиного ржавца, другая по дорожке к речке Островке и мосту. И по тем граням и урочищам земля и санные покосы села Алгасова Николаевских попов⁵ Ивана и Алексея и Семена и диакона Ивана с причетники”.

Обеспечение сельского духовенства, не получающего за свою службу почти повсеместно в России определенного вознаграждения, подвержено большой случайности и колеблется в разных местностях. И в благоприятное или неблагоприятное время между удовлетворительным и совершенно неудовлетворительным. Наиболее правильный и определенный источник для своего пропитания и содержания сельское духовенство имеет в пользовании определенный надел земли. Большей частью одноклрные причты имеют в своем пользовании 33 десятины — это норма земельного надела церковной земли. Но в некоторых приходах, благодаря особым местным условиям, эта норма земельного надела для причтов значительно увеличивалась или по распоря-

жению правительства, или вследствие случайных пожертвований со стороны благотворителей из среды состоятельных прихожан*, оттого некоторые одноклрные причты имеют в настоящее время земельный надел в 50, 60, 70, 100 и более десятин, хотя такие наделы встречаются довольно редко. К числу этих редких причтов, по счастливой случайности, могут быть отнесены и причты церквей села Алгасова. По общим для обеих церквей четырем планам и межевым книгам, хранящимся в ризнице Рождество-Богородицкой церкви, четыре клира или штата** причта села Алгасова владеют 388 десятинами и 4428 саженьями. По 1-му плану и книге за № 36 земли значится 45 десятин и 1647 кв. саженьей; по 2-му плану и книге за № 37 — 46 десятин и 244 кв. сажени; по 3-му плану и книге за № 38 — 42 десятины и 715 кв. саженьей и по 4-му плану и книге за № 39 — 254 десятин и 1822 кв. сажени. На каждую церковь приходится, таким образом, 194 десятины и 2214 кв. сажени, а на каждый штат причта — почти три обыкновенные наделные пропорции земли.

Земля, об отводе которой к прежде отведенной за речкою Островкою санным покосам говорится в “Выписи”, находится на левой стороне речки Островки, между Алгасовым и этою речкою, и составляет в настоящее время ближнее поле церковное. По “Выписи”, пахотной земли 75 десятин в трех полях и 300 копен сенокоса. Эта земля изображена в трех первых планах и определяется в настоящее время в 134 дес. и 206 кв. саж. Земля за речкою Островкою, в 10 верстах от села Алгасова, вся изображена в одном четвертом плане, и ее 254 дес. и 1382 кв. саж. Вся церковная земля в настоящее время пахотная, сенокоса осталось только небольшая часть за речкой Островкой... По преданию, державшемуся в прежнем причте, земля за речкой Островкой была будто бы пожертвована церквям очень давно какою-то княгиней. Между тем в “Выписи” прямо говорится о санных покосах, которые по сделанному в “Выписи” описанию составляют всю в том месте церковную землю в настоящее время, “что они полюбовно даны были крестьянами попам изстари”.

Впрочем, и большая часть причтов местного благочиннического округа наделена очень достаточными наделами церковной полевой земли сравнительно с причтами других мест епархии; но село Алгасово превышает в своем

* Обычай жертвовать в церковь земельные наделы особенно был широко распространен в России. В Усть-Сысольском уезде Вологодской губ. был обычай «прикладывать в церковную казну пожни, обыкновенно на вечное поминовение приложившего. Таких прикладных могло быть больше ста, которые каждый год перед началом сенокоса, именно в Петров день... староста с церковными попечителями в присутствии священника продает “травой” односельчанам и мужичкам из соседнего села» (цит. по: Алексеева Н.В. Покаяние в православной традиции русских крестьян XVIII–XIX вв. Вологда, 1998. С. 122–123).

** В публикации 1916 г. — шести штатов (после 1891 г.) (примеч. публикатора).

наделе причтов и всех их. Из 24 сел округа имеют церковной земли на два причта села: Большие Кулики — 172 дес., Ракиша — 153, Карели — 100, Рыбное — 73, Александровка — 53; на один причт села: Темяшево — 90 дес., Серновое — 79, Новое Устье — 68, Давыдово — 64, Мутасьево — 62, Малые Кулики — 60, Хлыстово — 50, Кабыковка и Островка — по 49, Алкуша — 46, Платовое — 40; остальные только семь сел: Парский Угол, Старое Устье, Алкушские Борки, Пеньки, Малое Пильево, недавно образованные в самостоятельные приходы из деревень Питерка и Екатериновка, имеют обыкновенный надел в 33 десятины.

К настоящему времени межевые знаки церковной земли и в том и другом ее месте затерялись и от этого часть ее за речкой Островкой занята крестьянами села Кабыковки под свои огороды и гумна, а часть ближнего поля запахана крестьянами села Алгасова к своему полю. Почему духовенство села Алгасова и намерено для возобновления этих знаков вызвать землемера.

В прежнее время причты села при недостаточности содержания, получаемого от прихожан, лично обрабатывали свою землю, а теперь, когда арендная цена земли возвысилась и содержание от прихожан увеличилось, они сдают свою землю в аренду ближнепоместным крестьянам, а поле за речкою Островкой по большей части — крестьянам села Кабыковки, у которых она [земля] за огородами и которые поэтому платят за нее более выгодно, чем крестьяне села Алгасова, от которых она далеко. В настоящее время вся земля сдается погодно приблизительно за 3400—3600 руб. в год. Разделена⁶ она согласно теперешнему составу причта на 20 частей, из которых 12 священнических, 4 диаконских и 4 псаломщических. Значит, цена за каждую часть колеблется между 170 и 180 рублями, что составляет доход от нее для священника 510—540 руб., для диакона 340—360 руб. и для псаломщика 170—180 руб. Сдается она по частям каждым членом причта отдельно и разным лицам, почему цена частей еще более колеблется, т.к. некоторые члены, по требованию обстоятельств, вследствие нужды в деньгах, принуждены бывают сдавать ее дешевле других с тем, чтобы получить деньги за нее вперед за год или в кратчайшие сроки. Такая цена на землю существует не более 8—10 лет. Прежде же, лет 25 назад, арендная цена земли была в пять раз ниже, именно 24-я часть ее, иначе называемая диаконовскою, стоила 30 и немного более рублей. Затем, постепенно повышаясь, она дошла уже до настоящей цифры. Эта цифра не заставляет желать пока ничего лучшего.

Другим средством к содержанию духовенства в Алгасове, как и везде, служит добровольная плата прихожан за требоисправления для них. Это средство стало, можно сказать, достаточным только за последнее время. Увеличению платы за требы и молебны в приходах Рождество-Богородицкой церкви много способствовал покойный священник о. Архип Пятницкий, ко-

торый, не вымогая ничего от прихожан настойчиво, постепенно располагал их к более удовлетворительному вознаграждению своего причта за требы его. Не говоря уже о лицах теперешнего причта, служивших при нем, сами прихожане, разумеется, добропорядочные из них, с благодарностью вспоминают о нем за многие его благодетельные распоряжения по церкви и приходу и по поводу увеличения платы за требы и молебны, говорят: "теперь хорошо, а то — что было? как и сколько платили — стыдно сказать!" Теперь по братским записным тетрадям доход от прихожан достигает до 1000 руб. на штат в лучший доходный год, что составляет для священника до 600, для диакона до 400 и для псаломщика до 200 руб. в год. Кроме этого, печеного хлеба, получаемого от прихожан при требоисправлении, и меры ржи в год с двора за молебны в праздники в домах достает с избытком на прокормление причтовых семей круглый год. В прежнее же время, за 20—25 лет назад и много позже, содержание причта от прихожан было далеко не завидное, мизерное, как выражаются лица, оставшиеся в живых из тогдашнего причта: на дьяконовскую часть приходило не более 30—40 руб. в год, к тому же и хлеба, получаемого от них, не хватало на причтовые семейства — приходилось и его покупать. Ржи же тогда вовсе не собиралось; стали ее собирать вместо хлебов за праздничные молебны лет пять тому назад. Житие тогда, особенно низших членов причта, было тяжелое: содержать себя и семейство, и особенно воспитывать детей в школах на одни средства, получаемые от аренды за землю и от прихода, не было никакой возможности. Поэтому низший причт изворачивался пополнять свой бюджет средствами со стороны. Так, из оставшихся в теперешнем причте от тогдашнего лиц диакон Мутасьевский урывками от настоящего своего дела, большей частью по ночам, занимался письмоводительством у местных благочинных и в местном волостном правлении, от чего приобретал до 100 руб. в год. Псаломщик Островский переплетал книги и клал в избах местных крестьян печи; псаломщик — диакон Воскресенский занимался торговлею, которою он, впрочем, занимается и теперь через взрослого своего сына. Эти последние добавочных средств со стороны приобретали своими занятиями тоже не более 100 руб. в год.

А каково было содержание прежних причтов, и говорить нечего: прежний причт в Алгасове сам пахал и засеивал свою землю и содержание его, по рассказам старожилов, нисколько не разнилось от содержания среднеобеспеченных прихожан — крестьян, если по временам не было хуже. Теперешняя же плата алгасовских прихожан своему причту за требоисправления не заставляет пока желать лучшей, и вообще теперешние средства обеспечения этого причта от прихожан вместе со средствами от сдачи земли можно считать, при теперешних увеличившихся жизненных потребностях, удовлетворительными для безбедного или, по крайней мере, сносного существования его с семействами и воспитания детей в школах.

Заселение местности Алгасова

Дворы крестьянские в "Выписи" описаны следующим образом:

"...В том же селе Алгасове крестьянских дворов вычел: Ивашка Лазарев Глагазин. У него дети: Гришка — женат, Клепа — двадцати, Макарка — десяти лет. У Гришки сын Данилка году. У него ж сын Сенька, послан на службу на Дон в 181 (1673) году, у Сеньки сын Митька трех лет. Тягла под ним две десятины. Пришел он, Ивашка, Шацкого уезду из села Ялтуново в 158 (1650) году. — Мишка Ерофеев, сын Заломаев, у него сын Родька двух лет Тягла под ним четверть десятины. Пришел Рязанского уезду из Лакашинской волости в 159 (1651) году. — Данилка Прокофьев, сын Муханов. У него дети: Федотка двенадцати лет, Степка году. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Рязанского уезду из Лакашинской волости в 158 (1650) году. — Васька Федоров, сын Бабенит. У него сын Ларька осьми лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шатского уезду из села Березово в 155 (1647) году. — Зиновенка Иванов, сын Прохоров. У него дети: Мишка, Сенька — женаты, у него же внук Савка Фомин осьми лет. Тягла под ним полторы десятины. Пришел Шатского уезду из села Темяшево в 159 (1651) году. — Кленка Иванов, сын Прохоров. У него сын Фролка — женат. Тягла под ним десятина. У него же дети: Фотька да Васька, посланы на службу на Дон, Фотька в 181 (1673) году, Васька в 183 (1675) году. У Васьки сын Федотка шести лет. Пришел он и с детьми Шацкого уезду из села Темяшево в 159 (1651) году. — Данилка Харитонов, сын Прохоров. У него дети: Митька двенадцати лет, Трифонька году. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Темяшево в 154 (1646) году. — Евсютка Егунов. У него сын Тимошка четырех лет. Тягла под ним четверть десятины. — Фетька Егунов. У него дети: Максимка пятнадцати лет, Бориска тринадцати, Оська осьми лет. Тягла под ним полдесятины. Пришли с братом Евсюшкою Шацкого уезду города Черной слободы в 155 (1647) году. — Ивашка Лазарев, сын Глагазин. У него сын Васька полутоду, у него же пасынки: Якушка тринадцати лет, Гараська десяти, Костька девяти лет — Карпова дети Паршина. Тягла под ним полдесятины. Пришел Шацкого уезду из села Ялтуново в 159 (1651) году. — Кондрашка Иванов, сын Савин. Тягла под ним четверть десятины. Пришел он Шацкого города из Черной слободы в 105 (1597) году. — Петрушка Харитонов, сын Прохоров. У него дети: Гришка двадцати, Лазорка пятнадцати, Ксенка шести лет. Тягла под ним десятина. У него же сын Якутка, послан на службу на Дон в 183 (1675) году. Пришел Шацкого уезду из села Темяшево в 155 (1647) году. — Левка Назаров. У него дети: Мишка — женат, Гришка двадцати, Куземка двенадцати лет.

Тягла под ним две десятины. У него же дети: Васька, Сенька, посланы на службу на Дон в 181 (1673) году. У Васьки сын Ивашка шести лет. Пришел Рязанского уезда из села Иржевского в 148 (1640) г. — Мишка Назаров. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Рязанского уезду из села Иржевского в 148 (1640) году. — Сережка Назаров. У него дети: Андрюшка двадцати, Микишка шести и Тимошка четырех лет. У него же внук Гурка Афанасьев четырех лет. Тягла под ним полдесятины. Пришел Рязанского уезду из села Иржевского в 148 (1640) году. — Акимка Иванов, сын Сенчиков. У него сын Абрамка пятнадцати лет. Тягла под ним полдесятины. У него же пасынок Назарка Михайлов, послан на службу на Дон в 181 (1679) году. Пришел Рязанского уезду из села Белоомута в 164 (1656) году. — Стенька Афанасьев, сын Зелепукин. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Ялтуново в 164 (1656) году. — Андрюшка Микитин, сын Авсянников. У него дети: Андрюшка четырех лет, Митька году. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Рязанского уезду из Лакашинской волости в 155 (1647) году. — Лунка Иванов, сын Шупшанин. У него сын Гришка двух лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Студенца в 159 (1651) году. — Куземка Самсонов, сын Миронов. У него брат Гришка тринадцати лет. Тягла под ним полдесятины. Пришел Шацкого уезду из села Березово в 164 (1656) году. — Агапка Ильин, сын Серебряков. У него дети: Панфилка семи лет, Меркушка году. Тягла под ним полдесятины. — Ивашка Ильин. Тягла под ним полдесятины. Пришел с братом Агапкою вместе Рязанского уезду из села Летниково в 154 (1646) году. — Кондрашка Иванов, сын Горбунов. Отец Ивашки — увечен. Тягла под ним полдесятины. Пришел Шацкого городу из Черной слободы в 154 (1646) году. — Петрушка Иванов, сын Дольгов. У него дети: Кондрашка четырнадцати лет, Васка полугоду. Тягла под ним две десятины. У него сын Данилка, послан на службу на Дон в 183 (1675) году. Пришел Рязанского уезду из Лакашинской волости в 144 (1636) году. — Тимошка Иванов Болдырев. У него сын Назарка двенадцати лет. Тягла под ним десятина. У него же сын Федька, послан на службу на Дон в 181 (1673) году. У Федьки дети: Михейка трех лет, Елистратка году. Пришел Шатского уезду из села Темяшево в 168 (1660) году. — Гришка Иванов, сын Иванищев. Тягла под ним четверть десятины. — Абрамка Иванов, сын Иванищев. Тягла под ним четверть десятины. Пришел с братом Гришкою Рязанского уезду из села Ловец в 154 (1646) году. — Тимошка Назаров, сын Пузин. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Конобеево в 164 (1656) году. — Илюшка Гаврилов, сын Гарин. У него дети: Фетька десяти лет, Елисейка трех лет. Тягла под ним полдесятины. Пришел Рязанского уезду из села Городкович в 151 (1643) году. — Левка Степанов, сын Набережнов. Тягла под ним две десятины. У него дети: Оська да Сенька, посланы на службу на Дон; Оська в 181 (1673), Сенька в 183 (1675) го-

ду. У Оськи сын Федька трех лет. — Исайка Степанов, сын Набережных. У него сын Афонька — женат, а у Афоньки дети: Ивашка осьми лет, Микитка четырех лет, Васька году. Тягла под ним десятина. Пришли с братом Левкою Шацкого уезду из села Темяшево в 144 (1636) году. — Васька Лаврентьев, сын Федорищев. У него братья: Сидорка шести, Захарка четырех лет. Тягла под ним четверть десятины. — Ивашка Григорьев, сын Грич. У него сын Исайка двенадцати лет, у него же пасынок Макарка Федоров, сын Федорищев двенадцати лет. Тягла под ним десятина. Пришел Шацкого города из Черной слободы в 169 (1661) году. — Ивашка Данилов, сын Набережных. У него дети: Сенька шести лет, Макарка полугоду. Тягла под ним полдесятины. Пришел Шацкого уезду из села Темяшево в 107 (1599) году. — Левка Ильин, сын Ожен. У него дети: Якушка тринадцати, Серенька осьми лет, Гришка четырех лет. Тягла под ним полдесятины. Пришел Рязанского уезду из села Городкович в 154 (1646) году. — Савка Акимов, сын Карауловский. У него дети: Ивашка двенадцати, Ларька пяти, Фетька четырех лет, Алешка году. Тягла под ним десятина. Пришел Шацкого уезду из деревни Ямбирной в 148 (1640) году. — Екимка Дементьев, сын Карауловский. У него сын Захарка двенадцати лет. Тягла под ним десятина. У него же сын Гаврилка, послан на службу на Дон в 181 (1673) году. Пришел Шацкого уезду из деревни Ямбирной в 148 (1640) году. — Федька Наумов, сын Карауловский. У него сын Тимошка осьми лет. Тягла под ним две десятины. У него же живут того села крестьянские дети: Микишка Дмитриев, сын Рыльцов двадцати лет, Оська Леонтьев — женат, у Оськи сын Сенька двенадцати лет. Пришел Шацкого уезда из деревни Ямбирной в 148 (1640) году. — Пашка Васильев, сын Ямбирин. У него дети: Федька пятнадцати лет, Исайка тринадцати лет, Фомка десяти лет, Сидорка пяти лет. Тягла под ним десятина. Пришел Шацкого уезду из деревни Ямбирной в 154 (1646) году. — Ромашка Сырапин, сын Ушаков. У него сын Савка двух лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Березово в 107 (1599) году. — Кудряшка Григорьев. У него братья: Афонька шестнадцати, Колонка одиннадцати лет. Тягла под ним десятина. Пришел Шацкого уезду из села Оксельмеево в 103 (1595) году. — Игнатка Кузьмин, сын Пан. У него сын Филька пяти лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел из черкесских городов в 169 (1661) году. — Гришка Михайлов, сын Мерженов. Тягла под ним четверть десятины. — Васька Михайлов, сын Мерженов. У него дети: Мишка — женат, Оська пятнадцати лет, Петрушка шести лет. Тягла под ним десятина. Пришли с братом Гришкою из Кадомского уезду из деревни Черемных в 148 (1640) году. — Ивашка Трофимов, сын Ахват. Тягла под ним четверть десятины. Пришел нижнего города Ломова из Троицкого острожку в 106 (1598) году. — Мартинка Титов, сын Кувшинников. У него сын Потапка десяти лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села

Конобеево в 105 (1597) году. — Елизарка Алексеев, сын Ненашев. У него дети: Илюшка десяти, Андрюшка осьми лет, Андрюшка же полугоду. Тягла под ним полчетверти десятины. Пришел Шацкого уезду из села Конобеево в 164 (1656) году. — Ефимка Емельянов, сын Киселев. У него дети: Панька двенадцати, Сережка четырех лет. Тягла под ним полчетверти десятины. — Ивашка Емельянов, сын Киселев. У него сын Фомка осьми лет. Тягла под ним полдесятины. Пришли с братом Екимкою Рязанского уезду, Лакашинской волости из деревни Андросовой в 195 (1637) году. — Гришка Васильев, сын Солонин. У него братья: Афонька семнадцати, Купряшка четырнадцати лет. Тягла под ним десятина. У них же брат Якушка, послан на службу на Дон в 183 (1675) году. У Якушки сын Ефимка пяти лет. Пришел Шацкого уезду из села Соты в 106 (1598) году. — Мартинка Прокофьев. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Рязанского уезду из села Киструса в 106 (1598) году. — Мишка Антонов, сын Рылин. У него брат Сенька тринадцати лет — увечен. Тягла под ним четверть десятины. Пришли Шацкого уезду из села Конобеево в 179 (1671) году. — Бориска Екимов, сын Баранов. У него дети: Ивашка осьми, Сережка шести лет. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Конобеево в 159 (1651) году. — Бориска Родионов, сын Непряхин. Тягла под ним четверть десятины. Пришел Шацкого уезду из села Оксельмеево в 159 (1651) году. — Сидорка Сергеев, сын Вязьмин. Тягла под ним полдесятины. У него брат Игнашка, послан на службу на Дон в 183 (1675) году. У Игнашки сын Софрошка осьми лет. — Левка Потапов, сын Вязьмин. У него сын Петрушка шести лет. Тягла под ним полдесятины. У него же брат Петрушка, послан на службу на Дон в 181 (1673) году. У Петрушки сын Ивашка пятнадцати лет. Пришли Шацкого уезду из села Носины в 148 (1640) году. — Ивашка Степанов, сын большой Непряхин. У него дети: Сенька одиннадцати, Прошка девяти, Тимошка пяти лет. Тягла под ним две десятины. У него же дети: Спирька и Васька, посланы на службу на Дон; Спирька в 181 (1673) году, Васька в 183 (1675) году. У Васьки сын Меркушка году. — Ивашка Степанов, сын меньший Непряхин. У него дети: Никитка шестнадцати, Сидорка осьми лет, Макарка году. Тягла под ним две десятины. У него же дети: Алешка и Афонька, посланы на службу на Дон; Алешка в 181 (1673) году, Афонька в 183 (1675) году. Пришли оба с братом Ивашкою Рязанского уезду из села Долгинино в 148 (1640) году. — Мартинка Никифоров, сын Хохул. У него дети: Климка десяти, Гараска пяти лет, Ивашка году. Тягла под ним полдесятины. Пришел Рязанского уезду из села Долгинино в 148 (1640) году. — Васька Екимов, сын Татаринов. У него пасынок Еремка Иванов, сын Панков четырех лет. Тягла под ним четверть десятины. — Абрамка Марков, сын Волокитин. У него дети: Мишка, Фролка — женаты, Макарка шестнадцати лет, Якушка полугоду. Тягла под ним полторы десятины. Пришел Рязанского уезду из села Оксельмеево в 148

(1640) году. — Демка Иванов, сын Тохин. У него сын Левка пяти лет, у него пасынок... Тягла под ним десятина... Пришел Шацкого уезду из села... в 154 (1646) году. — Ивашка... Пришел Шацкого уезду из села Оксельмеево в 159 (1651) году”.

Чтобы обезопасить свои юго-восточные окраины от хищников-крымцев, Грозный задумал провести по этой окраине пограничную сторожевую линию из земляного вала со рвами и крепостями. Такая сторожевая по повелению его и была устроена к 1571 году князем Воротыньским. Она прошла от границ Литвы чрез Орел, Рязжск и наши города Шатск, Кадом и Темников вплоть до Волги.

С течением времени, по мере возможности, эта сторожевая линия отодвигалась все далее и далее на юг и юго-восток в степи и дикие поля крымских татар; на пути этого следования вперед явились наши города Лебедянь, Козлов, Тамбов и проч. Сторожевую воинскую службу отправляли собранные из разных мест государства низшие воинские чины. Поселенные здесь, они обязаны были строго охранять границу государства от вторжения чрез нее хищников-крымцев; в случае нападения последних в большом количестве, когда они сами не могли отразить их нападения, должны были давать знать об этом в Москву. За все это им давались в поместье и кормление в очень достаточном количестве земля и всякие при ней угодья. В крае мещерско-мордовском такую службу по сторожевой линии должны были нести местные жители этого края — мещера, мордва и оставшиеся здесь татары. При этом поселяемы были в этом крае и русские воинские чины, и вольные охотчие люди из разных мест, преимущественно выходцы из Малороссии, известные под именем черкас. За это время мещерско-мордовский край наш значительно обрусел и уже является со множеством основанных поселений с чисто русским типом, с русским гражданским строем, со множеством монастырей и церквей Божиих, и с этого времени уже совершенно перестает называться мещерскою страной.

В нашей местности, верстах в 20 на северо-восток от Алгасова, лет за 20 с небольшим до начала XVII столетия, с разрешения Грозного, основана была, с целью обращения в христианскую веру и просвещения оной местных инородцев, на реке Цне, в местности малонаселенной, в 18 верстах от Шатска, уроженцем с Дона старцем Матвеем иноческая обитель, посвященная имени святителя и Чудотворца Николая — ревнителя веры православной. Обитель эта по имени ее основателя долгое время звалась Матеевскою, затем после названа была Чернеевскою по черному, дремучему лесу, прежде там находящемуся (ныне Шатский Николаевский Чернев монастырь).

Старец Матвей и последующие за ним настоятели этой обители ревностно старались о просвещении окрестной идолопоклоннической мордвы и

мещеры верою во Христа, и проповеднический подвиг их был для них весьма нелегок. Инородцы эти, хотя и склонялись на их увещевания, причиняли им много хлопот и оскорблений: тревожили обитель грабежом, жгли принадлежавший ей пчельник, грозили разорить самую обитель и разогнать ее братию. Все это вынуждало как самого старца Матвея, так и последующих за ним настоятелей писать к правительству жалобы и просить у него помощи. Помощь эта являлась, и монашествующие при ней все ревностнее и ревностнее распространяли по окрестности веру во Христа и исполняли свое назначение. Старец Матвей почти первый в нашей местности положил начало обращению мещеры-мордвы в христианство.

Оставшаяся от того времени необращенною мещера-мордва в последующее время, в течение XVII века, при содействии правительства мало-помалу окончательно присоединились к христианству. Ввиду всего сказанного монастырь этот до настоящего времени вполне заслуженно пользуется уважением всех жителей окрестных сел, в частности — нашего села Алгасова.

Многие и очень многие в более свободное от трудовых занятий время, а преимущественно к 9 мая и к 29 июня, когда в Черневе монастыре вместе с праздниками монастырскими бывают и ярмарки, ходят в этот монастырь помолиться, поговорить и приобщиться Св. Тайн; для этой последней цели отправляются туда на неделю и на две, также и в Великий пост. Были случаи, когда некоторые из местных крестьян посвящали себя на служение Богу в иноческом звании именно в этом, с в о е м [монастыре]. Достойно сожаления, что к настоящему времени монастырь этот все более и более скуден в материальном отношении и едва поддерживает свое существование.

Когда в 1636 году стольник Роман Федорович Бабарыкин основывал город Тамбов и затем несколько лет был воеводою в нем, он вызывал в этот город, а равно и в уезд его, вольных и желающих людей из русских из Рязьска, Шатска, Рязани и др. мест селиться здесь. Множество людей явилось к нему на зов и продолжало являться в наш край и после него. Этим сходям отводились также земля и всякие угоды, а от них требовалось за это, чтобы они платили известный податный налог и, кроме того, отправляли тамбовскую солдатскую службу по городу Тамбову и по тамбовским крепостям и посылали из семей своих на воинскую службу на Дон.

Таким образом, русский элемент населения в нашем крае все более и более усиливается. Возникают все новые и новые поселки, строятся монастыри и церкви, распахиваются наши дикие степи и зачинается русская торговля; вместе с этим усиленнее заботятся и об обращении инородцев — мещеры, мордвы и татар — к христианству, в видах окончательного их обрусения, и правительство, и монастыри с церковными причтами, и частные лица. Инородцы эти или вследствие сознания превосходства христианства перед их прежнею верою, или по нужде зависимого их положения тысячами обра-

щаются в новую веру и подчиняются русскому государственному строю жизни. Но в то же время, при случае, сильно заявляют свою национальную особенность и стойко противодействуют и православной Церкви, и правительству. Так, архиепископ Рязанский и Тамбовский Мисаил, имевший сначала громадный успех в обращении инородцев нашего края к христианству, этими же самыми инородцами, именно — мещери-мордовским населением деревни Ямбирной, Шатского уезда, когда он там на Страстной неделе 1655 г. проповедовал веру Христову и увещевал некрещеных креститься, а уже крещеных — оставить прежние свои гнусные обычаи и обряды, был смертельно ранен, отчего и умер мученически в Четверток на Святой неделе.

При внутренних неурядицах и бунтах в государстве эти инородцы всегда стремились государственные неурядицы обращать в свою пользу, а к бунтовщикам присоединялись. Так было при самозванцах, при возмущениях Стеньки Разина и Пугачева. Все это объясняется, с одной стороны, тем, что принявши новую веру вследствие своего зависимого положения и не успевши проникнуться ее возвышенным учением и привязаться к ней, большая часть из них не любила этой веры, т.к. она не потворствовала, как их прежняя, чувственности, с другой — тем, что они сильно стеснены были податями и налогами в пользу казны, к тому же поставляемые к ним от Москвы воеводы и другие служилые люди не очень церемонились обирать и обдирать их в свою пользу.

Обращаясь к “Выписи” села Алгасова, видим следующее. На уцелевших листах ее описано 63 двора (последнюю страницу из уцелевших решительно нельзя разобрать). Из них прибыли на место поселения в село Алгасово из разных сел и деревень:

в 1595 г. — 1 двор	1647 г. — 6 дворов
1597 г. — 2 двора	1650 г. — 2 двора
1598 г. — 3 двора	1651 г. — 8 дворов
1599 г. — 2 двора	1656 г. — 5 дворов
1636 г. — 3 двора	1660 г. — 1 двор
1637 г. — 2 двора	1661 г. — 3 двора
1640 г. — 14 дворов	1671 г. — 1 двор
1646 г. — 9 дворов	

Прибыли из следующих 22 мест:

Шатского уезду из сел:

Ялтуново — 3 двора	Черной слободы — 6
Березово — 3	Конобеево — 5
Студенец — 1	Носины — 2
Оксельмеево — 5	Темяшево — 8
Соты — 1	д. Ямбирной — 4 ⁷

Кадомского уезду из:

д. Черемных — 2 двора

Рязанского уезду из сел:

Иржевское — 3 двора

Белоомут — 1

Летниково — 2

Городкович — 2

Киструс — 1

Долгино — 3

Лакашинской волости — 4

Той же волости деревень

Андросовой и Ловец — 2

Нижнего Ломова из Троицкого острожка — 1 двор

Из черкасских городов — 1 двор

Большинство прибывших падает на Шатский уезд — 38, затем Рязанский — 20, очень мало из других мест: из Кадомского уезда — 2, Нижнего Ломова — 1 и 1 из черкасских городов. Относительно только одного из 63 описанных дворов — двора Васьки Екимова, сына Татаринова с пасынком Еремкою Ивановым, сыном Панковым, “Выпись” не указывает ни места, откуда бы он прибыл, ни времени этого прибытия.

При сопоставлении сведений о населении села Алгасова, заключающихся в “Выписи”, со сведениями об общем ходе заселения нашего края, можно прийти к следующим соображениям.

Местность, занимаемая селом Алгасовым, лежащим в верстах 40 на юге города Шатска, ранее 1571 г., когда была проведена сторожевая линия через Шатск, была вне черты владений русских и не могла иметь в себе жителей из русских, а могло быть здесь, как в крае мещерско-мордовском, и население мещерско-мордовское. Мог здесь быть какими-либо судьбами и татарский поселок или поселок, смешанный из того и другого населения. После 1571 г., в ближайшее к этому году время, с перемещением означенной линии к югу, эта линия могла пройти и через местность Алгасова и самое село Алгасово могло быть сторожевым пунктом. В этот-то сторожевой пункт, очень вероятно, и вызывались жители из русских областей для отправления в нем сторожевой службы.

Приход в Алгасово указанных в “Выписи” восьми семей еще в XVI столетии, в годы 1595, 1598 и 1899, и может быть объяснен этим обстоятельством. Затем селиться в наш край шли люди из русских областей по зову стольника Бабарыкина с 1636 г. По “Выписи” оказывается, что в XVII столетии, начиная с этого только года и почти до времени составления ее, шли таковые люди и в Алгасово и их пришло из всех означенных описанных 63 семейства и одно из черкасских городов — семья Васьки Татаринова с пасынком Еремкою Панковым, о появлении которых в Алгасове “Выпись” ничего не говорит. Судя по их фамилиям, семья, должно быть, татарского происхождения.

Умолчание об их появлении в "Выписи" дает основание предполагать, не было ли здесь, прежде появления русских поселенцев, какого-либо поселка татарского или мещерско-мордовского. Если бы "Выпись" сохранилась вся в целости, можно было бы с достоверностью указать на время первого появления в местности села Алгасова пришлых поселенцев, а также можно бы было из нее видеть, из каких сел и местечек пришли эти первые поселенцы и, точнее, из каких элементов составилось село. Был ли здесь прежде какой-либо мещерско-мордовский или татарский поселок, или село начиналось пришлыми поселенцами — и на этот вопрос, может быть, дала бы ответ "Выпись", если бы мы имели ее в целом виде. Если же не было здесь прежде ни мещерско-мордовского, ни татарского поселка, то присутствие здесь лиц из этих племен может быть объяснено следующим обстоятельством. Область мещерско-мордовская граничит с Рязанскою областью. Следовательно, поселенцы Алгасова, пришедшие сюда из уездов Шатского и Кадомского, граничивших с Рязанскою областью, могли быть люди мещерско-мордовского племени, и таковых большинство; к тому же в некоторых из указанных местностях Шатского уезда (Березово, Оксельмеево и др.) жили и доселе живут и татары. Но тот и другой элемент в населении Алгасова к настоящему времени совершенно слился с русским и утратил почти все особенности своего типа. Разве только опытному в этнологических наблюдениях удастся найти ту или другую черту в общем облике и частных очертаниях принадлежностей лица, оставленную в наследие от тех народностей. Форма одежды и нарядов также не дает наблюдению никаких сведений в этом отношении. Впрочем, носимые алгасовскими женщинами высокие кички с рогами на голове, подзатыльники, расшитые золотыми и серебряными нитями, паневы и проч. — остаток от мещерско-мордовских женских нарядов — еще недавно вывелись из употребления. Что же касается разговорного народного наречия, то и в нем замечается немного таких отдельных слов и целых выражений, которые бы напоминали собою нерусское их происхождение, таковы, между прочим, "вусейка" и "надысь", употребляемые в рассказах о протекшем времени, "що" вместо "что" и немногие другие. Народный говор, по сравнению с соседними местностями, очень чист, почти литературен.

Достойно примечания, что описанные в "Выписи" древние и, быть может, первые церкви в селе Алгасове посвящены святым Димитрию Солунскому, Илии пророку и Николаю Чудотворцу, почитавшимся с самого введения на Руси христианства особыми покровителями и защитниками нашего отечества. Не лишено интереса и значения и то обстоятельство, что с самого начала Алгасова пользуется здесь особым уважением икона Божией Матери Одигитрии. Святителю Николаю и этой иконе посвящен издавна и двухпрестольный храм в соседнем селе Темяшеве. Край наш до окончательного занятия его русскими был, как выше сказано, достоянием мещеры-

мордвы и отчасти татар. Идя сюда на житье, русские должны были занимать каждую пядь земли здесь с опасностью для жизни; затем, основавшись здесь среди язычников и неверных, они как истинные христиане должны были всеми силами заботиться об обращении язычников и неверных к вере во Христа. Труд тяжелый и не по силам для человека без особой для него помощи свыше. Кого же при таких обстоятельствах нашим предкам, переселяющимся в страну, занимаемую народом неверным, диким и варварским, и было избрать себе в покровители, как не Матерь Божию Одигитрию, покровительницу всех путешествующих, странствующих и переселяющихся с благими целями. Затем, чтобы безопаснее и лучше устроиться на новом месте, кому неизбежное было бы им вручить себя, как не св. Димитрию Солунскому, всегдашнему защитнику и покровителю всякого доброго гражданского строя. Наконец, в деле обращения инородцев к вере Христовой кого им было лучше взять в руководители, как не св. пророка Илию и Николая Чудотворца — истинных ревнителей правой веры. Так они и поступили, и вера их в покровительство, защиту и помощь Матери Божией и означенных угодников Божиих не обманула их: под водительством святой иконы Божией Матери они благополучно достигли нового места для своего поселения; при помощи св. Димитрия Солунского они, хотя и небеспечно, строились на новом месте, а при руководстве св. пророка Илии и Николая Чудотворца им удалось и край, избранный для поселения, сделать христианским-православным. И не забывают этого покровительства и помощи им свыше алгасовцы. Глубоко почитались и почитаются ими Матерь Божия Одигитрия и поименованные святые и угодники Божии и свято чтутся дни их памяти.

VII

Разинцы и пугачевцы в Алгасове

Бунт Степана Разина не прошел бесследно для села Алгасова. Оно подверглось сожжению и разорению. Под 1670 годом в "Истории России..." Соловьева, издания 1861 года, отмечено между прочим следующее: "...воровские толпы, возмущившие нынешнюю пензенскую губернию, под начальством Мишки Харитонов и Васьки Федорова, решили завладеть Шатском. Бывшие здесь рейтарские полковники Зубцов и Зыков предупредили воров и 14 октября напали на часть их, стоявшую в селе Конобееве. Воры были все побиты, два атамана попались в плен с десятью казаками. Но этот успех не отвратил опасности от Шатска, и 17 октября полковники увидели у себя гостей: под город подступали главные толпы — с одной стороны Мишка Харитонов, с другой Васька Федоров. Воры были

отбиты и принуждены отступить в заповедный лес; рейтары преследовали их сюда и побили. Но, кроме этих двух шаек, в 20 верстах от шайки, в деревне Печиницах (ныне село Печины), в 20 же верстах от Алгасово, образовалось новое воровское гнездо особого рода: вместе с забунтовавшими крестьянами стояли здесь тамбовские казаки и солдаты разных слобод и сел, которым было велено идти на службу в шатский полк и к Хитрово. Из Печиниц они перебрались в Тамбовский уезд, на Рыбную пустошь, в село Алгасово, где и стали обозом под начальством Тимофея Мещерякова, разбойничая в окрестностях и призывая к себе крестьян рыбной пустоши. (...) октября Хитрово осадил воровской обоз под Алгасовым, приступил жестокими приступами, а село велел зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидели в воровском же обозе. На другой день, 23 октября, Мещеряков с товарищи начали бить челом, и Хитрово привел их к присяге на том, чтобы казаки и солдаты вперед служили государю, и он отпустил их в Тамбов. Но Мещеряков не пошел на службу, а опять стал наговаривать на воровство и на измену тамбовских служилых людей; многие послушались его и выбрали себе притоном село Червленое, в 20 верстах от Тамбова. Около Шатска не вдруг стало тихо: разбитые шайки Харитоновы и Федорова стягивались несколько раз в разных местах; три раза еще схватывались с ними государственные люди, и только после 19 ноября Шатский уезд успокоился”.

...Вот все, что можно извлечь из “Истории России...” Соловьева об участии алгасовцев в разинском возмущении. Село Алгасово сожжено и разорено. Но, вероятно, село и окрестности его были свидетелями и кровавых сцен и убийств, которые остались неописанными. В сообщении этом сказано только: “Хитрово приступил к Алгасову жестокими приступами”. Но в чем выразились эти жестокие приступы — неизвестно. Если бы “Выпись села Алгасова” имелась в том виде, в каком она вышла из-под пера составителей, может быть, можно бы было найти в ней что-либо и об этом событии, т.к. это событие чуть-чуть предшествовало составлению “Выписи” и должно было быть глубоко памятным жителям села.

Священники, помогавшие, по всей вероятности, назначенным от правительства лицам в составлении “Выписи”, если не при составлении самом, то после не преминули бы от себя добавить несколько строк об этом событии к доставленной им копии с нее, тем более, что оно, как близкое к описываемому времени по своим результатам, могло сильно влиять на численность народонаселения: могли остаться в семействах сироты без родителя и проч. Если “Выпись” говорит о посылке детей и братьев на службу на Дон, то о выбытии из семьи лиц в это грозное время и вовсе было бы сказано ею, т.к. такое выбытие должно было быть остаться не без влияния на экономический быт семьи без главы: сказывается о количестве тягла на каждом семействе, сказано бы было о том семействе и о тягле его, которое осталось без плательщика

за это тягло. А последнее могло было быть, т.к. крестьяне села Алгасова при вторжении к ним воровской шайки разинцев присоединились к ним и держались против правительственной рати Хитрово; а еще ранее, может, находились и такие из них, которые не пожелали вступать в воровской обоз и могли поэтому потерпеть от воров: в том и другом случае дело не могло обойтись без кровопролития. Вообще событие это было настолько крупное для села Алгасова, что неестественно допустить, чтобы составители писцовых и межевых книг, будучи на месте непосредственно после этого события, не сказали бы о нем чего-либо в самой "Выписи". Но, исходя все предположения о всевозможных сведениях, могущих заключаться в "Выписи", если бы она была в целом виде, в то же время нельзя не сознаться, что все эти предположения не более как предположения, не подтверждаемые пока никакими документальными указаниями и современными этой "Выписи" свидетельствами.

Теперь остается решить вопрос о том, где причина, по-видимому, такого ненормального явления, что жители села Алгасова в данном случае пристают к бунтовщикам и действуют вместе с ними против правительственного войска. Здесь дело идет о борьбе с врагом, разрушающим внутренний государственный строй, государству грозит очевидная опасность от этого врага, и правительственная власть вправе была рассчитывать найти себе поддержку в естественно пробуждающемся в подобных случаях чувстве самосохранения жителей. А тут действуют совершенно напротив этому чувству... По отношению к жителям села Алгасова вопрос этот решается очень просто: они, как и все другие, имели сыновей, племянников и внуков на Дону, откуда и с Волги главным образом возникло это казацкое движение против правительства, и которые могли быть и в воровской шайке, собравшейся в Алгасове, и, следовательно, надеяться на них правительству, как объяснил воевода Пашков, в это смутное время было нельзя. Кроме того, и главное всего, они в большинстве состояли из инородцев (мещеры-мордвы), которые хотя и были уступчивы к силе русских поселенцев и русского правительства, но, как показано было выше, во всяких удобных для них случаях всегда действовали против этих поселенцев и против русского правительства.

VIII

Село Алгасово в гражданском и церковноприходском отношениях

Период жизни алгасовского населения от времени составления "Выписи" и почти до половины настоящего [XIX] столетия по неимению каких-либо записей и документов от этого времени очень темен и поэтому поневоле должен быть пройден молчанием.

До 40-х гг. настоящего столетия крестьяне села Алгасова были удельными крестьянами и управлялись своим же Алгасовским удельным приказом, к которому относилось и множество окружающих, даже отдаленных сел и деревень. Около 40-го года Алгасовский удельный приказ был преобразован в Волостное правление и крестьяне села Алгасова с сего времени носят название государственных крестьян.

В настоящее время Алгасовскую волость составляют следующие села во главе с самим Алгасовым: Темяшево — в двух верстах на проселочной дороге к северу; Кадыковка — в 8 верстах к западу, и деревни: Погорелка — в 8 верстах вправо от Кадыковки и Грязновка — в 13 верстах еще правее и дальше на северо-запад от Кадыковки. Село Темяшево стоит на той же речонке Опше и издавна, как видим, тесно связано с Алгасовым. Село Кадыковка стоит на речке Островке и также издавна связано с Алгасовым. Деревни Погорелка и Грязновка составляют с Алгасовым одну сельскохозяйственную общину. Местоположение их обеих на той же речке Островке очень живописное, особенно Погорелки. Окруженная со всех сторон растительностью, в летнее время маленькая деревушка эта достойна кисти художника. Она стоит на полугоре; по откосам, точно ласточкины гнезда, лепятся крестьянские избышки со дворами, у подошвы горы серебристой змейкой вьется светлая, прозрачная речка Островка и теряется в зеленой чаще кустарника⁸.

По количеству ревизских душ мужского пола первое место в волости занимает село Алгасово с деревнями Погорелкою и Грязновкою, в которых числилось 3623 [души], второе место — село Темяшево, где их было 743, и последнее — село Кадыковка, в котором 529. По переписи 1881 г., произведенной статистическим отделением губернского земства, наличных душ мужского пола во всей волости оказалось 6145 и женского пола — 5912, из числа которых в Алгасове 4193 м.п. и 3949 ж.п. В Темяшеве 989 м.п. и 1048 ж.п., в Кадыковке 676 м.п. и 646 ж.п., в Погорелке 175 м.п. и 177 ж.п. и в Грязновке 112 м.п. и 92 ж.п. Домохозяев и дворов по X ревизии числилось по волости 860, из них в Алгасове с деревнями Погорелкою и Грязновкою было 626, в Темяшево 144 и в Кадыковке 90.

По переписи 1881 года, их оказалось 1611, из них: в Алгасове 1123, в Темяшево 277, в Кадыковке 184, в Погорелке 48 и в Грязновке 29. Таким образом, % прироста населения со времени X ревизии за 20 с небольшим лет для Алгасова с деревнями Погорелкою и Грязновкою выразился в 19,2, для Темяшево в 31,9 и для Кадыковки в 31,4, а число дворов по волости увеличилось почти вдвое. Последние обстоятельства объясняются частыми семейными разделами за последнее время.

По сведениям, добытым в Алгасовском волостном правлении, оказывается: количество всей удобной земли — усадебной, пахотной, покосов, земли под лесом, выгонами и пастбищами — по всей Алгасовской волости прости-

рается до 17 334 десятин и 1200 кв. саженей. Из этого количества Алгасово с деревнями Погорелкою и Грязновкою владеют 12 854 дес. и 2160 саж., Темяшево 2536 дес., и 1943 дес. и 1440 саж. остается на долю Кадыковки. За исключением из этого числа земли под лесом — строевым, дровяным и кустарником, — которой у Алгасовской общины 1311 дес. и 480 кв. саж., у Темяшевской 327 дес. и 1200 кв. саж. и у Кадыковки 77 дес. и 960 кв. саж.

Собственно земли, находящейся в постоянном пользовании, остается для Алгасова с деревнями Погорелкою и Грязновкою 11 543 дес. и 1620 кв. саж., для Темяшева 2208 дес. и 1200 кв. саж. и для Кадыковки 1866 дес. и 480 кв. саж. — всего 15 618 дес. и 960 кв. саж.

В сельскохозяйственном отношении вся эта земля по всей волости распределена таким образом: в Алгасовской с деревнями Погорелкою и Грязновкою общине земли под усадьбами, садами и огородами 549 дес. и 960 кв. саж., пахотной 9601 дес. и 1960 кв. саж., под лугами 852 дес. и 1440 кв. саж. и под выгонами 539 дес. и 2160 кв. саж.; в Темяшевской общине земли под усадьбами и огородами 133 дес. и 720 кв. саж., пахотной 1800 дес. и 1680 кв. саж., под лугами 211 дес. и 1440 кв. саж. и под выгонами 62 дес. и 2160 кв. саж. В Кадыковке земли усадебной с огородами 99 дес. и 1440 саж., пахотной 1544 дес. и 960 кв. саж., под лугами 79 дес. и под выгонами 143 дес. и 480 кв. саж.

Неудобной земли по всей волости 402 дес. и 216 кв. саж.: из них на долю Алгасова с деревнями Погорелкою и Грязновкою падает 241 дес. и 2160 кв. саж., Темяшево 125 дес. и 720 кв. саж. и Кадыковки 35 дес. и 1680 кв. саж.

Владеют своею землею крестьяне всей волости общинно, или всем миром. Вся общинная пахотная земля разверстывается между всеми домохозяевами по числу душ мужского пола от каждой семьи. Каждый домохозяин получает на свой двор то количество душевых наделов земли, какое ему приходится по числу душ мужского пола в его семье, оказавшемуся по последней переписи населения. При таком порядке владения общинной землей, если бы после переписи произошла или прибыль или убыль мужского пола, домовладелец продолжает владеть до новой переписи все тем же участком земли, какой ему пришлось получить при последней переписи, и, согласно этому порядку, все налоги и повинности казенные и общественные, денежные и натуральные несет по числу этих земельных наделов. Такой порядок, при изменяющемся с течением времени количественном составе мужского населения в семьях, ведет к тому, что одни семьи с избытком владеют надельною землею и самолично иногда даже не могут справиться с нею, а другие ощущают недостаток в ней.

Ввиду этого сознана необходимость, не дожидаясь каждой новой государственной переписи населения при ревизиях, переделывать общинную землю

на возможно краткосрочное время между наличными душами мужского населения. Крестьяне Алгасовской волости приступили к переделу своей общинной земли на такие наличные души в первый раз после X ревизии только в 1879 году; общество села Кадыковки, переделав в этом году свою землю, установило ежегодные переделы, для чего и проверяет наличное население мужского пола к 1 января каждого года и, согласно этой проверке, разверстывает свою землю. Общество села Темяшево переделывает свою землю на большие сроки, лет на 6. Алгасовская же община переделывает свою землю на наличные души в 1879 году, делило ее затем в 1882 и нынешнем 1888 годах: в первый раз на три года, во второй раз на шесть лет и в третий раз опять на три года. В настоящее время делится земля уже на 12 лет, исключая огородную, которая признана правительством неприкосновенною собственностью ее владельцев. Огородная земля при переделах также шла в раздел по душам, а в настоящий передел она уже, согласно распоряжению правительства в 1888 г., осталась неприкосновенною собственностью ее владельцев, и даже, по просьбам крестьян в местное, по крестьянским делам присутствие, восстанавливаются ее прежние до этих переделов границы.

При каждом переделе, как и при ревизиях, вся Алгасовская община разбивается на 15 десятков. Согласно этому и поля издавна распланированы на 15 участков. При каждом переделе избираются обществом 15 делильщиков, которые и решают, какому десятку где получить участок, и затем уже каждый такой делильщик делит доставшийся ему участок между всеми домохозяевами своего десятка по числу душ при них. Сенокос делится ежегодно, и лес при случающейся общественной порубке делится подобным же образом.

В каждом десятке было при ревизии по 240 душ, при переделах в 1879 году их уже было по 315, в 1882 году по 335, а в 1888 году их оказывается по 351 душе. Из всего количества удобной земли, поступающей в надел, при ревизии на каждую душу приходилось для Алгасовской с деревнями Погорелкою и Грязновкою общины 3 дес. и 720 кв. саж., для Темяшевского общества 3 дес. и 240 кв. саж., для Кадыковского 3 дес. и 1440 кв. саж.

В настоящее время на каждую наличную душу приходится этой земли в Алгасовской общине только 2 дес. и 1441 кв. саж., в Темяшевском обществе 2 дес. и 1200 кв. саж., в Кадыковском обществе 2 дес. и 1625 кв. саж. Преимущество в количестве надела землею перед всеми прочими в волости, оказывается, имели и имеют в настоящее время крестьяне села Кадыковки, крестьяне села Темяшево пользовались и пользуются самым меньшим наделом. Крестьяне Алгасовской общины занимали и занимают между другими сединою. Для всего алгасовского населения земледелие составляет главный промысел, хотя довольно значительная часть этого населения занимается и кустарными промыслами, и работами на стороне, а также ведет торговлю на местном базаре и на окрестных рынках...

А между тем как почва тощает, население умножается; количество же пахотной земли не увеличивается, как бы то нужно сравнительно с населением, поэтому население неминуемо должно идти к обеднению и уже идет быстрыми шагами. Особенно алгасовцы пострадали от неурожайных недавних лет: 1892, 1905 и 1908 гг.; в последние два года кое-что родилось, но в 1892 году был в полном смысле голод, и этот год в церковной летописи описывается так.

Голод 1891/92 года

Осень 1891 года была сухменная, наступило время сеяния ржи, а дождя все нет. Посев производился недружно: одни сеяли рано, другие поздно, взшло плохо. Надеялись на весну, а весной выпал один только небольшой дождь, поэтому надежда не оправдалась; по всему заключили, что предстоит голод. Настало время уборки, а убирать нечего, так что и семян не собрали. Благодаря принятым правительством мерам, семена были доставлены и поля посеяны в свое время. Сентябрь и октябрь народ кое-чем “бавился*”. С 1 ноября началась земская ссуда. Нуждающиеся разделены на три категории. 1-я получала с 1 ноября; таковых счастливых было немного, т.к. хлеба не было подвезено земством в достаточном количестве. 2-я получала с декабря, 3-я, с января 1892 года, и тут народ несколько ободрился; но все-таки нельзя было не опасаться голодной смерти, поелику выдача была недостаточна — от 20 до 30 фунтов в месяц на душу, исключая работников, предполагая, что они сами достанут себе хлеба посредством заработка. Предположение не оправдалось: они ели тот же самый пай, так как работы нигде не было. Вот тут-то уже плохо стало. По ночам (из-за стыда) ходили по окнам более зажиточных и просили хлеба. Народ пал духом: что можно было заложить и продать, все продано и заложено, а впереди еще много времени и много нужно хлебушка до будущего урожая. Бог наказал, и Бог милует. Правительство не дремало, оно рассылало по всем 25 губерниям, постигнутых неурожаем, своих особоуполномоченных, дабы на местах видеть нужду крестьян. Один из таковых, граф Бобринский, проезжал из Ново-Томникова, Шацкого уезда чрез Алгасово. Жители, узнав о его миссии, собрались в большом количестве. Как только граф спустился с горы и переехал речку, народ пал на колена и заслонил ему путь. На слова: “Что вам нужно?” последовал слезный тысячеустый ответ: “Хлебушка нет, есть хотим”. Граф воочию убедился в нужде. Картина такая тронула его сердце донельзя, и через три дня [было] образовано попечительство. Председателем был управляющий села Ракши Самуил Самуилович Гунт, членами — приходские священники Пятницкий и Краснодубровский и от крестьян — Клеманов. Для удобства Алгасово было разделено на три уча-

* Пробавлялся.

стка, каждый член знал свой участок и давал отчет в своих действиях. Средства были даны из особого Комитета, Высочайше утвержденного под председательством Его Императорского Высочества наследника Цесаревича. Попечительство энергично взялось за дело. В четыре дня приготовило пекарню, кухню и столовую. Под кухню приспособлены сени при южной башне, что на большой дороге, столовая — в ограде церковной, от той же башни к северу, в 18 аршин длины, с четырьмя рядами столов в длину, а пекарня — внизу у Назаровой, против церкви, для склада припасов служили два боковых помещения в колокольне. Все это оказалось удобно. 18-го марта, после молебна, все было окроплено св. водой и был первый обед, под названием "Пробный". Из одного котла емкостью в 22 ведра накормлено 162 человека: выдавалось по $1\frac{1}{4}$ ф. хлеба и жидкой каши ковш, равный бутылке. Алчущих была масса. На другой день готовилось в два котла и выдавалось хлеба по $1\frac{1}{2}$ ф. на человека. Столовая существовала до 1 июля. За все время было отпущено 21 999 порций горячей пищи, хлеба 168 пуд., гороховой муки 22 пуд. 15 ф., масла постного 9 пуд. 34 ф., соли 24 ф., капусты 45 пуд. 16 ф. Продано по дешевой цене 2 коп./ф. (базарная цена — 4 коп. за фунт) 378 пуд. 37 ф. Кроме сего, роздано на дома по 1-му участку ржаной муки 902 пуд. 20 ф., пшени 482 пуд. 31 ф., американской муки пшеничной, высланной из Америки жертвователями, 375 пуд. 35 ф. и гороховой муки 2 пуд. 15 ф. (всего по 1-му участку 1763 пуд. 3 ф.). Такое же количество было роздано и в двух других участках.

До учреждения сказанного попечительства при каждой церкви были открыты церковные советы. В эти советы поступали пожертвования из окружающих Благочиннических комитетов, каковые в свою очередь получали из Епархиального комитета голодающих. Помощь от комитетов была скудная — всего деньгами 57 руб. 84 коп., сухарей 13 пуд. 14 ф. и ржаной муки 120 пуд.

¹ На северных алтарных воротах очень часто в древних храмах изображался образ благоразумного разбойника. Это делалось, вероятно, в назидание и вразумление разбойничающим, которых в тогдашние времена было много. Составители литургии — святители Василий Великий и Иоанн Златоуст очень также часто, в особенности в XVI — XVII вв., изображались на полотенцах царских врат вместо евангелистов и Благовещения. Обычай писать их как патронов родителя своего ввел будто царь Иван Грозный. Царские двери со святителями он давал в дар некоторым церквям.

² Известно, что некоторые высшие породы животных, а именно собаки и обезьяны, а из птиц вороны, враны, сычи и др., в особенности же те, которые долго жили в сообществе людей, обладают, по крайней мере, предчувствием смерти и предстоящего в будущем разорения. Так, видно, что собака может предчувствовать перемену, могущую произойти с нею самой или с ее господином и благодетелем... и за несколько времени выражает энергично жалобным воем печаль свою. Как бы то ни было, признавать ли, что некоторые животные и некоторые птицы имеют предчувствие смерти и разлучения, или считать подобные случаи простою случайностью... алгасовцы, слыша вой собаки или крик ворона или сыча и

др., твердо убеждены в том, что это предвещает что-либо нехорошее и догадки их очень часто, по их словам, оправдываются. В подобных случаях они говорят: "Ну, завывла" (если собака, "закричал" — если ворон или сыч) и стараются во избежание грядущих несчастий и в обеспечение себя от них пришибить подобных предвестников их.

К подобного рода народным поверьям и предрассудкам нельзя не относиться скептически, но в то же время нельзя их вполне и игнорировать. Они, небезинтересные сами по себе, должны сделаться для последующих поколений предметом изучения с точки зрения исторической психологии. То же можно сказать и о всякого рода народных представлениях фантасматического характера, в которых всякая историческая действительность утрачивается и ее место занимают позднейшие домыслы часто нелепого свойства. Ввиду этих соображений и отмечаются в летописи подобные, по-видимому, нелепости.

³ Впоследствии оно было заменено изображением "Сидящего Спасителя на престоле".

⁴ Казанская икона Божией Матери, находящаяся в Шатско-Вышенской пустыни — местночтимая по всей Тамбовской губернии икона. В летописях пустыни записано много случаев благодатного чудесного исцеления от неизлечимых болезней, помощи и заступления в бедах... С 1862 г. с разрешения Св. Синода установлен торжественный крестный ход с этою иконою из пустыни в Моршанск в благодарность за двукратное избавление жителей его от холеры, и обратно.

Таковой же крестный ход был установлен и в г. Тамбове в память избавления и этого города также от холеры в 1871 г. Разрешение Св. Синода на этот крестный ход последовало от 11 мая 1877 г. за № 1483. В том и другом городе икона пребывает ровно по месяцу — с 14 мая по 14 июня в Тамбове, а в Моршанске весь август; при этом освящаются иконою почти все дома жителей этих городов. На пути следования в эти города и обратно в пустынь икона заносится и в села, лежащие на этом пути. В селе Алгасове она бывает ежегодно, на пути в Тамбов, в первых числах мая, не позднее 5—6 числа, и пребывает здесь иногда дня по два, обходя дома обывателей. Бывшая в 1866 и 1871 гг. холера в Алгасове не сильно и не долго свирепствовала здесь в 1866 г., начавшись в половине августа, она, с прибытием вышенской иконы, прекратилась к половине сентября. Иеродиакон Аполлинарий был едва ли не последняя ее жертва. По рассказам, он сильно трусил холеры и ему, действительно, пришлось умереть от нее. Из прихода Рождество-Богородицкой церкви умерло от холеры в этом году 33 человека.

⁵ Общее название духовенства попами — официальное, государственное название того времени. Почему алгасовские священноцерковнослужители называются в "Выписи" Николаевскими, — решить трудно. Не есть ли сохранившаяся при церкви копия с "Выписи" села Алгасова — копия позднейшей переписки с данной составителями писцовых и межевых книг копии, когда одна из церквей села Алгасова была уже Николаевской и по ней названы и священнослужители всего села Николаевскими. В Николаевской церкви и хранилась эта копия и затем перешла в Рождество-Богородицкую. Сравнительная разборчивость письма ее может отчасти служить основанием этой догадки. На это же наводят и следующие соображения. Измерение земли нынешними десятинами вошло в употребление только со времени Петра I. Ранее этого времени, до Грозного, вся земля на Руси измерялась сохами и обжами или просто обозначалась какими-нибудь живыми урочищами: реками, горами, оврагами, растущими деревьями и проч. Царь Грозный ввел для измерения земли в хозяйственном отношении четвертную меру для пашни и меру 10 копен для сенокоса. Четверть пахотной земли означала такое пространство пашни, на котором высевалась четверть ржи, а 10 копнам отвечало такое пространство луговой сенокосной земли, на котором накашивалось 10 копен сена. То и другое пространство равнялось приблизительно теперешней десятина. Такое измерение ими и производилось до самого времени Петра. При раздаче земель в частное и общественное пользование они и записывались в писцовых и межевых книгах не иначе, как четвертями и копнами, и были землями четвертной меры или четвертного письма. Если же в нашей копии с писцовых и межевых книг, составлявшихся гораздо ранее времени Петра,

мы встречаем отметку пахотной земли десятинами, то это могло быть сделано позднейшими переписчиками по встретившейся необходимости новой копии с копии "Выписи" с писцовых книг, переписчиками, при которых уже вошла в употребление эта мера вместо четвертей, как приблизительно равная им...

⁶ Разделена она, впрочем, согласно прежнему еще составу причта из 14 лиц на 24 части. Эти лишние четыре части выбывших причетников сдаются особо, по одной каждым причтом совместно, и доход от них поступает в общий причтовый доход. Новое деление своей земли на 20 частей по новому составу причта духовенством предполагается произвести при возобновлении межевых знаков.

⁷ Последние пять мест — особенно ближайшие к Алгасову. Выходцы из них приписывались к населению Алгасова еще и в недавнее время, а Темяшево только в двух верстах стоит от Алгасова, ныне Моршанского уезда, и состоит в одной волости с Алгасовым. Деревня Ямбирная в настоящее время состоит в Конобеевской волости, в 40 верстах от Алгасова. Это та самая деревня, где за проповедь христианства населением мещерско-мордовским был смертельно ранен архиепископ рязанский Мисаил.

⁸ Относительно деревни Погорелки на стр. 9 "Сборника статистических сведений по Тамбовской губернии" (1882. Т. III), в примечании под строками встречается следующий курьез: "По сохранившемуся у местных жителей преданию, деревня Погорелка возникла прежде Алгасова и имела приходскую церковь. Будто бы 160 лет тому назад часть жителей Погорелки переселилась на место нынешнего Алгасова ввиду, во-первых, выгод жительства у проложенной тут торговой дороги на Шацк, а во-вторых, в видах большего удобства пользования дальними частями своей наделной дачи, раскинутой не только до Алгасова, но и за речку Цну. Небольшой выселок из Погорелки постепенно разросся в нынешнее огромное промышленное село Алгасово, а Погорелка представляет небольшую деревню в 48 дворов".

На чем основано такое предание?! Во всяком случае оно не может быть достоверным. По "Выписи села Алгасова", гораздо ранее 160 лет, почти за 300 лет тому назад, в нынешнем селе Алгасове на указанном выше месте были уже две церкви с общею при них колокольней; кроме того, в "Выписи" не говорится ни о ком из сходовцев в Алгасово, чтобы он пришел сюда из Погорелки. Такое предание, вероятно, основано на том, что недалеко от деревни Погорелки по направлению к Грязновке замечаются рытвины и развалины, дающие основание предполагать существование здесь церкви. Действительно ли была здесь церковь или это место находилось под каким другим зданием, — вопрос темный.

Очень может быть, что церковь на этом месте и существовала — но когда это было? Может быть, время существования здесь церкви относится к очень далекому прошлому: от Погорелки недалеко граница Рязанской земли, и церковь, существовавшая здесь ранее освоения церковью в Алгасове, могла принадлежать и прежней Рязанской области.

Также может быть — церковь здесь построена в недалеком прошлом по нуждам выселившихся уже из Алгасова поселенцев Погорелки, но затем, по невозможности поддерживать ее малым количеством жителей поселка Погорелки, эта церковь была упразднена. Сведения же относительно возникновения деревни Грязновка, сообщаемые далее в том же сборнике, вполне верны. Там сказано: "деревня Грязновка существует около 70 лет, и старики так рассказывают о причинах ее основания: в начале XIX столетия в пограничной местности Моршанского и Шацкого уездов были еще большие леса и жители села Дьячи, Шатского уезда частью занимались разбоем. Между тем алгасовцы расчищали там лес, заводили новые пашни и часто терпели обиды от разбойников. Чтобы иметь некоторую охрану и убежище, общество Алгасово решило основать выселок на границе своей дачи около Дьячей. Охотой никто на этот выселок не пошел. Но мир пригласил водворить там 5 бедных семей, назначил место под усадьбы, построил избы и перевез вынужденных переселенцев на новое место.

Нынешняя Грязновка в 29 дворов имеет общее владение с Алгасовым и Погорелкою, но пользуется особо просторными усадьбами, выгонами, покосами, так что крестьяне Алгасова завидуют грязновским и намереваются строже уравнять свое душевое владение с ними".

Думается, что и деревня Погорелка возникла как Алгасовский выселок и населена так же силою беднейшими жителями из села Алгасова в тех же видах, как и Грязновка, только гораздо ранее. Может быть, таковые жители выселены из села Алгасова после бывшего здесь пожара — из числа погорельцев, причем вдоволь было отпущено им для постройки общественного леса. Этим можно объяснить происхождение названия самой деревни. Именно такое предание об этом приходилось даже и слышать от старожилов Алгасова, и это, пожалуй, вернее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение считаем необходимым сказать, что предлагаемая подборка материалов и для самих авторов текстов открыла новые горизонты поисков. Ясно высветилась важная мысль, что в основе православной религиозной традиции русского этноса лежали и вера, и церковная жизнь, и как результат этого — следование духовному идеалу, а в рамках повседневной жизни — ориентация на определенные нравственные нормы, выработку конкретного духовного опыта в трудовой и профессиональной деятельности, глубоко религиозное освоение социального и политического бытия. Поэтому Православная вера и выросшая на ее почве нравственность выполняли в обществе двойную роль: они подталкивали, устремляли человека к высокому духовному идеалу, раскрывали во всей полноте смысл жизни и одновременно производили перемены в самом человеке и его окружении, одухотворяли и облагораживали сферы его бытия.

Все это принципиально отличает Православную веру от идеологии (особенно, когда таковая предлагается вместо веры), от разного рода искусственных идейных моделей, упрощающих действительность ради возможности внешним образом манипулировать человеческим сознанием и эмоциями, а не обращаться к его духу и совести. Вот почему некоторую часть народа нужно было в дореволюционное время сначала отвратить от веры и церкви, а потом уже преподнести идею устройства земного рая — социализма и коммунизма. Так же нужно было физически уничтожить тех, кто явно сопротивлялся после революции навязыванию жизни по законам идеи, идеологии. И хотя, как свидетельствуют представленные в настоящей книге статьи, вера имела в дореволюционной России много укреплений: и самодержавную власть, и сословное устройство общества (общественное мнение во многом опиралось на сословные структуры), и, конечно, авторитетную для большинства народа Православную Церковь, но тем не менее все, кроме Церкви, было разрушено.

В страшном молохе революции и воинствующего богоборчества среди христиан уцелели и совесть, и любовь, и человечность, что давало им возможность адекватно оценивать происходящее и не терять силу духа. Христиане оказались неподвластны идеологическому дурману, эйфории достижения светлого земного будущего ценой уничтожения всех неугодных. В публикациях, посвященных советскому времени, присутствуют яркие свидетельства того, как сохранялось это самое главное, на чем стоят традиция и культура народа.

Специфика этнографической работы состоит в том, что этнограф в процессе полевой экспедиционной деятельности опрашивает носителей традиции и тем самым напрямую обращается к личности и к тому, что ее окружает. Полевой материал и полевые наблюдения уникальны еще и своей возможностью видеть плоды идеологического и духовно-религиозного воспитания в человеке.

Сейчас интенсивно вводятся в научный оборот источники по православной религиозности, такие, как заветания, церковные летописи, воспоминания, письма простых людей.

Церковные летописи до сих пор в большинстве своем являются достоянием архивов. А они могут дать много нового к оценке духовной и хозяйственной жизни всех слоев общества на период XIX — начала XX в. Часть их опубликована в церковной периодике дореволюционного времени, но и та ныне мало доступна массовому читателю. Сейчас во многих церквях возобновилась практика ведения летописей и исследователи могут работать с ними при написании работ по церковной жизни и современному состоянию религиозности народа.

Принципиально важными видами источников для данной темы являются собранные во время полевых экспедиций воспоминания простых людей о религиозной жизни, описания фондов домашних библиотек, книг и рукописей, а также имеющиеся в домах верующих духовные раритеты, в том числе и святыни.

Тема "сословной" религиозности может быть плодотворно продолжена в последующих трудах, так как растут обилие и разнообразие накапливаемых материалов. В будущем возможно удастся фундаментально представить тему "сословной" религиозности в России. И важной вехой на этом пути видится выявление рецидивов религиозно-сословного сознания у современного сельского и городского населения.

Мир сословной структурированности общества принципиально отличен от классовой структурированности. Сословия были необратимо, насильственно разрушены, но остались люди, в чьих жилах течет кровь дворянина, крестьянина, купца, мещанина, священника. Хотя сословная идентичность сама по себе здесь даже не главное. Важнее то, что в основе религиозно-сословного чувства была заложена мысль о святости служения на своем месте Богу, царю, России, ее народу, земле, правде, истине, красоте. Отсюда и вырастали кодекс чести как благочестия и святость долга у дворянства; живая и глу-

бинная православная культура любви к земле, практика взаимопомощи, милосердия, терпимости и сострадательности у русских крестьян (это сословие так и называлось — крестьяне, т.е. христиане); сметливость, находчивость, сноровка, щедрость, широта у русского купечества; изумительная красота быта, садов, практики рукоделий у жителей городов; общая всесословная культура отношения к царю, в котором чтили помазанника Божия, непостижимого в своей силе, но нравственно близкого и доступного. Подобный контекст важен для понимания той особенности существования традиции в нашей стране, которая касается проявления гражданских и патриотических чувств у русского народа и в целом его державно-строительных способностей.

Обратить внимание современного общества на некоторые принципиальные особенности воспроизводства традиционной православной культуры во времени, на специфику существования ее сегодня было в числе важнейших задач нашего сборника. Ведь до сих пор ученые, политики, деятели культуры расходятся в своих оценках на этот счет. А между тем именно традиционная православная культура в России несла и несет в себе не только образцы культурных ценностей, эталон этих ценностей, но и способность воспроизводства их, не зависящую от прихотей времени и моды. Обращение к религиозной стороне традиции позволяет представить путь ее бытования в России во всей реальной глубине и снять неверные оценки и ярлыки, которые она получила в советское время. Культурные образцы, созидавшиеся религиозным духом во имя религиозно-духовной цели, должны и оцениваться в системе координат, в которой они были созданы. Только в этом случае мы можем говорить и о реальном понимании процессов, которые происходили внутри традиционной культуры и которые напрямую не были связаны с православной религиозностью (то, что принято относить к сфере материальной культуры). Исследование православной религиозности в этносоциальной, профессиональной и другой среде сегодня открывает перед учеными громадное поле деятельности.

О.В. Кириченко

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЭА — Архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук
АРГО (АГО) — Архив Русского географического общества
ВИ — Вопросы истории
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГАРО — Государственный архив Рязанской области
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ЖС — Живая старина
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
КОА — Калужский областной архив
ОИОГ — Общество изучения Олонецкой губернии
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ПМА — Полевые материалы автора
ПСЗ — Полное собрание законов
РА — Русский архив
РВ — Русский вестник
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ (РО) — Российская государственная библиотека (Рукописный отдел)
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РИМ — Российский Исторический музей
РИО — Русское историческое общество

РНБ (РО) — Российская национальная библиотека (Рукописный отдел)

РС — Русская старина

РЭМ — Российский этнографический музей

ЦГА МО — Центральный государственный архив Московской области

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских

ЭО — Этнографическое обозрение

Архим. — архимандрит

Вмц. — великомученица

Вмч. — великомученик

Вмчч. — великомученики

Вол. — волость

2 Кор. — 2-е послание к Коринфянам

Губ. — губерния

Еф. — Послание к ефесянам

Ин. — Евангелие от Иоанна

М. — матушка

Мк. — Евангелие от Марка

Мф. — Евангелие от Матфея

Мц. — мученица

Мч. — мученик

Обл. — область

Окр. — округ

О. — отец

Прав. — праведный

Правв. — праведные

Прп. — преподобный

Прпп. — преподобные

Пс. — Псалтирь

Св. — святой

Свт. — святитель

Свтт. — святители

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>О.В. Кириченко</i>	3
ПОЧИТАНИЕ СЯТЫНЬ РУССКИМИ ДВОРЯНАМИ (XVIII столетие) <i>О.В. Кириченко</i>	8
ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ В РУССКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ДОМЕ. <i>М.М. Громыко</i>	66
ТАЙНАЯ МИЛОСТЫНЯ. <i>Л.А. Тульцева</i>	90
НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕТОРОЖ- ДЕНИЕМ. <i>Т.А. Листова</i>	101
РЕЛИГИОЗНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА И ДРУГИХ СОСЛОВИЙ ПО МАТЕРИ- АЛАМ ДУХОВНЫХ ЗАВЕЩАНИЙ. <i>И.А. Кремлева</i>	128
ПРАВОСЛАВИЕ В РУССКОЙ АРМИИ XIX – НАЧАЛА XX в. <i>А.В. Буганов</i>	140
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В РОССИИ В XIX в. <i>С.В. Кузнецов</i>	156
ДУХОВЕНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬЯ (XIX – первая треть XX в.). <i>Г.Н. Мелехова</i>	179
ПРАКТИКА РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПОСТА В XX ВЕКЕ (1917–1991 гг.). <i>Т.А. Воронина</i>	209

ПУБЛИКАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СТАТЬЕ “ДУХОВЕНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬЯ (XIX – первая треть XX в.)”. Публикация <i>Г.Н. Мелеховой</i>	245
ПИСЬМА ОПТИНСКОГО СТАРЦА ПРЕПОДОБНОГО АМВРОСИЯ (ГРЕНКОВА) К СХИМОНАХИНЕ МАРИИ (ПОЛИВАНОВОЙ). Публикация <i>Л.А. Верховской</i>	264

ТРОИЦЕ-ОДИГИТРИЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ В 1920-е годы. Публикация Л.А. Верховской	279
“СОКРОВИЩЕ БЛАГИХ...” (Письма верующих 30-х годов XX в.). Публикация Г.П. Дурасова	299
ЧЕРНИЧЕСТВО И СЕКТАНТСТВО В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1850-е годы. Публикация С.А. Иниковой	377
ЦЕРКОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕЛА АЛГАСОВО. Публикация С.В. Кузнецова ...	399
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О.В. Кириченко	463
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	466

Научное издание

**ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА
И ТРАДИЦИИ БЛАГОЧЕСТИЯ
У РУССКИХ
В XVIII–XX ВЕКАХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

Утверждено к печати

Ученым советом

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор Л.И. Тормозова

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор В.В. Лебедева

Корректоры А.В. Морозова, Е.Л. Сысоева

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 06.03.2002

Формат 70 × 90¹/₁₆. Гарнитура Академическая

Печать офсетная

Усл.печ.л. 34,5 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 37,5. Уч.-изд.л. 34,2

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3150

Издательство "Наука"

117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга-почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой"); (код 3832) 35-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (13) 3-38-60

443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"); (код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;

(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-94-64

По вопросам приобретения книг

просим обращаться также

в Издательство по адресу:

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел. факс (095) 334-98-59

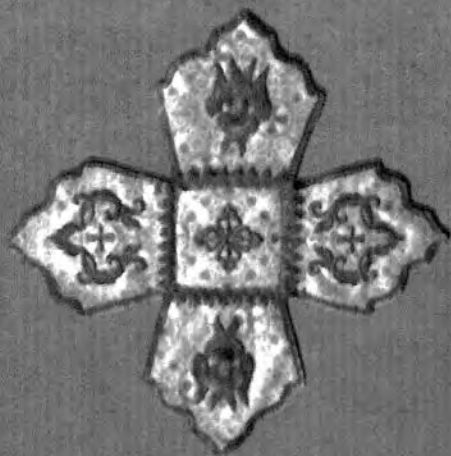
E-mail: initsiat@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

240/1

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА

и традиции благочестия
у русских
в XVIII–XX веках

ISBN 5-02-008736-X

9 785020 087361

«НАУКА»